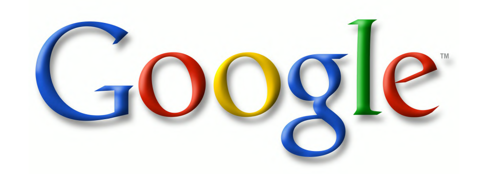
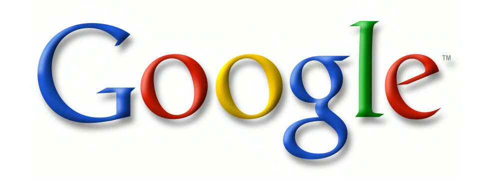
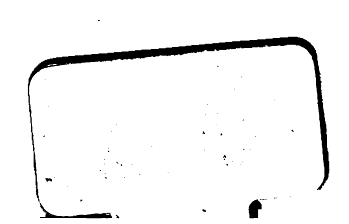






232

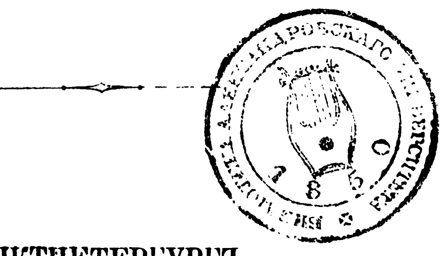
РУССКІЕ

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

ИЗДАНІЕ

А. ЛЮБАВСКАГО.

ТОМЪ II.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ «ТОВАРИЩЕСТВА ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», ПО МОЙКѢ, № 5.

1867.

JAN 1952
LIBRARY

ВВЕДЕНІЕ.

Сочувствіе публики и одобрительные отзывы журналовъ, встрѣтившіе появленіе перваго тома «русскихъ уголовныхъ процессовъ», побудили насъ издать второй томъ этого сборника *).

Въ настоящее время тѣмъ болѣе является необходимымъ ознакомиться съ уголовными дѣлами нашего отечества, что почти каждое полноправное лицо (ст. 81—88 учрежд. суд. уст.) можетъ быть призвано въ качествѣ «присяжнаго засѣдателя» къ постановленію приговора о судьбѣ своего ближняго; чтеніемъ-же уголовныхъ процессовъ, представляющихъ юридическій интересъ, пріобрѣтается *навыкъ*: въ разрѣшеніи вопросовъ о вмѣняемости, въ распознаніи уловокъ, употребляемыхъ подсудимыми для своего оправданія или для оговора невиннаго, въ изслѣдованіи мотивовъ, иногда тщательно скрываемыхъ, побудившихъ къ преступленію, въ обсужденіи доказательственности уликъ, въ изученіи тѣхъ особыхъ характеристическихъ признаковъ, которые сопровождаютъ каждый своеобразный видъ преступленія (напр. поддѣлку монеты, кражу денегъ съ почты, совращеніе въ расколъ, дѣянія направленныя противъ нравственности, распространеніе клеветы, дуель и т. п.).

Другія-же дѣла представляютъ интересъ не столько юридическій, сколько общественный, такъ процессъ по обвине-

*) Слѣдующіе томы, (начиная съ IV-го), будутъ состоять изъ дѣлъ, производившихся въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ.

нію подольскихъ предводителей дворянства, подписавшихъ всеподданнѣйшее прошеніе преступнаго содержанія, съ ходатайствомъ о включеніи западныхъ губерній въ составъ царства польскаго, на томъ основаніи: «что образованность и общественная жизнь (западной Руси) съ незапамятныхъ временъ напечатлѣны характеромъ исключительно польскимъ», и подобное же дѣло о бывшемъ рогачевскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства *), служатъ для русской читающей публики любопытнымъ свидѣтельствомъ: той аббераціи мышленія и той политической безтактности, которыми столь часто отличаются польскіе дѣятели во всемъ, что̀ касается отношеній западныхъ и польскихъ губерній къ Россіи.

Наконецъ, желая, чтобы этотъ сборникъ служилъ къ ознакомленію со всѣми сторонами народной жизни, мы помѣстили въ настоящемъ томѣ цѣлую группу уголовныхъ дѣлъ, истекавшихъ изъ отношеній помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ до освобожденія послѣднихъ отъ крѣпостной зависимости. Чтеніе этихъ процессовъ, (могущихъ послужить канвою для романа въ родѣ «хижины дяди Тома»), выставляетъ вполнѣ рельефно, какую язву составляло крѣпостное право въ нашемъ государственномъ организмѣ и въ частномъ быту, какимъ ужасающимъ злоупотребленіямъ, (изъ которыхъ огромное число осталось нераскрытымъ) оно давало поводъ, и на сколько незабвеннымъ является мѣропріятіе 19 февраля 1861 г., задуманное и выполненное по иниціативѣ Нашего Великаго Государя.

---

*) Упомянутыя дѣла изложены нами въ томъ видѣ, какъ они были напечатаны въ 1863 г.

РУССКІЕ УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

Дѣло по обвиненію бывшихъ предводителей дворянства подольской губерніи въ подписаніи всеподданнѣйшаго прошенія преступнаго содержанія.

Дворяне подольской губерніи, собравшись въ сентябрѣ 1862 года въ г. Каменцѣ, имѣли на квартирѣ своихъ предводителей совѣщанія, на которыхъ былъ обсуждаемъ вопросъ о поднесеніи его императорскому величеству всеподданнѣйшаго прошенія относительно нуждъ края.

Совѣщанія эти имѣли то послѣдствіе, что дворянство, по открытіи собранія 19 сентября, постановило поднести государю императору прошеніе, въ коемъ, подъ предлогомъ удовлетворенія потребностямъ и нуждамъ губерніи, ходатайствовало о присоединеніи не только ихъ губерніи, но и всего западнаго края, въ административномъ отношеніи, къ Царству Польскому.

Означенное прошеніе дворянства слѣдующаго содержанія:

«Августѣйшій Монархъ! Пользуясь правомъ непосредственнаго заявленія мѣстныхъ потребностей предъ лицомъ Вашего императорскаго величества, дворяне подольской губерніи осмѣливаются высказать одно всеобъемлющее желаніе края, съ непоколебимою вѣрою въ представительство сословія своего относительно всѣхъ, обладающихъ гражданскимъ сознаніемъ въ краѣ. Русь, соединенная съ Польшею торжественнымъ и добровольнымъ люблинскимъ договоромъ, цѣлыми поколѣніями принимала формы родственной цивилизаціи. Образованность и общественная жизнь ея съ незапамятныхъ временъ напечатлѣны характеромъ исключительно польскимъ. Источникомъ силы и сохраненія польскаго элемента, независимо отъ послѣдовавшихъ политическихъ переворотовъ, есть

лежащая въ основаніи его идея народнаго представительства и гражданской свободы. Въ продолженіи послѣдняго полувѣка политика, противная господствующему въ этомъ отношеніи духу, бывала причиною непрерывнаго раздора, котораго безвыходное положеніе глубоко безпокоитъ всякого благомыслящаго гражданина. Дворянство подольской губерніи всеподданнѣйше проситъ Ваше императорское величество объ устраненіи упомянутаго положенія Августѣйшею волею Своею. Исключительное ведущее къ этому средство, дворяне подольской губерніи усматриваютъ въ возстановленіи административнаго единства Польши, со включеніемъ въ составъ ея западнаго края, и съ полнымъ уваженіемъ правъ вызваннаго въ настоящее время на поприще общественной дѣятельности мѣстнаго сельскаго населенія. Искреннее участіе польскаго дворянства въ окончательномъ устройствѣ крестьянскаго вопроса—участіе, связанное съ вѣковыми усиліями Польши относительно разрѣшенія гражданскаго достоинства и свободы—составляетъ несомнѣнное ручательство въ чистотѣ теперешнихъ его начинаній. Отвергая всякую мысль о перевѣсѣ племени или сословія, дворяне подольской губерніи остаются вѣрными основной польской идеѣ относительно равноправности составныхъ общественныхъ элементовъ, и потому желаютъ общенія съ Польшею, что видятъ въ немъ основаніе дальнѣйшаго саморазвитія какъ польской, такъ и украинской народности. Ваше императорское величество! Положеніе нашего края безотрадно. Народъ безъ образованія, среднія учебныя заведенія неудовлетворительны какъ по числу, такъ и по системѣ преподаванія; промышленность лишена капиталовъ и подавлена чрезмѣрными процентами; хлѣбная торговля, по недостатку усовершенствованныхъ путей сообщенія, оторвана отъ иностраннаго сбыта; поземельная собственность безъ кредита вслѣдствіе прекращенія ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій и отсутствія ипотечной системы; узаконенія противны обычаямъ, преданіямъ и прогрессу общественныхъ понятій; исполненіе права обезсилено чуждою странѣ бюрократіей; администрація сосредоточена внѣ мѣстныхъ потребностей и интересовъ; наконецъ, край безъ органовъ, избранныхъ изъ среды своей для руководства общественными его трудами. Положеніе такое, возникшее вслѣдствіе разобщенія нашего съ Царствомъ Польскимъ, затрудняетъ окончательное устройство крестьянска-

го дѣла и угрожаетъ рѣшительнымъ упадкомъ края, ежели не будетъ возстановлено административное единство его съ краемъ, имѣющимъ по отношенію къ нему одинаковыя потребности, одни преданія, тождественныя понятія о гражданской и религіозной свободѣ и общіе пути развитія въ будущемъ. Августѣйшій Монархъ! Всеподданнѣйше заявляя существенное желаніе свое у престола Вашего императорскаго величества, дворяне подольской губерніи уповаютъ на чувство Высочайшей справедливости и милосердія, какъ на единственный залогъ прекращенія страданій своихъ въ настоящемъ и благоденствія въ будущемъ».

Прошеніе это подписано 255 дворянами подольской губерніи, въ числѣ коихъ исправляющимъ должность подольскаго губернскаго предводителя дворянства *Александромъ Садовскимъ*, и уѣздными предводителями: каменецкимъ—*Сигизмундомъ Червинскимъ*, летичевскимъ—*Людоміромъ Скибневскимъ*, литинскимъ—*Іосифомъ Радзѣіовскимъ*, винницкимъ—*Людовикомъ Пѣньковскимъ*, брацлавскимъ—*Феликсомъ Собанскимъ*, гайсинскимъ—*Іосифомъ Липковскимъ*, ольгопольскимъ —*Казиміромъ Собанскимъ*, балтскимъ—*графомъ Эдуардомъ Роникеромъ*, ямпольскимъ—*Валеріаномъ Маньковскимъ*, могилевскимъ—*Януаріемъ Сулятицкимъ*, ушицкимъ—*Игнатіемъ Хелминскимъ* и за проскуровскаго предводителя—депутатомъ *Александромъ Поплавскимъ*.

Государь императоръ, по выслушаніи всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ по этому предмету, усмотрѣть изволилъ, что дворяне, подписавшіе на губернскомъ съѣздѣ всеподданнѣйшее прошеніе, не изложили въ немъ мѣстныхъ нуждъ дѣйствительно до ихъ губерніи относящихся, какъ это дозволено закономъ, но, дерзко порицая установленный государственными законами порядокъ управленія, явно обнаружили стремленіе къ перемѣнѣ онаго и къ нарушенію цѣлости и единства имперіи. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что главными виновными въ настоящемъ дѣлѣ представляются исправляющій должность губернскаго и уѣздные предводители дворянства, которые не только не внушали дворянамъ, какъ того требовалъ отъ нихъ долгъ службы и присяги, противузаконности составленнаго на бывшемъ въ Каменецъ-Подольскѣ губернскомъ съѣздѣ дворянъ всеподданнѣйшаго прошенія, но и подписали сіе прошеніе преступнаго содержанія,—государь императоръ, 9 октября, Высочай-

*

ши повелѣть соизволилъ: исправлявшаго должность губернскаго и всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства подольской губерніи, подписавшихъ всеподданнѣйшее прошеніе преступнаго содержанія, предать суду правительствующаго сената, съ отрѣшеніемъ отъ занимаемыхъ ими должностей.

Затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, переданы были въ правительствующій сенатъ собранныя свѣдѣнія о составителяхъ и главныхъ двигателяхъ упомянутаго всеподданнѣйшаго прошенія.

Изъ свѣдѣній этихъ оказалось, что по открытіи губернскаго дворянскаго собранія, многіе дворяне, собравшись у ушицкаго уѣзднаго предводителя дворянства Хелминскаго, разсуждали о составленіи на Высочайшее имя адреса или прошенія, и тамъ высказалась мысль о томъ, чтобы просить о присоединеніи западнаго края къ Царству Польскому въ административномъ отношеніи. Благоразумная партія, которой придерживалось большинство предводителей, дѣйствовала робко, опасаясь навлечь на себя и на свои семьи неудовольствіе противной партіи. Рѣшено было поручить помѣщикамъ Леонарду Савинскому и Леопольду Якубовскому составить проектъ адреса. Съ трудомъ удалось болѣе благоразумнымъ убѣдить прочихъ поручить члену губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Гижицкому, какъ постоянно отсовѣтывавшему составленіе подобнаго адреса, надзоръ за редакціею его, дабы предупредить, по крайней мѣрѣ, неумѣстныя выраженія. На другой день адресъ былъ составленъ въ квартирѣ Якубовскаго, имъ и Савинскимъ, потомъ просмотрѣнъ и нѣсколько исправленъ Гижицкимъ. Вечеромъ проектъ былъ прочитанъ въ квартирѣ предводителя Хелминскаго и одобренъ большинствомъ. Во время сужденія объ адресѣ, въ пользу его говорили уѣздные предводители дворянства Хелминскій, Липковскій, Пѣньковскій, Радзѣіовскій и въ особенности графъ Роникеръ, который увѣрялъ, что лично знаетъ Государя Императора, что его величество, по добротѣ Своей, не подвергнетъ ихъ никакому взысканію за такой адресъ и что онъ, Роникеръ, какъ уроженецъ литовскихъ губерній, знаетъ, что присоединеніе къ Царству Польскому есть общее желаніе всѣхъ западныхъ губерній. Изъ другихъ дворянъ, какъ во время частныхъ совѣщаній, такъ и во время чтенія адреса отличались своими рѣзкими выходками и

крикомъ: Александръ Орловскій, Еловицкій, Урбанскій и засѣдатель гражданской палаты Бачинскій.

На запросы начальника подольской губерніи слѣдующія лица объяснили:

1) помѣщикъ Леонардъ *Савинскій*,—что 16 сентября, въ собраніи предводителей дворянства и прочихъ помѣщиковъ обсуждался проектъ всеподданнѣйшаго прошенія и затѣмъ ему, Савинскому, Якубовскому и Гижицкому поручено было составленіе адреса. Посему на другой день, собравшись у Якубовскаго, они изложили проектъ всеподданнѣйшаго прошенія и затѣмъ предложили его въ тотъ же день собранному дворянству у Хелминскаго и, по одобреніи онаго, проектъ прошенія остался у послѣдняго; что же было затѣмъ, ему неизвѣстно;

2) помѣщикъ *Якубовскій*,—что проектъ всеподданнѣйшаго прошенія составлялся въ многочисленномъ собраніи дворянъ и, кому затѣмъ врученъ былъ для переписки, ему неизвѣстно;

3) секретарь дворянскаго собранія *Хамецъ*,—что всеподданнѣйшее прошеніе вручено ему было въ залѣ дворянскаго собранія для прочтенія губернскимъ предводителемъ дворянства Садовскимъ, но какъ почеркъ руки ему былъ неизвѣстенъ, равно какъ и самый предметъ, то и не могъ онъ внятно читать, почему прошеніе это, по домогательству дворянъ, передано для прочтенія винницкому уѣздному предводителю дворянства Пѣньковскому. Послѣ сего, по списаніи копіи, прошеніе представлено начальнику губерніи. Губернскій предводитель дворянства получилъ всеподданнѣйшее прошеніе отъ дворянства, усиленно домогавшагося подачи прошенія;

4) секретарь губернскаго предводителя дворянства *Заржецкій* вполнѣ утвердилъ объясненіе Хамеца, добавивъ, что всеподданнѣйшее прошеніе вмѣстѣ съ копіею дано ему исправлявшимъ должность губернскаго предводителя дворянства для представленія начальнику губерніи;

5) канцелярскій чиновникъ *Новицкій*, что онъ переписывалъ набѣло всеподданнѣйшее прошеніе, по приглашенію ушицкаго уѣзднаго предводителя дворянства Хелминскаго, въ его квартирѣ; переписавъ всеподданнѣйшее прошеніе, онъ оставилъ его, вмѣстѣ съ черновымъ, на столѣ Хелминскаго;

6) бывшій ушицкій предводитель дворянства *Хелминскій*,—что занимавшіеся редакціею всеподданнѣйшаго прошенія помѣщики пришли къ нему съ просьбою приказать его письмоводителю переписать оное; но какъ онъ замѣтилъ, что письмоводитель его не имѣетъ хорошаго почерка, то кто-то изъ бывшихъ тутъ помѣщиковъ указалъ на канцелярскаго чиновника Новицкаго, который потому и былъ приглашенъ для переписки; послѣ чего всеподданнѣйшее прошеніе было передано исправлявшему должность губернскаго предводителя дворянства Садовскому. Подача всеподданнѣйшаго прошенія не была дѣломъ секрета, а сдѣлана явно, на основаніи предоставленнаго 113 ст. IX т. св. граж. зак. дворянству права;

7) бывшій балтскій предводитель, отставной полковникъ графъ *Роникеръ*, что онъ на дворянскихъ совѣщаніяхъ не имѣлъ случая упоминать объ счастіи быть лично извѣстнымъ государю императору, а равно не говорилъ и того, что прошеніе, поданное дворянами подольской губерніи на имя его императорскаго величества, будто бы происходило отъ всего народонаселенія западнаго края. Въ дѣйствительности онъ говорилъ въ конфиденціальномъ разговорѣ съ начальникомъ губерніи о совершенномъ благоговѣніи, преданности и полномъ упованіи въ чувства глубокой справедливости и милосердія государя императора, который предпочтетъ всегда правду всякой лести; причемъ увѣрялъ его, начальника губерніи, что всеподданнѣйшее прошеніе не выходитъ изъ предѣловъ закона. На предложеніе начальника губерніи, что въ случаѣ присоединенія одной только подольской губерніи къ Царству Польскому, волынская губернія представляла бы видъ озера, Роникеръ, намекнулъ въ этомъ частномъ разговорѣ, что, сколько ему извѣстны обстоятельства по связямъ родства и знакомства съ другими западными губерніями, онѣ тоже видѣли бы свою пользу въ административномъ присоединеніи къ Царству Польскому, подъ великимъ скипетромъ его императорскаго величества.

Правительствующій сенатъ 16 октября сдѣлалъ распоряженіе, чтобы лица, преданныя суду по Высочайшему повелѣнію, доставлены были въ С.-Петербургъ и содержались, впредь до окончанія дѣла, подъ стражею.

Затѣмъ, по прибытіи подсудимыхъ, сенатъ вызвалъ ихъ въ свое присутствіе, объявилъ имъ Высочайшее повелѣніе о преданіи ихъ суду и поименовалъ лицъ, которыя будутъ участвовать въ сужденіи и производствѣ ихъ дѣла. Подсудимые дали подписку, что они ни на кого изъ означенныхъ лицъ подозрѣнія не имѣютъ.

Потомъ сенатъ предложилъ подсудимымъ по существу дѣла слѣдующіе вопросы: Признаютъ ли они предъявленное имъ прошеніе составленнымъ дворянствомъ подольской губерніи и подпись на немъ своею? Были ли они въ собраніяхъ 16 и 17 октября, когда обсуживался проектъ прошенія и какое принимали въ томъ участіе? По прочтеніи прошенія въ залѣ дворянскаго собранія, была ли баллотировка редакціи его и если нѣтъ, то какимъ порядкомъ послѣдовало окончательное утвержденіе редакціи? Гдѣ именно подписано было прошеніе, т. е. при губернскомъ ли столѣ или каждый уѣздъ подписывалъ его отдѣльно? Почему подписали они означенное противузаконное прошеніе, которое касалось не одного дворянства подольской губерніи и мѣстныхъ нуждъ его, а всего населенія не только подольской губерніи, но и цѣлаго западнаго края имперіи, и притомъ предмета, вовсе не подлежащаго обсужденію дворянскаго собранія? Такъ какъ въ прошеніи заключалось порицаніе установленнаго государственными законами порядка управленія, то почему они, по званію предводителей дворянства, вмѣсто того, чтобы отклонить дворянство отъ составленія его, сами его подписали? По какому праву выраженное дворянами подольской губерніи желаніе названо въ прошеніи всеобъемлющимъ желаніемъ края, тогда какъ по статистическимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что на слишкомъ 1,400,000 всѣхъ жителей подольской губерніи приходится жителей польскаго происхожденія и римско-католическаго вѣроисповѣданія съ небольшимъ 200,000 душъ, и большинство жителей подольской губерніи не только никакихъ требованій и желаній о присоединеніи ихъ къ Польскому Царству не изъявляло, но по своему отдѣльному отъ жителей польскаго происхожденія положенію, подобнаго желанія и имѣть не могло? Что именно разумѣютъ они подъ выраженіемъ «возстановленіе административнаго единства Польши со включеніемъ въ составъ ея западнаго края»? Какое именно сословіе разумѣютъ они подъ названіемъ польскаго

дворянства? У кого дворяне подольской губерніи собрались въ первый разъ для обсужденія всеподданнѣйшаго прошенія и кто первый возымѣлъ мысль о подачи его его императорскому величеству? Почему включена во всеподданнѣйшее прошеніе ссылка на люблинскій договоръ, знаютъ ли они условія этого договора, а равно то, на какомъ основаніи по люблинскому договору Подоль и Волынь присоединены были къ королевству польскому? Что понимаютъ они подъ употребленнымъ въ прошеніи выраженіемъ «политика, принятая въ теченіи послѣдняго полувѣка, была противна господствующему духу», т. е. въ чемъ состоитъ господствующій духъ, въ чемъ состоитъ эта политика и какія формы ея были причиною раздоровъ? Не имѣютъ ли они вообще объяснить еще чего либо по этому дѣлу?

Кромѣ этихъ вопросовъ, предложенныхъ всѣмъ подсудимымъ, нѣкоторымъ изъ нихъ даны были отдѣльные вопросы для разъясненія, у кого именно изъ предводителей происходили совѣщанія дворянъ о всеподданнѣйшемъ прошеніи, а равно, дѣйствительно ли бывшій балтскій предводитель гр. Ронникеръ говорилъ о личной извѣстности его государю императору.

Всѣ подсудимые, признавъ подписи на всеподданнѣйшемъ прошеніи за свои и утвердивъ объясненіе гр. Ронникера, поданное имъ начальнику подольской губерніи *, единогласно показали, что кто первый возымѣлъ мысль о подачѣ его императорскому величеству всеподданнѣйшаго прошенія, а равно у кого именно собирались въ первый разъ дворяне для обсужденія этого прошенія, имъ неизвѣстно. Проектъ всеподданнѣйшаго прошенія обсуждаемъ былъ у Хелчинскаго и у всѣхъ предводителей дворянства, но особыхъ съ этою цѣлью собраній не было, и всѣ дворяне сходились случайно, приходя, какъ часто бываетъ, въ гости. Редакція всеподданнѣйшаго прошенія, какъ принятая единогласно дворянствомъ, баллотирована не была, и самое прошеніе подписано [illegible] и притомъ каждымъ [illegible] отдѣльно. Объ условіяхъ люблинскаго договора они ничего не знаютъ, кромѣ того, что это историческое событіе; нѣкоторые же изъ предводителей объяснили, что ссылка на люблинскій договоръ употреблена по

* Кромѣ Хелчинскаго и Ивашкевича, изъ которыхъ первый утверждалъ, что слова гр. Ронникера не слыхалъ, а второй на [illegible] вопросахъ не отвѣчалъ за болѣзнію.

всеподданнѣйшемъ прошеніи какъ фактъ соединенія Литвы съ Польшею, а другіе, что, не будучи редакторами всеподданнѣйшаго прошенія, они не знаютъ, почему сдѣлана подобная ссылка на люблинскій договоръ.

Затѣмъ каждый изъ подсудимыхъ въ частности объяснилъ сенату слѣдующее:

1) Исправлявшій должность губернскаго предводителя дворянства надворный совѣтникъ *Александръ Садовскій*,—что когда прошеніе было прочитано и дворянство готовилось подписывать его, то онъ отнесся къ губернскому прокурору съ вопросомъ: какъ должно поступить, чтобы принесеніе означеннаго прошенія имѣло законное основаніе? На это губернскій прокуроръ отвѣтилъ, что надлежитъ составить протоколъ, а послѣ уже приступить къ подписанію просьбы, но не объяснилъ, что подобный адресъ— преступнаго содержанія. *) Дворянство, испрашивая о присоединеніи ихъ губерніи, въ порядкѣ административномъ, къ Царству Польскому, имѣло въ виду такое присоединеніе, какое существовало до 1831 г., а потому онъ, Садовскій, не полагаетъ, что выступилъ изъ предѣловъ, законами опредѣленныхъ, тѣмъ болѣе, что въ законѣ точно не опредѣлено, о чемъ можно просить и о чемъ нельзя. Порицанія установленнаго законами порядка не было въ помыслахъ ничьихъ, но дворянство вынуждено было не одобрять дѣйствій мѣстныхъ властей, которыя, подъ предлогомъ порядка, будучи не расположены къ дворянству, всѣми мѣрами стараются унизить его въ глазахъ правительства. Дворяне, питая полную увѣренность въ справедливость Августѣйшаго Монарха и такую же надежду на Его милосердіе, естественно и мысли о какой либо дерзости допустить не могли. Они соболѣзнуютъ, если тѣнь какой либо несообразности проскользнула въ выраженіяхъ ихъ. Незнакомству съ языкомъ можно лишь приписать этотъ промахъ редакціи адреса. Не будучи въ состояніи противиться общему желанію дворянъ, онъ, Садовскій, позволилъ подписывать прошеніе и затѣмъ послѣ всѣхъ самъ подписался, слѣдовательно другихъ не привлекалъ. Выраженное въ прошеніи желаніе названо «всеобъемлющимъ желаніемъ края» потому, что дворянство,

*) Исправляющій должность прокурора Крушинскій донесъ министру юстиціи, что губернскій предводитель не требовалъ его мнѣнія объ этомъ прошеніи.

руководствовалось въ этомъ случаѣ тѣмъ общимъ положеніемъ что одно лишь дворянство имѣетъ право ходатайствовать о своихъ общественныхъ нуждахъ, а прочія сословія не пользуются такимъ правомъ. Между тѣмъ интересы этихъ сословій, а особенно крестьянскаго сословія, тѣсно связаны съ ихъ интересами, и присоединясь къ Царству Польскому, дворяне могли бы воспользоваться тѣми выгодами относительно дорогъ, торговли и поземельныхъ банковъ, которыхъ они не имѣютъ. Подъ выраженіемъ «возстановленіе административнаго единства Польши, со включеніемъ въ составъ ея западнаго края» онъ разумѣлъ административное присоединеніе ихъ губерніи къ Царству Польскому и примѣненіе для ихъ губерніи нынѣ существующаго въ Царствѣ Польскомъ административнаго порядка и всѣхъ вообще постановленій, которыми пользуется тамошній край. Господствующій духъ въ подольской губерніи между дворянами есть польскій. Стремленіе мѣстныхъ властей къ подавленію этого духа силою власти было поводомъ къ поддержанію раздора между мѣстными властями и дворянствомъ, что и давало поводъ назвать это дѣйствіе политикой, противной ихъ духу. Подъ названіемъ «польскаго дворянства», онъ разумѣлъ дворянство, которое, по привилегіямъ польскимъ, утверждено правительствомъ въ дворянскомъ достоинствѣ. По обязанности губернскаго предводителя дворянства, онъ отклонялъ, сколько отъ него зависѣло, поспѣшность въ подписаніи адреса, желая прежде посовѣтоваться съ кѣмъ либо изъ людей, знающихъ хорошо русскій языкъ, на счетъ редакціи, но когда дворяне 19 сентября вошли въ залу, въ которой предводители дворянстаа занимались разсмотрѣніемъ балтскаго дѣла и начали требовать непремѣнно подписи прошенія и требовали настоятельно, то онъ, Садовскій, и предводители должны были приступить къ подписи.

2) Бывшій гайсинскій предводитель дворянства губернскій секретарь *Іосифъ Липковскій*, — что послѣ указа его императорскаго величества, даннаго правительствующему сенату, онъ не считаетъ себя въ правѣ входить въ сущность и значеніе всеподданнѣйшаго прошенія, но все, что скажетъ, будетъ относиться къ тому его взгляду и къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя довели его къ подписанію всеподданнѣйшаго прошенія. Изъ вопросовъ, ему сдѣланныхъ, видно, что онъ обвиняется въ подписаніи все-

подданнѣйшаго прошенія, въ которомъ видно стремленіе къ наруженію единства имперіи, и дерзкомъ порицаніи установленнаго государственными законами порядка. Для присоединенія ихъ края къ Царству Польскому, онъ, кромѣ историческихъ и національныхъ причинъ, указанныхъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи, имѣлъ въ виду еще и то, что присоединеніе представило бы, подъ взглядомъ экономическимъ, удобную замѣну земледѣльческихъ произведеній ихъ края на мануфактурныя и промышленныя Царства Польскаго, въ которыхъ они нуждаются. Но важнѣе всего, онъ имѣлъ въ виду, что край ихъ былъ уже происоединенъ къ Царству Польскому со временъ Великаго Князя Константина Павловича, а теперь Царство Польское находится подъ скипетромъ его императорскаго величества, почему убѣжденъ былъ, что этимъ не нарушится единство имперіи, равно какъ ничѣмъ не было нарушено единство раздѣленіемъ пермской губерніи на пермскую и самарскую. Выраженіе «западнаго края» вмѣсто подольской губерніи, употреблено потому, что въ административномъ управленіи три западныя губерніи всегда были соединены во всѣхъ отношеніяхъ. Цѣли порицать установленный государственными законами порядокъ всеподданнѣйшее прошеніе не имѣло, но слова эти вынуждены были тѣмъ печальнымъ положеніемъ, въ каковомъ край ихъ находится. Такъ расходы земскіе и экономическіе увеличиваются, а источники народнаго богатства не обработаны, и губернія ихъ осталась далеко вдали отъ всѣхъ другихъ губерній, даже отъ черниговской, которой природа отказала въ плодородной землѣ и лѣсахъ. Сія послѣдняя губернія пересѣчена поперегъ судоходными рѣками, а вдоль шоссейною дорогою, подольская же не имѣетъ ни одной ступени шоссейной дороги и рѣка Днѣстръ случайно только при наводненіи можетъ быть употребляема. Вотъ распоряженія мѣстныхъ властей, которыя огорчаютъ всякаго благомыслящаго гражданина: въ то время, когда дворянство своими усиліями и жертвами довело великую мысль его императорскаго величества—освобожденіе крестьянъ до возможнаго успѣха и когда умы взволнованные успокоиваются и дѣло ихъ вѣнчается порядкомъ экономическихъ отношеній, въ то время публикуется мѣстнымъ правительствомъ распоряженіе объ обезоруженіи всѣхъ католиковъ польскаго происхожденія. Такое распоряженіе опять взволновало

умы, но не имѣло печальныхъ послѣдствій, благодаря инстинктивному уму и нравственности ихъ народа. Мало того, послѣднимъ распоряженіемъ гражданскаго губернатора имъ воспрещено собираться частнымъ образомъ — гостепріимство воспрещено, а между тѣмъ въ центрѣ ихъ управленія, въ Кіевѣ, развивается общество будто бы послѣдователей Шевченки, какихъ то комунистическихъ понятій. Цѣль ихъ взволновать народъ и довести до истребленія собственниковъ земли; общество это развивается уже болѣе четырехъ лѣтъ. Какъ же при такихъ обстоятельствахъ не слѣдовало прибѣгнуть дворянству къ чувствамъ справедливости его императорскаго величества и представить на усмотрѣніе Его тѣ неудобства административнаго управленія, которыя для нихъ такъ печальны. Затѣмъ для оправданія своего Липковскій объяснилъ, что законодательство, опредѣляя съ точностію права, преимущества, степень дѣйствованія всѣхъ мѣстъ, обществъ и товариществъ, относительно всеподданнѣйшаго прошенія ограничилось общими словами «просить о своихъ нуждахъ и потребностяхъ». Такое общее опредѣленіе употреблено не по ошибкѣ, но по той именно причинѣ, что всеподданнѣйшее прошеніе не есть дѣйствіе активное, а пассивное, — дѣло прямаго отношенія народа съ своимъ монархомъ,—дѣло, предоставленное чистосердечнымъ и откровеннымъ убѣжденіямъ подольскаго дворянства относительно своихъ нуждъ и потребностей. Дѣло такое не можетъ быть подведено подъ отвѣтственность предъ лицомъ закона. Закрытіе выборовъ, по причинѣ содержанія всеподданнѣйшаго прошенія, находящагося въ запечатанномъ пакетѣ и не дошедшаго до рукъ его императорскаго величества, со стороны мѣстныхъ административныхъ властей — дѣйствіе противузаконное, которое поставило всеподданнѣйшее прошеніе въ незаконномъ видѣ, а ихъ подвергло отвѣтственности. Дворянство, на основ. 113 и 135 ст. IX т., имѣло право подать всеподданнѣйшее прошеніе. Онъ, Липковскій, будучи вполнѣ увѣренъ, что прошеніе это законное, участвовалъ въ подписи его. Слово «всеобъемлющее желаніе края» употреблено потому, что интересъ просвѣщеннаго сословія есть тоже интересъ народа и на оборотъ. Подъ выраженіемъ «возстановленіе административнаго единства Польши, со включеніемъ въ составъ ея западнаго края» онъ понимаетъ административное присоединеніе ихъ края къ Царству

Польскому. Подъ именемъ «польскаго дворянства» онъ понимаетъ дворянъ, утвержденныхъ въ званіи дворянскомъ со временъ, когда Царство Польское соединено было съ западнымъ краемъ. Подъ «политикою, противною господствующему духу» онъ разумѣетъ постоянное стремленіе административныхъ мѣстныхъ властей представлять край возмутительнымъ, дабы показать себя необходимыми правительству и не допускать мѣстнаго дворянства къ исполненію государственной службы. Недопущеніе къ службѣ выборныхъ чиновниковъ и тѣмъ отнятіе правъ и привилегій, дарованныхъ дворянству милостію монаршею, произвольная безъ суда высылка дворянъ на жительство въ великорусскія губерніи, какъ это имѣло мѣсто и въ нынѣшнемъ году съ двумя дворянами брацлавскаго и съ однимъ каменецкаго уѣздовъ, обезоруженіе католиковъ польскаго происхожденія, поощреніе хлопомановъ въ Кіевѣ, постоянное стремленіе полиціи разъединять народъ съ дворянами, распоряженія губернатора, внушающія недовѣріе крестьянъ къ мировымъ учрежденіямъ, уничтоженіе позволительныхъ католическихъ приходскихъ училищъ, —всѣ эти противузаконныя мѣры доказываютъ, что мѣстныя административныя власти приняли характеръ политики, противной господствующему духу и законодательству. Къ этому Липковскій присоединилъ, что вышеупомянутыя противузаконныя стремленія мѣстныхъ властей разъединить народъ съ дворянствомъ оканчивались только мелкими безпорядками, недовѣріемъ крестьянъ къ положенію 19 февраля и странными ихъ понятіями о правахъ собственности.

3) Бывшій брацлавскій предводитель дворянства титулярный совѣтникъ *Феликсъ Собанскій*,—что всеподданнѣйшее прошеніе подписано имъ во 1-хъ потому, что сущность прошенія заключается въ словахъ «устраненіе упомянутаго положенія Высочайшею волею своей»; остальное есть только указаніе потребностей и способовъ, которыми можно, по мнѣнію дворянъ, удовлетворить имъ. Хотя недостатокъ путей сообщеній, торговли, кредита, учебныхъ заведеній дѣйствительно не касается единственно дворянства, но всѣхъ жителей края, однакожъ дворяне считали себя въ правѣ представить сей недостатокъ на милостивѣйшее усмотрѣніе Монарха. Во 2-хъ прошеніе это подписано потому, что, по званію своему, предводители дворянства обязаны ходатайствовать

по дѣламъ дворянства. Дворяне, пользуясь правомъ разсуждать во время выборовъ о нуждахъ своихъ и представлять оныя во всеподданнѣйшемъ прошеніи, требовали отъ предводителей дворянства, единогласно и усиленно, подачи адреса. Предводители дворянства считали долгомъ службы предъ правительствомъ и предъ дворянами удовлетворить желанію дворянства. Они не могутъ полагать, дабы чистосердечное выраженіе упованія въ отеческія чувства Монарха, изъясненное во всеподданнѣйшемъ прошеніи, могло быть поставлено имъ въ вину. Притомъ, незнакомые съ закономъ, они во время засѣданія обращались постоянно къ прокурору, который указывалъ имъ порядокъ дѣйствій и не предупредилъ о незаконности ихъ поступка. Выраженное дворянами подольской губерніи желаніе названо «всеобъемлющимъ желаніемъ края», потому что прошеніе представлено отъ дворянства единственно, но вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство выражаетъ убѣжденіе, что оно именно представляетъ всѣхъ обладающихъ гражданскимъ чувствомъ въ краѣ. Историческое положеніе и заслуги дворянскаго сословія и недавнія добровольныя пожертвованія его въ освобожденіи крестьянъ суть основанія этого убѣжденія. Подъ выраженіемъ «административное единство Польши, со включеніемъ въ составъ ея западнаго края», онъ Собанскій, разумѣетъ устраненіе недостатковъ въ администраціи, выраженныхъ въ прошеніи, и возстановленіе порядка, который существовалъ до 1831 года. Подъ названіемъ «польское дворянство» онъ разумѣетъ дворянъ, получившихъ достоинство отъ королей польскихъ. Вообще онъ, Собанскій, нужнымъ считаетъ объяснить, что актъ, составленный въ присутствіи слишкомъ 200 лицъ, не привыкшихъ къ засѣданіямъ, къ ясному разбору каждаго выраженія, лишенныхъ спокойнаго и хладнокровнаго взгляда, необходимаго для яснаго и зрѣлаго обсужденія каждаго вопроса, не хорошо владѣющихъ русскимъ языкомъ, не можетъ во всѣхъ выраженіяхъ удовлетворить желанію и понятію каждаго. Потому онъ желалъ бы отклонить отвѣтственность за каждое отдѣльное выраженіе адреса. Что же касается общей мысли, а именно объясненія «безвыходнаго положенія края» и всеподданнѣйшей просьбы «объ устраненіи бѣдствій ихъ Высочайшею Монаршею волею», то этимъ предводители дворянства, имѣя въ виду, что дворяне имѣютъ право во время выборовъ представлять всеподданнѣй-

шія прошенія и что предводители дворянства обязаны ходатайствовать по дѣламъ дворянства, считали долгомъ службы представить государю императору всѣ потребности дворянства со всей откровенностію и съ тѣмъ глубокимъ убѣжденіемъ, что Милостивѣйшій Монархъ принимаетъ отеческое участіе въ страданіяхъ всѣхъ подданныхъ своихъ. По существующимъ положеніямъ, Царство Польское съ Имперією составляетъ одну нераздѣльную цѣлость; слѣдовательно, указывая присоединеніе къ Царству Польскому въ административномъ отношеніи, какъ средство къ улучшенію быта края,—они не могли имѣть въ виду нарушить единство имперіи, но пріобрѣсти нѣкоторыя перемѣны въ администраціи и положеніи, которыхъ они лишились съ 1830 года. Затѣмъ Феликсъ Собанскій объяснилъ, что дворяне привязаны къ законамъ, но на нихъ мѣстное начальство мало обращаетъ вниманія. Люди, знаменитые положеніемъ, рожденіемъ, заслугами и даже службою, боятся нижайшихъ полицейскихъ чиновниковъ, которые изъ собственныхъ видовъ рѣшаются на превратныя донесенія, отъ чего страдаетъ безопасность ихъ личности и имущества. Религія поляковъ не пользуется дарованными ей правами, школы недостаточны, торговля, хозяйство и промышленность самой богатой страны падаетъ отъ недостатка кредита и путей сообщеній. Крестьянскій вопросъ не приводится въ исполненіе путемъ, указаннымъ Высочайшею волею. Крестьянамъ поручено слѣдить за помѣщиками. Дворяне лишены способовъ довести обо всемъ этомъ до свѣдѣнія начальства, потому что поляки, которые всегда отличались привязанностію и вѣрностію къ своимъ Монархамъ и законамъ, выставляются мѣстными чиновниками какъ опасные революціонеры. Фактовъ здѣсь онъ, Собанскій, помѣстить не можетъ; ихъ слишкомъ много.

4) Бывшій за проскуровскаго предводителя дворянства коллежскій регистраторъ *Александръ Поплавскій*,—что онъ потому подписалъ всеподданнѣйшее прошеніе, относящееся до трехъ западныхъ губерній, что эти губерніи находятся въ одномъ административномъ отношеніи. Много есть дворянъ подольской губерніи, которые могли бы занимать мѣста, но ихъ не утверждаютъ на службѣ. Мѣстныя потребности для края, такъ богатаго, какъ подольская губернія, весьма нуждаются въ учрежденіи дорогъ, мостовъ и въ очисткѣ сплавной рѣки Днѣстра, которая

составляетъ единственный способъ для доставки хлѣба. Отъ всѣхъ помѣщиковъ отобрано оружіе, а крестьянамъ предоставлено. Дворянство подольской губерніи не заслуживаетъ такого недовѣрія и всегда исполняло порученія начальства акуратно. По закрытіи банка, нѣтъ средствъ вести теперь хозяйство, для котораго многое требуется. Выраженное дворянами подольской губерніи желаніе названо «всеобъемлющимъ желаніемъ края» потому, что дворяне имѣли право подписать прошеніе и считали себя попечителями крестьянъ. Подъ выраженіемъ «возстановленіе административнаго единства Польши, со включеніемъ въ составъ ея западнаго края» онъ разумѣлъ, что эти губерніи при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ были въ отношеніяхъ административныхъ съ Царствомъ Польскимъ. Дворяне называютъ себя «польскимъ дворянствомъ» потому, что по родословной изъ документовъ такъ видно.

5) Бывшій могилевскій предводитель дворянства коллежскій регистраторъ *Януарій Сулятицкій*,—что дворяне каменецъ-подольской губерніи, сколько ему извѣстно, послѣ частныхъ разговоровъ между собою, осмѣлились просить объ административномъ присоединеніи края къ Царству Польскому, какъ это было при покойномъ Его Высочествѣ Константинѣ Павловичѣ, потому что, имѣя недвижимыя населенныя имѣнія, крайне обремененныя долгами, желали скорѣе видѣть у себя, въ случаѣ разрѣшенія этого присоединенія, лучшее устройство путей сообщенія, устройство кредитныхъ учрежденій и введеніе ипотечныхъ книгъ, что все считалось весьма нужнымъ для улучшенія ихъ быта и что все уже учреждено въ Царствѣ Польскомъ. Зная, что Государь Самъ заботится о благѣ своихъ вѣрноподданныхъ и трудится надъ дѣломъ преобразованій, онъ не принадлежалъ къ составленію проекта означенной просьбы и мысли ея вполнѣ не понимаетъ, потому что не присутствовалъ при разсужденіяхъ о содержаніи ея. Но, видя, что все безъ исключенія дворянство 10 уѣздовъ подписалось, подписалъ не колеблясь и онъ этотъ адресъ, бывъ совершенно увѣренъ, что въ немъ нѣтъ ничего противнаго Высочайшей волѣ, существующимъ законамъ и управленію краемъ. Притомъ онъ полагалъ, что дворянство подольской губерніи, по общепринятому порядку, и ходатайствуетъ на основаніи закона о нуждахъ своей лишь губерніи, не подразумѣ-

вая другихъ западныхъ губерній. Не зная языка и не принадлежа къ редакціи адреса, онъ не можетъ ничего пояснить на счетъ того, какое значеніе заключается въ томъ пунктѣ адреса, гдѣ сказано, что «политика, принятая въ теченіи послѣдняго полувѣка, была противна господствующему духу». Относительно того, что выраженное дворянами подольской губерніи желаніе названо «всеобъемлющимъ желаніемъ края» и дворянство «польскимъ дворянствомъ», Сулятицкій объяснилъ, что такъ-какъ онъ не участвовалъ въ составленіи означеннаго прошенія, то и не понимаетъ, къ чему именно относятся эти выраженія. Выраженіе «возстановленіе административнаго единства Польши» онъ понимаетъ такъ, какъ оно было понимаемо при управленіи Царствомъ покойнымъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ.

6) Бывшій каменецкій предводитель дворянства коллежскій регистраторъ *Сигизмундъ Червинскій*,—что если предводители упомянули во всеподданнѣйшемъ прошеніи о другихъ областяхъ, кромѣ подольской губерніи, и представили на монаршее благоусмотрѣніе мысль присоединенія подольской губерніи къ другому кругу административнаго управленія, то этимъ они не имѣли цѣли высказать стремленіе къ нарушенію единства и цѣлости имперіи, ибо подобный порядокъ существовалъ въ недавнее даже время. Хотя всѣ западныя области представляли, подъ управленіемъ Великаго Князя Константина Павловича отдѣльный административный округъ, но тѣмъ единство имперіи не нарушилось и всѣ онѣ состояли подъ однимъ скипетромъ. Дворяне подольской губерніи не имѣли другой мысли, кромѣ только той, чтобы подвергнуть на монаршее благоусмотрѣніе свои нужды и свое горе. Съ такимъ пониманіемъ смысла законовъ они осмѣлились высказать все, что, по мнѣнію вѣрноподданныхъ, не соотвѣтствуетъ потребностямъ губерніи и требуетъ преобразованія. Такъ-какъ только дворянству дозволено представлять о нуждахъ своему Монарху, то они полагали, что могутъ просить и отъ имени другихъ сословій. Подъ выраженіемъ «возстановленіе административнаго единства Польши, со включеніемъ въ составъ ея западнаго края» онъ разумѣлъ присоединеніе подольской губерніи къ другому кругу административнаго управленія, существующему нынѣ въ Царствѣ Польскомъ; подъ

выраженіемъ «польское дворянство» разумѣлъ дворянъ, которые по силѣ прежнихъ привиллегій, были признаны.

7) Бывшій ушицкій предводитель дворянства коллежскій секретарь *Игнатій Хелминскій,* утверждая объясненіе свое, данное начальнику подольской губерніи относильно переписки всеподданнѣйшаго прошенія, объяснилъ, что онъ никого изъ дворянъ не приглашалъ для разсужденія о всеподданнѣйшемъ прошеніи; если же у него и собирались дворяне, то это было дѣломъ чисто случая, такъ какъ у него была больше, чѣмъ у другихъ дворянъ, квартира, слѣдовательно могущая и болѣе вмѣстить народу. Впрочемъ никакого проекта у него не утверждали, и самъ онъ участія въ разсужденіяхъ не принималъ, будучи занятъ, какъ хозяинъ, угощеніемъ. Подписалъ прошеніе въ томъ убѣжденіи, что на основаніи дарованныхъ правъ дворянству, оно можетъ, во время выборовъ, представлять о своихъ нуждахъ, а прошеніе подольскихъ дворянъ не имѣло другой цѣли, какъ только представить свои потребности. Выраженія «западный край», онъ не замѣтилъ, а подписалъ прошеніе, полагая, что въ немъ рѣчь идетъ объ одной подольской губерніи. Дворяне не знаютъ хорошо русскаго языка и, быть можетъ, представили свое прошеніе не въ той формѣ, какъ бы слѣдовало, или не выразили своей мысли, какъ бы должно. Но они вовсе не имѣли намѣренія порицать установленнаго государственными законами порядка, а главною задачею ихъ прошенія было предоставить всѣ ихъ потребности. Подъ выраженіемъ «всеобъемлющее желаніе края» онъ разумѣлъ общее желаніе всѣхъ дворянъ подольской губерніи. Затѣмъ Хелминскій объяснилъ, что Царство Польское есть ничто иное, какъ провинція, принадлежащая къ Россійской Имперіи. Дворяне подольской губерніи думали, что если бы подольская губернія, въ административномъ отношеніи, и была присоединена къ Царству Польскому, то чрезъ это цѣлость и единство имперіи не нарушились бы, но они, состоя подъ управленіемъ Великаго Князя Константина, имѣли бы право подавать Великому Князю прошенія и жаловаться на злоупотребленія мѣстныхъ властей, получили бы новую администрацію, при которой всѣ ихъ потребности были бы удовлетворены, однимъ оловомъ присоединеніе къ Царству Польскому они представляли, какъ средство удовлетворенія своихъ нуждъ.

Дворяне, утвержденные герольдіею, принадлежатъ къ общему дворянству, но такъ-какъ они поляки, то поэтому написано «польское дворянство». Совершенно несправедливо донесено правительствующему сенату, что онъ говорилъ за представленіе Государю Императору всеподданнѣйшаго прошенія. Кромѣ подписи его, онъ никакого участія въ составленіи этого прошенія не принималъ и въ томъ ссылается на свидѣтельство не только своихъ товарищей, но и всей губерніи. Такъ какъ онъ, Хелминскій, не принадлежалъ къ редакціи этого прошенія, то и не можетъ объяснить, въ чемъ состоитъ «господствующій духъ», «политика» и какіе факты политики были причиною раздора.

8) Бывшій летичевскій предводитель дворянства коллежскій регистраторъ *Людоміръ Скибневскій*,—что до 1829 года Царство Польское, вмѣстѣ съ западными губерніями, бывъ подъ управленіемъ Великаго Князя Константина Павловича, составляло провинціи, принадлежащія Россійскому государству. Когда же въ текущемъ году Всемилостивѣйшій Государь благоволилъ ввѣрить управленіе Царствомъ Польскимъ Его Высочеству брату Своему Константину Николаевичу, то съ тѣхъ поръ край этотъ сталъ пользоваться значительными преимуществами. Побуждаемые симъ, дворяне подольской губерніи осмѣлились ходатайствовать у Монарха о томъ, чтобы Всемилостивѣйше соизволилъ на присоединеніе ихъ края, въ административномъ отношеніи, къ Царству Польскому и удостоилъ ихъ край управленіемъ Своего брата, нисколько тѣмъ не нарушая цѣлости Россійской Имперіи. Дворянство подольской губерніи, не имѣя ни малѣйшей мысли порицать установленный законами порядокъ, объяснило единственно только свои умѣренныя представленія относительно нѣкоторыхъ неудобствъ въ мѣстной администраціи, побуждаясь къ тому тѣми преимуществами, которыя, по милости Его Величества, дарованы Царству Польскому. Много есть дворянъ подольской губерніи, которые желали бы служить правительству, между тѣмъ въ присутственныхъ мѣстахъ почти всѣ высшія должности занимаются коронными чиновниками. Бывъ за границею для поправленія здоровья, онъ вернулся не болѣе, какъ за недѣлю до выборовъ. По этой причинѣ онъ не видѣлъ никого изъ дворянъ и, при-

*

бывши въ губернскій городъ, засталъ дворянство занятымъ составленіемъ всеподданнѣйшей просьбы. Видя единодушное желаніе дворянства, онъ не вмѣшивался въ его намѣреніе, не находя въ означенномъ адресѣ ничего болѣе, какъ только покорнѣйшую просьбу къ Всемилостивѣйшему Монарху. Относительно того, что выраженное дворянами желаніе названо «всеобъемлющимъ желаніемъ края», Скибневскій объяснилъ, что здѣсь идетъ рѣчь только объ обществѣ дворянъ ихъ губерніи, а не объ какомъ другомъ сословіи и краѣ, и не понимаетъ этого выраженія иначе, какъ только въ томъ смыслѣ, что въ немъ подольское дворянство проситъ о предметахъ мѣстныхъ своихъ нуждъ. Подъ выраженіемъ «возстановленіе административнаго единства Польши, со включеніемъ въ составъ ея западнаго края», понимаетъ административный порядокъ, бывшій во времена управленія Царствомъ Польскимъ и западными губерніями покойнымъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, при которомъ подобное соединеніе не нарушало цѣлости Россійской Имперіи. Подъ названіемъ «польское дворянство» онъ разумѣетъ вѣрноподданныхъ дворянъ, проживающихъ въ подольской губерніи, которые почти всѣ происходятъ изъ Царства Польскаго. Затѣмъ Скибневскій добавилъ, что вообще дворянство подольской губерніи испытывало, въ продолженіи 1862 года, разныя непріятности отъ начальника губерніи, а именно: приказано было отнять охотничьи ружья у всѣхъ дворянъ, оставивъ таковыя у крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Кромѣ того было сдѣлано распоряженіе (что и исполнено) о заведеніи по домамъ помѣщичьимъ книжекъ для записыванія пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ лицъ, что̀ дало поводъ думать имъ, что на ихъ дома смотрятъ, какъ на пристанище злонамѣренныхъ людей. Наконецъ, при закрытіи послѣднихъ выборовъ дворянскихъ, начальникъ губерніи, обращаясь къ предводителямъ дворянства, дозволилъ себѣ, въ обидныхъ и грубыхъ выраженіяхъ, оскорблять ихъ, предводителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все дворянство подольской губерніи. Подъ выраженіемъ «политики» не понимаетъ ничего другаго, какъ только всякія злоупотребленія мѣстныхъ властей, вслѣдствіе которыхъ происходятъ непріятности для мѣстнаго дворянства, и, не участвовавъ въ редакціи всеподданнѣйшаго прошенія, онъ не можетъ иначе объяснить смыслъ этого пункта.

9) Бывшій ольгопольскій предводитель дворянства коллежскій секретарь *Казиміръ Собанскій*,—что всеподданнѣйшее прошеніе подписано имъ, хотя оно касалось нуждъ не только населенія подольской губерніи, но и всего западнаго края, потому что они всегда были вмѣстѣ администрованы. Никакой цѣли порицать нынѣ установленный порядокъ не было, а была одна цѣль—изъявить, со всею откровенностію, желаніе дворянъ. Притомъ адресъ есть просьба. Выраженное подольскими дворянами желаніе названо «всеобъемлющимъ желаніемъ края» потому, что у нихъ вообще принято выражать нужды отъ имени края. Подъ выраженіемъ «возстановленіе административнаго единства Польши, со включеніемъ въ составъ ея западнаго края» онъ разумѣлъ присоединеніе къ Царству Польскому; подъ выраженіемъ «польское дворянство» разумѣлъ утвержденныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ польскими королями; подъ выраженіемъ «политика, принятая въ теченіи послѣдняго полувѣка, была противна господствующему духу», разумѣлъ, что она была репрессивная. Такъ какъ онъ редакторомъ адреса не былъ, то на этотъ пунктъ болѣе положительнаго отвѣта дать не можетъ, а объясняетъ такъ, какъ понималъ во время подписи адреса. Между прочими обвиненіями упрекаютъ дворянъ въ явномъ стремленіи къ разъединенію цѣлости имперіи; на это обвиненіе онъ можетъ сказать, что Царство Польское, какъ извѣстно по географическимъ свѣдѣніямъ, находится въ предѣлахъ Россійской Имперіи, а потому разъединенія цѣлости имперіи онъ вовсе не видитъ.

10) Бывшій ямпольскій предводитель дворянства коллежскій регистраторъ *Валеріанъ Маньковскій*,—что подписалъ онъ всеподданнѣйшее прошеніе потому, что видѣлъ общее, единогласное желаніе дворянства подать это прошеніе, и въ полномъ убѣжденіи, что ничего противузаконнаго не подписываетъ, такъ какъ все, что дѣлалось, дѣлалось въ полномъ собраніи дворянства и въ присутствіи прокурора. Онъ увѣренъ, что дворянство подольской губерніи никогда не могло имѣть даже мысли порицать установленный законами порядокъ, а высказало только неудобства мѣстной администраціи. Что же касается употребленныхъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи выраженій «всеобъемлющее желаніе края», «польское дворянство» и разныхъ другихъ,

то онъ, Маньковскій, признаетъ невозможнымъ таковыя разъяснить, такъ какъ онъ не составлялъ этого прошенія.

11) Бывшій литинскій предводитель дворянства коллежскій ассесоръ *Іосифъ Радзъіовскій*. — что дворяне, гдѣ только не собирались, говорили о подачѣ просьбы, въ которой бы изобразить вопіющія потребности края, именно: улучшеніе хлѣбопашества, торговли, увеличеніе средствъ къ просвѣщенію, къ чему весьма могло способствовать дарованіе права пользоваться тѣми самыми учрежденіями, которыми почти ежегодно Государь Императоръ надѣляетъ Царство Польское. Подольское дворянство основывалось на 135 ст. IX т. св. зак. о сост. изд. 1857 г., въ въ которой говорится: «представленія губернскому начальству и высшему правительству о нуждахъ дворянства, прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого либо постановленія, не считаются противузаконными, когда онѣ изложены съ соблюденіемъ всѣхъ приличій». Но въ этой статьѣ не объяснено, о чемъ можно просить и о чемъ нельзя. Дворянство было убѣждено въ томъ, что когда съ полною чистосердечностію изложить во всеподданнѣйшей просьбѣ своему Государю положеніе своего края, то это не можетъ быть сочтено за преступленіе. Сколько ни было дворянъ, никто изъ нихъ не имѣлъ мысли о дерзкомъ порицаніи государственнаго порядка, тѣмъ болѣе, что имѣлась надежда получить желательное удовлетвореніе, ибо дворянство желало только объяснить, что всего того, чѣмъ одарено Царство Польское, оно не имѣетъ. Редакція этой просьбы воспослѣдовала въ собраніи 200 лицъ, чрезъ посредство людей, не знающихъ литературнаго языка. Посему нѣтъ ничего удивительнаго, что просьба могла быть написана несообразнымъ слогомъ. По силѣ основныхъ законовъ Россійской Имперіи, только дворянство имѣетъ право, отъ общества своего, подавать всеподданнѣйшія прошенія. Собраніе, бывающее для выборовъ, говоритъ отъ лица цѣлой губерніи. По Высочайшему повелѣнію Имперія и Царство Польское составляютъ одно государство, что видно и на географической картѣ Россіи, слѣдовательно, просьба объ административномъ соединеніи подольской губерніи съ Царствомъ Польскимъ, не заключала въ себѣ посягательства на цѣлость имперіи, а по-

тому и не было принято во вниманіе ни различіе по вѣроисповѣданіямъ, ни различіе по сословіямъ и проч., и онъ думаетъ, что вслѣдствіе такого взгляда, редакція сочла нужнымъ употребить такія общія выраженія. Подъ административнымъ соединеніемъ западнаго края съ Царствомъ Польскимъ онъ понимаетъ такое соединеніе, какое было во времена управленія Его Высочества Константина Павловича подъ скипетромъ Россійскаго Государя, и если это соединеніе тогда считалось законнымъ, то дворянство не усматривало, чтобы и теперь просьба о такомъ соединеніи могла быть понимаема, какъ признакъ, выходящій изъ порядка. Шляхтою польскою само правительство называетъ ихъ, утверждая во дворянствѣ по документамъ и привиллегіямъ, какими предки ихъ пожалованы на Руси или въ Царствѣ Польскомъ королями польскими. Положеніе предводителей теперь совсѣмъ иное, чѣмъ какимъ оно было прежде; идея преобразованій проникла до самыхъ низшихъ слоевъ общества; такъ, при введеніи уставныхъ грамотъ, часто можно услышать отъ крестьянъ мнѣнія самыхъ отчаянныхъ коммунистовъ. Сосѣдство Австріи, гдѣ постоянно и систематически разрабатывается, подъ руководствомъ правительства, вопросъ раздѣленія областей по племенамъ, заронило и у нихъ сѣмена для возникновенія партіи украинской, которая сначала вооружила противъ нихъ простонародье, а потомъ въ періодическихъ изданіяхъ «Дня» и «Основы» выступила съ выводами, что они, будтобы, изъ своекорыстной цѣли преобладанія надъ народомъ, отреклись отъ своей народности и вѣры, предоставляя имъ на выборъ три, извѣстныя читателямъ, пункта своего предложенія. Это вызвало полемику, дозволенную правительствомъ, что сдѣлало сильное вліяніе на понятія молодыхъ людей. Между тѣмъ Высочайше былъ назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго членъ Императорскаго дома Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Назначеніе это оживило надежды, что возвращено будетъ то состояніе, какое существовало до 1831 г. Къ желанію этого возвращенія особенно побуждалъ упадокъ въ краѣ земледѣлія, промышленности и торговли, а всего этого надѣялись достигнуть съ административнымъ присоединеніемъ къ Царству Польскому. Наконецъ неограниченная увѣренность въ отеческое попеченіе Его Величества Государя, увѣренность въ томъ, что

для всякаго изъ его подданныхъ, какого бы сей послѣдній не былъ племени, Государь есть отецъ, къ которому всеподданнѣйшія просьбы не восходятъ и потому не имѣютъ желаемыхъ послѣдствій, побудило дворянство, чрезъ посредство своихъ представителей, ходатайствовать предъ Государемъ о своихъ нуждахъ, въ чемъ по долгу службы они отказать имъ не могли. Затѣмъ Радзѣіовскій объяснилъ, что принималъ участіе лишь подписаніемъ всеподданнѣйшаго прошенія, въ разсужденія же не вдавался. Развѣ извѣстная въ подольской губерніи и г. Кіевѣ личная непріязнь къ нему губернатора могла вызвать подобное обвиненіе. Нареканія дворянства обыкновенно всѣ относятся къ мѣстнымъ чиновникамъ, которые представляютъ ихъ въ черномъ свѣтѣ передъ правительствомъ. Всѣ благія распоряженія и узаконенія сокращаются мѣстными властями въ ихъ исполненіи относительно ихъ края и такимъ образомъ не достигаютъ своихъ истинныхъ цѣлей. Подъ названіемъ «политики» онъ не понималъ ничего болѣе, какъ то, что выше сказано, тѣмъ болѣе, что онъ въ редакціи не участвовалъ. Наконецъ Радзѣіовскій заявилъ, что дворянство литинскаго уѣзда было, есть и вѣроятно навсегда останется съ вѣрноподданническими чувствами къ своему Монарху, Императору Всероссійскому.

12) Бывшій винницкій предводитель дворянства губернскій секретарь *Людвикъ Пѣньковскій*,—что ему не представлялось, чтобы въ изложеніи всеподданнѣйшаго прошенія дворянства подольской губерніи заключалось что-нибудь неблаговидное; дворяне изложили свои нужды въ томъ твердомъ убѣжденіи, что прямое, откровенное и чистосердечное сознаніе у престола Августѣйшаго Монарха нуждъ,—устранитъ ихъ. Тѣмъ болѣе представлялось это непредосудительнымъ, что до 1830 г. подольская губернія была подвѣдомственна покойному Великому Князю Константину Павловичу, что губерніи подольская, волынская и кіевская нераздѣльны по управленію и что по географическому положенію подольской губерніи причисленіе ея къ административному управленію Царства Польскаго, безъ волынской губерніи, невозможно. Не считая выраженія въ прошеніи нуждъ и неудобствъ противнымъ закону, онъ не считалъ подпись прошенія нарушеніемъ присяги, тѣмъ болѣе, что присяга, выполненная предъ выборами, обязывала къ добросовѣстному испол-

нению всего, что касалось блага дворянства. Дворянство, владея исключительно поземельною собственностію, болѣе всего въ дѣлѣ заинтересовано, а потому считало себя обязаннымъ, при необразованности и простотѣ народа, просить и за него. Подъ выраженіемъ «административное единство Польши» онъ разумѣлъ присоединеніе подольской губерніи къ административному управленію Царства Польскаго, составляющаго часть имперіи. «Польскимъ дворянствомъ» онъ называетъ дворянство, образовавшееся при бывшемъ польскомъ правительствѣ. Господствующій духъ заключается во всеобщемъ желаніи исполненія мѣстными властями законовъ и постановленій правительства, въ дѣйствительномъ ихъ значеніи. Между тѣмъ мѣстное начальство руководствуется болѣе собственными убѣжденіями, и таковая политика мѣстнаго начальства чрезвычайно стѣснительна. Фактовъ много, но не приходятъ на мысль; довольно указать на раздачу правилъ 19 февраля, произведенную въ неустроенныя крестьянскія общества; отъ сего происходили недоразумѣнія крестьянъ съ ихъ послѣдствіями. Затѣмъ Пѣньковскій объяснилъ, что дворяне не имѣли стремленія къ нарушенію цѣлости, единства Имперіи, такъ-какъ Царство Польское составляетъ, наравнѣ съ подольскою губерніею, равную цѣлость Имперіи и подраздѣлено на губерніи. Прошеніе же заключаетъ въ себѣ просьбу о причисленіи къ административному управленію Царства Польскаго, сравнительно значительно улучшенному, имѣющему промышленность, болѣе оживленную отъ усовершенствованныхъ сообщеній, для того, чтобы въ подольской губерніи возможно было пользоваться такими же удобствами.

и 13) Бывшій балтскій предводитель дворянства, отставной полковникъ *графъ Роникеръ*,—что три губерніи: каменецъ-подольская, волынская и кіевская, подъ названіемъ западнаго края, постоянно находились въ административномъ союзѣ съ Царствомъ Польскимъ до 1829 г. Времена намѣстничества Великаго Князя Константина Павловича были послѣднимъ признакомъ общаго управленія. Нынѣ же, при водвореніи намѣстничества, съ назначеніемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, изъявлено было желаніе вернуться къ прежнему порядку, такъ какъ волынская губернія, по географическому своему положенію, не могла бы сохранить от-

дѣльную администрацію. Затѣмъ графъ Роникеръ присовокупилъ, что совершенно не имѣлъ въ виду порицать установленный государственными законами порядокъ, выставляя на видъ нужды края, при усерднѣйшемъ желаніи улучшенія недостатковъ его, согласно долгу службы. Произволъ и злоупотребленія мѣстныхъ властей, уничтоженіе гласнаго судопроизводства и постоянное подстрекательство крестьянъ противъ дворянства, были противны господствующему духу и причиною раздора. Оставаясь въ убѣжденіи, что цивилизованный классъ пользуется правомъ голоса и разсужденія объ нуждахъ, улучшеніи и положеніи края, онъ счелъ обязанностію своею, отвергая всякій исключительный сословный интересъ, говорить вообще въ пользу всѣхъ классовъ народонаселенія. Подъ выраженіемъ «административное единство Польши, со включеніемъ въ составъ ея западнаго края», онъ, Роникеръ, разумѣлъ введеніе административнаго порядка и устройства на образецъ Царства Польскаго, а подъ названіемъ «польскаго дворянства»—дворянство, утвержденное за заслуги по привиллегіямъ и грамотамъ королей польскихъ.—На дополнительныхъ допросахъ графъ Роникеръ объяснилъ, что выраженій, помѣщенныхъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи о возстановленіи административнаго единства съ краемъ, имѣющимъ по отношенію къ нему одинаковыя потребности, одни преданія, тождественныя понятія о гражданской и религіозной свободѣ и общіе пути развитія въ будущемъ, онъ не знаетъ, а равно условія присоединенія ему неизвѣстны. Затѣмъ графъ Роникеръ представилъ въ оправданіе свое записку, въ которой, чтобы выставить всѣ главные доводы, заставившіе подольское дворянство всеподданнѣйше просить перемѣны административнаго порядка, изложилъ неправильныя дѣйствія мѣстныхъ властей.

Изъ числа подсудимыхъ Поплавскій, по болѣзненному его состоянію, отданъ на поручительство брата его помѣщика Романа Поплавскаго.

По справкѣ оказалось, что бывшій гайсинскій предводитель дворянства Липковскій состоитъ подъ слѣдствіемъ и судомъ за арестованіе уманской инвалидной команды, препровождавшей партію арестантовъ, и что дѣло о немъ, согласно указу правительствующаго сената (по 1 департаменту), имѣетъ быть передано

на разсмотрѣніе одного изъ уѣздныхъ судовъ подольской губерніи.

По разсмотрѣніи вышеизложеннаго, правительствующій сенатъ постановилъ 19 декабря 1862 и 16 января 1863 года слѣдующую резолюцію:

Послѣдовавшими по настоящему дѣлу Высочайшими повелѣніями ясно высказалась воля Государя Императора судить бывшихъ предводителей дворянства подольской губерніи за то, что они не только дозволили дворянамъ своихъ уѣздовъ подписать прошеніе, въ коемъ они изложили преступныя стремленія свои, но и сами подписали оное, а потому опредѣленіе виновности предводителей дворянства прямо разрѣшается этими Высочайшими повелѣніями. Засимъ правительствующему сенату, прежде окончательнаго опредѣленія наказанія подсудимымъ, предлежитъ разсмотрѣть, какія послѣдствія имѣло и могло имѣть неисполненіе предводителями лежавшихъ на нихъ, по долгу службы и присяги, обязанностей. Для сего необходимо обсудить сущность представленнаго дворянами подольской губерніи прошенія. Основная мысль означеннаго прошенія заключается въ ходатайствѣ о присоединеніи, въ административномъ отношеніи, всего западнаго края къ Царству Польскому. На допросахъ, произведенныхъ въ правительствующемъ сенатѣ, бо́льшая часть подсудимыхъ объяснила, что подъ выраженіемъ «административное соединеніе съ Царствомъ», они понимали возстановленіе управленія краемъ въ томъ видѣ, какъ оно было при блаженной памяти Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ и что они подали прошеніе отъ имени всего края потому, что кіевская, подольская и волынская губерніи, подразумѣваемыя ими подъ названіемъ западнаго края, постоянно управлялись однимъ общимъ начальствомъ, при томъ же дворянству предоставлено законное право ходатайствовать о своихъ нуждахъ. Но эта ссылка подсудимыхъ на порядокъ управленія, существовавшій въ западномъ краѣ до 1830 г., не имѣетъ никакого основанія и очевидно придумана ими съ намѣреніемъ оправдать преступную цѣль, которая, по словамъ Высочайшаго повелѣнія, заключается въ стремленіи къ разрушенію цѣлости и единства Имперіи, ибо гражданская администрація западныхъ губерній, и во время командованія блаженныя памяти Великаго Князя Константина

Павловича польскою арміею и литовскимъ корпусомъ, никогда съ администраціею Царства Польскаго соединяема не была. Затѣмъ объясненіе подсудимыхъ, что при подачѣ прошенія дворянство пользовалось предоставленнымъ ему правомъ ходатайства предъ Его Императорскимъ Величествомъ о своихъ нуждахъ, не можетъ быть принято въ оправданіе потому, что содержаніе самаго прошенія противно 112 и 135 ст. IX т. св. зак. о сост. Сими узаконеніями дозволяется дворянскимъ собраніямъ ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о мѣстныхъ своихъ нуждахъ и просить о прекращеніи злоупотребленій и неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи. Въ настоящемъ случаѣ дворяне подольской губерніи перешли за предѣлы и употребили во зло предоставленное имъ закономъ право, ибо, кромѣ преступности самаго предмета ходатайства, о чемъ выше изложено было, дворяне подольской губерніи въ прошеніи своемъ ходатайствовали вовсе не за себя и не за свои мѣстныя нужды, но приняли на себя ходатайствовать за цѣлый край, большинство жителей котораго, по происхожденію своему, языку и господствующей вѣрѣ, не могло сочувствовать ихъ желаніямъ; независимо отъ сего, въ прошеніи этомъ помѣщены выраженія укорительныя: дѣйствующіе законы названы узаконеніями противными обычаямъ и преданіямъ страны, а мѣстная администрація—чуждою странѣ бюрократіею; сдѣлана ссылка на люблинскій договоръ, съ цѣлью доказать преобладающее значеніе въ странѣ элемента польскаго, причемъ бывшіе въ западномъ краѣ безпорядки выставлены какъ послѣдствія направленія правительства въ противность этому элементу, между тѣмъ какъ численность православнаго и русскаго населенія въ губерніяхъ кіевской, волынской и подольской почти въ 10 разъ превосходитъ населеніе польское. Причины же бывшихъ въ краѣ безпорядковъ слѣдуетъ искать не въ дѣйствіяхъ правительства, а въ противодѣйствіи меньшинства, вопреки чувствамъ справедливости, благимъ намѣреніямъ правительства и общей пользѣ всего населенія края. Въ оправданіе свое подсудимые хотя и показали, что они, имѣя въ виду только сущность всеподданнѣйшаго прошенія, подписали оное, не обративъ вниманія на подробности и, не бывъ редакторами, не могутъ принять на себя отвѣтственности за каждое помѣщенное въ немъ выраженіе,

но объясненіе это не можетъ служить къ ихъ оправданію, такъ какъ подпись ихъ на прошеніи должна служить совершеннымъ доказательствомъ полнаго ихъ согласія на редакцію ими подписаннаго акта, который, какъ изъ обстоятельствъ дѣла оказывается, предварительно подписанія, былъ прочитанъ собранію однимъ изъ подсудимыхъ, винницкимъ предводителемъ Пѣньковскимъ. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ сущность прошенія дворянъ подольской губерніи и признавая всѣ оправданія и объясненія подсудимыхъ не заслуживающими уваженія, на обязанности правительствующаго сената лежитъ, согласно съ послѣдовавшимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, опредѣлить наказаніе бывшимъ предводителямъ дворянства подольской губерніи за то, что они подписали означенное прошеніе, вмѣсто того, чтобы внушить дворянамъ всю противузаконность онаго и своимъ вліяніемъ не остановили ихъ отъ поступка, противнаго долгу дворянина и вѣрноподданнаго. Обязанность эту, лежавшую на исправлявшемъ должность губернскаго предводителя во время собранія дворянства (ст. 116 т. IX о сост.), уѣздные предводители имѣли полную возможность исполнить какъ на предварительныхъ совѣщаніяхъ, бывшихъ на ихъ квартирахъ, такъ и во время самаго подписанія прошенія, происходившаго, по собственному показанію подсудимыхъ, отдѣльно по каждому уѣзду. Подобнаго рода поступокъ, по 381 ст. улож., признается противузаконнымъ бездѣйствіемъ власти и влечетъ за собою отвѣтственность по 383 ст. Въ узаконеніи этомъ постановлены слѣдующія наказанія: отрѣшеніе отъ должности, исключеніе изъ службы, заключеніе въ крѣпость отъ 1 года до 2 лѣтъ, и, въ случаяхъ особенной важности, лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка на житье въ тобольскую или томскую губернію, съ временнымъ запрещеніемъ отлучки изъ мѣста жительства. Бездѣйствіе подсудимыхъ не имѣло особенно важныхъ послѣдствій, такъ-какъ оно ограничилось однимъ подписаніемъ противузаконнаго прошенія, но тѣмъ не менѣе прошеніе это, при той гласности, которою было обставлено составленіе онаго, и по содержанію своему, не могло не произвести нѣкотораго вліянія въ краѣ и не послужить поводомъ къ подобнымъ же преступнымъ манифестаціямъ и другимъ губерніямъ западнаго края, а потому правительствующій

совѣтъ признаетъ, что подсудимые заслуживаютъ среднее изъ вышеприведенныхъ наказаній, т. е. крѣпостное заключеніе въ крѣпости. Что же касается срока этого заключенія, то онъ не можетъ быть одинаковъ для всѣхъ подсудимыхъ, такъ какъ степень ихъ вины, а затѣмъ и отвѣтственности за оную, различна. Главнымъ виновникомъ является исправлявшій должность губернскаго предводителя дворянства Садовскій, который, по своему званію председателя дворянскаго собранія (4 п. 166 ст. IX т. св. зак. о сост.), обязанъ былъ принять рѣшительныя мѣры къ недопущенію дворянъ къ подписанію всеподданнѣйшаго прошенія преступнаго содержанія. На бывшаго балтскаго предводителя дворянства графа Ронникера возведено обвиненіе въ томъ, что, въ присутствіи прочихъ предводителей дворянства, онъ удостовѣрялъ, что Государь Императоръ, по добротѣ Своей, не подвергнетъ ихъ наказанію за поднесеніе всеподданнѣйшаго прошенія и что ему, какъ уроженцу западныхъ губерній, извѣстно, что присоединеніе къ Польшѣ есть общее желаніе края. Но какъ, по единогласному показанію всѣхъ подсудимыхъ, графъ Ронникеръ удостовѣрялъ только въ томъ, что имѣетъ счастіе знать лично Государя Императора и увѣренъ, что Его Величество всегда предпочтетъ правду лести, то, по мнѣнію правительствующаго сената, собственно это обстоятельство не можетъ увеличить мѣры наказанія графа Ронникера. Въ оправданіе свое графъ Ронникеръ представилъ въ правительствующій сенатъ объяснительную записку, въ которой изложилъ всѣ притѣсненія, испытываемыя дворянствомъ подольской губерніи отъ мѣстныхъ властей и сверхъ того притѣсненія, лично ему дѣланныя начальникомъ подольской губерніи. Не входя въ обсужденіе справедливости жалобъ, приведенныхъ графомъ Ронникеромъ, правительствующій сенатъ находитъ, что обстоятельство это подлежитъ разсмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Бывшій военный начальникъ края увѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ, что по удостовѣренію подольскаго гражданскаго губернатора, изъ подсудимыхъ Хелминскій, Гадзѣвскій, [illegible] и [illegible] принимали особенное участіе, въ предварительныхъ совѣщаніяхъ къ [illegible] подносенія всеподданнѣйшаго прошенія, но ни одинъ изъ этихъ подсудимыхъ не сознался въ этомъ и по дѣлу ничѣмъ не уличенъ. Независимо отъ сего,

бывшій ушицкій предводитель дворянства Хелминскій обвиняется въ томъ, что дворяне подольской губерніи, для обсужденія всеподданнѣйшаго прошенія, собирались на его квартирѣ; противъ этого подсудимый отозвался, что дворяне сходились дѣйствительно на его квартирѣ, но это было дѣломъ чисто случая, потому что квартира его была просторнѣе квартиръ другихъ предводителей дворянства, и что онъ никого изъ дворянъ, для обсужденія всеподданнѣйшаго прошенія, къ себѣ не приглашалъ, что̀ лучше всего доказывается тѣмъ, что на собраніяхъ этихъ не было дворянъ ушицкаго уѣзда, которыхъ онъ конечно пригласилъ бы первыхъ, если бы имѣлъ въ виду обсужденіе всеподданнѣйшаго прошенія. Бывшій винницкій предводитель дворянства Пѣньковскій сознался въ томъ, что на дворянскомъ собраніи, бывшемъ 19 сентября 1862 г., онъ прочелъ, во всеуслышаніе, всеподданнѣйшее прошеніе, сдѣлавъ это потому, что его о томъ просили, какъ одного изъ ближайшихъ сосѣдовъ начавшаго читать это прошеніе и не могшаго кончить чтеніе, за неимѣніемъ голоса. Показанія эти Хелминскаго и Пѣньковскаго ничѣмъ по дѣлу не опровергнуты, и потому взведенныя на нихъ обвиненія не могутъ увеличить ихъ отвѣтственности. Остальные затѣмъ подсудимые, хотя и не изобличаются въ особенно дѣятельномъ участіи въ разсужденіяхъ о поднесеніи Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшаго прошенія преступнаго содержанія, но такъ какъ въ отвѣтахъ, данныхъ ими правительствующему сенату, они оказали неискренность сознанія, стараясь различными изворотами оправдать сущность всеподданнѣйшаго прошенія, то и ихъ, равно какъ Хелминскаго, Пѣньковскаго и графа Роникера, слѣдуетъ приговорить къ заслуженному ими наказанію, но въ низшей онаго мѣрѣ, тогда какъ, по изложеннымъ основаніямъ, наказаніе это слѣдуетъ назначить Садовскому въ высшей мѣрѣ. Наконецъ въ дѣлѣ имѣются свѣдѣнія: а) что одинъ изъ подсудимыхъ—бывшій за проскуровскаго предводителя дворянства, Поплавскій, по удостовѣренію медика, не можетъ, безъ опасенія за его нравственныя силы, быть подвергнутъ въ настоящее время тюремному заключенію, б) что бывшій гайсинскій предводитель дворянства Липковскій находится подъ слѣдствіемъ по другому дѣлу, нынѣ еще неоконченному. Въ отношеніи къ симъ двумъ

подсудимымъ правительствующій сенатъ находитъ, что такъ какъ Поплавскій, безъ явной для его здоровья опасности, не можетъ быть подверженъ въ настоящее время, заключенію, то и слѣдуетъ пріостановиться приведеніемъ настоящаго приговора надъ нимъ въ исполненіе впредь до совершеннаго его выздоровленія. Что же касается Липковскаго, то, принимая во вниманіе, что подсудимый этотъ преданъ по настоящему дѣлу непосредственно суду правительствующаго сената, а возникшее отдѣльно о немъ дѣло должно имѣть ходъ обыкновеннымъ, установленнымъ законами для производства уголовныхъ дѣлъ порядкомъ, правительствующій сенатъ полагаетъ, не приводя надъ нимъ нынѣ приговора по сему дѣлу въ исполненіе, поставить въ извѣстность объ этомъ приговорѣ тотъ уѣздный судъ, въ которомъ будетъ производиться другое дѣло о Липковскомъ, для принятія сего приговора въ соображеніе при постановленіи рѣшенія о Липковскомъ, на основаніи изложенныхъ въ ст. 165 улож. правилъ о совокупности преступленій. — По всѣмъ симъ соображеніямъ правительствующій сенатъ опредѣлилъ: 1) исправлявшаго должность подольскаго губернскаго предводителя дворянства надворнаго совѣтника Александра Григорьева *Садовскаго*, 36 лѣтъ, заключить въ крѣпость на два года; 2) бывшихъ уѣздныхъ предводителей дворянства подольской губерніи: балтскато—отставнаго полковника графа Эдуарда *Роникера*, 38 лѣтъ; каменецкаго—коллежскаго регистратора Сигизмунда Юліанова *Червинскаго* 42 лѣтъ; за проскуровскаго—коллежскаго регистратора Александра Яковлева *Поплавскаго*, 52 лѣтъ; летичевскаго—коллежскаго регистратора Людоміра Викторова *Скибневскаго*, 33 лѣтъ; литинскаго—коллежскаго ассесора Іосифа Войцѣхова *Радзѣіовскаго*, 44 лѣтъ; винницкаго—губернскаго секретаря Людвика Камиллова *Плѣньковскаго*, 41 года; брацлавскаго — титулярнаго совѣтника Феликса Людвигова *Собанскаго*, 30 лѣтъ, гайсинскаго,—губернскаго секретаря Осипа-Венедикта-Амброзія (3-хъ именъ) Гейнрихова *Липковскаго* 30 лѣтъ; ольгопольскаго коллежскаго секретаря Казиміра, Антона-Іосифа-Семена (4-хъ именъ) Геронимова *Собанскаго*, 31 года; ямпольскаго коллежскаго регистратора Валеріана Северинова *Маньковскаго*, 35 лѣтъ; могилевскаго—коллежскаго регистратора Януарія Каликстова *Сулятицкаго*, 48 лѣтъ, и ушицкаго—коллеж-

скаго секретаря Игнатія Матвѣева *Хелминскаго*, 44 лѣтъ, заключить въ крѣпость на одинъ годъ и два мѣсяца; 3) приговоръ этотъ надъ Поплавскимъ исполнить, по совершенномъ его выздоровленіи; 4) равнымъ образомъ, не приводя въ исполненіе настоящаго приговора надъ Липковскомъ, предписать кіевскому военному, подольскому и волынскому генералъ-губернатору указомъ, чтобы онъ сдѣлалъ распоряженіе, дабы судъ, который будетъ разсматривать производящееся особо отъ сего о Липковскомъ дѣло, имѣлъ въ виду настоящее рѣшеніе правительствующаго сената, для постановленія о семъ подсудимомъ рѣшенія, по правиламъ, въ 165 ст. улож. установленнымъ; 5) объяснительную записку графа Ронікера, какъ заключающую въ себѣ изложеніе притѣсненій, претерпѣваемыхъ какъ дворянами подольской губерніи, такъ и лично имъ самимъ, отъ мѣстнаго начальства, препроводить, вмѣстѣ съ слѣдующими къ оной приложеніями, на усмотрѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Означенное рѣшеніе сената 18 января 1863 г. объявлено было подсудимымъ въ присутствіи 2 отдѣленія 5-го департамента сената при открытыхъ дверяхъ, и на основаніи онаго подсудимые, по распоряженію с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, того же числа отправлены были для заключенія въ с.-петербургскую крѣпость, а 17 апрѣля 1863 г. Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: освободить ихъ изъ крѣпости, съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ права избрать для себя мѣсто жительства въ великороссійскихъ губерніяхъ, кромѣ западнаго края и С.-Петербурга.

Дѣло по обвиненію бывшаго рогачевскаго уѣзднаго предводителя дворянства Богуша въ участіи по составленію противузаконнаго постановленія дворянства.

Начальникъ могилевской губерніи донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, что нѣкоторые дворяне рогачевскаго уѣзда могилевской губерніи, на происходившемъ 10 октября 1861 г. для дворянскихъ выборовъ уѣздномъ собраніи, составили противузаконное постановленіе, съ намѣреніемъ повергнуть его на Высочайшее воззрѣніе.

Съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, означенное постановленіе было отобрано, по распоряженію начальника губерніи. Оно оказалось подписаннымъ мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и дворянами, въ числѣ *сорока семи* человѣкъ.

Въ постановленіи этомъ дворяне рогачевскаго уѣзда могилевской губерніи, вспоминая о правахъ и привиллегіяхъ, которыми бѣлорусскій край пользовался при польскихъ короляхъ, и войдя въ подробное разсмотрѣніе трактатовъ императрицы Екатерины II-ой и императора Александра I-го, по которымъ будто бы привиллегіи эти должны сохраняться, заключили просить Государя: о возобновленіи употребленія въ могилевской губерніи польскаго языка какъ въ училищахъ, такъ и при дѣлопроизводствѣ, о возвращеніи публичнаго и гласнаго судопроизводства, о присоединеніи рогачевскаго уѣзда, вмѣстѣ со всею губерніею, къ литовскимъ, съ которыми губернія эта искони была соединена, о присоединеніи учебныхъ заведеній могилевской губерніи къ виленскому учебному округу, объ открытіи на прежнемъ основаніи виленскаго университета, о предоставленіи всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ строить храмы и молиться, гдѣ и какъ пожелаютъ, а при смѣшанныхъ бракахъ крестить и воспитывать дѣтей въ той вѣрѣ, въ которой захотятъ, наконецъ для дарованія свободы личной и гражданской всѣмъ сословіямъ въ государствѣ, допустить собраніе выборныхъ депутатовъ для выслушанія просьбъ о нуждахъ всѣхъ подданныхъ. О чемъ, составивъ актъ, дворянство рогачевскаго уѣзда поручило повергнуть желаніе свое, чрезъ губернскаго предводителя, на Высочайшее усмотрѣніе.

Государь Императоръ, по разсмотрѣніи обстоятельствъ этого дѣла, Высочайше повелѣлъ: уволеннаго уже отъ должности рогачевскаго уѣзднаго предводителя отставнаго подполковника Ивана Богуша, виновнаго въ томъ, что во время происходившаго подъ его предсѣдательствомъ уѣзднаго дворянскаго собранія, онъ не только не внушилъ дворянству, какъ того требовалъ отъ него долгъ службы и присяги, противузаконности содержанія вышеозначеннаго постановленія, но самъ первый подписалъ его—предать суду сената.

Вслѣдствіе сего Богушъ, по распоряженію 1-го отдѣленія 5-го департамента сената, вызванъ былъ изъ могилевской губерніи въ С.-Петербургъ и, по прибытіи его туда, отобрана отъ него под-

писка, что онъ до окончанія дѣла изъ С.-Петербурга отлучаться не будетъ.

25 апрѣля подсудимому, въ присутствіи сената, прочитано было Высочайшее повелѣніе о преданіи его суду и поименованы лица, которыя будутъ участвовать въ сужденіи и производствѣ его дѣла, для объясненія, не имѣетъ ли онъ на кого либо изъ нихъ подозрѣнія. Подсудимый далъ подписку, что ни на кого изъ означенныхъ лицъ подозрѣнія не имѣетъ.

Затѣмъ 1-го мая подсудимому, въ присутствіи сената, предложены были по существу дѣла слѣдующіе вопросы: признаетъ ли онъ подпись свою на постановленіи дворянства рогачевскаго уѣзда? Когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ оно было составлено и не внушено ли оно дворянамъ самимъ подсудимымъ? Понималъ ли онъ противузаконность этого постановленія, такъ какъ оно касалось не одного дворянства рогачевскаго уѣзда и нуждъ его, а всего населенія не только всей могилевской губерніи, но и всей имперіи, и предметовъ, вовсе не подлежавшихъ обсужденію дворянскихъ собраній? Почему, вмѣсто того, чтобы объяснить дворянству противузаконность содержанія означеннаго постановленія, онъ допустилъ написать оное и первый подписалъ его? Что побудило его подписать это постановленіе, когда въ немъ заключалось ходатайство не одного дворянскаго сословія, исповѣдующаго римско-католическую вѣру, но всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и крестьянъ, и всѣхъ вѣроисповѣданій,—когда въ немъ излагалось домогательство объ употребленіи въ училищахъ и дѣлопроизводствѣ польскаго языка въ могилевской губерніи и о присоединеніи этой губерніи къ литовскимъ, между тѣмъ какъ по статистическимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что народонаселеніе рогачевскаго уѣзда состоитъ изъ 91362 бѣлоруссовъ и великороссіянъ и только 5565 поляковъ, изъ 90271 православныхъ и только 6747 католиковъ,—когда, слѣдовательно, огромное большинство жителей уѣзда никакихъ подобныхъ желаній не только не заявляло, но, по своему отдѣльному отъ жителей польскаго происхожденія положенію, и имѣть ихъ не могло, и наконецъ, когда въ означенномъ постановленіи предполагалось допустить собраніе выборныхъ депутатовъ, что противно существующимъ постановленіямъ? Какія были намѣренія его относительно дальнѣйшаго направленія означеннаго постановленія, гдѣ постановленіе это

хранилось до дня отобранія его и когда и кѣмъ оно отобрано? Не имѣетъ ли онъ объяснить что либо къ своему оправданію?

На эти вопросы Богушъ письменно отвѣтилъ: предъявленное ему постановленіе подписано имъ собственноручно. Составлено оно въ собраніи дворянъ, въ городѣ Рогачевѣ, когда онъ, Богушъ, занявшись баллотированіемъ уполномоченныхъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, предоставилъ дворянамъ самимъ совѣщаться и составлять записки о ихъ нуждахъ и пользахъ, для представленія таковыхъ, при предстоящихъ выборахъ, на обсужденіе губернскому предводителю и дворянскому собранію. Между составленными дворянами записками или проектами оказалось и настоящее постановленіе, которое дворянами было одобрено и подписано, съ требованіемъ отъ него—предотавить его къ губернскому предводителю дворянства. Сочиняемо и внушаемо постановленіе это имъ не было. Хотя онъ, Богушъ, и не былъ согласенъ относительно своевременности подачи этого прошенія, а также содержанія нѣкоторыхъ пунктовъ, считая его неумѣстнымъ и неудобоисполнимымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, полагая неудобнымъ публично совѣщаться объ этомъ съ дворянами, это постановленіе принялъ, какъ предварительное, не имѣющее оффиціальнаго значенія и долженствующее поступить на обсужденіе губернскаго предводителя и дворянскаго собранія, гдѣ все неумѣстное и неудобоисполнимое будетъ устранено, уничтожено, и что засимъ постановленіе это, въ настоящемъ его видѣ, на благоусмотрѣніе государя императора представлено не будетъ. Какъ представитель дворянъ, ими избранный, онъ, Богушъ, считалъ себя обязаннымъ, согласно ихъ желанію, подписать составленное ими постановленіе, которое они основывали на законѣ, дозволяющемъ всеподданнѣйше просить Государя обо всемъ, и что нѣтъ такого закона, который бы опредѣлялъ, о чемъ дворянство можетъ просить Государя и о чемъ не можетъ. Къ сему Богушъ присовокупилъ, что онъ полагаетъ, что дворянство не имѣло никакого худаго намѣренія въ ходатайствѣ не о какихъ либо исключительныхъ для себя выгодахъ, а о предметахъ, одинаково полезныхъ для всѣхъ сословій, не только рогачевскаго уѣзда, но и всего бѣлорусскаго края. Въ ходатайствованіи дворянства о римско-католической вѣрѣ и польскомъ языкѣ не заключается, какъ ему кажется, также никакого посягательства на права большинства народонаселенія, которое исповѣдуетъ православ-

ную вѣру и говоритъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, потому что дворянство просило не о сдѣланіи римско-католической вѣры господствующею, а о вѣротерпимости, и не о принужденіи всѣхъ употреблять польскій языкъ, но о дозволеніи говорящимъ польскимъ языкомъ обучаться ему и безпрепятственно пользоваться этимъ языкомъ. Вышеупомянутое постановленіе онъ считалъ себя не въ правѣ скрыть или уничтожить, и везъ его въ г. Могилевъ для представленія губернскому предводителю дворянства, но на пути, не доѣзжая 26 верстъ до Могилева, остановленъ былъ капитаномъ Вечеславомъ, которому и предъявилъ добровольно всѣ находившіяся при немъ бумаги.—На послѣдній вопросъ Богушъ объяснилъ, что онъ вступилъ въ должность предводителя дворянства изъ кандидатовъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до срока, назначеннаго для дворянскихъ выборовъ; до этого же времени служилъ только въ военной службѣ и потому порядокъ выборной службы основательно извѣстенъ ему не былъ.

Изъ вытребованнаго сенатомъ формулярнаго списка о службѣ отставнаго подполковника Богуша видно, что онъ вѣроисповѣданія римско-католическаго, отъ роду имѣетъ 49 лѣтъ, происходитъ изъ дворянъ, воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ артиллеріи съ 1832 по 1854 г., въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ.

По разсмотрѣніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, правительствующій сенатъ 23 мая 1862 г., постановилъ слѣдующее опредѣленіе: предварительно обсужденія виновности подсудимаго Богуша, необходимо опредѣлить свойство содѣянныхъ имъ преступныхъ дѣйствій. Для сего слѣдуетъ прежде всего войти въ разсмотрѣніе свойства постановленія, составленнаго рогачевскимъ дворянствомъ, и опредѣлить степень противузаконности этого постановленія. Постановленіе рогачевскихъ дворянъ составлено въ видѣ протокола, подписано предводителемъ дворянства Богушемъ и 47 дворянами, причемъ уѣздный предводитель Богушъ самъ везъ его для представленія губернскому предводителю дворянства. Поэтому актъ этотъ долженъ былъ признанъ оффиціальнымъ и окончательнымъ. Содержаніе этого постановленія составляетъ ходатайство дворянъ предъ государемъ императоромъ о возвращеніи имъ правъ и преимуществъ, которыми они пользовались при короляхъ польскихъ, о возобновленіи употребленія въ моги-

левской губерніи польскаго языка въ училищахъ и при дѣлопроизводствѣ, о публичномъ и гласномъ судопроизводствѣ, о присоединеніи учебныхъ заведеній могилевской губерніи къ виленскому учебному округу, объ открытіи виленскаго университета, о полной свободѣ христіанскихъ исповѣданій, о присоединеніи рогачевскаго уѣзда, вмѣстѣ со всею губерніею, къ литовскимъ, о дозволеніи родителямъ, при смѣшанныхъ бракахъ, крестить и воспитывать дѣтей въ той вѣрѣ, въ которой пожелаютъ, и о дозволеніи собранія выборныхъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій государства для выслушанія просьбъ о нуждахъ всѣхъ вѣрноподданныхъ его императорскаго величества. Далѣе, въ подкрѣпленіе своего ходатайства, рогачевское дворянство упомянуло о привиллегіяхъ и преимуществахъ, которыми оно нѣкогда пользовалось при короляхъ польскихъ, и вошло въ толкованіе трактатовъ императрицы Екатерины II и императора Александра I. Въ основаніе къ составленію означеннаго постановленія подписавшіе оное дворяне рогачевскаго уѣзда привели 112 ст. IX т. св. зак. о состояніяхъ изд. 1857 г. Этою статьею закона дозволяется дворянству въ собраніи дѣлать совѣщаніе о своихъ нуждахъ и пользахъ, представлять объ оныхъ чрезъ губернскаго предводителя начальнику губерніи и министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ случаяхъ важныхъ приносить и всеподданнѣйшія прошенія Императорскому Величеству. Въ тѣхъ же законахъ (ст. 100—134) весьма подробно опредѣлены права, предметы вѣдомства и кругъ дѣйствій дворянскихъ собраній. Въ ст. 135-й заключается запрещеніе дворянству составлять положенія, противныя законамъ, при чемъ выяснено, что представленія правительству о нуждахъ дворянства и о прекращеніи *мѣстныхъ* злоупотребленій и неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, не считаются противузаконными, хотя бы эти неудобства происходили и отъ общаго какого либо государственнаго постановленія. Такимъ образомъ, противузаконными положеніями слѣдуетъ считать тѣ, при составленіи которыхъ дворянство выступило изъ предѣловъ своего круга дѣйствій, означеннаго въ приведенныхъ статьяхъ, и ходатайство объ измѣненіи существующихъ постановленій только тогда не считается беззаконнымъ, когда дворянство касалось лишь мѣстныхъ нуждъ и неудобствъ, и очевидно, что когда ему разрѣшено представлять о неудобствѣ общаго закона, то лишь по примѣ-

ненію онаго къ мѣстнымъ нуждамъ и съ объясненіемъ, въ чемъ именно и по какимъ причинамъ общій законъ можетъ требовать изъятія для мѣстности. Изъ сего слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе дворяне въ собраніи, при составленіи положенія, вышли изъ предѣловъ указанной имъ закономъ дѣятельности и нарушили права, дарованныя имъ по этому предмету Высочайшею властію, тѣмъ выше и степень противузаконности ихъ постановленія. Вышеизложенное содержаніе постановленія рогачевскихъ дворянъ показываетъ, что они, подъ предлогомъ объясненія мѣстныхъ нуждъ и неудобствъ, *которыхъ не указали*, дозволили себѣ войти въ сужденіе предметовъ, относящихся до общихъ коренныхъ государственныхъ постановленій и учрежденій, и даже дозволяли себѣ толкованіе трактатовъ и дѣйствій высшаго правительства. Посему постановленіе ихъ, составленное въ явное нарушеніе вышеприведенныхъ законовъ, оказывается въ высшей степени противузаконнымъ, и слѣдуетъ признать, что въ этомъ случаѣ, они въ противность общественнаго порядка далеко превысили предѣлы предоставленныхъ имъ правъ и нарушили вѣрноподданническія обязанности. По закону (ст. 138, IX т.), на предводителя дворянства возложена обязанность строго охранять правила, о порядкѣ дворянскихъ собраній постановленныя, и не допускать никого выходить изъ предѣловъ, законами установленныхъ. Въ точное исполненіе сего закона, прямою обязанностію Богуша, по долгу его службы и вѣрноподданнической присяги, особенно въ виду столь важнаго нарушенія дворянствомъ предѣловъ законнаго круга его дѣйствій, было—указать дворянамъ законы, опредѣляющіе права дворянскихъ собраній, внушить имъ всю преступность ихъ дѣйствій, и наконецъ не допустить ихъ до составленія и подписанія постановленія, коимъ они выходили изъ закономъ установленныхъ предѣловъ. Предводитель Богушъ не исполнилъ этой обязанности; онъ допустилъ составленіе противузаконнаго постановленія, по собственному его сознанію онъ даже не старался объяснить дворянамъ неправильность ихъ дѣйствій и не принялъ никакихъ мѣръ къ прекращенію злоупотребленія дарованныхъ имъ правъ, и даже *считалъ неудобнымъ совѣщаться объ этомъ съ дворянами;* наконецъ онъ самъ подписалъ противузаконное постановленіе и этимъ дѣйствіемъ далъ возможность составить противузаконное постановленіе, которое, безъ его подписи, не могло бы имѣть

дальнѣйшаго движенія. По симъ соображеніямъ правительствующій сенатъ находитъ, что бывшій рогачевскій предводитель дворянства Богушъ оказывается виновнымъ въ важномъ нарушеніи возложенныхъ на него закономъ обязанностей, предусмотрѣнномъ въ 380 и 381 ст. ул., и подлежитъ за это одному изъ наказаній, означенныхъ въ 383 ст. ул. Обращаясь засимъ къ назначенію самаго наказанія, правительствующій сенатъ признаетъ, что по важности нарушенія подсудимымъ Богушемъ своихъ обязанностей и сопровождавшимъ оное обстоятельствамъ, должно ему назначить строжайшее изъ наказаній въ первой части вышеприведенной 383 ст. указанныхъ, а именно—заключеніе въ крѣпости на время отъ одного года до двухъ лѣтъ. Принимая во вниманіе съ одной стороны отсутствіе уменьшающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ, а съ другой полную нераскаянность въ винѣ его, неискренность въ отвѣтахъ, упорное стараніе посредствомъ несбыточныхъ изворотовъ доказать невинность своихъ дѣйствій, безъ представленія однако же къ тому заслуживающихъ уваженія доводовъ, званіе его и нарушеніе личныхъ обязанностей, правительствующій сенатъ находитъ справедливымъ назначить ему, согласно 141 ст. XV т. кн. I, приведенное выше наказаніе въ средней мѣрѣ, а именно заключить его въ крѣпость на полтора года. По симъ соображеніямъ и на основаніи вышеизложенныхъ законовъ правительствующій сенатъ опредѣлилъ: отставнаго подполковника Ивана Иванова Богуша заключить въ крѣпость на полтора года.

Во исполненіе сего опредѣленія Богушъ 21 августа 1862 года заключенъ былъ въ С.-Петербургскую крѣпость, но по особому Высочайшему повелѣнію освобожденъ изъ оной 26 августа того же года по случаю празднованія торжественнаго дня коронованія его императорскаго величества.

Дѣло о второй дуели Михаила Юрьевича Лермонтова (писателя *).

15 іюля 1841 г. въ 7-мъ часу вечера близъ г. Пятигорска, у подошвы горы Машухи между поручикомъ Лермонтовымъ и ма-

*) Дѣло о первой дуели М. Ю. Лермонтова напечатано въ I вып. русск. угол. проц. стр. 556—560.

іоромъ Мартыновымъ произошла дуель, на которой убитъ первый изъ нихъ. Секундантами при этомъ были со стороны Лермонтова—кн. Васильчиковъ, а со стороны Мартынова — корнетъ Глѣбовъ *).

Дуель назначена была на пистолетахъ, на разстояніи 15 шаговъ, но отъ барьера въ каждую сторону отмѣрено было еще по 10 шаговъ, гдѣ противники должны были первоначально стать. Особаго права на первый выстрѣлъ по условію никому изъ нихъ не дано; каждый могъ стрѣлять или стоя на мѣстѣ или подойдя къ барьеру. На основаніи такого условія, когда Лермонтовъ и Мартыновъ стали на крайнихъ точкахъ отмѣреннаго между ними разстоянія, то одинъ изъ секундантовъ подалъ знакъ рукою, и они по сему знаку, сойдясь къ барьеру, остановились. Первымъ выстрѣлилъ Мартыновъ и нанесъ Лермонтову рану въ правый бокъ на вылетъ, отъ которой Лермонтовъ мгновенно умеръ, не успѣвъ даже выстрѣлить.

Послѣ сего Мартыновъ съ корнетомъ Глѣбовымъ возвратились въ Пятигорскъ, а князь Васильчиковъ оставался на мѣстѣ дуели до присылки за тѣломъ Лермонтова людей, которые и привезли оное тогда же въ Пятигорскъ. По возвращеніи съ мѣста дуели, корнетъ Глѣбовъ немедленно явился къ тамошнему коменданту и объявилъ ему о произшествіи.

Изъ медицинскаго освидѣтельствованія тѣла Лермонтова оказалось, что пистолетная пуля, попавъ въ правый бокъ ниже послѣдняго ребра, въ мѣстѣ срастанія ребра съ хрящемъ, пробила правое и лѣвое легкія, поднимаясь вверхъ, вышла между пятымъ и шестымъ ребрами лѣвой стороны и при выходѣ прорѣзала мягкія части лѣваго плеча.

При слѣдствіи и въ судѣ Мартыновъ показалъ слѣдующее: съ самаго пріѣзда его въ Пятигорскъ Лермонтовъ не пропускалъ ни одного случая, когда бы онъ могъ сказать ему что-либо непріятное: остроты, колкости, однимъ словомъ все, чѣмъ только можно досадить человѣку, не касаясь до его чести. Онъ, Мартыновъ, по-

*) Корнетъ Глѣбовъ присланъ былъ въ Пятигорскъ изъ крѣпости Грозной по распоряженію начальства для излеченія полученной въ сраженіи раны, князь Васильчиковъ уволенъ былъ туда въ отпускъ, а поручикъ Лермонтовъ остался тамъ въ іюнѣ мѣсяцѣ за болѣзнію, при слѣдованіи на службу изъ Ставрополя въ крѣпость Темиръ-Ханъ-Шуру.

казывалъ Лермонтову, какъ могъ, что не намѣренъ служить мишенью для его шутокъ, но Лермонтовъ дѣлалъ видъ какъ будто не замѣчалъ этого. Недѣли три тому назадъ, во время болѣзни Лермонтова, показатель высказалъ ему все откровенно, и просилъ перестать насмѣхаться. Лермонтовъ, отшучиваясь, ничего не обѣщалъ, и предлагалъ ему въ свою очередь смѣяться надъ нимъ, однако пересталъ на нѣсколько дней насмѣхаться, но потомъ снова принялся за прежнее. На вечерѣ въ одномъ частномъ домѣ *) за два дня до дуели Лермонтовъ вывелъ его, Мартынова, изъ терпѣнія, привязываясь къ каждому его слову и на каждомъ шагу показывалъ явное желаніе досадить. Тогда онъ, Мартыновъ, рѣшился положить этому конецъ. При выходѣ изъ того дома, онъ удержалъ Лермонтова за руку и пошелъ съ нимъ рядомъ; тутъ онъ сказалъ Лермонтову, что уже просилъ его прекратить эти несносныя шутки и теперь предупреждаетъ, — что если онъ еще разъ вздумаетъ выбрать его предметомъ своей остроты, то онъ, Мартыновъ, заставитъ его перестать. — Лермонтовъ, не давъ ему кончить, сказалъ, что ему тонъ этой проповѣди не нравится, что Мартыновъ не можетъ запретить ему говорить про него то, что онъ хочетъ, и въ заключеніе сказалъ: «вмѣсто пустыхъ угрозъ ты гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ; ты знаешь, что я отъ дуели никогда не отказываюсь, слѣдовательно ты никого этимъ не испугаешь». Въ это время оба они подошли къ дому Лермонтова, и Мартыновъ сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ пришлетъ къ нему своего секунданта.

Возвратившись на свою квартиру, онъ, Мартыновъ, велѣлъ своему человѣку попросить къ себѣ Глѣбова, который пришелъ къ нему черезъ четверть часа и, выслушавъ обо всемъ, согласился быть его секундантомъ. Глѣбовъ началъ уговаривать показателя оставить эту дуель, но онъ на сіе не согласился, прибавивъ, что если Глѣбовъ или кто-либо Лермонтова увѣритъ, что не онъ, Мартыновъ, вызываетъ, но его вызываютъ, [illegible] Мартынову, [illegible] сдѣлать [illegible] къ примиренію. На другой день показатель потребовалъ отъ Лермонтова формальнаго удовлетворенія. Князь Васильчиковъ и Глѣбовъ всѣми силами старались достигнуть примиренія противниковъ, но такъ-какъ они не могли

*) Генеральши Верзилиной.

сказать ему, Мартынову, ничего отъ имени Лермонтова, то дуель состоялась. Условлено было сойтись на мѣстѣ въ $6^1/_2$ часовъ по полудни; онъ, Мартыновъ, выѣхалъ немного ранѣе изъ своей квартиры верхомъ, бѣговыя-же дрожки свои онъ далъ Глѣбову, который догналъ его уже на дорогѣ. Васильчиковъ и Лермонтовъ также ѣхали верхомъ. По прибытіи на мѣсто, лошадей они привязали къ кустарнику, барьеръ былъ отмѣренъ въ 15 шаговъ и отъ него въ обѣ стороны еще по 10 шаговъ. Они, Мартыновъ и Лермонтовъ, стали на крайнихъ точкахъ. По условію дуели каждый изъ нихъ имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. Онъ, Мартыновъ, первый пришелъ на барьеръ, ждалъ нѣсколько времени выстрѣла Лермонтова, потомъ спустилъ курокъ. При дуели, кромѣ секундантовъ, никто не присутствовалъ.

Генеральша Верзилина подъ присягою показала, что дѣйствительно 13 іюля 1841 г. вечеромъ были у нея въ домѣ Мартыновъ и Лермонтовъ, но непріятностей между ними она не слыхала и не замѣтила.

Кн. Васильчиковъ и Глѣбовъ объяснили, что они въ тотъ же вечеръ были вмѣстѣ съ Лермонтовымъ и Мартыновымъ въ домѣ Верзилиной, но при нихъ ссоры не происходило и они о ней узнали послѣ, ибо уходя отъ Верзилиной, они пошли впередъ, оставивъ вдвоемъ Лермонтова и Мартынова. Объ обстоятельствахъ дуели кн. Васильчиковъ и Глѣбовъ показали, согласно вышеизложенному, прибавивъ, что хотя они употребляли всѣ усилія къ отклоненію Лермонтова и Мартынова отъ дуели, но Мартыновъ, считая себя обиженнымъ и указывая на сказанныя ему Лермонтовымъ слова, намекавшія о дуели, оставить сдѣланнаго имъ вызова не согласился. Увѣдомить же о семъ начальство они, Глѣбовъ и Васильчиковъ, не могли, потому что дали слово противникамъ не говорить никому о произшедшей между ними ссорѣ (*).

Военный судъ, признавая подсудимыхъ по обстоятельствамъ дѣла и собственному ихъ сознанію виновными—маіора Мартынова въ произведеніи дуели съ поручикомъ Лермонтовымъ и убійствѣ его на этой дуели, а корнета Глѣбова и титул. совѣтника кн Васильчикова въ томъ, что они не донесли начальству о намѣре-

(*) Подсудимые съ 15 іюля по 25 сентября 1841 г. содержались подъ арестомъ, а послѣ того находились на свободѣ.

нія Лермонтова и Мартынова къ дуели и находились при оной секундантами, приговорилъ: всѣхъ троихъ подсудимыхъ на основаніи св. воен. постан. 5 ч., 1 кн. ст. 392, 393 и 398 лишить чиновъ и правъ состоянія.

Командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, признавая подсудимыхъ виновными: маіора Мартынова въ произведеніи съ поручикамъ Лермонтовымъ поединка, на которомъ убилъ его, а корнета Глѣбова и тит. сов. кн. Васильчикова въ принятіи на себя посредничества въ этой дуели, полагалъ: маіора Мартынова въ уваженіе прежней его безпорочной службы, начатой въ гвардіи, отличія, оказаннаго въ экспедиціи противъ горцевъ въ 1837 г., за что онъ удостоенъ ордена Св. Анны 3 степени съ бантомъ, и того, что Мартыновъ вынужденъ былъ къ произведенію дуели съ Лермонтовымъ безпрестанными его обидами, на которыя долгое время отвѣтствовалъ увѣщаніемъ и терпѣніемъ,—лишивъ чиновъ и ордена, написать въ солдаты до выслуги, а корнета Глѣбова и кн. Васильчикова, хотя слѣдовало бы подвергнуть одинаковому наказанію съ маіоромъ Мартыновымъ, но принимая во вниманіе молодость ихъ, хорошую службу, бытность перваго изъ нихъ въ экспедиціи противъ горцевъ въ 1840 г. и полученную имъ тогда тяжелую рану,—вмѣнивъ имъ въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ до преданія суду, выдержать еще въ крѣпости на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ и Глѣбова перевести изъ гвардіи въ армію тѣмъ-же чиномъ.

По внесеніи сего дѣла на разсмотрѣніе Государя Императора, въ 3 день января 1842 г., послѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе: «маіора Мартынова посадить въ кіевскую крѣпость на гауптвахту на три мѣсяца, и предать церковному покаянію. Титулярнаго совѣтника князя Васильчикова и корнета Глѣбова простить, перваго во вниманіе къ заслугамъ отца, а втораго по уваженію полученной тяжелой раны».

Дѣло о дуели между барономъ Иваномъ Остенъ-Сакеномъ и Юліусомъ Клейстомъ.

1 іюля 1843 года, въ курляндской губерніи, близъ Митавы, на мызѣ Гавезенъ, принадлежащей отставному капитану Клейсту,

во время отсутствія послѣдняго,—по приглашенію его сына, отставнаго штабсъ-ротмистра Дидриха Клейста, участвовать въ охотѣ за дикими козами,—собралось нѣсколько человѣкъ сосѣднихъ дворянъ, именно: двоюродный братъ Клейста, маршъ-коммисаръ добленскаго гауптманскаго суда Юліусъ Клейстъ, камеръ-юнкеръ баронъ Кетлеръ, бароны: Фридрихъ и Германъ Сакены, Карлъ Мантейфель, отставной *поручикъ Иванъ Остенъ-Сакенъ*, наконецъ кураторъ имѣнія Прекульнъ фонъ Ганъ. Охота происходила въ принадлежащемъ къ мызѣ Гавезенъ лѣсу, называемомъ Теннене, въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ мызы, и продолжалась отъ половины девятаго до 10 часовъ утра. Охотники возвратились на мызу вмѣстѣ, (исключая Юліуса Клейста), а вскорѣ всѣ и разъѣхались оттуда. Остались на мызѣ только штабсъ-ротмистръ Клейстъ и фонъ Корфъ. Между тѣмъ для отысканія Юліуса Клейста, штабсъ-ротмистръ Клейстъ послалъ съ мызы нѣсколько человѣкъ крестьянъ, которые нашли его въ томъ лѣсу, гдѣ происходила охота, *мертвымъ*, съ прострѣленною грудью.

Тѣло его тогда же было перевезено на мызу, и штабсъ-ротмистръ Клейстъ, приказавъ мѣстной экономіи донести о смерти Юліуса въ гробинскій гауптманскій судъ, самъ въ тотъ же день съ Корфомъ уѣхалъ въ Либаву.

По сему донесенію произведено было гауптманомъ слѣдствіе. Люди, отыскавшіе мертвое тѣло, отозвались, что они нашли оное въ лѣсу, лежащимъ на спинѣ. Въ рукѣ у Клейста былъ выстрѣленный пистолетъ; на лѣво отъ него лежали: заряженное ружье, охотничья сумка и пальто, а на право шейный платокъ. Рубашка на груди была открыта, панталоны растегнуты и открыты.

При осмотрѣ тѣла, найдено у него на пальцѣ лѣвой руки кольцо, въ видѣ незабудки, и золотой футлярчикъ, въ видѣ сердца; внутри футлярчика бумажка съ словами «*люблю тебя*». Въ карманѣ кафтана его найдена записка слѣдующаго содержанія: «Дабы вы, любезные мои, оставшіеся по мнѣ родственники, не «сомнѣвались болѣе на счетъ моего исчезанія*), я симъ призна«юсь вамъ, что безотрадная жизнь заставляетъ меня искать свою «смерть посредствомъ самоубійства; Богъ моимъ молитвамъ,

*) Такъ въ подлинномъ.

«взять меня къ себѣ, не внималъ, почему я самъ себѣ причи-«няю смерть. Прощайте». Подписано: «вашъ Юліусъ Клейстъ».

По медицинскому освидѣтельствованію трупа оказалось: на груди рана отъ огнестрѣльнаго оружія около пятаго ребра, нѣсколько въ правой сторонѣ, а мѣсто вылета пули было между 4 и 5 ребрами съ лѣвой стороны. Окружность прохода пули соотвѣтствовала дулу найденнаго пистолета. Другихъ наружныхъ повреждений не было. При внутреннемъ осмотрѣ грудь во всѣхъ частяхъ оказалась наполненною кровяною жидкостію. Пятое ребро раздроблено пулею, которая прошла чрезъ правое легкое и чрезъ сердце и проникла въ лѣвое легкое. Производившій свидѣтельство медикъ заключилъ, что по найденной въ карманѣ Клейста запискѣ, должно полагать, что онъ былъ недоволенъ своею участью и можетъ быть питая тайную любовь, на которую намекаютъ найденныя у него кольцо и золотое сердце, и предвидя невозможность исполненія своихъ желаній, самъ себя лишилъ жизни.

На допросахъ при слѣдствіи, участвовавшіе въ означенной охотѣ лица: баронъ Кетлеръ, баронъ Германъ и Фридрихъ Сакены и Мантейфель, штабсъ--ротмистръ Клейстъ, ассесоръ Корфъ и дворянинъ Ганъ объяснили, что по прибытіи на мѣсто, назначенное для охоты, оставивъ экипажи свои на большой дорогѣ, они разсыпались по лѣсу въ разныя стороны, чтобы занять мѣста, но потерявъ изъ слуху собакъ, равно и по причинѣ жаркаго времени, рѣшились оставить охоту и, сойдясь опять близь экипажей, отправились на мызу, не дождавшись Юліуса Клейста, полагая, что онъ пошелъ вслѣдъ за собаками *).

Между тѣмъ во время производства слѣдствія, носились уже слухи, что маршъ-коммисаръ Клейстъ не самъ себя лишилъ жизни, а *убитъ на дуели* однимъ изъ участниковъ охоты, но никто изъ сихъ участниковъ такого слуха при формальныхъ допросахъ не подтвердилъ, отзываясь, что имъ, на счетъ бывшей будто бы на охотѣ дуели, ничего неизвѣстно.

Бывшій при охотѣ дворовый пикёръ мызы Гавезенъ, Эрдестъ Гримбергъ показалъ, что штабсъ-ротмистръ Клейстъ далъ ему

*) Поручикъ Иванъ Остенъ-Сакенъ при этомъ слѣдствіи остался не спрошенъ, по небытности на мѣстѣ слѣдствія, и даже для допроса требованъ не былъ.

приказаніе на очетъ охоты въ лѣсу Теннень еще съ вечера 30 іюня, посему 1 іюля на разсвѣтѣ онъ, Гримбергъ, уѣхалъ верхомъ въ лѣсъ съ собаками. Охотники его же сопровождали, ибо они, по словамъ Клейста, хотѣли слѣдовать позднѣе въ повозкахъ. У кладбища въ лѣсу Теннень показатель пустилъ гончихъ собакъ, которыя и выгнали дикую козу, преслѣдовали ее до Вартагенской корчмы, потомъ пригнали опять назадъ въ лѣсъ Теннень и по причинѣ чрезвычайно жаркой погоды упустили изъ виду; послѣ сего онъ, Гримбергъ, связалъ собакъ сворою и отправился домой. Пріѣхавъ на мызу, онъ узналъ, что Юліусъ Клейстъ привезенъ домой изъ лѣса мертвый *).

Кучеръ штабсъ-ротмистра Клейста Іоренъ Бекманнъ показалъ, что онъ везъ въ бричкѣ на охоту штабсъ-ротмистра Клейста, Юліуса фонъ Клейста и трехъ чужихъ, незнакомыхъ ему охотниковъ. Баронъ Кетлеръ съ ассесоромъ Корфомъ и тремя тоже незнакомыми ему охотниками ѣхалъ въ собственномъ своемъ экипажѣ. При въѣздѣ въ лѣсъ господа оставили повозки и пошли дальше пѣшкомъ, а экипажи оставались на большой дорогѣ. Ожидая возвращенія охотниковъ, онъ точно слышалъ выстрѣлъ, а чрезъ нѣсколько времени охотники возвратились къ дорогѣ, однако безъ Юліуса Клейста, и поѣхали потомъ домой. Согласно сему показалъ и бывшій съ Кетлеромъ кучеръ Янъ Эгтетта объяснивъ лишь, что выстрѣла онъ не слыхалъ, ибо остановился отъ лѣсу дальше, чѣмъ кучеръ Бекманнъ.

Между тѣмъ въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ, шефъ жандармовъ сообщилъ военному министру: 1) что до свѣдѣнія Его Величества дошло, что подъ предлогомъ охоты на мызѣ Гавезенъ, маршъ-коммисаръ Клейстъ имѣлъ *дуель* съ Остенъ-Сакеномъ, и что секундантами при томъ были дворяне: Кетлеръ, двое Сакеныхъ и Мантейфель; 2) что Государь Императоръ 21 того іюля Высочайше повелѣть соизволилъ: «судить виновныхъ военнымъ судомъ.»

По сообщеніи сего Высочайшаго повелѣнія рижскому военному губернатору, оказалось,—что изъ означенныхъ лицъ, барона Ивана Остенъ-Сакена въ Гольдингенѣ на жительствѣ уже нѣтъ, и что онъ проживаетъ заграницею, въ прусскомъ городѣ Мемелѣ; по-

*) Видѣлъ ли Гримбергъ во время охоты кого-либо изъ охотниковъ и гдѣ, въ какой части лѣса, въ какомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ найденъ потомъ трупъ,—о томъ онъ не спрошенъ.

сему военный судъ учрежденъ надъ остальными только участниками дуели, баронами: Кетлеромъ, Фридрихомъ и Германомъ Сакенами, и Мантейфелемъ.

Въ первомъ же засѣданіи военнаго суда всѣ подсудимые объявили, что они дѣйствительно находились при дуели, бывшей 1 іюля между маршъ-коммисаромъ Клейстомъ и отставнымъ поручикомъ Остенъ-Сакеномъ, и что такой поступокъ свой и добровольное признаніе они предаютъ на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора.

При допросахъ о подробностяхъ дуели и участія своего въ оной подсудимые объяснили:

Камеръ-юнкеръ баронъ *Кетлеръ*,—что во время бытности его въ Митавѣ на Ивановъ день (24 іюня) носился слухъ, что сводный братъ его отставной поручикъ Остенъ-Сакенъ вызванъ на дуель маршъ-коммисаромъ Клейстомъ. Но при распросѣ объ этомъ, братъ его сказалъ ему, что хотя онъ дѣйствительно вызванъ на дуель, но что друзья стараются ихъ примирить, и что дѣло навѣрное тѣмъ и кончится. Этотъ отвѣтъ успокоилъ его, Кетлера, и онъ болѣе уже о семъ не заботился. Черезъ нѣсколько времени братъ его Иванъ получилъ въ Либавѣ какое-то письмо и сказалъ ему, что примиреніе его съ Клейстомъ окончательно послѣдовало *). Затѣмъ въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца, получивъ отъ отставнаго штабсъ-ротмистра Клейста приглашеніе прибыть къ нему на мызу Гавезенъ 1 іюля для охоты на дикихъ козъ, показатель въ назначенный день отправился туда рано утромъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Иваномъ. Тамъ они нашли, кромѣ хозяина, еще нѣкоторыхъ приглашенныхъ къ сей охотѣ лицъ, именно: Гана и Корфа, Фридриха Сакена, маршъ-коммисара Клейста, Германа Сакена и Мантейфеля. Вскорѣ все общество отправилось къ тому мѣсту, гдѣ должна была происходить охота, собаки были тотчасъ распущены и все общество собиралось идти за ними. Въ эту минуту сводный братъ показателя, Иванъ Сакенъ, остановилъ его, Кетлера, и роднаго своего брата Фридриха Сакена; въ тоже время они замѣтили, что маршъ-коммисаръ Клейстъ отвелъ въ сторону бароновъ Германа Сакена и Мантей-

*) По какому поводу возникла между противниками ссора, никто изъ подсудимыхъ не объяснилъ, а военный судъ по сему предмету никого не спрашивалъ.

феля. Не отгадывая причины такой остановки, показатель спросилъ о семъ брата своего Ивана, который къ общему удивленію объявилъ, что онъ съ Клейстомъ вовсе не примирился, что напротивъ того онъ письменно сговорился драться съ Клейстомъ на дуели при сей охотѣ; что для этого они (Клейстъ и Сакенъ) принесли съ собою въ охотничьихъ сумкахъ заряженные пистолеты и теперь имѣютъ надежду, что присутствующіе не откажутся служить имъ секундантами. Показатель, Германъ Сакенъ, Мантейфель и Фридрихъ Сакенъ ревностно старались примирить противниковъ, но въ томъ не успѣли. Клейстъ рѣшительно объявилъ, что онъ слишкомъ обиженъ своимъ противникомъ, чтобы довольствоваться извиненіемъ и потому проситъ его, такъ какъ они всѣ отказались быть секундантами, отправиться съ нимъ въ лѣсъ для отысканія тамъ открытаго мѣста, гдѣ бы они могли безъ секундантовъ окончить дѣло. Оба противники, взявъ потомъ свои пистолеты, удалились, а какъ всякое присутственное мѣсто, которому бы слѣдовало объявить о семъ произшествіи, чтобы остановить дуель, было далеко, то показатель, равно и другіе, лица, приглашеныя въ секунданты, находились въ самомъ критическомъ положеніи: или допустить дуель безъ свидѣтелей между двумя находившимися въ самой сильной запальчивости лицами, или же подвергаться отвѣтственности, падающей по законамъ на секундантовъ и свидѣтелей поединка. Въ выборѣ нельзя было сомнѣваться и они предпочли послѣднее потому, что первое подвергало бы ихъ во всякомъ случаѣ мучительнымъ укорамъ совѣсти и строгому порицанію общества. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія съ Германомъ Сакеномъ, показатель, призвавъ противниковъ, изъявилъ готовность быть секундантомъ. Отправившись вмѣстѣ въ лѣсъ, они нашли тамъ просторное мѣсто, на которомъ показатель измѣрилъ дистанцію въ 15 (возможно большихъ) шаговъ, надѣясь, что въ семъ разстояніи первый выстрѣлъ останется безъ опасныхъ послѣдствій и имъ, секундантамъ, удастся потомъ примирить противниковъ. Но къ несчастію эта надежда не исполнилась и первая пуля Ивана Сакена убила Клейста.

Германъ Сакенъ показалъ, что ему по слухамъ было извѣстно, что маршъ-коммисаръ Клейстъ, вслѣдствіе нанесенной ему отставнымъ поручикомъ Сакеномъ тяжкой обиды, вызвалъ его на дуель. 28 Іюня Клейстъ, пріѣхавъ къ нему, Сакену, сказалъ,

что ссора его окончена примиреніемъ и что онъ ѣдетъ въ имѣніе Гавезенъ на охоту. Зная, что показатель намѣревался въ оной участвовать, Клейстъ предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ. Дорогою они завернули въ имѣніе Кандангенъ къ Мантейфелю, и съ нимъ втроемъ отправились въ Гавезенъ. Прибывъ туда 1 іюля рано утромъ, они въ тотъ же день поѣхали съ собравшимся тамъ обществомъ, (тутъ былъ и отставной поручикъ Иванъ Сакенъ), къ мѣсту охоты. Часть охотниковъ удалилась тотчасъ съ собаками въ лѣсъ и онъ, Сакенъ, только что хотѣлъ за ними слѣдовать, какъ Клейстъ остановилъ его и Мантейфеля, объявляя имъ, что онъ только для избѣжанія гласности разсказалъ имъ, будто бы онъ съ Сакеномъ примирился, но что они намѣрены тутъ же стрѣляться и просилъ его, Сакена, быть секундантомъ. На упреки его, Сакена, Клейсту, что онъ скрылъ отъ него истину, Клейстъ возразилъ, что онъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ сей хитрости, опасаясь, что показатель въ противномъ случаѣ съ нимъ не поѣдетъ. Всѣ убѣжденія ихъ къ отклоненію дуели были тщетны; Клейстъ настаивалъ на томъ, что онъ слишкомъ тяжко обиженъ, чтобы довольствоваться объясненіемъ своего противника. Отдаленность мѣстнаго начальства не дозволила довести до свѣдѣнія онаго о происходившемъ и тѣмъ остановить поединокъ; между тѣмъ соперники схватили пистолеты и начали искать свободнаго мѣста, чтобы тамъ безъ свидѣтелей положить дѣлу конецъ. При такихъ обстоятельствахъ Кетлеръ и показатель рѣшились сопровождать ихъ и Кетлеръ, (бывшій выше ростомъ), отмѣрилъ 15 большихъ шаговъ въ надеждѣ, что на семъ разстояніи выстрѣлы будутъ безвредны, и что затѣмъ будетъ легче примирить соперниковъ.

Баронъ *Фридрихъ Сакенъ* и баронъ *Мантейфель* показали, что хотя прежде имъ было извѣстно о ссорѣ между Клейстомъ и поручикомъ Сакеномъ, но потомъ они лично слышали: первый отъ брата своего, а второй отъ Клейста, что противники примирились. Затѣмъ, въ отношеніи происшествія, показатели, объясняя во всемъ согласно съ Кетлеромъ и Германомъ Сакеномъ, дополнили, что когда послѣ безуспѣшныхъ стараній ихъ о примиреніи противниковъ, Кетлеръ и Германъ Сакенъ рѣшились быть секундантами, то показатели хотя и остались въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дуелистовъ, однакожъ видѣли окончаніе дуели и сдѣлались

такимъ образомъ невольными свидѣтелями оной; предупредить-же дуель чрезъ извѣщеніе судебныхъ мѣстъ, по отдаленности оныхъ, было совершенно невозможно.

Къ сему всѣ подсудимые присовокупили, что штабсъ-ротмистръ Клейстъ, ассесоръ Корфъ и дворянинъ Ганъ при поединкѣ не были потому, что они тотчасъ по прибытіи въ лѣсъ, удалились, чтобы слѣдовать за собаками, и сколько имъ подсудимымъ извѣстно, о дуели ничего не знали, ибо о примиреніи противниковъ слухъ носился во всей публикѣ.

Въ отношеніи же сокрытія ими послѣдовавшей дуели, объяснили: Сакены и Мантейфель, что законъ, обязывающій доносить о семъ, имъ не былъ извѣстенъ; а какъ слѣдствіе, произведенное гауптманомъ, было только полицейское, то сіе обстоятельство и найденная въ карманѣ Клейста записка, собственноручно имъ писанная, въ которой онъ объясняетъ, что самъ себя лишилъ жизни, побудила ихъ къ сокрытію истины, но они не имѣли намѣренія скрывать о дуели предъ судомъ, что́ они и сдѣлали, когда приступила къ изслѣдованію военно-судная коммисія; подсудимый Кетлеръ, кромѣ того присовокупилъ, что послѣ дуели онъ узналъ отъ поручика Ивана Сакена, что они съ Клейстомъ оба сговорились приготовить заранѣе такія записки, какая найдена при Клейстѣ, чтобы отклонить отъ другихъ лицъ всякое подозрѣніе на счетъ участія въ дуели.

Отставной штабсъ-ротмитстръ *Клейстъ*, въ военномъ судѣ показалъ, что о бывшемъ на охотѣ поединкѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, такъ какъ вообще говорили, что поручикъ Сакенъ и Юліусъ Клейстъ, послѣ произшедшей между ними ссоры, вскорѣ опять помирились; притомъ же онъ видѣлъ ихъ обоихъ за часъ до происшествія на мызѣ Гавезенъ, разговаривавшими между собою. Самъ же показатель не говорилъ съ Юліусомъ о сей ссорѣ, потому что былъ съ нимъ разныхъ лѣтъ и тѣсной дружбы съ нимъ не имѣлъ. Когда братъ показателя Юліусъ былъ найденъ въ лѣсу убитымъ и съ пистолетомъ въ рукѣ, тогда онъ возымѣлъ подозрѣніе о дуели; но затѣмъ въ карманѣ сюртука убитаго найдена была записка, въ которой несчастный, прощаясь съ родными своими, объявлялъ, что онъ, тяготясь жизнію, самого себя убилъ, — посему показатель пришелъ къ заключенію, что подозрѣніе его на счетъ дуели было неосновательно, и велѣлъ

донести о происшествіи такъ, какъ было ему извѣстно, ибо со-участники въ семъ происшествіи утаили отъ него истину, и до самаго суда, которому секунданты сдѣлали сознаніе, онъ ничего о дуели не зналъ.

Ассесоръ *Корфъ* и дворянинъ *Теодоръ Ганъ* показали, что они отправлялись на мызу Гавсенъ по приглашенію штабсъ-ротмистра Клейста, нисколько не подозрѣвая, что два лица изъ ихъ общества будутъ драться на дуели. О сей послѣдней они ничего не знали до самаго того времени, когда по Высочайшему повелѣнію учреждена была коммисія военнаго суда, и подсудимые въ своемъ проступкѣ сознались.

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ призналъ, подсудимыхъ камеръ-юнкера барона Кетлера, бароновъ Германа Саксена, Фридриха Саксена и Мантейфеля виновными въ томъ, что они, 1-го іюля 1843 года, отправясь подъ предлогомъ охоты въ лѣсъ, вмѣстѣ съ маркъ-коммисаромъ Клейстомъ и отставнымъ поручикомъ Саксеномъ, по приглашенію ихъ находились свидѣтелями бывшаго между Клейстомъ и Саксеномъ поединка, на которомъ Клейстъ былъ убитъ, и утаивали о семъ при производствѣ слѣдствія, давъ чрезъ то случай поручику Саксену скрыться отъ законнаго преслѣдованія. Хотя же подсудимые въ оправданіе свое отзываются, что они, прибывъ на охоту, о намѣреніи Клейста и Саксена къ дуели, не знали, а потомъ, услышавъ отъ нихъ объ этомъ уже во время самой охоты, съ своей стороны употребляли всѣ мѣры къ примиренію противниковъ, но не успѣли въ томъ и не могли также отвратить поединка чрезъ извѣщеніе мѣстныхъ властей, потому что это было въ лѣсу, въ отдаленіи отъ всякаго присутственнаго мѣста, — однако такое оправданіе не заслуживаетъ уваженія, во первыхъ потому, что изъ собственныхъ показаній подсудимыхъ видно, что о ссорѣ Клейста съ Саксеномъ и о сдѣланномъ Клейстомъ вызовѣ на дуель, они знали прежде того, и посему нѣтъ сомнѣнія, что они заранѣе знали и о намѣреніи противниковъ; и во вторыхъ, что въ случаѣ безуспѣшности въ примиреніи и упорной рѣшимости противниковъ къ дуели, они, подсудимые, могли удержать ихъ отъ того силою; допустивъ же поединокъ, сдѣлались по словамъ закона прямыми участниками произведеннаго на ономъ смертоубійства. А потому

генералъ-аудиторіатъ, на основаніи св. военн. пост. военно-уголовнаго устава кн. 1 ст. 379 и 397, полагалъ: 1) подсудимыхъ: камеръ-юнкера барона Кетлера, барона Германа Сакена, барона Фридриха Сакена и барона Карла Мантейфеля, лишивъ баронскаго и дворянскаго достоинствъ, а перваго изъ нихъ, Кетлера, званія камеръ-юнкера и ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. 2) Бѣжавшаго заграницу отставнаго поручика Ивана Сакена, за убійство на дуели маршъ-коммисара Клейста, по явкѣ или по поимкѣ его, предать военному суду. 3) По дѣлу оказалось, что въ числѣ лицъ, собравшихся подъ предлогомъ охоты на мызѣ Гавезенъ, кромѣ подсудимыхъ и самихъ дуелистовъ, были еще отставной штабсъ-ротмистръ Клейстъ, ассесоръ гробинскаго уѣзднаго суда фонъ Корфъ и дворянинъ Теодоръ Ганъ. Хотя они отзываются, что ни о намѣреніи Клейста и Сакена къ дуели не знали, ни самаго происшествія не видали, потому что по прибытіи въ лѣсъ, тотчасъ углубились въ оный, чтобъ занять мѣста, отчего и выстрѣла не слыхали, но справедливость такого показанія подвергается сильному сомнѣнію, во первыхъ потому, что дуелисты, по показанію подсудимыхъ, обнаружили приготовленія къ дуели тотчасъ по прибытіи въ лѣсъ, когда они лишь только намѣревались занимать мѣста, и слѣдовательно Клейстъ, Корфъ и Ганъ не имѣли еще времени удалиться; во вторыхъ, лѣсъ, гдѣ было произшествіе, какъ дѣло показываетъ, не столь обширенъ, чтобы они могли не слышать выстрѣла; въ третьихъ тѣло убитаго на дуели Клейста лежало близь самой дорожки, по которой они возвращались къ экипажамъ, и наконецъ въ четвертыхъ, охоты, подъ предлогомъ которой они съѣхались на мызу, на самомъ дѣлѣ вовсе не было, и всѣ собравшіеся туда лица тотчасъ же послѣ совершенія дуели разъѣхались по домамъ, оставивъ вовсе намѣреніе, которое, по показаніямъ ихъ, было цѣлью съѣзда. Но какъ за всѣмъ тѣмъ, улики сіи не составляютъ еще полнаго доказательства, котораго требуетъ законъ для изобличенія обвиняемаго, то слѣдуетъ, не подвергая штабсъ-ротмистра Клейста, ассесора Корфа и дворянина Гана опредѣляемой закономъ отвѣтственности за участіе въ дуели,— оставить всѣхъ ихъ въ сильномъ подозрѣніи. — Но генералъ-аудиторіатъ, опредѣливъ подсудимымъ мѣру наказанія, въ за-

конахъ установленную, представилъ на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества: во первыхъ, что подсудимые сами добровольно признались предъ военнымъ судомъ въ своемъ преступленіи, повергнувъ участь свою на Всемилостивѣйшее Его Величества воззрѣніе, и во вторыхъ, засвидѣтельствованіе начальства о прежнемъ хорошемъ поведеніи подсудимыхъ, изъ коихъ камеръ-юнкеръ Кетлеръ оказалъ правительству довольно важныя услуги во время бывшаго въ 1831 году въ Литвѣ мятежа и при прекращеніи свирѣпствовавшей тогда эпидемической болѣзни. По симъ уваженіямъ генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: повергнуть участь подсудимыхъ Монаршему милосердію Его Величества, и всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи опредѣленнаго имъ по законамъ наказанія, замѣнивъ оное тѣмъ, чтобы всѣхъ ихъ, не лишая правъ состоянія, а изъ нихъ Кетлера камеръ-юнкерскаго званія и ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, выдержать въ крѣпости въ казематѣ каждаго по шести мѣсяцевъ.

Это опредѣленіе Высочайше утверждено 27 января 1844 года. —Поручикъ Остенъ-Сакенъ, во время пребыванія Государя Императора въ Лондонѣ, подалъ всеподданнѣйшую просьбу о дозволеніи ему возвратиться въ Россію, и Его Императорское Величество соизволилъ на возвращеніе просителя, но съ тѣмъ, чтобы онъ преданъ былъ за участіе въ дуели суду по всей строгости законовъ.

По сообщеніи о семъ рижскому военному губернатору, поручикъ Сакенъ (пріѣхавшій между тѣмъ въ г. Ригу) преданъ военному суду арестованнымъ при митавскомъ гарнизонномъ баталіонѣ, гдѣ суждены были и прочіе подсудимые.

Въ военномъ судѣ Остенъ-Сакенъ показалъ слѣдующее: въ послѣднихъ числахъ мая 1843 года, въ бытность его Сакена въ домѣ митавскаго дворянскаго собранія, Юліусъ Клейстъ, въ присутствіи нѣсколькихъ незнакомыхъ показателю дворянъ, дѣлалъ весьма обидныя насмѣшки и замѣчанія, касающіяся до его чести. Онъ, Сакенъ, вызвавъ Клейста въ другую комнату, сказалъ ему, что онъ безчестный человѣкъ и тотчасъ же уѣхалъ изъ собранія *). О причинѣ сей ссоры сводный братъ

*) Въ чемъ именно заключались насмѣшки маршъ-коммисара Клейста, Остенъ-Сакенъ не объяснилъ, и военнымъ судомъ объ этомъ спрошенъ не былъ.

показателя камеръ-юнкеръ баронъ Кетлеръ и бароны: Германъ и Фридрихъ Сакены и Мантейфель ничего не знали и самъ онъ подсудимый не говорилъ имъ о томъ. Нѣсколько дней спустя, Клейстъ, встрѣтившись съ нимъ Сакеномъ на улицѣ, сказалъ ему, что онъ долженъ раздѣлаться съ нимъ дуелью и просилъ приготовиться къ оной. Онъ Сакенъ, хотя и отвергалъ вызовъ, но Клейстъ упорно настаивалъ на своемъ намѣреніи, сказавъ, что если показатель откажется отъ поединка, то онъ Клейстъ вездѣ будетъ разглашать его трусомъ и безчестнымъ человѣкомъ. Показатель вынужденъ былъ принять вызовъ Клейста и просилъ братьевъ своихъ Іоганна Кетлера и Фридриха Сакена быть при дуели со стороны его секундантами; но они отказались отъ того и уговаривая его помириться съ Клейстомъ, сказали, что въ противномъ случаѣ—вынуждены будутъ донести о дуели начальству. Онъ Сакенъ сообщилъ объ этомъ Клейсту, который отвѣчалъ, что онъ также не имѣетъ съ своей стороны секундантовъ и что можно и безъ нихъ обойтись и предложилъ ему, Сакену, пріѣхать на мызу Гавезенъ, гдѣ 1-го іюля назначена была охота, и тамъ кончить дѣло. Согласясь на это, показатель о намѣреніи своемъ и Клейста ни братьямъ своимъ Кетлеру и Фридриху Сакену, ни баронамъ Герману Сакену и Мантейфелю, а также штабсъ-ротмистру Клейсту, ассесору Корфу и дворянину Гану не объявлялъ, надѣясь кончить ссору свою съ маршъ-коммисаромъ Клейстомъ миролюбиво. При отъѣздѣ же изъ дому, показатель взялъ съ собою, на всякій случай, пару собственныхъ своихъ пистолетовъ. Показатель видѣлъ штабсъ-ротмистра Клейста, ассесора Корфа и дворянина Гана только при отъѣздѣ съ мызы Гавезенъ и на дорогѣ въ лѣсъ, но чтобъ онъ видѣлъ ихъ послѣ пого, не помнитъ и потому полагаетъ, что они гораздо раньше пріѣхали въ лѣсъ и ушли вслѣдъ за собаками, которыя были уже спущены. Оставались на мѣстѣ только бароны: Кетлеръ, Германъ и Фридрихъ Сакены и Мантейфель. Показатель и маршъ-коммисаръ Клейстъ, по предварительному между собою условію, *еще предъ отъѣздомъ на охоту* *), на мызѣ, тогда же объявили Кетлеру, Сакенамъ и Мантейфелю о своемъ намѣреніи, прося ихъ убѣдительно быть при

*) Между Иваномъ Остенъ-Сакеномъ и остальными подсудимыми существуетъ по сему предмету разнорѣчіе.

дуели секундантами, и хотя они долго отговаривались отъ этого, но наконецъ, послѣ напрасныхъ стараній—примирить его, Сакена, съ противникомъ, согласились быть секундантами. Онъ Сакенъ вышелъ на поединокъ вовсе безъ намѣренія убить противника своего; но когда, ставъ на мѣсто, замѣтилъ, что маршъ-коммисаръ Клейстъ тотчасъ же прицѣлился въ него, потерялъ доброе намѣреніе свое и въ немъ, Сакенѣ, осталась одна любовь къ жизни и природный инстинктъ самосохраненія, и, желая противника своего сдѣлать для себя безвреднымъ, онъ Сакенъ имѣлъ несчастіе ранить Клейста смертельно. Упреки совѣсти, что онъ Сакенъ умертвилъ ближняго своего, убили его совершенно горестью. Онъ хотѣлъ удалиться отъ мѣста, отъ всего даже, что только могло напоминать ему ужасное преступленіе его, и, по пріѣздѣ въ Гольдингенъ, остановился въ гостинницѣ и не выходилъ никуда оттуда, боясь встрѣтить кого-либо изъ родныхъ или знакомыхъ, полагая, что уже всѣмъ извѣстно о преступленіи его, Сакена. Пробывъ въ Гольдингенѣ нѣсколько дней и не видавшись даже съ матерью своею, проживавшею тамъ, онъ Сакенъ, совершенно убитый и можно сказать потерянный, уѣхалъ ночью изъ города, самъ не зная еще куда; помнитъ только, что старался избѣгать встрѣчи съ родными и знакомыми своими и, пользуясь темнотою ночи, въ необдуманности, бѣжалъ заграницу, переходя оную между мѣстечками Полангеномъ и Кретингеномъ, гдѣ хорошо зналъ мѣстность. По прибытіи въ Лондонъ, онъ Сакенъ тотчасъ же явился къ посланнику нашему и еще до пріѣзда туда Государя Императора, подалъ на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ изъявилъ желаніе возвратиться въ отечество, чтобы предаться взысканію по законамъ, въ надеждѣ на милость Государя. О Высочайшемъ же повелѣніи—предать его Сакена военному суду, онъ Сакенъ не зналъ.

Генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго, отставнаго поручика Остенъ-Сакена, виновнымъ въ томъ, что онъ по происшедшей между нимъ и бывшимъ маршъ-коммисаромъ Клейстомъ ссорѣ вышелъ съ нимъ на дуель и нанесъ противнику своему смертельную рану, а потомъ, скрываясь отъ законнаго преслѣдованія, бѣжалъ заграницу. Посему генералъ аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго Остенъ-Сакена, на основаніи свода воен-

ныхъ постановленій военно-уголовнаго устава книги 1-й ст. 376, 392, 393 и 395 лишивъ чиновъ, ордена Св. Станислава 3-й степени и дворянскаго достоинства, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. Но принимая въ уваженіе, во первыхъ, прежнюю безпорочную службу подсудимаго, бытность его въ походахъ и сраженіяхъ противъ непріятеля, полученную въ оныхъ рану и оказанныя имъ отличія, за которыя онъ удостоенъ былъ ордена Св. Станислава 3-й степени и другихъ наградъ, и во вторыхъ, что посудимый Сакенъ, раскаяясь въ своихъ преступленіяхъ, самъ добровольно пожелалъ подвергнуться отвѣтственности по законамъ и по этому случаю, во время нахожденія за границею, утруждалъ Его Величество всеподданнѣйшею просьбою о дозволеніи ему возвратиться въ отечество, генералъ-аудиторіатъ долгомъ счелъ повергнуть участь подсудимаго Монаршему милосердію Его Императорскаго Величества и всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи опредѣленнаго ему по законамъ наказанія тѣмъ, чтобы Остенъ-Сакена лишивъ чиновъ, дворянскаго достоинства и ордена Св. Станислава 3-й степени, написать въ рядовые, съ опредѣленіемъ на службу по распоряженію инспекторскаго департамента, и сверхъ того для очищенія совѣсти предать его церковному покаянію, по назначенію духовнаго начальства лютеранскаго исповѣданія.

17 декабря 1844 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы подсудимаго, не лишая дворянства, но снявъ съ него крестъ, отправить рядовымъ на Кавказъ до выслуги въ сраженіяхъ противъ непріятеля.

Дѣло о дуели между подпоручикомъ Грицко и прапорщикомъ Шелухинымъ.

Младшій врачъ 7 флотскаго экипажа Ледерле 9 іюня 1859 г. донесъ командиру фрегата «Полканъ», что въ этотъ же день, будучи призванъ мичманомъ Крузенштерномъ въ м. Сантъ-Марія (около Кадикса, въ Испаніи) для поданія помощи прапорщику корпуса штурмановъ Александру Шелухину, нашелъ послѣдняго лежащимъ на землѣ; кровь лилась изъ огнестрѣльной раны, нанесенной ему въ правое темя; слѣды жизни выражались только рѣдкими вздо-

[illegible] [illegible] же и [illegible] [illegible] [illegible] не [illegible]. [illegible] про-[illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] прапорщику Шелухину [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] подпоручикъ *Грицко* въ рапортѣ къ командиру фрегата [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible] Крузенштернъ передалъ ему вызовъ [illegible] [illegible] [illegible] прапорщика Шелухина [illegible] [illegible], [illegible] онъ Грицко [illegible] съ Шелухинымъ и въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] Шелухинъ передъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Будучи [illegible] и [illegible] [illegible], хотя [illegible], онъ [illegible] [illegible] [illegible], и въ [illegible] [illegible] убилъ Шелухина. Но Богъ тому свидѣтель, что онъ Грицко не желалъ его смерти, и не имѣлъ на него особенной злобы. Выдержавъ выстрѣлъ Шелухина и почувствовавъ себя живымъ, онъ подумалъ [illegible] [illegible] онъ [illegible] въ [illegible] правой руки Шелухина, и выстрѣлилъ немного лѣвѣе. Къ несчастію пуля попала Шелухину въ правое темя.—Опредѣлившійся онъ Грицко не можетъ, совѣсть его безпокоитъ и говоритъ, что онъ увлекся ложными понятіями свѣта, принявъ вызовъ Шелухина. Зная, что предъ Богомъ и закономъ онъ Грицко виновенъ, какъ преступникъ, заслуживающій должной кары, онъ надѣется на милосердіе Государя Императора.

Во время слѣдствія *Грицко* объяснилъ, что въ городѣ Смирнѣ, на фрегатъ былъ принятъ очень дурныхъ качествъ уголь, такъ что когда фрегатъ плылъ подъ парами, уголь выходилъ чрезвычайно скоро. Въ показателѣ родилась мысль, что если подуетъ противный вѣтеръ, то на фрегатѣ не хватитъ угля до мѣста назначенія (т. е. до Мессины). Онъ высказалъ это многимъ изъ офицеровъ, и прапорщикъ Шелухинъ началъ тогда надъ нимъ насмѣхаться. Въ 9 часовъ вечера прапорщикъ Шелухинъ возобновилъ этотъ разговоръ и кончилъ колкостями. На другой день въ три часа показатель вышелъ на верхъ; прапорщикъ Шелухинъ подошелъ къ нему и въ третій разъ началъ разговоръ объ углѣ. Въ это время Шелухинъ ходилъ по палубѣ съ мичманомъ Шеміотъ, говоря: «а вѣдь это скандалъ дѣйствительно, если у насъ не хватитъ угля». На это онъ Грицко сказалъ Шелухину «такъ васъ сильно безпокоитъ, что у насъ не хватитъ угля? Если у насъ

не хватить угля, то мы пойдемъ подъ парусами, вотъ и все; чтоже уголь то мучитъ васъ такъ сильно?» На это Шелухинъ отвѣчалъ: «однако не слишкомъ то пріятно лавировать подъ парусами, всякій старается придти скорѣе.» На это показатель сказалъ (съ сердцемъ, видя, что тотъ привязывается): «хорошо, но все же до угля вамъ дѣла нѣтъ.» Да что вы кричите-то, сказалъ Шелухинъ, вы думаете, что вы сильнѣе меня и думаете испугать меня и взять кулакомъ что ли?—На это показатель отвѣтилъ: «послушайте если меня заденутъ кулакомъ, я буду отвѣчать кулакомъ, если меня ударятъ ножомъ, то я отвѣчу имъ же: что же дѣлать—характеръ такой». Тутъ Шелухинъ произнесъ «да вы храбры, а вотъ если бы пришлось вамъ стать на дистанцію.» На это показатель отвѣтилъ: «если мнѣ придется стать на дистанцію, то я стану.»—Да вы неисправимы сказалъ Шелухинъ. На это показатель ему отвѣтилъ: «не хотите-ли вы меня исправить? Тогда Шелухинъ сказалъ: да, и я васъ исправлю. Тутъ показатель сказалъ: послушайте, вотъ уже третій разъ, какъ вы ко мнѣ пристаете: къ чему это? ступайте лучше учить французовъ говорить рѣчи.—Шелухинъ обратился къ нему Грицко со словами: «Ну послѣ этого вы свинья». На это показатель сказалъ: «а послѣ всего этого вы Шелухинъ мужикъ».—Вызовъ показателю былъ сдѣланъ отъ имени Шелухина, мичманомъ Крузенштерномъ 18 іюня вечеромъ, секундантомъ же показателя былъ Римскій-Корсаковъ; дуель происходила около Кадикса близь мѣстѣчка «Santa Maria»; дрались они на пистолетахъ. Къ сему Грицко присовокупилъ, что онъ не хотѣлъ убить Шелухина и даже не желалъ его ранить. Въ военномъ судѣ Грицко добавилъ, что при плаваніи изъ Хіоса въ Мессину 28 мая ссора съ Шелухинымъ произошла у него въ присутствіи мичмана Шеміота, что кромѣ вышеозначеной причины, другихъ причинъ къ дуели онъ Грицко не знаетъ.

Лейтенантъ *Римскій-Корсаковъ* объяснилъ, что секундантомъ находился онъ со стороны поручика Грицко, по просьбѣ послѣдняго. Причину ссоры узналъ онъ отъ мичмана Крузенштерна. Показатель спросилъ Грицко, что такое между вами случилось? Грицко отвѣчалъ: «мы съ Шелухинымъ побранились, но я ничего противъ него не имѣю». Тогда онъ Корсаковъ обратился къ Шелухину и повторилъ ему слова Грицко, но Шелухинъ отвѣчалъ: «если онъ противъ меня не имѣетъ ничего, то я имѣю и не позволю себя ругать и

стрѣлять [illegible], и если онъ меня намѣренъ [illegible], то я покажу, что я не трусъ. Другихъ причинъ, побуждающихъ дуэль между Грицко и Шелухинымъ, свидѣтель не знаетъ. Къ дуэли оружіемъ были выбраны пистолеты, которые куплены на берегу; противники и секунданты съѣхали съ фрегата вечеромъ наканунѣ дуэли. Дуэль происходила по правиламъ обычнымъ. Дистанція была отмѣрена въ 25 шаговъ. Хотя онъ Корсаковъ и старался отговорить Шелухина отъ дуэли, но его убѣжденія не имѣли никакого вліянія, а даже еще послѣ нѣкотораго времени Шелухинъ сказалъ: если хочешь, чтобы я не дрался съ Грицко, то отвѣчай мнѣ—можешь ли ты стать мѣсто него?—и, отворотясь въ сторону, просилъ болѣе его не уговаривать. Докторъ Ледерле былъ приглашенъ завтракать въ С. Маріо Крузенштерномъ и когда прибыли сюда, то тогда только ему объявили о предстоящей дуэли.

Лейтенантъ *Крузенштернъ* объяснилъ, что въ секунданты онъ былъ приглашенъ прапорщикомъ Шелухинымъ вечеромъ наканунѣ поединка. Такъ-какъ онъ не присутствовалъ при обидѣ, сдѣланной Грицко Шелухину, то знаетъ только о причинахъ къ дуэли, которыя указаны выше. Для дуэли на берегу были куплены пистолеты; съ фрегата же не свезено никакого оружія. Шелухинъ передъ дуэлью оставилъ [illegible] письмо къ своему брату, которое онъ просилъ отправить въ случаѣ его смерти. Письмо это онъ Крузенштернъ еще не успѣлъ отослать, но оно будетъ отправлено при первомъ удобномъ случаѣ. Кромѣ этого письма прапорщикъ Шелухинъ просилъ его и лейтенанта Корсакова заплатить долги, которые онъ имѣлъ на фрегатѣ, и для памяти далъ ему записку за своею подписью. Показатель старался примирить противниковъ, но тогда Шелухинъ сказалъ: сходите съ вашими примиреніями и пожалуйста на мѣстѣ, гдѣ будемъ драться, не предлагайте мнѣ помириться, а то я не удовольствуюсь однимъ выстрѣломъ; вы знаете, что я упрямъ.

Младшій врачъ *Ледерле* объяснилъ, что о ссорѣ Шелухина съ Грицко онъ ничего не зналъ, не зналъ и о дуэли, но былъ приглашенъ въ м. Сантъ-Марія лейтенантомъ Крузенштерномъ на завтракъ. Послѣ завтрака объявили ему о предстоящей дуэли, а дать знать начальству объ этой онъ не имѣлъ возможности, ибо фрегатъ находился въ 5 миляхъ. Послѣ дуэли онъ прибылъ на фрегатъ и

просилъ послать катеръ, на которомъ тѣло Шелухина и было привезено на фрегатъ.

Мичманъ *Всеволожскій* объяснилъ, что доказательствомъ невинности Грицко служитъ разговоръ показателя съ Шелухинымъ, которому онъ сказалъ: «у васъ нѣтъ никакой положительной причины посягать на жизнь Грицко и рисковать своею», Шелухинъ отвѣчалъ «все равно, изъ насъ кто нибудь лишній на этомъ свѣтѣ; правда причины нѣтъ, на которую бы я могъ опереться, но я терпѣть не могу Грицко и если онъ откажется отъ дуели, то я на публичномъ гуляньѣ или въ гостинницѣ за обѣдомъ хлыстикомъ ударю его по лицу».—Послѣ этого Шелухинъ, вдругъ расхохотавшись и перемѣнивъ тонъ, сказалъ показателю: «я шутилъ, неужели вы думаете, что я такой дуракъ, что стану подставлять подъ пули свой лобъ».

Офицеръ *Владиміръ Брылкинъ* объяснилъ, что настоящей причиною ссоры между Грицко и покойнымъ Шелухинымъ было различіе въ ихъ воспитаніи. Шелухинъ, происходя изъ купеческаго званія, былъ воспитанъ дома, потомъ ходилъ матросомъ на купеческихъ судахъ, *) а впослѣдствіи, по производствѣ въ офицеры, сдѣлался членомъ общества людей воспитанныхъ въ кадетскихъ корпусахъ, привыкшихъ къ жизни между товарищами, съ которой онъ Шелухинъ вовсе не былъ знакомъ. Посему часто ему казалось, что хотятъ напоминать ему объ его происхожденіи и онъ дѣлалъ безъ всякой видимой причины дерзости людямъ, которые нисколько не желали оскорбить его. Мало того, думая, что его ставятъ ниже другихъ, Шелухинъ полагалъ, что безцеремоннымъ обращеніемъ и фамильярностію, часто переходившею въ дерзость, онъ достигнетъ того, что всѣ будутъ его считать равнымъ членомъ каютъ-компаніи; онъ былъ чрезвычайно добръ и честенъ и имѣлъ благородное убѣжденіе, что храбрость возвышаетъ человѣка, но къ сожалѣнію думалъ, что вывѣска храбрости есть «дерзость», потому то онъ и дѣлалъ неоднократно дерзости Грицко и нѣкоторымъ другимъ офицерамъ каютъ-компаніи. Его слова: «посмо-

*) Шелухинъ, споря съ Грицко, слова послѣдняго: «вы мужикъ», могъ принять за намекъ на его происхожденіе (хотя со стороны Грицко очевидно не было сего умысла). Это объясняетъ упорство Шелухина въ его намѣреніи драться на дуели, чтобы (по его словамъ) доказать, что онъ не мужикъ. *Прим. изд.*

тримъ, что вы скажете, когда потребуютъ васъ на дистанцію»? онъ Брылкинъ полагаетъ, подтверждаютъ его мнѣніе. По временамъ Грицко и Шелухинъ были въ холодныхъ отношеніяхъ, а иногда въ весьма хорошихъ.

Лейтенантъ Толбухинъ объяснилъ, что въ продолженіи трехлѣтняго плаванія на одномъ и томъ же фрегатѣ легко было узнать каждаго изъ офицеровъ: Прапорщикъ Шелухинъ своимъ безпокойнымъ характеромъ рѣзко отличался отъ прочихъ, что и доказалъ ссорою своею съ подпоручикомъ Грицко; послѣдняго обидѣли, вызвали и въ него же перваго стрѣляли.

Мичманъ Бахтинъ показалъ, что онъ былъ свидѣтелемъ ссоръ, произшедшихъ между Грицко и Шелухинымъ: въ августѣ 1858 г. въ городѣ Рагузѣ когда играли въ кафе на биліардѣ, пришелъ туда прапорщикъ Шелухинъ и смѣшалъ шары. Тогда Грицко сказалъ ему: «кончите шутки»; за это Шелухинъ началъ его оскорблять разными словами и даже замахивался на него кіемъ. Вторая ссора произошла на дорогѣ въ Рагузу: когда Шелухинъ входилъ въ городъ безъ сюртука, Грицко ему замѣтилъ объ этомъ, на что Шелухинъ началъ дѣлать Грицко дерзости.— Согласно сему показалъ и мичманъ *Муратовъ*.

Мичманъ Коцебу объяснилъ, что во время стоянія фрегата въ Рагузѣ болѣе года тому назадъ, была ссора на берегу между Шелухинымъ и Грицко. Случилось это въ кафе въ Рагузѣ; офицеры съ фрегата, (но кто именно, показатель не упомнитъ), играли на биліардѣ: въ то время Шелухинъ вошелъ подвыпивши въ комнату и безъ всякой причины смѣшалъ шары. Грицко ему это замѣтилъ, но какими словами не припомнитъ, однако обиднаго Шелухину ничего не сказалъ; Шелухинъ схватилъ кій и бросился на Грицко, но бывшіе тутъ другіе офицеры съ большимъ трудомъ могли его отъ этого удержать. При этомъ случаѣ Грицко велъ себя очень осторожно и нисколько не обращалъ вниманія на буйство Шелухина.—Согласно сему показалъ и прапорщикъ *Рябининъ*.

Прапорщикъ *Антипенко* изложилъ, что всѣ ссоры Шелухина съ Грицко происходили изъ за пустяковъ, такъ напр. когда Шелухинъ пріѣхалъ съ берега и вымазалъ себѣ чернилами лицо, то при этомъ Грицко сказалъ «какъ это мило», чему Шелухинъ обидѣлся и между ними завязалась ссора.

По симъ обстоятельствамъ морской генералъ-аудиторіатъ изъ подсудимыхъ нашелъ виновными: подпоручика Грицко въ томъ, что онъ, выйдя на поединокъ по вызову прапорщика Шелухина, нанесъ ему смертельную рану, послѣдствіемъ которой была смерть Шелухина, а лейтенанта Римскаго-Корсакова и мичмана Крузенштерна въ томъ, что они, бывъ секундантами при поединкѣ Шелухина съ Грицко и не успѣвъ помирить ихъ, не объявили о томъ начальству. Вслѣдствіе сего морской генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подпоручика Грицко на основаніи 403 и 404 ст. 1 кн. св. угол. пост. лишивъ чина, ордена Св. Станислава 3-й степени и дворянскаго достоинства, разжаловать въ рядовые, а лейтенанта Римскаго-Корсакова и мичмана Крузенштерна, хотя и принимавшихъ мѣры къ примиренію, но недонесшихъ о поединкѣ, по мѣрѣ принятаго ими участія, на основаніи примѣчанія къ 78-й ст. 1 кн. св. мор. угол. пост. (по II прод.) и 129 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовн. и исправит. изданія 1857 года, выдержать подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ шесть мѣсяцевъ. Младшаго врача 7-го флотскаго экипажа Ледерле, который не могъ донести начальству о намѣреніи подпоручика Грицко и прапорщика Шелухина на поединокъ, по представленнымъ имъ уважительнымъ причинамъ, отъ отвѣтственности освободить. Затѣмъ обращаясь къ поводу, вслѣдствіе котораго произошелъ между прапорщикомъ Шелухинымъ и подпоручикомъ Грицко поединокъ, морской генералъ-аудиторіатъ призналъ, что главнымъ виновникомъ тому былъ Шелухинъ, оскорбившій Грицко браннымъ словомъ и вызвавшій его послѣ того на поединокъ. Шелухинъ, по отзыву офицеровъ фрегата, отличался придирчивостію характера и дозволялъ себѣ не одинъ разъ дерзости, Грицко же въ отношеніи къ другимъ велъ себя прилично и осторожно. Подчиняясь условнымъ понятіямъ о чести, чтобы не уронить себя въ общественномъ мнѣніи, онъ считалъ себя обязаннымъ принять вызовъ. Подобное убѣжденіе, не оправдывая преступности подсудимаго, не можетъ однако не быть принято во вниманіе; подъ вліяніемъ тѣхъ же понятій о чести, секунданты не рѣшились донести начальству, но они употребили всѣ усилія, чтобы помирить противниковъ и приняли мѣры, чтобы уменьшить опасность поединка. Вслѣдствіе сего, а также пріемля въ уваженіе чистосердечное раскаяніе подпоручикаЕриц-

ко и одобрительный отзывъ ближайшаго начальства, какъ о немъ, такъ и о лейтенантѣ Римскомъ-Корсаковѣ и мичманѣ Крузенштернѣ, морской генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь 107 ст. 1 кн. и 405 ст. II кн. свода мор. угол. постановленій, полагалъ: участь подсудимыхъ повергнуть монаршему милосердію и ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ присужденнаго имъ по закону наказанія тѣмъ, чтобы подпоручика Грицко выдержать подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ шесть мѣсяцевъ, а лейтенанта Римскаго-Корсакова и мичмана Крузенштерна одинъ мѣсяцъ.

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ соизволилъ написать: «подсудимаго подпоручика Грицко разжаловать въ рядовые безъ лишенія дворянства, а секундантовъ выдержать въ крѣпости одинъ мѣсяцъ.»

Дѣло о поединкѣ между коллежскимъ совѣтникомъ Федоромъ Беклемишевымъ и коллежскимъ ассесоромъ Неклюдовымъ.

При изложеніи этого любопытнаго процесса, предметъ котораго составляетъ поединокъ, происходившій на крайнемъ востокѣ, *въ Сибири* *) между молодыми людьми, принадлежащими по своему происхожденію, воспитанію и общественному положенію къ лучшему обществу, мы будемъ держаться по возможности подлиннаго производства, и считаемъ это лучшимъ средствомъ для того, чтобы разсѣять всѣ нелѣпые слухи, носившіеся въ публикѣ по поводу этого происшествія.

16 апрѣля 1859 года въ городѣ Иркутскѣ между коллежскимъ совѣтникомъ Беклемишевымъ и коллежскимъ ассесоромъ Неклюдовымъ произошла дуель, *на которой Неклюдовъ былъ убитъ.*

Изъ собранныхъ общею городовою управою по дѣлу сему свѣдѣній обнаружено, что Беклемишевъ и Неклюдовъ пріѣхали въ 7 часовъ утра на гору, находящуюся за Какуевской заимкой **) каждый съ своимъ секундантомъ, первый—съ коллеж-

*) Этотъ поединокъ, по замѣчанію генералъ-губернатора Восточной Сибири, представляетъ первый подобный случай въ сибирскомъ краѣ.

**) Заимка—на областномъ сибирскомъ нарѣчіи означаетъ: дачу, загородный домъ, вообще загородное строеніе или заведеніе. *Прим. изд.*

скимъ ассесоромъ Анненковымъ, а второй — съ надворнымъ совѣтникомъ Молчановымъ, пошли въ мелкорастущій тутъ лѣсъ и отойдя немного, остановились. Секунданты, выбравъ мѣсто, опредѣлили дистанцію, заранѣе условленную на 10 шаговъ, означивъ ее воткнутыми въ землю стрѣлами, взятыми изъ хранившагося у Беклемишева на квартирѣ монгольскаго колчана, и приступили къ заряженію пистолетовъ, подъ наблюденіемъ дуелистовъ. По окончаніи заряженія, секундантъ Молчановъ перемѣшалъ пистолеты за спиною и подалъ ихъ для выбора Неклюдову, а оставшійся за выбраннымъ пистолетъ передалъ Беклемишеву. Но какъ послѣдній замѣтилъ, что у даннаго ему пистолета пистонъ спалъ, то пистолеты снова были отобраны секундантами и по исправленіи недосмотра, снова розданы. Потомъ, по приглашенію секундантовъ, противники стали на мѣста, — (каждый не доходя 5 шаговъ до своего барьера), а вслѣдъ за этимъ приблизились на барьеры, остановились, и по командѣ тѣхъ же секундантовъ, выраженной словами: разъ, два, стоя правымъ плечомъ впередъ, приготовились стрѣлять. По слову три, послѣдовали выстрѣлы противниковъ и Неклюдовъ, смертельно раненный, упалъ на землю. Тотчасъ же Беклемишевъ и Анненковъ послали за докторомъ въ городъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не терять времени, Неклюдовъ положенъ былъ въ экипажъ пріѣхавшихъ на мѣсто поединка коллежскаго секретаря Гурьева и коллежскаго совѣтника Шелехова и отвезенъ секундантами въ собственную его квартиру, гдѣ онъ вскорѣ умеръ.

Изъ наружнаго осмотра, произведеннаго 16 апрѣля 1859 года тѣлу коллежскаго ассесора Неклюдова, частнымъ приставомъ Красильниковымъ и городовымъ врачемъ Холодковскимъ, (при окружномъ стряпчемъ Козловѣ и присяжныхъ свидѣтеляхъ), оказалось, что Неклюдовъ найденъ уже мертвымъ, но еще несовершенно остывшимъ; на правой половинѣ передней поверхности груди, на четыре поперечныхъ пальца ниже наружнаго конца правой ключицы, между вторымъ и третьимъ ребрами оказалось круглое отверзтіе огнестрѣльной раны, нѣсколько менѣе монеты серебрянаго пятачка; судя по величинѣ и формѣ этого отверзтія, рана эта причинена пулею; она имѣетъ нѣсколько косвенное направленіе справа на лѣво и проникаетъ въ грудную полость. Выходнаго отверзтія этой раны нѣтъ. Кромѣ этой

раны на трупѣ Неклюдова оказались слѣдующія повреждения: на головѣ ранка, вѣко праваго глаза нѣсколько припухло, на нижнемъ вѣкѣ этого же глаза находится царапинка, на груди замѣтны три синеватыхъ пятна отъ ушибовъ, но всѣ эти повреждения, кромѣ огнестрѣльной раны, судя по ихъ наружному виду, нанесены не въ день смерти Неклюдова, а раньше. Бывшее на Неклюдовѣ предъ смертію платье — форменный сюртукъ и такой же жилетъ, соотвѣтственно ранѣ, представляютъ диры, а на рубашкѣ находятся двѣ диры, также соотвѣтствующихъ ранѣ и происшедшихъ вѣроятно отъ того, что во время выстрѣла на ней находилась складка; на сюртукѣ, жилетѣ и рубашкѣ, соотвѣтственно мѣсту раны, оказалась запекшаяся кровь. Изъ свидѣтельства доктора *Вейриха*, приглашеннаго въ квартиру Неклюдова 16 апрѣля утромъ, видно, что Неклюдовъ въ то время уже не обнаруживалъ никакихъ признаковъ жизни, хотя на спинѣ и животѣ его теплота еще нѣсколько сохранилась; вверху, на передней части правой половины грудной клѣтки, находилась круглая рана въ общихъ покровахъ, изъ которой вытекла кровяная сукровица и выдалась окровавленная жировая ткань, а изъ раны можно было прослѣдить съ помощію зонда ходъ ея, идущій между покровами и ребрами къ грудной кости. Но какъ никакой медицинской помощи дать было уже нельзя, то подробнаго изслѣдованія раны и осмотра трупа, имъ Вейрихомъ не сдѣлано.—Ординаторъ иркутскаго военнаго госпиталя *Кашинъ* отозвался, что будучи позванъ 16 апрѣля въ 7 часовъ утра изъ госпиталя въ квартиру Неклюдова, онъ нашелъ его безъ пульса, на правой сторонѣ груди пониже ключицы была рана совершенно безъ крови, и какъ видно — нанесена пулею. При немъ, Кашинѣ, Неклюдовъ два раза только сдѣлалъ движеніе губами, чѣмъ и окончилась жизнь его.

Затѣмъ трупъ Неклюдова былъ преданъ землѣ. Но при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла признано необходимымъ (1 сентября 1859 года) подвергнуть оный *анатомическому изслѣдованію*. При этомъ оказалось, что отверстіе огнестрѣльной раны находится на передней поверхности груди, на правой ея половинѣ, на 3 дюйма съ линіею отъ средины ключицы, на 3 дюйма отъ соединенія грудной кости съ ключицею и на три съ половиною дюйма отъ груднаго соска. Производившій свидѣтельство ме-

дикъ Холодковскій пришелъ къ убѣжденію: что Неклюдовъ умеръ отъ огнестрѣльной раны, причиненной найденною въ трупѣ его пистолетною пулею; такъ-какъ пуля эта, переломивъ переднюю часть лѣвой половины тѣла пятаго спиннаго позвонка и заднюю часть пятаго лѣваго ребра, прошла чрезъ верхнюю долю праваго легкаго, повредила встрѣченные ею на пути весьма важные кровеносные сосуды и произвела весьма сильное потрясеніе спиннаго мозга, то рана, причиненная ею, принадлежитъ къ безусловно-смертельнымъ; такъ-какъ уровень переломовъ втораго праваго и пятаго лѣваго ребра находится на одной и той же высотѣ, и рана имѣетъ направленіе справа и спереди налѣво и назадъ, то изъ этого видно, что нанесена именно въ томъ положеніи тѣла, въ какомъ становятся вышедшіе на поединокъ въ ту минуту, когда они стрѣляютъ изъ пистолетовъ; рана эта была *единственною причиною* смерти Неклюдова, потому что другія поврежденія, означенныя въ наружномъ осмотрѣ трупа его, произведенномъ 16 апрѣля 1859 года, и незамѣтныя по причинѣ сильной гнилости трупа при послѣднемъ осмотрѣ, по ихъ незначительности не могли не только причинить смерти, но даже и повредить сколько нибудь здоровью.—Иркутская врачебная управа присовокупила, что сіе мнѣніе о причинѣ смерти коллежскаго ассессора Неклюдова, какъ вообще, такъ и по отдѣльнымъ пунктамъ, выведено совершенно удовлетворительно, на основаніи правилъ судебной медицины.

По осмотру мѣстности, произведенному 17 апрѣля (при окружномъ стряпчемъ и секундантахъ дуели, Анненковъ и Молчановъ) оказалось, что мѣсто, гдѣ стояли дуелисты, совершенно чисто, безъ кустовъ и образуетъ дорожку шириною около сажени; въ землѣ, при началѣ дорожки, полукруглая ямка, образовавшаяся отъ воткнутія въ землю стрѣлы, которая служила первымъ пунктомъ барьера и гдѣ стоялъ, какъ показываютъ секунданты, Неклюдовъ лицомъ къ западу; далѣе на разстояніи десяти шаговъ, замѣтно углубленіе въ землѣ, происшедшее отъ второй стрѣлы, гдѣ стоялъ Беклемишевъ лицомъ къ востоку. Въ сторону отъ перваго углубленія, на разстояніи пятнадцати шаговъ въ прямомъ направленіи къ югу, найдена одна стрѣла и на концѣ ея земля, а въ разстояніи шести шаговъ отъ втораго углубленія, въ косвенномъ направленіи на югозападъ, найдена дру-

гая стрѣла, тоже съ землею. Разстояніе между точками, гдѣ были воткнуты стрѣлы, $10^{1}/_{2}$ аршинъ.

Затѣмъ при производствѣ слѣдствія показали: 1) коллежскій совѣтникъ *Беклемишевъ*—что поводомъ къ поединку была обида, нанесенная ему Неклюдовымъ, который 13 числа, часу въ пятомъ дня, вбѣжалъ въ переднюю его квартиры и, не снимая шапки, закричалъ: «васъ-то мнѣ, милостивый государь, и нужно видѣть; извольте со мной объясниться!» На это показатель сказалъ, что объясняться съ нимъ не хочетъ, и просилъ Неклюдова оставить его въ покоѣ; въ это время Неклюдовъ нѣсколько разъ толкнулъ его; показатель сталъ звать кучера и силился удержать Неклюдова. Мальчикъ Беклемишева бросился ихъ разнимать, тогда Неклюдовъ побѣжалъ, но кучеръ Беклемишева успѣлъ его захватить на дрожкахъ, и какъ происшествіе это вѣроятно видѣли съ улицы проходящіе, то въ первый моментъ онъ, Беклемишевъ, закричалъ кучеру, чтобы послѣдній велъ Неклюдова къ полиціймейстеру, а потомъ, опомнясь, и не видя возможности возстановить свою честь иначе, какъ вызовомъ Неклюдова на дуель, не теряя времени, послалъ кого-то просить къ себѣ Анненкова (товарища своего по воспитанію и по службѣ), — самъ же хотѣлъ ѣхать къ полиціймейстеру, просить его оставить Неклюдова въ покоѣ; но въ это время пріѣхалъ къ Беклемишеву самъ полиціймейстеръ, которому онъ и объяснилъ, что Неклюдовъ посланъ по ошибкѣ и долженъ быть освобожденъ. Когда пріѣхалъ Анненковъ, то показатель, объявивъ ему о происшествіи и выразивъ твердое намѣреніе окончить дѣло съ Неклюдовымъ дуелью, убѣдилъ Анненкова быть его секундантомъ и объявить Неклюдову его условія, заключающіяся въ томъ, чтобы поединокъ происходилъ 14 числа въ 5 часовъ утра на пистолетахъ, на дистанціи 10 шаговъ, съ одновременными выстрѣлами по командѣ секундантовъ. Хотя Анненковъ убѣждалъ показателя не вызывать Неклюдова на дуель, а раздѣлаться съ нимъ другимъ образомъ, какъ съ наглымъ и дерзкимъ человѣкомъ, чуждымъ всякихъ благородныхъ понятій, но онъ остался при своемъ. Когда означенныя условія Анненковымъ были предложены Неклюдову, то послѣдній на нихъ не соглашался, предлагая отложить поединокъ до 6-го часа вечера 14 числа и драться на 20 шагахъ съ тѣмъ, чтобы выстрѣлы были

не вдругъ, а по очереди, и чтобы въ случаѣ промаха, дуель окончилась. Условій этихъ показатель не принялъ, потому что обида, которую нанесъ ему Неклюдовъ, была тяжка и очевидна; на дистанціи же 20 шаговъ промахъ былъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ, а окончить промахомъ значило бы подвергнуть себя насмѣшкамъ, а можетъ быть новой исторіи, а потому онъ просилъ Анненкова настоять на исполненіи его условій, не опредѣляя уже времени поединка. Наконецъ, 15-го числа, часу въ четвертомъ дня, явился къ нему Молчановъ и объявилъ, что онъ секундантъ Неклюдова, и что окончательный отвѣтъ Неклюдова будетъ переданъ имъ того же дня Анненкову. Анненковъ пріѣхалъ къ показателю въ тотъ день уже вечеромъ и сказалъ, чтобы онъ былъ готовъ драться на дуели въ 7 часовъ утра 16-го числа, причемъ остался у него ночевать. Произошелъ ли во время дуели выстрѣлъ изъ пистолета Неклюдова, показатель отвѣчать на это не въ состояніи; выстрѣливши же самъ, онъ бросилъ тотчасъ свой пистолетъ, и увидя тутъ-же, что Неклюдовъ падаетъ, обратился къ нему со словами: «прости меня Неклюдовъ, также какъ и я тебя прощаю, я буду за тобою ходить во время болѣзни и надѣюсь, что мы не будемъ съ тобою врагами, если останешься живъ,» затѣмъ отойдя, и ставъ на колѣни, благодарилъ Бога, что остался живъ и что Неклюдовъ также живъ, ибо никакъ не полагалъ рану смертельною; если бы онъ предполагалъ, что выстрѣлъ будетъ смертеленъ, то скорѣе рѣшился бы примириться съ Неклюдовымъ, нежели испытывать то мучительное чувство раскаянія, какое онъ испытываетъ нынѣ. Послѣ поединка, онъ, Беклемишевъ, за неимѣніемъ экипажа, отправился пѣшкомъ домой и, дойдя до Большой улицы, взялъ извозчика и пріѣхалъ къ себѣ на квартиру. Сверхъ того Беклемишевъ пояснилъ, что когда Неклюдовъ толкалъ его, то говорилъ: «вотъ тебѣ за то, что ты зовешь меня воромъ, и говорилъ, что я укралъ прогоны», но показатель Неклюдова воромъ не называлъ, а говорилъ только о незадолго предъ тѣмъ полученномъ извѣстіи изъ Китая, что Неклюдовъ, при поѣздкѣ въ Пекинъ курьеромъ, не платилъ всѣхъ прогоновъ.

2) Коллежскій ассесоръ *Анненковъ*, въ относящихся до него обстоятельствахъ, показалъ согласно ссылкѣ на него Беклемишева. Вызовъ Неклюдова на дуель сдѣланъ былъ имъ, Анненко-

вали. Когда Неклюдовъ чрезъ артиллерійскаго офицера Буяковича объявилъ ему о несогласіи своемъ на предложенныя условія, то показатель условія эти изложилъ въ запискѣ къ Буяковичу, которую и послалъ къ нему 13 апрѣля вечеромъ. Въ тотъ же вечеръ онъ, Анненковъ, былъ самъ три раза у Неклюдова, но не засталъ его дома, хотя, пріѣзжая въ первый разъ, и сказалъ его человѣку, что зайдетъ еще и просилъ Неклюдова подождать его. Затѣмъ на другой день, когда Буяковичъ отказался быть секундантомъ, показатель вновь заходилъ къ Неклюдову три раза, пригласивъ съ собою уже полковника Іосселіани и коллежскаго совѣтника Шелехова, чтобы они могли быть свидѣтелями переговоровъ его съ Неклюдовымъ, но тоже получилъ отъ человѣка Неклюдова отвѣтъ, что барина нѣтъ дома; а когда онъ просилъ человѣка впустить его въ комнату — написать записку къ Неклюдову, то человѣкъ его не впустилъ; впослѣдствіи же времени, когда секундантомъ у Неклюдова оказался Молчановъ, что Анненкову сдѣлалось извѣстнымъ 15 апрѣля, послѣ обѣда, то изъ предложенныхъ Безобразовымъ условій, было только измѣнено то, что противники станутъ отъ барьеровъ въ 5 шагахъ и подойдутъ къ барьерамъ по данному сигналу и затѣмъ по данному же сигналу будутъ стрѣлять. Дуэль происходила за [illegible], принадлежащихъ ему, Анненкову; онъ [illegible] ихъ за квартиру [illegible] [illegible] [illegible]. На мѣстѣ дуэли: выстрѣлили [illegible] по [illegible] Молчанова. Послѣ дуэли онъ Анненковъ поѣхалъ на квартиру къ доктору, который [illegible] [illegible] [illegible] по приглашенію Гурьева, — [illegible] онъ говорилъ о поединкѣ 15 апрѣля, а [illegible] же [illegible] сказалъ [illegible] 14 апрѣля утромъ, [illegible] [illegible] от[illegible] [illegible] [illegible]. Въ это время показатель увидѣлъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Гурьева и Шелехова, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Іосселіани и Шелеховъ [illegible].

5 [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] 14 апрѣля, въ [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], что Неклюдова, [illegible] [illegible] [illegible]-

клемишеву, отказался отъ дуели, и что съ нимъ за это хотѣли поступить иначе и называли его самыми ругательными словами. Посему на другой день онъ отправился къ Неклюдову, полагая, что послѣдній, по непріязненнымъ своимъ отношеніямъ къ молодымъ людямъ общества, не можетъ себѣ найти секунданта, что самое и могло подавать поводъ считать его не желающимъ дать удовлетвореніе. Дома Неклюдова онъ не заставъ и оставилъ ему записку, въ которой предлагалъ себя въ секунданты, приглашая его пріѣхать къ нему въ 7 часовъ вечера. Неклюдовъ пріѣхалъ и благодарилъ его за то, что онъ предложилъ себя въ секунданты и спасъ его отъ безчестія. При этомъ Неклюдовъ разсказалъ ему слѣдующее: въ понедѣльникъ онъ отправился къ Беклемишеву, чтобъ объясниться съ нимъ: «за что назвалъ Беклемишевъ его воромъ», но Беклемишевъ, не объяснясь съ нимъ, приказалъ людямъ вывести Неклюдова, посему послѣдній толкнулъ его. При этомъ Неклюдовъ говорилъ, что на условія дуели онъ согласенъ съ тѣмъ, чтобы отъ барьера отмѣрить въ обѣ стороны по пяти шаговъ, и потомъ сходиться до барьера; показатель уговаривалъ Неклюдова оставить дуель, но послѣдній сказалъ, что это по многому невозможно. Во всякомъ случаѣ онъ, Молчановъ, надѣялся, что противники оробѣютъ на мѣстѣ, или хоть одинъ изъ нихъ, и думалъ воспользоваться этимъ случаемъ, рѣшивъ въ душѣ окончить дуель, если хоть одинъ будетъ раненъ. Неклюдовъ говорилъ, что онъ не отказывался отъ дуели, и что она разошлась отъ недоумѣнія его секунданта. Послѣ Неклюдова пріѣхалъ къ нему, Молчанову, Анненковъ, какъ секундантъ Беклемишева, и Молчановъ говорилъ ему, что Неклюдовъ принимаетъ разстояніе. Утромъ 16 числа показатель заѣхалъ къ Беклемишеву—и заставъ у него Анненкова, условился ѣхать за ними, взявъ Неклюдова. Пріѣхавъ къ Неклюдову, онъ засталъ его за чаемъ; при этомъ Неклюдовъ написалъ записку, въ которой объяснялъ, что убилъ самъ себя, (чтобы не подвергать секундантовъ отвѣтственности). Когда они пріѣхали на мѣсто поединка, то Молчановъ уговаривалъ Беклемишева бросить это дѣло. Неклюдовъ молчалъ, а Беклемишевъ отвѣчалъ: «нельзя». Когда Неклюдовъ упалъ раненый, то показатель подбѣжавъ къ нему и осмотрѣвъ его пистолетъ, увидѣлъ, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ. Наканунѣ поединка, не-

много прежде Неклюдова, пріѣхалъ къ показателю Гурьевъ и говорилъ, что онъ распорядится, чтобы на мѣстѣ поединка былъ докторъ *).

4) Полковникъ *Іосселіанъ* и *Шелеховъ* ссылку на нихъ Анненкова — о прибытіи ихъ въ квартиру Неклюдова для того, чтобы присутствовать при объясненіяхъ Анненкова, подтвердили. Къ этому присовокупили: *Іосселіанъ*—что о нанесенной Беклемишеву Неклюдовымъ обидѣ онъ слышалъ отъ Беклемишева и зналъ, что Анненковъ идетъ объясниться съ Неклюдовымъ о дуели; о томъ что Неклюдовъ убитъ на дуели, онъ слышалъ уже 16 апрѣля часу въ 12 утра, другихъ же подробностей не знаетъ. *Шелеховъ* — по какому дѣлу хотѣлъ объясниться Анненковъ съ Неклюдовымъ, ему сказано не было, но онъ догадывался, что по поводу обиды, нанесенной Неклюдовымъ Беклемишеву, о чемъ разсказывалъ ему Беклемишевъ. О вызовѣ Беклемишевымъ Неклюдова на поединокъ, показатель догадывался, но положительно узналъ о дуели отъ Гурьева, который 16 числа въ исходѣ 8 часа, догналъ его на улицѣ и пригласивъ сѣсть въ свой экипажъ, сказалъ, что теперь Беклемишевъ съ Неклюдовымъ стрѣляются, и что быть можетъ понадобится докторъ: затѣмъ они поѣхали въ гору и увидѣли ѣдущаго кучера Беклемишева, который на спросъ ихъ, сказалъ, что ѣдетъ за докторомъ. Они же продолжали ѣхать и, встрѣтивъ бугристую почву, выскочили изъ экипажа и увидѣли, что въ шагахъ 20 стояли люди, изъ коихъ двое побѣжали къ нимъ на встрѣчу; затѣмъ они поспѣшили на мѣсто, гдѣ и увидѣли Неклюдова лежащимъ на землѣ, а Беклемишева стоявшимъ возлѣ него. Вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ экипажъ, въ которомъ пріѣхали показатель съ Гурьевымъ; въ этотъ экипажъ посадили Неклюдова, а поддерживать его сѣли Анненковъ и Молчановъ. Спустившись съ горы, пока-

*) Къ означеннымъ показаніямъ, *Анненковъ* и *Молчановъ* присовокупили: а) что на мѣстѣ поединка пистолеты держалъ Молчановъ, а Анненковъ всыпалъ въ нихъ порохъ, потомъ вложилъ пули, послѣ чего Молчановъ забилъ пули, надѣлъ пистоны и взведя курки, подалъ пистолеты для выбора Неклюдову. Затѣмъ, когда Беклемишевъ замѣтилъ, что у его пистолета пистонъ спалъ, то таковой былъ надѣтъ, и пистолеты вновь были перемѣшаны Молчановымъ и поданы для выбора опять Неклюдову, и б) что вскорѣ послѣ того, какъ Неклюдовъ былъ отвезенъ въ квартиру его, пріѣхалъ туда медикъ Кашинъ.

затель встрѣтилъ полиціймейстера и объяснивъ о бывшемъ между Неклюдовымъ и Беклемишевымъ поединкѣ, просилъ его розыскать доктора; съ полиціймейстеромъ, онъ поѣхалъ къ Кашину, но не засталъ его дома, почему и пошелъ домой.

5) Коллежскій секретарь *Гурьевъ* объяснилъ, что утромъ 15 апрѣля, по порученію Анненкова, онъ былъ у Неклюдова, чтобы спросить его, имѣетъ ли онъ намѣреніе стрѣляться съ Беклемишевымъ. Неклюдова онъ дома не засталъ и, спросивъ у его человѣка бумаги, написалъ ему записку и отдалъ ее человѣку для передачи Неклюдову. Запискою этою онъ спрашивалъ Неклюдова, желаетъ ли онъ драться съ Беклемишевымъ, и изъявлялъ свое желаніе видѣться съ нимъ, обѣщаясь послать за отвѣтомъ своего человѣка. На это Неклюдовъ запискою ему отвѣтилъ, что драться онъ не отказывается, такъ-какъ у него нашелся секундантъ такой, какого онъ желалъ. Отвѣтъ Неклюдова онъ, Гурьевъ, показалъ Анненкову; потомъ, встрѣтившись на Набережной улицѣ съ Молчановымъ и узнавъ отъ него, что онъ секундантъ Неклюдова, отправился къ нему. Показатель объяснилъ ему, что или Анненковъ, или онъ, Гурьевъ, будутъ у него, Молчанова, вечеромъ для постановленія окончательныхъ условій поединка, смотря по тому, кто изъ нихъ будетъ секундантомъ у Беклемишева. О времени дуели показатель узналъ вечеромъ 15 апрѣля отъ Анненкова. Около 10 часовъ вечера 15 апрѣля онъ, Гурьевъ, послалъ доктору Кашину записку, въ которой просилъ его дожидаться утромъ въ 6 часовъ, чтобы вмѣстѣ навѣстить опасно больнаго, не говоря кого именно. Но 16 апрѣля, когда онъ, Гурьевъ, поѣхалъ за Кашинымъ и просилъ его ѣхать съ нимъ для присутствія при дуели, то Кашинъ отъ этого отказался; посему онъ упросилъ его пріѣхать, по крайней мѣрѣ, когда пошлютъ за нимъ кучера, если того потребуютъ послѣдствія поединка. Въ 7 часовъ онъ, Гурьевъ, поѣхалъ на мѣсто поединка, куда долженъ былъ доставить крытый экипажъ на случай, если бы одинъ изъ противниковъ былъ раненъ; дорогою онъ заѣхалъ на квартиру Беклемишева и узналъ, что минутъ за 20 предъ нимъ онъ уѣхалъ. Подъѣзжая къ Успенскому собору, онъ увидѣлъ Шелехова и, посадивъ его съ собою, повезъ на мѣсто поединка. Противъ заимки Какуева, они встрѣтили кучера Беклемишева, ѣхавшаго за докторомъ. Затѣмъ

подъѣхали къ мѣсту и увидѣли, что Неклюдовъ лежитъ безъ движенія и словъ, почему и уложили его въ экипажъ. Съ нимъ сѣли Анненковъ и Молчановъ и повезли его на квартиру. Затѣмъ показатель собралъ пистолеты, потомъ вмѣстѣ съ Шелеховымъ отправился въ экипажъ, а Беклемишевъ пошелъ пѣшкомъ домой. Возвращаясь съ мѣста поединка и встрѣтивъ полиціймейстера, Шелеховъ вышелъ изъ дрожекъ и остался, а онъ, Гурьевъ, поѣхалъ дальше на квартиру Неклюдова и засталъ тутъ уже Кашина; побывъ немного, онъ вмѣстѣ съ Анненковымъ уѣхалъ.

6) *Подпоручикъ Буяковичъ* показалъ, что Неклюдовъ познакомился съ нимъ уже послѣ ссоры своей чрезъ поручика Павловича, съ помощью котораго приглашалъ его быть у него секундантомъ. Неклюдовъ разсказалъ ему о бывшей у него съ Беклемишевымъ ссорѣ и о томъ, что по отказу Беклемишева объяснить свои дѣйствія онъ толкнулъ его, самъ же былъ избитъ людьми Беклемишева. На лицѣ Неклюдова видны были знаки побоевъ. 13 апрѣля вечеромъ онъ, Буяковичъ, отправился съ квартиры Неклюдова къ Анненкову, чтобы условиться о дуели. Анненковъ предлагалъ стрѣлять въ 10 шагахъ обоимъ вмѣстѣ, за кладбищемъ, 14 апрѣля въ 5½ часовъ утра. Противъ оего Неклюдовъ предлагалъ свои условія, которыя состояли въ томъ, чтобы стрѣлять по жребію, отойдя обоимъ по 5 шаговъ отъ барьера, назначая поединокъ 14 апрѣля въ 6 часовъ вечера, за заимкою генерала Какуева. Съ этими услоніями показатель отправился къ Анненкову, но, не заставъ его дома, оставилъ ему записку, на которую того-же 13 апрѣля получилъ отвѣтъ отъ Анненкова, что Беклемишевъ не соглашается измѣнить предложенныхъ условій; объ этомъ онъ, Буяковичъ, сказалъ Неклюдову, который также не соглашался измѣнить своихъ условій; а когда показатель объ этомъ передалъ Анненкову, то послѣдній сказалъ, что дуели быть не можетъ и что они примутъ свои мѣры. На другой день утромъ Анненковъ пріѣхалъ къ показателю и оставилъ для передачи Неклюдову записку. Въ этой запискѣ Анненковъ самъ вызывалъ Неклюдова на дуель и называлъ его подлецомъ, трусомъ и воромъ. Потомъ чрезъ нѣсколько времени Анненковъ послалъ ему, Буяковичу, записку, въ которой писалъ, что какъ Неклюдовъ не согласился на предложенныя ему условія, а между тѣмъ исторія, благодаря его ста-

раніямъ, сдѣлалась извѣстною, то просилъ Буяковича объявить Неклюдову, что отвѣтъ на его поведеніе заключается въ прежнемъ письмѣ къ Неклюдову. Затѣмъ въ 10 часовъ утра, такъ-какъ поединка между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ не состоялось, онъ, Буяковичъ, объявилъ Неклюдову, что секундантомъ его быть не можетъ, о чемъ увѣдомилъ тогда же Анненкова, и съ тѣхъ поръ отъ дѣла этого онъ былъ уже далекъ. При семъ Буяковичъ присовокупилъ, что, письмо писанное Анненковымъ къ Неклюдову, послѣдній взялъ къ себѣ и гдѣ оно находится — не знаетъ *).

7) Надворный совѣтникъ *Молчановъ* пояснилъ, что при рѣшеніи настоящаго дѣла можетъ встрѣтиться вопросъ, состоялась ли бы дуель, если-бы онъ не предложилъ себя въ секунданты Неклюдову? На это онъ отвѣтитъ, что состоялась бы: ибо когда онъ, предлагая себя въ секунданты Неклюдову, былъ у него въ квартирѣ и, не заставъ его дома, написалъ ему записку, предлагая себя въ секунданты, то снявъ съ этой записки копію, возвращаясь отъ Неклюдова, зашелъ къ Беклемишеву и показалъ ему эту копію, а Беклемишевъ сказалъ, что у Неклюдова секундантомъ будетъ кажется Панасевичъ, и онъ, Молчановъ, зная Панасевича, какъ человѣка семейнаго, рѣшился лучше на себя принять должность секунданта, и затѣмъ, когда, послѣ похоронъ Неклюдова, былъ онъ у Панасевича, то послѣдній въ разговорахъ подтверждалъ, что дѣйствительно рѣшался идти въ секунданты къ Неклюдову.

8) Поручикъ *Панасевичъ* показалъ, что онъ, по просьбѣ Неклюдова, вслѣдствіе извѣстной его съ Беклемишевымъ ссоры, дѣй-

*) Въ запискѣ, писанной Буяковичу Анненковымъ 13 апрѣля, между прочимъ значится, что Беклемишевъ не согласенъ измѣнять предложенныхъ Анненковымъ отъ его имени условій, т. е. о томъ чтобы стрѣлятся 14 апрѣля въ $5^1/_2$ часовъ утра, на разстояніи десяти шаговъ, выстрѣлы оба разомъ и, въ случаѣ промаховъ, поединокъ возобновлять до достиженія предположенной цѣли. Въ запискѣ отъ 14 марта (вѣроятно описка) писанной Анненковымъ объяснено, что такъ-какъ Неклюдовъ остается въ прежнемъ своемъ положеніи и предложенія на данныхъ ему условіяхъ не принимаетъ, между тѣмъ исторія, благодаря его стараніямъ, сдѣлалась извѣстною, то онъ, Анненковъ проситъ Буяковича передать Неклюдову, что отвѣтъ на такое его поведеніе въ этомъ дѣлѣ заключается въ письмѣ его, Анненкова. Затѣмъ увѣдомляетъ Буяковича, что кукольной комедіи изъ дѣла этого дѣлать нельзя, а потому о перемѣнѣ предложенныхъ имъ условій честныхъ, разговора быть не можетъ.

ствительно уговорилъ Бужковича быть секундантомъ Неклюдова, на случай, если послѣдній будетъ вызванъ Беклемишевымъ на дуель, надѣясь, что онъ скорѣе другихъ, какъ человѣкъ совершенно посторонній, можетъ помирить ссорящихся, а въ случаѣ неудачи, Бужковичъ могъ бы увѣдомить о томъ показателя. Самого же его, Панасевича, Неклюдовъ не просилъ въ секунданты, но извѣстно ему, что намѣренъ былъ просить поручика Горазина, а не просилъ потому, что тотъ былъ боленъ. Кромѣ того Неклюдовъ просилъ прапорщика Холмскаго, но тотъ отказался, потому что былъ мало знакомъ съ Неклюдовымъ, и сверхъ того скоро долженъ былъ ѣхать изъ Иркутска. Впослѣдствіи же, (какъ ему съ видомъ удовольствія разсказывалъ Неклюдовъ), Молчановъ самъ предложилъ быть у него секундантомъ, что и было принято съ благодарностію Неклюдовымъ, потому что, (какъ говорилъ послѣдній), если бы Молчановъ не сдѣлалъ этого предложенія, то онъ вынужденъ былъ бы согласиться, чтобы у обоихъ былъ одинъ общій секундантъ. Сверхъ того Панасевичъ присовокупилъ, что послѣ того, какъ Анненковъ объявилъ, что дуели быть не можетъ, и Неклюдова, какъ труса и подлеца, дозволяется всякому бить, гдѣ онъ встрѣтится, Неклюдовъ, по совѣту титулярнаго совѣтника Килійскаго и его, Панасевича, хотѣлъ уѣхать, но послѣ сказалъ, что это ему никакъ удасться не можетъ, потому что исправникъ Гурьевъ приказалъ почтъ-содержателю Анкудинову дать Неклюдову, въ случаѣ выѣзда его, сломанную телѣгу и дурныхъ лошадей, а у исправника стоитъ постоянно готовая тройка. — Сверхъ того ему, Панасевичу, извѣстно, что ночью на квартиру Неклюдова приходили съ Анненковымъ Шелеховъ и Іосселіанъ, человѣкъ незнакомый съ Неклюдовымъ, и хотя недавно прибывшій въ Иркутскъ, но сдружившійся съ молодежью, враждебною Неклюдову. Изъ всего изложеннаго, онъ Панасевичъ выводитъ, что поводомъ къ дуели была неумышленная обида, нанесенная неосторожнымъ словомъ, и что все дѣло было продолженіемъ послѣдовательнаго и обдуманнаго преслѣдованія нѣсколькими лицами одного человѣка; такъ еще на масляной недѣлѣ, Неклюдова, приглашеннаго словесно на вечеръ въ благородное собраніе, Беклемишевъ, Гурьевъ и Анненковъ публично вывели изъ онаго, на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ письменнаго приглашенія. Уже это могло быть поводомъ къ вызову на дуель.

9) Затѣмъ показали: прапорщикъ *Холмскій*, — что 13 апрѣля былъ у него на квартирѣ, которую онъ занимаетъ съ поручикомъ Горязинымъ, Неклюдовъ и просилъ его въ случаѣ, если онъ будетъ вызванъ на дуель, быть его секундантомъ, причемъ Неклюдовъ объявилъ ему о бывшей у него съ Беклемишевымъ ссорѣ и нанесенной имъ, Неклюдовымъ, Беклемишеву обидѣ дѣйствіемъ,— но показатель предложенія Неклюдова не принялъ, потому что не былъ съ нимъ знакомъ и не зналъ, состоится ли и когда именно дуель, а между тѣмъ имѣлъ приказаніе отправиться въ Читу. Почему же Неклюдовъ обратился къ нему съ этимъ предложеніемъ, не знаетъ. Поручикъ *Горязинъ*,—что хотя онъ былъ знакомъ съ Неклюдовымъ, но послѣдній не могъ пригласить его въ секунданты, потому что онъ былъ нездоровъ; Неклюдовъ разсказывалъ ему о бывшей у него съ Беклемишевымъ ссорѣ и о томъ, что при требованіи имъ отъ Беклемишева объясненія, — послѣдній назвалъ его мерзавцомъ, приказывая прислугѣ своей выгнать его вонъ; посему Неклюдовъ три раза толкнулъ его, но больше ничего сдѣлать не могъ, такъ-какъ на него бросились люди Беклемишева и избили,—въ доказательство чего Неклюдовъ показывалъ Горязину боевые знаки на лицѣ своемъ.—Титулярный совѣтникъ *Килійскій*,—что о ссорѣ Беклемишева съ Неклюдовымъ слышалъ лично 13 апрѣля отъ Неклюдова. Показатель 15 апрѣля, заѣхавъ случайно къ Панасевичу, увидѣлъ тутъ Неклюдова и при этомъ предлагалъ послѣднему заимообразно денегъ, совѣтуя уѣхать изъ Иркутска, но Неклюдовъ сказалъ, что ему денегъ не нужно; Неклюдовъ *не говорилъ*, будто-бы Гурьевъ просилъ почтъ-содержателя не давать ему лошадей, а Панасевичъ уже послѣ смерти Неклюдова, разсказывалъ о семъ показателю.—Крѣпостной человѣкъ Беклемишева, *Аркадій Сахаровъ*,—что 16 апрѣля утромъ, (день поединка) вскорѣ послѣ отъѣзда Беклемишева и Анненкова, пріѣзжалъ и спрашивалъ Беклемишева Шелеховъ; 15 числа Беклемишевъ ѣздилъ куда-то съ хорунжимъ Ротчевымъ, но за чѣмъ, не знаетъ; того же числа предъ вечеромъ Беклемишевъ писалъ какія-то письма, которыя передалъ Шелехову, а на другой день Шелеховъ привезъ Беклемишеву какія-то писмьа и сказалъ: «вотъ ваши письма».—Проживавшій у Беклемишева мальчикъ *Голиковъ*,—что 16 апрѣля приказано было ему заложить лошадей, на которыхъ онъ съ Беклемишевымъ и Анненковымъ поѣхалъ на заимку Какуева. Проѣхавъ

заимку Какуева, господа вышли изъ дрожекъ, за ними пріѣхали Неклюдовъ съ Молчановымъ и пошли впередъ: Беклемишевъ—съ Анненковымъ, а Неклюдовъ — съ Молчановымъ, и остановились въ саженяхъ 80, потомъ минутъ черезъ пять сошлись вмѣстѣ и въ скоромъ времени разошлись: двое—въ одну сторону, а двое—въ другую; потомъ стали: по одному осталось на томъ мѣстѣ, гдѣ остановились, а двое, по одному же, отошли въ сторону. Вдругъ послѣдовали два выстрѣла въ разъ, такъ что дымъ отъ нихъ сошелся вмѣстѣ, и потомъ онъ увидѣлъ, что бѣгутъ къ нему Анненковъ и Беклемишевъ и кричатъ: поѣзжай за лекаремъ Кашинымъ и привези его сюда. Онъ поѣхалъ за Кашинымъ и нашелъ его въ госпиталѣ. Дорогой по Большой улицѣ, встрѣтилъ полиціймейстера, который приказалъ лекаря везти въ квартиру Неклюдова. Когда онъ поѣхалъ за Кашинымъ, то на горѣ встрѣтилъ Гурьева съ Шелеховымъ, которымъ и сказалъ, что ѣдетъ за лекаремъ.—Возившій на мѣсто поединка Молчанова и Неклюдова, *кучеръ*, инородецъ *Мангутовъ* (подъ присягою),—что когда они пріѣхали за Какуевскую заимку, то господа ушли въ лѣсъ и затѣмъ чрезъ четверть часа онъ услышалъ выстрѣлъ, какъ будто въ той сторонѣ, куда они ушли; тутъ изъ-за лѣска вышелъ одинъ изъ тѣхъ, которые туда ушли, и закричалъ: лошадь! передній кучеръ къ нему подъѣхалъ. Онъ что-то ему сказалъ, и кучеръ поѣхалъ въ городъ, потомъ подъѣхала гурьевская пара и поѣхала къ тому мѣсту, откуда прежде кричалъ баринъ; вслѣдъ засимъ въ гурьевскую пролетку внесли одного, какъ бы мертваго, положили и повезли въ городъ. Тутъ же вскорѣ подошелъ къ нему Гурьевъ съ какимъ-то господиномъ, сѣлъ къ нему въ пролетку и поѣхалъ; спустясь съ горы, съ пролетокъ его сошелъ господинъ, а онъ съ Гурьевымъ поѣхалъ въ городъ.—Кучеръ Гурьева *Мельниковъ* (подъ присягою),—что пріѣхалъ съ Гурьевымъ на мѣсто поединка часу въ 8-мъ утра. Когда они пріѣхали, то Неклюдовъ лежалъ, ничего не говорилъ и не стоналъ. Анненковъ и Молчановъ подняли его, подносили къ пролеткѣ, при помощи показателя посадили Неклюдова въ экипажъ и сѣли сами, одинъ по правую, а другой по лѣвую сторону, и поддерживали Неклюдова, котораго и привезли на его квартиру.—Сторожъ казенной палаты *Пежемскій* (подъ присягою) — что живетъ въ караульномъ домѣ при винныхъ магазинахъ. Утромъ 16 апрѣля былъ онъ дома, и въ 6 часу выходилъ для

осмотра магазиновъ; когда онъ обходилъ магазины и былъ на правой сторонѣ магазина № 2, то видѣлъ пролетку, стоявшую по правую сторону отъ него, а въ лѣвую сторону отъ него 4-хъ человѣкъ, которыхъ не разсмотрѣлъ; стояли же они порознь; больше ничего не видалъ, потому что оборотился и пошелъ въ караульный домъ. Когда онъ, осмотрѣвъ магазины, входилъ на крыльцо караульнаго дома, то слышалъ звукъ выстрѣла изъ пистолета,— выстрѣлъ былъ одинъ. Бывшій 16 апрѣля караульнымъ у казеннаго виннаго подвала рядовой *Файнбергъ* (подъ присягою), — что стоя на часахъ 7 и 8 часы, онъ не видалъ, чтобы кто проѣзжалъ мимо подваловъ, или останавливался въ виду магазиновъ, а слышалъ только одинъ выстрѣлъ, но не знаетъ изъ ружья, или изъ пистолета, однакожъ выстрѣлъ былъ громокъ.

Сверхъ того къ дѣлу пріобщено письмо, писанное Неклюдовымъ къ генералъ-губернатору восточной Сибири. Въ письмѣ этомъ Неклюдовъ излагалъ, что послѣ заутрени 12 апрѣля Беклемишевъ назвалъ его воромъ въ залѣ, гдѣ всѣ разгавливались у графа Муравьева-Амурскаго. Онъ, по пріѣздѣ Беклемишева съ Байкала, отправился къ нему на квартиру, чтобы распросить его: правда-ли, что онъ такъ его назвалъ и на какомъ основаніи? но Беклемишевъ приказалъ лакею своему и кучеру выгнать его вонъ и самъ въ помогу имъ ухватился за него. Отбиваясь отъ нихъ, онъ не могъ не нанести Беклемишеву ударовъ, и наконецъ былъ схваченъ его кучеромъ и по его приказанію отвезенъ къ полиціймейстеру, которымъ и былъ посаженъ на гауптвахту, а часъ опустя выпущенъ.

Затѣмъ при *дополнительномъ слѣдствіи* показали: *колл. совѣтникъ Беклемишевъ*—что были ли вновь перемѣшаны пистолеты, послѣ того какъ они были возвращены для того, чтобы на одинъ изъ нихъ надѣть пистонъ,—не припомнитъ; бралъ же онъ пистолетъ изъ рукъ Молчанова. Послѣ обѣда 13 апрѣля онъ ѣздилъ съ Ротчевымъ, заѣхавшимъ къ нему случайно, — для того, чтобы онъ ему показалъ, какъ стрѣляютъ, что Ротчевъ и сдѣлалъ, но о дуели Ротчеву онъ ничего не говорилъ, прося его съѣздить за городъ собственно съ тою цѣлію, чтобы освѣжиться и показать, какъ стрѣляютъ. Въ домѣ графа Муравьева-Амурскаго воромъ онъ Неклюдова не называлъ, и бывъ тамъ короткое время, говорилъ только о предстоявшей поѣздкѣ къ Байка-

лу, для проводовъ генералъ-губернатора, съ лицами, участвовавшими въ этомъ поѣздѣ. Шелехову наканунѣ поединка писемъ не передавалъ, а на другой день поединка, Шелеховъ передалъ ему письма, по обыкновенію, для отсылки за Байкалъ, и кромѣ того передалъ билетъ приказа общественнаго призрѣнія, и данный ранѣе ему для размѣна, но неразмѣненный.*)—Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сукачевъ*, подполковникъ *Дувингъ* и коллежскій совѣтникъ *Федоровъ* (по ссылкѣ на нихъ Беклемишева),—что они не слыхали, какъ Беклемишевъ называлъ воромъ Неклюдова въ домѣ генералъ-губернатора во время поздравленія въ день пасхи, гдѣ разговлялись всѣ послѣ заутрени и ранней обѣдни. Хорунжій *Ротчевъ*—что о намѣреніи Беклемишева стрѣляться, онъ могъ догадываться, потому что слышалъ о бывшей ссорѣ, но о времени, мѣстѣ и условіяхъ поединка не слыхалъ и участія въ этомъ не принималъ; коллежскій ассесоръ *Анненковъ*,—что когда Буяковичъ 13-го апрѣля сказалъ ему, что Неклюдовъ не принимаетъ предложенныхъ ему условій поединка, а предлагаетъ свои условія, то онъ дѣйствительно говорилъ Буяковичу, что на предлагаемыхъ Неклюдовымъ условіяхъ поединка быть не можетъ, и что Неклюдовъ, нанеся Беклемишеву обиду, не имѣетъ права не принимать предлагаемыхъ ему условій. О томъ же, говорилъ ли онъ Буяковичу, что приметъ свои мѣры—не припомнитъ, но если даже и говорилъ, то имѣлъ тогда въ виду написать Неклюдову письмо, объясняющее образъ его мыслей касательно поведенія Неклюдова. 14 апрѣля онъ передалъ Буяковичу письмо, прося его, доставить къ Неклюдову, такъ какъ самъ не надѣялся видѣть Неклюдова, по непринятію его наканунѣ. Въ письмѣ этомъ въ сильныхъ выраженіяхъ онъ укорялъ Неклюдова въ поведеніи его относительно Беклемишева, и въ уклончивости отъ дачи удовлетворенія за нанесенную Беклемишеву обиду, но въ письмѣ не было ни слова касательно вызова имъ, Анненковымъ, Неклюдова на дуель, да и не имѣя никакихъ личностей съ Неклюдовымъ, онъ никогда не имѣлъ и намѣренія вызывать его на дуель. Подпоручикъ *Буяковичъ*,—что въ показаніи своемъ онъ потому говорилъ, что Анненковъ въ письмѣ къ Неклюдову вызывалъ его на дуель, что въ концѣ

*) Это подтвердилъ и коллежскій совѣтникъ Шелеховъ.

письма были слова: «ежели Неклюдовъ желаетъ объясненій, то чтобы онъ предупредилъ, дабы приготовить ему приличную встрѣчу; *)» противъ этого *Анненковъ* объяснилъ, что подъ этими словами разумѣлось то, что если Неклюдовъ захочетъ придти къ Анненкову, то онъ пригласитъ присутствовать при объясненіяхъ постороннихъ свидѣтелей, во избѣжаніе повторенія сцены съ Беклемишевымъ. Надворный совѣтникъ *Молчановъ*, — что считать: разъ, два и три, когда Беклемишевъ и Неклюдовъ стали на барьеры, приглашалъ онъ Анненкова, но считалъ ли послѣдній—не знаетъ, потому что все вниманіе его было обращено на противниковъ. Лекарь *Кашинъ*,—что 15 апрѣля, около 12 часовъ ночи, онъ получилъ записку отъ Гурьева, которою Гурьевъ просилъ его утромъ съѣздить къ одному бѣдному больному. 16 апрѣля, подождавъ до ³/₄ седьмаго часа, онъ отправился въ госпиталь и на углу 3-й Солдатской улицы встрѣтилъ Гурьева, на приглашеніе котораго тотчасъ же ѣхать съ нимъ, объяснилъ, что спѣшитъ въ госпиталь и если будетъ настоять необходимая надобность, то онъ будетъ въ госпиталѣ до 11 часовъ; съ тѣмъ они и разошлись, но ему рѣшительно не было извѣстно, былъ ли онъ приглашаемъ для поединка, или для другой какой цѣли. Въ какомъ же часу пріѣхалъ за нимъ кучеръ, увозившій его въ квартиру Неклюдова, опредѣлительно сказать не можетъ. Коллежскій секретарь *Гурьевъ*,—что о мѣстѣ поединка онъ узналъ 15 числа вечеромъ, но утромъ 16 числа долженъ былъ заѣхать къ Беклемишеву до отъѣзда его съ Анненковымъ, чтобы узнать, не перемѣнилъ ли Анненковъ своего намѣренія на счетъ мѣста, назначеннаго для поединка, что̀ показатель и сдѣлалъ, и узнавъ, что мѣсто поединка не измѣнено, уѣхалъ за докторомъ, а потомъ во 2-й разъ заѣхалъ въ квартиру Беклемишева и тогда узналъ, что онъ съ Анненковымъ уже уѣхалъ. — Коллежскій ассесоръ *Анненковъ*, — что выраженіемъ, изъясненнымъ въ его запискѣ къ Буяковичу, что въ случаѣ промаховъ обоихъ противниковъ, поединокъ возобновлять до достиженія предположенной

*) Въ представленномъ Анненковымъ къ дѣлу письмѣ къ нему Буяковича, послѣдній, отказываясь отъ бытности секундантомъ при дуели, между прочимъ пояснилъ, что такъ какъ причиною разстройства поединка Неклюдовъ, то онъ Буяковичъ желаетъ остаться такъ, какъ былъ прежде, т. е. незнакомымъ съ Неклюдовымъ.

цели, онъ имѣлъ въ виду сказать, что по случаю тяжкой обиды, дуель должна окончиться первою кровью, но не имѣлъ въ виду, какъ онъ, такъ и Беклемишевъ, продолжать поединокъ до нанесенія кѣмъ-либо изъ противниковъ другому тяжкихъ ранъ. Коллежскій совѣтникъ *Шелеховъ*, — что 16 апрѣля послѣ того, какъ заходилъ къ Беклемишеву и узналъ, что онъ съ Анненковымъ уѣхалъ, — встрѣтилъ Сухотина, который спросилъ его: куда онъ ходилъ? на что Шелеховъ сказалъ, что заходилъ къ Беклемишеву и не засталъ его дома; тутъ Сухотинъ выразилъ ему свое опасеніе и догадки о томъ, не поѣхалъ ли Беклемишевъ на поединокъ, что пришло на умъ и ему, Шелехову. Потомъ Сухотинъ привезъ его къ Успенскому собору и они отправились на колокольню, съ намѣреніемъ осмотрѣть окрестность, но онъ, Шелеховъ, почувствовавъ головокруженіе, принужденъ былъ спуститься и пройтись по площади; идя же обратно къ собору, онъ увидѣлъ ѣдущаго Гурьева и отправился съ нимъ, какъ пояснилъ прежде.

Иркутскій полицiймейстеръ Сухотинъ, — относительно давнишней вражды между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ показалъ: что въ послѣдній день сырной недѣли 1859 года Неклюдовъ явился въ благородное собраніе на вечеръ, не бывъ приглашеннымъ, почему бывшій старшиною собранія Беклемишевъ потребовалъ его удаленія, чѣмъ прекратилось между Неклюдовымъ и Беклемишевымъ всякое знакомство. О ссорѣ Беклемишева съ Неклюдовымъ 13 апрѣля сообщилъ ему кучеръ Беклемишева, привезшій Неклюдова къ нему, почему онъ, Сухотинъ, отправился къ Беклемишеву, а Неклюдова отвезъ на гауптвахту, прося его подождать; когда онъ пріѣхалъ къ Беклемишеву, то узналъ отъ него о нанесенныхъ ему Неклюдовымъ побояхъ, однакожъ Беклемишевъ просилъ увѣдомить Неклюдова, что не желаетъ заводить съ нимъ дѣла судомъ, а отправилъ Неклюдова къ Сухотину только вслѣдствіе своего разстроеннаго положенія; эта просьба и была имъ Сухотинымъ исполнена. Затѣмъ, по носившимся въ городѣ слухамъ, что между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ идутъ переговоры о дуели, онъ желалъ предупредить оную и лично слѣдилъ за ними; и вслѣдствіе сего 16 апрѣля утромъ, проѣзжая по Большой улицѣ, думалъ заѣхать къ Беклемишеву, но встрѣтился съ Шелеховымъ, который сказалъ, что Беклеми-

шевъ куда-то уѣхалъ съ Анненковымъ; этотъ ранній отъѣздъ Беклемишева породилъ въ немъ мысль, не отправился ли Беклемишевъ драться съ Неклюдовымъ на дуели. Эту мысль онъ выразилъ Шелехову, который также выразилъ свое опасеніе. Предполагая, что мѣсто дуели гдѣ нибудь должно быть выбрано около дачъ Архіерейской или Какуевской, онъ, пригласивъ съ собою Шелехова, поѣхалъ къ тѣмъ дачамъ, но доѣхавъ до Успенскаго собора, гдѣ дорога расходится на двѣ стороны, отправился съ Шелеховымъ на колокольню, чтобъ осмотрѣть, не увидитъ ли гдѣ лошадей или экипажей. Шелеховъ, не взойдя на колокольню, возвратился; а онъ, Сухотинъ, взойдя на колокольню, сталъ тщательно осматривать мѣстность, но замѣтить ничего не могъ, посему спустился съ колокольни и зашелъ къ живущему противъ церкви садовнику, который сказывалъ ему, что какіе-то господа проѣхали въ двухъ экипажахъ за Какуевскую заимку, посему онъ и намѣренъ былъ ѣхать туда, но при самомъ выходѣ изъ калитки дома, встрѣтилъ Шелехова, сообщившаго ему, что дуель кончена, и что Неклюдову нужна медицинская помощь; посему, взявъ Шелехова, онъ Сухотинъ поѣхалъ за докторомъ, на дорогѣ встрѣтилъ Кашина, который просилъ, чтобъ привести Вейриха, что имъ и было исполнено.—Объясненіе Сухотина, относительно удаленія Неклюдова изъ благороднаго собранія коллежскій совѣтникъ *Беклемишевъ* утвердилъ, съ тѣмъ, что когда Неклюдовъ удалился изъ собранія, то вѣроятно чувствовалъ къ нему, Беклемишеву, вражду, но онъ съ своей стороны на Неклюдова не сердился.

Коллежскій секретарь *Гурьевъ* пояснилъ, что почтъ-содержателю онъ не приказывалъ давать Неклюдову сломанную телѣгу и дурныхъ лошадей, и тройки у него на дворѣ никакой не стояло. Почтъ-содержатель купецъ Николай Яковлевъ (онъ же *Анкудиновъ*) подъ присягою показалъ, что 15 апрѣля Гурьевъ пріѣзжалъ къ нему утромъ въ 8 часовъ и просилъ, когда Неклюдовъ пришлетъ подорожную за лошадьми для себя, то въ тоже время послать къ Гурьеву двѣ тройки вольныхъ лошадей. Потомъ часу въ первомъ дня пріѣзжалъ къ нему вмѣстѣ съ Анненковымъ и просилъ, что когда Неклюдову будутъ даны лошади, то приказать ямщику, чтобы везъ тише и чаще останавливался дорогою и чтобъ ямщикъ вынулъ изъ задней оси чеку,

а тѣмъ ямщикамъ, которые посланы будутъ къ нему, Гурьеву, сказать по какому тракту поѣдетъ Неклюдовъ, а того, чтобы Неклюдову дать сломанную телѣгу, Гурьевъ не приказывалъ и лошадей къ Гурьеву не посылалось, а равно и Неклюдовъ лошадей не требовалъ. — Противъ сего *Гурьевъ* изложилъ, что не помнитъ, когда онъ пріѣзжалъ къ Яковлеву (Анкудинову) 15-го апрѣля, а что пріѣзжалъ, то это правда, и просилъ его прислать къ нему двѣ тройки лошадей, когда пришлютъ за лошадьми для Неклюдова; лошади ему нужны были, одна тройка для отправленія разсыльнаго, а другая для себя лично; прислать же къ нему лошадей по отъѣздѣ Неклюдова велѣлъ для того, чтобы не выѣзжать изъ города до окончательной развязки начавшейся исторіи, а второй разъ пріѣзжалъ къ Анкудинову съ Анненковымъ, который ему попался случайно, и въ этотъ пріѣздъ онъ дѣйствительно просилъ Анкудинова приказать Неклюдовскому ямщику ѣхать тише, чаще останавливаться, и наконецъ вынуть изъ оси чеку, для того, чтобы хоть этой мелочью раздосадовать Неклюдова, если онъ уѣдетъ изъ Иркутска, не извинившись передъ Беклемишевымъ; знать, по какому тракту поѣдетъ Неклюдовъ, ему нужно было для того, чтобы не выѣхать изъ Иркутска по одному съ нимъ тракту, въ томъ случаѣ если онъ захочетъ поѣхать по Ангарскому тракту, куда Гурьеву надо было ѣхать по дѣламъ службы. Къ сему Гурьевъ присовокупилъ, что когда онъ на мѣстѣ поединка поднялъ пистолеты, то по внимательному ихъ осмотру, замѣтилъ, что выстрѣлы были сдѣланы изъ обоихъ. — Коллежскій ассесоръ Анненковъ показалъ, что онъ съ Гурьевымъ дѣйствительно былъ у Анкудинова (онъ же Яковлевъ), но что̀ говорилъ Гурьевъ Анкудинову и зачѣмъ пріѣзжалъ — не знаетъ.

Изъ формулярныхъ списковъ о службѣ подсудимыхъ видно, что коллежскій совѣтникъ Федоръ Беклемишевъ 29 лѣтъ, коллежскій ассесоръ Федоръ Анненковъ 24 лѣтъ, надворный совѣтникъ Мефодій Молчановъ 32 лѣтъ, коллежскій секретарь Дмитрій Гурьевъ 23 лѣтъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Шелеховъ 34 лѣтъ; всѣ они изъ дворянъ, подъ судомъ и въ штрафахъ не бывали.

Правительствующій сенатъ (по 1 отд. 6-го департамента), сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства, обратилъ прежде всего вниманіе *на возбужденное по дѣлу сомнѣніе на счетъ правильности бывшей между Неклюдовымъ и Беклемишевымъ дуели*, сомнѣніе, основанное на мѣстныхъ слухахъ и толкахъ, дошедшихъ и до свѣдѣнія III-го отдѣленія Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА канцеляріи, переписка котораго по этому предмету препровождена въ сенатъ по Высочайшему повелѣнію, для совокупнаго съ дѣломъ разсмотрѣнія. Возникающій изъ существа сего сомнѣнія *вопросъ: палъ ли Неклюдовъ отъ измѣннической руки убійцы, прикрывавшагося одною дуельною обстановкою, или же былъ убитъ на правильномъ поединкѣ*, имѣлъ бы первостепенную важность, если бы основывался на какихъ либо по сему предмету, въ дѣлѣ заключающихся, болѣе или менѣе важныхъ данныхъ, но какъ таковыхъ данныхъ въ настоящемъ дѣлѣ вовсе не имѣется, то разрѣшеніе сего вопроса представляется необходимымъ лишь для полноты судебнаго приговора и для окончательнаго отстраненія набросанной на замѣшанныхъ въ дѣлѣ лицъ неблаговидной тѣни обдуманнаго и заранѣе условленнаго покушенія скопомъ на жизнь одного почти беззащитнаго человѣка. Въ отношеніи къ сему постановленному къ разрѣшенію вопросу, обстоятельства дѣла показываютъ слѣдующее: 1) поединокъ между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ имѣлъ мѣсто при свидѣтеляхъ (секундантахъ) по выбору и желанію каждаго изъ нихъ. Такъ у Неклюдова свидѣтелемъ былъ надворный совѣтникъ Молчановъ, предложенія котораго — принять секундантство Неклюдовъ не только не отвергъ, (какъ бы могъ сдѣлать, если сомнѣвался въ нравственныхъ его достоинствахъ и подозрѣвалъ къ преступныхъ цѣляхъ), — но еще очень цѣнилъ, выразивъ ему свою за сіе предложеніе признательность и благодарность; эти послѣднія чувства Неклюдова къ Молчанову удостовѣрены по дѣлу не однимъ Молчановымъ, но (что всего важнѣе) стороннимъ свидѣтелемъ поручикомъ Панасевичемъ, который, какъ изъ дѣла видно, самъ находился въ пріязненныхъ къ Неклюдову отношеніяхъ и одинъ изъ всѣхъ, спрошенныхъ по дѣлу, пытался набросить тѣнь безчестія на дѣйствія замѣшанныхъ въ поединкѣ лицъ. 2) Обстоятельство, что Беклемишевъ и товарищи его, по воспитанію и службѣ, Анненковъ и Гурьевъ настаивали будто бы

на состояніи предположенной дуели, съ этою же цѣлью частыми посѣщеніями своими вмѣстѣ съ близкими къ нимъ, полковникомъ Іосселіаномъ и коллежскимъ совѣтникомъ Шелеховымъ, преслѣдовали Неклюдова неотступно, и наконецъ воспрепятствовали отъѣзду его изъ Иркутска,—однимъ словомъ, что Неклюдовъ вышелъ на поединокъ вслѣдствіе непреодолимаго къ тому отъ превосходящей силы принужденія и токмо для избѣжанія непосредственно грозившей его жизни неотвратимой другими средствами опасности,—далеко по дѣлу юридически не доказано, а нѣкоторымъ существенно важнымъ обстоятельствамъ онаго рѣшительно противорѣчитъ. Такъ свидѣтель дуели со стороны Неклюдова Молчановъ удостовѣряетъ, что Неклюдовъ, до состоянія поединка, говорилъ ему, что онъ всегда есть и былъ готовъ выйти на поединокъ, а что дуель расходилась вслѣдствіе отказа отъ секундантства Буяновича и Холмскаго. Тоже писалъ Неклюдовъ въ письмѣ (при дѣлѣ находящемся) къ Гурьеву, принадлежавшему къ противной Неклюдову сторонѣ Беклемишева. Сторонній по дѣлу свидѣтель прапорщикъ Холмскій и находившіеся въ пріязненныхъ къ Неклюдову отношеніяхъ поручики Горязинъ и Панасевичъ удостовѣряютъ даже, что Неклюдовъ самъ сознавалъ дѣйствительность и важность нанесенной имъ Беклемишеву обиды, ожидалъ отъ него вызова и до сего вызова, на случай только онаго, обращался къ первому и послѣднему изъ нихъ съ просьбою о секундантствѣ; слѣдовательно до всякаго употребленія противникомъ какихъ-либо понудительныхъ мѣръ къ принятію вызова на дуель,—Неклюдовъ, по собственному желанію и побужденію, изъявлялъ готовность выйти на предполагаемый поединокъ и заботился уже пріисканіемъ необходимаго для онаго секунданта. Далѣе по дѣлу нисколько не доказано, чтобы посѣщенія Неклюдова Анненковымъ, Гурьевымъ, Іосселіаномъ и Шелеховымъ сопровождаемы были какими-либо признаками понудительнаго преслѣдованія, почему и остается объяснить ихъ сообразно даннымъ всѣми сими лицами показаніямъ тѣмъ, что первые приходили для надлежащихъ съ Неклюдовымъ по поводу ссоры его съ Беклемишевымъ объясненій, а послѣдніе для присутствованія при сихъ объясненіяхъ, во избѣжаніе новыхъ ссоръ и новыхъ оскорбительныхъ дѣйствій между объясняющимися. Наконецъ нельзя оставить безъ вниманія, что настаивая на не-

преждевременное состояніе дуели и стараясь даже воспрепятствовать отъѣзду Неклюдова изъ Иркутска,—Беклемишевъ, Анненковъ и Гурьевъ, если и почесть всѣ эти дѣйствія съ ихъ стороны доказанными, *слѣдовали предразсудку почти общему, стараясь добиться того способа удовлетворенія чести обиженнаго, который, по общему понятію, представляется единственно возможнымъ*. Посему вина Беклемишева и секундантовъ его Анненкова и Гурьева, если и допустить, что они особенно настаивали на состояніе поединка, можетъ и должна увеличивать мѣру слѣдующаго имъ за участіе въ поединкѣ наказанія, но ни въ какомъ случаѣ не даетъ права заподозрѣвать ихъ въ безчестномъ убійствѣ, прикрытомъ лишь свойственною поединкамъ обстановкою. По самому же свойству понудительныхъ мѣръ къ поединку, въ принятіи которыхъ подсудимые Беклемишевъ, Анненковъ и Гурьевъ обвиняются, нельзя не убѣдиться, что всѣ онѣ,—если и допустить ихъ существованіе, не могутъ быть отнесены къ такому принужденію, которое грозило неотвратимою для жизни Неклюдова опасностію, если бы онъ не принялъ вызова и уклонился бы отъ поединка. Въ самомъ дѣлѣ: можно ли требованіе обиженной стороны объясненія въ нанесенномъ оскорбленіи, вызовъ, необходимые о предполагаемой дуели переговоры, и наконецъ сдѣланное распоряженіе о томъ, чтобы Неклюдова, въ случаѣ его отъѣзда, везли тише и вынули бы чеку изъ колеса его телѣги—почесть мѣрами для жизни Неклюдова опасными, средствами вполнѣ неотразимыми, и наконецъ такими,—которыя должны были необходимо его принудить и дѣйствительно принудили подчиниться сдѣланному вызову, во избѣжаніе лишь мнимо грозившей ему опасности? И 3) Извѣстно, что поединки устраиваются и приводятся въ исполненіе тайно отъ лицъ стороннихъ, слѣдовательно очевидцами остаются только принимающіе посредственное участіе въ поединкѣ секунданты, то есть тѣ лица, которымъ дуелисты ввѣряютъ, каждый своему свидѣтелю, охраненіе собственнаго своего интереса и выгодъ, и строгое и безпристрастное соблюденіе принятыхъ для поединковъ обычаевъ и правилъ, съ необходимымъ притомъ уравненіемъ дуельныхъ случайностей. На семъ основаніи нельзя не убѣдиться, что согласное свидѣтельство добровольно избранныхъ и особымъ довѣріемъ своихъ сторонъ облеченныхъ секундантовъ,—о обстоя-

тельствахъ поединка, съ одной стороны не можетъ подлежать сомнѣнію, а съ другой необходимо остается единственнымъ указателемъ происшествія. На семъ основаніи и законъ, довѣряя присутствію секундантовъ, признаетъ всякій безъ сихъ свидѣтелей (какъ называетъ онъ секундантовъ) поединокъ равносильнымъ такого рода поединкамъ, при которыхъ положена условіемъ непремѣнная смерть одного изъ сражающихся. (1 кн. XV Т. ст. 2060). Изъ согласнаго же показанія свидѣтелей поединка Неклюдова съ Беклемишевымъ, то есть ихъ секундантовъ, видно, что поединокъ этотъ имѣлъ мѣсто слѣдующимъ образомъ: разстояніе и барьеры вымѣрены и опредѣлены секундантами съ обѣихъ сторонъ, ими же при дуелистахъ заряжены были пистолеты совокупно, однимъ изъ нихъ и именно Неклюдовскимъ секундантомъ Молчановымъ пистолеты были перемѣшаны и предложены на выборъ Неклюдову, какъ въ первый разъ тотчасъ послѣ заряженія, такъ и во второй послѣ исправленія замѣченнаго въ доставшемся Беклемишеву пистолетѣ недосмотра,—наконецъ по командѣ же Неклюдовскаго секунданта послѣдовали выстрѣлы противниковъ. Эти же оба секунданта удостовѣряютъ, что выстрѣлы сдѣланы были съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, основываясь на прописанныхъ показаніяхъ свидѣтелей, подтверждаемыхъ и Беклемишевымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ, остается заключить, *что поединокъ Неклюдова съ Беклемишевымъ имѣлъ мѣсто по всѣмъ правиламъ, при поединкахъ обыкновенно соблюдаемымъ, съ совершеннымъ уравненіемъ дуельныхъ случайностей и безъ всякаго измѣнническаго противъ Неклюдова съ чьей либо стороны дѣйствія.* Это убѣжденіе подкрѣпляютъ и слѣдующія соображенія: а) дѣйствія секундантовъ Анненкова и Молчанова и принимавшаго въ устройствѣ поединка участіе Гурьева, какъ до сего поединка, такъ и послѣ онаго, отличались честною прямотою и равною объ обоихъ дуелистахъ заботливостію. Такъ они употребляли всевозможныя старанія къ тому, чтобы на мѣстѣ поединка находился докторъ. Это удостовѣряется показаніемъ лекаря Кашина, что онъ, наканунѣ еще дуели получилъ отъ Гурьева приглашеніе навѣстить съ нимъ на другой день утромъ опасно больнаго, но что онъ, Кашинъ, не имѣлъ времени и возможности исполнить просьбу Гурьева, который въ тотъ самый день дѣйствительно за нимъ заѣзжалъ (отправляясь,

какъ изъ дѣла видно, на мѣсто поединка); изъ нихъ на Гурьева возложена была обязанность доставить на мѣсто поединка удобный экипажъ, на случай пораненія кого-либо изъ дуелистовъ, что̀ Гурьевымъ съ точностію и было исполнено. Всѣ они, не принимая никакихъ мѣръ къ сокрытію слѣдовъ совершившагося поединка, какъ удостовѣряютъ свидѣтели, озаботились немедленнымъ доставленіемъ раненаго Неклюдова на его квартиру и оказаніемъ ему всевозможной докторской помощи, столь почти во всякомъ случаѣ необходимой. Наконецъ изъ нихъ Анненковъ и Молчановъ, немедленно по окончаніи поединка, явились къ предсѣдательствующему въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири и принесли, какъ свидѣтельствуетъ послѣдній, чистосердечное сознаніе въ своемъ преступленіи, чѣмъ самымъ отдавали себя въ руки правосудія и способствовали полному раскрытію по горячимъ слѣдамъ всѣхъ обстоятельствъ происшествія, чего конечно не сдѣлали, если бы имѣли поводъ и основаніе предполагать въ дѣйствіяхъ своихъ не дань почти общественному предразсудку, а измѣнническое убійство. б) Достовѣрность показаній секундантовъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ самый поединокъ, подтверждена въ общихъ чертахъ совершенно съ ними согласнымъ свидѣтельствомъ очевидца дуели, кучера Беклемишева Голикова, который показываетъ, что на мѣстѣ поединка послѣдовало два выстрѣла въ одинъ разъ, такъ что дымъ отъ нихъ сошелся вмѣстѣ. Далѣе достовѣрность сія подтверждается и произведеннымъ мѣсту поединка полицейскимъ осмотромъ, при которомъ найдены служившія барьерами обѣ стрѣлы, съ оставшеюся на концахъ ихъ, отъ воткнутія, землею, а въ разстояніи десяти шаговъ усмотрѣны углубленія въ землѣ, отъ барьерныхъ стрѣлъ образовавшіяся. Наконецъ достовѣрности сей не ослабляютъ, а напротивъ подкрѣпляютъ—и заключающіяся въ дѣлѣ судебно-медицинскія данныя, основанныя на точныхъ и подробныхъ свидѣтельствахъ трупу Неклюдова и на произведенномъ анатомическомъ сему трупу вскрытіи, котораго домогался самъ Беклемишевъ съ цѣлью, чтобы отнять у клеветы послѣднее ея оружіе. Этими данными ясно разрѣшено, что Неклюдовъ умеръ единственно отъ безусловно-смертельной огнестрѣльной раны въ грудь, получившей оказавшееся въ тѣлѣ его извѣстное, и притомъ весьма естественное направленіе потому, что онъ

на поединкѣ обращенъ былъ къ своему противнику не полною грудью, а какъ обыкновенно водится, бокомъ, и именно правымъ плечомъ впередъ. Что же касается до присяжнаго показанія инородца Мангутова, отвозившаго Неклюдова и Молчанова на мѣсто поединка, и сторожей при винныхъ около того мѣста магазинахъ, Пежемскаго и Файнберга,—что они слышали одинъ только выстрѣлъ, а не два, то означенное ихъ показаніе не можетъ колебать достовѣрности событія двойнаго на поединкѣ выстрѣла, потому что представляется прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ того обстоятельства, что залпы произведенныхъ по командѣ, и слѣдовательно въ одно мгновеніе, обоихъ на поединкѣ выстрѣловъ, необходимо должны были слиться въ одинъ для слышавшихъ оные общій гулъ; и в) Въ рапортѣ предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири къ главному начальнику III-го отдѣленія Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА канцеляріи сдѣланы подробныя указанія о причинахъ распущенія въ томъ краѣ искаженныхъ и разнорѣчивыхъ разсказовъ о дуели. По удостовѣренію предсѣдательствующаго въ совѣтѣ, которому нельзя не дать полной вѣры по принадлежности сего лица къ высшему довѣріемъ Монарха облеченному мѣстному начальству, — причины эти заключались въ ненависти, питаемой весьма многими къ новому порядку вещей въ Сибири и всѣмъ сего порядка, болѣе или менѣе значительнымъ, представителямъ. Предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: «искореняя неимовѣрными усиліями закоснѣлое зло взяточничества, произволъ мѣстныхъ властей, продажность присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, въ которые ввержена была Восточная Сибирь до послѣдняго десятилѣтія, генералъ-адъютантъ графъ Муравьевъ—Амурскій долженъ былъ не разъ прибѣгать къ мѣрамъ крутымъ: многія лица изъ коренныхъ жителей иркутскихъ, и также давно уже служившія тамъ, по вредному своему направленію, были отодвинуты отъ средоточія гражданской дѣятельности и лишены авторитета, которымъ прежде беззаконно и безнаказанно пользовались. Оставаясь въ качествѣ мѣстныхъ граждань или у должностей, но безъ вліянія на дѣла, они съ за[...]о смотрѣли какъ генералъ-губернаторъ окружалъ себя молодыми, образованными, благомыслящими, которые, ру-

водимые съ одной стороны основами полученнаго воспитанія и честными побужденіями, а съ другой энергіею и стремленіями своего начальника, дали новое направленіе мѣстной администраціи, изгоняя повсюду взяточничество и беззаконіе. Рядомъ съ симъ явилась необходимость исключить въ разное время изъ службы много чиновниковъ, которые—по отдаленности края не имѣя возможности возвратиться во внутреннія губерніи Россіи, остаются въ Сибири, занимаясь одною лишь ябедою, сочиненіемъ разнаго рода прошеній и подстреканіемъ всѣхъ, кого только можно, противу мѣстныхъ властей. Къ этому разряду необразованнаго и потерявшаго всякое уваженіе чиновничества, пристали на сей разъ многіе, имѣвшіе съ давнихъ поръ личную вражду къ Беклемишеву по служебнымъ и общественнымъ столкновеніемъ съ нимъ, особенно въ бытность его исправникомъ и чиновникомъ особыхъ порученій. Эти то люди и обрадовались грустному результату ссоры Беклемишева и Неклюдова, чтобы возстановить не только противъ Беклемишева, но даже противу мѣстнаго начальства, всѣхъ, кто только могъ быть увлеченъ ихъ злобою, исполненною самой злой клеветы, а подобное возстановленіе нѣкоторой части публики тѣмъ болѣе было возможно, что дѣло о поединкѣ Беклемишева было важно, *какъ первый подобный случай въ Сибирскомъ краѣ*, и потому обращало на себя особенно напряженное вниманіе публики, а многимъ кореннымъ жителямъ Сибири было вовсе непонятно. Къ сему предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири присовокупляетъ и то его убѣжденіе, что по той довѣренности и расположенію большинства, которыя замѣшанныя въ поединкѣ лица пріобрѣли испытанной честностью и добросовѣстностію своей,— нельзя и предположить въ нихъ ни наклонности, ни способности къ такимъ побужденіямъ, какія взводила на нихъ клевета, тѣмъ болѣе, что даже предположеніе безчестности поведенія ихъ въ отношеніи къ Неклюдову не могло имѣть никакого логическаго основанія.»—*Вторымъ* послѣ вышеизложеннаго вопросомъ представляется, по руководству нашихъ законовъ, разрѣшеніе того обстоятельства: *было ли при поединкѣ Беклемишева съ Неклюдовымъ положено условіемъ, чтобы онъ кончился непремѣнно смертью одного изъ противниковъ, или же сего условія положено не было, а самая смерть Неклюдова была послѣдствіемъ поединка не*

необходимымъ, а только возможнымъ? Въ этомъ отношеніи обстоятельства дѣла показываютъ, что подобнаго условія формально выражено ни словесно, ни письменно не было, и что существованіе онаго всѣ участвующія въ дѣлѣ лица отвергаютъ. Что же касается до объясненныхъ подсудимыми условій, на которыхъ стрѣлялись Беклемишевъ и Неклюдовъ, и которыя заключались въ томъ, чтобы поединокъ имѣлъ мѣсто на пистолетахъ, на разстояніи 10 шаговъ, выстрѣлы слѣдовали разомъ, а промахи вовсе бы не считались, то конечно эти условія хотя и представляются нѣсколько тяжелыми, но однако же не исключаютъ возможности и другихъ послѣдствій поединка, кромѣ смерти одного изъ противниковъ, — ибо большая или меньшая значительность раны и самая оной смертельность зависитъ разумѣется не отъ свойства орудія и не отъ дистанціи между противниками на поединкѣ, а отъ большей или меньшей важности, въ животной экономіи, той части тѣла, которая повреждена нанесеніемъ раны; предположеніе же, что Беклемишевъ разсчитывалъ на нанесеніе особенно значительной или даже смертельной противнику раны, тѣмъ менѣе можетъ быть допущено, что Беклемишевъ, по его показанію не опровергаемому обстоятельствами дѣла, не умѣлъ стрѣлять и только лишь наканунѣ поединка учился у хорунжаго Ротчева прицѣлу, причемъ сдѣлалъ въ цѣль всего только два выстрѣла. Прочія условія, а именно: стрѣлять обоимъ противникамъ разомъ и промаховъ не считать—также не доказываютъ смертельнаго непремѣнно исхода дуели. Первое изъ нихъ представляется послѣдствіемъ требуемаго правилами поединка строгаго уравненія дуельныхъ случайностей, а послѣднее свидѣтельствуетъ лишь, что дуель должна была кончиться не иначе, какъ съ пролитіемъ крови одного изъ противниковъ; притомъ же, чтобы всѣ означенныя выше условія поединка, хотя и тяжелыя, направлены были къ непремѣнной цѣли биться противникамъ на смерть,—на это въ дѣлѣ юридическихъ доказательствъ не имѣется. Набрасывающее тѣнь подозрѣнія на существованіе между Неклюдовымъ и Беклемишевымъ условія стрѣляться на смерть — выраженіе, употребленное Анненковымъ въ одной изъ его записокъ: что въ случаѣ промаховъ, поединокъ долженъ возобновляться до предположенной цѣли, — разъяснено самимъ Анненковымъ тѣмъ, что подъ выраженіемъ: «до пред-

положенной цѣли» разумѣлось имъ до первой крови. Этого разъясненія не отвергаютъ и прочіе подсудимые, изъ которыхъ Беклемишевъ съ прискорбіемъ объясняетъ, что если бы онъ зналъ, что поединокъ кончится смертью его противника, то не выходилъ бы на дуель, и предпочелъ бы перенести общественное осужденіе. Самое же условіе биться не до смерти, а до первой крови, достаточно уже удовлетворяетъ требованіямъ чести и не противорѣчитъ основной идеѣ существующаго предразсудка. Такимъ образомъ, руководствуясь изложенными соображеніями, остается заключить, что при поединкѣ Неклюдова съ Беклемишевымъ *условія биться непремѣнно на смерть постановлено не было, а что самая смерть Неклюдова была не болѣе какъ дуельною* случайностію. — *Третьимъ* наконецъ по настоящему дѣлу вопросомъ представляется слѣдующій: *кто изъ противниковъ-дуелистовъ долженъ почитаться подавшимъ поводъ къ поединку, или другими словами: кто изъ нихъ нанесъ другому обиду, требовавшую, — по свойству своему и почти общему предразсудку, — удовлетворенія не иначе, какъ путемъ поединка?* Обстоятельства дѣла по сему вопросу показываютъ: Неклюдовъ въ письмѣ генералъ-губернатору Восточной Сибири, писанномъ передъ выходомъ на поединокъ, вывелъ на Беклемишева два обвиненія: одно въ нанесеніи Неклюдову личнаго оскорбленія названіемъ его, Неклюдова, воромъ въ залѣ генералъ-губернатора, послѣ заутрени, бывшей на свѣтлое воскресеніе христово 12 апрѣля; другое—въ нанесеніи Неклюдову личной обиды дѣйствіемъ собственнымъ своимъ лицомъ и чрезъ посредство прислуги въ то время, когда онъ, Неклюдовъ, явился къ Беклемишеву на квартиру съ требованіемъ объясненія въ сдѣланной ему словесной обидѣ. Беклемишевъ же, съ своей стороны, объясняетъ, что воромъ никогда въ залѣ генералъ-губернатора—Неклюдова не называлъ, а говорилъ только незадолго до поединка о полученномъ извѣстіи изъ Китая, что Неклюдовъ при поѣздкѣ въ Пекинъ не платилъ всѣхъ прогоновъ; что Неклюдовъ, явясь къ нему на квартиру, требовалъ отъ него какихъ то объясненій, а на отвѣтъ Беклемишева, что онъ не желаетъ съ нимъ объясняться и проситъ оставить въ покоѣ, — толкнулъ его. При этомъ Беклемишевъ дополняетъ, что люди его ограничились однимъ разнятіемъ происшедшей у него съ Неклюдовымъ, послѣ всего вышеобъясненнаго, свалки и

представленіемъ Неклюдова въ распоряженіе полиціи, сообразно данному Беклемишевымъ въ первую минуту раздраженія приказанію. Входя въ подробное разсмотрѣніе означенныхъ выводовъ другъ противъ друга Неклюдова и Беклемишева, необходимо повѣрить ихъ съ данными, по сему предмету въ дѣлѣ заключающимися, и уже затѣмъ вывести правильное изъ сихъ данныхъ убѣжденіе. Произведеннымъ слѣдствіемъ открыто, что Беклемишевъ 12-го апрѣля въ залѣ генералъ-губернатора воромъ Неклюдова не называлъ; это удостовѣряютъ бывшіе тамъ же дѣйствительный статскій совѣтникъ Сукачевъ, подполковникъ Дувингъ и коллежскій совѣтникъ Федоровъ. Этимъ же слѣдствіемъ обнаружено, что личная обида дѣйствіемъ нанесена Беклемишеву Неклюдовымъ при тѣхъ самыхъ обстоятельствахъ, какія указаны Беклемишевымъ. Такъ изъ дѣла видно, что единственные свидѣтели происшедшей у Неклюдова съ Беклемишевымъ ссоры—служители послѣдняго—Сахаровъ и Голиковъ, показаніе его вполнѣ подтвердили. Наконецъ изъ показаній Молчанова, Буяковича, Горязина, Холмскаго и Килійскаго видно, что Неклюдовъ при жизни самъ сознавался въ томъ, что самая первоначальная обида дѣйствіемъ въ квартирѣ Беклемишева нанесена имъ, причемъ оправдывался только тѣмъ, что поводомъ къ сей обидѣ былъ отказъ Беклемишева объясняться и данное имъ людямъ приказаніе вывести его вонъ, послѣдствіемъ же оной — то, что онъ былъ избитъ людьми Беклемишева. Всѣ вышеизложенныя данныя ясно доказываютъ: 1) что обиды названіемъ воромъ Беклемишевъ Неклюдову у генералъ-губернатора не наносилъ, но что незадолго до поединка, дѣйствительно говорилъ о полученномъ извѣстіи, что Неклюдовъ не платитъ прогоновъ; и 2) что виновникомъ нанесеннаго Беклемишеву личнаго оскорбленія дѣйствіемъ, представляется Неклюдовъ. Относить допущенное Беклемишевымъ о Неклюдовѣ заглазное выраженіе къ разряду словесныхъ оскорбленій, едва ли возможно, потому что это значило бы еще больше разширить предѣлы и то уже достаточно щекотливаго и утонченнаго понятія о чести. Но если даже и признать означенное выше выраженіе Беклемишева оскорбительнымъ для чести Неклюдова, то и тогда нельзя не убѣдиться, что оно не исключало примиренія всѣми тѣми способами, которые на подобные случаи употребляются и приняты. Отвѣчалъ ли бы

Неклюдовъ заглазною же на заглазную обиду, потребовалъ ли онъ извиненія при свидѣтеляхъ—честь его была бы достаточно возстановлена и въ мнѣніи общества не была бы еще потеряна. Однимъ словомъ его нельзя не быть убѣжденнымъ, что допущенное Беклемишевымъ о Неклюдовѣ выраженіе, если и относить къ разряду словесныхъ оскорбленій, далеко не исключало всякаго другаго, кромѣ поединка,—для удовлетворенія чести оскорбленнаго — исхода дѣлу, не говоря уже о томъ, что противный сему, ни на чѣмъ не основанный выводъ, необходимо клонился бы къ столь вредному расширенію и то уже сильно развитаго понятія объ обязательной въ обществѣ дани существующему предразсудку. Далеко не съ такимъ ничтожнымъ значеніемъ можетъ и должна представляться обида, нанесенная Беклемишеву Неклюдовымъ. Это безспорно тяжкая обида дѣйствіемъ такова, что законъ не отвергаетъ въ подвергшемся ей права вызова на поединокъ (ст. 2050 1-й книги XV-го тома), а тѣсно связанный съ понятіемъ о чести и почти общій предразсудокъ—ставитъ тоже лицо почти въ необходимость смыть наложенное на него пятно тѣмъ способомъ, который по общему понятію признается единственно возможнымъ къ искупленію чести. Посему, и основываясь на изложенныхъ соображеніяхъ, должно окончательно признать, *что обида, подавшая Беклемишеву поводъ къ самому вызову, а слѣдовательно и къ поединку,—была нанесена Неклюдовымъ* и что къ доказанной, по собственному сознанію и обстоятельствамъ дѣла (ст. 316, 317 и 318 — 2-й книги XV-го тома) винѣ Беклемишева, заключающейся въ вызовѣ противника на поединокъ и въ нанесеніи ему смерти, всего правильнѣе примѣнить *2 часть 2054 ст. 1-й книги XV-го тома*, принимая въ основаніе и въ руководство къ сему примѣненію Высочайше утвержденное 9-го іюля 1849 года мнѣніе государственнаго совѣта, въ примѣчаніи подъ 2054 ст. изложенное. Обращаясь засимъ къ опредѣленію самой *мѣры наказанія*, слѣдующаго Беклемишеву по приведенной статьѣ закона и по разуму 4 пункта 116, 141 и 146 ст. 1-й книги XV-го тома, нельзя не остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ: отнесенныя, по ст. 141, къ числу обстоятельствъ, увеличивающихъ вину подсудимаго: умыселъ и обдуманность въ дѣйствіяхъ преступника, высшее званіе его и степень образованности и употребленіе особыхъ усилій для устра-

ненія представлявшихся ему къ совершенію преступленія препятствій, безспорно должны увеличивать вину, но не по всѣмъ преступленіямъ въ равной степени и мѣрѣ; къ дѣламъ же о поединкахъ, по самому свойству своему исключительныхъ, а по разуму закона исключаемыхъ изъ общаго разряда обыкновенныхъ и по послѣдствіямъ своимъ тождественныхъ съ ними преступленій,— эти обстоятельства почти вовсе примѣняемы быть не могутъ. Умыселъ и обдуманность въ дѣйствіяхъ преступника (ст. 141 1-го пункта)—не могутъ быть приняты въ соображеніе, потому что дуель безъ обдуманнаго намѣренія не можетъ имѣть мѣста. Оскорбленный, вызвавши на дуель обидчика, не можетъ кончить оной въ минуты гнѣва, при самомъ оскорбленіи; ему послѣ вызова надобно время пріискать секунданта, сообщить ему свои условія и ожидать устройства дуели,—слѣдовательно все это не можетъ быть необдуманно съ обѣихъ сторонъ. Да и законъ, постановленный о поединкахъ (ст. 2061), опредѣляетъ высшую мѣру наказанія за дѣйствія съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и умысломъ въ одномъ только случаѣ: когда кто убьетъ своего противника какимъ-либо измѣнническимъ образомъ, то есть тогда, когда имѣетъ мѣсто не поединокъ, а обыкновенное убійство. Званіе преступника и степень образованности его (ст. 141 2-го пункта)—не могутъ имѣть никакого вліянія при сужденіи дѣлъ о поединкахъ, ибо преступленіе это столь связано съ понятіемъ, свойственнымъ исключительно людямъ образованнымъ, что выведенныя выше обстоятельства представляются въ семъ случаѣ скорѣе причиной объясняющей, а слѣдовательно уменьшающей преступность. Настойчивость на предложенныхъ болѣе или менѣе тяжелыхъ условіяхъ дуели (ст. 141 пунк. 5 и 7) также въ нѣкоторой степени неизбѣжна при поединкахъ. Впрочемъ въ дѣйствіяхъ Беклемишева подобной настойчивости не усматривается. Хотя, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія обиды, онъ, Беклемишевъ, и предложилъ нѣсколько тяжелыя условія, но впослѣдствіи онъ же самъ согласился на измѣненіе ихъ по сдѣланному Неклюдовымъ предложенію; къ тому же самыя условія поединка, по существу дѣла, должны были соотвѣтствовать вполнѣ обидѣ и быть тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ больше самая обида; притомъ же если бы и было доказано, что Беклемишевъ настойчиво стремился къ своей цѣли, то подобная на-

стойчивость могла бы быть поставлена ему въ вину и отнесена къ его жестокости тогда только, когда бы онъ не имѣлъ никакого повода къ поединку и если бы онъ, вызывая своего противника на поединокъ, тѣмъ самымъ не удовлетворилъ, такъ сказать, необходимости слѣдовать побужденіямъ чувства чести и общему обычаю. Что же касается до того факта, что Беклемишевъ, за нѣсколько дней до дуели, просилъ показать ему, какъ слѣдуетъ держать пистолетъ и сдѣлалъ два выстрѣла въ цѣль, изъ чего иркутскій губернскій судъ выводитъ, что Беклемишевъ нарочно учился стрѣлять, и увеличиваетъ на семъ основаніи мѣру наказанія сему подсудимому, то нельзя не убѣдиться, что подобное разсужденіе совершенно неумѣстно и превратно,—ибо само собою разумѣется, что тому, кто ни разу въ жизни не бралъ въ руки пистолета, при выходѣ на поединокъ, ни по человѣчеству, ни по разуму, нельзя отказывать въ правѣ ознакомиться съ способомъ употребленія огнестрѣльнаго оружія, потому уже, что онъ, подвергая себя одинаковой съ противникомъ своимъ опасности, тѣмъ самымъ долженъ позаботиться о своемъ самосохраненіи и хотя нѣсколько уравнять случайности дуели, въ особенности если противникъ его опытенъ и искусенъ. Разрѣшивъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ вопросъ о примѣненіи къ винѣ подсудимаго обстоятельствъ, увеличивающихъ мѣру слѣдующаго ему наказанія, необходимо принять во вниманіе обстоятельства другаго рода, служащія къ уменьшенію вины Беклемишева, а именно: раскаяніе, которое онъ выразилъ тотчасъ же, какъ поединокъ кончился, и которое по собственному сознанію онъ чувствовалъ и послѣ того, и та высказанная имъ при семъ случаѣ мысль, что если бы онъ предвидѣлъ исходъ поединка, то лучше бы перенесъ общественное порицаніе и насмѣшки и примирился бы съ Неклюдовымъ (ст. 146, пункты 1 и 2); наконецъ при сужденіи о виновности Беклемишева нельзя не принять во вниманіе: а) чистосердечіе, съ которымъ онъ велъ себя при слѣдствіи (ст. 146 пунктъ 3); б) того, что преступленіе учинено имъ вслѣдствіе сильнаго раздраженія, произведеннаго тяжкимъ оскорбленіемъ лица, которому онъ сдѣлалъ зло (ст. 146 ст. пунктъ 5); в) что онъ былъ вовлеченъ въ сіе преступленіе ложнымъ убѣжденіемъ въ необходимости подчиниться общему обычаю, имѣвшему и надъ нимъ сильную, по самой природѣ чело-

вѣка, власть (ст. 146 пунктъ 6), и наконецъ г) прежней его безпорочной службы и заслугъ (166 ст. пунктъ 2), засвидѣтельствованной мѣстнымъ начальствомъ, которое, въ лицѣ предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія восточной Сибири, удостовѣряетъ, что дѣйствія Беклемишева по должности верхнеудинскаго земскаго исправника, выходя изъ сферы обычнаго земскаго управленія, постоянно отличались особеннымъ направленіемъ къ улучшенію быта крестьянъ и вообще къ благоустройству верхнеудинскаго округа, что состояніе, въ какомъ находился верхнеудинскій округъ до управленія земскою частью Беклемишевымъ и то, въ какое онъ приведенъ имъ, достаточно убѣдитъ каждаго въ заслугахъ Беклемишева на этомъ поприщѣ, которыя и были поводомъ къ быстрому возвышенію по службѣ этого молодаго человѣка и, что если онъ не избѣгнулъ недоброжелателей, то это потому, что имѣлъ въ рукахъ своихъ обширный кругъ дѣйствія и поставленъ былъ въ необходимость поступать энергически. Принимая въ основаніе всѣ прописанныя обстоятельства и соображенія, клонящіяся къ опредѣленію слѣдующей подсудимому Беклемишеву мѣры наказанія, должно придти къ заключенію, что Беклемишевъ, если сдѣлался преступникомъ, то по причинамъ, болѣе или менѣе непреоборимымъ, и что *мѣру наказанія*, слѣдующаго по 2 отд. ст. 1054 1 кн. XV т., надлежитъ ему назначить *низшую*, то есть подвергнуть его заключенію въ крѣпости на три года.—*По отношенію къ прочимъ подсудимымъ по сему дѣлу лицамъ* обстоятельства дѣла показываютъ: 1) надворный совѣтникъ *Молчановъ* и коллежскій ассесоръ *Анненковъ*, по собственному ихъ сознанію и обстоятельствамъ дѣла (ст. 316, 317 и 318 1-й кн. XV т.), должны быть признаны *секундантами* при поединкѣ Беклемишева съ Неклюдовымъ и подлежатъ по мѣрѣ ихъ вины наказанію, или въ 2058 или въ 2059 ст. 1 кн. XV т. означенному, и 2) коллежскаго секретаря *Гурьева*—секундантомъ признать невозможно, за силою 3 и 4 п. 317 ст. 2 кн. XV тома, потому что если съ одной стороны онъ самъ и изъявлялъ словами и дѣломъ полную готовность принять на себя подобную обязанность, то съ другой стороны не видно по дѣлу, чтобы обязанность сія была ему, Гурьеву, Беклемишевымъ предложена или даже того, чтобы Беклемишевъ, у котораго секундантомъ состоялъ Анненковъ, желалъ

бы или имѣлъ поводъ и основаніе желать другаго секунданта въ лицѣ Гурьева. Признавать Гурьева виновнымъ въ умыслѣ и готовности быть секундантомъ, въ предложеніи своихъ услугъ по сему именно званію, предусмотрѣннымъ ст. 2051 и 2063, возбужденіи къ поединку, въ доставленіи вызова (ст. 2052) Беклемишева къ Неклюдову, или же въ неисполненіи христіанскаго долга убѣжденія вышедшихъ на поединокъ къ примиренію (2062 ст.)— также нѣтъ правильнаго основанія, потому что содѣйствіе его въ поединкѣ выразилось въ физическомъ участіи въ дѣлѣ приготовленія и устроенія предположенной дуели, участіи, впрочемъ, косвенномъ, такъ-какъ прямаго содѣйствія приведенію въ исполненіе поединка онъ ни въ качествѣ дуелиста, ни по обязанности секунданта, оказать не могъ. Такъ подсудимый сей самъ сознается, и обстоятельствами дѣла доказано, что онъ (ст. 316, 317 и 318 2 кн. XV т.), по порученію Анненкова, возилъ вызовъ Беклемишева на поединокъ Неклюдову и, не заставъ его дома, письменно требовалъ отъ него отвѣта на сдѣланный вызовъ, имѣлъ на своей обязанности доставить на мѣсто поединка доктора и удобный, на случай несчастнаго исхода поединка, экипажъ, первое не исполнилъ по независѣвшимъ отъ него причинамъ, а послѣднее выполнилъ, далѣе прибылъ на мѣсто поединка, и собралъ разбросанные пистолеты. При такихъ видахъ принятаго Гурьевымъ участія въ дѣлѣ поединка ближе будетъ признать сего подсудимаго, по руководству 15 ст. 1 кн. XV т., *пособникомъ секундантовъ* и притомъ, по смыслу 133 ст., такимъ пособникомъ, котораго содѣйствіе было болѣе или менѣе имъ *необходимо* для совершенія преднамѣреннаго. Посему, и по приведенной 133 ст., Гурьевъ подлежать будетъ равному съ секундантами поединка наказанію и притомъ такими, которые въ подстрекательствѣ къ поединку, кончившемуся смертью одного изъ противниковъ, не изобличены, то есть наказанію, опредѣленному въ 1 отд. 2058 ст., на томъ именно основаніи, что законы наши опредѣляютъ различныя степени наказаній, по отношенію къ доказанному или недоказанному по дѣлу возбужденію на поединокъ, однимъ только секундантамъ, карая всѣхъ другихъ физическихъ участниковъ въ дѣлѣ поединка увеличеніемъ имъ за доказанное подстрекательство одной лишь мѣры слѣдующаго по закону наказанія. Обращаясь засимъ къ разрѣшенію

вопроса о томъ: *изобличены ли подсудимые секунданты Анненковъ и Молчановъ въ возбужденіи къ начатію и продолженію поединка?*—должно остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ: показаніями Молчанова, Холмскаго, Горязина и Панасевича и собственноручнымъ письмомъ Неклюдова къ Гурьеву выше сего, при разсмотрѣніи вопроса, по сомнѣнію въ правильности состоявшагося поединка предложеннаго положительно доказано, что Неклюдовъ вышелъ на поединокъ по собственной волѣ и побужденію, основанному на сознаніи всей важности нанесенной имъ обиды и что еще, до самаго отъ противника вызова, заботился уже пріисканіемъ необходимаго для поединка секунданта, рѣшившиеь даже, какъ изъ показанія Панасевича видно, въ случаѣ крайности, стрѣляться при одномъ общемъ секундантѣ. Посему обстоятельство, что Молчановъ повинуясь долгу чести и предразсудку, а не личнымъ цѣлямъ, предложилъ самъ себя въ секунданты къ Неклюдову, при доказанномъ упорствѣ враждующихъ Беклемишева и Неклюдова на предположенномъ, нельзя ни въ какомъ случаѣ почесть возобновленіемъ поединка. Поединокъ, какъ по вышеприведеннымъ доказательствамъ, такъ и вслѣдствіе той гласности, которую получило самое происшествіе, непремѣнно состоялся бы и безъ его услугъ и посредства, но могъ бы состояться менѣе законнымъ образомъ, при одномъ общемъ секундантѣ. Доказанную по дѣлу рѣшимость Беклемишева и Неклюдова къ достиженію предположеннаго, должно принять во вниманіе и при обсужденіи дѣйствій другаго секунданта Анненкова. Нѣтъ сомнѣнія также, что частыя посѣщенія имъ Неклюдова послѣ сдѣланнаго послѣднему вызова, словесные и письменные съ нимъ и секундантами его о дуели переговоры и усиліе сохранить предложенныя Беклемишевымъ условія поединка—не могутъ быть поставлены въ вину Анненкову, потому что, проистекая изъ принятыхъ имъ на себя обязанностей, требовались настоявшею необходимостію исполнить предположенное, и обусловливались желаніемъ и волею не его Анненкова, а оскорбленнаго. Обстоятельство, что поединокъ состоялся на пистолетахъ, Анненкову принадлежащихъ, могло быть дѣломъ случая или же дѣломъ необходимости, если отнести пріисканіе пистолетовъ къ обязанности секундантовъ, въ числѣ прочихъ мѣръ приготовленія, но ни въ какомъ случаѣ оно не

можетъ и не должно быть объяснено дѣйствіемъ со стороны Анненкова возбудительнымъ или подстрекательнымъ. Далѣе, выведенныя противъ Анненкова Буяковичемъ и Панасевичемъ обвиненія въ подстрекательствѣ заключаются въ томъ, что Анненковъ, вслѣдствіе непринятія Неклюдовымъ предложенныхъ Беклемишевымъ первыхъ условій поединка, грозилъ принять свои мѣры, письменно вызывалъ Неклюдова на поединокъ самъ, называя его трусомъ, подлецомъ и воромъ, и объявляя, что Неклюдова, по непринятію имъ условій вызова оскорбленнаго, дозволяется бить каждому. Всѣ эти обвиненія остались по дѣлу юридически не доказанными, ибо вызывнаго на поединокъ письма къ Неклюдову Анненкока, о содержаніи котораго Буяковичъ показывалъ разнорѣчиво и измѣнчиво, — означеннымъ обвинителемъ къ дѣлу не представлено; Анненковъ же въ означенныхъ обстоятельствахъ не сознается, объясняя (и притомъ условно) только то, что если и говорилъ Буяковичу о принятіи имъ мѣръ, то разумѣлъ подъ этимъ необходимость выразить Неклюдову образъ своихъ мыслей о его поведеніи. Посему, признавая, *что всѣ вышеприписанныя обстоятельства дѣла не могутъ быть поставлены въ особенную Молчанову и Анненкову вину, какъ обстоятельства, возбудившія или же подстрекавшія поединокъ*,—должно придти къ убѣжденію, что изъ приведенныхъ выше статей закона 2058 и 2059 — послѣдняя къ винѣ подсудимыхъ примѣнена быть не можетъ, и что засимъ опредѣленіе слѣдующаго за участіе въ поединкѣ наказанія должно быть основано на точномъ смыслѣ и разумѣ *2058 ст.* и притомъ 1-го сей статьи отдѣленія, потому что поединокъ Беклемишева и Неклюдова кончился смертію одного изъ сражавшихся. Наконецъ *по второму и послѣднему*, для опредѣленія мѣры вины и самой мѣры слѣдующаго подсудимымъ наказанія, вопросу о томъ: *принимали ли секунданты Анненковъ и Молчановъ и пособникъ ихъ Гурьевъ всѣ возможныя средства убѣжденія для предупрежденія поединка*, первые двое по обязанности, обычаемъ и особенно закономъ (ст. 2058) на нихъ возлагаемой, а послѣдній по долгу общехристіанскому — обстоятельства показываютъ слѣдующее: 1) Гурьевъ и обстоятельствами дѣла и собственнымъ сознаніемъ изобличается въ непринятіи никакихъ мѣръ примиренія противниковъ. Поручикомъ Панасевичемъ взводит-

ся даже на него обвиненіе въ воспрепятствованіи выѣзду Неклюдова изъ Иркутска, съ цѣлью непремѣннаго состоянія поединка. Спрошенный по сему обстоятельству почтъ-содержатель Яковлевъ подъ присягою показалъ, что Гурьевъ дѣйствительно просилъ его, на случай если Неклюдовъ выѣдетъ изъ Иркутска, прислать ему въ то же время двѣ тройки лошадей съ указаніемъ тракта, по которому отправится Неклюдовъ, а самому Яковлеву распорядиться, чтобы ямщикъ Неклюдова везъ его тише и вынулъ бы изъ одного колеса телѣги чеку. Противъ обвиненія Панасевича, Гурьевъ не сознался и, не отвергая показанія Яковлева, объяснилъ, что цѣлію его распоряженій было не желаніе воспрепятствовать Неклюдову выѣздъ изъ Иркутска, а намѣреніе, при предстоявшей ему необходимой по дѣламъ службы поѣздкѣ, не выѣзжать изъ города до развязки исторіи Беклимишева, а при выѣздѣ слѣдовать по разнымъ съ Неклюдовымъ трактамъ если бы послѣднему вздумалось поѣхать по Ангарскому, куда и Гурьеву слѣдовало отправиться; поводомъ же его Гурьева распоряженія о томъ, чтобы ямщикъ Неклюдова ѣхалъ съ нимъ тише, и наконецъ вынулъ бы чеку изъ колеса телѣги было желаніе раздосадовать хотя бы этимъ Неклюдова, въ случаѣ если онъ уѣдетъ, не извинившись предъ Беклемишевымъ. Изъ вышеизложеннаго видно, что причины, побудившія Гурьева сдѣлать нѣкоторыя на случай отъѣзда Неклюдова распоряженія, по дѣлу достаточнымъ образомъ не разъяснены. Если съ одной стороны цѣлью подобныхъ распоряженій, въ сущности весьма преоборимыхъ, можетъ быть допущено желаніе воспрепятствовать выѣзду Неклюдова, то съ другой нельзя отвергать возможности существованія въ Гурьевѣ побужденій другаго рода, именно тѣхъ, которыя имъ объяснены. Во всякомъ же случаѣ отдавать преимущество первому предположенію предъ послѣднимъ нѣтъ никакого правильнаго основанія тѣмъ болѣе, что твердая рѣшимость Неклюдова на поединокъ достаточно по дѣлу обнаружена; намѣреніе же его выѣхать изъ Иркутска осязательнымъ образомъ ничѣмъ осуществляемо не было, и 2) секунданты Анненковъ и Молчановъ единогласно показываютъ, что они убѣждали противниковъ примириться какъ до поединка, такъ и на самомъ мѣстѣ онаго, но изъ нихъ Анненковъ объясняетъ, что по непринятію Неклюдовымъ первыхъ условій пред-

ложеннаго Беклемишевымъ поединка, онъ написалъ Неклюдову письмо, въ которомъ въ сильныхъ выраженіяхъ укорялъ Неклюдова въ поведеніи относительно Беклемишева и въ уклончивости отъ дачи удовлетворенія за нанесенную обиду. Выше сего было доказано, что свидѣтельство секундантовъ, какъ лицъ облеченныхъ особымъ довѣріемъ дуелистовъ, съ одной стороны не можетъ подлежать сомнѣнію, а съ другой остается единственнымъ указателемъ происшествія; посему и должно означенное показаніе Анненкова и Молчанова принять въ основаніе къ опредѣленію мѣры ихъ вины и наказанія по предложенному вопросу — о принятіи или непринятіи ими мѣръ примиренія враждующихъ и предупрежденія самаго поединка. Къ сему именно обстоятельству - непринятію должныхъ мѣръ предупрежденія и примиренія, а не къ возбужденію или подстрекательству на поединокъ, должно отнести и дѣйствія, въ которыхъ, по отношенію къ посланному къ Неклюдову письму, сознался Анненковъ, ибо: а) по дѣлу доказано, что Неклюдовъ вышелъ на поединокъ по собственной волѣ и побужденію, основанному на сознаніи всей важности нанесенной имъ обиды; б) изъ сознательнаго показанія Анненкова и удостовѣренія Молчанова и Беклемишева, видно, что Анненковъ при начальномъ устройствѣ поединка, а потомъ и на самомъ мѣстѣ онаго, убѣждалъ противниковъ къ примиренію, и в) Анненковъ показываетъ, и обстоятельствами дѣла не опровергнуто, что онъ самъ по себѣ ни ненависти, ни личностей никакихъ къ Неклюдову не имѣлъ, слѣдовательно укорительное его къ Неклюдову письмо должно признать дѣломъ не умышленнаго и настойчиваго подстрекательства, а минутнаго, или по крайней мѣрѣ временнаго увлеченія, на чувствѣ чести и общепринятомъ понятіи о долгѣ основаннаго и вызваннаго притомъ гласностію происшествія съ Беклемишевымъ, приданною, по убѣжденію Анненкова, никѣмъ другимъ, какъ самимъ обидчикомъ Неклюдовымъ. Далѣе для опредѣленія мѣры слѣдующаго подсудимымъ: Анненкову, Молчанову и Гурьеву наказанія должно принять во вниманіе и слѣдующія обстоятельства: со стороны Анненкова и Гурьева, что участіе въ поединкѣ принято или вслѣдствіе сильнаго раздраженія, произведеннаго на нихъ нанесенною Беклемишеву обидою, ибо эта тяжкая обида дѣйствіемъ, за которую

вѣковой обычай требуетъ вызова на поединокъ, а самый законъ не отвергаетъ сего права—нанесена была Неклюдовымъ товарищу ихъ по воспитанію и службѣ, который, выбравъ перваго изъ нихъ въ секунданты своего поединка, тѣмъ самымъ ввѣрялъ ему охраненіе собственнаго своего интереса и выгодъ въ дѣлѣ чести, къ которому былъ замѣшанъ (ст 146 п. 5). Со стороны Молчанова, что онъ предложилъ себя въ секунданты поединка подъ вліяніемъ первоначально родившагося у него убѣжденія, хотя и ложнымъ впослѣдствіи оказавшагося, что Неклюдовъ, по непріязненнымъ своимъ отношеніямъ къ иркутской молодежи, не можетъ достать себѣ секунданта, что́ можетъ подать поводъ къ общественному на Неклюдова нареканію. По отношенію къ Анненкову и Молчанову общимъ обстоятельствомъ, уменьшающимъ ихъ вину, представляется явка сихъ подсудимыхъ въ самый день происшествія и немедленно послѣ онаго къ мѣстному начальству съ повинною и раскаяніемъ въ проступкѣ (ст. 146 п. 1). По отношенію же ко всѣмъ подсудимымъ, т. е. къ Анненкову, Гурьеву и Молчанову — общими обстоятельствами, уменьшающими ихъ вину, должны быть признаны: а) чистосердечіе, съ которымъ они всѣ вели себя при слѣдствіи (ст. 146 п. 2 и 3); б) то, что они были вовлечены въ преступленіе ложнымъ убѣжденіемъ въ необходимости подчиниться общему обычаю, имѣвшему и надъ ними сильную, по самой природѣ человѣка, власть и заставившему ихъ, не смотря на общественное положеніе, которое они занимали, жертвовать собою для выполненія обязанностей, возлагаемыхъ тѣмъ предразсудкомъ (ст. 146 п. 6), и наконецъ в) засвидѣтельствованная мѣстнымъ начальствомъ прежняя безпорочная и полезная ихъ служба (ст. 166 п. 2). Основываясь на всѣхъ сихъ для опредѣленія мѣры вины подсудимыхъ выведенныхъ обстоятельствахъ, необходимо слѣдуетъ признать, что мѣра слѣдующаго имъ наказанія должна быть назначена по примѣняемой къ винѣ ихъ 2057 ст. въ слѣдующей постепенности: *Гурьеву*, по отношенію къ доказанному неупотребленію имъ мѣръ примиренія противниковъ и возбужденному сомнѣнію въ намѣреніи воспрепятствовать выѣзду Неклюдова съ одной стороны, а съ другой по руководству ст. 146 п. 2, 3, 5 и 6 и ст. 166 п. 2, должно назначить *среднюю мѣру наказанія*, то есть подвергнуть его

заключенію въ крѣпости на 9 мѣсяцевъ. Сію же *среднюю мѣру наказанія* надлежитъ опредѣлить и *Анненкову* съ одной стороны потому, что онъ, подъ вліяніемъ увлеченія, временно измѣнилъ священной обязанности миротворства, а съ другой на точномъ основаніи 146 ст. п. 1, 2, 3, 5 и 6, и ст. 166 п. 2. Чтоже касается до *Молчанова*, то мѣру слѣдующаго ему по закону наказанія при отсутствіи обстоятельствъ, вину его увеличивающихъ, доказанномъ употребленіи возможныхъ средствъ примиренія и по руководству 146 ст. п. 1, 2, 3 и 6, и ст. 166 п. 2, должно назначить *низшую*, то есть подвергнуть его заключенію въ крѣпости на шесть мѣсяцевъ. По настоящему дѣлу обвиняется, кромѣ вышеозначенныхъ подсудимыхъ, *коллежскій совѣтникъ Шелеховъ*, въ знаніи о предстоящей дуели и непринятіи мѣръ къ отвращенію оной на томъ основаніи: 1) что онъ, какъ и самъ сознается, догадывался о томъ, что между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ будетъ поединокъ; 2) что онъ самъ объясняетъ, что по приглашенію Анненкова ходилъ съ нимъ къ Неклюдову, для присутствованія при объясненіяхъ перваго съ послѣднимъ, и предполагалъ, что объясненія эти будутъ имѣть мѣсто по поводу нанесенной Беклемишеву обиды; 3) что въ день дуели онъ рано утромъ заходилъ къ Беклемишеву и, не заставъ его дома, пошелъ въ дальнюю часть города, именно по тому направленію, куда въ тотъ день (для поединка) уѣхалъ Беклемишевъ съ Анненковымъ, и 4) что служитель Беклемишева Сахаровъ показываетъ, что Шелеховъ возвратилъ Беклемишеву послѣ дуели нѣкоторыя письма послѣдняго, переданныя, какъ предполагаетъ Сахаровъ, ему Шелехову Беклемишевымъ предъ поединкомъ. Разсмотрѣніе степени значенія означенныхъ выведенныхъ противъ Шелехова обстоятельствъ и соображеніе ихъ съ прочими видами дѣла, показываютъ слѣдующее: 1) родившаяся въ Шелеховѣ догадка, а не положительное убѣжденіе о предстоящемъ поединкѣ представляется основаніемъ слишкомъ шаткимъ для признанія участія Шелехова въ дѣлѣ приготовленія поединка преступнымъ тѣмъ болѣе, что показаніе его въ этомъ отношеніи ничѣмъ по дѣлу не опровергнуто; по закону же необходимымъ основаніемъ прикосновенности къ преступленію, признается положительное знаніе о умышляемомъ или уже содѣянномъ пре-

ступленіи (ст. 17, ст. 104, пункта 1 и 4 ст. 105 и 111). Даже общая всѣхъ гражданъ обязанность доводить до свѣдѣнія начальства о признакахъ какого-либо преступленія можетъ быть распространяема, и по закону (ст. 36—2-й книги) дѣйствительно распространяется только на тѣхъ, которые о сихъ признакахъ положительно извѣстны. 2) Произведеннымъ слѣдствіемъ дознано и изъ показанія Шелехова, ничѣмъ не опровергнутаго видно, что онъ отправился не по направленію къ мѣсту поединка, не по Большой улицѣ, на которой встрѣтилъ полицiймейстера и, по приглашенію послѣдняго, отправился отыскивать мѣсто поединка, съ ясною цѣлію, буде можно, воспрепятствовать ему, каковое намѣреніе не осуществилось, потому что на мѣсто поединка Шелеховъ съ Гурьевымъ пріѣхали уже поздно. И 3) обстоятельство о взятіи Шелеховымъ предъ поединкомъ писемъ отъ Беклемишева не подтверждается ни Беклемишевымъ, ни Шелеховымъ, притомъ же представляется основаннымъ не на положительномъ Сахарова удостовѣреніи, а на одномъ его предположеніи. Руководствуясь сими соображеніями, нельзя не признать, что *привлеченіе Шелехова* къ какой либо отвѣтственности по сему дѣлу, положительной или только условной, *было бы неосновательно*. Кромѣ Шелехова, привлекаются къ отвѣтственности по дѣлу: *полковникъ Іосселіанъ, поручики: Панасевичъ и Горязинъ, прапорщики: Буяновичъ и Холмскій и хорунжій Ротчевъ*. Изъ нихъ *Буяновичъ* и *Панасевичъ* оказываются дѣйствительно участвовавшими въ дѣлѣ поединка Беклемишева съ Неклюдовымъ, по собственному сознанію ихъ, въ томъ что первый изъ нихъ, по уговору послѣдняго, принялъ на себя обязанность быть секундантомъ у Неклюдова, посему поступки ихъ Буяновича и Панасевича въ этомъ отношеніи *подлежатъ разсмотрѣнію военнаго суда*. Что же касается до *всѣхъ прочихъ* поименованныхъ выше *лицъ*, то на нихъ никакого по настоящему дѣлу обвиненія не упадаетъ: ибо никто изъ нихъ въ положительномъ знаніи о предстоявшемъ поединкѣ не изобличенъ, вслѣдствіе чего и *привлекать ихъ къ отвѣтственности по сему дѣлу* предоставленіемъ поступковъ ихъ разсмотрѣнію военнаго начальства *нѣтъ правильнаго повода и основанія*. Обращаясь къ дѣйствіямъ *иркутскаго полицiймейстера Сухотина*, правительствующій сенатъ, во вниманіе къ тому, что

этотъ чиновникъ, для предупрежденія поединка, не нашелъ лучшаго средства, какъ взойти на колокольню успенской церкви, признаетъ необходимымъ *бездѣйствіе власти Сухотина предоставить разсмотрѣнію губернскаго совѣта.* По всѣмъ прописаннымъ соображеніямъ, на существѣ дѣла и разумѣ приведенныхъ законовъ основаннымъ, *правительствующій сенатъ опредѣляетъ:* 1) коллежскаго совѣтника Федора Андреева *Беклемишева,* 29 лѣтъ, подвергнуть заключенію въ крѣпости *на три года;* 2) коллежскаго ассесора Федора Александрова *Анненкова,* 24 лѣтъ, и коллежскаго секретаря Дмитрія Николаева *Гурьева,* 23 лѣтъ, заключить въ крѣпость каждаго на *девять мѣсяцевъ;* 3) надворнаго совѣтника Мефодія Миронова *Молчанова,* 32 лѣтъ, подвергнуть тому же заключенію въ крѣпости *на шесть мѣсяцевъ;* 4) коллежскаго совѣтника Александра Дмитріева *Шелехова прикосновеннымъ къ сему дѣлу не считать;* 5) полковника *Іосселіана,* поручика *Горязина,* прапорщика *Холмскаго* и хорунжаго *Ротчева,* на которыхъ по существу дѣла не можетъ упадать никакого обвиненія, *къ отвѣтственности* предоставленіемъ поступковъ ихъ разсмотрѣнію военнаго начальства *не привлекать;* 6) дѣйствія поручика *Панасевича,* прапорщика *Буяновича* и полицiймейстера *Сухотина,* по упадающему на первыхъ обвиненію въ участіи въ дѣлѣ поединка Беклемишева съ Неклюдовымъ, а на послѣдняго въ непринятіи должныхъ мѣръ для предупрежденія поединка *предоставить разсмотрѣнію:* о Панасевичѣ и Буяковичѣ *суда военнаго,* а о Сухотинѣ *губернскаго совѣта;* и 7) хранящіяся въ иркутскомъ губернскомъ судѣ: *стрѣлы, пистолеты и простреленное платье возвратить по принадлежности* подсудимымъ Беклемишеву и Анненкову и наслѣдникамъ убитаго на поединкѣ Неклюдова.

Это опредѣленіе приведено въ исполненіе посылкою указа, 11 іюня 1860 г.

Процессъ князя Семена Воронцова противъ князя Петра Долгорукова за распространеніе печатной клеветы. *).

Князь Петръ Долгоруковъ занимался генеалогическими и геральдическими изысканіями древнихъ русскихъ дворянскихъ родовъ и приступилъ къ изданію частію компиллированнаго, частію критическаго сочиненія своего объ этомъ предметѣ. По его мнѣнію, княжескій родъ кавказскаго намѣстника и фельдмаршала кн. Воронцова не имѣлъ никакой связи съ древнимъ боярскимъ родомъ сего имени, упоминаемымъ русскими лѣтописями, тогда-какъ князья Воронцовы указывали на обладаніе документами, по которымъ связь эта и непосредственное происхожденіе князей Воронцовыхъ изъ древняго боярскаго рода вполнѣ доказывается. Князь Долгоруковъ не скрылъ своихъ сомнѣній, порожденныхъ въ немъ его изслѣдованіями о непосредственной связи этихъ двухъ родовъ. Для устраненія этихъ сомнѣній, кн. Воронцовъ прислалъ ему цѣлую кипу документовъ. Это было въ 1856 году.

Когда же кн. Долгоруковъ приступилъ къ изданію четвертаго тома своего сочиненія, то написалъ изъ Россіи письмо къ князю намѣстнику, лечившемуся въ то время въ Вильдбадѣ. Письмо это, писанное на французскомъ языкѣ, прибыло къ мѣсту назначенія въ то время, когда старый князь окруженъ былъ своимъ семействомъ и друзьями, въ присутствіи которыхъ оно и было распечатано. Въ конвертѣ находилась кромѣ письма, еще записка на французскомъ языкѣ безъ подписи, писанная другимъ почеркомъ **).

*) Хотя этотъ процессъ производился во французскихъ судебныхъ мѣстахъ, но такъ—какъ участвующія въ немъ лица русскіе, фактическая сторона его касается Россіи, а самое дѣло, вслучаѣ пребыванія подсудимаго въ Россіи, было бы подсудно нашимъ судамъ,—то мы имѣемъ полное основаніе отнести его къ русскимъ уголовнымъ процессамъ. Мы напечатали это дѣло, съ небольшими измѣненіями, въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ ж. м. ю. за 1862 г. (Май, стр. 443 и слѣд.).

**) Точные снимки съ письма и записки приложены въ концѣ сего процесса для того, чтобы дать читателямъ возможность—составить себѣ по этому дѣлу собственное убѣжденіе.

Вотъ что было писано въ письмѣ: «Князь. Я привожу къ окон-«чанію 4-й томъ родословнаго сборника; въ этомъ томѣ будутъ «помѣщены Вельяминовы, а слѣдовательно древній родъ Ворон-«цовыхъ. Я со вниманіемъ разсматривалъ документы, доставлен-«ные мнѣ вашею свѣтлостію, и до настоящаго времени не могъ «найти въ древнихъ актахъ и хроникахъ доказательства ихъ до-«стовѣрности и подлинности. Чувства высокаго уваженія, которое «я питаю къ вашей свѣтлости, побудили бы меня съ особымъ «удовольствіемъ сдѣлать вамъ пріятное, но я буду вынужденъ на-«печатать эту часть моего сборника въ смыслѣ совершенно про-«тивномъ вашимъ желаніямъ, князь, если вы не поспѣшите при-«слать мнѣ дополнительные документы, которые, объяснивъ мнѣ «темные вопросы дѣла, могли бы устранить всѣ затрудненія». «Время идетъ; нужно торопиться присылкою документовъ. Я «останусь здѣсь въ деревнѣ до первыхъ чиселъ октября. Адресъ «мой» (онъ написанъ по русски). Прошу вашу свѣтлость принять «выраженіе моего глубокаго почтенія и искренной преданности, «съ которыми имѣю честь быть Вашъ покорнѣйшій слуга Кн. «Петръ Долгоруковъ.»

Въ безъименной запискѣ заключалось слѣдующее: «Его свѣт-«лость, кн. Воронцовъ имѣетъ вѣрное средство къ тому, чтобы «его родословная была напечатана въ *Россійской Родословной Кни-«гѣ* въ томъ видѣ, какъ онъ желаетъ. Это средство состоитъ «въ томъ, чтобы подарить кн. Петру Долгорукову 50 тыс. рублей «серебромъ. Тогда все будетъ сдѣлано по его желанію. Но не на-«добно терять времени».

Чрезъ два дня по полученіи письма и записки, князь Ворон-цовъ писалъ къ Долгорукову: «Князь, спѣшу отвѣчать на письмо «ваше отъ $^4/_{16}$ іюня; вы просите отъ меня доставленія докумен-«товъ, въ дополненіе къ тѣмъ, которые я передалъ вамъ въ Пе-«тербургѣ и которые казались мнѣ достаточными доказательства-«ми, что теперешніе Воронцовы одного происхожденія и въ не-«прерывной линіи отъ отца къ сыну, нисходятъ отъ тѣхъ, кото-«рые играли значительную роль въ нашей исторіи до гибели ихъ «при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Разсмотрѣвъ тогда эти докумен-«ты, вы мнѣ откровенно сказали, что не получаете изъ нихъ «убѣжденія въ томъ фактѣ, который намъ кажется такъ ясенъ, «но чтобы сохранить безпристрастіе между нашими противопо-

«ложными взглядами, вы напечатаете въ вашемъ послѣднемъ то«мѣ все то, что я вамъ сообщилъ, предоставляя публикѣ рѣшить «наше несогласіе. Теперь же вы хотите отъ меня новыхъ доку«ментовъ, которыхъ я не могу имѣть, и еще менѣе здѣсь, въ «Вильдбадѣ, а между тѣмъ вы торопите меня, и я долженъ до«ставить ихъ вамъ немедленно, потому что вы приступаете къ «изданію вашего 4 тома, гдѣ будутъ помѣщены Вельяминовы и, «слѣдовательно, какъ вы ихъ называете, древніе Воронцовы. Вы «совершенно вольны поступить въ этомъ случаѣ, какъ вы хоти«те. Но я вѣрю въ подлинность документовъ, переданныхъ мною «вамъ, и не хотѣлъ бы, чтобы было сказано безъ возраженій, «что теперешніе Воронцовы не имѣютъ ничего общаго съ преж«ними и что мы происходимъ отъ какого нибудь бродяги, кото«рый лѣтъ полтораста тому назадъ принялъ имя рода, изъ ко«тораго онъ не происходилъ, а потому оставляю за собою право «протестовать съ своей стороны предъ публикою и передать на «ея судъ предметъ существующаго между-нами по этому вопро«су разногласія. Между-тѣмъ позвольте мнѣ благодарить васъ за «взятый на себя трудъ въ этомъ дѣлѣ. Сожалѣю лишь, что вы «не находите возможнымъ исполнить данное мнѣ обѣщаніе напе«чатать мои документы вмѣстѣ съ тѣми, которые у васъ уже «были о нашемъ родѣ, не высказывая съ вашей стороны рѣши«тельнаго о нихъ заключенія, а предоставляя это суду публики. «Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.»

За этимъ письмомъ слѣдуетъ *post-scriptum*. *P. S.* «Къ моему «великому удивленію, я нашелъ въ письмѣ замѣтку неподписан«ную и написанную почеркомъ, который кажется мнѣ различнымъ «отъ вашего. При семъ прилагаю съ нея копію. Можетъ быть вы «успѣете открыть, кто осмѣлился послать подобную замѣтку въ «письмѣ, запечатанномъ вами и вашею печатью. Подлинную я «счелъ своимъ долгомъ оставить у себя, вмѣстѣ съ вашимъ пись«момъ, и при свиданіи буду готовъ передать вамъ ее, въ надеж«дѣ, что она послужитъ вамъ для открытія руки, которая ее «написала.»

Князь Долгоруковъ на это отвѣчалъ слѣдующее: «Я имѣлъ честь «получить ваше письмо изъ Вильдбада отъ 27 іюня (9 іюля). «Я пораженъ, читая въ немъ, что вы нашли въ моемъ записку «неизвѣстнаго почерка и просмотрѣлъ копію съ этой записки, ко-

«торую вы мнѣ прислали; мнѣ бы было очень любопытно знать, «кто осмѣлился позволить себѣ такую дерзкую штуку, такое «дѣйствіе, которому нѣтъ имени.—Обращаюсь вновь, князь, къ ге«неалогическому вопросу, *) на который каждый изъ насъ смо«тритъ различно; вы мнѣ говорите въ вашемъ письмѣ, что послѣ «изданія, зимою, 4-го тома моей родословной книги вы намѣре«ны протестовать. На это вы имѣете полное право, каждый мо«жетъ протестовать противъ печатной книги, но если завяжется «полемика по этому предмету, я также предоставляю себѣ въ «свою очередь издать въ свѣтъ возраженіе противъ вашего про«теста, подкрѣпленное фактами и неопровержимыми доказатель«ствами. Публика рѣшитъ между нами. Прошу вашу свѣтлость «принять увѣреніе моего почтенія.» Кн. Петръ Долгоруковъ.

Между-тѣмъ кн. Воронцовъ, послѣ тяжкой болѣзни, скончался, оставивъ по себѣ память храбраго полководца, замѣчательнаго администратора и благороднаго человѣка, а кн. Долгоруковъ, проживъ нѣкоторое время въ Россіи, покинулъ вскорѣ отечество и удалился заграницу, гдѣ жилъ попеременно то въ Англіи, то во Франціи. Тамъ онъ издалъ въ 1860 году книгу подъ заглавіемъ *Правда о Россіи* **).

Вскорѣ по выходѣ книги, въ парижскомъ журналѣ *Courrier du Dimanche* помѣщенъ библіографическій отзывъ объ ней. Статья появилась съ подписью: А. Мишенскій. Она служитъ исходною точкою, первымъ поводомъ къ настоящему процессу. Вотъ эта статья.—«Передъ нами лежитъ книга о Россіи, далеко болѣе любо«пытная, чѣмъ книга Кюстина, это *Правда о Россіи* кн. Петра «Долгорукова, русскаго барина, потомка кн. Якова Долгорукова, «извѣстнаго въ русской исторіи народнаго патріота. Задача кри«тика очень трудна въ оцѣнкѣ сочиненій обличительнаго содер«жанія, которыя часто весьма близко подходятъ къ положитель«нымъ доносамъ и нареканіямъ и почти всегда имѣютъ явною

*) На нашъ личный взглядъ послѣ эпизода о безъименной запискѣ, самое обыкновенное чувство приличія требовало, чтобы кн. Долгоруковъ не входилъ въ дальнѣйшія объясненія съ кн. Воронцовымъ на счетъ генеалогическаго вопроса, и тѣмъ болѣе не угрожалъ ему по сему предмету печатною полемикою. *Прим. изд.*

**) Эта книга, достойная скорѣе названія *Клевета на Россію*, заключаетъ въ себѣ самыя злонамѣренныя нападки на общественное устройство Россіи и даже на свойства русскаго народа.

«целью—скандалъ. Не смотря на чрезвычайно любопытное со«держаніе такихъ произведеній, нельзя не быть крайне осторож«нымъ при разборѣ ихъ, ибо можешь сдѣлаться невольнымъ и «слѣпымъ орудіемъ личностей и дурныхъ страстей желчнаго «автора. Мало того, будучи лишенъ возможности серіозно повѣ«рить слова автора, библіографъ рискуетъ сдѣлаться его сообщ«никомъ чрезъ распространеніе съ его словъ фальшивыхъ или «ошибочныхъ фактовъ. Недавно мы имѣли намѣреніе приступить «къ разбору одной книги, которая съ перваго взгляда казалась «намъ очень любопытною. Содержаніе ея было—родословныя «біографіи аристократическихъ родовъ одной иностранной земли. «Но вдругъ намъ сообщили письмо отъ автора этой книги къ од«ному изъ значительныхъ лицъ, родословная котораго должна бы«ла появиться въ его сочиненія. Этимъ письмомъ категориче«ски предлагалось заплатить автору сумму въ 50 т. рублей, за «что онъ обязывался уничтожить бывшіе у него документы, дѣ«лавшіе, по его мнѣнію, сомнительнымъ прямое происхожденіе «и родъ того лица, къ которому письмо было обращено. Это ли«цо, въ благородномъ негодованіи, видя въ такомъ предложеніи «постыдную продѣлку, велѣло снять автографные снимки съ на«глой записки автора и разослало ихъ въ тысячахъ экземпляровъ. «Одинъ изъ этихъ снимковъ попалъ къ намъ въ руки и, показавъ «намъ нравственное значеніе писателя, заставилъ насъ отказаться «отъ задуманнаго разбора его сочиненія, которое въ нашихъ гла«захъ было уже ничто иное какъ низкій пасквиль.»

Послѣ этого краткаго вступленія, въ которомъ, какъ читатель видитъ, вовсе не упоминается о лицахъ, до коихъ относится приведенный разсказъ о 50 тысячахъ, авторъ статьи переходитъ къ разбору самой книги и съ замѣтною ироніею перебираетъ факты, сообщаемые кн. Долгоруковымъ.

Чрезъ нѣсколько дней князь Долгоруковъ написалъ въ редакцію журнала Courrier du Dimanche письмо слѣдующаго содержанія: «Въ номерѣ вашего журнала 29-го апрѣля помѣщена статья «г. Мишенскаго по поводу моей книги *Правда о Россіи*. Я не «считаю нужнымъ входить съ г. Мишенскимъ въ полемику от«носительно оцѣнки моего труда; ограничусь лишь замѣчаніемъ, «что онъ съ какимъ то удовольствіемъ ищетъ представить въ «превратномъ смыслѣ цѣль моего сочиненія, перенося на рус-

«скій народъ, котораго превосходнымъ качествамъ отдаю пол-
«ную справедливость и къ которому съ гордостію считаю себя
«принадлежащимъ, тѣ порицанія и обвиненія, которыя относятся
«къ правительству. Но статья г. Мишенскаго содержитъ въ себѣ,
«сверхъ того, разсказъ, задѣвающій мою честь, разсказъ, порож-
«денный самою низкою клеветою и самымъ наглымъ подлогомъ.
«Въ послѣдніе годы пребыванія моего въ Россіи я издалъ на
«русскомъ языкѣ 4 тома родословныхъ. Это сочиненіе возбудило
«много неудовольствій и создало мнѣ многочисленныхъ враговъ.
«Въ числѣ лицъ, древнее родопроисхожденіе которыхъ невозмож-
«но было допустить и котораго они между тѣмъ добивались,
«былъ фельдмаршалъ князь Михаилъ Воронцовъ. Въ 1856 году
«князь Воронцовъ, въ послѣднюю свою бытность въ Петербургѣ,
«не переставалъ заискивать и просить меня, чтобы въ 4-мъ то-
«мѣ, который я готовился выдать въ свѣтъ, я сказалъ, что те-
«перешніе Воронцовы происходятъ отъ древнихъ бояръ Ворон-
«цовыхъ, (фамилія которыхъ исчезла въ концѣ XVI вѣка). Онъ ут-
«верждалъ мнѣ, что въ доказательство имѣетъ документы. Я
«зналъ, что это домогательство его противно истинѣ, но не
«могъ въ немъ прямо отказать изъ уваженія къ сѣдымъ воло-
«самъ восьмидесятилѣтняго старца. Поэтому всякій разъ, когда
«онъ мнѣ объ этомъ говорилъ, я отвѣчалъ, что очень бы желалъ
«видѣть и разобрать документы, на которые онъ ссылался. По-
«слѣ того я поѣхалъ въ деревню и разсчитывая по возвращеніи
«въ Петербургъ печатать свой 4-й томъ, счелъ приличнымъ съ
«своей стороны въ память любезностей, оказанныхъ мнѣ фельд-
«маршаломъ, написать ему о скоромъ появленіи этого тома и
«выразить искреннее сожалѣніе, что не могу удовлетворить его
«желанію, такъ-какъ онъ не доставилъ мнѣ случая видѣть доку-
«менты, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ. Это письмо было не бо-
«лѣе какъ учтивость и выраженіе уваженія къ старику, который
«не разъ водилъ наши войска къ побѣдѣ. Можно себѣ предста-
«вить, какъ я былъ пораженъ, въ какое пришелъ негодованіе,
«когда въ отвѣтъ получилъ отъ фельдмаршала письмо, въ кото-
«ромъ онъ, оскорбляя мою честь, писалъ мнѣ, что будто бы въ
«письмѣ, которое я ему послалъ, онъ нашелъ записку не моей
«руки и что въ этой запискѣ ему предлагали прислать мнѣ 50
«т. рублей. Въ негодованіи я отвѣчалъ фельдмаршалу не очень

«вѣжливымъ письмомъ и требовалъ, чтобы онъ предъявилъ мнѣ «оригиналъ этой записки. Намѣреніе мое было добиться судебнаго слѣдствія». Упомянувъ затѣмъ, что онъ обращался къ правительству о производствѣ по настоящему предмету изслѣдованія, но что получилъ въ томъ отказъ, кн. Долгоруковъ продолжаетъ далѣе: «Дня три, четыре послѣ того я обѣдалъ у баронессы Мейендорфъ, урожденной гр. Штакельбергъ, и тамъ узналъ «о полученіи изъ Одессы депеши, извѣщавшей о смерти фельдмаршала. Я разсказалъ барону и баронессѣ Мейендорфъ случай, «бывшій у меня съ фельдмаршаломъ, и они конечно помнятъ, «какъ глубоко я былъ огорченъ смертью его; она дѣлала для меня «невозможнымъ добиться слѣдствія. Тѣмъ, кто меня знаетъ, и «кто знаетъ, какое бѣшенство и злобу возбудила моя книга *Правда о Россіи*, эти объясненія не нужны; но я считаю долгомъ «представить ихъ публикѣ, которая меня не знаетъ. Г. Мишенскій въ своей статьѣ говоритъ, что авторъ, за требуемую имъ «сумму, обязывался уничтожить бывшіе у него документы, доказывавшіе неоспоримо родъ и происхожденіе того лица, къ «которому онъ обратился. Еслибъ г. Мишенскій, или тѣ негодяи, «которые сообщили ему клевету, знали исторію Россіи, то они «знали бы также, что нельзя уничтожить этихъ документовъ, «по той простой причинѣ, что они не въ частныхъ рукахъ, а составляютъ достояніе государства. Главный изъ нихъ, *Бархатная книга*,—оффиціальный сборникъ родословныхъ, въ которомъ «родъ Воронцовыхъ показанъ пресѣкшимся, напечатанъ былъ въ «1787 году, а подлинный оригиналъ находится въ департаментѣ «герольдіи правительствующаго сената въ Петербургѣ. Для каждаго безпристрастнаго человѣка одинъ этотъ фактъ служитъ «очевиднымъ доказательствомъ, что записка, о которой разсказывается, есть явный подлогъ. Г. Мишенскій говоритъ, что князь «Воронцовъ велѣлъ снять автографные снимки и разослалъ ихъ «тысячамъ читателей. Князь, умершій осенью 1856 года, конечно могъ сдѣлать это только при жизни. Какимъ же образомъ «въ теченіи четырехъ лѣтъ ни одинъ снимокъ не попалъ мнѣ, «и никому изъ моихъ знакомыхъ? Какимъ образомъ эти снимки «не дошли до свѣдѣнія правительства, почему оно въ такомъ случаѣ не назначило слѣдствія? Какимъ образомъ эти снимки сдѣлались извѣстными только по выходѣ *Правды о Россіи?* Почему

«фельдмаршалъ Воронцовъ не просилъ слѣдствія, въ которомъ «ему бы не отказали? Отчего онъ не отвѣчалъ на письмо, кото-«рымъ я требовалъ предъявить оригиналъ записки? Я не хочу «тревожить мертвыхъ, но долженъ сказать, что въ этомъ дѣлѣ «очевиденъ явный подлогъ. Я требую отъ г. Мишенскаго предъ-«явить мнѣ копію съ записки, о которой онъ разсказываетъ, и «назвать тѣхъ лицъ, отъ которыхъ онъ ее получилъ. Если онъ «этого не сдѣлаетъ, я вынужденъ буду начать противъ него и «противъ вашего журнала искъ о личной обидѣ. Обращаюсь къ «вашему безпристрастію, м. г., для напечатанія моего письма въ «первомъ нумерѣ вашего журнала и прошу васъ принять увѣ-«реніе моего почтенія».

Редакція Courrier du Dimanche напечатала это письмо въ своемъ изданіи и сопровождала его собственною замѣткою слѣ-дующаго содержанія: «Директоръ нашего журнала получилъ отъ «кн. Долгорукова длинное письмо не въ отвѣтъ на статью, которую «мы помѣстили о его любопытной книгѣ *Правда о Россіи*, но по «поводу анекдота, разсказаннаго въ этой статьѣ. Хотя коррес-«пондентъ нашъ г. Мишенскій не назвалъ ни страны, гдѣ про-«зошелъ разсказанный имъ случай, ни лица, которое требовало «50 тыс. руб., ни того, которое отвергло это предложеніе, хотя «наконецъ тотчасъ послѣ этого анекдота, онъ какъ бы въ преду-«прежденіе и предосторожность говоритъ: конечно не съ подоб-«ными чувствами опасенія принимаемся мы за разборъ *Правды* «*о Россіи*,—не смотря на все это, мы не отказываемъ кн. Дол-«горукову въ возстановленіи истины, котораго онъ требуетъ отъ «нашего безпристрастія и помѣщаемъ его письмо. Не скажемъ «еще разъ, мы имѣли бы полное основаніе отказать ему. Мы «ясно высказали полное несходство между авторомъ, котораго «обвиняли въ требованіи 50 т. руб., и княземъ Долгоруковымъ. «Журналъ нашъ не обратилъ бы вниманія на перваго, и съ удо-«вольствіемъ передалъ публикѣ отчетъ о книгѣ кн. Долгорукова «*Правда о Россіи*. Но такъ-какъ кн. Долгоруковъ въ разсказѣ «нашего корреспондента признаетъ клевету, которую хотѣли рас-«пространить о немъ, то мы искренно радуемся, что доставля-«емъ ему возможность положительно ее опровергнуть».

Такимъ образомъ, сперва статья Мишенскаго, а потомъ пись-мо кн. Долгорукова и замѣтка редакціи Courrier du Dimanche

вызвали вновь тѣ происшествія 1856 года, которыя уже преданы были забвенію. Прочитавъ эти статьи, сынъ фельдмаршала, князь Семенъ Воронцовъ, былъ пораженъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ памяти его отца. Ему предстоялъ выборъ между двумя средствами: или отвѣчать печатно на статьи, помѣщенныя въ Courrier du Dimanche, или же искать защиты со стороны судебной власти. Онъ избралъ послѣднее средство, имѣя въ виду весьма недавній примѣръ рѣшенія французскими судилищами дѣлъ подобнаго рода. Онъ предъявилъ въ 1-й камерѣ парижскаго гражданскаго суда искъ къ князю Долгорукову и къ редакціи газеты Courrier du Dimanche, прося присужденія виновныхъ къ платежу убытковъ и проторей. Конечно не съ корыстною цѣлію предъявлено это послѣднее требованіе, а только для соблюденія юридической формы. Онъ предоставилъ усмотрѣнію суда назначеніе цифры убытковъ и проторей, онъ объяснилъ даже, что судъ воленъ и ничего не назначить, такъ-какъ честь фельдмаршала Воронцова не цѣнится на вѣсъ золота. Адвокатами были избраны со стороны Воронцова — Матьё, со стороны Долгорукова — Мари, со стороны редактора газеты Courrier du Dimanche, Лорана — Шоде. Прокурорское мѣсто занималъ помощникъ императорскаго прокурора Дюма.

Матьё, представляющій собою истца, говорилъ первый. Рѣчь его произнесена въ публичномъ засѣданіи 15 ноября 1861 года, на которомъ присутствовали обѣ тяжущіяся стороны, т. е. кн. Воронцовъ и князь Долгоруковъ. Разсказавъ во всей подробности весь ходъ дѣла, изложивъ содержаніе всѣхъ приведенныхъ документовъ, Матьё перешелъ къ разрѣшенію вопроса объ авторѣ анонимной записки. Онъ прямо приписывалъ ее князю Долгорукову и привелъ къ тому доказательства, какъ нравственныя, такъ и матеріальныя. Матьё доказывалъ: «что безъименная записка, оказавшаяся въ письмѣ князя Долгорукова, должна же быть кѣмъ нибудь составлена, и что авторомъ ея долженъ быть или князь Воронцовъ, или князь Долгоруковъ; но первый не могъ составить подобной записки, потому что она была въ запечатанномъ конвертѣ за гербовою печатью Долгорукова вмѣстѣ съ письмомъ его самого. Равнымъ образомъ она не могла быть составлена и въ конторѣ Воронцова, какъ силился доказать это кн. Долгоруковъ въ бумагахъ предварительнаго производства, потому что ни

для кого изъ лицъ, служащихъ въ конторѣ кн. Воронцова, не было интереса прибѣгать къ такому небезопасному и ни къ чему не ведущему дѣйствію. Послѣ этого Матьё перешелъ къ разбору матеріальныхъ доказательствъ—къ сравненію почерка, которымъ писана записка, съ почеркомъ, которымъ написаны два другія письма кн. Долгорукова. «Если бы посторонній человѣкъ сдѣлалъ подлогъ, то вотъ какое явленіе мы непремѣнно бы замѣтили, явленіе, представлявшееся весьма часто въ различныхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ о подлогахъ въ актахъ. Что озабочиваетъ поддѣлывателя? О чемъ онъ старается, когда подражаніемъ, болѣе или менѣе искуснымъ, хочетъ усвоить чужой почеркъ? Все его стараніе въ томъ, чтобы стереть свои собственныя отличительныя черты и, такъ сказать, взойти въ отличительныя черты другаго. Его цѣль, его желаніе подражать почерку, который онъ хочетъ себѣ усвоить. Конечно, подражаніе не будетъ безусловное; найдутся различія потому, что нѣкоторый характеръ собственнаго почерка поддѣльщика, характеръ обычный, неизмѣнный, выдастъ его въ затѣянной поддѣлкѣ. Въ почеркѣ посторонняго, который рѣшится на поддѣлку, обнаружится непремѣнно рабскій, искусственный слѣпокъ съ чужаго почерка, съ того, которому онъ хочетъ подражать. Впрочемъ можно еще допустить и такое предположеніе, что посторонній человѣкъ будетъ думать и заботиться только объ одномъ: скрыть свой собственный почеркъ. Вотъ что должно встрѣтиться въ почеркѣ подъ перомъ посторонняго человѣка, кто бы онъ не былъ, самъ ли кн. Воронцовъ или всякій другой, кто бы думалъ оклеветать кн. Долгорукова. Или рабское подражаніе, слѣпокъ, или почеркъ безъ малѣйшаго сходства съ почеркомъ человѣка, противъ котораго подлогъ сдѣланъ. Но если безъименная записка написана тѣмъ самымъ, на кого она указываетъ и кого обвиняетъ, то тогда необходимъ совершенно другой способъ письма и результатъ этого будетъ другой. Собственному почерку нечего подражать, поэтому поддѣлыватель будетъ только стараться скрыть его. Но не смотря на невозможное искусство, какъ бы воля ни была энергически сильна, какъ не велико терпѣніе,—въ почеркѣ, также какъ и въ характерѣ человѣка есть тѣ, что я назову идіотизмами, есть неизмѣнныя привычки, которымъ человѣкъ повинуется инстинктивно и противъ которыхъ самая воля безсильна! Если

безъименная записка написана кн. Долгоруковымъ, мы найдемъ въ ней его почеркъ, но искаженный и, рядомъ съ искаженіемъ и измѣненіемъ цѣлаго, отдѣльныя, особенныя буквы, которыя выкажутъ одно и тоже происхожденіе письма и записки, лежащихъ передъ вами. Вотъ на что я хотѣлъ обратить ваше вниманіе, какъ на основу при сличеніи, къ которому вы приступите.» Затѣмъ Матьё приступилъ къ разбору отдѣльныхъ словъ и буквъ, встрѣчающихся въ письмахъ и запискѣ, и на основаніи отзыва эксперта французскаго банка Деларю, признавшаго безусловное сходство почерковъ, обратился къ суду съ слѣдующимъ анализомъ почерковъ. Первое слово *Altesse* написано три раза въ письмѣ кн. Долгорукова и одинъ разъ въ безъименной запискѣ. Оно начинается заглавною буквою *A*, имѣющею очень оригинальную форму, именно въ томъ, что вторая половина буквы оканчивается послѣ прямой незакругленной черты особеннымъ отчеркомъ, какой не встрѣчается обыкновенно, и явно показываетъ, что эта манера свойственна, привычна рукѣ, написавшей эту букву. Связь этой буквы съ буквою *l*, и этой съ буквою *t*, а также двойное *s* между двумя *e*, въ концѣ слова оказываются тѣже, что и въ подлинномъ письмѣ кн. Долгорукова. На четвертой строкѣ этого письма встрѣчается слово *Altesse*. Буква *A* совершенно одинакова въ безъименной запискѣ и письмѣ. Въ буквѣ *l* и въ связи ея съ буквою *t* виденъ тотъ же характеръ. Самая буква *t* немного измѣнена. Въ подлинномъ письмѣ *t* въ нижней своей части оканчивается такимъ же отчеркомъ, какъ буква *A*; въ безъименной же запискѣ *t* въ концѣ немного закруглено. Но за то два *s*, и по ихъ связи, и по ихъ формѣ, почти прямой, а не наклонной, какъ вообще пишутъ, и по всему ихъ характеру не представляютъ никакого различія. Это характеристическое двойное *s*. Оно встрѣчается съ тѣмъ же безусловнымъ сходствомъ въ словахъ: *impossible* (3 стр.), *professe* (7 стр.) *pressez* (10 стр.). Кромѣ этого двойнаго *s* въ словѣ *Altesse*, есть и другія, на которыя распространяется замѣчаніе о ихъ особенномъ характерѣ. Ихъ много и въ безъименной запискѣ и въ подлинномъ письмѣ. Онѣ, конечно, не совершенно одинаковы, но похожи другъ на друга. Въ нихъ есть что то родное, семейное,— какая то общая физіономія. Эти замѣчанія можно приложить къ тому же слову: *Altesse*, на седьмой строкѣ подлиннаго письма

[illegible]

a son [illegible]

[illegible]

Poco. [illegible]

la [illegible]

au [illegible]

одному слову относятся замѣчанія. Есть еще одно, которое имѣетъ притомъ особенное значеніе въ процессѣ. Это слово: *généalogie*. Оно встрѣчается на второй строкѣ письма кн. Долгорукова, гдѣ онъ пишетъ: *quatrième volume de mon livre généalogique*. Эти слова написаны совершенно одинаково; но онъ одной руки, ихъ характеръ и физіономія одинаковы, а различіе ихъ только въ частностяхъ. Есть еще одна буква, которая обращаетъ на себя вниманіе. Это буква *W*. Она встрѣчается только разъ въ безъименной запискѣ: ею начинается слово *Woronzoff*. Эта буква имѣетъ совершенно особенную физіономію. Въ ней видна рука, привыкшая писать ее не такъ, какъ она обыкновенно пишется. Если взять письмо кн. Долгорукова и сравнить, то на второй строкѣ письма въ словѣ *Weliaminow*, на третьей въ словѣ *Woronzow* окажется, что обѣ написаны точно также. Точно такія же изслѣдованія и замѣчанія какія представлены о буквѣ *A*, можно было бы приложить почти ко всѣмъ буквамъ. Далѣе Матьё продолжалъ: я сейчасъ вамъ выставлялъ, какъ буква *A*, въ словѣ *Altesse*, оканчивается отчеркомъ совершенно оригинальнымъ. Всмотритесь же въ букву *t* въ подлинномъ письмѣ кн. Долгорукова, вы увидите, что она имѣетъ совершенно тотъ же характеръ и ту же форму, т. е. не оканчивается округленною чертою, но отчеркомъ въ нижней части буквы. Возьмите напримѣръ, въ письмѣ кн. Долгорукова отъ 4 (16) іюня 1856 года, букву *t* въ словѣ *été*, на четвертой строкѣ. Вы опять встрѣтите тотъ же особенный характеръ, который отпечатываетъ и несомнѣнно указываетъ свое происхожденіе, т. е. это самое окончаніе буквы оригинальнымъ отчеркомъ. Если отдѣльныя буквы представляютъ такое разительное сходство, что-же сказать, когда оно представится въ цѣлыхъ словахъ, одинаковыхъ въ письмѣ и запискѣ. Выше указано уже на нѣкоторыя изъ нихъ, но есть и другія. На десятой строкѣ подлиннаго письма кн. Долгорукова сказано: *Si Vous ne Vous pressez point*. Замѣтьте во первыхъ двойное *s* и сравните съ тѣмъ же двойнымъ *s* слова *Altesse*. Но въ особенности замѣтьте слово *point*; обратите на него все ваше вниманіе. Замѣтьте букву *p*: какъ первая долгая его черта отклоняется влѣво, вверху и внизу,—его связь съ буквою *o*,—букву *i*, которая какъ будто бы прямо выходитъ изъ буквы *o*, въ томъ же родѣ, какъ *r*, на который я вамъ указывалъ въ словѣ *Dol-*

*gorouko*w. Внимательно всмотритесь въ эти буквы и перенеситесь къ послѣдней строчкѣ, къ предпослѣднимъ словамъ безъименной записки: *Il n'y a point de temps à perdre.* Оба слова не только сходны, они одинаковы. Конечно одно изъ нихъ немного болѣе вытянуто, но буквы, но форма ихъ совершенно одни и тѣже. Вотъ другое слово, то, которое является сначала строки въ подлинномъ письмѣ кн. Долгорукова: *le temps marche.* Тоже односложное слово находится въ запискѣ: *Il n'y a point de temps á perdre.* Возьмите же это слово *temps.* Буква *t* совершенно одинакова, съ отчеркомъ внизу; *e* связано точно также; буква *m* напоминаетъ манеру двойнаго *r* въ подписи кн. Долгорукова, очень оригинальную и поразительную. Вся буква наклонена въ право, черты ея неравны, первая длиннѣе второй, вторая короче, а третья едва обозначена, въ этомъ только и различіе, во всемъ же прочемъ буква *m* въ обѣихъ бумагахъ одинакова, а все слово имѣетъ рѣшительно одинъ и тотъ же характеръ. Въ заключеніе своей рѣчи, указавъ, что если бы кн. Долгоруковъ былъ дѣйствительно не причастенъ къ составленію записки, то не въ томъ видѣ выразилъ бы свое негодованіе, какое излилъ онъ во второмъ письмѣ къ князю Воронцову, Матьё прибавляетъ: «если свѣтъ, если публика слышитъ эти пренія, эту защиту славной памяти противъ недостойныхъ, противъ безнравственнаго дѣйствія, которое я раскрылъ предъ вами, она скажетъ, что сынъ фельдмаршала Воронцова исполнилъ свою обязанность, священную обязанность, которую налагали на него и его сыновняя любовь и охраненіе своей чести. Выскажу и желаніе моего сердца, это — чтобы таже публика вмѣстѣ съ тѣмъ сказала, что защитникъ его исполнилъ честно и добросовѣстно свою почетную обязанность.»

Послѣ этой рѣчи говорили Мари и Шоде. Единственное возраженіе Мари заключалось въ намекѣ, что поводъ къ процессу не оскорбленіе фамиліи Воронцовыхъ, но изданіе кн. Долгоруковымъ книги о Россіи, что поводъ этотъ, однимъ словомъ, не частный, а политическій. Въ оправданіе кн. Долгорукова онъ старался основаться на правѣ необходимой обороны, говоря, что кн. Долгоруковъ, задѣтый въ своей чести статьею Courrier du Dimanche, имѣлъ право защищаться такъ, какъ онъ это сдѣлалъ. Мари не отвергнулъ сходства безъименной записки съ подлинными письмами кн. Долгорукова, а только предостерегъ судъ отъ ошибочности сужденія на основаніи сходства почерковъ. Онъ не далъ

-esse le Prince Woronzoff
-on sûr de faire
la généalogie dans la
-ces. Kharra Zette qu'il
c'est de faire cadeau
-rime Dolgorouky
-me de cinquante mille

Son Alte

a un may

imprimer

Rocc. Bod

la veut:

au No 1

d'une so-m

столь неприличнаго содержанія, что генеральное консульство почло за нужное отослать ему оный обратно.

Государь император, по всеподданѣйшему докладу объ этомъ главнаго начальника III-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, Высочайше повелѣть соизволилъ: поступить съ Долгоруковымъ по всей строгости законовъ.

Вслѣдствіе сего тульское губернское правленіе предало князя Долгорукова суду чернскаго уѣзднаго суда, который находилъ, что князь Долгоруковъ, по приглашенію генеральнаго консульства въ Лондонѣ для объявленія ему Высочайшаго повелѣнія—въ оное не являлся; а когда монаршая воля о возвращеніи его въ Россію объявлена была ему письменно, то онъ не только таковой не исполнилъ, какъ бы слѣдовало вѣрноподданному, но дозволилъ себѣ прислать отвѣтъ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ; а какъ все дѣлалось консульствомъ вслѣдствіе Высочайшей воли, то и долженъ онъ, Долгоруковъ, подлежать отвѣтственности за неповиновеніе правительству и оскорбленіе Величества; посему судъ и приговорилъ его за невозвращеніе по вызову правительства согласно 368 ст. 1 кн. XV т. св. угол. зак., лишить всѣхъ правъ состоянія и признать его вѣчнымъ изгнанникомъ изъ предѣловъ государства, а за ослушаніе монаршей воли и помѣщеніе въ письменномъ отвѣтѣ своемъ при объявленіи ему оной, неприличныхъ выраженій, буде возвратится въ Россію, согласно 189, 1 п. 279 и 280 ст. тѣхъ же книги и тома, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на восемь лѣтъ и затѣмъ поступить съ нимъ по 29 ст. того же тома.

Тульская палата уголовнаго суда, усматривая изъ донесенія генеральнаго консульства при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, два поступка князя Долгорукова, первый—неявку его по вызову правительства изъ заграницы обратно въ отечество, и второй—присылку въ консульство отвѣта неприличнаго содержанія,—нашла, что первое изъ сихъ преступленій не требуетъ ни оправданій его, Долгорукова, ни юридическихъ подтвержденій къ назначенію ему наказанія, такъ какъ онъ и по сіе время не являлся; послѣднее же, за возвращеніемъ консульствомъ отвѣта его оному, съ точностію не опредѣлено; палата приговорила князя Долгорукова, на основаніи 368 ст. 1 кн. XV т. св.

зак. угол., къ лишенію княжескаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія и изгнанію изъ предѣловъ государства навсегда.

Начальникъ губерніи, представляя дѣло въ правительствующій сенатъ, на основаніи 431 и 4 п. 438 ст. 2 кн. XV т., донесъ, что онъ съ рѣшеніемъ уголовной палаты согласенъ.

Разсмотрѣвъ вышеизложенное и признавая излишнимъ подчинять дѣло сіе формальностямъ, въ статьяхъ: 140, 141, 173, 174, 195, 293, 294, 374 и 390 н-й кн. XV т. угол. зак. установленнымъ, правительствующій сенатъ нашелъ, что отставной коллежскій секретарь князь Петръ Долгоруковъ, въ 1-хъ, виновенъ въ томъ, что, отлучаясь изъ отечества, ослушался вызова правительства—возвратиться въ оное обратно, не смотря на то, что вызовъ этотъ сдѣланъ былъ ему по особому его императорскаго величества Высочайшему повелѣнію, и во 2-хъ, обвиняется въ томъ, что при таковомъ нарушеніи вѣрноподданическаго долга, позволивъ себѣ не уважить требованія генеральнаго консульства при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, приглашавшаго его къ себѣ для объявленія ему Высочайшей воли,—при объявленіи ему таковой письменно, далъ на бумагѣ отвѣтъ столь неприличнаго содержанія, что консульство почло за нужное отослать ему оный обратно. За первое изъ означенныхъ преступленій Долгоруковъ на основаніи 368 ст. 1 кн. XV т. св. угол. зак., подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства, по второму же, за возвращеніемъ консульствомъ Долгорукову присланнаго имъ отвѣта, не представляется возможности ни судить о степени неприличія онаго, ни признать князя Долгорукова виновнымъ въ написаніи неприличнаго отвѣта; посему и предметъ этотъ, въ настоящее время, слѣдуетъ оставить безъ заключенія. По симъ соображеніямъ правительствующій сенатъ опредѣлилъ: отставнаго коллежскаго секретаря, князя Петра Владиміровича Долгорукова, за ослушаніе вызову правительства—возвратиться обратно изъ-за границы въ отечество, лишить всѣхъ правъ состоянія (ст. 25) и изгнать изъ предѣловъ государства навсегда.

Это постановленіе правительствующаго сената, согласно мнѣнію государственнаго совѣта, удостоено Высочайшаго утвержденія. —

Послѣ того, какъ состоялось упомянутое выше рѣшеніе па-

рижскаго суда, въ разрѣшеніе процесса князя Воронцова съ Петромъ Долгоруковымъ, послѣдній расиространилъ по этому поводу въ Бельгіи брошюру подъ заглавіемъ: «La vérité sur le procès du prince Pierre Dolgoroukoff par un Russe». Графъ Петръ Шуваловъ, считая себя оскорбленнымъ и оклеветаннымъ въ этой брошюрѣ, привлекъ Долгорукова къ суду въ Брюсселѣ, и гражданскій судъ первой инстанціи, признавая Долгорукова виновнымъ въ клеветѣ, приговорилъ его 24 іюля къ уплатѣ 1000 франковъ въ пользу истца за издержки и убытки, и къ напечатанію на его счетъ рѣшенія по этому дѣлу въ трехъ журналахъ Бельгіи и въ трехъ журналахъ Франціи, Англіи и Россіи.

О нанесеніи полковникомъ Офрейномъ удара чубукомъ по головѣ князю Кольцову-Мосальскому.

Князь Щ. Кольцовъ-Мосальскій 20 декабря 1850 года, въ 4 часа пополудни, выѣхавъ съ женою изъ квартиры своей, которую занималъ онъ въ С.-Петербургѣ въ 3-й адмиралтейской части, заѣзжалъ къ квартировавшему у измайловскаго моста родному брату своему князю *Николаю Кольцову-Мосальскому*, состоящему при коммисаріатскомъ департаментѣ военнаго министерства, а отъ него отправился на обѣдъ къ отставному поручику князю Мурузи въ литейную часть, въ домъ купца Гильденбранта. У подъѣзда дома Гильденбранта, когда князь Щ. Кольцовъ-Мосальскій, вслѣдъ за женою своею, вышелъ изъ кареты съ открытою головою въ 6 часу вечера—напалъ на него неожиданно неизвѣстный человѣкъ и нанесъ ему ударъ въ голову черешневымъ чубукомъ такъ сильно, что чубукъ отъ удара переломился; князь Щ. Кольцовъ-Мосальскій упалъ и оставался въ безчувственномъ состояніи, а изъ причиненной ему этимъ ударомъ раны полилась кровь. Вскорѣ однакожъ, по оказанному ему медицинскому пособію, онъ получилъ облегченіе. Приглашенный въ то время докторъ Вальденбергъ, какъ видно изъ объясненія его, нашелъ Мосальскаго въ трудномъ положеніи, такъ что онъ не могъ отвѣчать на вопросы. Нанесенная ему въ голову рана была длиною въ одинъ дюймъ, шириною въ три линіи. Ударъ

хотя и проникъ до подкожной плевы, но не обнажилъ и не повредилъ черепа; только отъ силы удара произошло у Мосальскаго сотрясеніе мозга, противу чего приняты были дѣятельныя медицинскія мѣры, и онъ чрезъ нѣсколько недѣль выздоровѣлъ.

Нанесшій Мосальскому ударъ, по причиненіи онаго, тотчасъ скрылся за ворота дома, но пріѣхавшій съ Мосальскимъ наемный служитель бросился за тѣмъ человѣкомъ и остановилъ его за воротами. Этотъ человѣкъ оказался отставной полковникъ *Офрейнъ* *). При спросѣ въ с.-петербургской полиціи и потомъ предъ военнымъ судомъ, полковникъ Офрейнъ, признаваясь въ нанесеніи князю Щ. Кольцову-Мосальскому удара чубукомъ, отозвался, что онъ причинилъ ему этотъ ударъ ошибочно, почтя его за брата его поручика князя Николая Кольцова-Мосальскаго, и что послѣдній вынудилъ его, Офрейна, прибѣгнуть къ этому средству, глубоко оскорбивъ честь его и не давъ ему удовлетворенія.

Князь Щ. Кольцовъ-Мосальскій подтверждая вполнѣ вышеизложенныя обстоятельства, объяснилъ, что полковникъ Офрейнъ, принявшій показателя за брата его Николая, дѣйствительно объявилъ это въ тотъ же самый вечеръ и на колѣняхъ просилъ прощенія у жены показателя, явивъ всѣ признаки душевнаго раскаянія; что жена показателя, видя въ полковникѣ Офрейнѣ человѣка несчастнаго и чувствуя къ нему состраданіе, простила его чистосердечно, равно и самъ показатель, также видя въ Офрейнѣ не врага, а человѣка опрометчиваго, загладившаго вину свою чистосердечнымъ раскаяніемъ, объявилъ предъ судомъ, что не только претендовать на него не намѣренъ, но сочтетъ себя счастливымъ, если бы вмѣнено было полковнику Офрейну въ наказаніе содержаніе его по сему дѣлу подъ арестомъ, о чемъ показатель даже убѣдительнѣйше проситъ.

Что же касается до объясненія полковника *Офрейна* объ оскорбленіи чести его поручикомъ княземъ Николаемъ Кольцовымъ-

---

*) Офрейнъ, бывъ остановленъ служителемъ Мосальскаго за воротами послѣ удара, сказалъ, что самъ пойдетъ, и, войдя на подъѣздъ къ лѣстницѣ, гдѣ Мосальскій, уже поднятый, поддерживаемъ былъ женою своею, первоначально началъ говорить Мосальскому по французски, (какъ служитель этотъ подъ присягою засвидѣтельствовалъ, голосомъ возвышеннымъ), но осмотрѣвъ Мосальскаго и увидя его въ лицо, упалъ предъ женою его на колѣни, прося извиненія.

Мосальскимъ, то по изслѣдованію открылось, что князь Николай Мосальскій, лѣтомъ 1850 года, бывъ прикомандированъ къ образцовому кавалерійскому полку, въ коемъ Офрейнъ состоялъ тогда въ званіи командира дивизіона,—однажды, послѣ игры съ нимъ въ карты, остался долженъ ему 250 р., уплаты коихъ просилъ подождать до полученія имъ денегъ. Офрейнъ согласился на это, но потомъ нѣсколько разъ требовалъ у Николая Мосальскаго уплаты, и наконецъ 28 іюля того года самъ явился къ Мосальскому на квартиру ночью, однакожъ денегъ не получилъ.

Мы приведемъ по сему предмету показаніе Офрейна подлинными словами:

«20 декабря я нанесъ ударъ князю Щ. Мосальскому; причины, побудившія меня къ сему поступку, суть слѣдующія: бывшій прикомандированнымъ къ образцовому кавалерійскому полку, нынѣ служащій въ коммисаріатѣ, поручикъ князь Николай Мосальскій проигралъ мнѣ въ карты 250 р. сер. Неоднократно письменно и словесно я просилъ его со мною расчитаться, но онъ сего не исполнилъ. — Спустя около двухъ мѣсяцевъ, я пришелъ къ нему въ квартиру и просилъ его объ окончаніи со мною счетовъ; вмѣсто извиненій онъ невѣжливымъ тономъ мнѣ отвѣчалъ, что для подобной бездѣлицы онъ не намѣренъ мѣнять банковыхъ билетовъ, а расчитается со мною тогда, какъ будутъ у него деньги. Видя въ томъ нежеланіе уплатить мнѣ долгъ, — я уходя ему сказалъ, что вѣроятно я этихъ денегъ никогда не получу, и что ежели чрезъ три дня, онъ мнѣ ихъ не отдастъ, то я этого долга за нимъ не буду считать. На другой день я получилъ отъ него записку, въ которой онъ меня приглашалъ придти къ себѣ для полученія денегъ; я пришелъ къ нему, онъ вынулъ изъ стола 250 руб., сосчиталъ при мнѣ и сказалъ: вотъ ваши деньги, но вы ихъ не получите, покамѣстъ не возвратите мнѣ часы, которыя вы вчера, уходя, взяли; вы вѣроятно пошутили, кромѣ васъ никого здѣсь не было; когда вы возвратите мнѣ часы, то получите ваши деньги, я васъ предупреждаю, всѣ мои люди въ сосѣдней комнатѣ, вы со мною ничего не можете сдѣлать.—Я требовалъ отъ него сознанія въ низкомъ мщеніи и клеветѣ, на что онъ отвѣтилъ: *да, я умѣю мстить*; я требовалъ у него удовлетворенія чести, на что онъ отвѣчалъ, что онъ никакого удовлетворенія мнѣ не дастъ. Видя, что я не могу его

заставить сознаться, я пошелъ къ своему товарищу полковнику Крынскому и разсказалъ ему произшествіе. Полковникъ Крынскій пошелъ къ нему, чтобы распросить его и заставить сознаться, но онъ отвѣчалъ ему тѣми же словами какъ и мнѣ, добавя, что онъ побилъ своего мальчика и увѣренъ, что напрасно, ибо онъ при немъ находится постоянно и никогда ни въ чемъ не былъ замѣченъ. Полковникъ Крынскій его спросилъ: вы сами видѣли, когда полковникъ Офрейнъ взялъ часы? на что онъ отвѣчалъ, я не видалъ, когда онъ ихъ взялъ, но я видѣлъ, что онъ игралъ цѣпочкою; кромѣ его никого не было въ квартирѣ, и я ни на кого не могу имѣть подозрѣнія.—Съ этими свѣдѣніями полковникъ Крынскій возвратился ко мнѣ, я его просилъ еще разъ съ нимъ увидѣться, но князь Мосальскій, сейчасъ послѣ свиданія уѣхалъ въ Петербургъ; возвратясь на другой день, онъ заѣхалъ ко мнѣ, меня не было дома и, не желая съ нимъ видѣться, я просилъ полковника Крынскаго къ нему съѣздить, и тогда онъ сознался въ клеветѣ и вмѣстѣ съ полковникомъ Крынскимъ пришелъ ко мнѣ просить прощенія въ этихъ словахъ: полковникъ! я пришелъ просить у васъ прощенія; у меня самый дурной и злой характеръ, я раскаиваюсь въ моемъ поступкѣ и прошу васъ не воспользоваться моимъ сознаніемъ, чтобы меня погубить.—Не желая сдѣлать гласною подобную исторію, какъ я ношу мундиръ, я рѣшился о ней молчать, пока не выйду въ отставку; всѣ мои товарищи, узнавъ о томъ, что я хочу оставить полкъ, пришли ко мнѣ меня просить не выходить въ отставку, но мучимъ несчастнымъ происшествіемъ, я не могъ перемѣнить своего намѣренія. Узнавъ чрезъ нѣсколько времени, что Мосальскій распустилъ о происшествіи этомъ слухъ, я требовалъ вновь у него удовлетворенія, но онъ не согласился, сказавъ опять, что съ тѣмъ, который у него укралъ часы, онъ никакого не хочетъ имѣть дѣла. Отчаянное положеніе, въ которомъ я находился, меня понудило прибѣгнуть къ послѣднему средству, чтобы обратить Мосальскаго къ долгу чести, но и тутъ несчастіе меня преслѣдовало и, вмѣсто виновника, я нанесъ ударъ его брату».

По содержанію сихъ показаній *князь Николай Кольцовъ-Мосальскій* далъ слѣдующій письменный отзывъ:

«Бывши съ разрѣшенія начальства, согласно прошенію моему,

прикомандированъ къ образцовому кавалерійскому полку для узнанія службы, чтобы впослѣдствіи быть переведеннымъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, и поступя на службу, я, въ числѣ прочихъ офицеровъ образцоваго кавалерійскаго полка, былъ знакомъ съ полковникомъ Офрейномъ, у котораго неоднократно бывалъ, также какъ и онъ у меня. Однажды, послѣ игры въ карты на квартирѣ полковника Офрейна, я, по уплатѣ части проигранной ему мною суммы, остался долженъ 250 р. сер., которые просилъ полковника Офрейна обождать до полученія денегъ отъ моего бурмистра, на что полковникъ Офрейнъ согласился. По прошествіи нѣсколькихъ дней, я получилъ отъ полковника Офрейна письмо, въ которомъ онъ отъ меня требовалъ прислать должныя мною вышеозначенныя деньги, съ полученіемъ письма; я ему отвѣчалъ, что такъ-какъ онъ былъ добръ и согласился ждать денегъ, (которыя я долженъ былъ получить отъ моего бурмистра, отправленнаго мною въ Новгородъ для сбора оброка съ крестьянъ моихъ, находившихся тамъ на работахъ, котораго я ожидалъ каждый день), то прошу его повременить нѣсколько дней, и что какъ только я самъ получу, не замедлю ему прислать свой долгъ. Это было утромъ, когда я отослалъ къ нему письмо, а вечеромъ того же числа, часу въ 12-мъ, когда я сидѣлъ у себя на квартирѣ одинъ, вдругъ отворился въ той самой комнатѣ, гдѣ я находился, ставень и кто-то посмотрѣлъ въ окошко. Такъ-какъ уже было совсѣмъ темно, и я не могъ разсмотрѣть человѣка, видя только бѣлую фуражку, то позвалъ мальчика своего и послалъ его узнать, кто смотрѣлъ въ окошко; когда онъ возвратился, за нимъ взошелъ полковникъ Офрейнъ и сталъ требовать, чтобы я ему уплатилъ сейчасъ же деньги, говоря, что онъ проигралъ и что ему до зарѣзу нужны деньги (такъ онъ выразился), чтобы я, гдѣ хочу, взялъ бы ихъ; я сталъ ему доказывать, что во первыхъ ночь, и во вторыхъ я въ Павловскѣ, гдѣ еще мало знакомъ съ людьми, у которыхъ бы я могъ занять эту сумму; но онъ мнѣ сказалъ, что это не его дѣло, займите гдѣ хотите, заплатите рубль на рубль процентовъ, вы навѣрно достанете; я ему отвѣчалъ, что ночью я не могу достать денегъ, и потомъ, не имѣвши никогда долговъ, зачѣмъ буду ихъ дѣлать и платить рубль на рубль процентовъ, когда не сегодня такъ завтра получу свои деньги. Полковникъ Офрейнъ,

сидя за моимъ письменнымъ столомъ во все время этого разговора, держалъ въ рукахъ мои часы, взявши ихъ со стола, игралъ цѣпочкой, вертя вокругъ пальца, что продолжалось около получаса, не прерывая разговора о деньгахъ; потомъ посмотрѣлъ на мои часы, чтобъ узнать вѣроятно который часъ, вставши подошелъ ко мнѣ, и сказавъ мнѣ, чтобы завтра я ему непремѣнно прислалъ деньги, собирался уйти; когда же я отвѣчалъ ему, что я употреблю все стараніе, чтобы его удовлетворить, то полковникъ Офрейнъ взялъ фуражку *и, имѣя все часы въ рукахъ, ушелъ.* При уходѣ его я никакъ не хотѣлъ допустить мысли, чтобы онъ взялъ часы съ цѣлью, а полагалъ, что онъ въ разсѣянности оставилъ ихъ у себя, или что онъ, не довѣряя мнѣ въ уплатѣ денегъ, хотѣлъ задержать ихъ въ обезпеченіе; притомъ, видя полковника Офрейна разгоряченнымъ при разговорѣ о деньгахъ, и бывши самъ сконфуженъ неделикатнымъ требованіемъ денегъ, я не рѣшился напомнить полковнику Офрейну про его разсѣянность въ отношеніи часовъ, а между тѣмъ полковникъ Офрейнъ уже ушелъ; по уходѣ его, я думалъ, что онъ на другой день пришлетъ, или самъ принесетъ, въ чемъ и остался совершенно спокоенъ. На другой день пришедши съ ученья, я спросилъ у человѣка своего, не присылалъ ли полковникъ Офрейнъ ко мнѣ, но человѣкъ мой мнѣ отвѣчалъ, что нѣтъ никто не былъ; этотъ день я все ожидалъ присылки моихъ часовъ, а посылать къ нему за ними я не хотѣлъ, чтобы не мѣшать людей въ это дѣло. Къ вечеру пріѣхалъ мой бурмистръ изъ Новгорода и привезъ собранныя имъ деньги; такъ-какъ было уже поздно, я отложилъ до другаго дня, чтобы отдать мой долгъ полковнику Офрейну, и утромъ на другой день рѣшился написать къ нему письмо, въ которомъ просилъ полковника Офрейна придти ко мнѣ за полученіемъ денегъ, но о часахъ ничего не писалъ, полагая, что при отдачѣ ему денегъ онъ возвратитъ мнѣ ихъ; по приходѣ полковника Офрейна, отдавая ему деньги, которыя положилъ передъ нимъ на столъ, я просилъ его, все еще бывши убѣжденнымъ, что онъ взялъ часы по разсѣянности или въ обезпеченіе, прислать мнѣ мои часы. На это полковникъ Офрейнъ мнѣ сказалъ: какіе часы? я не бралъ никакихъ часовъ. Я думая, что онъ шутитъ, говорю ему, что третьяго дня вы, бывши у меня, играли часами и забывшись взяли ихъ съ собой, что я ждалъ вчераш-

ній день, что вы мнѣ ихъ пришлете, но мое ожиданіе было напрасно; получа деньги я рѣшился васъ просить придти ко мнѣ за полученіемъ вашихъ денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить васъ возвратить мнѣ мои часы. Тутъ полковникъ Орфейнъ сталъ кричать: «я вашихъ часовъ не бралъ, напомнилъ мнѣ, что онъ полковникъ, а я поручикъ.—Какъ вы можете меня обвинять и чѣмъ вы можете доказать, да я у васъ вовсе и не былъ, пойдите доказывайте, свидѣтелей не было.» Такой отвѣтъ поразилъ меня, я не зналъ, что и думать про человѣка, который не только отказывается, что онъ взялъ часы, но говоритъ, что онъ даже въ этотъ вечеръ и не былъ у меня и ссылается на то, что не было свидѣтелей, какъ будто между благородными людьми должны быть непремѣнно свидѣтели; поэтому я отвѣчалъ, что и все еще готовъ думать, что онъ продолжаетъ шутить, и не хочу вѣрить, чтобы благородный человѣкъ могъ бы рѣшиться на такой поступокъ; онъ мнѣ отвѣчалъ: убирайтесь къ чорту, я ужъ вамъ разъ сказалъ, что я не видалъ вашихъ часовъ. — Я ему сталъ говорить: послушайте полковникъ, теперь уже это дѣло должно принять серьозный оборотъ; ежели вы это серьозно говорите, то я, бывши убѣжденнымъ, что вы часы мои взяли, буду дѣйствовать такъ, какъ моя совѣсть мнѣ укажетъ, обнаружу вашъ поступокъ, буду жаловаться полковнику Курьдюмову.—Жалуйтесь, кому хотите! Вамъ никто не повѣритъ и у васъ нѣтъ доказательствъ. Сказавъ это, полковникъ Офрейнъ вышелъ изъ моей квартиры, *оставя на столъ деньги.* Уходъ его поставилъ меня въ затруднительное положеніе: идти жаловаться, — дѣйствительно, какъ онъ говорилъ, у меня нѣтъ доказательствъ; оставить это дѣло безъ вниманія—было бы съ моей стороны, какъ я считаю, безчестно. Долго я думалъ, не рѣшаясь ни на что, наконецъ я пошелъ къ ротмистру образцоваго же полка Грефентурну, который жилъ напротивъ меня, спросить его совѣта; онъ выслушавъ меня, сказалъ мнѣ: «право я не знаю, что дѣлать; такая исторія! тѣмъ болѣе, что трудно, да и невозможно доказать; полковникъ Офрейнъ не ошибся, сказавъ, что свидѣтелей нѣтъ». По возвращеніи на мою квартиру, я было рѣшился молчать и не обнаруживать этой исторіи, какъ вдругъ пріѣхалъ ко мнѣ полковникъ Крынскій и отъ имени полковника Офрейна просилъ меня ничего не предпринимать по этому дѣлу, а кончить это ми-

[illegible]; я отвѣчалъ полковнику Крынскому, что тѣмъ-паче я болѣе, тѣмъ увѣренъ, что полковникъ Офрейнъ взялъ мои часы, просилъ его войти въ мое положеніе и посовѣтывать, что мнѣ дѣлать. Полковникъ Крынскій спросилъ меня, не ошибаюсь-ли я, не былъ-ли кто нибудь другой послѣ ухода полковника Офрейна? Я ему разсказалъ опять всю исторію сначала; выслушавъ, полковникъ Крынскій просилъ меня, чтобы я ничего никому не говорилъ про это, что онъ съѣздитъ къ полковнику Офрейну, и оттуда заѣдетъ ко мнѣ; я далъ ему слово, что не стану говорить никому до окончанія этаго дѣла; но что ежели полковникъ Офрейнъ не признается въ своемъ поступкѣ, то я разскажу всѣмъ потому, что съ такимъ человѣкомъ считалъ невозможнымъ служить послѣ этого. Полковникъ Крынскій, бывши у полковника Офрейна, пріѣхалъ ко мнѣ сказать, что полковникъ Офрейнъ рѣшительно говоритъ, что онъ не бралъ часовъ, а что онъ готовъ забыть обиду, причиненную ему мною, съ тѣмъ чтобы я у него просилъ извиненія; но я не могъ никакъ рѣшиться на это, что̀ и сказалъ тутъ же полковнику Крынскому, и что я готовъ сдѣлать не для полковника Офрейна, а для васъ, которые такъ добры и принимаете такое участіе въ этомъ дѣлѣ,—то что *я даю вамъ честное слово не говорить эту исторію никому*, но что её уже знаетъ ротмистръ Грефентуринъ, которому я разсказалъ, бывши сегодня у него.—Полковникъ Крынскій поѣхалъ передать мой отвѣтъ полковнику Офрейну, отъ котораго опять пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ: я передалъ ваши слова полковнику Офрейну, который соглашается помириться съ тѣмъ, чтобы вы сами сказали ему, что вы даете ваше честное слово умолчать это дѣло; поѣдемте со мной къ нему, онъ васъ ожидаетъ. Я на это согласился, но съ тѣмъ, чтобы полковникъ Офрейнъ не принялъ бы мое согласіе молчать за извиненіе, на что я никогда не буду согласенъ.—Мы вмѣстѣ поѣхали къ полковнику Офрейну, которому я сказалъ: господинъ полковникъ, *я далъ честное слово* товарищу вашему объ случившемся между вами и мною *никому не говорить*, что̀ я пришелъ вамъ сказать по просьбѣ полковника Крынскаго, и *могу завѣрить васъ, что я сдержу данное слово*.—Сказавъ это, я поклонился и ушелъ. Прошло около мѣсяца, пришелъ полкъ съ большихъ маневровъ, объ этой исторіи не было и помина; я встрѣчалъ неоднократно полковника Офрейна,

но ни онъ со мной, ни я съ нимъ объ непріятномъ случаѣ не упоминали. Въ одинъ вечеръ, бывши въ воксалѣ на музыкѣ, подходили ко мнѣ нѣсколько человѣкъ офицеровъ и разспрашивали меня правда-ли, говоря про исторію съ полковникомъ Офрейномъ. Я, видя, что ее всѣ узнали, не знаю ужъ чрезъ кого, потому что я ея никому не разсказывалъ, отвѣчалъ, что я никакой исторіи не знаю, думая, что ежели это только однѣ подозрѣнія по нѣкоторымъ слухамъ, дошедшимъ до нихъ, то хотѣлъ отклонить и разсѣять ихъ. Но когда я услышалъ, что мнѣ стали разсказывать всю исторію со всѣми подробностями и съ прибавленіями, *я счелъ долгомъ разсказать правду*. Дошли слухи до полковника Офрейна, который сталъ требовать отъ меня удовлетворенія, котораго я ему дать не могъ, бывши убѣжденнымъ въ его поступкѣ *). Спустя нѣсколько дней я заболѣлъ воспаленіемъ въ печени, требовалъ пособія отъ старшаго доктора образцоваго кавалерійскаго полка Заварскаго, который меня и пользовалъ; такъ-какъ моя болѣзнь требовала серьезнаго леченія, и слыша со стороны, что я по этой исторіи переведеннымъ не буду въ кавалерію, я по свидѣтельству доктора Заварскаго подалъ прошеніе въ двухмѣсячный отпускъ по болѣзни, получа который и какъ немного почувствовалъ облегченіе,—отправился въ С.-Петербургъ, гдѣ и находился до окончанія моего отпуска; по истеченіи онаго, по просьбѣ моей, Высочайшимъ приказомъ былъ переведенъ въ коммисаріатскій штатъ, и съ тѣхъ поръ болѣе не слыхалъ ни слова о полковникѣ Офрейнѣ до несчастнаго случая съ братомъ моимъ».

Полковникъ *Крынскій*, подъ присягою показалъ, что придя къ Мосальскому по порученію Офрейна, сказалъ ему: «считая обязанностью всякого офицера, понимающаго званіе свое, дорожить репутаціей полка, въ которомъ служитъ, какъ своею собственною, я старался всячески, дабы ужасное происшествіе, выдуманное вами, не сдѣлалось кому-либо извѣстнымъ, полагая, что вы, одумавшись, сознаетесь въ опрометчивости подозрѣнія своего на полковника Офрейна и дѣло кончится между вами двумя, но всѣ предложенія мои оказались тщетными, вы не хотите сознаться въ винѣ; полковникъ Офрейнъ простить

*) Послѣ отказа Мосальскаго, драться съ нимъ на дуели, Офрейнъ вышелъ въ отставку.

теперь обиды не можетъ и истина теперь не можетъ раскрыться иначе, какъ только порядкомъ судебнымъ: больно подумать, что происшествіе это, разгласившись повсюду, дастъ право говорить, что между офицерами, поведеніе которыхъ должно быть примѣромъ благородства, случаются столь скандальныя исторіи, какія едва-ли въ какомъ либо сословіи приключиться могутъ. Судъ долженъ раскрыть дѣло; не забудьте Мосальскій, что полковника Офрейна знаютъ здѣсь всѣ, какъ отличнаго и примѣрнаго поведенія офицера; за него будетъ говорить его служба и репутація; вы еще не имѣете этой извѣстности, да и доказательства ваши на Офрейна никакого не имѣютъ основанія; не доказавши вашего подозрѣнія, вы подвергнетесь, сколько я понимаю, строгой отвѣтственности; впрочемъ дѣйствуйте какъ вамъ угодно, я болѣе никакого участія въ происшествіи вашемъ принять не могу». Высказавъ это онъ, Крынскій, хотѣлъ уйти, но Мосальскій задержалъ его, говоря слѣдующее: «я былъ бы очень радъ, если бъ исторія эта кончилась тихо; очень хорошо понимаю, что всѣ примутъ сторону Офрейна, и я пострадаю, но чтоже мнѣ дѣлать—посовѣтуйте, я васъ столько уважаю, что готовъ все сдѣлать для васъ.» Онъ Крынскій сказалъ Мосальскому, что для него ничего не нужно, а если онъ сдѣлаетъ должное, это ему только одному послужитъ въ пользу. Мосальскій вторично спрашивалъ его совѣта, и онъ Крынскій сказалъ: «совѣтъ мой очень кратокъ, — сознаться въ клеветѣ и просить у полковника Офрейна прощенія». Мосальскій, не говоря ни слова, взялъ фуражку и объявилъ, что идетъ съ нимъ къ Офрейну просить у него прощенія. Придя къ Офрейну, Мосальскій сказалъ слѣдующее: «полковникъ простите меня, за неосновательное и опрометчивое подозрѣніе, которое я осмѣлился бросить на васъ; прошу васъ, простите меня, я несчастный человѣкъ съ моимъ характеромъ, въ минуту злости вспыльчивости я дѣлаю самые непростительные поступки, но увѣряю васъ, что я худаго сердца не имѣю и въ нѣсколько минутъ, опомнившись, заливаюсь слезами надъ глупостями, которыя сдѣлалъ; прошу васъ еще разъ простите меня полковникъ, забудьте мою вину». Полковникъ Офрейнъ замѣтилъ Мосальскому, что вѣроятно онъ самъ очень хорошо понимаетъ, что одно извиненіе не можетъ служить удовлетвореніемъ въ такой оскорбительной, какъ онъ нанесъ Офрейну, обидѣ. При-

нимая однакоже въ соображеніе, что огласка исторіи этой, хотя онъ и окажется совершенно въ ней невиновнымъ, замараетъ имя его, ничѣмъ никогда незапятнанное, потому только, что имѣлъ несчастіе быть въ ней замѣшаннымъ, онъ готовъ пожертвовать оскорбленіемъ, для спасенія репутаціи и вмѣстѣ званія своего— и для того прощеніе его Мосальскому не иначе можетъ послѣдовать, какъ только, если онъ Офрейнъ будетъ убѣжденъ совершенно, что исторія эта никому рѣшительно до сихъ поръ неизвѣстна и что кромѣ трехъ лицъ, никто ее не знаетъ и знать не будетъ. Мосальскій честнымъ словомъ и всѣмъ, что только есть для него священнаго, ручался, что исторіи этой никто не знаетъ, и что онъ никому объ ней не говорилъ и никогда не скажетъ. Онъ Крынскій здѣсь замѣтилъ Мосальскому, что онъ слишкомъ смѣло ручается за неизвѣстность этой исторіи, ибо (какъ же знать это) можетъ быть человѣкъ его слышалъ ссору Офрейна съ Мосальскимъ, или разговоры съ нимъ его, Крынскаго; тогда нельзя уже сказать, что никто исторіи этой не знаетъ. Мосальскій увѣрилъ, что онъ всѣмъ ручается, что человѣкъ его подслушать разговоровъ Мосальскаго съ Офрейномъ и съ нимъ, Крынскимъ не могъ, по разстоянію людской отъ гостинной чрезъ три комнаты, а если бы и подслушалъ, то ничего не понялъ, ибо разговоръ былъ все время на французскомъ языкѣ. Мосальскій, выходя, сказалъ еще, обращаясь къ нему, Крынскому, и къ Офрейну:—«гг., только не употребите извиненія моего на мою гибель». Онъ, Крынскій, отвѣтилъ Мосальскому, что конечно ни онъ, ни Офрейнъ разсказывать о случившемся никому не будетъ, слѣдовательно если только исторія разгласится, то не отъ кого другаго, какъ отъ него и онъ самъ будетъ причиною гибели своей.— *Крынскій* присовокупилъ, что онъ не могъ и на минуту усумниться въ невинности полковника Офрейна, ибо служа съ нимъ 14 лѣтъ вмѣстѣ, имѣлъ довольно времени убѣдиться въ его отличномъ поведеніи, и во всѣхъ случаяхъ службы его и жизни видѣлъ въ немъ всегда человѣка рѣдкой честности и примѣрнаго благородства.

На очныхъ ставкахъ полковники: Офрейнъ и Крынскій, равно и поручикъ князь Николай Мосальскій, утвердили вышеизложенныя данныя ими объясненія.

Военный судъ требовалъ отъ князя Николая Мосальскаго до-

казательствъ, заставившихъ его подозрѣвать полковника Офрейна въ кражѣ часовъ. На это Мосальскій, отозвался, *что доказательствъ у него законныхъ нѣтъ,* но что онъ никогда не рѣшился бы напрасно обвинять человѣка, въ особенности полковника Офрейна, въ которомъ онъ Мосальскій искалъ, потому что Офрейнъ постоянно былъ его дивизіоннымъ командиромъ, и отъ него также нѣкоторымъ образомъ зависѣлъ переводъ его, Мосальскаго, въ гвардію.

Ротмистръ *Грефентурнъ* (*подъ присягою*) объяснилъ, что князь Николай Мосальскій приходилъ къ нему на другое утро послѣ случившагося въ квартирѣ его происшествія, просить совѣта, какъ поступить въ отношеніи полковника Офрейна, послѣ бытности котораго у него Мосальскаго вечеромъ пропали карманные часы, и онъ Грефентурнъ совѣтовалъ не разсказывать объ этомъ происшествіи никому, потому что Мосальскій, исключая неосновательнаго подозрѣнія, никакихъ доказательствъ не имѣлъ. Послѣ того Мосальскій пришелъ къ нему, Грефентурну вторично и сказалъ, что пересматривая вещи свои, онъ Мосальскій замѣтилъ, что у него пропала еще серебряная умывальница и два серебряные стакана, и что послѣ этой пропажи онъ, Мосальскій, *не имѣетъ на полковника Офрейна никакого подозрѣнія*, потому что Офрейнъ похитить эти вещи, пропавшія въ одно время съ часами, не могъ; причемъ Мосальскій просилъ молчать о томъ, и онъ, Грефентурнъ, никому ничего объ этой исторіи не говорилъ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлалась гласною.

Въ то время, какъ полковникъ Офрейнъ приходилъ къ поручику князю Николаю Мосальскому и, по показанію его, взялъ часы—въ комнатахъ у Мосальскаго былъ одинъ только крѣпостной его мальчикъ *Николай Поляковъ*, который при изслѣдованіи показалъ, что онъ, оставаясь въ передней, слышалъ разговоръ между Мосальскимъ и Офрейномъ въ обыкновенномъ тонѣ; Мосальскій провожалъ послѣдняго до передней; по обыкновенію распростившись, полковникъ ушелъ, а онъ Поляковъ подавъ ему шинель, оставался въ той же комнатѣ. По выходѣ полковника онъ, Поляковъ, въ комнату князя болѣе не входилъ. На другой день утромъ, убирая комнаты, когда Мосальскій еще спалъ, онъ Поляковъ замѣтилъ, что часовъ не было на извѣстномъ мѣстѣ. Мосальскій, вставши по утру, *самъ спросилъ его о часахъ*, и онъ

Поляковъ сказалъ, что не знаетъ, куда они дѣвались. Послѣ того Мосальскій вмѣстѣ съ нимъ, Поляковымъ, *искалъ часовъ* и, не найдя, сказалъ: вѣроятно взялъ ихъ полковникъ Офрейнъ. Впрочемъ онъ, Поляковъ, не знаетъ, когда пропали у Мосальскаго два серебряные стакана, но оные дѣйствительно были у него, а серебряный тазикъ для полосканія рта не пропадалъ.

Противъ сего поручикъ *князь Николай Мосальскій* отозвался, что онъ послѣ пропажи часовъ вещей своихъ не осматривалъ, мальчика не допрашивалъ и искать часовъ послѣ ухода Офрейна не имѣлъ надобности, потому что видѣлъ, какъ полковникъ Офрейнъ взялъ часы съ собой, но что ротмистру Грефентурну сказалъ о пропажѣ у него Мосальскаго другихъ вещей, для *того, чтобы отвесть подозрѣніе отъ Офрейна.*

Между-тѣмъ подсудимый *Офрейнъ*, въ дополненіе къ данному имъ въ судѣ отвѣту, и полковникъ *Крынскій*, послѣ даннаго имъ вышеизложеннаго объясненія подъ присягою, донесли особыми рапортами военному суду о дошедшемъ до нихъ свѣдѣніи, что означенные часы подарены самимъ Мосальскимъ какой-то женщинѣ. По обстоятельству сему первоначально производила изысканіе сама военносудная коммисія, а потомъ, по разрѣшенію военнаго министра, изслѣдованіе о семъ поручено было с.-петербургскому полицеймейстеру полковнику Полю, при депутатѣ съ военной стороны; но чтобы пропавшіе у князя Николая Мосальскаго часы, во взятіи коихъ обвинялъ онъ Офрейна, подарены были Мосальскимъ какой либо женщинѣ, доказательствъ и никакихъ свѣдѣній о томъ не обнаружено; хотя же при этомъ открылось, что Мосальскій подарилъ золотые часы наѣздницѣ цирка Рахмановой, не совершенно другіе, и гораздо прежде: часы у него пропали изъ квартиры въ исходѣ іюля 1850 года, а другіе часы подарены имъ Рахмановой въ февралѣ того года.

На вопросы при производствѣ сего особаго изслѣдованія, полицеймейстеромъ Полемъ, *поручикъ князь Николай Мосальскій*, подтвердивъ сдѣланный имъ предъ военнымъ судомъ отзывъ, показалъ первоначально, что онъ, по пріѣздѣ изъ С. Петербурга, въ тотъ самый вечеръ, когда пропали у него часы, положилъ ихъ на письменный столъ и затѣмъ *самъ спохватился ихъ*, не найдя на томъ мѣстѣ; но потомъ, измѣнивъ сіе показаніе, объяснилъ, что онъ, Мосальскій, видѣлъ, какъ Офрейнъ, бывши у него

въ тотъ вечеръ, *держалъ въ рукахъ часы* и съ оными ушелъ изъ квартиры его, Мосальскаго. Вслѣдствіе сего разнорѣчія слѣдователь требовалъ, чтобы Мосальскій объяснилъ, когда именно и по какому случаю спохватился онъ своихъ часовъ? На это Мосальскій отвѣчалъ, что онъ прежде прихода къ нему полковника Офрейна, часовъ *не* спохватился — слова эти сказаны имъ Мосальскимъ по ошибкѣ; но что дѣйствительно онъ видѣлъ, какъ Офрейнъ, бывши у него, держалъ часы, и онъ Мосальскій, *послѣ розыска*, не найдя ихъ, вполнѣ убѣдился, что Офрейнъ взялъ ихъ съ собой.—На вопросъ же слѣдователя: почему и для чего князь Николай Мосальскій искалъ своихъ часовъ, тогда-какъ ему было извѣстно, что ихъ взялъ въ виду его полковникъ Офрейнъ — князь Мосальскій отвѣчалъ, что на другой день *дѣйствительно заставлялъ искать часы своего мальчика* и самъ искалъ съ нимъ вездѣ, желая убѣдиться, что часы не находятся въ квартирѣ его; не найдя же ихъ и видя самъ, что Офрейнъ держалъ ихъ, онъ Мосальскій убѣдился, что Офрейнъ взялъ часы съ собой.—Мальчикъ Николай *Поляковъ*, показывавшій въ судѣ, что онъ утромъ послѣ ухода Офрейна отъ Мосальскаго замѣтилъ, что не было часовъ, и что Мосальскій, спохватившись ихъ того же утра, приказывалъ искать въ квартирѣ—при допросѣ во время производства особаго изслѣдованія показалъ, что по уходѣ полковника Офрейна изъ квартиры, князь Николай Мосальскій сказалъ ему, что Офрейнъ взялъ часы, и приказывалъ посмотрѣть, не положилъ ли ихъ Офрейнъ гдѣ-либо въ другой комнатѣ; но онъ Поляковъ часовъ не нашелъ. На другой день утромъ Мосальскій опять приказалъ ему искать часовъ и самъ тоже дѣлалъ; но нигдѣ ихъ не нашли и Мосальскій сказалъ, что вѣрно полковникъ Офрейнъ взялъ ихъ съ собою. При этомъ Поляковъ, спрошенный о причинѣ разнорѣчія сего показанія его съ прежними, отвѣчалъ, что ему неизвѣстно, отъ чего это разнорѣчіе произошло, но что онъ иначе, какъ теперь, показывать не могъ.

Наконецъ слѣдователь обращался къ князю Николаю Мосальскому съ вопросомъ: когда и сколько разъ искалъ онъ или приказывалъ мальчику своему искать часовъ въ своей квартирѣ, т. е. тотчасъ ли по уходѣ Офрейна, или на другой день по утру, и дѣйствительно ли провожалъ Офрейна до передней комнаты, какъ показалъ о томъ упомянутый мальчикъ? На этотъ вопросъ

князь Мосальскій отозвался, что по уходѣ Офрейна изъ комнаты, хотя онъ Мосальскій и видѣлъ, какъ Офрейнъ, держа часы, унесъ ихъ съ собою, но изъ осторожности приказалъ въ тотъ же самый вечеръ своему мальчику, чтобы онъ на другой день утромъ поискалъ часовъ въ сосѣднихъ комнатахъ, полагая, что Офрейнъ взялъ ихъ въ разсѣянности и при выходѣ въ другія комнаты не положилъ ли ихъ куда нибудь. Самъ же онъ, Мосальскій, искалъ часовъ въ тотъ же вечеръ только въ своей комнатѣ, т. е. въ той, гдѣ онъ и Офрейнъ сидѣли, и не найдя часовъ, убѣдился, что Офрейнъ унесъ ихъ. При уходѣ Офрейна, онъ Мосальскій не провожалъ его до передней, а оставался въ своей комнатѣ.

Генералъ-аудиторіатъ, сообразивъ вышеизложенное, нашелъ что подсудимый полковникъ Офрейнъ, проживая въ С. Петербургѣ,—20 декабря 1850 года, въ 6-мъ часу вечера, напалъ неожиданно на князя Кольцова-Мосальскаго, у подъѣзда дома купца Гильденбранта, когда Мосальскій, пріѣхавъ съ женою своею на обѣдъ къ квартировавшему въ томъ домѣ отставному поручику князю Мурузи, вышелъ изъ кареты съ открытою головою, причемъ Офрейнъ нанесъ Мосальскому въ голову ударъ черешневымъ чубукомъ столь сильно, что чубукъ переломился, и Мосальскій, отъ удара сего, причинившаго ему рану на темянной части головы съ сотрясеніемъ мозга, упалъ и нѣсколько времени оставался въ безпамятствѣ. Впрочемъ, принятымъ въ тоже время медицинскимъ пособіемъ, рана эта впослѣдствіи совершенно излечена. По нанесеніи удара, Офрейнъ хотя скрылся за ворота дома, гдѣ случилось это происшествіе, но былъ остановленъ служителемъ Мосальскаго, и тогда же, увидѣвъ Мосальскаго, просилъ у жены его прощенія на колѣняхъ, сказавъ, что онъ причинилъ ударъ Мосальскому ошибочно, сочтя его за брата его, состоящаго при коммисаріатскомъ департаментѣ военнаго министерства, поручика князя Николая Кольцова-Мосальскаго, оскорбившаго честь его, Офрейна. Это показаніе Офрейнъ подтвердилъ и предъ военнымъ судомъ. Причиною ошибки было то, что князь Щ. Кольцовъ-Мосальскій, выѣхавъ изъ дома на обѣдъ къ князю Мурузи, заѣзжалъ къ брату своему Николаю, а когда отправился отъ него, Офрейнъ преслѣдовалъ его, полагая, что это былъ самъ Николай Мосальскій. Обиженный Оф-

рейномъ князь Щ. Мосальскій простилъ ему этотъ поступокъ его. Что же касается до показаннаго полковникомъ Офрейномъ оскорбленія чести его поручикомъ княземъ Николаемъ Кольцовымъ-Мосальскимъ, то по изслѣдованію открылось, что лѣтомъ 1850 года, во время нахожденія Мосальскаго, прикомандированнымъ къ образцовому кавалерійскому полку, онъ проигралъ въ карты Офрейну, состоявшему на службѣ въ томъ же полку командиромъ дивизіона, 250 р. сер., и не уплативъ ему оныхъ, просилъ обождать. 28 іюля того же года Офрейнъ, прійдя ночью въ квартиру князя Николая Мосальскаго въ г. Павловскъ, требовалъ отъ него проигранныхъ денегъ; но Мосальскій также не могъ удовлетворить требованія его, по неимѣнію оныхъ. При этомъ случаѣ, по объясненію Мосальскаго, Офрейнъ взялъ съ письменнаго стола золотые его часы и ушелъ съ оными. Черезъ день, Мосальскій, пригласивъ Офрейна для полученія денегъ, требовалъ, чтобы Офрейнъ возвратилъ часы; но Офрейнъ, утверждая, что часовъ не бралъ, счелъ это клеветою, и вышелъ отъ Мосальскаго, требуя удовлетворенія за оскорбленіе чести. Это на другой день сдѣлалось извѣстно двумъ офицерамъ того же полка: ротмистру Грефентурну и полковнику Крынскому, первому сказалъ объ этомъ случаѣ Мосальскій, прося у него совѣта, какъ поступить, а послѣднему объявилъ самъ Офрейнъ. Впрочемъ, исторія эта кончилась тогда же безъ дальнѣйшей огласки по содѣйствію Крынскаго; князь Николай Кольцовъ-Мосальскій, какъ Офрейнъ и Крынскій объяснили, признавшись въ неосновательности своего подозрѣнія на Офрейна, просилъ у него въ томъ прощенія, а князь Николай Мосальскій утвердилъ, что онъ изъ уваженія къ Крынскому оставилъ это дѣло и далъ честное слово молчать объ ономъ. Впослѣдствіи эта исторія сдѣлалась извѣстна въ полку между офицерами, и полковникъ Офрейнъ, считая, что она разглашена княземъ Николаемъ Кольцовымъ-Мосальскимъ снова требовалъ отъ него удовлетворенія. Мосальскій не согласился на это требованіе его, и Офрейнъ, не прибѣгнувъ къ законнымъ мѣрамъ для обнаруженія истины дѣла, вышелъ въ отставку и искалъ случая отмстить князю Николаю Кольцову-Мосальскому для того, какъ отзывается, чтобы обратить его къ долгу чести, что̀ и исполнилъ, какъ выше изложено, надъ братомъ его, не принимавшимъ никакого участія

въ произшедшей между ними исторіи. При производствѣ дѣла, подсудимый Офрейнъ и полковникъ Крынскій доносили, что часы у Мосальскаго не пропали, а подарены имъ какой-то женщинѣ. Для открытія въ томъ истины употреблены были строгія мѣры: объ этомъ произведено было первоначально изслѣдованіе военно-судною коммисіею, бывшею надъ Офрейномъ, а потомъ, по распоряженію военнаго министра, с. петербургскимъ полиціймейстеромъ Полемъ; но извѣтъ Офрейна и Крынскаго оказался неосновательнымъ: часы дѣйствительно подарены были Мосальскимъ наѣздницѣ цирка Рахмановой, но другіе, за полгода прежде того, какъ пропали часы его въ бытность у него Офрейна. Впрочемъ къ изобличенію его во взятіи этихъ часовъ никакихъ доказательствъ не открылось. Обстоятельство сіе осталось въ точности нераскрытымъ какъ потому, что другихъ лицъ при томъ, какъ Офрейнъ приходилъ къ князю Кольцову-Мосальскому въ то время когда у него пропали часы, не было, такъ и потому, что самъ Офрейнъ не просилъ объ изслѣдованіи сего случая въ свое время, оставивъ оный въ безгласности; подозрѣніе же Офрейна, что Мосальскій, согласившись молчать объ этой исторіи, будто впослѣдствіи самъ разгласилъ оную, совершенно ничѣмъ по изслѣдованію не подтвердилось. По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго полковника Офрейна виновнымъ въ томъ, что онъ, по объявленному лично ему поручикомъ княземъ Николаемъ Кольцовымъ-Мосальскимъ подозрѣнію на него въ уносѣ съ собою пропавшихъ у Мосальскаго изъ квартиры часовъ, не обратился въ тоже время къ начальству съ просьбою объ изслѣдованіи этого случая для открытія невинности своей, даже и тогда, когда эта исторія разгласилась въ полку между офицерами, но требовалъ отъ князя Мосальскаго удовлетворенія противузаконнаго. Когда же Мосальскій на это не согласился, то онъ вышелъ въ отставку, и желая нанести Мосальскому оскорбленіе, чтобы вынудить его дать ему требуемое имъ удовлетвореніе, напалъ насильно на брата его, и ударилъ его чубукомъ по головѣ. А потому генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго полковника Офрейна за таковые поступки, на основаніи свода военныхъ постановленій части V, книги 1, ст. 392 и 426, лишивъ чиновъ, орденовъ и знаковъ отличія, написать въ рядовые и опредѣлить на службу по распоряженію

инспекторскаго департамента. Но опредѣливъ подсудимому Офрейну мѣру наказанія по закону, представить на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества: во 1-хъ, 20-ти лѣтнюю безпорочную и отличную его службу, какъ это доказывается тѣмъ, что онъ послѣдніе три чина получилъ за отличіе по службѣ и притомъ удостоился трехъ орденовъ и другихъ наградъ; во 2-хъ, бытность его въ походахъ и сраженіяхъ противъ мятежныхъ поляковъ, и наконецъ въ 3-хъ, то, что князь Щ. Мосальскій простилъ ему понесенную отъ него тяжкую обиду, что допускается и закономъ, (422 статьею 1 книги V част. св. воен. постановленій). По симъ уваженіямъ всеподданнѣйше ходатайствовать объ оказаніи Офрейну милосердія въ заслуженномъ имъ наказаніи тѣмъ, чтобы его за вышеизложенный самоуправный поступокъ не лишая чиновъ, орденовъ и знаковъ отличія, сверхъ содержанія подъ арестомъ во время производства дѣла въ продолженіи 8-ми мѣсяцевъ выдержать еще въ крѣпости въ казаматѣ три мѣсяца, и потомъ, выславъ изъ С. Петербурга, воспретить ему въѣздъ въ обѣ столицы, равно въ с. петербургскую и московскую губерніи, и оставить подъ надзоромъ полицейскимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изберетъ жительство.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата Государь Императоръ собственноручно написать изволилъ:

«*Быть по сему*. Николай. Луцкъ, 11 сентября 1851 г.»

Не касаясь разсмотрѣннаго генералъ-аудиторіатомъ поступка полковника Офрейна, состоящаго въ нанесеніи кн. Кольцову-Мосальскому удара чубукомъ по головѣ, мы подвергнемъ обсужденію съ юридической точки зрѣнія другой вопросъ: въ какомъ видѣ представляется извѣтъ кн. Николая Кольцова-Мосальскаго о похищеніи у него часовъ полковникомъ Офрейномъ?

Въ семъ отношеніи оказывается, что кн. Мосальскій въ первоначальномъ показаніи своемъ (данномъ на письмѣ), изъяснилъ, что «полковникъ Офрейнъ взялъ фуражку и, *имѣя все часы въ рукахъ, ушелъ*». Крѣпостной мальчикъ кн. Мосальскаго *Поляковъ*, (бывшій въ комнатахъ во время свиданія его съ Офрейномъ), на допросѣ изложилъ, что Мосальскій *провожалъ Офрейна до передней*; тутъ по обыкновенію распростившись, полковникъ ушелъ, а онъ

Поляковъ, подавъ ему шинель, оставался въ той же передней комнатѣ. Мосальскій поутру самъ *спросилъ его о часахъ* и онъ, Поляковъ, сказалъ, что не знаетъ, куда они дѣвались. Послѣ того Мосальскій вмѣстѣ съ нимъ, Поляковымъ, *искалъ часовъ* и не найдя, сказалъ: *вѣроятно* взялъ ихъ полковникъ Офрейнъ.

Изъ сравненія между собою этихъ показаній, оказывается слѣдующее: если кн. Мосальскій видѣлъ, «что полковникъ Офрейнъ, *имѣя все часы въ рукахъ, ушелъ*», и если онъ *провожалъ* его до передней, то онъ не могъ сомнѣваться, что Офрейнъ унесъ часы. Какимъ же образомъ могъ кн. Мосальскій поутру спрашивать Полякова—куда дѣвались часы? и на его отвѣтъ, прибавить—*вѣроятно* взялъ ихъ полковникъ Офрейнъ. Уже это противорѣчіе въ показаніяхъ Мосальскаго и Полякова (обвинителя и свидѣтеля) лишаетъ обвиненіе всякаго юридическаго значенія.

Когда послѣдовало упомянутое показаніе Полякова, то Мосальскій объявилъ, что оно ложно, что онъ Полякова о пропажѣ часовъ *не допрашивалъ* и искать часовъ *не имѣлъ надобности*, ибо видѣлъ, какъ полковникъ Офрейнъ взялъ ихъ съ собою. Но впослѣдствіи Мосальскій измѣнилъ это показаніе, объяснивъ полиціймейстеру Полю, что на другой день *искалъ* съ своимъ мальчикомъ часы, чтобы убѣдиться, что Офрейнъ взялъ ихъ съ собою.

Сверхъ того при слѣдствіи, производимомъ полиціймейстеромъ Полемъ, Мосальскій первоначально показалъ, что до прихода Офрейна самъ спохватился о часахъ, вслѣдъ затѣмъ измѣнилъ это показаніе тѣмъ, «что онъ видѣлъ какъ Офрейнъ *ушелъ отъ него, держа въ рукахъ часы*», наконецъ изложилъ, что «онъ видѣлъ, какъ Офрейнъ, бывши у него, *держалъ* часы, и онъ Мосальскій послѣ розыска, не найдя ихъ, вполнѣ убѣдился, что Офрейнъ взялъ ихъ съ собою» (слѣдовательно онъ не *видѣлъ*, что Офрейнъ съ часами ушелъ изъ его квартиры).

Если сообразить, что Поляковъ (единственный свидѣтель свиданія), былъ крѣпостной человѣкъ Мосальскаго и потому, какъ зависящій отъ него, можетъ быть скорѣе заподозрѣнъ въ пристрастіи къ нему, чѣмъ къ Офрейну, — то первоначальное показаніе Полякова пріобрѣтаетъ большое значеніе. Хотя же впослѣдствіи онъ измѣнилъ его, изъяснивъ: «что тотчасъ по уходѣ Офрейна, Мосальскій сказалъ ему, что Офрейнъ взялъ часы и приказывалъ ихъ искать», но это измѣненіе, по указанной нами причинѣ, не

заслуживаетъ никакого вѣроятія, и противорѣчитъ сверхъ того тому показанію Мосальскаго, что онъ Полякова о пропажѣ не допрашивалъ и искать часы не имѣлъ надобности, ибо видѣлъ, какъ полковникъ Офрейнъ взялъ ихъ съ собою.

И такъ, съ какой точки зрѣнія не обсуживать показанія кн. Николая Мосальскаго, они во всякомъ случаѣ представляются въ составныхъ частяхъ ложными и несообразными.

Если же принять во вниманіе, что Мосальскій имѣлъ поводъ желать отмстить Офрейну вслѣдствіе настоятельнаго требованія у него проигранныхъ имъ денегъ *), если обсудить нелѣпость предположенія, чтобы Офрейнъ на глазахъ у хозяина, состоявшаго его должникомъ на 250 р. с., служившаго подъ его начальствомъ **), и *враждебно* къ нему расположеннаго, открыто похитилъ его часы (что̀ составляетъ уже грабежъ), которыя при продажѣ могли стоить гораздо менѣе должной ему суммы, что это обвиненіе направлено противъ командира дивизіона, человѣка занимающаго уже извѣстное общественное положеніе, о которомъ товарищи отозвались, что въ теченіи всей службы онъ отличался честностью и безукоризненнымъ поведеніемъ, то извѣтъ кн. Мосальскаго получитъ надлежащее значеніе.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что кн. Николай Мосальскій избѣгнулъ уголовной отвѣтственности за ложныя показанія, сопровождающія голословное обвиненіе, только благодаря незнакомству Офрейна съ законами и неумѣнію вести дѣло.

Сверхъ того мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, какія ужасныя послѣдствія имѣетъ обвиненіе самое голословное и самое неправдоподобное, направленное противъ лица, занимающаго извѣстное общественное положеніе, если это лицо вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу обвиненію, боясь огласки, старается замять дѣло. Въ настоящемъ случаѣ, если бы Офрейнъ немедленно послѣ обви-

*) Сверхъ того: 1) изъ показанія Мосальскаго видно, что Офрейнъ послѣ его отвѣта, не взялъ у него 250 р. с. слѣдующихъ ему, 2) извѣтъ о похищеніи у него Офрейномъ часовъ, Мосальскій могъ дѣлать безопасно для себя, имѣя возможность ссылаться на это, какъ на причину почему онъ не принялъ вызова Офрейна.

**) Указавъ на обстоятельства, обвиняющія кн. Мосальскаго, мы должны замѣтить, что считаемъ весьма *неблаговиднымъ* и поступокъ полковника Офрейна, игравшаго въ крупную игру въ карты съ своимъ подчиненнымъ, поступокъ, который имѣлъ для Офрейна столь печальныя послѣдствія.

нения Мосальскаго, самъ потребовалъ назначить слѣдствіе, то *подсудимымъ сдѣлался бы* князь *Мосальскій*, который не только былъ бы удаленъ изъ полка, но и подвергнутъ уголовной отвѣтственности за ложныя показанія, сопровождающія обвиненіе. Вмѣсто этого Офрейнъ отдалъ себя въ руки Мосальскому; онъ проситъ его никому не говорить объ этомъ происшествіи, и такимъ образомъ, когда слухи о пропажѣ часовъ разнеслись по городу, то Офрейнъ уже имѣлъ противъ себя всѣ предположенія, въ силу того взгляда, существующаго къ сожалѣнію, въ обществѣ — что скрываетъ происшествіе тотъ, кто чувствуетъ себя виновнымъ.

Въ заключеніе мы должны обратить вниманіе на благородный поступокъ кн. Щ. Мосальскаго (которому нанесенъ былъ по ошибкѣ ударъ чубукомъ), просившаго о помилованіи Офрейна. Уже одно это показываетъ какую вѣру онъ придавалъ извѣту своего брата и на сколько онъ оправдывалъ въ душѣ своей направленный противъ его брата поступокъ Офрейна, рѣшившагося, за отказомъ Николая Мосальскаго дать ему удовлетвореніе, прибѣгнуть къ противузаконному самоуправству.

О рядовомъ Федоровѣ, сужденномъ за написаніе своею кровью росписки о продажѣ души чорту и за побѣгъ.

Рядовой Федоровъ, состоя въ бѣлицкой конно-этапной командѣ, расположенной въ м. Бѣлицѣ, утромъ 30 апрѣля 1843 г. сдѣлалъ изъ оной самовольную отлучку, а на другой день, т. е. 1 мая, придя въ г. Гродно, самъ явился въ канцелярію таможняго гарнизоннаго баталіона (которому подвѣдомственна означенная команда), и тогда же былъ взятъ подъ арестъ.

При обыскѣ Федорова караульнымъ офицеромъ, найдена у него за обшлагомъ шинели написанная имъ отъ своего имени кровью записка слѣдующаго содержанія:

«Рукописаніе сіе дано въ томъ, что я отрекся уже отъ ма-«тери, отца и родственниковъ всѣхъ своихъ, отъ бѣлаго свѣта «и всего, что есть на ономъ, и матушки сырой земли, отъ Бога «и лица Его, теперь проклинаю Его; а я предался нечистымъ «духамъ, то есть діаволамъ, за деньги и ихъ услуги, срокомъ

«на тридцать лѣтъ, въ чемъ и подписуюсь своею кровью ми-«зинца лѣвой своей руки, апрѣля 22 дня 1843 г. Иванъ Федо-«ровъ руку приложилъ, не Богу, а чорту».

На допросахъ при слѣдствіи и въ судѣ подсудимый Федоровъ, подъ священническимъ увѣщаніемъ, объяснилъ, что слышалъ отъ разныхъ неизвѣстныхъ людеї, что если кто пожелаетъ предаться нечистымъ духамъ и дастъ имъ написанное своею кровью изъ мизиннаго лѣвой руки пальца рукописаніе, то будетъ имѣть все, что только пожелаетъ. Онъ, Федоровъ, имѣя нужду въ деньгахъ, 22 апрѣля 1843 г., въ бытность въ командной канцеляріи, гдѣ онъ находился для переписки бумагъ, обрѣзалъ себѣ бистуріей мизинецъ лѣвой руки до крови и, обмакивая въ кровь перо, написалъ означенную предательную нечистымъ духамъ рукопись и положилъ ее за обшлагъ шинели. Чрезъ семь же дней послѣ сего онъ, Федоровъ, отлучился отъ команды, взявъ съ собою то рукописаніе. Таковую отлучку онъ, Федоровъ, сдѣлалъ оттого, что начальникъ команды, поручикъ Даниловъ, отягощалъ его излишнею противъ прочихъ нижнихъ чиновъ службою, именно: посылалъ его всегда вмѣстѣ съ другими нижними чинами для препровожденія арестантовъ, по прибытіи же въ команду, назначалъ его въ караулъ и кромѣ того занималъ перепискою въ канцеляріи, а за неуспѣшность въ этомъ два раза наказывалъ его розгами, въ первый разъ 25, а во второй 50 ударами и притомъ почти каждый день билъ его по щекамъ, говоря: «лучше бѣги, или утопись». По отлучкѣ изъ команды, онъ имѣлъ намѣреніе идти въ г. Гродно къ баталіонному командиру съ жалобою на поручика Данилова, а потому, по прибытіи туда, на другой день явился въ баталіонную канцелярію, откуда и былъ взятъ подъ арестъ. Къ сему подсудимый присовокупилъ, что не имѣлъ мундира и панталонъ; по какой же именно причинѣ у него не было сихъ вещей, не объяснилъ.

Начальникъ бѣлицкой конно-этапной команды, поручикъ *Даниловъ* отозвался, что подсудимый Федоровъ дѣйствительно былъ наказанъ имъ два раза, въ первый разъ пятью ударами розогъ, за пьянство и неприготовленіе срочныхъ донесеній, а во второй десятью лозанами за замаранье и подчистку шнуровой книги *);

*) Означенныя наказанія въ штрафномъ журналѣ не были записаны.

по щекамъ онъ Федорова также можетъ быть когда нибудь ударилъ за замараніе бумагъ и неаккуратность при письмѣ, но словъ «лучше бѣги, или утопись», никогда не говорилъ ему. Равнымъ образомъ показатель излишнею службою подсудимаго Федора не обременялъ, и Федоровъ для препровожденія арестантовъ посылаемъ былъ только три раза, а въ караулъ назначаемъ былъ весьма рѣдко, по той причинѣ, что занимался письмомъ въ канцеляріи. Причиною же отлучки Федорова, какъ показатель полагаетъ, было то, что у него не было мундирныхъ и смотровыхъ вещей, а онъ, Даниловъ, приказывалъ ему непремѣнно приготовить всё.

Нижніе чины бѣлицкой конно-этапной команды, въ числѣ 17 человѣкъ, подъ присягою показали, что подсудимый Федоровъ, со времени поступленія въ команду, былъ посылаемъ поручикомъ Даниловымъ для препровожденія арестантовъ раза три или четыре, наряжаемъ въ караулъ два или три раза, былъ дневальнымъ по командѣ и въ ночныхъ къ командному цейхгаузу, по очереди, не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, иногда же и ни одного разу. Днемъ же онъ, Федоровъ, когда не былъ на службѣ, всегда занимался въ канцеляріи письменною частію; но билъ ли его когда либо поручикъ Даниловъ по лицу, они не видали, а слышали отъ самого подсудимаго, что его начальникъ команды, за неуспѣшность въ письмѣ, билъ по зубамъ. Розгами же онъ, Федоровъ, точно былъ наказанъ въ 1843 г. два раза, въ первый разъ 15 ударами, не знаютъ за что именно, а въ другой разъ 25 ударами, за неисполненіе какихъ-то бумагъ. Къ сему нижніе чины присовокупили, что Федоровъ не имѣлъ у себя мундирныхъ и смотровыхъ вещей потому, что ихъ ему не было выдано изъ команды *), но поручикъ Даниловъ часто приказывалъ ему, чтобы онъ исправилъ ихъ *отъ себя*. Поведенія Федоровъ всегда былъ хорошаго, ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ и въ пьянствѣ замѣчаемъ не былъ и всѣ служебныя обязанности исполнялъ въ точности, безъ ропота.

Находившійся вмѣстѣ съ подсудимымъ для письма въ канцеляріи фельдшеръ той же команды *Мертъ*, спрошенный по

*) Подсудимый поступилъ въ бѣлицкую конно-этапную команду 22 октября 1842 г., изъ кирасирскаго его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Павловича полка.

ссылкѣ подсудимаго, подъ присягою показалъ, что поручикъ Даниловъ посылалъ подсудимаго для препровожденія арестантовъ, а по возвращеніи, назначалъ его въ караулъ и почти черезъ день въ ночные къ цейхгаузу и дневальнымъ въ сборную избу; кромѣ того Федоровъ ходилъ на ученье всегда вмѣстѣ съ другими нижними чинами. Сверхъ того Даниловъ заставлялъ Федорова переписывать въ канцеляріи разныя бумаги и за неуспѣшность въ письмѣ билъ его весьма часто и почти ежедневно кулаками по лицу и говорилъ притомъ: «бѣги или утопись въ р. Нѣманъ».

На запросъ противъ сего поручикъ Даниловъ отозвался, что онъ узналъ, что подсудимый Федоровъ не имѣлъ у себя мундирныхъ и другихъ вещей, только за нѣсколько дней до побѣга его и когда спросилъ его о томъ, то онъ отвѣчалъ, что всѣ вещи износилъ и хотѣлъ, по полученіи жалованья, исправить ихъ, но вскорѣ засимъ бѣжалъ изъ команды. Прежде же сего ему, Данилову, вовсе не было извѣстно, что у Федорова не было мундира, ибо онъ всегда бывалъ на ученьяхъ въ одеждѣ, которую бралъ у другихъ нижнихъ чиновъ.

Генералъ-аудиторіатъ, по соображеніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, призналъ, что написанная подсудимымъ Федоровымъ записка о преданіи себя нечистымъ духамъ, заключаетъ въ себѣ богохуленіе и покушеніе къ отступленію отъ православной вѣры; но какъ это учинено имъ единственно по легкомыслію и грубому невѣжеству, то, примѣняясь къ 145 и 146 ст. 5 час. свод. воен. постан., опредѣлилъ: Федорова, какъ за сіе преступленіе, такъ и за самовольную отъ команды отлучку, наказать шпицрутенами, прогнавъ чрезъ пятьсотъ человѣкъ одинъ разъ и отослать къ духовному начальству для поступленія съ нимъ по церковнымъ правиламъ, а потомъ обратить на службу во фронтъ, по распоряженію инспекторскаго департамента военнаго министерства. Затѣмъ генералъ аудиторіатъ, принявъ во вниманіе, что начальникъ бѣлицкой конно-этапной команды поручикъ Даниловъ, употребляя подсудимаго Федорова для переписки бумагъ, съ тѣмъ вмѣстѣ посылалъ его на службу наравнѣ съ другими и зная, что онъ, Федоровъ, не имѣлъ у себя мундирныхъ и другихъ казенныхъ вещей, не озаботился объ исправленіи ихъ, а приказывалъ подсудимому исправить тѣ вещи отъ

себя, тогда какъ въ командѣ имѣлись излишнія казенныя вещи отъ выбывшихъ изъ оной нижнихъ чиновъ, опредѣлилъ: Данилова за всѣ сіи упущенія арестовать на мѣсяцъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, съ тѣмъ однакоже чтобы оштрафованіе это не лишало его правъ и преимуществъ, прежнею службою пріобрѣтенныхъ.

Нельзя не пожалѣть о судьбѣ подсудимаго Федорова: подвергаясь, безъ всякой вины съ его стороны, преслѣдованіямъ своего непосредственнаго начальника поручика Данилова, который отягощалъ его черезъ мѣру службою, (назначая его въ караулы и для препровожденія арестантовъ, и сверхъ того, занимая перепискою въ канцеляріи), будучи подвергаемъ (вслѣдствіе невозможности по недостатку времени успѣшно выполнять свои обязанности), наказанію розгами и ударамъ по лицу, не имѣя мундира вслѣдствіе упущеній Данилова, который противузаконно требовалъ, чтобы Федоровъ справилъ мундиръ на свой счетъ, и до такой степени не скрывалъ къ нему своей ненависти, что говорили ему: «бѣги или утопись въ р. Нѣманѣ», (что подтверждено показаніемъ фельдшера Мерта), — Федоровъ, наконецъ долженъ, былъ совершенно потеряться, думая постоянно о томъ, какъ бы выйдти изъ того невыносимаго и тяжелаго положенія, въ которое ввергла его судьба. Сохранивъ, не смотря на знаніе грамоты, дикіе предразсудки и суевѣрія простолюдиновъ, будучи убѣжденъ въ возможности продать свою душу чорту, рядовой Федоровъ рѣшился, чтобы улучшить свое положеніе въ этомъ мірѣ, подвергнуться вѣчнымъ мученіямъ въ загробной жизни. Уже самая рѣшимость эта показываетъ, сколь невыносимы было для Федорова тѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергался. Но видя, что и сдѣлка съ нечистою силою не улучшила его положенія, Федоровъ рѣшился бѣжать, чтобы принести жалобу на Данилова. Вообще замѣчательнаго въ этомъ дѣлѣ то, что грамотность сгубила Федорова; не знай онъ грамоты: а) Даниловъ не могъ бы возложить на него, сверхъ общихъ служебныхъ занятій, переписки по канцеляріи и имѣлъ бы менѣе поводовъ преслѣдовать его, б) Федоровъ не могъ бы написать своею кровью записку, которая судомъ признана была содержащею въ себѣ богохуленіе.

Дѣло о рядовомъ Карпѣ Орловѣ, выстрѣлившемъ (въ припадкѣ помѣшательства) изъ ружья въ церкви.

Кишиневскій архіепископъ 20 іюня 1836 года увѣдомилъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, что 28 іюня того же года, при отправленіи заутрени въ михайловской церкви села Перелетъ, пришедшій въ оную при сумкѣ и съ ружьемъ въ рукахъ рядовой ананьевской инвалидной команды Карпъ Орловъ выстрѣлилъ по направленію къ иконостасу; отъ сего выстрѣла бывшіе въ церкви люди выбѣжали изъ оной сѣверными дверями, а рядовой Орловъ, зарядивъ опять ружье, вторично выстрѣлилъ. Никто изъ бывшихъ въ церкви людей не осмѣлился приступить къ Орлову, исключая пономаря Золотаревскаго, который, замѣтя, что Орловъ въ третій разъ заряжалъ ружье, схватилъ его за руку, обезоружилъ и вывелъ его на дворъ, откуда Орловъ препровожденъ былъ въ г. Балту къ тамошнему коменданту.

Вслѣдствіе сего графъ Воронцовъ 1 августа предписалъ бендерскому коменданту: рядоваго Карпа Орлова судить военнымъ судомъ при бендерскомъ ордонансъ-гаузѣ.

Подсудимый *Орловъ*, бывъ призванъ въ военный судъ, при допросѣ 10 сентября показалъ, что 24 іюня утромъ при восхожденіи солнца одѣвшись на квартирѣ своей въ шинель и всю боевую аммуницію и взявъ 35 патроновъ, пошелъ онъ изъ города Ананьевска, безъ позволенія начальства, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы гдѣ либо разорить церковный иконостасъ, на томъ основаніи, что многіе люди перестали уже вѣровать въ Бога, ибо другъ друга ругаютъ неприличными словами, дерутся и одинъ другаго ненавидятъ. Послѣ трехдневной отлучки, во время которой онъ шатался по разнымъ мѣстамъ въ степяхъ, прибылъ онъ въ село Перелетъ и пошелъ въ церковь, въ коей совершалась тогда въ воскресенье заутреня. Отворивъ штыкомъ двери въ церкви и вошедши въ оную въ шапкѣ и всей боевой аммуниціи, онъ сталъ у дверей, и, ни мало не вслушиваясь въ божественное пѣніе, взявъ ружье на руку, выстрѣлилъ по верхъ

народа въ иконостасъ, отчего бывшіе въ церкви люди испугались и выбѣжали изъ оной; потомъ вторично зарядилъ ружье и опять выстрѣлилъ, но когда въ третій разъ хотѣлъ сдѣлать тоже, то пономарь сей церкви Золотаревскій схватилъ его сзади. Стараясь освободиться отъ пономаря, онъ, Орловъ, схватилъ его въ церкви за волоса, дрался и ругалъ, чтобы тотъ отпустилъ его и далъ ему волю, и если бы освободился изъ рукъ пономаря, то застрѣлилъ бы его; однакожъ пономарь вывелъ его изъ церкви и подлѣ дверей ея повергъ на землю. Бывшіе же тамъ люди, отобравъ отъ показателя ружье и всю боевую аммуницію, оставили на немъ шинель, шапку, рубаху, лѣтніе панталоны и сапоги. Къ сему Орловъ присовокупилъ, что если бы пономарь не помѣшалъ ему, то онъ разстрѣлялъ бы весь иконостасъ, порвалъ бы книги, а потомъ, пробравшись въ г. Балту, и тамъ сдѣлалъ бы тоже.—На передопросъ подсудимый показалъ, что изъ числа 35 патроновъ десять разстрѣлялъ онъ въ полѣ, съ прихоти своей, не убивая однакожъ никого, два выстрѣлилъ въ церкви, одинъ остался заряженнымъ въ ружьѣ, а остальные 22 отобраны отъ него вмѣстѣ съ ружьемъ и боевою аммуниціею. Выстрѣлы же производилъ онъ въ здравомъ разсудкѣ *).

О входѣ рядоваго Орлова въ аммуниціи и съ ружьемъ въ церковь, произведеніи имъ 2 выстрѣловъ въ иконы и объ арестованіи его на мѣстѣ, показали во всемъ согласно съ упомянутымъ объясненіемъ Орлова спрошенные по сему предмету, какъ совершавшіе въ то время въ церкви утреннее богослуженіе: священникъ Добровольскій, дьячекъ Максимовичъ, пономарь Золотаревскій, такъ и бывшіе притомъ поселяне пять человѣкъ, — послѣдніе подъ присягою; нѣкоторые же изъ нихъ добавили, что когда по приказанію священника бросились они къ Орлову схватить его, то онъ, обратясь къ нимъ съ ружьемъ, заложеннымъ штыкомъ, сказалъ: «заколю, куда вы».

Затѣмъ командующій ананьевскою инвалидною командою, 28 іюня увѣдомилъ коммисію военнаго суда, что 25 числа того

---

*) Коммисія военнаго суда, замѣтивъ при допросѣ Орлова, что онъ произносилъ слова, несообразныя съ здравымъ разсудкомъ, и потому предполагая не помѣшанъ ли онъ въ умѣ, опредѣлила: отправить его на нѣсколько времени для испытанія въ тираспольскій военный госпиталь, что̀ и было исполнено.

мѣсяца рядовой Орловъ нарядень былъ, вмѣстѣ съ 13 рядовыми и однимъ унтеръ-офицеромъ въ ананьевскій острогъ для занятія караула, но туда не прибылъ, и по розысканію оказалось, что онъ бѣжалъ, унеся съ собою изъ казенныхъ вещей: шинель, двѣ рубашки, лѣтніе панталоны, фуражку, шапку, галстукъ, ружье со всѣмъ приборомъ, сумку съ перевязью и съ 35 боевыми патронами и портупею.

Между тѣмъ въ коммисіи военнаго суда получено изъ тираспольскаго военнаго госпиталя увѣдомленіе, въ коемъ изложено, что послѣ тридцатидневнаго наблюденія надъ рядовымъ Орловымъ, доктора, судя по объясненію его о безпрестанно перемѣняющемся особенномъ болѣзненномъ чувствованіи то въ головѣ, то въ нижней части живота, при недостаточномъ аппетитѣ, несовершенно исправномъ пищевареніи, при учащенномъ или задержанномъ испражненіи на низъ, заключили, что Орловъ одержимъ ипохондріею, и примѣтили не совсѣмъ здравыя его, по предмету религіи и пороковъ людей, сужденія, показывающія появленіе въ немъ иногда изступленія и помѣшательства. Впрочемъ въ разговорахъ его и обращеніи какъ съ больными, такъ и съ прислугой явнаго помѣшательства ума не оказалось.

Изъ показанія 28 человѣкъ *нижнихъ чиновъ* елисаветградской инвалидной команды, спрошенныхъ подъ присягою, обнаружено, что Орловъ во время нахожденія его въ той командѣ съ іюня 1832 по іюнь 1836 года, иногда препровождая съ нѣкоторыми изъ нихъ арестантовъ, кидался отъ партіи въ сторону, говорилъ самъ съ собою, смѣялся, бѣгалъ отъ нихъ впередъ, или отставалъ сзади саженей на 50 и болѣе, а во время бытности въ караулахъ отлучался иногда самовольно съ постовъ; по смѣнѣ же съ оныхъ прятался иногда въ квартирѣ за трубу, а иногда даже ночью или днемъ отлучался изъ квартиры; но какая была причина таковымъ поступкамъ Орлова, показатели отозвались незнаніемъ. Сумасшедшимъ Орлова они не считали, а полагали, что онъ дѣлалъ все то по глупости или показывался дуракомъ. По сей причинѣ, и такъ-какъ начальство никого изъ нихъ не спрашивало объ Орловѣ, они никому о семъ не докладывали. *Нижніе чины* ананьевской инвалидной команды всего 24 человѣка, спрошенные подъ присягою, изложили, что Орловъ, находясь при сей командѣ всего 24 дня, отлучался иногда днемъ

или ночью въ разныя мѣста, и все это дѣлалъ, какъ они полагаютъ, отъ помѣшательства ума, и вѣроятно по той же причинѣ онъ произвелъ выстрѣлы въ церкви. Впрочемъ по службѣ онъ велъ себя честно и добропорядочно.

Командующій ананьевскою инвалидною командою подпоручикъ *Андрусовъ* отозвался, что по поступленіи въ команду его подсудимаго рядоваго Орлова 1 іюня 1836 года, онъ по 25 того же іюня ни въ какихъ противузаконныхъ поступкахъ замѣченъ не былъ, велъ себя по службѣ какъ слѣдуетъ, а чтобы онъ точно находился въ помѣшательствѣ ума, о томъ при переводѣ Орлова свѣдѣнія къ нему, Андрусову, не сообщено; посему и боевая аммуниція отъ Орлова отобрана не была.—Начальникъ означенной команды маіоръ *Быковъ* отозвался, что онъ подсудимаго рядоваго Орлова въ помѣшательствѣ ума не замѣчалъ, и Орловъ отлучекъ отъ команды не дѣлалъ. Что же касается тѣхъ поступковъ Орлова, кои объяснены въ показаніяхъ рядовыхъ елисаветградской инвалидной команды, то объ оныхъ никто ему изъ старшихъ въ командѣ унтеръ-офицеровъ не докладывалъ, а самъ онъ, по случаю усилившейся съ давняго времени внутренней болѣзни, находясь въ квартирѣ своей безвыходно, не могъ замѣтить душевнаго состоянія Орлова.

Сверхъ того изъ собранныхъ свѣдѣній оказалось, что въ 1835 году Орловъ, будучи командированъ вмѣстѣ съ другими рядовыми елисаветградской инвалидной команды для препровожденія арестантки въ ольвіопольскій острогъ, по одачѣ оной, отсталъ отъ своихъ товарищей, за что, по доставленіи его за карауломъ въ елисаветградскую инвалидную команду, бывшій командиръ оной капитанъ Быковъ наказалъ его 150 ударами розогъ.

Генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что подсудимый рядовой Орловъ 24 іюня 1836 года, будучи наряженъ въ числѣ другихъ нижнихъ чиновъ въ караулъ къ острогу въ г. Ананьевскѣ, отлучился самовольно изъ сего города въ шинели и въ боевой аммуниціи съ 35 патронами и съ ружьемъ; шатался три дни по степи, потомъ зашелъ въ находящуюся въ селѣ Перелетѣ церковь во время богослуженія и, стоя у дверей, выстрѣлилъ изъ ружья въ иконостасъ, отъ чего бывшіе въ церкви люди разбѣжались; Орловъ же, вторично зарядивъ ружье, выстрѣлилъ въ другой разъ, и когда въ третій разъ хотѣлъ сдѣлать тоже, то

былъ взятъ. По производству же дѣла оказалось, что Орловъ давалъ въ судѣ несообразные съ здравымъ разсудкомъ отвѣты. Служившіе вмѣстѣ съ нимъ нижніе чины подъ присягою засвидѣтельствовали о странныхъ его, но безвредныхъ для другихъ, поступкахъ, а два медика тираспольскаго военнаго госпиталя, послѣ 30 дневнаго испытанія въ ономъ подсудимаго Орлова, удостовѣрили, что онъ одержимъ ипохондріею и примѣтны въ немъ по временамъ изступленіе и помѣшательство ума. По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ заключилъ, что подсудимый Орловъ учинилъ вышеозначенное въ церкви преступленіе не иначе, какъ въ припадкѣ сумасшествія, а потому, на основаніи свода законовъ тома XV, ст. 136 и продолженія къ тому тому ст. 137 опредѣлилъ: не вмѣняя въ вину подсудимому Орлову учиненное имъ въ безуміи преступленіе, отправить его въ домъ умалишенныхъ съ тѣмъ, что буде онъ, по пробытіи тамъ узаконеннаго времени, придетъ въ здравый разсудокъ, то перевести его на службу въ другую команду.

Дѣло о рядовомъ Ѳедорѣ Пресняковѣ, сужденномъ за составленіе шайки для грабежа и разбоя.

Рядовой Пресняковъ, бывъ назначенъ къ переводу изъ пензенскаго гарнизоннаго баталіона въ каширскую инвалидную команду, до отправленія въ онную 29-го апрѣля 1838 года, сдѣлалъ третій побѣгъ, и, соединясь съ разнаго званія бѣглецами, производилъ въ саратовской губерніи въ вольскомъ уѣздѣ вооруженною рукою грабежи и разбои, а 24-го сентября того года пойманъ вмѣстѣ съ товарищами въ г. Вольскѣ и отправленъ въ тюремный замокъ.

При допросѣ въ вольскомъ земскомъ судѣ *Пресняковъ* показалъ, что онъ настоящій побѣгъ сдѣлалъ съ намѣреніемъ укрыться отъ службы и производить грабежи; при побѣгѣ унесъ съ собою казенную аммуницію (шинель, фуражку, галстухъ, зимніе панталоны и сапоги), которую бросилъ въ лѣсу, а на мѣсто ея надѣлъ на себя крестьянское платье, ограбленное имъ въ разныхъ деревняхъ. Во время сего побѣга показатель, бродяжничая по лѣсамъ

вольскаго уѣзда, сошелся съ бродягою Сергѣевымъ, а потомъ съ крестьянами графа Орлова-Денисова: Аргуновымъ, Токаревымъ, Осиповымъ, Вавилинымъ, Абрамовымъ, Бединымъ и Крыловымъ, и, бывъ надъ ними въ видѣ атамана, въ вольскомъ уѣздѣ и городѣ Вольскѣ производилъ грабежи, останавливая на дорогахъ, въ домахъ, въ полѣ и плывущихъ по рѣкѣ Волгѣ людей, грабилъ у нихъ деньги и имущество. Послѣ того онъ, Пресняковъ, съ товарищами придя на поле, гдѣ крестьяне убирали хлѣбъ, увели съ собою въ лѣсъ четырехъ женщинъ: Анну, Прасковью, Марью и Агафью, съ которыми показатель и товарищи его въ продолженіи всего времени имѣли прелюбодѣйную связь. Когда же онъ, Пресняковъ, узналъ, что по распоряженію вольскаго начальства на дорогахъ разставлены пикеты, то онъ, собравъ свою шайку и въ ночное время напавъ на караульныхъ, отнялъ у нихъ ружья и пики и отправился вмѣстѣ съ товарищами на ярмарку въ г. Вольскъ, и тамъ остановясь на первомъ постояломъ дворѣ, онъ былъ, неизвѣстно ему какимъ образомъ, узнанъ хозяйкою того двора, которая объявила полиціи, почему онъ и всѣ его товарищи были взяты и отправлены въ вольскій тюремный замокъ. Къ сему подсудимый Пресняковъ присовокупилъ, что онъ и товарищи его, во время производимыхъ грабежей,— смертоубійства и насилія никому не дѣлали, потому что жители или изъ боязни, или по какимъ либо другимъ причинамъ сопротивленій никогда не оказывали, и что при поимкѣ отобраны у нихъ деньги и разнаго рода вещи *).

Товарищи подсудимаго бродяги Сергѣевъ, крестьяне Аргуновъ, Токаревъ, Вавилинъ, Абрамовъ, Евдокимовъ, Бединъ и Крыловъ, подтверждая показаніе Преснякова, присовокупили: Сергѣевъ, что онъ съ давняго времени бродяжничая по разнымъ мѣстамъ, пришолъ въ вольскій уѣздъ и тамъ встрѣтился съ крестьяниномъ Аргуновымъ, который пригласилъ его идти вмѣстѣ съ нимъ въ червявскій лѣсъ и производить грабежи, но, не доходя до онаго, они встрѣтились съ Пресняковымъ, коимъ и были уговорены поступить въ его шайку, а потомъ присоединились къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ. Подъ начальствомъ Преснякова они отнимали у работающихъ людей хлѣбъ и другіе припасы, а когда

*) Отобранные отъ подсудимаго Преснякова и его товарищей деньги и вещи, возвращены по принадлежности лицамъ, коимъ онѣ принадлежали.

шайка увеличилась до пятнадцати человѣкъ, то Пресняковъ, объявивъ себя атаманомъ, сказалъ, чтобы они исполняли всѣ его приказанія.—Вавилинъ, Бединъ, Аргуновъ, и Крыловъ показали, что они бывъ ежедневно обременены господскою работою, сдѣлали изъ мѣста жительства побѣгъ и бродяжничая въ лѣсахъ вольскаго уѣзда, присоединились къ разбойнической шайкѣ, состоявшей подъ начальствомъ рядоваго Преснякова, и подчинивъ себя полному его распоряженію, вмѣстѣ съ нимъ производили грабежи.—*Женщины* же, бывшія въ означенной разбойнической шайкѣ, Анна Ѳедорова, Прасковья Андреева, Марья Степанова, и Агафья Петрова показали, что въ то самое время, когда онѣ убирали на полѣ хлѣбъ, пришли къ нимъ нѣсколько человѣкъ вооруженныхъ разбойниковъ, и взявъ ихъ насильно съ собою въ лѣсъ, приказали имъ участвовать въ грабежахъ. Къ сему Анна Ѳедорова присовокупила, что она вопреки своему желанію принуждена была сдѣлаться любовницею Преснякова и удовлетворять противузаконнымъ его желаніямъ, и что прочія женщины также удовлетворяли непозволительныя желанія другихъ разбойниковъ.

При производствѣ слѣдствія о сдѣланныхъ Пресняковымъ и его товарищами грабежахъ, жители вольскаго уѣзда объяснили: крестьяне Никита Туртаевъ и Ѳедоръ Ивановъ, *первый*—что 10-го августа 1838 года разбойники, придя къ нему въ домъ и не заставъ никого дома, кромѣ одной престарѣлой женщины, которой они въ случаѣ сопротивленія угрожали лишеніемъ жизни, выбрали у него изъ сундуковъ имущество и деньги и неизвѣстно куда скрылись; а *послѣдній*,—что онъ 27-го числа того мѣсяца ѣхалъ съ женою своею изъ г. Вольска, какъ вдругъ на срединѣ дороги его остановили восемь человѣкъ разбойниковъ, ограбили у него разныя вещи, сняли съ жены башмаки и чулки, а съ него Иванова сапоги, и ушли въ лѣсъ; на другой день тѣ восемь человѣкъ, придя ночью къ нему въ домъ, зарѣзали девять овецъ и лошадь и грозили ему, что онъ, Ивановъ, умретъ отъ ихъ рукъ; потомъ означенные разбойники ушли отъ него.

Священникъ д. Чернявки Иванъ *Бѣловъ* объяснилъ, что въ сентябрѣ пришли къ нему въ домъ разбойники (между коими было и четыре женщины), разломали окно въ передней комнатѣ и, войдя въ домъ, разложили на полу огонь; затѣмъ они начали

вынимать изъ сундука вещи; показатель хотѣлъ закричать караулъ, но разбойники ему воспрепятствовали, угрожая лишеніемъ жизни, но въ то самое время, услыхавъ на дворѣ шумъ проходившихъ по улицѣ людей, вышли изъ дому и неизвѣстно куда скрылись.

Крестьяне Архиповъ и Егоровъ объяснили: *Архиповъ*, что сноха его Авдотья Гаврилова увидѣвъ въ сѣняхъ разбойниковъ, хотѣла было закричать караулъ, но одинъ изъ разбойниковъ приставивъ къ груди ея ружье, сказалъ, что если она будетъ кричать, то они ее убьютъ и зажгутъ домъ; потомъ они разломали сундукъ и, вынувъ изъ онаго нѣсколько денегъ и вещи, ушли въ лѣсъ. *Егоровъ*, что 26-го августа былъ онъ на полѣ для уборки сѣна, вдругъ на него напали разбойники, связали ему руки и обрѣзали саблею волосы, а потомъ спросили у него, сколько на пикетѣ караульныхъ, и когда онъ сказалъ, что не знаетъ, то разбойники, причинивъ ему Егорову побои, закричали: «мы пойдемъ и на вашъ пикетъ».

Сызраньскій мѣщанинъ Гаврило *Мещеряковъ* и крестьянинъ Николай *Иличевъ* объяснили, что они, проѣзжая по р. Волгѣ на собственныхъ судахъ изъ Саратова въ Сызрань, недалеко отъ города Вольска остановились, для приготовленія работникамъ обѣдать; чрезъ нѣсколько времени подъѣхали къ нимъ на лодкахъ разбойники, влезли на судна, причинили имъ и работникамъ побои и ограбивъ у Мещерякова деньги, а у Илича деньги и вещи, отправились въ верхъ по рѣкѣ Волгѣ.

Приказчикъ казанскаго купца Егора Ульянова *Барышниковъ* показалъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ работниками отправленъ изъ Астрахани на суднѣ, нагруженномъ сухою рыбою, а 3-го сентября 1838 года доплывъ до вольскаго уѣзда, остановилъ судно для ночлега; внезапно подъѣхали на лодкахъ разбойники, (между коими были и женщины), влезли на судно, и сказавъ «кто будетъ сопротивляться того застрѣлимъ», отняли у него, Барышникова, ключи, взяли изъ сундука деньги и бывшій въ суднѣ товаръ, и неизвѣстно куда скрылись.

Староста д. Кирьяковки крестьянинъ *Екимовъ* объяснилъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ, числа не помнитъ, разбойники придя въ деревню и отыскавъ его, Екимова, и крестьянина Бѣднова, наказали ихъ плетьми, будто бы за то, что они жестоко обращаются съ

крестьянами, причемъ угрожали ему, Екимову, лишеніемъ жизни. Караульщикъ лѣсной дачи Яковъ *Арголъдъ* показалъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ пришли къ нему въ караульную избу разбойники и увѣривъ его, что они не сдѣлаютъ ему никакого вреда, разложили на столѣ деньги и вещи, и одинъ изъ нихъ раздѣливъ оныя между разбойниками на равныя части, далъ ему, Аргольду, полуимперіалъ, и приказалъ купить на оный пороху и дроби и доставить имъ въ лѣсъ; причемъ разбойники грозили ему, что если онъ не исполнитъ ихъ приказанія, то они, придя къ нему въ караульню, убьютъ.

Во время производства слѣдствія, подсудимый Пресняковъ и нѣкоторые изъ его сообщниковъ, а именно: Сергѣевъ, Аргуновъ, Крыловъ и Вавилинъ, содержась въ тюремномъ замкѣ, 16-го октября 1838 года, бывъ выпущены въ ретирадныя мѣста, напали въ корридорѣ на ефрейтора Михайлова и отнявъ у него ключи, нанесли ему жестокіе побои; потомъ, прибѣжавъ въ женскую казарму съ отнятымъ у часоваго ружьемъ и желѣзною полосою, насильно взяли оттуда трехъ женщинъ, сообщницъ ихъ по грабежамъ и двухъ постороннихъ, и приведя въ свою казарму, заперли въ оной двери и производили съ тѣми женщинами блудъ; но прибытіи же караула, разбойники бунтовали. Нѣкоторые изъ бунтовщиковъ спрятались подъ нары, а Пресняковъ и Аргуновъ, стоя по сторонамъ двери, отмахивались отъ караула, и оказывали сопротивленіе, до тѣхъ поръ, пока не были взяты силою и перевязаны *).

По окончаніи изслѣдованія о грабежахъ и разбояхъ, сообщники Преснякова: Сергѣевъ, Аргуновъ, Абрамовъ, Крыловъ, Вавилинъ, Евдокимовъ, Токаревъ, Алексѣевъ и четыре женщины, бывшія въ разбойнической шайкѣ, какъ лица гражданскаго вѣдомства, были суждены уголовнымъ судомъ и по приговору саратовской палаты уголовнаго суда, по наказаніи, сосланы въ Сибирь, а рядовой Пресняковъ, бывъ преданъ военному суду при саратовскомъ

*) За означенное буйство въ тюремномъ замкѣ Пресняковъ и соучастники его преданы были особо военному суду, и по рѣшенію саратовскаго военнаго губернатора наказаны шпицрутенами: Пресняковъ чрезъ тысячу человѣкъ одинъ разъ, а Сергѣевъ, Аргуновъ, Крыловъ и Вавилинъ, чрезъ пять сотъ человѣкъ по одному разу.

гарнизонномъ баталіонѣ, подтвердилъ во всемъ прежнее свое показаніе.

Генералъ-аудиторіатъ, по соображеніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, призналъ подсудимаго рядоваго Преснякова виновнымъ въ третьемъ побѣгѣ и утратѣ казенныхъ аммуничныхъ вещей, въ собраніи разбойнической шайки, коей онъ былъ атаманомъ, въ произведеніи вооруженною рукою многихъ грабежей, въ похищеніи женщинъ и изнасилованіи ихъ; а потому опредѣлилъ: Преснякова наказать шпицрутенами, прогнавъ чрезъ тысячу человѣкъ пять разъ, и потомъ, выключивъ изъ военнаго званія, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. По существующимъ узаконеніямъ высшая мѣра наказанія шпицрутенами опредѣлена не свыше трехъ разъ сквозь тысячу человѣкъ. Только за явное ослушаніе и дерзость противъ начальниковъ, особенно предъ фронтомъ, допускается по закону—назначать свыше сей мѣры, испрашивая на сіе каждый разъ Высочайшее утвержденіе. На семъ основаніи рядовому Преснякову, коего преступленіе не есть дерзость противъ начальства, слѣдовало бы опредѣлить наказаніе не болѣе какъ три раза чрезъ тысячу человѣкъ. Но какъ родъ преступленія сего подсудимаго по важности своей составляетъ случай необыкновенный, требующій для примѣра строжайшаго наказанія, то генералъ-аудиторіатъ, опредѣливъ прогнать его сквозь строй чрезъ тысячу человѣкъ пять разъ, полагалъ: рѣшеніе свое, какъ заключающее въ себѣ изъятіе изъ общаго закона, представить на Высочайшее Государя Императора благоразсмотрѣніе.

На приведеніе сего рѣшенія въ исполненіе послѣдовало 5 іюня 1840 г. Высочайшее соизволеніе.

Дѣло о мичманѣ Николаѣ Славичѣ, сужденномъ за выдачу на морское министерство векселей, по которымъ уплачено болѣе 18 т. руб. сер.

Осенью 1863 года на коммерческомъ кораблѣ «Аальборгъ» былъ отправленъ изъ Кронштадта въ Николаевскъ на Амурѣ казенный адмиралтейскій грузъ, для сопровожденія котораго назначенъ мичманъ Славичъ, а въ помощь ему унтеръ-офицеръ

Дмитріевъ. При отплытіи Славичъ получилъ изъ казны полугодовой окладъ жалованья на подъемъ и сверхъ того на внутреннее и заграничное довольствіе его и Дмитріева выдано ему, по разсчету на полтора года, 3147 р. 58 к. сер. Корабль «Аальборгъ», вышедшій изъ Кронштадта 17 октября 1863 года, потерпѣлъ въ началѣ 1864 года у береговъ Америки поврежденія, вслѣдствіе чего былъ принужденъ зайти въ ближайшій портъ Ріо-Жанейро, куда прибылъ 26 февраля того года и, по негодности къ дальнѣйшему плаванію, сталъ разгружаться. Чрезъ четыре мѣсяца послѣ того, а именно 27 іюня 1864 года, мичманъ Славичъ изъ Ріо-Жанейро донесъ директору коммисаріатскаго департамента морскаго министерства, что по причинѣ дороговизны въ тамошнемъ краѣ и, основываясь на Высочайше утвержденной въ 1856 году табели содержанія для морскихъ чиновъ, командируемыхъ заграницу, онъ расходовалъ 3 ф. стерлинговъ въ сутки и деньги на это получалъ отъ русскаго консула, которому состоитъ должнымъ около 400 фунт. стерлинговъ, а потому просилъ разрѣшить ему содержаніе по означенной табели. Не дождавшись отвѣта на такую просьбу, Славичъ, тремя донесеніями въ морское министерство, отъ 9 іюля, 5 сентября и 24 октября того же 1864 года, увѣдомилъ, что имъ выдано упомянутому консулу три векселя на суммы 3214 р. 28 к., 3354 р. 54 к. и 4000 руб., взятыхъ будто бы на содержаніе свое и унтеръ-офицера Дмитріева, а потому просилъ министерство уплатить по этимъ векселямъ.—Вслѣдъ затѣмъ означенные три векселя были предъявлены въ морское министерство для акцептованія.—Еще до полученія донесенія Славича о выдачѣ имъ послѣдняго векселя было предписано ему отъ имени управляющаго морскимъ министерствомъ отнюдь не брать денегъ на свое содержаніе; когда же онъ увѣдомилъ о векселѣ въ 4000 р., то послѣдовало приказаніе управляющаго морскимъ министерствомъ уплатить по векселямъ изъ суммъ кораблестроительнаго департамента, поставивъ уплаченную сумму долгомъ на мичманѣ Славичѣ, котораго вмѣстѣ съ тѣмъ вытребовать въ С. Петербургъ, а наблюденіе за грузомъ возложить на унтеръ-офицера Дмитріева. Въ то же время, на основаніи предположенія, что деньги по послѣднему векселю въ 4 т. руб. мичману Славичу еще не выданы, сообщено было русскому консулу въ Ріо-Жанейро о томъ,

чтобы означенныхъ денегъ Славичу не выдавать, а употребить ихъ на уплату долговъ сего офицера, если таковые окажутся, и на отправленіе его въ Россію, а также на содержаніе унтеръ-офицера Дмитріева. О такомъ распоряженіи поставленъ былъ въ известность и русскій посланникъ въ Бразиліи, который, уведомляя управляющаго морскимъ министерствомъ о принятыхъ мѣрахъ къ возвращенію мичмана Славича изъ за границы, сообщилъ, что по причинѣ чрезвычайной дороговизны жизни въ Ріо-Жанейро, онъ разрѣшилъ Славичу, вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Дмитріевымъ, содержаніе около 1000 фр. въ мѣсяцъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ этотъ офицеръ велъ себя приличнымъ образомъ и былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ, куда представленъ былъ миссіею и консульствомъ, но впослѣдствіи дошло до него, посланника, свѣдѣніе о сильномъ мотовствѣ мичмана Славича и о томъ, что консулъ Келлеръ выдалъ ему значительно болѣе,—разрѣшенныхъ денегъ и принималъ отъ него векселя на морское министерство; затѣмъ, не смотря на запрещеніе выдавать Славичу еще болѣе денегъ, офицеръ этотъ продолжалъ свое мотовство.—Изъ доставленнаго консуломъ Келлеромъ разсчета, утвержденнаго подписью мичмана Славича, а также изъ другихъ имѣющихся къ дѣлѣ свѣдѣній, видно, что сумма, подлежащая уплатѣ по выданнымъ имъ тремъ векселямъ, составляетъ 10577 р. 11 к., а со включеніемъ частныхъ долговъ Славича, уплаченныхъ консульствомъ, и съ причисленіемъ 1600 франк., выданныхъ ему консуломъ на проѣздъ въ С. Петербургъ, общій итогъ простирается на 18144 р. 12 коп. сер., которые и были уплачены морскимъ министерствомъ разнымъ банкирамъ въ С. Петербургѣ.—Сверхъ того кронштадтскою конторою надъ портомъ, изъ казенныхъ суммъ уплачено по векселю 245 р., выданныхъ консульствомъ унтеръ-офицеру Дмитріеву на содержаніе, слѣдующее ему на дальнѣйшій путь отъ Ріо-Жанейро до Николаевска.

На допросахъ при слѣдствіи и въ военномъ судѣ мичманъ Славичъ, признавая справедливость вышеприведеннаго разсчета, показалъ: 1) что по случаю страшной дороговизны въ Ріо-Жанейро, гдѣ онъ оставался съ 26 февраля 1864 по 5 февраля 1865 года, не имѣя возможности жить на опредѣленное ему денежное довольствіе, при исчисленіи котораго не было разсчитано, что ему

придется жить на берегу, и узнавъ, что лицамъ, находящимся въ командировкѣ за границею для изученія морскаго дѣла, производится содержаніе по табели 1856 года по 3 фунт. стерлинговъ въ сутки, онъ производилъ себѣ такой же окладъ, а состоявшему при немъ унтеръ-офицеру Дмитріеву отпускалъ по $^3/_4$ фунт. въ сутки; 2) что хотя это содержаніе онъ производилъ самовольно, такъ-какъ не имѣлъ формальнаго увѣдомленія о разрѣшеніи ему онаго высшимъ начальствомъ, но частно получилъ извѣстіе объ уплатѣ по его векселямъ, что и ввело его въ заблужденіе о томъ, что суточныя деньги по табели 1856 г. ему разрѣшены; по послѣднему же векселю въ 4000 р. онъ денегъ не получалъ; 3) что онъ не считаетъ себя виновнымъ въ мотовствѣ, но будучи введенъ въ лучшій кругъ общества въ Ріо-Жанейро, принужденъ былъ жить сообразно требованіямъ этого круга, а потому вошелъ въ долги; о разрѣшеніи же ему посланникомъ содержанія по 1000 франковъ въ мѣсяцъ онъ, Славичъ, ничего не зналъ; 4) что изъ числа отпущенныхъ ему при отправленіи съ грузомъ денегъ онъ употребилъ 321 руб. на расходы, хотя по надобностямъ службы, но не положенные въ данномъ ему предписаніи, въ чемъ однако консульскихъ удостовѣреній не имѣетъ; выданную ему изъ коммисаріатскаго департамента шнуровую книгу потерялъ въ Ріо-Жанейро при переѣздахъ на квартиры, а оставшіеся отъ всѣхъ его расходовъ 146 руб. 86 к. издержалъ на свои надобности.—По приведенному въ мнѣніи главнаго командира кронштадтскаго порта исчисленію, мичманъ Славичъ въ продолженіе проживанія своего въ Ріо-Жанейро долженъ былъ израсходовать на свое и унтеръ-офицера Дмитріева содержаніе всего 1834 р. 96 коп. (считая довольствіе по морскому положенію), такъ что ко времени сдачи своей обязанности у него должно было оставаться 505 р. 95 коп., а, какъ за него заплачено 18144 р. 12 к., то за исключеніемъ 400 руб., выданныхъ ему на обратный путь, количество слѣдующаго съ него казеннаго взысканія, при довольствіи по морскому положенію, составляетъ 18250 руб. 2 коп., а если допустить довольствіе въ Ріо-Жанейро по 1000 франковъ въ мѣсяцъ, назначенное ему посланникомъ, то сумма взысканія ограничивается 17385 р. 23 к.

По соображеніи вышеизложеннаго, морской генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго, мичмана Славича, по собственному

его сознанію, виновнымъ: а) въ томъ, что онъ, проживая по надобностямъ службы на берегу въ Ріо-Жанейро, не довольствовался опредѣленнымъ ему заграничнымъ содержаніемъ, а дозволилъ себѣ безъ разрѣшенія начальства получать самому и производить состоящему при немъ унтеръ-офицеру усиленное содержаніе, самовольно причисливъ себя къ первой категоріи лицъ морскаго вѣдомства, командируемыхъ по порученіямъ въ Америку, и хотя донесъ о томъ директору коммисаріатскаго департамента, прося объ исходатайствованіи ему этого содержанія, но не получивъ на это никакого разрѣшенія, взялъ на себя право выдавать на морское министерство векселя; б) въ томъ, что не ограничиваясь деньгами, полученными имъ по векселямъ отъ русскаго консула въ Ріо-Жанейро, онъ, Славичъ, не имѣя никакого состоянія, задолжалъ въ этомъ портѣ частнымъ лицамъ весьма значительную сумму, которая, въ совокупности съ суммою векселей и съ расходами консульства по уплатѣ его долговъ, составила 18144 р. 12 к., зачисленные долгомъ на немъ, Славичѣ; в) въ утратѣ выданной ему на записку прихода и расхода шнуровой книги, въ невозвращеніи въ казну оставшихся у него за всѣми расходами 146 р. 86 коп. сер., причемъ не представлено имъ никакихъ доказательствъ законнаго израсходованія и тѣхъ 321 р., которые онъ показываетъ употребленными по надобностямъ службы. Въ таковыхъ противузаконныхъ дѣйствіяхъ мичмана Славича обнаруживается: 1) превышеніе власти и 2) употребленіе въ свою пользу состоявшихъ въ вѣдѣніи его казенныхъ денегъ, за что Славичъ, на основаніи св. мор. угол. пост. кн. I ст. 95, 290, 292, 357 п. 2 и 361, Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ по морскому вѣдомству 26 іюля 1861 г. № 108 и св. зак. угол. изд. 1857 г. т. XV кн. I ст. 380, 383 и 396 и кн. 2 прилож. къ ст. 358, подлежитъ—лишенію чина и всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, и ссылкѣ на житье въ томскую губернію съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства, въ продолженіи двухъ лѣтъ, и потомъ выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Независимо отъ сего, на пополненіе начтеннаго на Славича взысканія 17335 р. 23 коп., въ двойномъ количествѣ, слѣдуетъ обратить удерживаемое у него съ 1 января 1865 года

половинное жалованье и имущество, какое у него окажется, а недостающее затѣмъ количество принять на счетъ казны.—Но морской генералъ-аудиторіатъ не могъ не принять во вниманіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, ослабляющихъ степень виновности, Славича, а именно: 1) что онъ совершилъ преступленіе въ весьма молодыхъ лѣтахъ (на 23 году), когда легко могъ увлечься и пренебречь благоразумною умѣренностію въ жизни, разсчетливостію въ хозяйствѣ; 2) что онъ, по отзыву посланника, бывъ введенъ въ высшій кругъ общества, первое время велъ себя приличнымъ образомъ и лишь впослѣдствіи сталъ тратить большія деньги, желая, какъ показываетъ самъ, поддержать себя въ помянутомъ кругу; 3) что при командировкѣ отпущено было Славичу морское довольствіе на время плаванія на суднѣ, но о томъ, что по случаю поврежденія корабля онъ принужденъ будетъ жить заграницею на берегу, предусмотрѣно не было, и 4) что совершенное Славичемъ преступленіе, не смотря на всю предосудительность онаго, не представляетъ, при изложенныхъ особенныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ подсудимый находился, столь постыднаго характера и не сопряжено съ столь вредными для службы послѣдствіями, какъ обыкновенное похищеніе казенной собственности. По симъ уваженіямъ морской генералъ-аудиторіятъ, согласно 405 ст. кн. св. мор. угол. пост., считалъ возможнымъ и справедливымъ повергнуть участь подсудимаго Славича Монаршему милосердію, ходатайствуя о смягченіи слѣдующаго ему по закону наказанія тѣмъ, чтобы его, Славича, по лишеніи чина, *исключить изъ службы*, съ обращеніемъ на него денежнаго взысканія на указанномъ выше основаніи.

Положеніе это въ 29 день ноября 1865 года удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Дѣло о баронѣ Местмахерѣ, полковникѣ Потемкинѣ и др., сужденныхъ за выпускъ кораблей съ хлѣбомъ изъ одесскаго порта, вопреки Высочайшимъ повелѣніямъ.

Министръ финансовъ, отношеніемъ отъ 13-го февраля 1854 г., сообщилъ исправлявшему должность новороссійскаго и бес-

сарабскаго генералъ-губернатора генералу отъ инфантеріи Федорову и бывшему начальникомъ одесскаго таможеннаго округа статскому совѣтнику барону Местмахеру Высочайшее повелѣніе, чтобы отпускъ заграницу хлѣба изъ одесскаго и всѣхъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ воспретить до 1-го сентября 1854 г., «съ изъятіемъ изъ сего запрещенія того лишь хлѣба, который уже *нагруженъ* или *нагружается* для отправленія за границу». Это повелѣніе получено было въ Одессѣ 18-го февраля въ 4 часа пополудни. Въ одесскомъ портѣ хлѣбъ, отправляемый заграницу, первоначально ссыпается въ подвозныя лодки и изъ нихъ нагружается въ суда. Въ два дня до полученія Высочайшаго повелѣнія о воспрещеніи дальнѣйшаго отпуска хлѣба за границу, именно 17 и 18-го февраля, пропущено было хлѣба изъ города чрезъ таможню къ нагрузкѣ на суда $48654^1/_2$ четверти *).

Пока производилась нагрузка этого хлѣба, бывшій военный министръ, генералъ-адъютантъ князь Долгоруковъ, отношеніемъ отъ 25-го того же февраля, увѣдомилъ генерала отъ инфантеріи Федорова: «что всѣ суда, находившіяся въ одесскомъ портѣ, нагруженныя и вновь нагружаемыя хлѣбомъ, Высочайше повелѣно *не выпускать* изъ порта и хлѣбъ съ этихъ судовъ свезти обратно въ Одессу».

Объ исполненіи этого повелѣнія, полученнаго въ Одессѣ 4-го марта послѣ полудня, даны были предписанія генераломъ Феровымъ въ 10-ть часовъ ночи начальнику одесскаго таможеннаго округа статскому совѣтнику барону Местмахеру и исправлявшему должность градоначальника статскому совѣтнику Карузо, но ими передано было къ исполненію карантинному правленію, а симъ послѣднимъ капитану надъ портомъ полковнику Потемкину, уже *на другой день утромъ*; между-тѣмъ, до полученія предписанія въ портѣ, купечество и судовщики узнали о

*) Какъ въ Высочайшемъ повелѣніи дозволялось отпустить хлѣбъ, который при полученіи того повелѣнія былъ уже нагруженъ или нагружался, то слово *нагружался* должно было относить собственно къ означеннымъ $48654^1/_2$ четв., нагружавшимся изъ подвозныхъ лодокъ на суда. Но мѣстнымъ начальствомъ отнесено было разрѣшеніе къ нагрузкѣ всей партіи хлѣба, показанной купцами въ подаваемыхъ таможнѣ объявленіяхъ, и потому нагружено было въ суда $101452^1/_2$ четверти.

Высочайшимъ повелѣнія и приняли мѣры къ скорѣйшему отправленію судовъ въ море.

Въ то время, когда получено было полковникомъ Потемкинымъ предписаніе градоначальника, многія суда оставались еще въ гавани и на рейдѣ, продолжая нагрузку хлѣба съ подвозныхъ лодокъ; но по встрѣченному сомнѣнію вслѣдствіе противорѣчій въ предписаніяхъ начальника таможеннаго округа статскаго совѣтника барона Местмахера и исправлявшаго должность градоначальника статскаго совѣтника Карузо, распоряженіе къ задержанію судовъ замедлилось до того, что 59-ть кораблей съ грузомъ хлѣба до 140414 четвер., успѣли уйти въ море и задержано только 14 судовъ, съ которыхъ и выгружено хлѣба 15372 четверти.

Для раскрытія причинъ такого неправильнаго исполненія Высочайшей воли, признано было необходимымъ подвергнуть предметъ этотъ формальному и тщательному изслѣдованію; для сего, вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго 20 іюля 1854 г. положенія комитета министровъ, была учреждена въ Одессѣ особая слѣдственная коммисія подъ предсѣдательствомъ бывшаго новороссійскаго и бессарабскаго генерала-губернатора генерала-адъютанта Анненкова, изъ высшихъ чиновниковъ: корпуса жандармовъ и министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

По всеподданнѣйшему докладу о послѣдствіяхъ изслѣдованія, произведеннаго этою коммисіею, Его Величество, въ 24-й день сентября 1855 года, изволилъ собственноручно написать: «*предать всѣхъ причастныхъ къ сему постыдному дѣлу военному суду, ибо оно происходило въ военное время и по случаю военныхъ обстоятельствъ*».

Главное обвиненіе въ неправильныхъ дѣйствіяхъ по исполненію вышеупомянутыхъ Высочайшихъ повелѣній падало на бывшаго начальникомъ одесскаго таможеннаго округа статскаго совѣтника барона Местмахера и капитана одесскаго карантиннаго порта полковника Потемкина, а также на исправлявшаго должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора генерала отъ инфантеріи Федорова; но генералъ Федоровъ до рѣшенія дѣла умеръ; Местмахеръ же и Потемкинъ были преданы военному суду при одесскомъ ордонансъ-гаузѣ.

По слѣдствію и суду открылось:

а) По обвиненіямъ на подсудимаго *Местмахера*. Местмахеръ обвинялся въ томъ, что онъ по полученіи 18-го февраля 1854 г. Высочайшаго повелѣнія о прекращеніи отпуска заграницу хлѣба, не распространяя сего запрещенія на хлѣбъ, который при полученіи на мѣстѣ означеннаго повелѣнія уже нагруженъ, или *нагружается*, признавая *нагружающимся* хлѣбомъ лишь тотъ, который былъ пропущенъ къ нагрузкѣ на суда чрезъ таможню, сдѣлалъ сообразно сему распоряженіе о прекращеніи дальнѣйшаго пропуска хлѣба изъ города на пристань и донесъ о семъ министру финансовъ; но въ тотъ же день онъ представилъ бывшему главному военному начальнику края генералъ-адъютанту графу Остенъ-Сакену мнѣніе свое о дозволеніи нагружать изъ городскихъ магазиновъ хлѣбъ на суда по количеству, означенному купцами въ поданныхъ, до полученія повелѣнія, объявленіяхъ таможнѣ; когда же таковая догрузка судовъ, простиравшаяся по свѣдѣніямъ, приведеннымъ самимъ же Местмахеромъ въ докладной его запискѣ, до 90668 четв., была разрѣшена графомъ Сакеномъ, то Местмахеръ увеличилъ количество хлѣба къ догрузкѣ на суда до 106409½ четв., т. е. болѣе противу разрѣшеннаго количества на 14962 четв., не спрашивая на это особаго разрѣшенія. Затѣмъ, получивъ ночью съ 4-го на 5-е марта, часу въ 4-мъ, предписаніе генерала Федорова объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія о задержаніи всѣхъ судовъ безъ изъятія, сообщилъ оное портовой таможнѣ утромъ 5 марта въ 10 часу съ такимъ прибавленіемъ: «пріостановить суда, которыя не отошли и не взяли паспортовъ на отходъ заграницу».

При изслѣдованіи по первому обстоятельству о причинѣ, побудившей подсудимаго Местмахера войти съ докладною запискою къ графу Остенъ-Сакену, Местмахеръ объяснилъ, что послѣ сдѣланнаго имъ распоряженія о прекращеніи пропуска хлѣба изъ города чрезъ таможню, къ нему на другой день стали обращаться купцы для убѣжденія его въ томъ, что онъ ошибочно понимаетъ Высочайшее повелѣніе, по смыслу котораго нельзя воспрещать догрузку начавшихъ уже грузиться партій хлѣба; когда же онъ, Местмахеръ, не принялъ этихъ убѣжденій, то купцы обратились съ жалобою къ генераламъ Федорову и Остенъ-Сакену, отъ которыхъ послѣ возвращались снова къ нему, Местмахеру, для сообщенія, что оба генерала не раздѣляютъ

его пониманія Высочайшаго повелѣнія и не одобряютъ его распоряженій, произвольно ограничивающихъ Монаршую милость, дарованную купечеству. Вслѣдствіе сего онъ самъ поѣхалъ къ генералъ отъ инфантеріи Федорову, который и объявилъ, что дѣйствительно не раздѣляетъ съ нимъ пониманія смысла Высочайшаго разрѣшенія и что такого же мнѣнія и генералъ Остенъ-Сакенъ. Поэтому Местмахеръ просилъ генерала Федорова дать письменное разрѣшеніе на измѣненіе сдѣланнаго уже распоряженія, но генералъ Федоровъ предложилъ ему обратиться къ старшему начальнику за письменнымъ разрѣшеніемъ. Послѣ того онъ поѣхалъ къ графу Сакену, который объявилъ ему тоже, что по смыслу Высочайшаго повелѣнія нельзя останавливать догрузки цѣлыхъ партій хлѣба, поручилъ ему составить докладную записку о началахъ, на коихъ должна производиться догрузка. Написавъ требуемую записку, онъ прочиталъ ее генералу Федорову, который вполнѣ ее одобрилъ, дозволивъ надписать на ней, что онъ, генералъ Федоровъ, согласенъ съ изложенными въ запискѣ началами. Написавши согласіе генерала Федорова, онъ повезъ докладную записку къ графу Остенъ-Сакену, который оставилъ ее у себя для просмотра, а чрезъ нѣкоторое время возвратилъ ему съ надписью, разрѣшавшею нагрузку хлѣба по объявленіямъ и съ назначеніемъ окончательнаго срока нагрузки 1 марта; слѣдовательно, на написаніе докладной записки онъ былъ вызванъ генераломъ Федоровымъ и графомъ Остенъ-Сакеномъ, а не самъ возбудилъ вопросъ, какъ понимать Высочайшее повелѣніе.

Спрошенные противъ этого показанія нѣкоторые *купцы*, подтвердили, что дѣйствительно обращались съ жалобою на неправильное пониманіе Высочайшаго повелѣнія къ генералу Федорову и графу Остенъ-Сакену; причемъ первый объявилъ, что будетъ совѣщаться по этому предмету съ графомъ Сакеномъ, а графъ Сакенъ сказалъ, что подумаетъ объ этомъ.

Генералъ отъ инфантеріи *Федоровъ*, подтверждая, что купцы дѣйствительно жаловались ему на запрещеніе догружать суда, объяснилъ, что отвѣчалъ при этомъ просителямъ, что отмѣна распоряженія таможеннаго начальства, если бы оно оказалось неправильно понятымъ, зависитъ отъ высшаго начальства того же вѣдомства, куда и слѣдуетъ имъ обратиться; когда послѣ

того прибылъ къ нему баронъ Местмахеръ, то узнавъ о сдѣланномъ имъ распоряженіи касательно догрузки судовъ, онъ не имѣлъ никакого повода выражать противное тому мнѣніе, а тѣмъ болѣе ссылаться на мнѣніе графа Остенъ-Сакена, съ которымъ во всѣ тѣ дни не видѣлся и, слѣдовательно, не могъ знать, какъ понимаетъ это дѣло генералъ Сакенъ. Направлять же къ нему начальника таможеннаго округа не имѣлъ никакой надобности, ибо если бы нуждался въ совѣтѣ старшаго, то сдѣлалъ бы это не чрезъ словесное сношеніе, въ этомъ дѣлѣ неумѣстное. Хотя въ то время онъ, генералъ Федоровъ, былъ въ болѣзненномъ состояніи, но твердо помнитъ, что ни на другой день, ни въ послѣдующіе дни, баронъ Местмахеръ докладной записки ему не подавалъ и одобренія съ дозволеніемъ надписать на ней, что онъ, генералъ Федоровъ, согласенъ съ изложенными въ ней началами, не получалъ.

Генералъ-адъютантъ *графъ Остенъ-Сакенъ* подтвердилъ, что до 19 февраля, передъ подачею Местмахеромъ докладной записки, не видѣлся съ генераломъ Федоровымъ и не имѣлъ о догрузкѣ судовъ объясненія съ нимъ, ибо въ то время находился въ г. Измаилѣ; (собственно о томъ, видѣлъ ли онъ на докладной запискѣ написанное рукою Местмахера удостовѣреніе, что съ началами, изложенными въ запискѣ согласенъ и генералъ Федоровъ,—объясненія отъ графа Сакена не истребовано. Но въ надписи графа Остенъ-Сакена на запискѣ вовсе не упомянуто объ одобреніи мнѣнія Местмахера генераломъ Федоровымъ, а сказано только, что онъ, графъ Сакенъ, вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ барона Местмахера).

Кромѣ этого обстоятельства, въ улику подсудимому Местмахеру въ томъ, что онъ вошелъ съ представленіемъ къ генералу адъютанту графу Остенъ-Сакену прямо отъ себя помимо генерала Федорова, слѣдователями поставлено было то, что въ докладной запискѣ, поданной генералу Сакену, онъ не только умолчалъ о сдѣланномъ уже имъ предварительно распоряженіи, а также о просьбахъ купечества и объ участіи въ дѣлѣ генераловъ Федорова и Сакена, но напротивъ выразился въ той запискѣ, что онъ относитъ ближе, дарованное въ Высочайшемъ повелѣніи разрѣшеніе, къ полнымъ грузамъ, а не къ части, которая везлась къ догрузкѣ. Подсудимый *Местмахеръ* объяснилъ, что не

помѣстилъ этихъ обстоятельствъ въ запискѣ потому, что вопросъ о догрузкѣ хлѣба былъ обсуждаемъ съ генералами Федоровымъ и Сакеномъ и онъ не находилъ надобности включать въ записку стороннія подробности; докладная записка представлялась имъ не въ видѣ формальной бумаги или ходатайства, но лишь какъ мнѣніе, потребованное отъ него на бумагѣ относительно порядка, которому бы слѣдовало придерживаться таможнѣ при признаніи графомъ Сакеномъ словъ: *хлѣба, который нагружается*, относящимися къ цѣлымъ объявленнымъ партіямъ, начавшимъ грузиться на корабли до полученія Высочайшаго повелѣнія. Безъ приказанія графа Сакена онъ не представилъ бы докладной записки, не имѣя въ виду надобности испрашивать указанія, какъ надлежитъ дѣйствовать, когда онъ, Местмахеръ, уже распорядился съ 19 февраля о прекращеніи пропуска хлѣба чрезъ таможню.—Въ другомъ однако показаніи Местмахеръ объяснилъ, что онъ, при самомъ полученіи предписанія о выпускѣ того только хлѣба, который нагруженъ, или нагружается, встрѣтилъ недоразумѣніе, какъ понимать слово *нагружается* и, сдѣлавъ распоряженіе о прекращеніи дальнѣйшаго пропуска хлѣба чрезъ таможню, все-таки полагалъ, что Высочайшее разрѣшеніе ближе относится къ полнымъ грузамъ, а не къ части, которая везлась къ нагрузкѣ, потому что по законамъ нагрузка судовъ допускается лишь по поданнымъ объявленіямъ; слѣдовательно, если сказано въ разрѣшеніи: «хлѣбъ, товаръ и т. п., который нагружается», и при такомъ выраженіи нѣтъ оговорки, также опредѣляющей смыслъ, то естественно, что тутъ скорѣе надлежитъ понимать весь товаръ, весь хлѣбъ и проч., показанный въ объявленіи, чѣмъ часть его. (Какого рода былъ разговоръ между Местмахеромъ и графомъ Сакеномъ, и по приказанію ли сего послѣдняго подана была докладная записка, объясненіе отъ графа Сакена не истребовано.)

Что же касается того, зналъ ли генералъ Федоровъ о нагрузкѣ судовъ цѣлыми партіями хлѣба, то изъ дѣла видно, что послѣ разрѣшенія графа Сакена подвозка хлѣба на пристань усилилась и продолжалась въ теченіи 8 дней, но генералъ Федоровъ не протестовалъ противъ этого, и когда штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ генералъ-маіоръ Черкесовъ доложилъ ему объ усилившейся нагрузкѣ хлѣба, то генералъ Федоровъ, какъ ска-

зано въ донесенiи Черкесова, отвѣчалъ, что нагрузка дѣлается съ Высочайшаго разрѣшенiя. Самъ генералъ Федоровъ противъ этого не спрошенъ.

Въ отношенiи разрѣшенiя догрузки судовъ хлѣбомъ сверхъ утвержденнаго графомъ Остенъ-Сакеномъ количества и далѣе назначеннаго имъ срока 1 марта—подсудимый Местмахеръ объяснилъ, что цифра количества хлѣба, оставшагося къ догрузкѣ, выставленная въ докладной запискѣ, была приблизительная и взята изъ не повѣренной еще вѣдомости, которую по приказанiю Местмахера составлялъ секретарь его Брацлавскiй, и какъ генералъ-адъютантъ графъ Остенъ-Сакенъ разрѣшилъ догрузку хлѣба, показаннаго въ купеческихъ объявленiяхъ, то онъ Местмахеръ считалъ себя обязаннымъ привести въ точную извѣстность количество хлѣба, которое по документамъ таможни подлежало еще къ отпуску, при допущенiи нагрузокъ на началахъ, изложенныхъ въ докладной запискѣ. При разсмотрѣнiи вслѣдствiе того вѣдомости, составленной Брацлавскимъ и по повѣркѣ ея съ документами таможни, она найдена была невѣрною и потому нагрузка была увеличена до цифры, дѣйствительно значившейся по объявленiямъ. Что же касается до того, что нагрузка судовъ продолжалась и послѣ 1 марта, то мѣстная таможня объяснила, что послѣ сего числа хлѣбъ нагружался въ суда уже изъ подвозныхъ лодокъ, но не былъ пропускаемъ изъ города.

При розысканiи по третьему обстоятельству, о причинахъ несвоевременной *передачи* Местмахеромъ въ портовую таможню *предписанiя* генерала Федорова о задержанiи всѣхъ судовъ съ хлѣбомъ и измѣненiя при этомъ точнаго смысла сообщеннаго ему Высочайшаго повелѣнiя, подсудимый Местмахеръ объяснилъ,—что по отпускной торговлѣ, дѣйствiе таможни въ отношенiи къ кораблямъ прекращается вмѣстѣ съ отправкою въ карантинъ паспорта на отходъ судна; поэтому по документамъ таможни числятся остающимися въ портѣ тѣ лишь суда, кои не получили еще на отходъ паспорта; всѣ же, коимъ паспорты выданы, хотя бы по какимъ либо причинамъ изъ порта не отошли, не считаются болѣе остающимися въ портѣ, а значатся къ отходу отпущенными. Поэтому, по полученiи ночью съ 4 на 5 марта пакета отъ генерала Федорова, который сообщалъ послѣдовавшее Высочайшее повелѣнiе и вмѣстѣ съ тѣмъ изва-

щалъ, что о приведеніи повелѣнія въ исполненіе, предложено отъ него, генерала Федорова, градоначальнику, онъ, Местмахеръ, не предусматривая никакого распоряженія, которое могло бы быть сдѣлано по сему предмету со стороны его, Местмахера, такъ-какъ все дѣйствіе таможни по оному могло заключаться въ невыдачѣ болѣе паспортовъ на суда, получившія грузы хлѣба, и находя поэтому, что всякое со стороны его Местмахера безотлагательное распоряженіе могло бы имѣть послѣдствіемъ разглашеніе дѣла, оставилъ при себѣ бумагу и, уже вечеромъ въ 7 часу, послалъ за секретаремъ своей канцеляріи Брацлавскимъ, который пришелъ къ нему въ 9 часу и, написавъ предписаніе портовой таможнѣ, принесъ къ нему переписаннымъ на чисто. Онъ, Местмахеръ, былъ вообще очень недоволенъ редакціею предписанія и при мѣстѣ, гдѣ сказано «не отошли и не взяли паспортовъ», спросилъ Брацлавскаго, откуда онъ взялъ это? Брацлавскій отозвался, что выраженіемъ этимъ нисколько не измѣняется смыслъ повелѣнія, ибо подъ словомъ не отошли должно понимать суда, взявшія паспорты. Не взвѣсивъ отвѣта, онъ, Местмахеръ, подписалъ бумагу, приказавъ Брацлавскому лично отвезти оную къ управляющему таможнею статскому совѣтнику Соколову и предварить его, что распоряженіе о задержаніи судовъ съ хлѣбомъ относится ко всѣмъ безъ изъятія взявшимъ и не взявшимъ паспорты *).

Секретарь канцеляріи начальника таможеннаго округа титулярный совѣтникъ *Брацлавскій* объяснилъ, что имъ написана была бумага въ томъ смыслѣ, какъ приказалъ баронъ Местмахеръ, который при чтеніи предписанія дѣйствительно спрашивалъ о значеніи словъ, и онъ объяснилъ, что подъ словомъ *не отошли*, разумѣются суда, взявшія паспорты, но не отошедшія отъ порта, ибо по закону ни одно судно не можетъ отойти отъ порта безъ полученія паспорта изъ таможни, а подъ вы-

*) Показаніе подсудимаго Местмахера о томъ, что вліяніе таможни на суда прекращается съ выдачею паспортовъ, противорѣчитъ смыслу предписанія, даннаго имъ портовой таможнѣ, въ которомъ, какъ выше значится, сказано: «пріостановить всѣ находящіяся при портѣ суда, кои нагружены хлѣбомъ, не отошли и не взяли паспортовъ». Изъ существа этихъ словъ слѣдуетъ, что таможня должна была принять мѣры къ задержанію судовъ и она дѣйствительно сдѣлала распоряженіе, сообщивъ предписаніе къ исполненію карантинному правленію.

раженіемъ *и не взяли паспортовъ;* разумѣются всѣ остальныя суда *).

Местмахеръ, (какъ означено выше) приводилъ въ оправданіе свое, что при неясности редакціи, онъ послалъ Брацлавскаго къ управляющему таможнею статскому совѣтнику Соколову, для предупрежденія, что задержанію подлежатъ всѣ вообще суда. Брацлавскій сначала подтвердилъ это, а потомъ на очныхъ ставкахъ съ Соколовымъ и Местмахеромъ объяснилъ, что Местмахеръ поручалъ ему сказать Соколову, чтобы немедленно отправился въ таможню для распоряженія о задержаніи судовъ съ хлѣбомъ. Соколовъ же утверждаетъ, что Брацлавскій при передачѣ предложенія сказалъ ему только, что предложеніе это содержитъ въ себѣ Высочайшее повелѣніе о задержаніи судовъ съ хлѣбомъ. Между тѣмъ по передачѣ означеннаго предписанія карантиннымъ правленіемъ капитану надъ портомъ полковнику Потемкину, сей послѣдній, (какъ онъ объясняетъ), понялъ, что задержать слѣдуетъ только тѣ суда, которыя паспортовъ не получили и, встрѣчая затѣмъ противорѣчіе съ предписаніемъ градоначальника, объявившимъ Высочайшее повелѣніе о задержаніи всѣхъ судовъ безъ исключенія, обратился для разъясненія этого противорѣчія сперва къ управляющему таможнею статскому совѣтнику Соколову, а потомъ вмѣстѣ съ Соколовымъ къ барону Местмахеру; присемъ Местмахеръ замѣтилъ Соколову, что въ бумагѣ его, вмѣсто слова «не взяли», надобно было поставить слово «не выдавать» и приказалъ секретарю Брацлавскому, тутъ же бывшему, исправить эту ошибку, которая поэтому и была исправлена; полковнику же Потемкину Местмахеръ, какъ самъ онъ объясняетъ, объявилъ, что посланная въ таможню бумага, до карантина никакого отношенія имѣть не можетъ, какъ писанная исключительно для дѣйствія таможни, почему, если онъ, Потемкинъ, встрѣчаетъ какое-либо затрудненіе въ исполненіи возложеннаго на него порученія, то долженъ обратиться къ генералъ-губернатору за дальнѣйшими ука-

*) Хотя такимъ образомъ, Брацлавскій даетъ сочиненному имъ предписанію смыслъ, тождественный съ предписаніемъ генерала Федорова, т. е., чтобы задержать всѣ суда безъ изъятія, но представляющіяся въ этихъ выраженіяхъ неточность и неясность признавалъ и самъ Местмахеръ при подписаніи бумаги.

заніями, и Потемкинъ, дѣйствительно отправился къ генералу Федорову.—Бывшій оберъ-аудиторомъ въ штабѣ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, коллежскій ассесоръ Гужва при допросахъ по этому дѣлу между прочимъ объяснилъ, что по городскимъ слухамъ, въ числѣ хлѣба, подлежавшаго задержанію, но выпущеннаго за границу, находилось значительное количество *хлѣба*, принадлежавшаго *самому барону Местмахеру*.

Подсудимый Местмахеръ противъ сего отозвался, что съ пріѣзда своего въ Одессу въ 1844 г., онъ почти ежегодно продавалъ въ значительныхъ партіяхъ пшеницу, табакъ и другія произведенія, доставлявшіяся въ Одессу изъ имѣнія его тещи дѣйствительной тайной совѣтницы Дивовой, состоящаго въ подольской губерніи, но въ 1854 году никакихъ продажъ не заключалъ. Въ какой мѣрѣ это справедливо, въ дѣлѣ свѣдѣній не имѣется.

б) *По обвиненіямъ на подсудимаго Потемкина.* Подсудимый полковникъ Потемкинъ обвиненъ былъ въ томъ, что онъ, получивъ изъ карантиннаго правленія предписаніе исправлявшаго должность градоначальника и портовой таможни, почти одновременно въ 11 часу утра 5 марта, сдѣлалъ распоряженіе согласно предписанію градоначальника о задержаніи всѣхъ судовъ безъ изъятія, а потомъ, для разъясненія допущеннаго въ этихъ предписаніяхъ разнорѣчія, пошелъ сперва къ управляющему таможнею статскому совѣтнику Соколову, потомъ къ барону Местмахеру, а отъ него къ генералу Федорову и, по возвращеніи въ портъ, приказалъ снять поставленныхъ на суда гвардіоновъ и выпустить изъ рейда всѣ суда, имѣвшія паспорты, наконецъ уже въ 6 часу онъ сообщилъ къ исполненію помощнику своему титулярному совѣтнику Слѣжинскому вышеозначенное предписаніе градоначальника о задержаніи всѣхъ судовъ безъ исключенія, но тогда было уже поздно, ибо суда ушли въ море, кромѣ 14 судовъ, которыя и были задержаны.

Полковникъ *Потемкинъ* въ оправданіе свое представлялъ, что получилъ сначала предписаніе карантиннаго правленія, изложенное на отношеніи таможни, и по точному смыслу онаго въ то же время поручилъ помощнику своему титулярному совѣтнику Слѣжин-

скому задержать тѣ только суда съ хлѣбомъ, которыя паспортовъ не получили; когда же получено было имъ, Потемкинымъ, второе предписаніе карантиннаго правленія по предложенію одесскаго градоначальника о задержаніи всѣхъ судовъ безъ исключенія, то онъ, Потемкинъ, хотя въ тоже время словесно сообщилъ Слѣжинскому точное содержаніе этого предписанія, но самую бумагу удержалъ у себя для того, чтобы по причинѣ противорѣчія, заключавшагося въ обоихъ предписаніяхъ, доискаться настоящаго смысла Высочайшаго повелѣнія и поэтому обратился къ тѣмъ лицамъ, чрезъ которыхъ проходили къ нему повелѣнія, именно къ управляющему таможнею и къ начальнику таможеннаго округа, изъ коихъ послѣдній направилъ его къ генералъ-губернатору, и онъ, Потемкинъ, вынужденъ былъ отправиться къ генералу Федорову для положительнаго убѣжденія въ истинномъ смыслѣ повелѣнія и для полученія наставленія и пособія по неимѣнію средствъ къ задержанію судовъ, ибо не могъ не поспѣшить, хотя съ словеснымъ донесеніемъ высшему начальству, что суда приготовились къ выходу съ самаго ранняго утра и остановить ихъ имѣвшимися у него способами не было никакой возможности. По прочтеніи обоихъ предписаній, генералъ Федоровъ словесно приказалъ принять отношеніе таможни за толкованіе, т. е. задержать суда, кои паспортовъ не имѣютъ, а потому по возвращеніи въ портъ онъ, Потемкинъ, сообщилъ Слѣжинскому точныя слова, сказанныя генераломъ, и сообразно сему Слѣжинскій расположилъ свои дѣйствія въ отношеніи судовъ.—Это было во 2 часу пополудни и въ это же время, а не въ 6 часу вечера, онъ отправилъ къ Слѣжинскому и бумагу градоначальника; отчего же и по чьей винѣ не дошла она къ Слѣжинскому своевременно, ему, Потемкину, неизвѣстно.

Противъ показанія полковника Потемкина о первоначальномъ распоряженіи его къ задержанію тѣхъ только судовъ, которыя не получили паспортовъ, возражали помощникъ его титулярный совѣтникъ Слѣжинскій и таможенный чиновникъ Островскій, которые удостовѣряли, что по первоначальному распоряженію Потемкина были приняты мѣры къ задержанію всѣхъ судовъ безъ изъятія, а Слѣжинскій, присовокупилъ, что онъ тогда же взялъ 24 человѣка гвардіоновъ и началъ ставить ихъ на суда, на-

груженныя хлѣбомъ, что удостовѣряли также и означенные нижніе чины *).

Показанія Потемкина о словесномъ разрѣшеніи генерала Федорова принять отношеніе таможни за толкованіе т. е. задержать суда, кои паспортовъ не имѣютъ, генералъ Федоровъ не подтвердилъ, отзываясь, что Потемкинъ, придя къ нему въ полдень, докладывалъ ему только о судахъ, задержанныхъ и ушедшихъ, и на вопросъ его, генерала Федорова, почему не всѣ суда задержаны, отвѣчалъ, что не могъ сего исполнить потому, что таможня распорядилась о выпускѣ всѣхъ судовъ, получившихъ паспорты. Къ уликѣ полковника Потемкина въ томъ, что ему не было дано разрѣшеніе дѣйствовать по отношенію таможни, генералъ Федоровъ представлялъ то, что Потемкинъ въ первоначальномъ объясненіи, отобранномъ отъ него генераломъ Федоровымъ по случаю упуска судовъ, вовсе не упомянулъ объ этомъ разрѣшеніи, тогда какъ непремѣнно долженъ бы былъ это сдѣлать въ огражденіе себя отъ отвѣтственности. Противу сего полковникъ Потемкинъ отозвался, что въ показаніи, данномъ генералу Федорову, ничего не сказалъ объ означенномъ разрѣшеніи вслѣдствіе поспѣшности, съ какою писалъ тогда показаніе, а также отъ того, что показаніе это требовалось генераломъ Федоровымъ для собственнаго лишь его свѣдѣнія **).

---

*) Достовѣрность того, что Потемкину въ то время было извѣстно существо Высочайшаго повелѣнія о задержаніи всѣхъ судовъ, доказывается и тѣмъ, что предписаніе исправлявшаго должность градоначальника, въ которомъ ясно была выражена Высочайшая воля, получено было Потемкинымъ почти одновременно съ отношеніемъ таможни, и какъ градоначальникъ былъ главнымъ начальникомъ Потемкина, то онъ долженъ былъ выполнить буквально предписаніе, отъ него послѣдовавшее. А если бы и дѣйствительно встрѣтилъ какое либо недоразумѣніе или недостатокъ способовъ къ выполненію возложеннаго на него порученія, то ему слѣдовало обратиться не въ таможню, а въ карантинное правленіе, которому онъ непосредственно былъ подчиненъ и отъ котораго получилъ обѣ означенныя бумаги, но онъ, какъ изъ дѣла видно, въ карантинное правленіе не обращался.

**) Изъ собственнаго показанія подсудимаго Потемкина представляется другое обстоятельство къ опроверженію объясненія его по этому предмету, ибо онъ говоритъ, что по возвращеніи отъ генерала часу во 2-мъ, передалъ чиновнику Слѣжинскому отношеніе таможни и въ тоже время отправилъ къ Слѣжинскому и бумагу градоначальника. Это показаніе положительно доказываетъ, что Потемкинъ не имѣлъ разрѣшенія дѣйствовать по отно-

По дѣлу обнаружено, что предписаніе градоначальника получено было Слѣжинскимъ уже въ 6 часу, когда всѣ суда отошли. Потемкинъ, (какъ выше значится) объяснилъ, что не знаетъ, по чьей винѣ предписаніе это не дошло къ Слѣжинскому своевременно. Передавшій же пакетъ Слѣжинскому, рядовой Павловъ, подъ присягою удостовѣрилъ, что получилъ пакетъ въ 5 часовъ вечера отъ унтеръ-офицера Егоренко, а Егоренко объяснилъ, что пакетъ переданъ ему былъ около 6 часовъ вечера самимъ полковникомъ Потемкинымъ.

Противу объясненія полковника Потемкина о недостаткѣ имѣвшихся въ распоряженіи его способовъ къ задержанію всѣхъ судовъ, одесское карантинное правленіе объяснило, что кромѣ находившихся въ распоряженіи Потемкина 3 катеровъ было при одесскомъ практическомъ портѣ три парохода; чиновникъ Слѣжинскій объяснилъ, что при постановкѣ гвардіоновъ на суда и при снятіи ихъ, никакихъ сопротивленій со стороны матросовъ не было и въ усиленіи команды для задержанія судовъ, онъ, Слѣжинскій, не видѣлъ никакой надобности, ибо для этого въ его распоряженіи людей было достаточно.

Кромѣ того бывшій оберъ-аудиторъ штаба новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, коллежскій ассесоръ Гужва, при спросахъ объяснилъ, что по словамъ негоціанта Спандони въ продолженіи ночи, когда было получено Высочайшее повелѣніе о задержаніи судовъ, у управляющаго таможнею Соколова и капитана надъ портомъ Потемкина крѣпко работали. Хотя Спандони не разъяснилъ значенія этихъ словъ, но изъ нѣкоторыхъ его намековъ Гужва заключилъ, что ночныя занятія Соколова и Потемкина состояли въ снабженіи судовъ паспортами задними числами. — Негоціантъ Спандони отозвался, что ничего подобнаго Гужвѣ не говорилъ. Другихъ же подтвержденій тому, чтобы ночью на 5-е марта выдавались паспорты, по дѣлу не открыто.

Между тѣмъ брандвахтенный командиръ поручикъ Ефимовъ показалъ, что днемъ 5 марта выдано имъ было шкиперамъ 14 паспортовъ, изъ коихъ 9 переданы ему были помощникомъ капи-

шенію таможни, ибо тогда не было бы ему надобности передавать Слѣжинскому къ исполненію предписаніе градоначальника, заключавшее въ себѣ распоряженіе о задержаніи всѣхъ судовъ, слѣдовательно несогласное съ словеснымъ приказаніемъ генерала Федорова.

тана надъ портомъ Спасскимъ, а 5 шкиперамъ предъявлены самими шкиперами. Спасскій подтвердилъ, что 5 шкиперамъ доставилъ поспѣшно паспорты на отходъ судовъ поручику [illegible], но доставлялъ эти паспорты до полученія извѣстія о запрещеніи вывоза хлѣба заграницу. Въ удостовѣреніе сказанныхъ показаній, въ книгѣ портовой таможни не показано въ выдачѣ 5 марта ни одного паспорта, хотя же по книгѣ капитана надъ портомъ означено выданныхъ того числа два паспорта, а по тетради брандвахтеннаго командира 14-ть, но эти книги заведены самими ими и велись весьма небрежно съ допущеніемъ значительныхъ противорѣчій; притомъ слѣдствіемъ изслѣдованія открыто, что полученные изъ таможни паспорты предъявляютъ къ капитану надъ портомъ въ то время, когда судно готовится выйти, отъ чего происходитъ разность времени отъ 2 до 5 дней между полученіемъ паспорта изъ таможни и предъявленіемъ оного капитану надъ портомъ. Командиру же брандвахты паспорты предъявляются при отходѣ судовъ для повѣрки людей, на этихъ судахъ находящихся.

Къ дѣлу сему были привлечены прикосновенными (слѣдователями и судомъ) сверхъ главныхъ подсудимыхъ еще слѣдующія лица:

1) Исправляющій должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора генералъ отъ инфантеріи Федоровъ въ томъ, что какъ по первому Высочайшему повелѣнію о пропускѣ за границу того лишь хлѣба, который былъ погруженъ или погружался, такъ и по послѣднему повелѣнію о задержаніи всѣхъ судовъ съ хлѣбомъ, онъ, передавъ ихъ къ исполненію по принадлежности, не принялъ, по важности предмета, особенныхъ мѣръ и не имѣлъ личнаго наблюденія за дѣйствительнымъ и точнымъ исполненіемъ означенныхъ повелѣній. По послѣднему же повелѣнію, о задержаніи судовъ, генералъ Федоровъ не принялъ надлежащей предосторожности къ сохраненію повелѣнія въ тайнѣ и вмѣсто того, чтобы тотчасъ предписать инспектору карантина и капитану надъ портомъ о немедленномъ задержаніи судовъ, призывалъ къ себѣ разныхъ лицъ мѣстнаго управленія и, объявивъ о полученномъ повелѣніи, обсуждалъ съ ними второстепенные по дѣлу вопросы, а потомъ уже приступилъ къ составленію предписаній мѣстнымъ градскому и таможенному начальствамъ; чрезъ это купечество и судовщики узнали, неизвѣстно отъ кого именно, о

Высочайшемъ повелѣніи и приняли мѣры къ скорѣйшему отправленію судовъ въ море *).—По обвиненію въ недачѣ предписаній карантинному начальству, генералъ Федоровъ оправдывался тѣмъ, что прежде нежели дано было предписаніе исправлявшему должность градоначальника статскому совѣтнику Карузо, онъ призывалъ сего послѣдняго къ себѣ въ квартиру и объявилъ о Высочайшемъ повелѣніи; поэтому на обязанности Карузо лежало дать приказаніе карантину о принятіи надлежащихъ мѣръ; но статскій совѣтникъ Карузо возразилъ, что не былъ у генерала Федорова, и до полученія предписанія его утромъ 5 марта, ничего о Высочайшемъ повелѣніи не зналъ. Къ опроверженію этого показанія, никакихъ доказательствъ по дѣлу не открыто.—Отсутствіе личнаго наблюденія за исполненіемъ Высочайшаго повелѣнія, генералъ Федоровъ оправдалъ болѣзненнымъ его въ то время положеніемъ. Изъ нѣкоторыхъ показаній видно, что генералъ Федоровъ дѣйствительно въ то время былъ болѣнъ, но оффиціальныхъ удостовѣреній о степени болѣзни въ дѣлѣ нѣтъ, всѣ-же письменныя распоряженія сдѣланы непосредственно отъ лица генерала Федорова.

2) Исправлявшій должность одесскаго градоначальника предсѣдатель одесскаго коммерческаго суда, статскій совѣтникъ *Карузо* обвиненъ былъ въ томъ, что подписавъ въ 10 часу утра 5 марта предложеніе одесскому карантинному правленію о задержаніи судовъ съ грузомъ хлѣба по Высочайшему повелѣнію, не наблюлъ лично за точнымъ и немедленнымъ выполненіемъ этого повелѣнія въ карантинѣ, какъ этого требовала экстренность повелѣнія, вызывавшаго для исполненія не обыкновенныхъ, а чрезвычайныхъ мѣръ и средствъ. О причинѣ такого невниманія при исполненіи Высочайшаго повелѣнія, статскій совѣтникъ Карузо не спрошенъ.

3) Бывшій инспекторъ одесскаго центральнаго карантина дѣйствительный статскій совѣтникъ *Врачко*, члены карантиннаго правленія: коллежскій совѣтникъ *Тови*, надворный совѣтникъ *Арпа* и исправлявшій должность помощника инспектора коллежскій ассесоръ *Попандопуло*, привлечены къ суду за то, что при выполненіи Высочайшаго повелѣнія о задержаніи судовъ съ хлѣбомъ, ограничились однимъ лишь формальнымъ сообщеніемъ онаго на

*) Это обстоятельство, при медленности и неточности выполненія данныхъ генераломъ Федоровымъ предписаній, было одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ Высочайшее повелѣніе не выполнено.

бумагъ, не принявъ рѣшительно никакихъ мѣръ или личнаго наблюденія за точнымъ выполненіемъ означеннаго повелѣнія на самомъ дѣлѣ, наконецъ;

4) Правитель канцеляріи одесскаго градоначальства титулярный совѣтникъ *Перекрестовъ*, обвиненъ въ томъ, что онъ, получивъ утромъ 5 марта предписаніе генералъ-губернатора на имя градоначальника, съ изложеніемъ Высочайшаго повелѣнія о задержаніи судовъ съ хлѣбомъ и, узнавъ, что предписаніе это представлено къ нему бывшимъ дежурнымъ по канцеляріи чиновникомъ, несвоевременно, не доложилъ объ этомъ исправлявшему должность градоначальника статскому совѣтнику Карузо; равнымъ образомъ не доложилъ ему и самой бумаги, а передалъ ее, какъ обыкновенную бумагу, къ исполненію въ канцелярію. Къ оправданію своему Перекрестовъ объяснилъ, что онъ распечаталъ и передалъ къ исполненію означенную бумагу на основаніи довѣрія, сдѣланнаго ему прежнимъ градоначальникомъ тайнымъ совѣтникомъ Казначеевымъ, каковаго порядка по канцеляріи не измѣнилъ и статскій совѣтникъ Карузо. —

По симъ обстоятельствамъ, генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что хотя къ обвиненію подсудимыхъ статскаго совѣтника барона Местмахера и полковника Потемкина въ умышленномъ неисполненіи Высочайшихъ повелѣній о прекращеніи выпуска хлѣба изъ одесскаго порта за границу, *положительныхъ доказательствъ не открыто*, но тѣмъ не менѣе они навлекаютъ въ томъ на себя *сильное подозрѣніе* по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

«1) *Баронъ Местмахеръ*, по полученіи перваго Высочайшаго повелѣнія о разрѣшеніи отпуска заграницу того хлѣба, который при полученіи повелѣнія уже нагруженъ или нагружается, для отправленія за границу, совершенно правильно приказалъ не пропускать болѣе хлѣба изъ города за черту таможни, о чемъ тогда же донесъ и министру финансовъ. Но, сдѣлавъ подобное распоряженіе вслѣдъ затѣмъ и помимо непосредственнаго своего начальства, обратился съ докладною запискою къ генералъ-адъютанту графу Остенъ-Сакену, испрашивая въ ней разрѣшенія на такую мѣру, которая противорѣчила собственнымъ его распоряженіямъ. Баронъ Местмахеръ объясняетъ, что сдѣлалъ это по приказанію графа Сакена и съ согласія исправлявшаго должность генералъ-губернатора генерала Федорова, но доказательствъ на

это не представилъ, а напротивъ того генералъ отъ инфантеріи Федоровъ положительно опровергаетъ показаніе его по этому предмету. Хотя же баронъ Местмахеръ и сдѣлалъ на означенной докладной запискѣ собственноручную отмѣтку о томъ, будто бы генералъ отъ инфантеріи Федоровъ согласенъ на предлагаемую имъ мѣру, распространить дозволеніе нагрузки хлѣба на цѣлыя партіи, по которымъ объявленія были поданы, но трудно предположить, чтобы баронъ Местмахеръ при служебной опытности своей не зналъ, что подобная отмѣтка, сдѣланная его рукою, не имѣетъ никакого значенія. Впрочемъ, если толкованіе Высочайшаго повелѣнія по сему предмету послѣдовало, повидимому, безъ вѣдома генерала отъ инфантеріи Федорова, то по всей вѣроятности послѣдствія этого распоряженія не могли остаться ему неизвѣстными, ибо во все время до 1-го марта подвозка хлѣба изъ города продолжалась въ усиленныхъ размѣрахъ, и генералъ Федоровъ не только не протестовалъ противъ этого, но и при докладѣ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ объ усиленіи нагрузки, отозвался, что хлѣбъ нагружается съ Высочайшаго разрѣшенія; поэтому, не безъ основанія можно заключить, что баронъ Местмахеръ дѣйствовалъ неправильно съ согласія генерала Федорова, не выразившаго только этого согласія на бумагѣ изъ предосторожности. 2) О полученіи другаго Высочайшаго повелѣнія о совершенномъ воспрещеніи вывоза заграницу хлѣба и остановкѣ судовъ, уже нагруженныхъ хлѣбомъ, баронъ Местмахеръ, по собственному его показанію, узналъ вечеромъ 4-го марта, бывъ приглашенъ къ генералъ-губернатору для совѣщанія по этому дѣлу, но не только въ то же время не принялъ никакихъ мѣръ для приведенія онаго въ исполненіе, но и получивъ предписаніе генерала отъ инфантеріи Федорова ночью, передалъ оное къ исполненію въ портовую таможню уже на другой день утромъ, и при этомъ дозволилъ себѣ совершенно превратно изложить Высочайшее повелѣніе, предписавъ пріостановить суда, которыя не отошли и не взяли паспортовъ. Подсудимый объясняетъ, что дѣйствія таможни должны были ограничиться лишь невыдачею паспортовъ и что поэтому онъ не торопился сообщеніемъ ей предписанія, полученнаго ночью; въ данномъ же на другой день предписаніи хотя допущена была секретаремъ его Брацлавскимъ неточность выраженій, но оно имѣло только одинъ тотъ смыслъ,

чтобы не выдавать болѣе паспортовъ. Впрочемъ баронъ Местмахеръ въ показаніяхъ своихъ самъ не отвергаетъ, что при подписаніи бумаги, составленной секретаремъ его Брацлавскимъ, онъ замѣтилъ, что Высочайшее повелѣніе прописано неточно, и что, онъ, подписавъ бумагу, поручилъ секретарю лично объяснить управляющему таможнею точный ея смыслъ, но притомъ не приводитъ никакихъ основаній, почему онъ самъ, замѣтивъ ошибочное изложеніе предписанія въ таможню, рѣшился его подписать. Равнымъ образомъ не можетъ быть принято въ уваженіе и объясненіе его о томъ, что онъ не заботился о своевременномъ увѣдомленіи таможни потому будто бы, что всѣ распоряженія по задержанію судовъ выходили изъ круга ея обязанностей, такъ-какъ изъ дѣла усматривается, что предписаніе барона Местмахера не только немедленно было сообщено таможнею къ исполненію карантинному правленію, а оттуда капитану надъ портомъ полковнику Потемкину, но и принято симъ послѣднимъ къ исполненію и послужило предлогомъ, которымъ онъ старался оправдать рядъ неправильныхъ своихъ дѣйствій. 3) Что́ допущенное барономъ Местмахеромъ, при сообщеніи таможнѣ Высочайшаго повелѣнія, дополненіе о невыпускѣ только тѣхъ судовъ, которыя не взяли паспортовъ, не было дѣломъ случайной оплошности, — можетъ отчасти служить доказательствомъ то, что баронъ Местмахеръ, какъ самъ сознался, впослѣдствіи взялъ изъ таможни назадъ свое предписаніе и приказалъ вмѣсто словъ *не взяли*, написать *не выдавать*, что при соображеніи съ редакцію всей бумаги не имѣетъ никакого смысла и обнаруживаетъ лишь намѣреніе сокрыть истину и отклонить отъ себя отвѣтственность за преступленіе. 4) По поводу допущенной въ предписаніи барона Местмахера ошибки, гораздо прежде, чѣмъ нагруженныя хлѣбомъ суда успѣли отойти въ море, къ нему являлись управляющій таможнею Соколовъ и капитанъ надъ портомъ Потемкинъ, испрашивая разрѣшенія о встрѣченномъ ими недоразумѣніи по случаю разности, замѣченной ими въ предписаніяхъ его, барона Местмахера, и исправлявшаго должность градоначальника, который сообщилъ карантинному правленію Высочайшее повелѣніе въ настоящемъ смыслѣ. Но баронъ Местмахеръ, хотя ясно видѣлъ, что поводомъ возникшаго сомнѣнія была непростительная ошибка, замѣченная имъ самимъ даже прежде подписанія имъ увѣдомле-

нія въ таможню, вмѣсто того, чтобы объяснить Потемкину настоящій смыслъ повелѣнія и сознаться предъ нимъ въ ошибкѣ своей, ограничился только выраженіемъ своего удивленія и направилъ его для разъясненія недоразумѣнія къ генералъ-губернатору. 5) Баронъ Местмахеръ, какъ по собраннымъ свѣдѣніемъ оказалось, ежегодно отправлялъ заграницу значительныя партіи хлѣба, принадлежавшаго ему и тещѣ его, Дивовой, а потому, не предполагая даже незаконной сдѣлки съ купцами, могъ имѣть непосредственную выгоду сколько въ неправильномъ толкованіи смысла Высочайшаго повелѣнія въ пользу хлѣбныхъ торговцевъ, столько и въ способствованіи нагруженнымъ хлѣбомъ судамъ отойти отъ порта. Въ производствѣ хлѣбной торговли въ прежніе годы баронъ Местмахеръ сознался, но удостовѣряетъ, что въ началѣ 1854 г., принадлежащаго ему и тещѣ его хлѣба при одесскомъ портѣ не было. Между-тѣмъ бывшій оберъ-аудиторъ штаба новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора коллежскій асессоръ Гужва объясняетъ, что по городскимъ слухамъ, въ числѣ подлежавшаго задержанію, но выпущеннаго заграницу хлѣба, находилось значительное количество принадлежавшаго барону Местмахеру. Оффиціальныхъ впрочемъ свѣдѣній къ подтвержденію этого показанія въ дѣлѣ нѣтъ.

На *подсудимаго полковника Потемкина*, бывшаго начальникомъ одесскаго карантиннаго порта, упадаетъ сильное подозрѣніе въ умышленномъ неисполненіи Высочайшей воли, потому что Потемкинъ, получивъ въ $10^1/_2$ часовъ утромъ 5-го марта предложеніе одесскаго градоначальника, съ изъясненіемъ Высочайшаго повелѣнія о задержаніи судовъ съ хлѣбомъ, далъ словесное объ этомъ приказаніе помощнику своему, которымъ и были приняты къ тому надлежащія мѣры, а потомъ уже въ полдень, по поводу полученнаго имъ почти въ одно время съ означеннымъ предписаніемъ отношенія таможни, возбудилъ вопросъ: подлежатъ ли задержанію суда, получившія паспорты на отходъ заграницу и, обратясь для разъясненія этого вопроса къ генералъ-губернатору, по возвращеніи отъ сего послѣдняго во 2-мъ часу, приказалъ выпустить получившія паспорты суда, на основаніи словеснаго будто бы распоряженія генерала Федорова. Послѣ же однако, часу уже въ 6-мъ, когда почти всѣ суда ушли изъ порта, прислалъ къ помощнику своему предписаніе градоначальника

о задержаніи всѣхъ судовъ.—Потемкинъ къ оправданіе свое приводитъ, что онъ получилъ сначала отношеніе таможни о задержаніи только тѣхъ судовъ, которыя паспортовъ не имѣютъ, и далъ сообразное сему приказаніе своему помощнику титулярному совѣтнику Слѣжинскому; по полученіи же потомъ предписанія градоначальника о задержаніи всѣхъ судовъ безъ изъятія, считалъ себя обязаннымъ обратиться къ генералу Федорову, какъ для разъясненія противорѣчія въ этихъ двухъ предписаніяхъ, такъ и для полученія наставленія и пособія по недостатку способовъ къ удержанію судовъ, причемъ генералъ Федоровъ приказалъ принять отношеніе таможни за толкованіе. Послѣ объясненія помощнику своему Слѣжинскому объ этомъ приказаніи, онъ тотчасъ послалъ къ нему и предписаніе градоначальника; почему же оно не дошло къ нему въ свое время, не знаетъ.—Но показаніе это опровергается объясненіями чиновника Слѣжинскаго и нижнихъ чиновъ, что по первоначальному приказанію Потемкина приняты были мѣры къ задержанію всѣхъ судовъ, а потомъ вслѣдствіе новаго его приказанія, по возвращеніи отъ генерала Федорова, были сняты съ судовъ гвардіоны и подвергнуты задержанію только тѣ суда, которыя паспортовъ не имѣли. Равнымъ образомъ и генералъ Федоровъ не подтвердилъ сдѣланной на него ссылки полковникомъ Потемкинымъ, и справедливость этого отрицанія доказывается тѣмъ, что если бы дѣйствительно получено было Потемкинымъ разрѣшеніе генерала Федорова задержать только тѣ суда, которыя паспортовъ не имѣютъ, то ему не было уже надобности сообщать къ исполненію предписаніе градоначальника, не допускавшее такого ограниченія. Несвоевременность же передачи этого предписанія чиновнику Слѣжинскому, при другихъ обстоятельствахъ дѣйствій Потемкина, даетъ поводъ заключать, что это сдѣлано имъ было какъ бы нарочно для того, чтобы дать время судамъ къ отходу въ море. Равнымъ образомъ не могутъ быть приняты въ уваженіе оправданія Потемкина, будто бы онъ лишенъ былъ средствъ для удержанія значительнаго числа судовъ, приготовившихся уже отплыть въ море, сколько потому, что онъ объ этомъ недостаткѣ своевременно никому не доносилъ, столько же и потому, что по удостовѣренію слѣдственной коммисіи, въ распоряженіи карантиннаго правленія было въ то время достаточное число нижнихъ

чиновъ и катеровъ, а сверхъ того въ вѣдѣніи генералъ-губернатора состояло три парохода.

Разсматривая дѣйствія подсудимыхъ по исполненію Высочайшихъ повелѣній, генералъ-аудиторіатъ не могъ не убѣдиться, что поводомъ къ допущенію неправильностей послужила невнимательность и крайняя безпечность со стороны высшаго начальства при распоряженіи объ исполненіи означенныхъ Высочайшихъ повелѣній. Исправлявшій должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, генералъ отъ инфантеріи Федоровъ, по полученіи повелѣнія о задержаніи судовъ съ хлѣбомъ, призывалъ къ себѣ разныхъ лицъ мѣстнаго управленія и, объявивъ имъ о Высочайшимъ повелѣніи, обсуживалъ съ ними второстепенные по дѣлу вопросы, а потомъ уже сообщилъ повелѣніе на бумагѣ мѣстнымъ градскому и таможенному начальствамъ, которыя съ своей стороны сообщили оное карантинному правленію, а сіе послѣднее капитану надъ портомъ; но ни генералъ Федоровъ, ни исправлявшій должность градоначальника статскій совѣтникъ Карузо, ни карантинное правленіе, не обратили ни малѣйшаго вниманія, чтобы повелѣніе дѣйствительно и въ точности было исполнено; между тѣмъ купечество вѣроятно отъ кого либо изъ лицъ, бывшихъ у генерала Федорова, узнало о Высочайшемъ повелѣніи, и приняло мѣры къ окончанію догрузки и скорѣйшему отправленію судовъ въ море, въ чемъ и успѣло при отсутствіи наблюденія начальства и неправильныхъ дѣйствіяхъ подсудимыхъ Местмахера и Потемкина. Хотя при совокупности означенныхъ обстоятельствъ почти съ достовѣрностью предположить можно, что Высочайшее повелѣніе о невыпускѣ изъ одесскаго порта нагруженныхъ хлѣбомъ судовъ осталось неисполненнымъ по злонамѣреннымъ видамъ тѣхъ лицъ, на которыхъ было возложено исполненіе онаго, но имѣя въ виду, что согласно ст. 341 книги 2-й военно угол. уст., чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства, генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что подсудимые, по обстоятельствамъ дѣла, не могутъ быть признаны положительно изобличенными въ столь важномъ преступленіи. Но, какъ независимо отъ сего, неисполненіе Высочайшихъ повелѣній, даже по легкомыслію и недостатку вниманія къ столь важной обязанности службы, составляетъ уже преступленіе, предвидѣнное закономъ въ ст. 358 улож. о наказ.

угол. и исправ.; изъ подсудимыхъ же баронъ Местмахеръ, какъ по собственному сознанію, такъ и по обстоятельствамъ дѣла, изобличается въ превратномъ изложеніи Высочайшаго повелѣнія въ данномъ имъ таможнѣ предписаніи, а полковникъ Потемкинъ въ неосновательныхъ распоряженіяхъ и неприведеніи въ исполненіе предписанія непосредственнаго своего начальства подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы оно противорѣчило предписанію таможни, то генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь какъ приведенными статьями, такъ и 342 и 343 ст. 2 кн. воен. угол. уст., опредѣлилъ: 1) подсудимыхъ статскаго совѣтника барона *Местмахера* и полковника *Потемкина*, въ умышленномъ неисполненіи Высочайшихъ повелѣній, по неоткрытію къ изобличенію ихъ въ этомъ положительныхъ доказательствъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи, а за неправильныя дѣйствія по исполненію этихъ повелѣній, доказывающія невниманіе къ своимъ обязанностямъ, на основаніи 358 ст. улож. о наказ. угол. и испр., исключить изъ службы. 2) Генералъ отъ инфантеріи *Федоровъ*, за допущенные имъ весьма важныя упущенія при распоряженіяхъ объ исполненіи означенныхъ Высочайшихъ повелѣній, если бы былъ въ живыхъ, подлежалъ бы по должности новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, на основаніи 1462 и 1580 ст. XV т. св. закон. уголов., верховному уголовному суду; но за смертію его, сужденіе о немъ само собою прекращается. 3) Поступки исправлявшаго должность одесскаго градоначальника статскаго совѣтника *Карузо*, бывшаго инспектора одесскаго центральнаго карантина дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Врачко*, членовъ карантиннаго правленія: коллежскаго совѣтника *Гови*, надворнаго совѣтника *Арпа* и исправляющаго должность помощника инспектора карантина коллежскаго ассесора *Попандопуло*, виновныхъ въ бездѣйствіи власти при исполненіи Высочайшаго повелѣнія о задержаніи судовъ съ хлѣбомъ, предоставить, на основаніи 396 ст. 2 кн. воен. угол. уст., разсмотрѣнію ихъ начальства въ установленномъ законами о подсудности порядкѣ и 4) По дѣлу сему оказываются также виновными: правитель канцеляріи одесскаго градоначальника титулярный совѣтникъ *Перекрестовъ*, въ томъ, что не доложилъ исправлявшему должность градоначальника о несвоевременномъ доставленіи къ нему дежурнымъ чиновникомъ предписанія генералъ-губернатора съ изъясненіемъ Высочайшаго пове-

лѣнія о задержаніи судовъ и самъ не представилъ этого предписанія градоначальнику тотчасъ по полученіи, а передалъ его къ исполненію въ канцелярію, какъ обыкновенную бумагу, и секретарь начальника таможеннаго округа титулярный совѣтникъ *Брацлавскій* въ составленіи, хотя и по приказанію начальника, предписанія отъ имени барона Местмахера въ одесскую портовую таможню, съ изложеніемъ Высочайшаго повелѣнія не въ точномъ ея смыслѣ. Дѣйствія означенныхъ чиновниковъ предоставить также усмотрѣнію гражданскаго начальства.»

О подпоручикѣ Казанцовѣ, сужденномъ за вторичную женитьбу при живой женѣ.

Подпоручикъ Казанцевъ, будучи еще прапорщикомъ, 1 января 1833 года былъ уволенъ на два мѣсяца въ отпускъ въ имѣніе свое смоленской губерніи, вяземскаго уѣзда, въ сельцо Тимохино, но по болѣзни пробылъ въ этомъ отпуску слишкомъ семь мѣсяцевъ, о чемъ въ свое время представилъ медицинское свидѣтельство. Во время этой просрочки, 9 іюля того же года, Казанцевъ безъ дозволенія начальства вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Александрою, дочерью помѣщика юхновскаго уѣзда Варнаховскаго. Бракъ этотъ совершенъ былъ тогоже уѣзда села Никольскаго священникомъ Іоанномъ Можайскимъ съ дьякономъ Сергѣемъ Марковымъ и пономаремъ Соколовымъ (уже умершимъ). При семъ поручителями были и въ обыскной книгѣ росписались: по женихѣ, чиновникъ 14 класса Косовъ, отставной прапорщикъ Мельниковъ и отставной подпоручикъ Шатихинъ, а со стороны невѣсты отставной поручикъ Ладыгинъ, отецъ ея штабсъ-ротмистръ и дядя штабсъ-капитанъ Варнаховскіе. По совершеніи брака подсудимый Казанцевъ, оставя жену свою у отца ея Варнаховскаго, въ августѣ мѣсяцѣ отправился въ баталіонъ и по прибытіи туда о женитьбѣ своей отъ начальства скрылъ.

Спустя полтора года, и именно 18 января 1835 года Казанцевъ подалъ по командѣ рапортъ о дозволеніи ему вступить въ новый бракъ съ дочерью титулярнаго совѣтника Цехана дѣвицею Анною, и, по неизвѣстности о первой его женитьбѣ, получивъ отъ начальства разрѣшеніе, 25 того же января обвѣнчал-

ся съ нею. Послѣ сего чрезъ мѣсяцъ Казанцевъ, бывъ уволенъ по Высочайшему приказу по домашнимъ обстоятельствамъ въ годовой отпускъ, отправился въ юхновскій уѣздъ къ первой женѣ своей, а вторую жену оставилъ въ г. Острогожскѣ у родственника ея, отставнаго подполковника Демидова, взявъ притомъ у Демидова подъ вексель 935 р. и у жены своей 150 р. съ увѣреніемъ, что по приведеніи имѣнія своего въ устройство, возвратится за женою не позже апрѣля мѣсяца.

Но какъ Казанцевъ въ продолженіи пяти мѣсяцевъ не сообщалъ о себѣ никакого извѣстія, то подполковникъ Демидовъ вошелъ съ гражданскимъ начальствомъ въ переписку объ отысканіи его и, открывъ такимъ образомъ о первой его женитьбѣ, донесъ о томъ военному начальству. Предписано было произвести о томъ слѣдствіе, но Казанцевъ по требованію начальства не являлся къ своему батальону и хотя 14 февраля 1836 года далъ командиру смоленскаго гарнизоннаго баталіона подписку о выѣздѣ того же числа, но сего не исполнилъ и просрочилъ сверхъ дозволеннаго ему годоваго отпуска болѣе трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ 25 мая Казанцевъ по распоряженію начальства былъ арестованъ въ г. Вязьмѣ и посредствомъ внутренней стражи доставленъ въ баталіонъ, гдѣ по произведеніи о поступкахъ его изслѣдованія, преданъ военному суду.

Въ слѣдственной коммисіи, равно и въ военномъ судѣ подпоручикъ Казанцевъ объяснилъ, что по увольненіи его въ 1833 году въ отпускъ, дѣйствительно вступилъ онъ въ первый бракъ съ дѣвицею Александрою, дочерью помѣщика юхновскаго уѣзда Варпаховскаго, на что однако разрѣшенія начальства своего не имѣлъ. Бывшіе при бракосочетаніи свидѣтелями со стороны его и невѣсты о томъ, что показатель женится безъ дозволенія начальства, не знали, ибо тесть его помѣщикъ Варпаховскій просилъ о семъ имъ не говорить. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ полкъ изъ отпуска, получивъ отъ сосѣда своего помѣщика Алексѣя Руднева увѣдомленіе о смерти первой жены Александры, показатель о вступленіи съ нею въ бракъ не счелъ уже нужнымъ доводить до свѣдѣнія начальства, а потому 18 января 1835 года, подавъ по командѣ рапортъ о желаніи сочетаться бракомъ съ дочерью титулярнаго совѣтника Цехана, дѣвицею Анною, и получивъ на то разрѣшеніе начальства, тогда вѣнчанъ

былъ съ нею, и сей обрядъ записанъ въ обыскной книгѣ. Письма, коими увѣдомлялъ его помѣщикъ Рудневъ о смерти первой жены, онъ представить не можетъ потому, что оное, какъ не нужное, впоследствіи времени уничтожилъ.

Но помѣщикъ Рудневъ, при слѣдствіи далъ отзывъ, что онъ никакого письма къ подсудимому не писалъ, да и не имѣлъ причины увѣдомлять его ложно о смерти его жены, тогда-какъ она была жива, притомъ подпоручикъ Казанцевъ и письма сего къ дѣлу не представилъ, отзываясь, что будто уничтожилъ оное.

О причинѣ просрочки въ послѣдовавшемъ отпуску болѣе трехъ мѣсяцевъ Казанцевъ объяснилъ, что это произошло оттого, что онъ не имѣлъ средствъ отправиться къ баталіону и хотя просилъ о высылкѣ денегъ на проѣздъ въ счетъ жалованья, но еще до полученія разрѣшенія былъ арестованъ и доставленъ къ командѣ чрезъ внутреннюю стражу.

Сверхъ того когда по доставленіи подсудимаго Казанцева къ баталіону предписано было произвести о поступкахъ его слѣдствіе, то онъ на требованіе его для дачи отвѣтовъ въ коммисію донесъ, что по слабости здоровья явиться не можетъ, но по освидѣтельствованіи найденъ совершенно здоровымъ.

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго подпоручика Казанцева виновнымъ въ томъ, что онъ въ 1833 году, бывъ уволенъ въ отпускъ, женился безъ дозволенія начальства на дочери помѣщика Верпаховскаго и, оставя жену свою у отца ея, уѣхалъ одинъ въ баталіонъ, гдѣ скрывъ о сей женитьбѣ, чрезъ полтора года, подалъ рапортъ о дозволеніи вступить въ новый бракъ, и по неизвѣстности начальству о первомъ его бракѣ, получивъ оное, вторично женился на дочери чиновника Цекана; но вскорѣ по полученіи новаго отпуска, оставя ее, уѣхалъ къ первой женѣ. Сверхъ того Казанцевъ оказался виновнымъ въ просрочкѣ сверхъ дозволеннаго ему годоваго отпуска болѣе трехъ мѣсяцевъ, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ и въ ложномъ рапортованіи себя больнымъ. Посему генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго подпоручика Казанцева за сіи преступленія, и въ особенности за подложное вступленіе во второй бракъ при живой женѣ, на основаніи законовъ, лишивъ чиновъ и дворянскаго достоинства, разжаловать въ рядовые, съ опредѣленіемъ на службу по распо-

ряженію инспекторскаго департамента, а о двукратной незаконной женитьбѣ Казанцева и о расторженіи втораго брака, на основаніи 171 и 172 воинскихъ артикуловъ сообщить духовному начальству для поступленія съ нимъ по церковнымъ правиламъ. На подлинномъ докладѣ собственноручною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Быть по сему». Николай. Царское Село, 11 мая 1839 г.

Дѣло о Еленѣ Семеновой, судимой за членовредительство.

Въ деревнѣ Большой Ябызовой, казанской губерніи, ядринскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ Тимофеевъ жилъ не въ ладахъ со своею женою Еленою Семеновою, которая не повиновалась ему и часто отлучалась изъ дому.—Въ іюлѣ 1847 г., Тимофеевъ, узнавъ, что жена его отправилась къ матери своей въ деревню Бурдалы и опасаясь, чтобы она оттуда куда нибудь дальше не пошла, просилъ сельскаго старосту означенной деревни, сыскавъ ее, представить въ байсубсковское волостное правленіе.— По приведеніи ея туда, она отрубила себѣ часть пальца у руки. При слѣдствіи она показала, что когда оставлена была въ черной избѣ одна, то, раздумавшись о своемъ положеніи и о неудачномъ супружествѣ и воображая, что должна будетъ противъ воли своей и любви поступить къ мужу, рѣшилась отрубить какой либо членъ, и, увидѣвши лежавшій въ сагончѣ топоръ, вынула его оттуда и отрубила у себя на той же сагончѣ мизинецъ, послѣ чего бросила топоръ, а палецъ упалъ въ сагончу.— Поведеніе Семеновой на повальномъ обыскѣ одобрено.

Ядринскій уѣздный судъ нашелся въ большемъ затрудненіи, не видя въ законѣ никакого наказанія за поступокъ Семеновой. Онъ просилъ разрѣшенія у губернскаго правленія, которое передало этотъ вопросъ на предварительное заключеніе губернскаго прокурора. Прокуроръ нашелъ, что случай умышленнаго причиненія себѣ увѣчья, ранъ или инаго повреждения здоровью, лицами, не подлежащими рекрутской повинности, встрѣчается очень рѣдко и предупрежденіемъ его можетъ служить опасеніе каждаго причинить самому себѣ вредъ. Если бы и признано было

нужнымъ, въ видахъ очищенія совѣсти Семеновой, опредѣлить мѣру отвѣтственности за ея поступокъ, то развѣ только предать ее церковному покаянію, по уваженію къ тому, что умышленное причиненіе себѣ увѣчья, ранъ или инаго повреждения здоровью-противно правиламъ христіанской религіи.

Казанское губернское правленіе, признавъ, что дѣломъ Семеновой возбуждается законодательный вопросъ, созвало общее собраніе палатъ.

Общее собраніе губернскаго правленія и палатъ приняло по большинству голосовъ слѣдующее заключеніе: преступленіемъ по I ст. улож. о нак. называется всякое нарушеніе закона, чрезъ которое посягается на неприкосновенность правъ верховной власти и установленныхъ ею властей, или же на право или безопасность общества или частныхъ лицъ; а проступокъ по 2 ст. уложенія есть нарушеніе правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ и общественной или же личной безопасности или пользы. При нанесеніи увѣчья самому себѣ въ одномъ лишь случаѣ нарушаются по закону права общества, а именно при избѣжаніи военной службы, почему оно и преслѣдуется въ этомъ только видѣ, какъ преступленіе. Что же касается до нарушенія чрезъ нанесеніе поврежденія самому себѣ правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ личной безопасности или пользы, то, принимая въ соображеніе, что увѣчье самому себѣ можетъ быть нанесено не иначе, какъ только отъ неосторожности или же въ минуту чрезвычайнаго разстройства или затмѣнія разсудка, нельзя считать такое дѣяніе преступленіемъ или проступкомъ. Такъ-какъ проступокъ крестьянки Семеновой не составляетъ по закону ни преступленія, ни проступка, то онъ не долженъ подлежать никакому наказанію, слѣдовательно сомнѣніе или недоразумѣніе ядринскаго уѣзднаго суда въ законѣ, на основаніи котораго должно быть опредѣлено наказаніе, не можетъ имѣть мѣста.

Съ этимъ заключеніемъ не согласился предсѣдатель казенной палаты, поддерживаемый прочими членами этой же палаты. Содержаніе мнѣнія предсѣдателя было слѣдующее: при обсужденіи настоящаго случая надобно обращать вниманіе не на самое только дѣйствіе, но и на побудительныя къ нему причины. По духу уголовнаго права, поступокъ Семеновой можетъ и

долженъ быть признанъ преступленіемъ, подлежащимъ наказанію тогда, когда побужденія были преступны, или когда съ онымъ сопряжено нарушеніе какихъ либо правъ. Изъ дѣла видно, что Семенова отрубила себѣ палецъ, не желая возвратиться къ нелюбимому ею мужу. Если признать одно это побужденіе за дѣйствительную причину поступка Семеновой, то поступокъ сей, нарушая обязанности ея къ мужу, опредѣленныя 109 и 110 ст. X т. св. зак. гражд. (изд. 1842 г.), обращается въ проступокъ, обсужденіе коего впрочемъ, не относясь до суда свѣтскаго, исключительно принадлежитъ суду духовному, вѣдающему дѣла о взаимныхъ между супругами неудовольствіяхъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но если кромѣ выставляемой Семеновою причины, она руководилась и другими побужденіями, то и тогда поступокъ этотъ не можетъ быть оставленъ безъ наказанія, ибо онымъ Семенова нарушила съ одной стороны первобытное право человѣка, т. е. право самосохраненія, воспрещающее умышленное повреждение своего здоровья, а съ другой обязанности свои къ обществу, поелику изувѣченіемъ себя въ большей степени она могла сдѣлаться неспособною ни къ какимъ работамъ слѣдовательно обратиться въ тягость не только семейству, но и обществу. Предсѣдатель полагалъ, что Семенова подлежитъ наказанію исправительному; что же касается до опредѣленія самаго наказанія, то, руководствуясь 155 ст. улож., онъ считалъ ближайшими къ проступку Семеновой наказанія, положенныя въ 2032 ст. улож. за нанесеніе другому раны или поврежденія здоровью.

Въ правительствующемъ сенатѣ (1 отд. 6 деп.) раздѣлились голоса: двѣ особы полагали, не приступая къ рѣшенію вопроса о наказаніи женщинъ за членовредительство, дать знать губернскому правленію, что настоящее дѣло должно быть рѣшено на точномъ основаніи 164 ст. уложенія. Двѣ другія особы полагали забрать предварительно справки о томъ, не было ли прежде случаевъ, подобныхъ настоящему и чѣмъ они разрѣшены.

Въ согласительномъ своемъ предложеніи оберъ-прокуроръ 1 отдѣленія 6 департамента находилъ, что уѣздному суду не слѣдовало безъ постановленія своего заключенія входить съ представленіемъ въ губернское правленіе, а правленію принимать это дѣло къ своему разсмотрѣнію и тѣмъ выводить его изъ,

установленнаго порядка, и что подобное допущеніе можетъ подать поводъ низшимъ судебнымъ мѣстамъ во всякомъ дѣлѣ и на всѣ дѣянія человѣческія испрашивать закона къ напрасному и преждевременному обремененію высшихъ мѣстъ и къ проволочкамъ дѣлъ.

Дѣло перенесено въ общее собраніе московскихъ департаментовъ сената, которое въ своемъ окончательномъ опредѣленіи, согласно предложенію г. министра юстиціи, принявъ въ соображеніе, что въ дѣйствующихъ законахъ не содержится никакихъ постановленій о наказаніи лицъ женскаго пола за членовредительство и что въ 102 ст. улож. о наказаніяхъ постановлено именно, «наказанія за преступленія и проступки опредѣляются не иначе, какъ на точномъ основаніи постановленій закона», опредѣлило: возбужденному вопросу о наказаніи женщинъ за членовредительство не давать хода въ законодательномъ порядкѣ, а ограничиться предписаніемъ по настоящему дѣлу казанскимъ судамъ рѣшить его немедленно по прочимъ предметамъ обвиненія крестьянки Семеновой, на основаніи существующихъ законовъ.

Дѣло о помѣшательствѣ и смерти несовершеннолѣтней фигурантки московскихъ театровъ Авдотьи Аршининой *).

Московскій оберъ-полиціймейстеръ, по дошедшимъ до него слухамъ о томъ, что неслужащій дворянинъ князь Борисъ Че—кій лишилъ невинности фигурантку Аршинину, отчего она потеряла разсудокъ, поручилъ 11 января 1847 г. приставу срѣтенской части сдѣлать о томъ секретное дознаніе. Въ исполненіе сего приставъ 13 января донесъ секретно оберъ-полиціймейстеру, что князь Борисъ Че—кій, познакомившись, чрезъ посредство актера Сахарова, съ дочерью театральнаго музыканта

*) Дѣло это было напечатано подъ названіемъ: «уголовный процессъ по дѣлу Горской» въ «юридическомъ журналѣ» П. Салманова (янв. 1861 г. стр. 204), но не окончено и изложено крайне неудовлетворительно, такъ-какъ къ обстоятельствамъ дѣла безпрестанно примѣшиваются субъективныя размышленія автора, прерывающія нить разсказа (см. упомянутый журналъ).

Аршинина, Авдотьею 17-ти лѣтъ, дѣлалъ ей значительные подарки и наконецъ далъ за невинность ея 10000 руб.; что 29 декабря 1846 г., Аршинина уѣхала съ княземъ Че—кимъ къ нему на квартиру, гдѣ онъ и лишилъ ее невинности, а 1 января 1847 г., рано утромъ она привезена была къ отцу уже сумасшедшею и больною. Въ домѣ отца ея пользовалъ ее докторъ Тихановичъ, а 5 числа перевезли ее въ больницу.—Вскорѣ послѣ сего и именно 19-го января директоръ терапевтической клиники докторъ Варвинскій донесъ, что Аршинина принята была въ больницу 5-го января въ припадкахъ остраго помѣшательства ума, сопряженнаго съ воспалительнымъ состояніемъ въ нижней части живота; отъ сей болѣзни она была пользована, но 18-го января въ 7 часовъ утра умерла.

Московскій военный генералъ-губернаторъ, по донесенію оберъ-полицiймейстера, сдѣлалъ 27-го января распоряженіе о производствѣ о семъ слѣдствія; между тѣмъ князь Че—кій съ 16-го января арестованъ на гауптвахтѣ. По дѣлу сему было произведено три изслѣдованія: первое,—по распоряженію генералъ-губернатора капитаномъ Бибиковымъ въ январѣ и февралѣ 1847 г.; второе—вслѣдствіе объявленнаго графомъ Орловымъ Высочайшаго повелѣнія, полковникомъ княземъ Щербатовымъ въ апрѣлѣ того же 1847 г., и третье—вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго 20 марта 1850 г. мнѣнія государственнаго совѣта статскимъ совѣтникомъ Коваленскимъ въ октябрѣ 1851 г.

По медицинскимъ изслѣдованіямъ обнаружено: 1) по наружному осмотру тѣла умершей, учиненному 20 января 1847 г. штабъ-лекаремъ Гульковскимъ, оказалось: на большихъ и малыхъ губахъ наружныхъ дѣтородныхъ частей желтовато-сѣрая засохшая слизь въ значительномъ количествѣ, большія губы разверсты, края малыхъ губъ почернѣли, нижняя спайка оныхъ разорвана линій на 6-ть и очень красна, дѣвственная плева разорвана, входъ въ предматочникъ расширенъ; другихъ знаковъ насилія или поврежденій на головѣ, лицѣ и всемъ ея тѣлѣ никакихъ нѣтъ. По разрѣзѣ предматочника оказалось: сильное воспаленіе, глубоко проникающее въ оболочки онаго, покрытое гноевидною жидкостію; задняя стѣнка предматочника, ближе къ шейкѣ матки, представляетъ изъязвленную поверхность, величиною въ талеръ, гдѣ слизистая оболочка совершенно разрушена; края шей-

ки матки распухшіе, красные, покрытые гноемъ, яичники, особенно лѣвый, въ воспаленномъ состояніи. 2) По заключенію Гульковскаго смерть Аршининой послѣдовала отъ сильнаго воспаленія дѣтородныхъ частей и въ особенности предматочника, воспаленія, перешедшаго въ изъязвленіе и нагноеніе при развившемся вскорѣ умопомѣшательствѣ, доведшихъ Аршинину до совершеннаго истощенія силъ. Найденныя поврежденія наружныхъ дѣтородныхъ частей подтверждаютъ потерю дѣвства. Заключеніе сіе признано московскою медицинскою конторою основательнымъ. 3) Изъ исторіи болѣзни Аршининой видно, что она принята въ клинику 5-го января въ остромъ помѣшательствѣ ума, соединенномъ съ воспаленіемъ маточнаго влагалища; о прежнемъ состояніи больной ничего неизвѣстно, потому что она была безъ умственнаго сознанія. Изслѣдованіе дѣтородныхъ частей 6-го января показало: слѣды піявокъ, числомъ 16, поставленныхъ около нихъ; въ волосахъ около дѣтородныхъ частей сгустки засохшей крови, нижняя спайка большихъ дѣтородныхъ губъ распухшая, малыя дѣтородныя губы весьма чувствительны и находились въ подвоспалительномъ состояніи, палецъ легко могъ проникать въ маточное влагалище; большая чувствительность дѣтородныхъ частей. Страданія больной, сопровождавшіяся безуміемъ и разстройствомъ нервной системы, продолжались 13-ть дней, по истеченіи коихъ она умерла; 4) Докторъ Варвинскій нашелъ, что главное матеріальное страданіе больной находилось въ наружныхъ половыхъ органахъ и состояло въ сильномъ воспаленіи, которое было послѣдствіемъ механическаго насилія; слѣды дѣвственной плевы замѣчались въ видѣ тонкаго, по краямъ надорваннаго кольца; ткань этихъ остатковъ была довольно сохранена, нѣжна и не представляла тѣхъ отвердѣній, которыя замѣчаются у женщины, имѣвшей въ продолженіи нѣкотораго времени половое сношеніе съ мужчиною. Все это заставляетъ предполагать, что цѣлость дѣвственной плевы нарушена недавно. Второстепенное страданіе было въ желудкѣ; по воспалительному состоянію ткани кишечнаго канала можно съ нѣкоторою вѣроятностію предполагать, что больной дано было возбуждающее острое средство, котораго ѣдкое раздражающее дѣйствіе отразилось на слизистой оболочкѣ желудка и кишекъ; впрочемъ это могло произойти и отъ другихъ причинъ и по од-

нѣмъ трупнымъ явленіямъ, при отсутствіи характеристическихъ признаковъ отравы при жизни, отвѣчать положительно на этотъ вопросъ невозможно. Наконецъ раздраженіе нервной системы, нравственное потрясеніе и душевное разстройство представляли болѣзненное состояніе духовной стороны; причину этаго страданія можно полагать въ особенномъ психическомъ вліяніи, равно какъ и въ грубомъ чрезмѣрномъ удовлетвореніи страсти соблазнителя. Смерть больной послѣдовала отъ истощенія нервной дѣятельности, которое безъ сомнѣнія есть слѣдствіе предшествовавшаго сильнаго ея возбужденія. 5) Медицинская контора заключила: а) что ни по болѣзненнымъ припадкамъ, замѣченнымъ у дѣвицы Аршининой при поступленіи ея въ больницу, ни по явленіямъ, найденнымъ по смерти въ трупѣ ея, нѣтъ никакой возможности вывести достовѣрное заключеніе о томъ: дано или не дано ей какое нибудь вредное возбудительное средство; б) что причиною воспаленія дѣтородныхъ частей было очевидно чрезмѣрное механическое насиліе, но какого именно рода, этого опредѣлить невозможно; в) замѣчанія Варвинскаго даютъ право заключать, что дѣвица Аршинина потерпѣла растлѣніе весьма не—задолго, не болѣе какъ за нѣсколько дней до вступленія въ больницу; но въ какой именно день, этого опредѣлить невозможно.—

Для удобства читателей мы постараемся представить обстоятельства настоящаго дѣла въ томъ видѣ, какъ онѣ были обнаружены по произведеннымъ тремъ изслѣдованіямъ. Отецъ умершей, театральный музыкантъ, отставной губернскій регистраторъ *Ефимъ Аршининъ*, на первыхъ допросахъ добровольно, съ раскаяніемъ, сознался въ томъ, что князь Че—кій неоднократно посѣщалъ его для склоненія дочери его къ противузаконному сожитію; что онъ получалъ за это отъ Че—каго подарки и зналъ объ отданныхъ дочери его Че—кимъ деньгахъ до 10000 руб. асс. и вещахъ значительной цѣнности. Присемъ, объясняя о первоначальныхъ домашнихъ средствахъ леченія дочери его по возвращенію ея отъ Че—каго въ болѣзненномъ положеніи, Аршининъ оговорилъ доктора Тихановича въ томъ, что онъ, прибывъ по приглашенію отъ Че—каго для пользованія больной, объявилъ при этомъ, что князь Че—кій во всемъ ему открылся.

Дѣйствительность сознанія Аршинина подтвердилась найденными по обыску у него деньгами въ количествѣ 2203 р. 57¼ к. сер. и вещами, подаренными Че—кимъ. Означенныя деньги обращены впослѣдствіи для храненія въ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія, а вещи заключено отдать Аршининымъ съ благонадежнымъ поручительствомъ.

Дочь Аршинина *Александра* 14-ти лѣтъ объяснила, что князь Че—кій пріѣхалъ въ первый разъ къ нимъ въ домъ съ Сахаровымъ, который послѣ того привозилъ сестрѣ ея отъ Че—каго подарки, а наканунѣ новаго года, 31-го декабря она была приглашена обѣдать къ князю Че—кому, гдѣ кромѣ Че—каго были: умершая сестра ея и Сахаровъ и что за обѣдомъ пили шампанское.

Мѣщанка *Попова*, знакомая Аршининыхъ, показала, что умершая Авдотья Аршинина разсказывала ей 25-го декабря 1846 г., что Сахаровъ приходилъ къ ней съ предложеніемъ на любовную связь съ какимъ-то княземъ, имени котораго она ей не сказала, предлагалъ ей за таковую связь 10000 р. асс. и привозилъ ей подарки, отъ которыхъ она отказывалась; причемъ и она Попова съ своей стороны совѣтовала не соглашаться.

Актеръ *Сахаровъ* при первыхъ двухъ изслѣдованіяхъ, въ 1847 г., не смотря на улики Аршининыхъ, Че—каго и дворовыхъ его людей, постоянно отказывался отъ какого-либо содѣйствія князю Че—кому въ обольщеніи Аршининой, объясняя, что онъ даже не имѣлъ мысли, чтобы склонять ее, или отца на предложеніе князя Че—каго, да и князь ему никогда не говорилъ ничего, касающагося до лишенія ея невинности, но при послѣднемъ изслѣдованіи въ 1851 г. сознался въ передачѣ отъ Че—каго Аршининымъ подарковъ, въ знаніи ихъ связи, бытности въ квартирѣ Че—каго на обѣдѣ съ Аршининой и ея сестрою 31-го декабря; причемъ дополнилъ, что участникомъ ни въ какомъ противозаконномъ дѣйствіи съ Авдотьею Аршининою не былъ и въ театральномъ маскарадѣ наканунѣ новаго года не былъ.

Дворовые люди князя Че—каго въ первыхъ показаніяхъ, данныхъ подъ присягою, объявили, что они ничего о бытности Аршининой у Че—каго не знаютъ, но на послѣдующихъ затѣмъ допросахъ объясняя, что прежнія показанія даны ими по

глупости и легкомыслію вслѣдствіе приказанія князя Че—каго и его дворецкаго Андреянова, показали: находившіеся у Че—каго въ услуженіи: Степанъ *Емельяновъ*, Василій и Игнатъ *Андреяновы* и Матвѣй *Рожковъ*,—что Аршинина привезена княземъ Че—кимъ и актеромъ Сахаровымъ въ квартиру Че—каго 29 декабря вечеромъ и пробыла тамъ до 1 января; что ночь съ 29 по 30 декабря провели они вмѣстѣ въ спальной, при чемъ Рожковъ слышалъ крикъ Аршининой, что 31 декабря у Че—каго обѣдали: Авдотья Аршинина, сестра ея Александра и Сахаровъ, послѣ того они ѣздили кататься, вечеромъ были въ маскарадѣ, по возвращеніи изъ коего Авдотья Аршинина была уже больна и на другой день, 1-го января, отвезена кучеромъ Цыгановымъ въ домъ ея отца. Первыя признаки болѣзни ея, по показанію Игната Андреянова, обнаружились тотчасъ по возвращеніи изъ маскарада; Аршинина, входя на лѣстницу, которая у нихъ освѣщалась лампою, не хотѣла идти въ комнаты; взошедши же въ комнаты бросила салопъ и сказала: «князь! ты меня погубилъ»! Послѣ сего стала ходить по комнатамъ, плакать и оказывать знаки помѣшательства. Князь, видя, что она не въ себѣ, легъ спать на диванъ въ гостиной, а ей оставилъ постель, приказалъ Кузьминой раздѣть ее и лечь Степану Емельянову въ дверяхъ гостиной, Василію же убрать всѣ оружія, висящія въ спальнѣ.—Кучера *Цыгановъ*, *Петровъ* и *Гульяновъ* подтвердили показанія сіи въ отношеніи пріѣзда князя Че—каго съ Аршининой и Сахаровымъ 29-го декабря, а также катанье 31-го декабря, поѣздки въ маскарадъ и отправленія больной Аршининой въ домъ ея отца. Василій *Андреяновъ* между прочимъ объяснилъ, что онъ убѣжденъ, что актриса Аршинина была невинна и дѣвства лишена княземъ, ибо онъ слышалъ его объ этомъ разговоръ, послѣ новаго года съ актеромъ Сахаровымъ или съ дядею его Филипповымъ, что онъ, князь, насилу совершилъ любодѣйствіе съ Аршининою съ помощію макасарскаго масла.—Игнатій *Андреяновъ* объяснилъ, что во время болѣзни Аршининой въ домѣ отца ея, онъ былъ посланъ 3-го января для того чтобы поставить ей піявки; присемъ когда у нея распахнулась кацавейка, то отецъ сказалъ ей: «закройся, ты дѣвушка», на что Аршинина отвѣчала: «нѣтъ, теперь я не дѣвушка». Послѣ того Аршининъ показалъ Андреянову склянку съ макасарскимъ масломъ,

оказавши, что онъ получилъ ее отъ дочери, которая, отдавая ему эту склянку сказала: «вотъ вамъ моя честь».—Противу сего Аршининъ показалъ, что дѣйствительно Игнатъ Андреяновъ былъ у него въ домѣ 3-го января, но дочь его не говорила при немъ ничего о томъ, что она не дѣвушка. Самъ онъ Андреянову ничего не говорилъ о макасарскомъ маслѣ, а въ новый годъ, когда дочь его пріѣхала отъ князя, то не помнитъ кому-то она говорила безъ него, показывая на склянку, въ которой было что-то красноватое, «вотъ моя честь»! Авдотья *Кузьмина* по ссылкѣ Василія Андреянова объяснила, что 30 декабря утромъ она взяла изъ спальной князя Че—каго бывшую въ узлѣ сорочку Аршининой, на которой видѣла въ небольшомъ количествѣ кровавыя пятна; сорочка эта ею затеряна.

При *обыскѣ* квартиры Че—каго найдена простыня съ кровавыми пятнами. По предъявленіи этой простыни Рожкову, Василью и Игнату Андреяновымъ, Емельянову и Кузьминой — всѣ они показали, что она принадлежитъ Игнату Андреянову, который притомъ объяснилъ, что кровавыя пятна на простынѣ произошли отъ кровотеченія изъ десенъ, которымъ онъ страдаетъ.

Дворовый человѣкъ Че—каго Василій *Кондаковъ*, проживавшій въ ученьи у мѣщанина Гребенникова, показалъ, что, по разсказу ему двороваго же человѣка Емельянова, Че—кій, возвратясь изъ маскарада съ тремя или четырьмя пріятелями, въ числѣ коихъ были Будаевскій и Сахаровъ, угощалъ ихъ виномъ, Аршининой же дали выпить въ винѣ какого-то состава. Чрезъ нѣсколько времени Че—кій имѣлъ съ нею совокупленіе и по нетрезвости вскорѣ заснулъ, а гости, воспользовавшись этимъ, тоже имѣли съ нею связь. Предъ разсвѣтомъ Аршинина выбѣжала на дворъ, откуда люди Че—каго внесли ее въ комнаты, и потомъ крестьянка Кузьмина отвезла ее къ отцу. Остатокъ состава былъ брошенъ Андреяновымъ въ печку во время топки и произвелъ разноцвѣтные огни. Кондаковъ подтвердилъ это показаніе и на передопросѣ въ совѣстномъ судѣ. Но послѣ того въ прошеніи, поданномъ въ судъ, объявилъ, что означенное показаніе ложно и дано имъ по настоянію, обольщенію и уговору слѣдователя Щербатова. Вслѣдъ затѣмъ и князь Че—кій представилъ въ судъ письмо Кондакова, съ изъявленіемъ

раскаянія въ клеветѣ на него и съ объясненіемъ пристрастія Щербатова. Но Кондаковъ отозвался, что онъ никакого письма не писалъ къ князю Че—кому. При *дослѣдованіи* дѣла сего въ 1851 г. оказалось, что Кондаковъ и Гребенниковъ, у коего Кондаковъ находился въ ученіи, умерли, а изъ прежнихъ слѣдствій относительно этаго обстоятельства оказывается слѣдующее: противу показанія Кондакова *Емельяновъ* объяснилъ, что изъ разговоровъ слышалъ онъ, не упомнитъ отъ кого именно, что будто оставшійся съ какимъ то лекарствомъ пузырекъ былъ брошенъ Игнатомъ Андреяновымъ въ печь во время топки и произвелъ разноцвѣтные огни, но самъ онъ этого не видалъ и утвердить не можетъ; при разговорахъ же впослѣдствіи времени съ Кондаковымъ онъ точно ему объ этомъ разсказывалъ, но того что будто бы изъ маскарада на новый годъ пріѣхали съ княземъ Че—кимъ гости и имѣли съ Аршининою непотребную связь, этого онъ не говорилъ. — Игнатъ *Андреяновъ* объяснилъ, что по случаю болѣзни князя, набралось много остатковъ лекарствъ, которыя какъ уже негодныя, должно было выбросить а потому и были отданы для уничтоженія повару, который бросилъ ихъ въ печь и вѣроятно въ числѣ ихъ находился одинъ съ какимъ нибудь спиртомъ, потому что вспыхнулъ сильно.—Поваръ *Кириловъ*, показалъ что когда Че—кій взятъ былъ подъ арестъ и производилось слѣдствіе, то дворецкій Андреяновъ Игнатій принесъ показателю много пузырьковъ и баночекъ съ остатками разныхъ лекарствъ, чтобы бросить ихъ въ огонь въ печь; и когда онъ бросилъ, то одинъ пузырекъ съ какимъ то лекарствомъ дѣйствительно сильно хлопнулъ и вспыхнулъ какъ порохъ.

При обыскѣ пречистенской *аптеки* Гильдебранта найденъ рецептъ, прописанный дворовымъ человѣкомъ Кудряшевымъ 31 декабря 1846 г., безъ объясненія на чье имя. Содержатель аптеки Гильдебрантъ объяснилъ, что лекарство по этому рецепту отпущено провизоромъ Штальбергомъ, что подтвердилъ и сей послѣдній. Медико-хирургъ Сысалинъ объяснилъ, что составъ этого рецепта—настой шпанскихъ мушекъ и стручковатаго перцу на спиртѣ, — есть средство, сильно возбуждающее систему половыхъ органовъ. Кудряшевъ показалъ, что рецептъ этотъ прописанъ имъ для наружнаго употребленія дворовой крестьянки Незнамовой, которая сначала отъ сего отказывалась, а по-

томъ показала, что дѣйствительно брала по этому рецепту спиртъ для натиранія руки.

По *обыску*, произведенному въ домѣ купца Дегена, въ квартирѣ старшаго учителя коммерческаго училища *Будаевскаго*, имѣвшаго близкое знакомство съ Че—кимъ, найдены слѣдующія записки: а) отъ подсудимаго князя Че—каго къ Будаевскому, въ которой Че—кій пишетъ, что Будаевскій какъ родной принимаетъ въ немъ участіе и старается выпутать изъ бѣды, въ которой онъ находится, проситъ не сердиться за нескромность, высказавшую ему тайну долженствовавшую остаться въ секретѣ, хлопотать за него, Че—каго, и не оставлять начатаго дѣла. б) Клочекъ записки отъ Будаевскаго къ Че—кому, начинающійся словами: «тамъ гдѣ я хлопочу тебѣ дурно не будетъ, развѣ только»..... в) Записка къ дядѣ Че—каго Филиппову, съ приглашеніемъ его вмѣстѣ съ Че—кимъ въ маскарадъ, гдѣ ждутъ черное и коричневое домино. г) Писанная на бумажкѣ, оторванной отъ другой записки, отъ Дегена къ Будаевскому, съ адресомъ послѣдняго, не подписанная записка: «опасаюсь если полотеры покажутъ, что они ее видѣли и намъ то неизвѣстно, а мнѣ позвольте стать въ одномъ, что никого не знаю, тѣмъ болѣе, что я и въ первомъ показаніи отъ всего отказался, также и теперь если полиція розыщетъ все, буду показывать: «ничего не знаю и не видалъ».

Учитель *Будаевскій*, не сознаваясь въ какомъ либо сообществѣ съ Че—кимъ по сему дѣлу, объяснилъ, что первыя двѣ записки относятся къ намѣренію Че—каго держать экзаменъ для поступленія на службу; въ словахъ о какой то тайнѣ Че—кій вѣроятно разумѣлъ дѣло о какой нибудь лошади; о третьей запискѣ ничего не знаетъ, а послѣдняя, полагаетъ, относится къ дѣлу бывшему у нихъ на дворѣ, о продажѣ зеркалъ. При слѣдствіи Че—кій подтвердилъ показанія Будаевскаго, а Филипповъ отозвался, что третья записка получена имъ отъ неизвѣстной особы и оставлена имъ у Будаевскаго.

Спрошенные подъ присягою люди Будаевскаго объяснили, что Будаевскій былъ 31-го декабря въ маскарадѣ, и изъ нихъ *Харламовъ* показалъ, что Будаевскій возвратился домой предъ разсвѣтомъ, что всѣ люди Че—каго со времени его ареста, ходили къ Будаевскому для совѣтовъ, и что послѣдняя записка

написана дворовымъ человѣкомъ Че—каго Емельяновымъ, въ небытность дома его, Будаевскаго. Въ семъ сознался и Емельяновъ.

Докторъ *Тихановичъ*, пользовавшій Аршинину въ домѣ ея отца, объясняя, что способъ леченія его Аршининой основанъ былъ на словахъ ея о простудѣ при отъѣздѣ изъ маскарада, и что по небрежному уходу за больною домашнихъ, онъ дѣйствительно совѣтывалъ немедленно отправить ее въ больницу, присовокупилъ, что онъ дѣтородныхъ частей больной не осматривалъ, но сама она жаловалась на боль въ головѣ и въ нижней части живота. При первыхъ двухъ допросахъ Тихановичъ объявилъ, что онъ не помнитъ, кѣмъ приглашонъ былъ къ Аршининой, но вслѣдъ затѣмъ на третьемъ допросѣ изъяснилъ, что приглашонъ лично пріѣзжавшимъ къ нему княземъ Че—кимъ, который при этомъ не говорилъ ему о причинѣ болѣзни Аршининой, равно и онъ Тихановичъ не разсказывалъ Аршинину, что князь Че—кій во всемъ ему открылся. Показаніе Тихановича по сему последнему предмету подтверждено и княземъ Че—кимъ, и къ уликѣ ихъ въ противномъ со стороны музыканта Аршинина на очныхъ ставкахъ и во все время производства дѣла никакихъ доказательствъ не представлено.

Князь *Борисъ Че—кій*, измѣняя нѣсколько разъ существо своихъ показаній во время производства дѣла, сознался однакоже въ увозѣ къ себѣ Аршининой 29-го декабря изъ дома ея родителей, въ выдачѣ ей 10000 р. асс. и подарковъ значительной цѣнности, въ любовной связи съ Аршининой, не бывшей уже, какъ онъ показываетъ, тогда невинною, въ безотлучной бытности ея у него въ квартирѣ съ 29-го декабря до утра 1-го января, кромѣ выѣздовъ съ нимъ же для катанья, въ домъ отца и въ маскарадъ, въ приглашеніи доктора Тихановича для пользованія больной, въ содѣйствіи къ отправленію ея въ екатерининскую больницу и наконецъ въ воспрещеніи дворовымъ людямъ своимъ показывать на допросахъ при слѣдствіи о бытности у него Аршининой. Причину болѣзни Аршининой онъ, Че—кій, объяснялъ простудою при возвращеніи ея къ нему изъ маскарада.

Акушерка *Верманъ*, объяснила что Аршинина, не допустивъ ее освидѣтельствовать себя, произносила слова: «князь, князь! что вы дѣлаете, побойтесь Бога.» Отецъ, зачѣмъ ты меня погубилъ». Тоже слышала и сидѣлка въ больницѣ, Яковлева, спрошенная подъ

присягою. Ассистентъ въ больницѣ *Костинъ* объявилъ, что по привозѣ въ больницу Аршининой человѣкъ Че—каго Андреяновъ говорилъ ему: «не нужно ли вамъ знать при леченіи, что отецъ на дняхъ продалъ ее одному барину, и что съ того самаго времени она сдѣлалась больна». Священникъ церкви Св. Сергія, показалъ что 1-го января въ 11-ть часовъ утра онъ пріобщалъ больную Аршинину св. тайнъ и нашелъ ее тогда въ здравомъ разсудкѣ. Дворовый человѣкъ г-на Ртищева *Федоровъ* подъ присягою показалъ, что въ самый новый годъ по утру во время раннихъ обѣденъ онъ видѣлъ на дворѣ Аршинину встревоженною и озирающеюся на всѣ стороны, причемъ она, сбросивъ съ себя салопъ, сказала, что даритъ его Федорову. Находившіяся при Аршининой въ больницѣ двѣнадцать сидѣлокъ подъ присягою удостовѣрили о сильныхъ страданіяхъ больной, бывшей въ постоянномъ бреду и о произносимыхъ ею непонятныхъ словахъ.

Бытность князя Че—каго съ Аршининой въ маскарадѣ удостовѣрена присяжными показаніями двухъ свидѣтелей; въ посѣщеніи же его послѣ маскарада близкіе знакомые его Будаевскій, Тарновскій и Филиповъ не сознались. Подсудимый князь Че—кій родился 16-го іюня 1828-го г., и съ 10-го апрѣля 1846-го года состоялъ подъ секретнымъ надзоромъ полиціи за неприличные поступки съ надзирательницей театральной школы. Поведеніе Че—каго одобрено родственниками его, губернскимъ и уѣзднымъ предводителями дворянства.

Московскій совѣстный судъ, 9-го февраля 1848 года заключилъ: подсудимаго Че—каго отдать въ солдаты съ выслугою и безъ лишенія правъ, а при неспособности къ строевой службѣ въ писцы военнаго вѣдомства, также съ выслугой и безъ потери правъ. Сестру Аршининой Александру отъ суда и слѣдствія освободить, отдавъ ей и сестрамъ ея подаренныя Че—кимъ вещи и деньги.

Дѣло сіе съ мнѣніемъ московскаго военнаго генералъ-губернатора представлено было въ 1848 г. на разсмотрѣніе правительствующаго сената, но по возникшему въ сенатѣ разногласію доходило до государственнаго совѣта, который высочайше утвержденнымъ 20-го марта 1850-го года мнѣніемъ обратилъ дѣло для истребованія заключенія отъ медицинскаго совѣта и для над-

лежащаго дополненія, съ постановленіемъ вновь приговора о всѣхъ лицахъ и въ томъ числѣ и объ отцѣ умершей Аршининой.

Вслѣдствіе сего *медицинскій совѣтъ* нашелъ, что составленное врачемъ Гульковскимъ судебно-медицинское свидѣтельство о причинѣ смерти дѣвицы Аршининой, мнѣніе профессора Варвинскаго и заключеніе медицинской конторы въ отношеніи къ главному судебно-медицинскому вопросу и именно, относительно причины поврежденій въ дѣтородныхъ частяхъ и причины самой смерти, соотвѣтствуютъ правиламъ науки и въ сущности между собою совершенно согласны. Сообразивъ затѣмъ всѣ судебно-медицинскія данныя, медицинскій совѣтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) причиною найденныхъ у Аршининой поврежденій не могли быть ни простуда, ни какая либо другая внутренняя причина, а единственно наружное насиліе, дѣйствовавшее на эти части непосредственно и произведшее разрывъ уздечки и воспаленіе губъ, задней стѣнки маточнаго рукава съ разрушеніемъ на этомъ мѣстѣ слизистой оболочки, что все указываетъ на насильственное введеніе въ маточный рукавъ плотнаго, и относительно къ состоянію этихъ частей, объемистаго тѣла. Изъ найденныхъ впрочемъ явленій трудно опредѣлить, состояло ли это насиліе единственно въ слишкомъ частомъ, чрезмѣрномъ совокупленіи, или присоединено къ тому еще какое либо другое неизвѣстное механическое средство. 2) Явственные еще слѣды разрыва дѣвственной плевы несомнѣнно доказываютъ, что Аршинина, подвергаясь насилію, находилась еще въ дѣвственномъ состояніи, или если уже была до того лишена дѣвственности, то въ самое недавнее предъ тѣмъ время. 3) Жестокость наружнаго насилія, нанесеннаго дѣтороднымъ органамъ и отсутствіе слѣдовъ насилія на другихъ частяхъ тѣла, ведутъ къ предположенію, что Аршинина можетъ быть, находилась въ такомъ состояніи, что не могла сопротивляться совершаемому надъ нею насилію. Что же именно было причиною несопротивленія: истощеніе ли силъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго совокупленія или возбужденіе похоти какими либо средствами, рѣшить въ настоящемъ случаѣ нельзя, по неимѣнію въ виду достаточныхъ данныхъ. 4) Чрезмѣрное возбужденіе нервной дѣятельности, обнаружившееся въ самомъ началѣ болѣзни, необходимо должно было произойти отъ насилія частію посредственно, чрезъ сочув-

ствіе, вслѣдствіе чрезвычайнаго раздраженія и повреждснія дѣтородныхъ органовъ, частію же отъ непосредственнаго возмущенія психической стороны, а можетъ быть еще и отъ употребленія внутрь предъ тѣмъ какого-либо изъ одуряющихъ или остроодуряющихъ средствъ. 5) Наконецъ таковое чрезмѣрное возбужденіе нервной дѣятельности, не смотря на поданныя врачебныя совершенно правильныя пособія, должно было перейти въ истощеніе и смерть, которую въ настоящемъ случаѣ и слѣдуетъ признать за слѣдствіе совершеннаго надъ Аршининой насилія.

При дополнительномъ изслѣдованіи подсудимый князь *Че—кій*, подтверждая прежнія показанія о связи съ Аршининой и объ отданныхъ ей деньгахъ, сдѣлалъ извѣтъ, что по разсказамъ ему актера Сахарова и содержателя кофейной купца Борегара, Аршинина имѣла за долго до начала настоящаго дѣла любовную связь съ суфлеромъ Павловскимъ, которыхъ засталъ въ соблазнительномъ положеніи какой-то солдатъ, хотѣвшій донести объ этомъ начальству.—Актеръ *Сахаровъ* показалъ, что дѣйствительно проходя по сценѣ во время антракта онъ видѣлъ, что солдатъ, приведя за кулисы управлявшаго конторою Васильковскаго, смотрителя за освѣщеніемъ Караколпакова, суфлера Павловскаго, фигурантку Аршинину, отца ея и унтеръ-офицера, разсказывалъ, что онъ засталъ тамъ въ любодѣяніи Павловскаго съ Аршининой.—Музыкантъ *Аршининъ* объяснилъ, что зимою 1846 г., гораздо ранѣе Святой недѣли управляющій Васильковскій, вызвавъ его съ женою въ контору въ 10-мъ часу утра, объявилъ имъ, что солдатъ засталъ дочь ихъ въ любодѣяніи съ Павловскимъ за кулисами, но какъ по освидѣтельствованіи женою его Аршинина дочери ихъ никакихъ признаковъ любодѣянія не найдено, то дѣло объ этомъ и было кончено.—Содержатель кофейной *Борегаръ* подъ присягою показалъ, что онъ Че—кому не говорилъ о связи Аршининой съ Павловскимъ и самъ слышалъ объ этомъ въ кофейной разговоръ, не помнитъ отъ какихъ именно артистовъ. Титулярный совѣтникъ *Караколпаковъ* и унтеръ-офицеръ *Тихановъ* также подъ присягою подтвердили—первый, что онъ былъ въ числѣ осматривавшихъ мѣсто за кулисами, гдѣ Тихановъ засталъ въ соблазнительномъ положеніи Павловскаго съ Аршининой, а послѣдній, что онъ

дѣйствительно видѣлъ Аршинину и Павловскаго въ соблазнительномъ положеніи. Суфлеръ *Павловскій*, сознавшись въ совершеніи любодѣянія съ Аршининой по согласію ея на это, присовокупилъ, что Аршинина въ то время не была уже невинною и онъ дѣвства ее не лишалъ *).

Дѣло сіе, съ мнѣніемъ общаго присутствія московскихъ 1-го департамента надворнаго суда и магистрата, поступило въ *московскую палату уголовнаго суда*, которая рѣшеніемъ 6 мая 1852 г. въ отношеніи прикосновенныхъ къ сему дѣлу лицъ опредѣлила: 1) актера Сахарова за сводничество, учиненное въ первый разъ, подвергнуть денежному взысканію десяти рублей серебромъ, съ обращеніемъ сихъ денегъ на предметъ, означенный въ 45 ст. уложенія. 2) Губернскаго регистратора Ефима Аршинина за потворство дочери его къ разврату выдержать въ тюрьмѣ три мѣсяца. 3) Учителя Будаевскаго въ способствованіи къ сокрытію истины оставить въ сильномъ подозрѣніи. 4) Дворовыхъ людей Че—каго, Андреяновыхъ, Емельянова, Гулянова, крестьянку Кузьмину и мѣщанина Кирилова въ ложныхъ показаніяхъ подъ присягою, а двороваго человѣка Рожкова въ таковомъ же показаніи безъ присяги—оставить въ подозрѣніи. 5) Московскаго цеховаго Павловскаго за любодѣяніе съ Аршининой предать церковному покаянію. 6) О дворовыхъ людяхъ Че—,каго: Петровѣ, Цыгановѣ и Кондаковѣ, объ ассисентѣ больницы Костинѣ, цеховомъ Гребенниковѣ и провизорѣ Штальбергѣ, за смертію ихъ сужденіе прекратить. 7) Двороваго человѣка Кудряшева за прописку рецепта изъ человѣколюбія, никакому взысканію не подвергать, а крестьянкѣ Незнамовой за разнорѣчивыя показанія сдѣлать внушеніе. 8) Доктора Тихановича въ сокрытіи настоящей причины болѣзни Аршининой оставить въ подозрѣніи. 9) Дѣйствія аптекаря-провизора Гильдебранта, знавшаго объ отпускѣ Штальбергомъ лекарства по рецепту Кудряшева, и старшаго врача полиціи Гульковскаго, дѣлавшаго осмотръ тѣлу умершей Аршининой безъ соблюденія установленныхъ правилъ, представить на разсмотрѣніе врачеб-

*) По справкѣ въ уголовной палатѣ оказалось, что Павловскій былъ сужденъ въ 1849 г. за разныя кражи, за что и былъ наказанъ розгами 40 ударами и отданъ на одинъ годъ въ арестантскую роту, по освобожденіи изъ которой принятъ прежнимъ обществомъ.

ной управы. 10) Неправильныя дѣйствія слѣдователей: штабсъ-капитана Бибикова и генералъ-маіора князя Щербатова представить на усмотрѣніе московскаго военнаго генералъ-губернатора, а объ упущеніяхъ по производству дѣла 1-го департамента надворнаго суда сообщить губернскому правленію.

Вслѣдствіе разногласія, происшедшаго при слушаніи этого дѣла въ 6 департаментѣ сената, оно поступило на разсмотрѣніе *московскаго общаго собранія сената* и было разрѣшено слѣдующимъ образомъ: «дѣло сіе возникло по донесенію московскаго пристава тамошнему оберъ-полиціймейстеру отъ 13 января 1847 г. о томъ, что князь Че — кій увезъ дѣвицу Аршинину изъ дома отца ея къ себѣ на квартиру и лишилъ ее невинности, послѣ чего она была привезена къ отцу въ помѣшательствѣ ума. Прежде, чѣмъ приступлено было къ изслѣдованію сего событія, дѣвица Аршинина умерла 18 января, а осмотръ и анатомическое вскрытіе ея трупа обнаружили такія явленія, которыя, по заключенію медиковъ, послужили поводомъ къ обвиненію князя Че — каго въ причиненіи въ половыхъ органахъ Аршининой поврежденій, имѣвшихъ послѣдствіемъ ея болѣзнь и самую смерть. По первоначальнымъд опросамъ и розысканіямъ, главными прикосновенными къ дѣлу сему лицами оказались: отецъ умершей музыкантъ Аршининъ, актеръ Сахаровъ и учитель Будаевскій. При производствѣ дѣла число прикосновенныхъ къ оному лицъ, подлежащихъ сужденію вслѣдствіе ложныхъ показаній или учиненія ими неправильныхъ дѣйствій, увеличилось до двадцати шести человѣкъ, но во время производства дѣла шесть изъ нихъ умерло.—Затѣмъ въ настоящее время сужденію правительствующаго сената подлежатъ слѣдующія лица: 1) подсудимый, бывшій въ 1847 г. несовершеннолѣтнимъ князь Борисъ Че — кій. 2) Отецъ умершей музыкантъ Аршининъ. 3) Сестра умершей Александра Аршинина. 4) Актеръ Ѳедоръ Сахаровъ. 5) Учитель Алексѣй Будаевскій. 6) Докторъ медицины коллежскій совѣтникъ Іосифъ Тиканович. 7) Старшій врачъ полиціи штабъ-лекарь Гульковскій. 8) Фельдшеръ Порфирій Кудряшевъ. 9) Провизоръ Гильдебрантъ. 10 и 11) Слѣдователи капитанъ Бибиковъ и генералъ-маіоръ Щербатовъ. 12—17) Дворовые люди князя Че — каго: Василій и Игнатій Андреяновы, Степанъ Емельяновъ, Иванъ Гуляновъ, Матвѣй Рож-

ковъ и Авдотья Кузьмина. 18) Поваръ, измаильскій мѣщанинъ Алексѣй Кирилловъ. 19) Цеховой Александръ Павловскій. 20) Крестьянка Незнамова.

Приступая къ опредѣленію мѣры вины и степени отвѣтственности каждаго изъ вышеупомянутыхъ лицъ, сенатъ нашелъ, что главнымъ обвиняемымъ въ этомъ дѣлѣ лицомъ представляется князь *Борисъ Че—кій*. Упадающія на него по обстоятельствамъ дѣла и показаніямъ спрошенныхъ лицъ, обвиненія заключаются въ слѣдующемъ: а) въ совершеніи любодѣянія съ дѣвицею Аршининою; б) въ лишеніи ея дѣвства; в) въ употребленіи при семъ островозбуждающаго средства; г) въ учиненіи механическаго въ половыхъ ея органахъ насилія, имѣвшаго послѣдствіемъ болѣзнь ея и смерть.—Разсмотрѣніе имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ по каждому изъ означенныхъ обвиненій въ отдѣльности обнаруживаетъ слѣдующее:

а) Относительно *любодѣянія* подсудимаго съ дѣвицею Аршининою. Въ преступной связи съ Аршининою подсудимый князь Че—кій сознался какъ при первомъ допросѣ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ отвѣтахъ. Сознаніе это, совершенно сходное съ обстоятельствами дѣла и данное въ судебномъ мѣстѣ добровольно, имѣетъ, по ст. 1181 т. XV св. зак. угол., силу доказательства совершеннаго: по сему князь Че—кій уличается въ совершеніи любодѣянія съ дѣвицею Аршининою. б) *О лишеніи Аршининой дѣвства*. Князь Че—кій не сознался въ лишеніи Аршининой дѣвства. При первыхъ двухъ изслѣдованіяхъ онъ объяснялъ, что онъ увезъ Аршинину изъ дома отца съ общаго согласія ея и отца къ себѣ на квартиру, гдѣ и имѣлъ съ нею связь безъ всякихъ усилій и съ ея согласія, причемъ она была не невинная. При послѣднемъ изслѣдованіи Че—кій, не ограничиваясь симъ объясненіемъ, сдѣлалъ извѣтъ о любовной связи Аршининой за 10 мѣсяцевъ до ея смерти съ суфлеромъ Павловскимъ. Возводимое на Че—каго по сему предмету обвиненіе подкрѣпляется слѣдующими доказательствами: въ мнѣніи профессора Варвинскаго, также какъ и въ заключеніи медицинской конторы выражено предположеніе, что цѣлость дѣвственной плевы Аршининой разрушена недавно, а медицинскій совѣтъ положительно заключилъ, что явственные еще слѣды разрыва дѣвственной плевы несомнѣнно доказываютъ, что Аршинина,

подвергаясь насилію, находилась еще въ дѣвственномъ состояніи, или если уже была до того лишена дѣвственности, то въ самое недавнее предъ тѣмъ время. Дворовые люди князя Че—каго показали, что Аршинина провела ночь съ 29 на 30 декабря вмѣстѣ съ Че — кимъ въ его спальной, причемъ Матвей Рожковъ слышалъ ея крикъ, а Авдотья Кузьмина, утромъ 30 декабря, взяла изъ спальной сорочку Аршининой съ кровавыми пятнами. Василій Андреяновъ показываетъ, что слышалъ разговоръ Че—каго о томъ, что онъ лишилъ Аршинину дѣвства съ помощію макасарскаго масла, а Игнатъ Андреяновъ и отецъ Аршининой объясняютъ, что она, показывая склянку съ макасарскимъ масломъ, сказала: «вотъ вамъ моя честь». Наконецъ Андреяновъ утверждаетъ, что 3 января, когда онъ пришелъ къ Аршининой, чтобы поставить ей піявки, то она на слова отца: ты дѣвушка, сказала: «нѣтъ теперь я не дѣвушка». По закону свидѣтельство медицинскихъ чиновниковъ пріемлется совершеннымъ доказательствомъ, когда сіе свидѣтельство, бывъ учинено на законномъ основаніи, содержитъ ясное и положительное удостовѣреніе объ освидѣтельствованномъ предметѣ и не противорѣчитъ достовѣрнымъ обстоятельствамъ дѣла (ст. 1192 т. XV св. зак. угол. Заключеніе медицинскаго совѣта содержитъ въ себѣ ясное и положительное удостовѣреніе относительно лишенія дѣвственности Аршининой; оно подкрѣпляется какъ заключеніями Варвинскаго и медицинской конторы, такъ и показаніями Василія и Игнатія Андреяновыхъ, Авдотьи Кузьминой и отца Аршининой и не противорѣчитъ достовѣрнымъ обстоятельствамъ дѣла: ибо при вскрытіи трупа Аршининой она оказалась лишенною дѣвства. Посему заключеніе сіе имѣетъ предъ закономъ всѣ свойства доказательства совершеннаго. Хотя же при послѣднемъ изслѣдованіи по извѣту Че — каго о любовной связи Аршининой, задолго до настоящаго событія, суфлеръ Павловскій и показалъ, что будто бы онъ имѣлъ съ нею любодѣяніе, но показаніе это не имѣетъ требуемой закономъ достовѣрности, потому во 1-хъ что оно противорѣчитъ вышеизложенному заключенію медицинскаго совѣта и дано лицомъ, неимѣющимъ предъ судомъ довѣрія: ибо Павловскій прежде сего судимъ и наказанъ былъ за разныя кражи; во 2-хъ въ подтвержденіе этой связи оказывается одинъ только свидѣтель унтеръ-

офицеръ Тихановъ, удостовѣреніе котораго можетъ быть принято только основаніемъ къ подозрѣнію, а показаніе другаго свидѣтеля купца Борегара не составляетъ доказательства, за силою 1198 ст. т. XV св. зак. угол., какъ основанное на слухѣ отъ другихъ; въ 3-хъ самыя показанія о связи Аршининой съ Павловскимъ заключаютъ въ себѣ явное противорѣчіе, какъ это видно изъ того, что Сахаровъ объясняетъ, что свидѣтелемъ любовной связи былъ солдатъ, который указывалъ вечеромъ во время антракта при представленіи на театрѣ и самое мѣсто, гдѣ онъ засталъ Аршинину съ Павловскимъ, многимъ лицамъ, въ числѣ которыхъ были унтеръ-офицеръ и Ефимъ Аршининъ съ женою, тогда-какъ Аршининъ и жена его объясняютъ, что они узнали объ этомъ уже на другой день утромъ по призыву ихъ въ контору театра, и что по освидѣтельствованіи женою Аршинина—обвиняемой въ связи дочери ихъ, обвиненіе это не подтвердилось; свидѣтелемъ же по дѣлу оказался не солдатъ, какъ показывалъ актеръ Сахаровъ, а унтеръ-офицеръ, бывшій только при осмотрѣ мѣста въ театрѣ за кулисами, въ 4) самый извѣтъ Че — кимъ сдѣланъ по воспослѣдованіи обвинительнаго заключенія медицинскаго совѣта, тогда-какъ обстоятельство это по важности его не могло быть неоглашено имъ въ продолженіе производства дѣла, къ чему Че — кій имѣлъ всѣ способы при рукоприкладствѣ въ правительствующемъ сенатѣ и при подачѣ прошеній въ судебныя мѣста и къ начальствующимъ лицамъ, и наконецъ въ 5) при отсутствіи совершенныхъ доказательствъ въ любодѣяніи Аршининой съ Павловскимъ, сознаніе сего послѣдняго не можетъ служить основаніемъ къ обвиненію Аршининой, которая за смертію осталась по сему предмету неспрошенною и слѣдовательно не могла представить оправданій противу взводимыхъ нынѣ на нее обвиненій. При такихъ обстоятельствахъ и при сознаніи князя Че — каго, что онъ имѣлъ съ Аршининой любовную связь 29 декабря 1846 г., лишеніе Аршининой дѣвственности слѣдуетъ отнести къ винѣ князя Че — каго; но виновность его въ семъ случаѣ, не сопровождавшаяся насиліемъ, заключаетъ въ себѣ только противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужнею по взаимному согласію: ибо согласіе на любовную связь съ Че — кимъ Аршининой, имѣвшей тогда болѣе 14-ти лѣтъ, доказывается добро-

вольнымъ отъѣздомъ Аршининой изъ дома родительскаго, выѣздами ея потомъ на другой и на третій день для катанья, въ домъ отца и въ маскарадъ, гдѣ Аршинина, имѣя всю возможность заявить кому либо о насиліи, если бы оно было совершено въ первый или во второй день пребыванія ея у Че—каго, никому однакоже на сіе не жаловалась. По всѣмъ симъ соображеніямъ Че—кій уличается въ лишеніи дѣвицы Аршининой съ ея согласія дѣвственности.—в) По третьему предмету обвиненія, падающаго на князя Че—каго относительно *употребленія* имъ при совокупленіи съ Аршининой *остро возбуждающаго средства*, обстоятельства дѣла обнаруживаютъ слѣдующее: ни заключенія Варвинскаго и медицинской конторы, ни заключеніе медицинскаго совѣта не содержатъ въ себѣ требуемаго закономъ яснаго удостовѣренія объ употребленіи подобнаго средства. Варвинскій, описывая явленія, замѣченныя въ желудкѣ, въ кишечномъ каналѣ Аршининой,—говоритъ только что можно съ нѣкоторою вѣроятностію предполагать, что больной дано было остро возбуждающее средство, но вслѣдъ затѣмъ объясняетъ, что тѣ же желудочныя явленія могли произойти и другимъ путемъ. Медицинская контора заключила, что нѣтъ никакой возможности вывести достовѣрное заключеніе о томъ, дано или не дано ей какое нибудь вредно возбуждающее средство. Наконецъ медицинскій совѣтъ хотя и выводитъ предположеніе, что Аршинина находилась во время совершенія надъ нею насилія въ такомъ состояніи, что не могла сопротивляться, и что такое состояніе могло быть послѣдствіемъ различныхъ причинъ и между прочимъ дѣйствія какихъ-либо одуряющихъ или возбуждающихъ средствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ что по неимѣнію въ виду достаточныхъ данныхъ, разрѣшить этого вопроса въ настоящемъ случаѣ нельзя. Главное показаніе, до сего предмета относящееся, дано крестьяниномъ Кондаковымъ, который объяснилъ, что Аршининой дали выпить въ винѣ какого-то состава, котораго припомнить не можетъ. Но показаніе это не имѣетъ надлежащей достовѣрности во 1-хъ, потому что оно основано не на личномъ удостовѣреніи, а на слухахъ отъ другихъ: ибо Кондаковъ показалъ, что слышалъ это отъ Степана Емельянова, который не подтвердилъ сего показанія, а впослѣдствіи и самъ Кондаковъ отъ сего отказался, и во 2-хъ,

показаніе сіе неопредѣлительно, ибо Кондаковъ не показалъ когда именно дано Аршининой возбуждающее средство. Найденный въ пречистенской аптекѣ рецептъ настойки изъ перца и шпанскихъ мухъ на винномъ спиртѣ не можетъ быть также принятъ за доказательство по сему предмету: ибо принадлежности сего рецепта Че — кому не доказано. По слѣдствію оказалось, что рецептъ этотъ прописанъ Кудряшевымъ для крестьянки Незнамовой, а какихъ-либо сношеній князя Че — каго съ Кудряшевымъ или Незнамовой по дѣлу не обнаружено. Наконецъ и показанія Степана Емельянова, Игната Андреянова и повара Кирилова о томъ, что одинъ изъ брошенныхъ въ печь пузырьковъ, заключавшихъ въ себѣ лекарства князя Че—каго лопнулъ и сильно вспыхнулъ, не могутъ служить основаніемъ къ обвиненію князя Че — каго: ибо хотя по заключенію медико-хирурга Сысалина вышеозначенная настойка изъ перца и шпанскихъ мухъ могла произвести такое явленіе, но собственно отъ того, что настойка сдѣлана на винномъ спиртѣ: слѣдовательно такое явленіе могло произойти отъ разныхъ спиртныхъ препаратовъ, а не исключительно отъ помянутаго возбуждающаго средства. При отсутствіи законныхъ доказательствъ и достовѣрныхъ уликъ къ обвиненію въ семъ отношеніи князя Че — каго, мнѣніе медицинскаго совѣта, какъ незаключающее въ себѣ требуемаго закономъ яснаго и положительнаго удостовѣренія въ означенномъ обстоятельствѣ, не можетъ быть принято, за силою ст. 1192 т. XV св. зак. угол., за доказательство къ обвиненію князя Че — каго: посему подсудимый князь Че — кій не можетъ быть признанъ изобличеннымъ въ употребленіи при совокупленіи съ Аршининою какого-либо остро возбуждающаго средства.—г) Наконецъ по четвертому предмету обвиненія князя Че — каго въ томъ, что въ половыхъ органахъ Аршининой независимо отъ любодѣянія совершено *механическое насиліе*, слѣдуетъ принять во вниманіе, что государственный совѣтъ при разсмотрѣніи дѣла сего въ 1850 г. призналъ, что при явномъ по дѣлу недостаткѣ доказательствъ къ обвиненію подсудимаго князя Че — каго въ столь важномъ преступленіи, каково причиненіе дѣвицѣ Аршининой такихъ поврежденій въ половыхъ органахъ, которыя имѣли послѣдствіемъ воспаленіе съ умопомѣшательствомъ и самую смерть ея

нѣтъ и въ судебно-медицинскомъ актѣ свидѣтельствованія трупа Аршининой, произведеннаго врачемъ Гульковскимъ въ присутствіи директора клиники доктора Варвинскаго, и въ заключеніяхъ сихъ врачей и медицинской конторы, положительныхъ указаній на то, чтобы найденныя у Аршининой поврежденія дѣйствительно произошли отъ какихъ-либо истязаній, или насильственнаго съ нею совокупленія многихъ мущинъ. Вслѣдствіе сего дѣло сіе было препровождено на заключеніе медицинскаго совѣта, который хотя и нашелъ: что причиною найденныхъ въ трупѣ Аршининой поврежденій не могла быть ни простуда, ни какая либо другая причина, а единственно наружное насиліе, дѣйствовавшее на эти части непосредственно, но присемъ замѣтилъ, что трудно опредѣлить, состояло ли это насиліе единственно въ слишкомъ частомъ чрезмѣрномъ совокупленіи, или къ тому присоединено еще какое-либо другое механическое средство. При производствѣ дѣла сего ни первыми двумя изслѣдованіями, ни при послѣднемъ дослѣдованіи не обнаружено положительныхъ доказательствъ въ совершеніи надъ Аршининою, независимо отъ любодѣянія, какого-либо особаго механическаго насилія. Князь Че — кій, не сознаваясь въ совершеніи сего преступленія или въ знаніи виновныхъ въ томъ, объяснялъ сначала причину болѣзни Аршининой простудою при возвращеніи ея изъ маскарада; потомъ когда оказались въ трупѣ Аршининой значительныя поврежденія въ половыхъ органахъ, то Че — кій представлялъ, что явленіе это могло произойти отъ развитія болѣзни въ теченіи 18-ти дней, отъ разрушенія трупа въ продолженіи двухъ дней до освидѣтельствованія, отъ превратнаго способа леченія въ больницѣ, отъ дѣйствія въ бреду самой Аршининой и акушерки, свидѣтельствовавшей ее, наконецъ отъ насилія, нанесеннаго кѣмъ-либо другимъ при отъѣздѣ отъ него Аршининой въ домъ отца ея. Крестьянинъ Кондаковъ показалъ, что послѣ того, когда князь Че — кій имѣлъ съ Аршининою любодѣйство, онъ легъ спать въ нетрезвомъ состояніи, а находившіеся у него гости, въ числѣ коихъ были Будаевскій и Сахаровъ, воспользовались этимъ и имѣли тоже съ нею непотребную связь. Выше объяснено уже, что показаніе сіе, неимѣющее ни надлежащей опредѣлительности, ни законной достовѣрности, не можетъ быть принято за совер-

шенное доказательство, тѣмъ болѣе, что самъ Кондаковъ отъ него отказался; но тѣмъ не менѣе показаніе это въ нѣкоторой степени подтверждается другими объясненіями: ибо Степанъ Емельяновъ, на коего сослался Кондаковъ, въ одномъ изъ показаній своихъ объяснилъ, что съ пріѣздомъ Че—каго изъ маскарада пріѣхалъ и Сахаровъ, который пробылъ у нихъ часа полтора или больше, въ это время подавали по приказанію князя кофе, чай и шампанское; хотя Емельяновъ отъ сего показанія въ послѣдствіи также отказался, но разнорѣчіе и уклончивость въ показаніяхъ вообще всѣхъ дворовыхъ людей Че—каго заставляютъ предполагать, что происшествія 21-го декабря отъ возвращенія изъ маскарада до утра не изложены въ настоящемъ видѣ. Изъ прежнихъ и вновь произведеннаго изслѣдованій видно,—что Аршинина съ 29-го декабря до утра 1-го января находилась постоянно у Че—каго, отлучаясь только съ нимъ же для катанья, въ домъ отца и въ маскарадъ и слѣдовательно въ продолженіе этого времени не было никакой возможности къ совершенію надъ нею какого либо насилія, гдѣ нибудь внѣ квартиры Че—каго; а утромъ 1-го января она отвезена отъ Че—каго въ домъ отца ея кучеромъ Че—каго же Цыгановымъ, который конечно при вліяніи помѣщика его вообще на показанія крѣпостныхъ людей, не умолчалъ бы о томъ, если бы Аршинина заѣзжала куда либо съ нимъ, Цыгановымъ. Съ самаго же возвращенія къ отцу, Аршинина находилась въ болѣзненномъ состояніи: ибо утромъ 1-го января во время раннихъ обѣденъ дворовый человѣкъ Ртищева Федоровъ, какъ удостовѣряетъ онъ подъ присягою, видѣлъ ее встревоженною и озирающеюся на всѣ стороны, причемъ Аршинина сбросила съ себя салопъ, оказавъ, что даритъ его Федорову. Преслѣдуя все время пребыванія Аршининой у князя Че—каго по имѣющимся въ дѣлѣ указаніямъ, невозможно опредѣлить положительно ни времени, когда могло быть учинено надъ Аршининою механическое насиліе, ни лицъ въ ономъ учавствовавшихъ; ибо 29 го декабря Аршинина провела ночь съ однимъ княземъ Че—кимъ и къ этому времени относится лишеніе ея невинности, которое какъ выше объяснено уже, вовсе не сопровождалось насиліемъ. За обѣдомъ 31-го декабря былъ изъ мущинъ одинъ только Сахаровъ, а присутствіе сестры Аршининой не допускаетъ предпо-

ложенія, чтобы князь Че—кій и Сахаровъ имѣли въ это время намѣреніе совершить какое либо насиліе надъ умершею. Катанье послѣ этого обѣда, также какъ и пріѣздъ Аршининой къ отцу и поѣздка оттуда въ маскарадъ, доказываются положительно показаніями всѣхъ спрошенныхъ лицъ; какъ Аршинина ни отцу своему, у коего она была предъ поѣздкою въ маскарадъ, и никому въ маскарадѣ не жаловалась на насильственныя дѣйствія,—то ясно, что она не подвергалась онымъ до поѣздки въ маскарадъ, но какъ событія, послѣдовавшія отъ возвращенія князя Че—аго въ маскарадъ, до утра 1-го января, по дѣлу не разъяснены, а развитіе въ это время болѣзни Аршининой есть обстоятельство безспорное, то это даетъ поводъ предполагать, что Аршинина подвергалась въ это время какимъ либо насильственнымъ дѣйствіямъ, совершеннымъ въ квартирѣ князя Че—каго: ибо въ томъ, что Аршинина изъ маскарада возвратилась въ квартиру Че—каго, всѣ данныя по дѣлу показанія между собою согласны. Заключеніе медицинскаго совѣта не представляетъ въ себѣ яснаго и положительнаго удостовѣренія о совершеніи надъ Аршининою независимо отъ естественнаго совокупленія особаго механическаго насилія. По заключенію совѣта совершеніе надъ Аршининою насилія есть событіе достовѣрное, обнаруженное вскрытіемъ ея трупа, но причиною этого явленія совѣтъ выводитъ два предположенія: 1) слишкомъ частое чрезмѣрное совокупленіе, 2) присоединеніе къ тому еще какого либо другаго механическаго средства. Совокупленіе князя Че—каго съ Аршининой и лишеніе ея дѣвственности положительно доказано: слѣдовательно первое предположеніе медицинскаго совѣта не противорѣчитъ достовѣрнымъ обстоятельствамъ дѣла; что же касается до втораго предположенія, то при семъ нельзя не принять во вниманіе, что неоднократными изслѣдованіями никакихъ вещественныхъ доказательствъ механическаго насилія не обнаружено, никакихъ нравственныхъ побужденій къ сему въ Че—комъ не представляется, и наконецъ что самое предположеніе сіе, т. е. употребленіе какого либо другаго, кромѣ совокупленія, механическаго средства, представляетъ въ себѣ что-то неопредѣленное, гадательное, а судебное мѣсто не можетъ обвинить никого въ неизвѣстномъ неопредѣленномъ преступленіи: слѣдовательно второе предположеніе совѣта, какъ не заклю-

чающее въ себѣ яснаго и положительнаго удостовѣренія предполагаемаго насилія, падаетъ само собою, и затѣмъ обнаруженное вскрытіемъ трупа явленіе, т. е. причиненіе Аршининой такихъ поврежденій въ половыхъ ея органахъ, которыя имѣли послѣдствіемъ ея болѣзнь и смерть, событіе доказанное положительно и никѣмъ не оспариваемое, — остается только отнести къ послѣдствіямъ перваго предположенія совѣта, именно къ слишкомъ частому чрезмѣрному совокупленію, или, какъ объяснилъ и профессоръ Варвинскій, къ грубому чрезмѣрному удовлетворенію страсти соблазнителя. Изъ сего обнаруживается, что хотя произведенными по сему дѣлу изслѣдованіями не найдено доказательствъ въ причиненіи половымъ органамъ Аршининой особаго механическаго насилія, но тѣмъ не менѣе положительное заключеніе медицинскаго совѣта, при соображеніи онаго съ имѣющимися въ дѣлѣ указаніями, приводитъ окончательно къ тому заключенію, что Аршинина подверглась въ квартирѣ князя Че—каго чрезмѣрному совокупленію, имѣвшему послѣдствіемъ нанесеніе ранъ въ половыхъ ея органахъ, внезапную ея болѣзнь и смерть. Совокупленіе сіе было въ отношеніи къ Аршининой недобровольное, а насильственное: ибо заключеніе медицинскаго совѣта—не допускаетъ даже предположенія, чтобы Аршинина могла добровольно перенести причиняемое ей насиліе, а отсутствіе знаковъ наружнаго насилія относитъ между прочимъ къ совершенному истощенію силъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго совокупленія. Въ насильственномъ чрезмѣрномъ съ Аршининою совокупленіи князь Че—кій не сознался и не изобличается по дѣлу положительными доказательствами; виновныхъ въ томъ кромѣ Че—каго также не обнаружено, но какъ самое событіе сіе и совершеніе онаго въ квартирѣ Че—каго доказывается положительно, а въ дѣйствіяхъ Че—каго обнаруживается упоминаемое въ ст. 16 улож. укрывательство, доказанное разнорѣчивыми его показаніями и воспрещеніемъ дворовымъ его людямъ объяснять при слѣдствіи о бытности у него Аршининой,—то посему нельзя не признать, что Че—кій изобличается въ укрывательствѣ насильственнаго чрезмѣрнаго совокупленія, коему подверглась въ его квартирѣ дѣвица Аршинина, и послѣдствіемъ коего была внезапная ея болѣзнь и смерть. По неимѣнію въ дѣлѣ указаній на то, чтобы поврежденія здоровью Аршининой были

сдѣланы съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ и по непредставленію со стороны Че—каго законныхъ доказательствъ, что означенныя раны и поврежденія здоровью послѣдовали случайно, слѣдуетъ признать, что поврежденія здоровью Аршининой были нанесены не съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, а въ раздраженіи, но однако же умышленно. Такимъ образомъ подсудимый князь Че—кій изобличается: 1) въ любодѣяніи съ дѣвицею Аршининою, 2) въ лишеніи ея дѣвства съ ея согласія, 3) въ укрывательствѣ умышленно насильственнаго чрезмѣрнаго совокупленія, коему подверглась въ его квартирѣ дѣвица Аршинина, имѣвшаго послѣдствіемъ болѣзнь ея и смерть и 4) независимо отъ сего Че—кій уличается по собственному его сознанію и обстоятельствамъ дѣла въ разнорѣчивыхъ предъ судомъ безъ присяги показаніяхъ и въ склоненіи крѣпостныхъ его людей къ утайкѣ истины при допросахъ.—Опредѣливъ такимъ образомъ мѣру вины подсудимаго на основаніи законовъ уголовнаго судопроизводства, остается только назначить ему соотвѣтствующее по уголовному уложенію наказаніе. По закону, за противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужнею по взаимному ихъ согласію, виновные, если они христіане, подвергаются церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства: (ст. 1289 ул. о нак.). Если отъ причиненнаго съ обдуманнымъ намѣреніемъ или умысломъ увѣчья, раны или инаго поврежденія здоровью, послѣдуетъ смерть, то виновный въ нанесеніи сего увѣчья, раны или поврежденія здоровью умершаго, подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ восьми до десяти лѣтъ. Если увѣчья или раны, вслѣдствіе коихъ послѣдовала смерть, были нанесены не съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, а въ запальчивости или раздраженіи, но однакожъ умышленно, то виновный въ семъ приговаривается: къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ губерніи иркутскую или енисейскую, съ заключеніемъ на время отъ двухъ до трехъ лѣтъ и съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ продолженіи опредѣленнаго судомъ времени отъ восьми до десяти лѣтъ (ст. 1955 ул. о нак.). За любодѣяніе съ Аршининой и лишеніе ея дѣвства безъ насилія, но по взаимному согла-

сію, князь Че—кій подлежитъ, на основаніи 1289 ст. ул., церковному покаянію, но онъ кромѣ того уличается въ укрывательствѣ насильственнаго чрезмѣрнаго совокупленія съ Аршининою, съ умышленнымъ, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, нанесеніемъ ей ранъ въ половыхъ органахъ и повреждений ея здоровью, имѣвшимъ послѣдствіемъ ея смерть. Въ такомъ видѣ сіе послѣднее преступленіе слѣдуетъ подвести подъ 2 отдѣлъ 1955 ст. ул.—Какъ укрыватель онаго князь Че—кій подвергался бы при совершеннолѣтіи, за силою 127 и 130 ст. ул., наказанію двумя степенями меньшему противъ вышеозначеннаго, а именно по 4 п. 35 ст. ул. лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ губерніи томскую или тобольскую съ заключеніемъ на время отъ одного года до двухъ лѣтъ, но какъ во время совершенія преступленія ему было отъ роду только 18 лѣтъ, то согласно 146 ст. ул. и прим. къ 1403 ст. Т. XV св. зак. угол. по XII. продолж. онъ подлежитъ отдачѣ въ военную службу рядовымъ съ выслугою и безъ лишенія правъ, а въ случаѣ неспособности къ фронтовой службѣ—въ нестроевое званіе, по усмотрѣнію военнаго начальства, также съ выслугою и безъ потери правъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ сенатъ опредѣлилъ: князя Бориса Че—каго безъ лишенія особенныхъ правъ и преимуществъ лично или по состоянію ему присвоенныхъ, отдать въ военную службу рядовымъ съ выслугою, а въ случаѣ неспособности къ строевой службѣ въ нестроевое званіе, по усмотрѣнію военнаго начальства: также съ выслугою и безъ лишенія правъ,—а сверхъ того предать его церковному покаянію.

Отецъ умершей Аршининой губернскій регистраторъ *Ефимъ Аршининъ* по собственному сознанію его и обстоятельствамъ дѣла оказывается виновнымъ: въ знаніи о намѣреніи Че—каго къ противозаконному сожитію съ его дочерью, въ предоставленіи ей для сего способовъ посредствомъ свиданія въ его квартирѣ съ Че—кимъ и въ принятіи за это отъ него денегъ и подарковъ. Дѣйствія въ семъ случаѣ Аршинина заключаютъ въ себѣ не только потворство къ разврату, но и упоминаемое въ 1296 ст. ул. сводничество: ибо умершая дочь его до связи ея съ Че—кимъ не только не вела развратной жизни, но напротивъ того была, какъ выше объяснено, даже въ дѣвственномъ состояніи. Посему при-

знавая Аршинина виновнымъ въ сводничествѣ его дочери съ княземъ Че—кимъ, сенатъ опредѣлилъ: за преступленіе это подвергнуть его изъясненному въ 1296 ст. ул. наказанію, но согласно 140 ст. въ меньшей онаго мѣрѣ, по уваженію добровольнаго съ раскаяніемъ сознанія его на первыхъ при слѣдствіи допросахъ, т. е. лишенію всѣхъ особенныхъ какъ лично, такъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ томскую губернію съ заключеніемъ тамъ на два года.—Актеръ *Федоръ Сахаровъ* представляется въ настоящемъ дѣлѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ сводничествѣ фигурантки Аршининой съ княземъ Че—кимъ. Доказательствомъ этому служатъ какъ показанія Аршинина, мѣщанки Поповой и чиновника Будаевскаго, такъ и собственное сознаніе Сахарова, что знакомство Че—каго съ Аршиниными началось единственно чрезъ посредство его, и что онъ находился при самомъ увозѣ Аршининой изъ дома отца ея и на обѣдѣ у Че—каго 31-го декабря 1846-го года. Кромѣ того Сахаровъ оказывается виновнымъ въ ложныхъ безъ присяги показаніяхъ: ибо послѣ упорнаго запирательства при двухъ изслѣдованіяхъ на допросахъ и очныхъ ставкахъ, на третьемъ слѣдствіи онъ сознался въ бытности у Аршининыхъ и у князя Че—каго во время преступной связи сего послѣдняго съ фигуранткою Аршининою. Оправданіе его, что будто бы онъ не открывалъ истины по пристрастію прежнихъ слѣдователей, не заслуживаетъ никакого уваженія потому, что по окончаніи первыхъ слѣдствій, во время продолжительнаго производства настоящаго дѣла, онъ имѣлъ полную возможность объявить начальству объ извѣстныхъ ему, Сахарову, подробностяхъ событія. Посему наказаніе Сахарову должно быть опредѣлено, на основаніи 156 ст. ул., по совокупности преступленій и въ самой высшей онаго мѣрѣ. За сводничество въ первый разъ 1299 ст. улож. опредѣляется денежное взысканіе отъ пяти до десяти р. сер., а за ложное безъ присяги показаніе по 1169 ст. того же уложенія назначается или арестъ отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, или заключеніе въ тюрьмѣ отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ; посему сенатъ опредѣлилъ: Сахарова подвергнуть высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго 1169 ст., т. е. заключенію въ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ.—Докторъ медицины коллежскій совѣтникъ *Тихановичъ* оговоренъ музыкантомъ Аршининымъ въ томъ, что онъ Тихано-

вичъ, пріѣхавъ для врачебныхъ пособій больной Аршининой, объявилъ при этомъ, что князь Че—кій во всемъ ему открылся. Но ни Тихановичъ, ни подсудимый князь Че—кій въ этомъ не сознались и никакихъ доказательствъ къ изобличенію Тихановича въ знаніи дѣйствій Че—каго слѣдствіемъ не обнаружено, тѣмъ болѣе, что самое отправленіе Аршининой въ больницу было послѣдствіемъ настояній его, Тихановича, и въ первоначальныхъ врачебныхъ пособіяхъ его Аршининой никакихъ неправильностей медицинскимъ совѣтомъ не найдено. Что же касается до обвиненія Тихановича въ разнорѣчивыхъ показаніяхъ, то и по сему предмету изъ дѣла видно, что отзывъ его о запамятованіи, кѣмъ именно онъ приглашенъ былъ къ Аршининой, измѣненъ имъ не вслѣдствіе уликъ съ чьей либо стороны, а по собственному его побужденію и въ самое непродолжительное за тѣмъ время. На основаніи же 1112 ст. т. XV св. зак. гр., «отзывъ о невѣдѣніи чего либо не ставится свидѣтелю въ вину, развѣ уличатъ его въ противномъ.» Руководствуясь узаконеніемъ симъ сенатъ опредѣлилъ: доктора Тихановича, какъ непричастнаго къ настоящему дѣлу, отъ суда и слѣдствія по силѣ 1169 ст. того же XV тома освободить.—Состоящій въ IX-мъ классѣ *Алексѣй Будаевскій*, на котораго дворовый человѣкъ князя Че—каго Степанъ Емельяновъ показалъ, что Будаевскій хлопоталъ по дѣлу Аршининой, чтобы оправдать князя Че—каго, не отвергая сего, присовокупилъ, что онъ неослабно слѣдилъ за всѣми дѣйствіями по сему слѣдователей, разузнавалъ всѣ ихъ намѣренія чрезъ разговоръ съ ними и другими лицами, а также чрезъ передачу ему свѣдѣній людьми князя Че—каго, и обо всемъ предупреждалъ Че—каго съ тѣмъ, чтобы спасти честь его и скорѣе окончить дѣло; но какъ при такихъ дѣйствіяхъ Будаевскаго произошли по дѣлу разнообразныя показанія, послужившія болѣе къ затмѣнію, нежели къ обнаруженію истины, то сенатъ опредѣлилъ: оставить Будаевскаго въ сильномъ подозрѣніи въ умышленномъ сокрытіи истины.—Старшій врачъ полиціи штабсъ-лекарь *Гульковскій* производилъ осмотръ умершей Аршининой безъ соблюденія правилъ, предписанныхъ въ уставѣ судебной медицины: (т. XIII. ст. 1306, 1315, 1316 и 1330); фельдшеръ Порфирій Кудряшевъ признался въ прописаніи рецепта, не имѣя на то права, а провизоръ Гильдебрантъ зналъ объ отпу-

скѣ изъ его аптеки лекарства по рецепту Кудряшева. Таковыя дѣйствія Гульковскаго, Кудряшева и Гильдебранта сенатъ заключилъ предоставить разсмотрѣнію и законному опредѣленію московской медицинской конторы. Относительно выводимыхъ по настоящему дѣлу упущеній *слѣдователей* штабсъ-капитана Бибикова и генералъ-маіора князя Щербатова, сенатъ нашелъ, что неуспѣхъ въ изысканіи истины оказался не столько отъ ненадлежащихъ дѣйствій сихъ чиновниковъ, сколько отъ усилій и вліянія князя Че—каго, всѣми мѣрами старавшагося затмѣвать истинныя обстоятельства происшествія: посему дѣйствія означенныхъ слѣдователей можно оставить безъ всякаго взысканія. По прочимъ предметамъ настоящаго дѣла сенатъ опредѣлилъ: приговоръ московской палаты уголовнаго суда отъ 6-го мая 1857 г. какъ правильный и съ законами согласный, утвердить во всей силѣ, а именно: 1) объ оставленіи въ сильномъ подозрѣніи дворовыхъ людей князя Че—каго: Василія Андреянова, Степана Емельянова, Игната Андреянова, Ивана Михайлова Гулякова, крестьянку Авдотью Кузьмину, повара измаильскаго мѣщанина Алексѣя Семенова Кирилова въ ложныхъ предъ судомъ показаніяхъ подъ присягою, а двороваго человѣка его же, Че—каго, Матвѣя Яковлева Рожкова въ таковомъ же показаніе безъ присяги. 2) О подверженіи московскаго цѣховаго Александра Петрова Павловскаго за любодѣяніе церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства. 3) О прекращеніи дальнѣйшаго сужденія о дворовыхъ людяхъ князя Че—каго, Егорѣ Петровѣ, Федорѣ Федоровѣ Цигановѣ, Васильѣ Григорьевѣ Кондаковѣ, ассистентѣ екатерининской больницы Петрѣ Костинѣ, московскомъ цеховомъ Гребенниковѣ и провизорѣ Карлѣ Штальбергѣ за смертію ихъ. 4) О внушеніи дворовой г-жи Чижиловой, крестьянкѣ Иринѣ Никаноровой Незнамовой, чтобы она впредь не дѣлала разнообразныхъ при допросахъ показаній, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ отвѣтственности по законамъ и 5) о предоставленіи на разсмотрѣніе и законное опредѣленіе московскаго губернскаго правленія упущеній 1-го департамента московскаго надворнаго суда, приступившаго къ постановленію рѣшенія по сему дѣлу, прежде выполненія 2 пункта Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта о произведеніи надлежаго дослѣдованія.—Наконецъ относительно сестры умершей Аршининой, Александры и подаренныхъ

княземъ Че—кимъ Авдотьѣ Аршининой вещей и денегъ, сенатъ призналъ справедливымъ утвердить состоявшееся по онымъ предметамъ 9-го февраля 1848 г. рѣшеніе совѣстнаго суда, которымъ заключено: Александру Аршинину отъ суда и слѣдствія по сему дѣлу освободить, а деньги и вещи, подаренныя княземъ Че—кимъ, предоставить въ пользу сестеръ умершей Аршининой.

О крестьянкѣ Агафьѣ Усковой, судимой за кровосмѣшеніе *).

Государственные крестьяне села Васильевки, бузулукскаго уѣзда, 10 марта 1861 года объявили мѣстному волостному правленію, что односелецъ ихъ Тимофей Усковъ 4 марта пойманъ ими на кровосмѣшеніи съ дочерью своей Агафьею, которая сказала имъ тогда, что она: «грѣхъ творитъ по сильнымъ отъ отца побоямъ».—При слѣдствіи *Агафья Ускова* объяснила, что ея отецъ все лѣто 1860 года угрозами и побоями принуждалъ ее къ преступной связи съ собою, и какъ она не соглашалась на это, то осенью 1860 года растлилъ ее насильственно. Послѣ этого онъ имѣлъ съ нею уже постоянно блудную связь, отчего она и забеременила; за сознаніе ея въ беременности, онъ привязалъ ее къ столбу въ землянкѣ, гдѣ они живутъ, и высѣкъ ее розгами въ присутствіи матери и братьевъ. Наконецъ, чтобы избавиться отъ этой связи, она рѣшилась, съ согласія матери, обнаружить поступокъ отца передъ народомъ. На масляницѣ въ субботу вечеромъ, отецъ, возвратившись домой, сталъ требовать отъ

*) Печатая это дѣло, и четыре нижеслѣдующихъ, мы должны оговориться. Мы надѣемся, что любители соблазнительнаго чтенія и *не* заглянутъ въ настоящій сборникъ, содержаніе котораго мы старались сдѣлать по возможности серьезнымъ. Между-тѣмъ для юристовъ подобнаго рода дѣла заключаютъ много весьма полезныхъ судебно-медицинскихъ данныхъ и такихъ особыхъ признаковъ преступленія, которые, будучи свойственны только дѣламъ сего рода, не могутъ быть изучаемы при разсмотрѣніи одного лишь текста уголовныхъ законовъ. Подобно тому какъ медики не должны отстранять отъ себя описаніе и изученіе самыхъ отвратительныхъ болѣзней, подобно сему и юристы обязаны изучать всѣ виды преступленій. По крайней мѣрѣ заграницей журналы: Droit, Gasette des tribunaux и др. держатся этого взгляда и постоянно печатаютъ подобнаго рода дѣла.

нея совокупленія съ нимъ, но она на это не соглашалась и убѣжала на дворъ; отецъ же, поймавъ ее, повелъ въ хлѣвъ; это увидала ея мать, которая, созвавъ сосѣдей, тотчасъ пришла къ нимъ и застала ихъ на самомъ совершеніи преступленія. Кромѣ сего Агафья объяснила, что она крещена по обрядамъ православія, но воспитывалась въ расколѣ поповщинской секты, а потому въ церковь никогда не ходила и на исповѣди не бывала.—Согласно съ Агафьей показали: мать ея, крестьянка *Прасковья Ускова* и, въ отношеніи нанесенія ей отцомъ побоевъ, братъ ея *Минай;* оба они объяснили, что не говорили никому о поступкахъ отца, изъ боязни.

Тимофей Усковъ, не признаваясь въ кровосмѣшеніи съ дочерью и въ принужденіи ея къ тому угрозами и побоями, показалъ, что если онъ разъ и побилъ ее, то собственно за то, что она забеременила; 4-го же марта онъ, гуляя съ односельцами своими, напился такъ пьянъ, что не помнитъ, какъ возвратился домой и легъ (будто бы) съ дочерью своею Агафьею въ хлѣвѣ; онъ очувствовался уже тогда, какъ находился подъ арестомъ, скованнымъ въ желѣзахъ.—Созванные Прасковьею Усковою *крестьяне* подъ присягою удостовѣрили, что 4 марта передъ вечеромъ они были приглашены ею для поимки мужа ея, Ускова, въ блудной связи съ дочерью и застали ихъ на мѣстѣ преступленія.

Относительно уклоненія Агафьи Усковой въ расколъ при слѣдствіи мать ея *Прасковья Ускова* объяснила, что хотя Агафья и крещена по православію, но съ самаго младенчества воспитывалась въ духѣ поповщинской секты. Тоже объяснила и сама Агафья *).

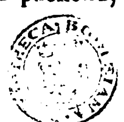
Односельцы Усковой показали (16 іюня 1863 г.), что родители ея оставили православіе и перешли въ расколъ лѣтъ 20 тому назадъ, и что она воспитывалась въ духѣ раскола. Подсудимая Ускова была въ поведеніи одобрена.

При слушаніи сего дѣла въ 1 отдѣленіи 6 д-та и въ московскомъ общемъ собраніи сената, высказаны были разныя мнѣнія.

---

*) Во время производства сего дѣла Агафья Ускова вышла замужъ за раскольника, крестьянина Козлова, и обрядъ ихъ вѣнчанія, какъ она показала, былъ совершенъ проѣзжимъ раскольническимъ попомъ въ Уральскихъ предѣлахъ, въ степи.

Первое мнѣніе: подсудимая, государственная крестьянка Агафья Ускова (нынѣ по мужѣ Козлова) обвиняется въ кровосмѣшеніи съ отцомъ и въ уклоненіи изъ православія въ расколъ. Въ кровосмѣшеніи съ отцомъ она созналась, и дѣйствительность этого преступленія вполнѣ подтверждена присяжными свидѣтелями, заставшими Ускову при самомъ его совершеніи. Ускова объясняетъ, что была вынуждена на кровосмѣшеніе настояніями, угрозами и даже побоями отца. Мать ея и братъ Минай подтверждаютъ, что однажды отецъ привязалъ Ускову къ столбу въ землянкѣ, гдѣ они жили, и жестоко высѣкъ розгами. Мать удостовѣряетъ при этомъ, что отецъ наказалъ Ускову за обнаруженіе беременности отъ него. И мать и братъ Усковой знали о связи Усковой съ отцомъ, но не доносили объ ней, по ихъ словамъ, изъ боязни самого Ускова. Такое показаніе о причинахъ недонесенія заслуживаетъ полнаго вѣроятія. Было бы неестественно предположить, что мать и братъ подсудимой смотрѣли совершенно безразлично на такой въ высшей степени безнравственный поступокъ самаго близкаго своего родственника противу ихъ дочери и сестры, и только поэтому его не оглашали.—Вслѣдствіе той же самой боязни могла не объявлять о немъ и Агафья, которой отецъ имѣлъ полную возможность отмстить при обнаруженіи ея намѣренія. Начатіе и продолженіе Агафьею Усковою связи съ отцомъ противу ея воли, доказывается и тѣмъ, что она сама же заявила объ этомъ преступленіи и уличила въ немъ отца. Наконецъ на повальномъ обыскѣ подсудимая въ поведеніи одобрена, и слѣдовательно нѣтъ никакого повода считать ее развращенною до той степени, чтобы она могла рѣшиться на связь съ отцомъ по собственному желанію. При этихъ обстоятельствахъ Агафью Ускову нельзя не признать совершившею преступленіе подъ вліяніемъ такого *принужденія* со стороны отца, преодолѣть которое ей не предстояло никакой возможности, и которое по этому, за силою 5 п. 104 ст. 1 кн. XV т., должно *уничтожать для нея всякую вмѣняемость*. Обращаясь затѣмъ ко второму предмету обвиненія Агафьи Усковой—уклоненію ея въ расколъ, оказывается, что Ускова, какъ видно изъ показаній ея матери и ея собственнаго, крещена была по обрядамъ православія, но вскорѣ послѣ крещенія Усковой родители ея перешли въ расколъ, а поэтому и она съ малолѣт-



ства воспитывалась по расколу, въ единовѣрческую церковь никогда не ходила и на исповѣди не бывала. Односельцы подсудимой подъ присягою подтвердили, что она воспитывалась въ духѣ содержимаго родителями ея раскола въ продолженіи 20 лѣтъ, т. е. съ первыхъ лѣтъ ея младенчества (около 4-хъ лѣтъ), когда еще правила православной церкви ей не могли быть извѣстны. Посему Агафью Ускову слѣдуетъ признать не уклонившеюся изъ православія, а раскольницею съ малолѣтства, и по силѣ 60 ст. XIV. т. уст. о пр. и пр. пр. противъ вѣры, оставить по сему предмету безъ всякаго преслѣдованія.

Второе мнѣніе. Соглашаясь вполнѣ, что крестьянка Ускова, какъ раскольница съ малолѣтства, не можетъ быть признана уклонившеюся отъ православія,—относительно отвѣтственности ея за *кровосмѣшеніе* слѣдуетъ замѣтить, что на точномъ основаніи 5 п. 104 и 112 ст. кн. 1 XV. т. преступленіе, учиненное вслѣдствіе неопреодолимаго къ тому принужденія отъ превосходящей силы, не вмѣняется преступнику въ вину только въ томъ случаѣ, если оно совершено для отвращенія опасности, грозившей жизни и не отвратимой въ самый моментъ совершенія преступленія. Законы эти не могутъ быть примѣнены къ Усковой, ибо изъ показаній ея видно, что послѣ угрозъ и побоевъ, которыми отецъ ея сопровождалъ свои уговоры на преступленіе, онъ въ октябрѣ 1860 года ее изнасиловалъ и затѣмъ продолжалъ съ нею кровосмѣсительную связь почти каждую ночь до марта 1861 года, когда былъ уличенъ въ преступленіи; между тѣмъ Ускова о связи своей съ отцомъ около пяти мѣсяцевъ не заявляла начальству. Съ другой стороны въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, чтобы домашнее положеніе Усковой и насильственныя противъ нея дѣйствія отца препятствовали ей въ теченіи столь продолжительнаго времени изыскать средства заявить о преступленіи. Напротивъ того объявленіе Усковой окружному начальству о связи своей съ отцомъ и о побояхъ, отъ него претерпѣваемыхъ, чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ начала связи, показываетъ, что подсудимая не лишена была возможности къ такому заявленію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Ускову нельзя признать и совершившею преступленіе при обыкновенныхъ условіяхъ вмѣняемости: въ 1-хъ, за донесеніе о преступленіи подсудимая могла опасаться мщенія отца и ожидать отъ него новыхъ преслѣдованій, въ случаѣ если

бы донесеніе не оправдалось. Возможность присутствія въ Усковой такой страха подтверждается молчаніемъ брата и матери ея, знавшихъ о преступленіи и не обнаружившихъ его, какъ они объясняютъ, вслѣдствіе боязни отца, а также жестокостію послѣдняго, который незадолго до начала дѣла, наказалъ Ускову за обнаруженіе беременности. Во 2-хъ, Ускова впослѣдствіи сама заявляла о преступленіи и тѣмъ самымъ показала, что она совершила его не по собственному желанію. Притомъ въ 3-хъ, односельцы поведеніе ея одобрили, а потому, и по молодости ея лѣтъ, нѣтъ никакого повода считать ее развращенною до возможности совершать столь противоестественное преступленіе по собственной волѣ безъ вынужденій къ сему отца. При такихъ условіяхъ, хотя вполнѣ и не препятствовавшихъ Усковой избѣгнуть продолженія преступной связи съ отцомъ, — своевременнымъ заявленіемъ о семъ начальству, но тѣмъ не менѣе поставлявшихъ ее въ семъ случаѣ въ положеніе весьма трудное, слѣдуетъ на основаніи 167 и 168 ст. 1 кн. XV. т. зак. угол. ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи Усковой слѣдующаго ей по закону за кровосмѣсительную связь наказанія (ст. 2166 т. XV. кн. 1)—заключеніемъ ея на годъ въ монастырь, гдѣ она можетъ принести должное раскаяніе въ своемъ поступкѣ и гдѣ кромѣ того ей, какъ раскольницѣ, могутъ быть сдѣланы увѣщанія и вразумленія о правилахъ православія.

Согласно послѣднему изъ этихъ мнѣній дѣло получило окончательное разрѣшеніе.

О надворномъ совѣтникѣ Никитѣ Вульфѣ, обвиняемомъ въ изнасилованіи дѣвицы Ильиной.

Надворный совѣтникъ Никита Вульфъ, 39 лѣтъ отъ роду, обвиненъ былъ въ насильственномъ растлѣніи 18 іюня 1859 г. дворянки дѣвицы Маріи Ильиной.

Поводомъ къ обвиненію Вульфа въ этомъ преступленіи послужила жалоба, поданная Маріею Ильиною 18 іюня 1859 г. московскому оберъ-полицiймейстеру.

По медицинскомъ освидѣтельствованіи Ильиной, произведенномъ въ тотъ же день вечеромъ, оказалось, что она лишена дѣвственности въ весьма недавнемъ времени, а именно за нѣсколько часовъ до осмотра; на рубашкѣ ея и юбкахъ были найдены пятна, произведенныя, какъ по химическому изслѣдованію открылось, кровью и мужскимъ сѣменемъ.

При семъ по упущенію слѣдователя полиціймейстера Сечинскаго и старшаго городоваго акушера фонъ-Вейдриха не было осмотрѣно все ея тѣло, а только груди, животъ, дѣтородныя части и нижнія конечности, на которыхъ знаковъ насилія не оказалось; посему медицинская контора отозвалась, что насильственно ли лишена Ильина дѣвственности, опредѣлить невозможно.

Въ объявленіи Ильиной происшествіе описано слѣдующимъ образомъ: надворнаго совѣтника Вульфа въ бытность ея у подпоручицы Подольской она видѣла около трехъ разъ. 18 іюня онъ пріѣзжалъ къ Подольской въ 4 часа пополудни и приглашалъ ихъ на гулянье, но получивъ отказъ, уѣхалъ; вскорѣ послѣ того она, Ильина, послана была Подольскою на другую половину квартиры, въ которой никто не жилъ, за газетою, и по входѣ въ ту половину встрѣтила тамъ Вульфа, который, заперевъ двери, схватилъ ее на руки и, не смотря на ея сопротивленіе и крикъ, насильственно лишилъ ее невинности; послѣ того отворивъ двери, выпустилъ ее, а самъ уѣхалъ.—При мѣстномъ полицейскомъ розыскѣ, произведенномъ въ тотъ же день, происшествіе объяснено *Подольскою* со словъ Ильиной вообще согласно съ объявленіемъ, поданнымъ оберъ-полиціймейстеру, но съ тѣмъ измѣненіемъ противъ онаго, что Вульфъ показался на лѣстницѣ въ то время, когда Ильина отпирала ключомъ двери въ нежилую половину; что онъ вошелъ вслѣдъ за нею и, обнявъ ее, прижалъ ее къ комоду, потомъ отпустилъ и изнасиловалъ ее уже послѣ того, какъ Ильина, хотѣла выйдти изъ двери, которую онъ въ то же время заперъ на ключъ. Это объясненіе событія Ильина при распросахъ ея признала справедливымъ.

При формальномъ слѣдствіи *Ильина* объяснила слѣдующее: Вульфъ въ пріѣзды свои къ Подольской, около трехъ или четырехъ разъ, дозволялъ себѣ съ нею слишкомъ свободное, неоправдываемое ея поведеніемъ, обращеніе, на которое она жало-

*

валась Подольской, а та передала жалобу ея Вульфу.—18 іюня, вскоръ послѣ отъѣзда Вульфа, она попросила у Подольской почитать газету, а когда та сказала ей, что газета осталась въ нежилой половинѣ ея квартиры, она, Ильина, взявъ ключъ, отправилась туда; въ то время, когда она отпирала дверь, показался на лѣстницѣ Вульфъ, вслѣдъ за нею вбѣжалъ въ комнату, далъ ей двѣ афиши и обнялъ ее; она хотѣла бѣжать, но Вульфъ заперъ дверь и говоря, что ее не выпуститъ, хотѣлъ цѣловать ее; хотя она стучала въ двери, старалась оттолкнуть отъ себя Вульфа, умоляла, плакала, бранила его и кричала о помощи, но ничто не помогло. Сначала онъ прижалъ ее между комодомъ и кроватью такъ, что ей было очень больно, а наконецъ взялъ ее на руки, принесъ на постель и лишилъ невинности. Послѣ ухода его она, Ильина, разсказала о своемъ несчастіи Подольской, которая, осмотрѣвши бѣлье ея, тотчасъ отправилась для совѣта къ своей дочери. Въ отсутствіе Подольской Вульфъ опять пришелъ въ квартиру ея и хотя дѣвушка Екатерина не пускала его, но онъ не хотѣлъ ничего слушать и вошелъ въ комнаты. Испугавшись этого, она спряталась за няньку Софью, прося Вульфа оставить ее, но онъ, говоря ей разныя неприличности на французскомъ языкѣ, ушелъ только послѣ того, какъ она объяснила ему всю низость его поступка; при этомъ онъ оставилъ на столѣ принесенную имъ коробку съ конфектами.

Подпоручица *Подольская* подтвердила во всемъ показаніе Ильиной въ относящемся до нея, за исключеніемъ жалобы Ильиной на неприличное съ нею обращеніе Вульфа, которое по изъясненію Подольской было всегда вполнѣ прилично. На очной ставкѣ съ Ильиной Подольская созналась однакоже въ справедливости этого показанія, объясняя, что Ильина жаловалась ей только на то, что Вульфъ дозволялъ себѣ сжимать ей руку.

22 іюня вслѣдствіе показанія о претерпѣнномъ отъ Вульфа насиліи, Ильина была вновь свидѣтельствована, и при этомъ оказались: знакъ на правой рукѣ ея и красноватая опухоль на спинѣ ниже лѣвой лопатки. По заключенію медицинской конторы знакъ на рукѣ Ильиной произошелъ безъ сомнѣнія отъ наружнаго насилія, полученнаго ею за нѣсколько дней до освидѣтельствованія, а опухоль на спинѣ хотя также могла произойти отъ наружнаго насилія, но время полученія онаго нельзя опредѣлить

съ точностію. По сдѣланному опыту знаки эти вполнѣ соотвѣтствуютъ тому положенію, въ которомъ должно было находиться тѣло Ильиной въ то время, когда Вульфъ прижалъ ее между угломъ комода и кроватью.

Осмотръ квартиры Подольской обнаружилъ слѣдующее расположеніе оной: квартира состоитъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ лѣстницею и сѣнями длиною въ 5 шаговъ; въ половинѣ на право отъ входа живетъ Подольская, а лѣвая никѣмъ не занята. Жилая половина состоитъ изъ прихожей, раздѣленной легкою перегородкою на двѣ комнаты, изъ которыхъ въ правой отъ входа помѣщался дворовый человѣкъ подполковника Гейцига Евсей Ивановъ, а въ лѣвой находятся вещи Подольской; за прихожею слѣдуетъ корридоръ, раздѣляющій квартиру на двѣ половины, изъ коихъ въ каждой по двѣ комнаты, назначенныхъ для отдачи въ наймы; въ одной изъ этихъ комнатъ живетъ подполковникъ Гейцигъ, а прочія три никѣмъ не заняты. Далѣе слѣдуетъ другой корридоръ, составляющій продолженіе перваго и въ немъ двѣ комнаты, занимаемыя Подольскою. Нежилая половина квартиры Подольской состоитъ изъ прихожей длиною въ 5, а шириною въ 3 шага, залы раздѣленной легкою въ родѣ ширмъ перегородкою и спальной. Въ одну изъ комнатъ залы ходъ сдѣланъ въ перегородкѣ, а въ стѣнѣ, противоположной этой перегородкѣ, устроенъ проходъ въ комнату Гейцига; проходъ этотъ дверей не имѣетъ и заставленъ шкафомъ; въ другой комнатѣ между прочею мебелью находится комодъ; спальная отдѣлена отъ этой послѣдней комнаты однимъ драпри, а отъ прихожей деревянною перегородкою, оштукатуренною съ обѣихъ сторонъ. Комодъ находится въ 4 шагахъ отъ прихожей и придвинутъ заднею стороною къ стѣнѣ, а боковою къ драпри; въ спальнѣ стоитъ двухспальная кровать съ матрасомъ и придвинута бокомъ къ стѣнѣ, составляющей продолженіе той, у которой стоитъ комодъ, а спинкою къ драпри; боковая стѣна комода, придвинутая къ драпри, вдвое уже спинки кровати, придвинутой къ тому же драпри, и отъ того изъ лицевой стороны комода, съ выдавшеюся частію спинки кровати, составляется уголъ. Въ этомъ то углу, по словамъ Ильиной, Вульфъ прижалъ ее такъ, что бокомъ была она къ комоду, а спиною къ кровати. При этомъ осмотрѣ Ильина закричала также, какъ и во вре-

мя совершеннаго надъ нею насилія, однако этого крику не было слышно не только въ комнатѣ Подольской, но даже и въ прихожей, въ которой помѣщается Евсей Ивановъ, хотя двери ея были растворены. Стукъ въ двери, ведущія изъ чистой половины въ сѣни,—въ прихожей гдѣ живетъ Евсей Ивановъ слышанъ, а въ прочихъ комнатахъ неслышенъ. Двери эти запираются однимъ внутреннимъ замкòмъ, который однимъ и тѣмъ же ключомъ можно запереть снаружи и изъ внутри.

Надворный совѣтникъ *Вульфъ*, не сознаваясь въ взведенномъ на него преступленіи, показалъ: что 18 іюня былъ у Подольской два раза, въ первый разъ приглашалъ Подольскую и Ильину на гулянье, а во второй разъ, не заставъ Подольскую дома, отдалъ Ильиной билетъ для входа въ загородное увеселительное заведенія и коробочку конфектъ. До 18 іюня видѣлъ онъ Ильину приблизительно 4 или 5 разъ. На очной ставкѣ съ Ильиной, *Вульфъ*, отвергая справедливость уликъ Ильиной, ссылался на то, что въ случаѣ ея сопротивленія на немъ должны бы оказаться знаки, а на крикъ ея сбѣжаться люди, которыя и задержали бы его. Противъ этого *Ильина* возразила, что сопротивленіе ея *не было такъ сильно* *), чтобы оставить на Вульфѣ знаки, и въ то время, когда онъ прижалъ ее между комодомъ и кроватью, она почти лишилась чувствъ. Впослѣдствіи, при требованіи отъ Ильиной указанія о томъ, въ какомъ платье былъ Вульфъ при совершеніи надъ нею насилія, она между прочимъ показала, что поврежденія платью его сдѣлать не могла потому, что будучи имъ сильно поднята на руки, лишилась чувствъ.

Во время производства дѣла въ уголовной палатѣ Ильина разъяснила, что противорѣчія между объявленіемъ о происшествіи и показаніями ея при слѣдствіи о томъ, что она послана была за газетою Подольскою, а равно о томъ, что въ нежилой половинѣ она застала Вульфа, произошли отъ того, что при подписи объявленія она, будучи разстроена внезапностію происшествія, не обратила вниманія на бòльшую или меньшую точность выраженій.

По обыску, сдѣланному 20 іюня въ квартирѣ Вульфа, на черномъ бѣльѣ его не найдено никакихъ кровавыхъ пятенъ. При

*) Эти слова очень важны при обсужденіи вопроса объ изнасилованіи.

освидѣтельствованіи самого Вульфа, произведенномъ лишь 9 сентября, на всемъ тѣлѣ его не оказалось знаковъ отъ сопротивленія при насиліи.

Спрошенныя при слѣдствіи по указаніямъ Ильиной и Подольской лица, живущія въ квартирѣ послѣдней показали, по приведеніи къ присягѣ:

Мѣщанка *Анна Андреева*, — что въ день происшествія видѣла Вульфа только въ первый разъ его пріѣзда во время обѣда.

Бывшая дворовая дѣвка *Екатерина Павлова*, — что немного спустя послѣ отъѣзда Вульфа, Ильина взяла ключъ и отправилась въ нежилую половину квартиры за газетою, но вскорѣ возвратясь вся красная, испуганная, удалилась съ Подольскою въ особую комнату, послѣ чего послѣдняя уѣхала. Въ отсутствіе Подольской пріѣхалъ Вульфъ и, не смотря на то, что она его не пускала, вошелъ; увидѣвши его, Ильина испугалась до смерти *) и спряталась за женщину Софью, потомъ сердито говорила съ нимъ что-то по французски и онъ, оставивъ коробочку съ конфектами, озлобленный, почти выбѣжалъ вонъ. Бывшая дворовая женщина *Софья Григорьева* объяснила во всемъ согласно съ Павловою. Всѣ эти свидѣтели сверхъ того единогласно показали, что Ильина была очень скромна и стыдлива и никуда не выходила.

Дворовый человѣкъ подполковника Гейцига *Евсей Ивановъ*,— что послѣ отъѣзда Вульфа чрезъ четверть часа, находясь въ прихожей, изъ которой дверь въ сѣни была отворена, видѣлъ онъ, что Ильина прошла въ нежилую половину, отперла дверь и когда только что хотѣла войти, на лѣстницѣ показался Вульфъ, который вошелъ за нею; вскорѣ слышно было, что кто-то дверь заперъ изнутри, потомъ слышанъ былъ какой то шумъ и онъ, Ивановъ, подошедши къ самой двери, услышалъ женскій крикъ, повторявшійся два раза; предполагая, что въ нежилой половинѣ сама Подольская и не подозрѣвая ничего дурнаго, онъ не обратилъ на это вниманія и ушелъ внизъ. При этомъ дополнилъ, что не замѣтилъ, оставался ли ключъ въ двери или былъ вынутъ.

Подполковникъ Гейцигъ, — что хотя квартира его смежна съ

---

*) Народная поговорка.

нежилою половиною, въ которой случилось происшествіе и онъ во весь день 18 іюня по болѣзни не выходилъ изъ дома, но крику и шуму онъ не слыхалъ.

Прислуга Вульфа, спрошенная безъ приведенія къ присягѣ, объяснила слѣдующее: дворовый его человѣкъ *Петръ Макаровъ*,— что бѣлье Вульфа онъ отдалъ въ стирку 17-го, а получилъ его обратно 19 числа; онъ не знаетъ, гдѣ находится то бѣлье, которое было на немъ 18 іюня, ибо онъ его при немъ не снималъ, что̀ случается часто вслѣдствіе обыкновенія Вульфа перемѣнять бѣлье по нѣсколько разъ въ день. Хотя бѣлье Вульфа находится на его рукахъ, но онъ не знаетъ сколько его именно. Жена Макарова *Анна Семенова*, о томъ что получила бѣлье Вульфа 17-го, а возвратила его 18 іюня, подтвердила показанія мужа. Кучеръ *Иванъ Васильевъ*, — что Вульфъ пріѣзжалъ съ нимъ къ Подольской два раза и въ первый разъ пріѣзда пробылъ у нея не очень долго. На очныхъ ставкахъ съ выставленными противъ него свидѣтелями, Вульфъ ни въ чемъ не измѣнилъ своего показанія.

Подсудимому Вульфу въ 1859 г. было 39 лѣтъ, а Ильиной 18 іюня того же года 19 лѣтъ и одинъ мѣсяцъ.

Московская медицинская контора, препровождая для пріобщенія къ дѣлу мнѣнія врачей по вопросу о томъ: можетъ ли мущина изнасиловать дѣвицу или женщину безъ посторонней помощи, отозвалась, что по соображеніи обстоятельствъ дѣла, хотя и нельзя безусловно отвергать возможности, чтобы Вульфъ не могъ одинъ въ одно и тоже время держать Ильиной руки и изнасиловать ее, но положительнаго однако же заключенія для рѣшенія этого вопроса сдѣлать невозможно.

Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла, московское общее собраніе нашло, что къ изобличенію отставнаго надворнаго совѣтника Вульфа въ изнасилованіи съ растлѣніемъ дѣвицы Ильиной представляются слѣдующія улики: а) бытность его одного въ день происшествія въ квартирѣ Подольской до отъѣзда послѣдней къ дочери, послѣ сдѣланнаго Ильиною объявленія о случившемся; б) присяжныя показанія двороваго человѣка Евсѣя Иванова о томъ, что Вульфъ вошелъ за Ильиною въ нежилую половину квартиры Подольской, послѣ чего тамъ слышанъ былъ шумъ и женскій крикъ; в) безприсяжное и присяжное удо-

стовѣренія Подольской и двухъ женщинъ, что Ильина возвратилась изъ этой половины вся красная и испуганная и тогда же удалясь съ Подольскою въ особую комнату, объявила о совершенномъ надъ нею насиліи, въ чемъ послѣдняя удостовѣрилась осмотромъ бѣлья, бывшаго на Ильиной; г) медицинское свидѣтельство о томъ, что Ильина растлѣна за нѣсколько часовъ до освидѣтельствованія; д) обнаруженные на Ильиной знаки насилія на тѣхъ частяхъ тѣла, которыя должны были подвергнуться оному при томъ положеніи въ какомъ, по изъясненію Ильиной, она находилась, когда Вульфъ прижалъ ее между комодомъ и кроватью; е) присяжное показаніе двухъ свидѣтельницъ того испуга, который овладѣлъ Ильиною, когда Вульфъ пріѣхалъ во второй разъ, и наконецъ ж) удостовѣреніе лицъ, знавшихъ Ильину, о скромномъ поведеніи и стыдливости ея. Разсматривая силу и значеніе каждой изъ приведенныхъ уликъ, оказывается что по закону ни одна изъ нихъ, сама по себѣ, не можетъ составить совершеннаго доказательства къ обвиненію Вульфа въ изнасилованіи Ильиной. Засимъ возникаетъ вопросъ, не представляетъ ли совокупность сихъ уликъ основаніе къ признанію вины Вульфа несомнѣнною? Для разрѣшенія сего вопроса необходимо принять въ соображеніе не столько число обнаруженныхъ слѣдствіемъ уликъ, сколько степень достовѣрности каждой и взаимную ихъ между собою связь. По закону о силѣ доказательствъ и уликъ, при сужденіи о томъ, составляютъ-ли доказательства несовершенныя, совокупно взятыя, доказательство совершенное—надлежитъ имѣть въ виду: зависитъ ли достовѣрность многихъ доказательствъ отъ несомнѣнности одного или нѣтъ; въ первомъ случаѣ число всѣхъ ихъ не умножаетъ и не уменьшаетъ вѣроятности дѣйствія, поелику съ опроверженіемъ одного уничтожились и всѣ прочія; во второмъ же случаѣ вѣроятность дѣйствія умножается съ числомъ доказательствъ, поелику недѣйствительность одного не влечетъ за собою недѣйствительности другихъ (2 ч. XV т. св. зак. угол. ст. 309). Въ частности при сужденіи объ изнасилованіи, уголовный судъ долженъ опредѣлять обвиняемому положенное закономъ наказаніе не иначе какъ: а) по точномъ удостовѣреніи въ дѣйствительности насилія; б) когда свидѣтели будутъ, что изнасилованная крикомъ своимъ призывала на помощь посторонних; в) когда у

ней или у обвиняемаго, или у обоихъ окажутся кровавые знаки, синія пятна, или изорванное платье, свидѣтельствующія о сопротивленіи; г) когда объявленіе о томъ подано будетъ тотчасъ, или до истеченія дня (2 ч. XV т. ст. 312). Соображеніе сихъ двухъ узаконеній съ обстоятельствами дѣла о Вульфѣ приводитъ къ слѣдующему главному вопросу: доказано-ли несомнѣннымъ образомъ, что Ильина лишена невинности посредствомъ насилія? Для разрѣшенія сего вопроса имѣются въ виду два медицинскіе осмотра, произведенные Ильиной, первый въ день поданной ею жалобы и второй спустя послѣ сего четыре дня, по поводу показанія ея о томъ, что Вульфъ предъ изнасилованіемъ прижалъ ея между комодомъ и постелью. Первое свидѣтельство удостовѣряетъ лишь дѣйствительность того, что Ильина лишена невинности въ день жалобы, за нѣсколько часовъ до освидѣтельствованія, а второе подтверждаетъ, что оказавшіеся на тѣлѣ Ильиной два знака произошли отъ наружнаго насилія. Хотя сравненіе сихъ двухъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ второе дополняетъ первое, и можетъ вести къ предположенію о дѣйствительности насилія, но сравненіе это тѣмъ не менѣе не представляетъ силы законнаго доказательства во первыхъ потому, что ни на платьѣ Ильиной, ни на тѣхъ частяхъ тѣла ея, которыя преимущественно должны были подвергнуться насилію, не оказалось рѣшительно никакихъ признаковъ его, и во вторыхъ потому, что медицинская контора, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, не признала присутствія знаковъ на рукѣ и спинѣ Ильиной, обстоятельствомъ такой важности, чтобы на немъ основать заключеніе о несомнѣнности изнасилованія Ильиной. При такомъ отсутствіи положительнаго удостовѣренія въ томъ, что лишеніе Ильиной невинности было послѣдствіемъ изнасилованія ея, доказательствомъ противъ обвиняемаго по 3 п. приведенной 312 ст. могло бы служить присутствіе на тѣлѣ или платьѣ Вульфа признаковъ сопротивленія Ильиной, но ничего подобнаго не обнаружено слѣдствіемъ, и сама Ильина не указываетъ на такія послѣдствія ея сопротивленія. Изъ сего слѣдуетъ, что въ настоящемъ дѣлѣ не заключается главныхъ условій для опредѣленія дѣйствительности насилія, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослабляется достовѣрность того изъ доказательствъ къ обвиненію Вульфа, отъ котораго зависитъ сила и достовѣрность

прочихъ обнаруженныхъ противъ него уликъ. Важнѣйшимъ изъ сихъ послѣднихъ представляется показаніе одного свидѣтеля о томъ, что услыша какой-то шумъ въ той половинѣ, въ которую за Ильиною вошелъ Вульфъ, онъ подошелъ къ самой двери и услышалъ женскій крикъ, повторявшійся два раза. По 2 п. 312 ст. однимъ изъ условій, при коихъ допускается обвиненіе въ изнасилованіи, признается удостовѣреніе свидѣтелей, что изнасилованная крикомъ своимъ призывала на помощь постороннихъ. Въ настоящемъ случаѣ показаніе одного свидѣтеля не заключаетъ въ себѣ подобнаго удостовѣренія, причемъ нельзя не замѣтить, что крикъ, слышанный свидѣтелемъ, не возбудилъ въ немъ никакаго подозрѣнія, которое однако же должно было быть возбуждено крикомъ насилуемой, а объясненіе его, что онъ не обратилъ на это вниманія предполагая, что въ нежилой половинѣ находится Подольская, состоитъ въ противорѣчіи съ собственнымъ показаніемъ его о томъ, что нежилая половина при немъ была отперта Ильиною и вслѣдъ за входомъ Вульфа заперта изъ внутри. Такимъ образомъ и сіе показаніе свидѣтеля не заключаетъ въ себѣ условій, требуемыхъ закономъ отъ совершеннаго доказательства (2 ч. XV т. ст. 329) и на немъ конечно не можетъ быть основано обвиненіе въ изнасилованіи при необнаруженіи другихъ несомнѣнныхъ уликъ въ дѣйствительности насилія. Изъ прочихъ обнаруженныхъ изслѣдованіемъ къ уликѣ Вульфа обстоятельствъ, имѣетъ значеніе самостоятельнаго факта,—бытность одного только Вульфа въ квартирѣ Подольской въ день происшествія, изъ чего выводится заключеніе, что никто другой кромѣ его не могъ лишить Ильину невинности. Основательность такаго заключенія, при имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, но правильно-ли будетъ войти въ отдѣльное обсужденіе предмета о растлѣніи Ильиной Вульфомъ, при отсутствіи совершенныхъ доказательствъ къ обвиненію его въ изнасилованіи? Законы, карая виновныхъ въ растлѣніи недостигшихъ 14 лѣтняго возраста дѣвицъ, не назначаютъ особаго наказанія за растлѣніе безъ изнасилованія достигшихъ уже этого возраста (улож. ст. 2075 и 2078) на томъ безъ сомнѣнія основаніи, что растлѣніе дѣвицы по употребленію во зло ея невинности и невѣдѣнія признается возможнымъ лишь въ младенческомъ возрастѣ. Ильина, имѣя во время событія болѣе

19 лѣтъ, уже давно вышла изъ тѣхъ лѣтъ, при коихъ законъ допускаетъ невѣдѣніе объ угрожавшей чести дѣвицы опасности, слѣдовательно при обвиненіи Вульфа въ растлѣніи, съ примѣненіемъ къ сему поступку закона о блудной связи по взаимному согласію (улож. ст. 1344), тѣмъ самымъ допускается невыгодное для чести Ильиной предположеніе, которое по дѣлу ничѣмъ не оправдывается и противорѣчитъ предмету обвиненія. Изъ сего слѣдуетъ, что доказанное растлѣніе Ильиной представляется не болѣе, какъ одною изъ уликъ къ обвиненію Вульфа въ изнасилованіи и притомъ такою уликою, значеніе которой находится въ прямой зависимости отъ обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на разрѣшеніе главнаго въ семъ дѣлѣ вопроса: доказано-ли употребленіе противъ Ильиной насилія? При отсутствіи на это положительныхъ доказательствъ, улики каковы: показаніе живущихъ у Подольской женщинъ о душевномъ настроеніи, въ которомъ находилась Ильина по возвращеніи изъ нежилой половины и при вторичномъ пріѣздѣ Вульфа, тѣмъ менѣе могутъ убѣдить въ виновности Вульфа, ибо безъ соображенія съ обстоятельствами, подтверждающими вѣроятность обвиненія въ изнасилованіи, онѣ не имѣли бы даже значенія уликъ въ смыслѣ закона. По симъ соображеніямъ не представляется возможнымъ признать подсудимаго виновнымъ въ изнасилованіи, а надлежитъ по уликамъ, обнаруженнымъ слѣдствіемъ, надворнаго совѣтника Вульфа по изнасилованію дѣвицы Ильиной, соединенномъ съ растлѣніемъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи. Затѣмъ жена подпоручика Эмилія Подольская, о которой судебныя мѣста постановили свои заключенія какъ о подсудимой, привлечена къ настоящему дѣлу неосновательно, ибо не было къ тому повода; со стороны истицы Ильиной не было ни жалобы, ни изъявленія сомнѣнія, чтобы она была сообщницею обвиняемаго ею одного Вульфа, и по дѣлу участіе ея ничѣмъ не обнаружено, а посему она должна быть оставлена отъ дѣла сего свободною. По всѣмъ симъ уваженіямъ общее собраніе опредѣлило: 1) отставнаго надворнаго совѣтника Никиту Петрова Вульфа 40 лѣтъ отъ роду, оставить въ сильномъ подозрѣніи въ изнасилованіи дѣвицы Ильиной, соединенномъ съ растлѣніемъ; 2) жену подпоручика Эмилію Подольскую отъ суда по настоящему дѣлу освободить...

О подпоручикѣ Анатоліи Степановѣ, обвиненномъ въ изнасилованіи крестьянской дѣвушки.

Проживавшій въ С. Петербургѣ дворовый человѣкъ генералъ-маіора Петра Степанова,—Прокофій Антиповъ подалъ 30 августа 1852 года въ III-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи прошеніе, въ коемъ излагалъ, что онъ получилъ отъ жены изъ деревни письмо, объ изнасилованіи въ іюлѣ того же года несовершеннолѣтней ихъ дочери Натальи братомъ помѣщика просителя—Анатоліемъ Степановымъ.

Жена Антипова Анна Филиппова *и дочь ихъ* Наталья, въ отобранныхъ отъ нихъ при слѣдствіи по сему предмету показаніяхъ, объяснили слѣдующее:

Анатолій Степановъ еще съ зимы 1851 года уговаривалъ Наталью согласиться на любовную съ нимъ связь и при всякомъ удобномъ случаѣ позволялъ себѣ неприличныя съ нею шутки; когда-же Анна Филиппова довела о семъ до свѣдѣнія брата его Владислава, завѣдывавшаго имѣніемъ, и просила его избавить ея дочь отъ подаванія свѣчъ въ комнатѣ, что ставило ее въ частыя сношенія съ Анатоліемъ Степановымъ, то Владиславъ исполнилъ ея просьбу и при братѣ сказалъ ей, что послѣдній не будетъ болѣе трогать ея дочери. — Дѣйствительно Анатолій Степановъ оставилъ Наталью въ покоѣ, предлагая ей лишь изрѣдка согласиться на его желаніе за деньги. Но въ одинъ день въ іюлѣ мѣсяцѣ въ полдень, когда Анна Филиппова была на сѣнокосѣ, а прочіе люди разошлись обѣдать и такимъ образомъ никого въ комнатахъ не было, Анатолій Степановъ позвалъ Наталью въ столовую подать ему умыться, и когда она подавала ему полотенцо, то онъ повалилъ ее на полъ и, не смотря на ея сопротивленіе и крики, лишилъ ее дѣвства.—Когда она сейчасъ послѣ сего возвратилась въ дѣвичью, то дѣвушка Анна Степанова спрашивала её, о чемъ она плачетъ и отъ чего кричала; она объяснила всё и показывала ей рубашку, на которой была кровь; засимъ она просидѣла весь день въ дѣвичьей, не переставая плакать, что видѣли находившіяся тамъ дворовыя женщины Ульяна Макси-

мова, Аграфена Матвѣева и Пелагея Семенова. Вечеромъ Наталья пошла въ избу своей матери, вызвала ее въ чуланъ и разсказала обо всемъ съ нею случившемся. Мать велѣла ей снять рубашку, которая была въ крови, и выйдя изъ чулана, показывала оную живущимъ съ нею въ избѣ женщинамъ Агафьѣ Θедоровой и Авдотьѣ Егоровой. Потомъ Анна Филиппова отправилась на барскій дворъ, гдѣ увидѣвши Анатолія Степанова, просила его поговорить съ нею, но тотъ отказался и велѣлъ ей идти къ брату, которому она и объявила о случившемся, на что онъ сказалъ ей, что она лжетъ. Тогда Филипова просила его освидѣтельствовать ея дочь, и онъ отвѣчалъ, что пошлетъ за акушеркой, однако не послалъ, и хотя сначала позволилъ ей написать объ этомъ происшествіи ихъ барину или ея мужу, но потомъ и это запретилъ, а также приказалъ ей не ходить въ городъ и за ней строго присматривали, такъ что когда она разъ ушла безъ спроса на сѣнокосъ, то Владиславъ Степановъ, думая, что она отправилась въ городъ, отправилъ догнать ее верховаго Александра Максимова и въ то-же время послалъ женщину Авдотью Егорову къ дьячку посмотрѣть не тамъ-ли она, но они ея не нашли и когда она воротилась, то была призвана Владиславомъ Степановымъ, который началъ бранить ее, зачѣмъ она ходила въ городъ, но она ему объяснила, что была въ полѣ. Мужу написала она письмо украдкою. Объ изнасилованіи ея дочери она объявляла священнику Петру Присельскому, дьячку Петру Андреeву и всей дворнѣ.

При медицинскомъ освидѣтельствованіи Натальи Антиповой, произведенномъ 21 октября 1852 г., оказалось, что она росту довольно высокаго, тѣлосложенія крѣпкаго, имѣетъ видъ дѣвицы совершенно развившейся. По словамъ ея и матери ея мѣсячнаго очищенія она еще не имѣетъ. На представленной матерью ея рубашкѣ видно было на передней сторонѣ около 17 красныхъ и желтыхъ пятенъ, имѣющихъ видъ пятенъ крови и слизи. Дѣвственная плева разорвана. По дальнѣйшемъ затѣмъ осмотрѣ, врачъ заключилъ, что актъ совокупленія могъ быть произведенъ, но что признаковъ изнасилованія никакихъ нѣтъ.

Подпоручикъ *Анатолій Степановъ* объяснилъ, что все показанное на него Анною Филипповою и ея дочерью совершенно ложно и выдумано первою. Это доказывается какъ присланнымъ ему изъ Петербурга братомъ его письмомъ Филипповой къ мужу,

написанномъ ей дьячкомъ Петромъ Андреевымъ, такъ и слѣдующими обстоятельствами: изъ этого письма видно, что она приписываетъ ему совершеніе преступленія надъ ея дочерью 10 іюля. Въ этотъ день, какъ и постоянно, человѣкъ разбудилъ его въ 12 часовъ, въ часъ онъ всталъ съ постели и напившись чаю, въ то время какъ лакей началъ убирать въ столовой, пошелъ къ брату, который и снималъ съ него портретъ вплоть до обѣда. Дворовые люди полевыхъ работъ не исполняютъ (?), значитъ Филиппова не могла быть въ означенное время на сѣнокосѣ, а обѣдаютъ не ранѣе половины втораго. Вечеромъ до него дошли слухи, что Филиппова разсказываетъ, будто-бы онъ приставалъ къ ея дочери, на что онъ тотчасъ-же пожаловался брату. Филиппова говорила сначала, что показатель ничего не сдѣлалъ ея дочери, а нѣсколько дней спустя, что лишилъ ея дѣвства. Все время она грозила, что сошлютъ его въ Сибирь, а что семья ея будетъ вольна, и подговаривала нѣкоторыхъ дворовыхъ свидѣтельствовать въ ея пользу. Сама Наталья вѣтреннаго и развратнаго поведенія, безпрестанно возится съ мужчинами, а потому весьма вѣроятно, что имѣла съ кѣмъ нибудь изъ нихъ связь, а мать ея, въ надеждѣ получить вольную, оклеветала его.

Въ представленномъ къ дѣлу Анатоліемъ Степановымъ *письмѣ* Анны Филипповой къ ея мужу отъ 18 іюля между прочимъ изъяснено, что Степановъ не успѣлъ совершенно осквернить ихъ дочери.

Губернскій секретарь *Владиславъ Степановъ* объяснилъ, что Филиппова никогда ему не жаловалась, что братъ его Анатолій склоняетъ ея дочь на любовную съ нимъ связь. Было-ли въ 1851 году обязанностію Натальи разносить свѣчи, по давности времени онъ не помнитъ, но очень можетъ быть, что онъ по какимъ нибудь домашнимъ причинамъ приставилъ ее къ другой должности, что часто бываетъ въ домѣ, а Филиппова вѣроятно нашла этотъ случай удобнымъ, чтобы на немъ основать свои лживыя показанія. Филиппова никогда не объявляла ему, будто-бы братъ его Анатолій лишилъ дочь ея дѣвства, а по жалобѣ сего послѣдняго, что она распускаетъ о немъ съ угрозами дурные слухи, онъ призвалъ ее, и тутъ она сказала ему, что братъ пристаетъ къ ея дочери. Желая удостовѣриться въ справедливости ея словъ, онъ распрашивалъ объ этомъ у людей, но всѣ они го-

ворили, что ничего не знают и ни о чемъ не слыхали; тогда онъ сдѣлалъ Филипповой увѣщаніе, чтобы она сплетенъ не дѣлала; Филиппова нрава безпокойнаго и дерзкаго. Жаловаться на брата она никогда не просила у него позволенія, писать писемъ онъ ей не запрещалъ, въ городъ всегда отпускалъ ее, когда она просилась. Однажды случилось, что она ему понадобилась и онъ послалъ за ней, но такъ-какъ она долго не являлась, то онъ и разослалъ людей въ разныя мѣста, гдѣ, по слухамъ, предполагалъ найти ее; это онъ сдѣлалъ потому, что она ушла безъ спроса, отлучаться же самовольно онъ всегда строго запрещалъ всѣмъ людямъ.

Дворовые люди Степанова подъ присягою показали:

Анна Степанова,—что въ іюлѣ, не помнитъ котораго числа, послѣ господскаго обѣда, который бываетъ въ 3 часа, она проходила черезъ переднюю, гдѣ была Наталья, которая остановила ее и спросила: слышала-ли она крикъ ея, Натальи, въ столовой, незадолго до обѣда, въ то время, какъ показательница убирала барынину комнату, которая находится черезъ одну отъ столовой. Когда она отвѣчала Натальѣ, что *крику ея не слыхала* и спросила у нея о чемъ-же она кричала, то Наталья подняла свое платье, показала ей рубаху, на которой видны были спереди два пятна запекшейся крови, и сказала, что Анатолій Александровичъ оцарапалъ ей дѣтородныя части пальцемъ; объ изнасилованіи же ея имъ ничего не говорила. Склонялъ-ли онъ ее на любовную связь, она не знаетъ, неблагопристойнаго обращенія его съ нею не замѣчала, а сама Наталья, когда онъ проходилъ черезъ дѣвичью, часто улыбалась и даже иногда бросала ему вслѣдъ хлопки.

Александръ Максимовъ,—что Наталья спала съ нимъ на печкѣ и *Поликарпъ*, что она, бывши съ нимъ въ лѣсу, вѣшалась ему на шею, боролась съ нимъ и три раза ложилась, притворяясь спящею.

Жившія въ одной избѣ съ Филипповой *Агафья Ѳедорова* и *Авдотья Егорова*,—что дѣйствительно въ началѣ іюля вечеромъ Филиппова *принесла* изъ чулана снятую, по словамъ, ея съ дочери ея Натальи рубаху и показывала имъ на оной спереди кровавыя пятна, говоря: «посмотрите, что Анатолій Александровичъ сдѣлалъ», но была-ли на рубашкѣ кровь, сколько было пятенъ и

велики-ли онѣ были, показательницы не разсмотрѣли, такъ-какъ сидѣли вдали отъ Филипповой.

Пелагея Семенова,— что она ничего по сему дѣлу не знаетъ кромѣ того, что Филиппова говорила ей, что Анатолій Александровичъ оцарапалъ пальцемъ до крови у дочери ея дѣтородную часть. Наталья ведетъ себя неблагопристойно, связывается и играетъ съ мужчинами.

Аграфена Матвѣева,— что объ изнасилованіи Натальи Прокофьевой Анатоліемъ Степановымъ она ни отъ кого не слыхала.

Ульяна Максимова,—что она никогда не видала и не слыхала, чтобы Анатолій Степановъ неблагоопристойно обращался съ Натальею Прокофьевой, напротивъ того Наталья всячески старалась обратить на себя его вниманіе; вообще она ведетъ себя неприлично, безпрестанно заигрываетъ съ братомъ показательницы Александромъ, спала съ нимъ на печкѣ, а лѣтомъ купалась въ прудѣ вмѣстѣ съ 16-ти лѣтними мальчиками.

Александръ Максимовъ, — что объ изнасилованіи Натальи Прокофьевой Анатоліемъ Степановымъ онъ не знаетъ и ни отъ кого не слышалъ. Наталья сама заигрываетъ съ молодыми людьми, разъ легла возлѣ него на печку, гдѣ онъ спалъ, купалась въ пруду съ Степаномъ Михайловымъ и другими ребятами, а съ Поликарпомъ Михайловымъ дурачилась въ лѣсу. Однажды лѣтомъ Анна Филиппова понадобилась за чѣмъ-то Владиславу Александровичу, и такъ какъ ея нигдѣ не могли отыскать, то онъ послалъ показателя верхомъ въ деревню узнать гдѣ она, но онъ ее тамъ не нашелъ.—*Степанъ Михайловъ,* подтверждая показаніе Максимова о поведеніи Натальи Прокофьевой, объяснилъ, что въ показываемое ею и ея матерью время изнасилованія ея Анатоліемъ Степановымъ, онъ былъ внизу подъ столовою комнатою и непремѣнно слышалъ-бы стукъ отъ поваленія Натальи на полъ, потому что оттуда слышно даже, когда кто ходитъ по столовой босикомъ, также онъ долженъ былъ слышать и крикъ, такъ какъ изъ столовой прямо выходъ на парадную лѣстницу, сойдя съ которой онъ чистилъ платье, но онъ *ни крику и ничего не слыхалъ.* Когда послѣ сего онъ пошелъ въ столовую, чтобы убрать, то Анатолій Александровичъ, котораго онъ разбудилъ въ 12 часовъ, при немъ пошолъ пить чай. Столовую онъ убиралъ до половины третьяго, потомъ накрылъ столъ и когда въ 3 часа было подано кушанье,

то пошолъ доложить о томъ господамъ и Анатолія Александровича засталъ въ комнатѣ его брата, который снималъ съ него портретъ. Свѣчи въ комнаты подавала Наталья, а потомъ сіе было приказано ему, но отчего онъ не знаетъ, прежде-же Натальи подавали другіе дворовые люди. Онъ никогда не замѣчалъ, чтобы Анатолій Александровичъ заигрывалъ съ Натальею, напротивъ того она старалась обратить на себя его вниманіе разными мѣрами.

Изъ 24-хъ остальныхъ дворовыхъ людей, спрошенныхъ также подъ присягою, показали: *13* человѣкъ — что Анна Филиппова говорила имъ, будто-бы Анатолій Степановъ растлилъ дочь ея Наталью, и *13*, что о семъ они ни отъ Филипповой, ни отъ ея дочери и ни отъ кого не слышали. Присемъ всѣ они показали, что они полевыми работами не занимаются, что имъ всѣмъ приказано не уходить безъ спроса и что запрещалъ-ли Владиславъ Степановъ Филипповой ходить въ городъ и писать письма, не знаютъ. Сверхъ того *пять* изъ нихъ объяснили, что Анна Филиппова говорила имъ, что Анатолій Александровичъ ничего не успѣлъ сдѣлать ея дочери, только оцарапалъ пальцемъ дѣтородныя ея части, прибавляя къ сему нѣкоторымъ изъ нихъ, что и за это онъ пойдетъ въ Сибирь. Изъ числа сихъ лицъ *Поликарпъ Михайловъ* присовокупилъ, что Наталья, бывши въ лѣсу, неблагопристойно съ нимъ заигрывала, о чемъ онъ разсказывалъ *Вѣрѣ Өедоровой* и *Марьѣ Семеновой*, что сіи послѣднія подтвердили, добавляя съ своей стороны, что Филиппова говорила: «если дворня меня выдастъ при слѣдствіи, то мое дѣло будетъ плохо, если-же вы будете со мной за одно, то всѣ мы будемъ вольные», и просили Өедорову показать, что она несла въ комнаты бѣлье и видѣла, какъ Анатолій Александровичъ насиловалъ ея дочь.

На очныхъ ставкахъ, данныхъ Анатолію Степанову и всѣмъ вышеприсаннымъ дворовымъ людямъ съ Анною Филипповою и дочерью ея Натальею, всѣ они остались при своихъ показаніяхъ, причемъ послѣднія ни въ чемъ показываемомъ на нихъ не сознались и Анна Филиппова объяснила, что представленное Степановымъ къ дѣлу письмо не то, которое она писала мужу.

Священникъ Петръ Присельскій объяснилъ, что лѣтомъ 1852 года Анна Филиппова просила его написать жалобу мужу на Ана-

толія Степанова за то, что онъ будто, приставая къ дочери ея Натальѣ, схватилъ ее за дѣтородныя части, но онъ ей отказалъ. Дьячекъ *Петръ Сперанскій* безъ присяги показалъ, что въ исходѣ іюля 1852-го г. Анна Филиппова говорила ему, что Анатолій Степановъ изнасиловалъ ея дочь и просила его написать къ мужу письмо, но онъ, за неимѣніемъ времени, на это не согласился; представленное Степановымъ къ дѣлу письмо писано не имъ. *Тридцать девять крестьянъ* генералъ-маіора Петра Степанова подъ присягою показали, что изнасиловалъ-ли братъ ихъ помѣщика Анатолій Степановъ дочь Анны Филипповой Наталью, они не знаютъ и ни отъ кого о томъ не слыхали. *На повальныхъ обыскахъ* поведеніе Анатолія Степанова, Анны Филипповой и дочери ея Натальи одобрено (о послѣднихъ спрошены крестьяне сосѣднихъ деревень).

По метрическимъ книгамъ Наталья Прокофьева Антонова показана родившеюся 20 августа 1838 г.

По осмотрѣ слѣдователями столовой комнаты, въ которой, по показанію Натальи Антиповой, она была изнасилована, оказалось, что изъ этой комнаты ведутъ 4 двери, одна на парадную лѣстницу, другая въ спальню Анатолія Степанова, 3-я въ гостиную и 4-я въ залъ. Внизу подъ столовою находится горница, въ которой живетъ дворовый человѣкъ Степанъ Михайловъ, и по сдѣланному испытанію оказалось, что въ этой комнатѣ было слышно чтеніе книги въ столовой безъ всякаго возвышенія голоса.

Въ препровожденномъ, при отношеніи III отдѣленія собственной Его Императорской Величества канцеляріи, *письмѣ Анны Филипповой* къ мужу ея, представленномъ имъ при всеподданнѣйшей просьбѣ, Филиппова жалуется на неправильное и пристрастное производство слѣдствія по сему дѣлу и на склоненіе господами дворовыхъ людей показывать въ ихъ пользу. Изъ *указа объ отставкѣ* подпоручика Анатолія *Степанова*, выданнаго ему въ 1841 году, видно, что онъ происходитъ изъ дворянъ, 24-хъ лѣтъ, въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, аттестовался способнымъ и достойнымъ, уволенъ отъ службы за болѣзнію.

Правит. сенатъ (по 1 отд. 5 д-та), разсмотрѣвъ это дѣло въ 1854 г., оставилъ Анатолія Степанова въ сильномъ подозрѣніи въ изнасилованіи съ растлѣніемъ 13 лѣтней крестьянской дѣвочки Натальи Прокофьевой, принадлежащей къ имѣнію брата

его генералъ-маіора Петра Степанова, и посему заключилъ: удалить его изъ этого имѣнія, съ отдачею на 4 года подъ надзоръ полиціи и обращеніемъ на него взысканія употребленныхъ на производство слѣдствія издержекъ.

На это рѣшеніе сената Анатолій Степановъ принесъ всеподданнѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно разсмотрѣть въ первомъ общемъ собраніи.—Общее собраніе сената нашло, что настоящее дѣло возникло по жалобѣ отца Натальи, Прокофія Антонова, принесенной 28 августа 1852 г. шефу корпуса жандармовъ. На произведенномъ по этой жалобѣ слѣдствіи жена Антонова Анна Филиппова и дочь ея Наталья взводимое на Анатолія Степанова обвиненіе доказывали тѣмъ, что онъ и прежде преслѣдовалъ Наталью разными обольщеніями, что по жалобѣ на это, принесенной изъ нихъ Анною Филипповою, брату Анатолія Степанова—Владиславу, сей послѣдній распорядился объ удаленіи Натальи отъ такихъ обязанностей по комнатной прислугѣ, которыя бы ставили ее въ частыя сношенія съ Анатоліемъ Степановымъ, что не смотря на это, Анатолій Степановъ не прекратилъ своихъ преслѣдованій и въ іюлѣ 1852 г. въ полдень, воспользовавшись удобнымъ временемъ, когда часть дворовыхъ людей обѣдала, а другая была на работѣ въ полѣ, лишилъ Наталью дѣвственности въ столовой комнатѣ, что хотя крика ея, за отсутствіемъ людей никто не слыхалъ, за исключеніемъ дѣвки Анны Степановой, которая, спрося о причинѣ крика, осмотрѣла ея рубашку и видѣла на ней кровь, но горничныя Ульяна Максимова, Аграфена Матвѣева и Пелагея Семенова видѣли ее плачущею, а Агафьѣ Федоровой и Авдотьѣ Егоровой она, Анна Филиппова, показывала снятую съ дочери рубашку и кромѣ того доводила о происшествіи до свѣдѣнія священника Петра Присельскаго и дьячка Петра Андреева и всей дворни; жаловаться же своевременно, кому слѣдовало не могла, потому что строго смотрѣли, чтобы она никуда не отлучалась до того, что когда она разъ ушла на сѣнокосъ, то разослали людей искать ея. Ульяна Максимова и Пелагея Семенова не подтвердили сдѣланной на нихъ ссылки о томъ, что онѣ видѣли Наталью плачущею. Агафья Федорова и Авдотья Егорова, хотя и отозвались, что Анна Филиппова показывала имъ рубашку съ пятнами, но какъ велики тѣ пятна и дѣйствительно ли то были

кровавыя, онѣ Агафья Федорова и Авдотья Егорова утверждаютъ, что не разсмотрѣли. Анна Степанова объяснила, что крика Натальи не слыхала, и что спрашивала ее только на основаніи сдѣланнаго ей самою Натальею вопроса: «не слыхала ли она крика», присемъ Наталья, показавъ рубашку съ двумя пятнами запекшейся крови, объяснила, что Анатолій Степановъ оцарапалъ ей дѣтородную часть пальцемъ. Священникъ Петръ Присельскій показалъ, что Анна Филиппова жаловалась ему только на то, что Анатолій Степановъ преслѣдуетъ ея дочь и разъ схватилъ ея за дѣтородныя части; а дьячекъ Петръ Андреевъ объяснилъ, что Анна Филиппова говорила объ изнасилованіи дочери. Дворовые люди объяснили: иные, что слышали отъ Филипповой объ изнасилованіи Натальи, другіе, что Филиппова жаловалась только на оцарапаніе ея Анатоліемъ Степановымъ, а большая часть отозвалась незнаніемъ. По медицинско-полицейскому осмотру оказалось, что у Натальи Прокофьевой дѣвственная плева разорвана и что на представленной Анною Филипповою рубашкѣ имѣются 17 пятенъ слизи и крови. Обстоятельство занятій дворовыхъ полевыми работами не подтвердилось ихъ показаніями, напротивъ они объяснили, что въ полевыхъ работахъ не участвуютъ. Владиславъ Степановъ показалъ, что отъ Анны Филипповой жалобъ на преслѣдованіе братомъ его Анатоліемъ дочери ея онъ не слыхалъ.— Соображеніе этихъ слѣдствіемъ обнаруженныхъ обстоятельствъ съ обвиненіями Анны Филипповой показываетъ, что всѣ объясненія объ изнасилованіи дочери ея Натальи Анатоліемъ Степановымъ основаны единственно на собственныхъ разсказахъ о томъ Анны Филипповой и потому законнымъ основаніемъ къ какимъ либо заключеніямъ о справедливости взводимаго на Анатолія Степанова обвиненія служить не могутъ тѣмъ болѣе, что показанія эти находятся въ разнорѣчіи между собою, такъ какъ иные изъ дворовыхъ людей показали, что они слышали только объ оцарапаніи Натальи Анатоліемъ Степановымъ пальцемъ, а другіе, не смотря на важность происшествія, и которое посему должно было быть извѣстнымъ по всему селу, отозвались, что они объ немъ ничего не слыхали. Естественно, что при такомъ отсутствіи какого либо свидѣтельскаго показанія, имѣющаго по закону доказательную силу, одинъ доказанный по медицинскому осмотру фактъ преступленія не

можетъ служить достаточною уликою къ оставленію Анатолія Степанова въ подозрѣніи о совершеніи имъ этого преступленія, въ особенности если принять во вниманіе данныя нѣкоторыми изъ свидѣтелей на слѣдствіи показанія о соблазнительномъ поведеніи Натальи Прокофьевой. Наконецъ самый осмотръ комнаты, которая указывается мѣстомъ преступленія Анатолія Степанова, опровергаетъ вѣроятность сдѣланнаго на него доноса. По этому осмотру оказалось, что комната эта имѣетъ четыре двери и что малѣйшій шумъ, произведенный въ ней, слышенъ не только въ сосѣднихъ, но и въ комнатѣ надъ нею находящеюся, и посему если бы изнасилованіе было произведено Анатоліемъ Степановымъ, то врядъ ли бы крики Натальи Прокофьевой лѣтомъ, въ полдень, въ жиломъ домѣ, не были услышаны, тѣмъ болѣе, что отсутствіе дворовыхъ людей изъ дома, объясняемое Анною Филипповою обѣденнымъ временемъ и полевыми работами, опровергнуто показаніями, отобранными на слѣдствіи. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что самое объявленіе объ изнасилованіи Натальи Прокофьевой въ нарушеніе ст. 1176 зак. уголов. т. XV по VI прод. подано мѣсяцъ спустя отъ того времени, въ которое оно по указанію доносителей совершено, общее собраніе опредѣлило: Анатолія Степанова отъ всякой отвѣтственности по настоящему дѣлу освободить, съ принятіемъ на счотъ казны употребленныхъ на производство слѣдствія издержекъ.

О крестьянкѣ Минѣ Кабановой, сужденной за принадлежность къ скопческой сектѣ.

При отправленіи 28 іюня 1855 г. изъ петергофской тюрьмы арестантовъ скопцовъ былъ задержанъ крестьянинъ эстляндской губерніи, везенбергскаго уѣзда, мызы Лагино, Егоръ Реппо, по подозрѣнію въ принадлежности къ означенной сектѣ. По медицинскомъ освидѣтельствованіи Реппо, оказалось, что онъ дѣйствительно оскопленъ.—На допросѣ при слѣдствіи подсудимый *Реппо* (35 лѣтъ), показалъ, что онъ былъ оскопленъ въ лѣсу неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, убѣдившимъ его въ необходимости этого для спасенія души и угожденія Богу.

Послѣ сего 2 іюля того же 1855 г. была задержана на дворѣ петергофской тюрьмы явившаяся для свиданія съ содержащимися въ тюрьмѣ скопцами, крестьянка везенбергскаго уѣзда, мызы Малая Солдина, Мина *Кабанова*, на которую пало подозрѣніе въ томъ, что она также оскоплена. Свидѣтельствовавшій Кабанову врачъ нашолъ, что она оскоплена вырѣзаніемъ малыхъ губъ и части клитора.—При слѣдствіи подсудимая *Кабанова* показала, что зимою 1854 г. было ей видѣніе, чтобы она перестала ѣсть мясо, и хотя послѣ того она пробовала было ѣсть его, но каждый разъ съ нею дѣлалось дурно и потому по неволѣ она должна была отказаться отъ мясной пищи. Замѣтивши это, мать принуждала ее ѣсть мясо и за непослушаніе крѣпко ее била. Наконецъ это ей наскучило и недѣли за три до новаго (1855) года, она тихонько ушла изъ дома и стала бродяжничать. Во время этого бродяжничества, недѣли двѣ спустя послѣ троицына дня, она встрѣтилась съ неизвѣстною ей женщиною, которая привела ее въ лѣсъ, дала ей тамъ что-то понюхать, отъ чего она какъ бы одурѣла, но чувствовала, что въ дѣтородныхъ частяхъ ея что то рѣжутъ. Когда она опомнилась, то неизвѣстная женщина уже скрылась, а къ дѣтороднымъ частямъ ея была приложена чѣмъ то намазанная тряпка. Пролежавъ въ лѣсу трое сутокъ, она опять пошла бродяжничать и узнавши отъ неизвѣстныхъ ей людей, что въ петергофской тюрьмѣ содержатся скопцы, отправилась туда, чтобы увидѣться съ ними, (хотя никого изъ нихъ не знаетъ) и была задержана. Въ томъ, что она оскоплена, не раскаявается и прощенія, также и возвращенія къ матери, не желаетъ, а проситъ отправить ее туда, куда пошлютъ и другихъ скопцовъ.

На второмъ допросѣ *Кабанова*, въ измѣненіе первоначальнаго показанія, объяснила, что оскопиться рѣшилась она сама для спасенія души и избѣжанія плотскаго грѣха, по совѣту неизвѣстной женщины, которая и вырѣзала ей что то изъ дѣтородныхъ частей, давши ей понюхать, предъ начатіемъ операціи, какой то жидкости изъ пузырька, отъ чего она впала въ безпамятство.—Мать подсудимой Мины Кабановой *Марья Кабанова* показала, что дочь ея совращена въ скопческую секту крестьяниномъ сосѣдней мызы Лагино Егоромъ Реппо, который, послѣ семи или восьми лѣтъ бродяжества, явился на родину и

часто бывалъ въ ихъ деревнѣ у родственника своего Юрія Кабанова. Онъ выдавалъ себя за человѣка угоднаго Богу и въ томъ, что онъ скопецъ, никто его не подозрѣвалъ. Въ домѣ Кабанова онъ собиралъ парней и молодыхъ дѣвушекъ, въ томъ числѣ и ея дочь, читалъ имъ св. книги, толковалъ о спасеніи души и приглашалъ идти съ нимъ въ Іерусалимъ. Такимъ образомъ онъ завлекъ ея дочь, которая вдругъ перестала работать, ѣсть мясо и ходила какъ помѣшанная. Замѣтивши это, Марья Кабанова запрещала дочери знаться съ Егоромъ Реппо, сильно наказывала ее за это, но ничто не помогало, и недѣли три спустя послѣ новаго (1855) года, дочь ея скрылась изъ деревни вмѣстѣ съ Реппо. Въ день ихъ побѣга вечеромъ они заходили въ мызу Лагино къ теткѣ Реппо Екатеринѣ Петерсонъ попрощаться, а на разсвѣтѣ были у другой его тетки Анны Лоховой, причемъ Реппо вошолъ въ избу, а дочь ея оставилъ въ банѣ, но куда они отправились, никому не говорили и, не смотря на всевозможные поиски, она не могла отыскать своей дочери.

Братья подсудимой Андрей, Егоръ и Кузьма, дядя ея и родственникъ Реппо-Юрій и сынъ послѣдняго Семенъ Кабановы, братъ Егора Реппо Кузьма Реппо и тетки его Екатерина Петерсонъ и Анна Лохова съ дочерьми подтвердили показаніе Марьи Кабановой; къ сему *Кузьма* Кабановъ присовокупилъ, что войдя однажды въ свою баню, онъ засталъ тамъ сестру Мину и Егора Реппо, которые о чемъ то толковали и при входѣ его замолчали; потомъ онъ спрашивалъ сестру, о чемъ она говорила съ Реппо, но она ничего ему не отвѣчала.

Остальные хозяева мызы Малая Солдина Илья Вадяевъ и Пертель Свягинъ подъ присягою показали: первый, что въ концѣ 1854 и началѣ 1855 г. онъ видѣлъ Егора Реппо въ ихъ мызѣ и одинъ разъ встрѣтился съ нимъ въ домѣ Юрія Кабанова, а Свягинъ, что онъ не видалъ Реппо, потому что находился въ продолжительной отлучкѣ. Къ сему оба присовокупили, что они слышали, что Реппо увелъ съ собою Мину Кабанову.

По личному дознанію слѣдователя оказалось, что Егоръ Реппо въ зиму 1854—55 г. показывался на мызѣ Лагино, но постоянно тамъ не жилъ.

Скопецъ *Реппо* ни въ чемъ показанномъ на него вышеупомянутыми лицами не сознался, отзываясь, что онъ Мины Ка-

бановой не знаетъ и никогда не видѣлъ ея; зимою 1854—55 г. не только въ мызахъ Лагино и Малая Солдина, но даже и вблизи этихъ мѣстъ не былъ, а Марью и Андрея Кабановыхъ онъ видѣлъ еще до отлучки съ мѣста родины въ 1849 г.—*Мина Кабанова* первоначально также показала, что она Егора Реппо никогда не видѣла и не знаетъ, но на очныхъ ставкахъ съ матерью и прочими спрошенными по сему дѣлу лицами созналась, что дѣйствительно она видѣла Реппо въ домѣ дяди, гдѣ онъ читалъ св. книги, а она въ числѣ другихъ слушала его, но къ побѣгу ее онъ не подговаривалъ, у тетки его Петерсонъ они сошлись случайно, и оттуда Реппо пошолъ къ другой своей родственницѣ Лоховой, а она своей дорогой.

Въ этомъ подсудимая уличала Реппо и на очной ставкѣ, но когда онъ, строго смотря на нее, заставлялъ ее повторить ею сказанное, то Кабанова, смущенная его словами и видимо находясь подъ вліяніемъ страха, сначала молчала, а потомъ объявила, что Реппо очень похожъ на того человѣка, который бывалъ у нихъ на мызѣ и съ которымъ она вышла отъ Петерсонъ, но что дѣйствительно ли это былъ онъ, она утвердить не можетъ. Тоже самое повторяла Кабанова на допросахъ и очныхъ ставкахъ при дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія и на всѣ убѣжденія слѣдователя говорила, что она ни въ чемъ относительно Егора Реппо сознаться не можетъ, сколько бы ее ни убѣждали.

С.-петербургскій физикатъ, разсматривавшій медицинскій актъ освидѣтельствованія Мины Кабановой, въ данномъ по сему предмету отзывѣ изъяснилъ, что вырѣзываніе какихъ либо наружныхъ частей половой женской системы считается вообще оскопленіемъ, но въ сущности это не полное оскопленіе, а только попытка къ оному, каковою представляется и поврежденіе дѣтородныхъ частей Кабановой.—Медицинскій совѣтъ, которому министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ на заключеніе настоящій случай, нашелъ, что при разсмотрѣніи оскопленія въ смыслѣ чисто-физіологическомъ, какъ увѣчья, лишающаго совершенной способности къ дѣторожденію, отрѣзываніе малыхъ губъ и части клитора не составляетъ совершеннаго оскопленія, т. е. не лишаетъ женщины способности быть оплодотворенною и въ этомъ

смыслѣ такого рода увѣчье можетъ быть нѣкоторымъ образомъ названо попыткою къ оскопленію.

Подсудимая Мина Кабанова родилась 13 іюля 1836 года.

Разсмотрѣвъ вышеизложенныя обстоятельства сего дѣла, второе общее собраніе сената нашло, что подсудимая крестьянка Мина Кабанова учинила сознаніе въ томъ, что по собственному ея желанію была оскоплена, на 19 году отъ роду, неизвѣстною женщиною отрѣзаніемъ малыхъ губъ и части клитора. Означенное сознаніе Кабановой относительно поврежденія дѣтородныхъ частей ея вполнѣ подтверждается удостовѣреніемъ врача, ее свидѣтельствовавшаго. По заключенію медицинскаго совѣта подобное поврежденіе женской половой системы, разсматриваемое въ смыслѣ чисто-физіологическомъ, какъ увѣчье, лишающее совершенно способности къ дѣторожденію, не составляетъ совершеннаго оскопленія, т. е. не лишаетъ женщину способности быть оплодотворенною, и въ этомъ смыслѣ такого рода увѣчье нѣкоторымъ образомъ можетъ быть названо попыткою къ оскопленію. Въ настоящемъ случаѣ оскопленіе Кабановой, по понятію подсудимой и оскопившей ее женщины, совершенно оконченное, должно быть разсматриваемо не въ смыслѣ увѣчья, лишающаго совершенно способности къ дѣторожденію, а какъ дѣйствіе, необходимое для принадлежности къ скопческой сектѣ, достаточнымъ признакомъ которой считается вырѣзаніе у женщинъ различныхъ частей дѣтородныхъ органовъ. Посему поврежденіе, оказавшееся у Кабановой, неизъявившей раскаянія въ своемъ заблужденіи, слѣдуетъ признать оскопленіемъ, а не покушеніемъ на оное. По закону при опредѣленіи наказанія скопцамъ не принимается въ оправданіе, когда они показываютъ, что оскоплены неизвѣстными имъ людьми (2 прим. къ 1408 ст. XV т. св. зак. угол. по VI прод.). Вслѣдствіе сего Кабанова, за совершонное ею преступленіе, подлежитъ наказанію во 2-й ч. 211 ст. улож. опредѣленному. Сверхъ того подсудимая Кабанова оказывается виновною въ самовольной отлучкѣ съ мѣста жительства безъ узаконеннаго вида; но отъ наказанія за этотъ проступокъ, опредѣляемаго въ улож. статьею 1181, какъ не соединеннаго съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ и преимуществъ, она освобождается силою Всемилостивѣйшихъ манифестовъ 27-го марта 1855 и 26 августа 1856 годовъ (ст. VI и XIX). По симъ осно-

ваніямъ общее собраніе сената опредѣлило: 1) крестьянку Мину Кабанову отъ наказанія за самовольную отлучку съ мѣста жительства освободить по силѣ Всемилостивѣйшихъ манифестовъ, а за оскопленіе себя, на основаніи 2-й ч. 211-й и 145-й ст. улож., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе, предоставивъ, согласно Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, 7-го и 21-го февраля 1856 г. состоявшемуся, министру юстиціи войти въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ по предмету назначенія Кабановой мѣста поселенія; и 2) рѣшеніе уголовной палаты въ отношеніи скопца Егора Реппо, предложенное начальникомъ губерніи къ исполненію и ревизіи прав. сената не подлежащее, оставить безъ разсмотрѣнія.

При слушаніи сего дѣла заявлено было и слѣдующее мнѣніе: подсудимая, несовершеннолѣтняя крестьянка Мина Кабанова, по собственному сознанію, сходному съ обстоятельствами сего дѣла и заключеніемъ с.-петербургскаго физиката, оказывается виновною въ *покушеніи* оскопить себя. За полное оскопленіе виновный, на основаніи 211 ст. улож., подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ закавказскій край; но какъ, по заключенію физиката, поврежденіе дѣтородныхъ частей у Кабановой можетъ почитаться лишь попыткою къ оскопленію, т. е. покушеніемъ на преступленіе, то и слѣдуетъ по 120 ст. улож. упомянутое наказаніе уменьшить для подсудимой двумя степенями; посему при совершеннолѣтіи Мина Кобанова согласно съ 154 ст. улож. подлежала бы наказанію по 2 степ. 35 ст. Но какъ она впала въ означенное преступное покушеніе въ возрастѣ несовершеннолѣтнемъ, то сіе наказаніе, согласно съ 146 ст. улож. и 1597 ст. т. XV св. зак. по XII прод., должно быть уменьшено двумя степенями (по 4 степ. 35 ст.) и назначено безъ лишенія правъ состоянія. Затѣмъ имѣя въ виду, что по дѣлу достаточно доказано (показаніями семейныхъ и стороннихъ лицъ), что несовершеннолѣтняя Кабанова вовлечена была въ означенное покушеніе совершеннолѣтнимъ Реппо, оказывается, что сія подсудимая, какъ необъявившая о своемъ оскопителѣ и не уличившая его, хотя и не можетъ быть совершенно освобождена отъ отвѣтственности, по силѣ 2 прим. къ 1408 ст. XV т. св. зак. угол. въ VI прод.,

но на основаніи 147 ст. улож. ей слѣдуетъ упомянутое выше наказаніе уменьшить еще на одну степень (5 степ. улож.), смягчивъ это наказаніе по XIX и XXV ст. Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 г.

О крестьянкахъ Ѳедосьѣ Кобриковой и Еввѣ Ивановой, судимыхъ за принадлежность къ скопческой сектѣ.

Въ сентябрѣ 1855 г. были представлены въ ямбургскій земскій судъ крестьянки петергофскаго уѣзда, деревни Радицъ, ораніембаумскаго дворцоваго вѣдомства, Ѳедосья Кобрикова и Евва Иванова, задержанныя по подозрѣнію въ принадлежности къ скопческой сектѣ. При медицинскомъ освидѣтельствованіи этихъ крестьянокъ оказалось, что въ дѣтородныхъ частяхъ у Кобриковой отрѣзаны часть клитора, его оболочки и передняя часть малыхъ губъ, у Ивановой клиторъ не поврежденъ, но оболочка его и передняя часть малыхъ губъ отрѣзаны. С.-петербургскій физикатъ, по разсмотрѣніи актовъ освидѣтельствованія Кобриковой и Ивановой, нашелъ, что у нихъ сдѣланы были попытки къ оскопленію.

При слѣдствіи подсудимая *Кобрикова* на первомъ допросѣ показала, что она оскоплена съ собственнаго ея согласія въ 1854 году въ лѣсу крестьянкою Еввою Тобіасовою, склонившею ее къ этому. На другомъ допросѣ, Кобрикова, убѣждаемая матерью ея чистосердечно во всемъ сознаться, показала, что она согласилась оскопиться вслѣдствіе внушеній крестьянина ихъ деревни Исая Александрова, который неоднократно убѣждалъ ее въ необходимости этого для спасенія души. Въ 1854 г. около троицына дня, Исай привелъ ее въ деревню Ламми въ баню крестьянина Кусты или Кузьмы, гдѣ они застали крестьянку деревни Ламми Евву Тобіасову и русскую дѣвку, которой она ни до того, ни послѣ нигдѣ не видѣла и которую Тобіасова называла Степанидою. Исай, по приходѣ въ баню, вскорѣ ушелъ, сказавши что-то означеннымъ женщинамъ, которыя, вынудивъ у нея убѣжденіями согласіе на оскопленіе, по произнесеніи нѣсколькихъ молитвъ, велѣли ей лечь, связали ноги, закрыли ей

глаза и оскопили. На первомъ допросѣ она не указала всѣхъ своихъ оскопителей изъ боязни, показала же на одну Евву Тобіасову потому, что знала, что она умерла.—Другая подсудимая *Евва Иванова* первоначально показала, что она оскоплена еще въ малолѣтствѣ родною ея матерью, умершею назадъ тому года три. На второмъ допросѣ Иванова на увѣщанія роднаго ея дяди открыть истину, объявила, что къ оскопленію склонила ее крестьянка ихъ деревни Лизавета Адамова, взятая въ 1854 году подъ стражу за принадлежность къ сектѣ скопцовъ. Въ сѣнокосъ того года она пригласила ее идти въ деревню Ламми и привела прямо въ баню крестьянина Кусты. Оставивъ ее тамъ одну, Лизавета вскорѣ воротилась въ сопровожденіи двухъ дѣвокъ. Одну изъ нихъ, Христину, она прежде видала, а другая, которую Лизавета называла Степанидою, была вовсе ей незнакома и послѣ она никогда ее не встрѣчала. Посидѣвши немного, Лизавета ушла, а Христина и Степанида, когда смерклось, положили ее и, завязавши ей ноги и глаза, вырѣзали у нея что то въ дѣтородныхъ частяхъ. На первомъ допросѣ она не показала на своихъ оскопительницъ потому, что дала имъ клятву не выдавать ихъ и боялась, что Богъ ее накажетъ *).

Крестьянинъ деревни Ламми Куста, оказавшійся *Кузьмою Андреевымъ* (Кустусъ Андрусовъ), по рѣшенію с.-петербургской угол. палаты, 13-го іюня 1855 г. состоявшемуся, за оскопленіе самого себя, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сосланъ на поселеніе въ туруханскій край.

При розысканіи слѣдователемъ оговоренной Кобриковою и Ивановою крестьянки Степаниды оказалось, что въ деревнѣ Ламми жила прежде на воспитаніи дѣвица этого имени, питомица воспитательнаго дома, именно *Степанида Ефимова*, служившая во время производства слѣдствія въ С.-Петербургѣ въ патріотическомъ институтѣ. Вслѣдствіе сего, по сношеніи съ начальствомъ института, означенная Ефимова была допрошена. По по-

*) Оговоренные подсудимыми Кобриковою и Ивановою: Евва Тобіасова, Христина Самуйлова, Елизавета Адамова и Исай Александровъ, оказавшійся Исаакомъ Александровымъ, содержавшіеся въ тюремныхъ замкахъ по обвиненію въ принадлежности къ сектѣ скопцовъ, *умерли*: Тобіасова 25 іюня, Самуйлова 26 августа, Адамова 23 іюля и Александровъ 24-го марта 1855 года.

казанію Ефимовой, объявившей, что обвиненіе ея Кобриковою и Ивановою въ оскопленіи ихъ несправедливо, и по удостовѣренію начальства института оказалось, что она изъ деревни Ламми выбыла въ 1843 г. и со времени поступленія въ 1846 г. на службу въ патріотическій институтъ изъ С.-Петербурга никуда не отлучалась. При медицинскомъ освидѣтельствованіи Ефимовой всѣ половыя части и груди ея найдены въ совершенно нормальномъ состояніи и никакихъ слѣдовъ хирургической операціи не оказалось.

Жители дер. Ламми показали, что ни въ 1853 г., 1854 г. и 1855 годахъ, ни раньше сего они никакой крестьянки Степаниды не видали и, кромѣ выбывшей изъ ихъ деревни назадъ тому 13 л. Степаниды Ефимовой, другой Степаниды не знаютъ. По розыскамъ слѣдователя въ сосѣднихъ съ Ламми и Радицами деревняхъ также никакой дѣвки Степаниды не открыто.

Подсудимыя Иванова и Кобрикова по метрическимъ книгамъ значатся родившимися: первая 6-го февраля 1839 г., а вторая 11-го сентября 1838 г., слѣдовательно та и другая были оскоплены на 16 году отъ роду. Обѣ подсудимыя содержались подъ стражею: Кобрикова съ сентября 1855 г., а Иванова съ іюня 1857 года.

Разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла, второе общее собраніе нашло, что подсудимыя, несовершеннолѣтнія крестьянки Ѳедосья Кобрикова и Евва Иванова, дѣтородныя части которыхъ по медицинскомъ освидѣтельствованіи оказались поврежденными, сознаваясь въ томъ, что онѣ оскоплены, объяснили, что оскопленіе произведено надъ ними въ 1854 году, въ банѣ крестьянина деревни Ламми, Кузьмы Андреева, (сосланнаго въ 1854 г. на поселеніе въ Сибирь за принадлежность къ скопческой сектѣ), по собственному ихъ согласію, къ которому склонили Кобрикову крестьянинъ Исай, онъ же Исаакъ Александровъ, а Иванову—крестьянка Елизавета Адамова, и что оскопительницами ихъ были: Евва Тобіасова, Христина Самуйлова и незнакомая подсудимымъ дѣвица Степанида. Обвиненныя Кобриковою и Ивановою вышепоименованныя лица, кромѣ дѣвицы Степаниды, умерли во время содержанія ихъ въ тюрьмѣ за принадлежность къ сектѣ скопцовъ еще до представленія Кобриковой и Ивановой къ слѣдствію, а неизвѣстная имъ дѣвица

Степанида не отыскана. По закону: при опредѣленіи наказанія скопцамъ не пріемлется въ оправданіе, когда они при допросахъ будутъ показывать, что оскоплены неизвѣстными имъ людьми, или тѣми, кои уже умерли (1 п. 588 ст. 2 кн. XV т. св. зак. угол. изд. 1857 г.). Посему подсудимыя Кобрикова и Иванова не могутъ быть освобождены отъ наказанія за ихъ вину, постановленнаго въ статьѣ 221. Второе общее собраніе опредѣлило: 1) крестьянокъ Ѳедосью Кобрикову, 20 л. и Евву Иванову 19 *л.*, на основаніи 151 и 221 ст. улож. о нак. 1 кн. XV т. св. зак. угол. (изд. 1857 г.), лишить всѣхъ правъ состоянія и *сослать на поселеніе*, предоставивъ министру юстиціи войти въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ по предмету назначенія Кобриковой и Ивановой мѣста поселенія.

При слушаніи же сего дѣло заявлено было и слѣдующее мнѣніе: подсудимыя несовершеннолѣтнія крестьянки Ѳедосья Кобрикова и Евва Иванова, у коихъ по медицинскому освидѣтельствованію оказались половыя части поврежденными, при слѣдствіи указали своихъ оскопителей и мѣсто оскопленія. Хотя же оскопители тѣ: Евва Тобіасова, Христина Самуйлова, Елизавета Адамова, Исаакъ Александровъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ оказались уже умершими, однакоже въ правдивости показаній подсудимыхъ нѣтъ повода сомнѣваться, ибо всѣ упомянутыя лица—Тобіасова, Самуйлова, Адамова и Александровъ дѣйствительно принадлежали къ скопческой сектѣ, за что и содержались въ тюремномъ замкѣ, а чтобы подсудимыя знали о ихъ смерти и указали на нихъ лишь для того, чтобы скрыть имя настоящихъ своихъ оскопителей, того по дѣлу не доказано; притомъ сходство обвиненія подсудимыхъ, не могшихъ при слѣдствіи имѣть между собою предварительной стачки о томъ, что мѣсто оскопленія ихъ происходило въ банѣ крестьянина Кусты (сосланнаго уже за принадлежность къ скопческой сектѣ въ туруханскій край), придаетъ показаніямъ ихъ тѣмъ болѣе вѣроятія. Посему подсудимыхъ Кобрикову и Иванову, надъ которыми сдѣлана была лишь попытка къ оскопленію, а не полное оскопленіе, и которыя указали притомъ своихъ оскопителей, слѣдуетъ, по точному смыслу 946, 1192 и примѣч. къ 1408 ст. (IX прод.) XV т. св. зак. угол. и 97 ст. улож. *отъ суда осво-*

бодить, подвергнувъ ихъ однако строгому надзору со стороны мѣстныхъ духовнаго и полицейскаго начальствъ.

О Иванѣ, Францѣ и Адели Бержѣ, судимыхъ за поддѣлку и выпускъ въ обращеніе государственныхъ кредитныхъ билетовъ 25 руб. достоинства.

13 ноября 1856 г. задержаны были въ Варшавѣ слѣдовавшіе изъ С.-Петербурга во Францію по фальшивымъ паспортамъ кронштадтскій мѣщанинъ Юліанъ Берту съ женою Аделью*) и французскій подданный Францъ Берже, вслѣдствіе павшаго на нихъ подозрѣнія въ выпускѣ въ этомъ городѣ въ обращеніе, при покупкѣ разныхъ вещей въ нѣсколькихъ купеческихъ лавкахъ, русскихъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ двадцатипятирублеваго достоинства.—По произведенному мѣстною полиціею обыску въ ихъ квартирѣ въ «Англійской гостинницѣ», гдѣ они остановились, найдено въ бумажникѣ, который Адель Берже въ то время хотѣла скрыть въ постель: 40 штукъ русскихъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ 25 руб. достоинства, тетрадка съ фальшивымъ 25 руб. билетомъ, заключающая подражаніе подписей директоровъ и кассировъ банка обыкновенно находящихся на билетахъ, и номера серій, наличными деньгами 3870 руб. 75 коп. сер. въ разной монетѣ, векселя купца Алексѣева на 2625 руб. сер. и значительное количество разныхъ вещей, причемъ, (какъ видно изъ докладной записки варшавскаго военнаго генералъ-губернатора къ намѣстнику царства польскаго), Адель Берту предлагала слѣдственному приставу полиціи Добржскому 1000 руб. сер. за то, чтобы онъ уничтожилъ захваченную имъ пачку фальшивыхъ бумажекъ и тетрадку, а мужъ ея, держа руку въ карманѣ, изорвалъ нѣсколько фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. — Вслѣдъ засимъ были присланы варшавскимъ оберъ-полиціймейстеромъ 36 фальшивыхъ 25 руб. билетовъ, полученныхъ отъ Берже разными купцами.—По приказанію намѣстника царства польскаго, генералъ-адъютанта кн. Горчакова, Берже были заарестованы и подвергнуты допросамъ въ варшавской слѣдственной коммисіи. При этомъ слѣдствіи,

*) Настоящая фамилія ихъ была «Берже».

весле увещенія къ чистосердечному сознанію, назвавшійся *Юліаномъ Берту*, показалъ, что настоящее имя его есть *Иванъ Берже*, имя же Берту принялъ онъ въ 1851 году, съ намѣреніемъ укрыться отъ своихъ кредиторовъ. Получивъ въ г. Ліонѣ вслѣдствіе просьбы своей отъ знакомаго ему красильщика Юліана Берту исходатайствованный этимъ послѣднимъ паспортъ на это имя, онъ съ тѣхъ поръ постоянно употреблялъ его. *Францъ* и *Адель Берже* подтвердили его показаніе о принятіи этого имени съ намѣреніемъ укрыться отъ кредиторовъ.—Далѣе изъ показаній ихъ оказалось: «что Иванъ Берже, (первоначально назвавшійся Берту), желая поправить неблагопріятныя обстоятельства коммерческихъ дѣлъ своихъ, отправился съ женою Аделью въ С. Петербургъ для занятій этими дѣлами, купивъ въ Парижѣ на 24000 франковъ разныхъ товаровъ и началъ продавать ихъ въ находящемся въ С. Петербургѣ магазинѣ Лопиталя, но дѣла его пошли дурно, и онъ началъ съ купцомъ Лопиталемъ процессъ, вслѣдствіе (будто бы) обмана его симъ послѣднимъ потерялъ почти весь свой капиталъ и занялся, равно какъ и жена его, ученіемъ и воспитаніемъ дѣтей у разныхъ частныхъ лицъ. Ходатайство по дѣлу съ Лопиталемъ онъ поручилъ жившему въ С. Петербургѣ учителю гимназіи Юлію Эйхелю, по совѣту коего, въ надеждѣ покровительства со стороны правительства, въ 1853 году принялъ русское подданство подъ именемъ Берту и записался въ кронштадтскіе мѣщане. При такихъ обстоятельствахъ, часто видясь съ Эйхелемъ для совѣщанія по дѣлу, онъ встрѣтился съ нимъ въ февралѣ 1854 года въ трактирѣ въ домѣ Косиковскаго, и при разговорѣ Эйхель сказалъ ему, что состояніе въ Россіи скорѣе всего онъ могъ бы пріобрѣсти посредствомъ поддѣльныхъ фальшивыхъ банковыхъ билетовъ, которыхъ въ настоящее время уже много въ курсѣ. Послѣ того въ ноябрѣ 1854 года, встрѣтивъ Ивана Берже въ томъ же трактирѣ и пригласивъ его къ себѣ на квартиру въ гостинницѣ Демута по Мойкѣ, подъ предлогомъ совѣщанія о дѣлѣ его съ Лопиталемъ, Эйхель возобновилъ опять разговоръ о томъ, какъ легко можно пріобрѣсти состояніе посредствомъ поддѣлки русскихъ ассигнацій, не подвергая даже себя никакой за то отвѣтственности. Берже, замѣтивъ приэтомъ до какой степени эта мысль вкоренилась въ головѣ Эйхеля и нуждаясь

въ помощи его для процесса съ Лопиталемъ, не только не противоречилъ ему, но даже старался ввести его въ заблужденіе, будто бы онъ уже занимается этимъ деломъ, за что Эйхель обещалъ ему всевозможное съ своей стороны стараніе по делу его съ Лопиталемъ. Впоследствіи Эйхель, пришедши однажды на квартиру къ Берже, объявилъ ему, что онъ не только не отступаетъ отъ предположенія относительно фальшивыхъ банковыхъ билетовъ, но даже вошелъ уже по сему предмету въ сношеніе съ какимъ-то казначеемъ питейнаго управленія въ С. Петербурге, имеющимъ генеральскій чинъ, что казначей этотъ согласился разменивать въ своей кассе все фальшивые билеты, какіе будутъ къ нему приносимы, и желалъ бы приступить къ сему какъ можно скорее, потому что правительство, занятое войною, не имеетъ времени обращать на это строгаго вниманія, а темъ менее следить подделыциковъ. Берже не думалъ однако приводить въ исполненіе предложенія Эйхеля и только нуждаясь въ помощи его по делу съ Лопиталемъ, поддерживалъ его заблужденіе о своемъ соучастіи; но какъ Эйхель требовалъ отъ него доказательствъ действительности принятыхъ имъ по сему предмету меръ, то Берже принужденъ былъ показывать ему письма, будто бы полученныя изъ за границы, действительно же имъ самимъ писанныя, въ которыхъ онъ въ оправданіе своей медленности приводилъ разныя препятствія. Летомъ 1855 года, пріехавъ по вызову его изъ Царскаго Села въ С. Петербургъ, Берже въ разговоре съ нимъ о подделке банковыхъ билетовъ объявилъ, что онъ вовсе не веритъ его разсказамъ относительно помянутаго казначея, на что Эйхель отвечалъ, что хотя эта исторія действительно имъ выдумана, однако онъ имеетъ одного знакомаго, именно казначея питейнаго управленія Эльмана, который, играя постоянно несчастливо въ карты, вероятно не упуститъ удобнаго случая поправить свои дела и можетъ быть очень полезенъ въ ихъ предпріятіи. Спустя некоторое время, Берже потребовалъ отъ Эйхеля 1500 руб. сер. объявивъ, что безъ этой суммы онъ не можетъ приступить къ известному делу, причемъ имелъ только въ виду отделаться отъ настойчивости Эйхеля и вместе возвратить отданныя ему въ долгъ 500 руб. сереб. Эйхель обещалъ доставить требуемую сумму и въ ноябре 1855 года, (осведомясь, что

Берже получилъ паспортъ на выѣздъ за границу), сказалъ ему, что открылъ предпріятіе на счетъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ другу Эльмана негоціанту, котораго просилъ ссудить ему 1500 р. с. и что помянутый негоціантъ обѣщалъ дать ему эту сумму и даже выразилъ надежду, что и Эльманъ не откажется принять участіе въ этомъ дѣлѣ, въ противномъ случаѣ же имѣетъ въ виду другаго казначея; когда чрезъ нѣсколько дней Берже напомнилъ Эйхелю объ обѣщанныхъ 1500 р. с., то онъ отвѣчалъ, что негоціантъ, о которомъ онъ ему говорилъ, принужденъ былъ на дняхъ заплатить какому то купцу 4 т. р. с. и потому въ настоящее время не можетъ дать обѣщанной суммы. Въ такомъ положеніи дѣла Берже потребовалъ отъ Эйхеля возврата занятыхъ имъ 500 р. с. объявивъ присемъ, что нуждаясь въ его помощи по процессу съ Лопиталемъ, онъ показывалъ видъ, будто бы принималъ его предложеніе насчетъ фальшивыхъ ассигнацій. На это Эйхель отвѣчалъ, что онъ также не имѣлъ серіозно такого предположенія и даже давно бы сдѣлалъ на Берже доносъ, еслибы имѣлъ явныя противъ него доказательства. Послѣ такого разговора, Берже, желая отыскать вышепомянутаго негоціанта, дабы отвергнуть предъ нимъ все сказанное Эйхелемъ, пошолъ къ Эльману, который живетъ въ зданіи помянутаго негоціанта (управленія по Вознесенской улицѣ) и обратясь къ женѣ его, знающей французскій языкъ, старался развѣдать о семъ негоціантѣ, другѣ ея мужа, который въ то время уплатилъ какому то купцу 4 т. р. с., но не могъ получить отъ нея положительнаго свѣдѣнія; наконецъ посредствомъ разныхъ расспросовъ удалось ему узнать, что это могъ быть нѣкто Бекманъ, живущій между улицами Михайловскою и Малою Садовою, къ которому онъ явился, какъ Берту, присланный Эйхелемъ.—Бекманъ принявъ его, отозвался, что Эйхель дѣйствительно говорилъ про Берту; тогда Берже убѣдясь, что Бекманъ есть именно тотъ, кого онъ ищетъ, объявилъ, что боясь доноса, онъ пришелъ уличить Эйхеля и отвергнуть все то, что онъ на него наговорилъ; но Бекманъ, не входя въ подробныя объясненія, сказалъ, что по своему положенію онъ не боится доносовъ и съ Эйхелемъ имѣетъ только сношенія какъ съ ходатаемъ по тяжебнымъ дѣламъ. Возвратясь отъ Бекмана, Берже написалъ письмо къ Эйхелю, въ которомъ дѣлая упреки, далъ

ему замѣтить, что онъ отыскалъ Бекмана (копія съ этого письма найдена между бумагами Берже). Кромѣ того Берже въ показаніяхъ своихъ объяснилъ, что Эйхель совѣтовалъ, чтобы онъ подобно ему во избѣжаніе подозрѣнія распускалъ слухи; будто бы получилъ наслѣдство, причемъ, показавъ золотой перстень съ камнемъ сказалъ, что внутри его находится ядъ и въ случаѣ неудачи онъ отравитъ себя.—Изъ послѣдующихъ, согласныхъ между собою показаній Ивана и Франца Берже видно, что въ 1855 году Иванъ Берже писалъ письмо изъ С. Петербурга во Францію, въ которомъ просилъ брата своего Франца отправиться въ Лондонъ и пріискать тамъ кого либо, кто бы согласился поддѣлывать русскіе банковые билеты 50 р. с. достоинства, для чего на образецъ Иванъ Берже прислалъ брату настоящій билетъ того же достоинства. Вслѣдствіе такого предложенія Францъ Берже ѣздилъ въ Лондонъ и обращался тамъ къ нѣсколькимъ литографамъ, но никто изъ нихъ не хотѣлъ заниматься подобнаго рода дѣломъ изъ опасенія отвѣтственности. По возвращеніи изъ Лондона въ Ліонъ, Францъ Берже получилъ другое письмо отъ брата своего Ивана съ просьбою прислать къ нему въ Женеву французскій паспортъ, по которому онъ могъ бы прибыть во Францію, въ чемъ, какъ русскій подданный, онъ находитъ препятствіе по случаю военнаго времени. Исполняя просьбу брата, Францъ Берже послалъ ему французскій паспортъ на имя Юлія Турны, по которому Иванъ Берже и прибылъ въ Ліонъ; въ январѣ 1856 г. тогда, разсказавъ брату всѣ обстоятельства, относящіяся до предложенія Эйхеля о поддѣлкѣ фальшивыхъ банковыхъ билетовъ, исключая самой развязки, онъ снова предложилъ ему принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Потомъ Иванъ Берже пріѣзжалъ еще два раза въ Ліонъ, а затѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1856 года оба брата Берже, съѣхавшись въ Женевѣ, приступили къ поддѣлкѣ 25 руб. русскихъ банковыхъ билетовъ. Поддѣлка эта производилась слѣдующимъ образомъ: братья Иванъ и Францъ Берже обратились къ литографу въ Женевѣ, при чемъ первый изъ нихъ назвалъ себя директоромъ коммерческаго банка Де-Бертъ, и объявилъ ему, что онъ намѣренъ выпустить коммерческія акціи въ Россіи. Умѣя же рисовать, самъ начертилъ ему на литографическомъ камнѣ образчикъ для акцій съ помощію купленной имъ для сего въ Па-

рижъ машины для тимотированія (составъ, который Берже подробно описалъ въ своемъ показаніи), и литографщикъ Кюбели сталъ заниматься тисненіемъ. Потомъ Иванъ Берже велѣлъ у типографщика Фика въ Женевѣ же напечатать на оборотной сторонѣ билетовъ обыкновенное извлеченіе изъ постановленій о государственныхъ кредитныхъ билетахъ, но сложеніемъ буквъ онъ занимался самъ, потому что типографщикъ не зналъ русскаго языка. Для того чтобы убѣдить литографа и типографщика, что они дѣйствительно приготовляютъ бланкеты для коммерческихъ акцій, Иванъ Берже вверху и внизу билетовъ нарисовалъ бордюръ съ французскою надписью коммерческаго общества, который по приготовленіи билетовъ, обрѣзывался. Прозрачныя цифры, означающія достоинство банковыхъ билетовъ и подписи, а равно номера серій и подписи отбивалъ самъ Иванъ Берже у себя въ квартирѣ, въ чемъ ему, какъ онъ объясняетъ, никто не помогалъ, а по показанію Франца Берже, подписи на билетахъ отбивалъ и онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Буквы для печатанія Иванъ Берже заказалъ въ Ліонѣ у фабриканта Рея, подъ предлогомъ, что имѣетъ намѣреніе издать басни Крылова такимъ стереотипнымъ шрифтомъ, какъ французскія басни Лафонтена. Бумага употреблялась ими для этой поддѣлки обыкновенная почтовая, образчикъ которой найденъ у нихъ при обыскѣ и пріобщенъ къ дѣлу. При складываніи буквъ сдѣланы ошибки и таковыхъ слѣдственная коммисія, на найденныхъ у Берже билетахъ замѣтила одинадцать. Всѣхъ фальшивыхъ банковыхъ билетовъ, какъ утверждаетъ Иванъ Берже, было только 1800 штукъ, которые онъ и отвезъ въ С. Петербургъ; прочіе же были имъ сожжены. Машину, типографическія буквы, цифры и другіе снаряды, служившіе къ поддѣлкѣ банковыхъ билетовъ, Иванъ Берже, сложивъ въ ящикъ, отдалъ на сохраненіе женевскому рѣзчику Лодерману, живущему тамъ въ улицѣ Place du Temple, не открывая ему однако дѣйствительной цѣли ихъ употребленія; рисунки же на литографическихъ камняхъ онъ въ своемъ присутствіи велѣлъ стереть. Съ приготовленными такимъ образомъ фальшивыми билетами, оба брата Берже 13 августа 1856 года пріѣхали въ С. Петербургъ, гдѣ Францъ Берже по наставленію своего брата записался, какъ прибывшій для коммерческихъ дѣлъ съ тамошними купцами Коемовъ и

Ланье, которыхъ однако онъ совершенно не зналъ, но на которыхъ показалъ въ убѣжденіи, что объявленіе это есть только простая формальность, и что эти купцы спрашиваемы о немъ не будутъ. Иванъ Берже остановился у архитектора Рейтера, въ измайловскомъ полку въ 3 ротѣ, куда вскорѣ по его приглашенію прибыла жена его изъ тверской губерніи; братъ же его Францъ жилъ въ домѣ Коссиковскаго на Большой Морской у г. Рамъ. По пріѣздѣ въ С. Петербургъ жены Ивана Берже, онъ въ первый разъ открылся ей въ томъ, что занимается поддѣлкою банковыхъ билетовъ; до того же времени она ничего объ этомъ не знала и размѣномъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ не занималась. Опасаясь мѣнять и пускать въ курсъ въ большомъ количествѣ фальшивые билеты, Иванъ Берже по совѣщаніи съ братомъ, значительное число оныхъ сжегъ, оставивъ только отъ 340 до 350 штукъ; при промѣнѣ же ихъ не только не употреблялъ ни чьей помощи, но даже никому тайны своей не открывалъ, а хотя Эйхель и встрѣчался съ нимъ неоднократно, однако ничего объ этомъ не зналъ и даже не показывалъ подозрѣнія. Въ С. Петербургѣ Францъ Берже съ братомъ промѣняли въ разныхъ магазинахъ около 170 фальшивыхъ банковыхъ билетовъ; болѣе всѣхъ занимался промѣною Францъ Берже и при этомъ не встрѣчалъ никакихъ препятствій. Къ сему Францъ Берже добавилъ, что жена брата его Адель Берже размѣняла въ Варшавѣ нѣсколько фальшивыхъ билетовъ. Адель Берже объяснила, что по пріѣздѣ въ сентябрѣ 1856 г. въ С. Петербургъ изъ тверской губерніи, гдѣ она находилась въ гувернанткахъ у г. Осипова, она узнала отъ мужа о пріобрѣтеніи имъ поддѣльныхъ билетовъ и изъ числа полученныхъ ею отъ него такихъ билетовъ размѣняла въ С. Петербургѣ около 8 штукъ, да дорогою въ г. Ригу 4 и въ Варшавѣ до 15 штукъ. При заарестованіи ихъ, портфель съ фальшивыми 40 билетами она точно положила на кровать, а 1000 р. сер. предлагала инспектору полиціи не за уничтоженіе билетовъ, а за освобожденіе ихъ, Берже. Кромѣ сего изъ показаній Ивана и Франца Берже, видно, что собравъ посредствомъ промѣна поддѣльныхъ билетовъ нѣкоторую сумму, Иванъ Берже съ женою подъ именемъ Берту и Францъ Берже выѣхали вмѣстѣ изъ С. Петербурга 25 октября 1856 г. по формальнымъ паспортамъ и подорожной, имѣя на-

мѣреніе отправиться во Францію, и слѣдуя чрезъ Ригу, Вильно и Гродно прибыли въ Варшаву. Дорогою они промѣняли только нѣсколько фальшивыхъ билетовъ, а въ Варшавѣ пустили въ курсъ около 60 штукъ, чѣмъ обратили на себя вниманіе и были арестованы. Независимо отъ сего изъ подсудимыхъ Иванъ Берже изъявилъ желаніе предоставить правительству проектъ усовершенствованія банковыхъ билетовъ, чтобы сдѣлать поддѣлку ихъ совершенно невозможною *).

Произведенное въ такомъ видѣ слѣдствіе (по коему обнаружилось, что выпускъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ произведенъ былъ подсудимыми Берже по большей части въ С. Петербургѣ и самый умыселъ о поддѣлкѣ ихъ принятъ ими въ этомъ городѣ), было передано на распоряженіе III-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, куда были препровождены и задержанные въ Варшавѣ подсудимые съ фальшивыми кредитными билетами, деньгами и вещами ихъ, и затѣмъ производство дальнѣйшаго формальнаго слѣдствія было поручено *особой слѣдственной коммисіи*, учрежденной собственно для этого дѣла въ С. Петербургѣ. При допросахъ въ этой коммисіи подсудимые подтвердили свои показанія, и изъ нихъ Адель Берже объяснила, что она фальшивые билеты размѣнивала въ магазинахъ Мартенсъ и Морисъ, но при предъявленіи ей на очной ставкѣ Розаліи Мартенсъ и Альфонсины Морисъ она ихъ не признала и сняла съ нихъ свой оговоръ, объяснивъ, что дала это показаніе по ошибкѣ. Розалія Мартенсъ и Альфонсина Морисъ въ принятіи отъ нея фальшивыхъ билетовъ также не созналась. Оговоренный Иваномъ Берже, кассиръ конторы с.-петербургскаго питейнаго откупа Богданъ Эльманъ и с.-петербургскій 2 гильдіи купецъ Бекманъ въ взводимомъ на нихъ участіи въ преступленіи, ни въ знаніи о семъ не сознались. Наконецъ, при прочтеніи подсудимымъ Ивану, Францу и Адель Берже, ихъ показаній они подтвердили оныя, но только съ нѣкоторыми не-

*) Всѣ вышеозначенные отвѣты подсудимыхъ, отобранные отъ нихъ въ продолженіи нѣсколькихъ допросовъ и именно: отъ 21 ноября 1856 г. до 3 января 1857 года хотя писаны на польскомъ языкѣ, но были прочитываемы имъ во французскомъ переводѣ и по совершенномъ, какъ объяснено въ концѣ каждаго показанія, вразумѣніи, утверждены собственоручными ихъ подписями.

значительными измѣненіями въ подробностяхъ съ отмѣною того, чтобы Адель Берже участвовала въ выпускѣ въ обращеніе фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ; Иванъ и Францъ Берже объяснили,—что они никогда этого не говорили, а варшавскою слѣдственною коммисіею включено это обстоятельство въ ихъ показаніе по той причинѣ, что переводчикъ плохо зналъ французскій языкъ и не понялъ ихъ объясненій. Францъ Берже противу того обстоятельства, что въ Варшавѣ замѣчена была въ лавкахъ какая то женщина, размѣнивавшая билеты, показалъ, что это была одна ему знакомая француженка, по имени Марія, которая дѣлала это по просьбѣ его, не зная того, что билеты фальшивые. Адель Берже,—что она сначала взяла ложно на себя преступленіе, полагая, что этимъ средствомъ она избавитъ себя отъ разлуки съ мужемъ послѣ заарестованія ихъ въ Варшавѣ, но что она никогда не размѣнивала фальшивыхъ билетовъ и знаніе ея объ этихъ билетахъ состояло лишь въ томъ, что когда по пріѣздѣ ея изъ Твери мужъ ея сообщилъ ей совѣтъ, данный ему Эйхелемъ, и показалъ пачку билетовъ, то она потребовала, чтобы онъ немедленно истребилъ ихъ, что онъ и исполнилъ въ ея присутствіи; съ этой минуты, она болѣе билетовъ не видала, не слыхала о нихъ и считала все дѣло конченнымъ. Въ оправданіе относительно этого обстоятельства, она привела не подтвердившіяся указанія ея на мѣста сбыта фальшивыхъ билетовъ. Относительно предложенія приставу Добржскому денегъ за освобожденіе ихъ, она также отвергла свои показанія, объяснивъ, что во время заарестованія сказала только, что дала бы сколько угодно денегъ, чтобы съ ними не случилось этого происшествія, но никогда не дѣлала предложенія объ освобожденіи ея съ мужемъ и братомъ, и слова ея дурно поняты.

Изъ пріобщеннаго къ дѣлу письма генеральнаго прокурора при императорскомъ ліонскомъ судѣ, переданнаго французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ французскому генеральному консулу въ Варшавѣ видно, что въ Ліонѣ мѣстною полиціею заарестованъ братъ подсудимыхъ Туссенъ Берже, у котораго найдена машина для приготовленія русскихъ кредитныхъ билетовъ и печать съ Императорскимъ Россійскимъ гербомъ; противу этого обстоятельства Иванъ и Францъ Берже объяснили, что они оставили вещи у брата своего Туссена, не говоря ему о на-

значенія оныхъ и что такимъ образомъ Тусоенъ ничего не зналъ объ ихъ преступленіи.

Въ отношеніи прикосновеннаго къ сему дѣлу, имѣющаго званіе учителя гимназіи *Юлія Эйхеля*, изъ дѣла видно, что онъ 27 октября 1855 года подалъ въ III отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи *записку*, въ которой изложилъ, что принявъ на себя ходатайство по дѣлу Берту съ Лопиталемъ, онъ находился въ близкихъ къ Берту сношеніяхъ и часто видѣлся съ нимъ. Вслѣдствіе предостереженія его Лопиталемъ онъ началъ подозрѣвать Берту въ проживаніи въ Россіи подъ ложнымъ именемъ, въ намѣреніи укрываться отъ преслѣдованія французскихъ законовъ за какое либо преступленіе, и однажды услыхалъ отъ Берту разныя предположенія относительно пріобрѣтенія въ скоромъ времени капитала контрабандою и тому подобнымъ. Тогда онъ, Эйхель, принялъ намѣреніе воспользоваться откровенностью Берту для того, чтобы воспрепятствовать исполненію его преступныхъ намѣреній. Послѣ этого Берту скрылся на 8 или 10 мѣсяцевъ и затѣмъ встрѣтившись съ нимъ въ сентябрѣ 1854 г. (въ квартирѣ нѣкоторой Рамъ, въ домѣ Коссиковскаго, у полицейскаго моста), сознался ему, что онъ заказалъ брату своему, живущему въ Парижѣ, приготовить фальшивые русскіе кредитные билеты въ намѣреніи ввезти ихъ въ Россію къ марту 1855 г., выпустить ихъ здѣсь въ обращеніе и такимъ образомъ обогатиться. Такъ-какъ при этомъ сознаніи Берту не было свидѣтелей, то онъ, Эйхель, оставилъ это дѣло безъ огласки для того, чтобы не давая подозрѣнія слѣдить за нимъ и дождавшись свѣдѣнія о полученіи имъ билетовъ, объявить объ этомъ правительству. Съ наступленіемъ марта, Берту принесъ къ нему письмо отъ своего брата изъ Парижа, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ Берту о препятствіяхъ къ изготовленію фальшивыхъ билетовъ. Въ началѣ октября 1855 г. Берту прійдя къ нему, Эйхелю, объявилъ что ассигнаціи готовы, но что для провоза ихъ въ Россію нужно 1000 р. сер., которые и просилъ его достать. Подозрѣвая, что Берту имѣетъ уже билеты и желая его уличить, онъ назначилъ ему явиться за деньгами 25 октября, но Берту вѣроятно изъ предосторожности не явился.

На допросѣ въ слѣдственной коммисіи 8 февраля 1857 г. Эйхель

показалъ, что послѣ требованія Берту 1000 руб. сер. онъ обращался въ III-е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи и къ министру финансовъ для полученія этихъ денегъ съ тѣмъ, чтобы ссудить ими Берту, потомъ вѣрнѣе уличить его въ преступленіи. На допросъ 20 февраля Эйхель, излагая тѣже обстоятельства, объяснилъ, что разговоръ его съ Берту, въ которомъ сей послѣдній говорилъ ему о контрбандѣ, происходилъ въ квартирѣ у Гольетъ, что при этомъ объясненіи Берту сознался въ намѣреніи ввезти фальшивые кредитные билеты около октября 1855 г., и показывалъ два кредитные билета 50 руб. достоинства, присланные ему будто бы въ видѣ образчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ настоящій а другой фальшивый и что онъ, Эйхель, послѣ просьбы Берту о снабженіи его деньгами 1000 руб. сер. объявилъ объ этомъ обстоятельствѣ сначала словесно с.-петербургскому штабъ-офицеру корпуса жандармовъ полковнику Ракѣеву, а потомъ письменно въ III-е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи. Въ отзывѣ 25 февраля, Эйхель изложилъ, что не объявлялъ правительству о намѣреніяхъ Берту тотчасъ послѣ признанія сего послѣдняго, потому что считалъ его за шпіона, подосланнаго къ нему его врагами. Наконецъ въ показаніи, данномъ 19 марта, онъ изъяснилъ, что первое признаніе Берту о намѣреніи ввезти въ Россію фальшивые кредитные билеты было ему сдѣлано осенью 1854 года. Относительно свиданія своего съ Берту послѣ этого признанія и разговоровъ, бывшихъ между ними объ этомъ предметѣ, онъ утвердилъ свое объявленіе III отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи.—Полковникъ *Ракѣевъ* показалъ, что Эйхель дѣйствительно бывалъ неоднократно въ 1854 и 1855 годахъ въ его управленіи и сообщалъ ему о подозрѣніяхъ своихъ относительно Берту и онъ совѣтывалъ ему обратиться съ своимъ объясненіемъ въ III отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи.

Сообразивъ все вышеизложенное, с. петербургская уголовная палата нашла, что кронштадтскій мѣщанинъ Иванъ Берже, и родной братъ его Францискъ Берже, по собственному ихъ въ варшавской и с. петербургской слѣдственной коммисіяхъ сознанію, совершенно согласному съ другими обстоятельствами дѣла, оказываются виновными въ поддѣлкѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ 25 руб. достоинства на простой бумагѣ, съ дѣланіемъ

на оной рисунка механическими средствами, въ числѣ 1800 шт. изъ коихъ, по показанію ихъ, оставлено только 359 штукъ для выпуска въ обращеніе, а прочіе уничтожены. Кромѣ сего Иванъ Берже сознался въ проживаніи по чужимъ пріобрѣтеннымъ за границею, паспортамъ. Хотя же подсудимые сдѣлали впослѣдствіи отрицательство отъ своего сознанія, но послѣднее подтверждается обстоятельствами дѣла и найденными въ Ліонѣ у брата ихъ Тусеена Берже машинами для приготовленія русскихъ кредитныхъ билетовъ.—Обращаясь засимъ къ обстоятельствамъ дѣла, относящимся до подсудимаго Юлія Эйхеля, палата нашла, что къ изобличенію его въ склоненіи Ивана Берже къ поддѣлкѣ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, кромѣ оговора Берже, не содержится другихъ положительныхъ доказательствъ тѣмъ болѣе, что изъ дѣла видно, что Эйхель, узнавъ о замышляемой Берже поддѣлкѣ билетовъ, заявлялъ о семъ III отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи и штабъ-офицеру корпуса жандармовъ Ранневу. Посему палата опредѣлила: 1) Ивана и Франца Берже за поддѣлку механическимъ образомъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ 25 руб. достоинства и выпускъ оныхъ въ обращеніе, на основаніи 175, 588, 604 и 606 ст. улож. по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, наказать плетьми чрезъ палача каждаго по пятидесяти пяти ударовъ и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на девять лѣтъ, съ наложеніемъ клеймъ. Изъ имущества же ихъ, какое окажется, взыскать сумму, равную выпущенной ими по количеству билетовъ, всего за 309 билетовъ (такъ-какъ изъ оставленныхъ ими для выпуска въ обращеніе 350 билетовъ найдено при обыскѣ только 41 билетъ) семъ тысячь семсотъ двадцать пять руб. сер. употребивъ на пополненіе сего взысканія всѣ отобранныя отъ нихъ вещи и деньги. Фальшивые же билеты отослать для уничтоженія въ правленіе экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ. 2) Адель Берже 29 л. по предмету выпуска въ обращеніе завѣдомо фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, на основ. 1177 ст. XV т. св. зак. угол. оставить въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, а за недонесеніе о сдѣланіи мужемъ ея фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, за силою 134 ст. улож. ее Берже, наказанію не подвергать; за проживаніе же завѣдомо по чужому виду на основаніи 2 п. 140, 1211 и 1212 ст. улож. по лишеніи всѣхъ

особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ей правъ и преимуществъ, выдержать въ рабочемъ домѣ шесть мѣсяцевъ и за тѣмъ поступить съ нею по точной силѣ 52 ст. улож. съ воспрещеніемъ по 61 ст. улож. жительства въ обѣихъ столицахъ. 3) Юлія Эйхеля по предмету подговора Ивана Берже къ поддѣлкѣ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на основ. 1169 ст. XV т. св. зак. угол. какъ не сознавшагося и юридически не изобличеннаго, отъ суда освободить. 4) Прикосновенныхъ къ сему дѣлу кассира конторы с. петербургскаго питейнаго откупа, Богдана Эльмена и купца 2 гильдіи Андрея Бекмана перваго по предмету покушенія на участіе въ преступленіи Берже, а послѣдняго относительно знанія и недонесенія объ ономъ, на основ. 97 ст. улож. къ суду не привлекать.

Государь Императоръ, по внесеніи сего приговора на Высочайшее Его усмотрѣніе, повелѣть изволилъ: братьевъ Берже освободить отъ тѣлеснаго наказанія, но не отъ каторжной работы и отправить ихъ въ Сибирь, если они слабосильны, на подводѣ; въ Сибири же имѣть за ними строгое наблюденіе.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству угодно было дозволить женѣ Ивана Берже, если она пожелаетъ,—соединиться съ мужемъ, поручивъ мѣстному начальству имѣть за нею строгій надзоръ.

О. Б. глазовскомъ почтмейстерѣ Иванѣ Аристовѣ, обвиненномъ въ похищеніи изъ постъ-пакета 2000 р. с.

По полученіи въ вятской губернской почтовой конторѣ 7-го іюня 1854 года пермской почты, (сопровождаемой катольническимъ почталіономъ Зубаревымъ), при свидѣтельствѣ оной губернскимъ почтмейстеромъ, съ прочими лицами, находившимися въ той конторѣ, замѣчено, что на постъ-пакетѣ изъ Перми въ Вятку положенныя три печати пермской почтовой конторы не весьма явственны; посему приступлено было къ вскрытію онаго съ возможною аккуратностію, и по вскрытіи не оказалось изъ числа 17 постъ-пакетовъ одного постъ-пакета съ 2000

руб. серебр., адресованнаго изъ Тобольска въ Вятку на имя купца Головина.

При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи постъ-пакета, въ коемъ заключалось 17 постъ-пакетовъ, почтовая контора нашла, что печати, приложенныя къ постъ-пакету, были подрѣзываемы и приложены снова; что приложенныя вновь печати не сходствуютъ съ тѣми, которыя были приложены въ Перми, и притомъ неясны; что постъ-пакетъ съ 2000 руб. вынутъ злоумышленно: или на мѣстѣ въ Перми, или гдѣ-либо въ почтовыхъ конторахъ, чрезъ которыя проходила почта.

На предварительномъ о сей пропажѣ розысканіи, учиненномъ по распоряженію вятской губернской почтовой конторы, открыто, что похищеніе означеннаго письма съ 2000 руб. серебр., произведено посредствомъ перепечатанія постъ-пакета поддѣльною печатью пермской губернской конторы, и это преступленіе, какъ подозрѣвать можно, совершено въ глазовской почтовой конторѣ, во время прохода чрезъ оную почты, состоявшимъ подъ надзоромъ полиціи помѣщикомъ Сомовымъ, который во время разбора почты, съ коею то письмо слѣдовало, былъ въ квартирѣ тамошняго почтмейстера Аристова, смежной съ помѣщеніемъ конторы; вслѣдствіе сего чиновникомъ почтоваго вѣдомства, при содѣйствіи земскаго исправника, произведено было въ Глазовѣ формальное изслѣдованіе, изъ коего оказалось: 1) что во время прохожденія изъ Перми въ Вятку почты вечеромъ 6-го іюня у Аристова были гости, въ числѣ ихъ Сомовъ, и когда почтмейстеръ, придя изъ присутственной комнаты конторы къ гостямъ, сидѣвшимъ на террасѣ въ огородѣ, объявилъ, что съ почтой слѣдуетъ большая корреспонденція, то Сомовъ сошелъ съ террасы въ огородъ, а оттуда въ сѣни, изъ коихъ особая дверь вела въ присутственную комнату конторы; но отправившійся вслѣдъ за Сомовымъ одинъ изъ гостей, чиновникъ Соболевскій, не видалъ его въ тѣхъ сѣняхъ, и затѣмъ спустя полчаса Сомовъ возвратился на террасу. 2) Во время разбора почты, до пропажи письма съ 2000 р. Сомовъ бывалъ въ присутственной комнатѣ конторы, иногда уносилъ постъ-пакеты съ простой корреспонденціей на квартиру почтмейстера, раздѣлывалъ ихъ и бралъ адресованныя на свое имя письма и газеты. 3) До 6-го іюня Сомовъ нуждался въ деньгахъ, занимая по 3, 5 и 10 руб.,

а после означеннаго числа расплатился съ долгами, и одному изъ купцовъ далъ въ долгъ 700 руб. сереб.; приводимыя же, Сомовымъ, въ объясненіе таковой перемѣны его состоянія обстоятельства, собранными при слѣдствіи свѣдѣніями не подтвердились. 4) До свѣдѣнія слѣдователей дошло, что сидѣльцы питейныхъ домовъ подделывали откупныя печати, наложивъ сургучный слѣпокъ оныхъ на мягкій металлъ и ударомъ молотка дѣлали на немъ оттискъ, и что такимъ способомъ подделаны были двѣ фальшивыя печати, найденныя у чиновниковъ глазовскаго духовнаго правленія. Этотъ же самый способъ, по предположенію слѣдователей употребленъ былъ помѣщикомъ Сомовымъ для поддѣлки печати пермской конторы, ибо: а) мастеровой Рублевъ сдѣлалъ по заказу Сомова недѣли за двѣ до 6-го іюня 1854 года 8 свинцовыхъ кружковъ, величиною съ одной стороны немного болѣе полтинника, а съ другой въ мѣдную монету 3 коп., и толщиною немного болѣе четверти вершка; б) кузнецъ Зязевъ сдѣлалъ Сомову молотокъ вѣсомъ въ $4^1/_2$ фунта, и притомъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы та сторона молотка, коею дѣлается ударъ, была совершенно ровная и гладкая; в) на квартирѣ Сомова найдена двухпудовая гиря, съ отбитой ручкой, которую можно было употреблять вмѣсто наковальни; г) по ночамъ Сомовъ запирался въ кабинетѣ, и тамъ раздавался стукъ, на другой же день въ томъ кабинетѣ находимы были его прислугою при уборкѣ комнатъ разбросанныя тамъ сургучныя печати.

Изъ забранной справки оказалось, что помѣщикъ Сомовъ сосланъ по Высочайшему повелѣнію въ 1848 году въ Вятку подъ надзоръ полиціи, за поддѣлку въ Парижѣ россійскихъ кредитныхъ билетовъ; проживая въ Вяткѣ, онъ свелъ знакомство съ тамошней повивальной бабкой Шутихиной и занялъ у нея 2400 руб., но отказался отъ платежа и устроилъ это дѣло такъ, что не было никакихъ къ уликѣ его юридическихъ доказательствъ; за это, и за другіе его дурные поступки онъ отправленъ въ 1851 году въ Глазовъ. Во время же пребыванія его въ въ семъ городѣ заведено нѣсколько дѣлъ о взысканіи съ него денегъ и о разныхъ противозаконныхъ его поступкахъ.

Сверхъ сего по настоящему дѣлу обнаружено: а) что почта, съ коею слѣдовало письмо съ 2000 руб. на имя Головина, при-

была въ Глазовъ 6-го іюня въ 8-мъ часу; но книгъ же почтовой конторы и въ росписаніи при подорожной показана прибывшею въ 1/2 9 часа; б) по разборъ почты, почтмейстеръ Аристовъ оставилъ переходящую денежную корреспонденцію на столъ въ присутственной комнатъ конторы, а самъ вышелъ въ свою квартиру къ бывшимъ тамъ гостямъ и пробылъ съ ними болъе получаса; между тъмъ денежная корреспонденція оставалась на столъ, а не была заперта въ денежномъ сундукъ, и в) при слъдствіи Аристовъ и два глазовскіе почталіона показали, что бумага, коею обклеена была дверь, ведущая изъ съней въ присутственную комнату конторы, оборвана передъ праздникомъ Пасхи 1854 года, когда мыли полъ въ присутственной комнатъ; а впослъдствіи оба эти почталіона и двъ служившія у Аристова женщины показали, что полъ въ то время не былъ мытъ.

Кромъ сего при производствъ по настоящему дълу слъдствія открыто, что 20-го апръля 1854 года получены были въ Глазовъ на имя залазинской заводской конторы 350 руб., и тогда же записаны въ почтовую получательскую книгу; за полученіемъ сихъ денегъ являлся служитель сей конторы, но ему тъхъ денегъ почтмейстеръ не выдалъ, а получены онъ уже послъ того 7-го мая другимъ служителемъ. Спрошенный противъ сего почтмейстеръ *Аристовъ* отозвался, что не помнитъ обстоятельствъ выдачи этихъ денегъ, но знаетъ, что пакетъ съ оными былъ выданъ получателю за цълостію печатей и при немъ вскрытъ.

По сему дълу уплочено почтовымъ въдомствомъ купцу Головину изъ почтовыхъ сборовъ 2000 руб., и употреблено на прогоны 197 руб. 15 1/2 коп.; на пополненіе сего описано имущества у почтмейстера Аристова на 23 руб. 42 1/2 коп., и у Сомова на 637 руб. 95 коп., сверхъ сего удержано глазовскимъ городничимъ и отослано въ приказъ общественнаго призрънія 1535 руб. 78 коп. изъ денегъ, слъдовавшихъ Сомову за проданное имъ въ курской губерніи имъніе. Помъщикъ Сомовъ умеръ во время производства настоящаго дъла, а почтмейстеръ Аристовъ, уволенный отъ службы по разсмотръніи дъла главнымъ почтовымъ начальствомъ, содержался подъ стражею.

Сообразивъ все вышеизложенное и принимая во вниманіе: во 1-хъ, что по 343 ст. 2 кн. XV т. зак. угол. (изд. 1857

г.), къ числу уликъ или признаковъ преступленія принадлежитъ: когда обвиняемаго видѣли во время совершенія преступленія на томъ мѣстѣ, гдѣ оно учинено, и когда у обвиняемаго отысканы какіе-либо инструменты, которые къ учиненію преступленія необходимы, и если для него они не суть обыкновенны, и во 2-хъ, что по силѣ 341 ст. той же книги, сила уликъ, или признаковъ увеличивается, когда многіе признаки соединяются вмѣстѣ, и когда подсудимый не представилъ на нихъ никакого уважительнаго опроверженія,—московское общее собраніе нашло, что совокупность всѣхъ вышеозначенныхъ несовершенныхъ доказательствъ составляетъ, на основаніи 308 ст. 2 кн. XV т., совершенное доказательство похищенія помѣщикомъ Сомовымъ, денежнаго пость-пакета. За означенное преступленіе Сомовъ подлежитъ наказанію, на основаніи статей: 1-й кн. XV т. зак. угол. 2228 часть 2-я 2245 пун. 2, 3 и 4 и прилож. къ ст. 358 (примѣч. 1). Но наказаніе это за смертію его, Сомова, само собою отмѣняется (ст. 169); взысканіе же какъ похищенныхъ денегъ, такъ и издержекъ, употребленныхъ по сему дѣлу, должно быть, согласно 170 ст., обращено на оставшееся послѣ Сомова имѣніе (ст. 63, 65 и 2251).—Что-же касается до почтмейстера Аристова, то къ изобличенію или заподозрѣнію его въ участіи въ совершонномъ Сомовымъ преступленіи *не* представляется по дѣлу никакихъ доказательствъ и даже уликъ. Обстоятельство, что денежная кореспонденція въ день похищенія изъ нея постъ-пакета оставлена Аристовымъ въ присутственной комнатѣ конторы на столѣ незавертою, какъ бы слѣдовало, въ денежный сундукъ, можетъ служить несомнѣннымъ основаніемъ лишь къ обвиненію Аристова въ небрежномъ храненіи ввѣренныхъ ему по службѣ денежныхъ суммъ, за что Аристовъ долженъ бы подлежать при отсутствіи обстоятельствъ, вину его уменьшающихъ, среднему изъ наказаній, опредѣленныхъ въ ст. 393 за небреженіе, отъ котораго впрочемъ, какъ не соединеннаго съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, освобождается, на основаніи Всемилостивѣйшихъ манифестовъ 27-го марта 1855 года и 26-го августа 1856 года (ст. VI и XIX); убытки же, понесенные отъ допущеннаго имъ по небреженію похищенія денегъ, подлежатъ во всякомъ случаѣ взысканію съ него, Аристова, если только у признаннаго винов-

никомъ похищенія помѣщика Сомова, достаточнаго къ платежу оныхъ имущества не окажется (ст. 393). Равномѣрно не представляется по дѣлу достаточнаго основанія подозрѣвать Аристова въ намѣреніи утаить присланные по почтѣ на имя залазинской заводской конторы 350 руб., такъ-какъ деньги сіи при полученіи ихъ въ глазовской почтовой конторѣ въ то же время записаны были въ получательскую книгу оной и на принятіе ихъ съ почты послано было, кому слѣдуетъ, надлежащее объявленіе. Посему московское общее собраніе, на основаніи вышеприведенныхъ законовъ, а также статей 2 кн. XV т. 304, 305, 310 и 311 опредѣлило: 1) бывшаго глазовскаго почтмейстера Ивана Аристова 39 лѣтъ личному наказанію за доказанное небреженіе о храненіи ввѣренныхъ ему по службѣ денежныхъ суммъ, за силою Всемилостивѣйшихъ манифестовъ 27-го марта 1855 и 26-го августа 1856 годовъ не подвергать, освободивъ его отъ суда и слѣдствія какъ по предмету участія въ похищеніи Сомовымъ денежнаго постъ-пакета, такъ и по предмету утайки денегъ, присланныхъ на имя залазинской заводской конторы; 2) сужденіе о личномъ наказаніи помѣщика Сомова, за его смертію, по силѣ 169 ст., прекратить; 3) уплаченные по сему дѣлу изъ почтовыхъ сборовъ въ замѣнъ похищенныхъ 2000 руб. и употребленные по сему дѣлу на прогоны 197 руб. $15\frac{1}{2}$ коп., взыскать съ имѣнія Сомова, а вслучаѣ, если оно окажется недостаточнымъ, обратить взысканіе сіе на бывшаго почтмейстера Аристова.

При слушаніи же сего дѣла въ 1 отд. 6-го д-та сената заявлено было и *другое мнѣніе*: «по 1207 ст. XV т. св. зак. къ числу уликъ или признаковъ преступленія принадлежитъ: когда обвиняемаго видѣли во время совершенія преступленія на томъ мѣстѣ, гдѣ оно учинено, и когда у обвиняемаго отысканы какіе-либо инструменты, которые къ учиненію преступленія необходимы, и если для него они не суть обыкновенны, а по силѣ 1205 ст. XV т., сила уликъ или признаковъ увеличивается, когда многіе признаки соединяются вмѣстѣ и когда подсудимый не представилъ на нихъ никакого уважительнаго опровърженія. Въ настоящемъ дѣлѣ совокупность всѣхъ вышеозначенныхъ несовершенныхъ доказательствъ, составляетъ на основаніи 1173 ст. XV т. совершенное доказательство, а потому слѣдуетъ признать помѣщика

Сомова главнымъ виновникомъ преступленія, совершеннаго при необходимомъ участіи, и *пособничествѣ Аристова*, и вслѣдствіе сего Аристовъ и Сомовъ должны подлежать наказанію, на основаніи уложенія статей 127, 384, 1524, 2149, ч. 2, 2166 п. 2, 3, 4 и 5 и продолж. къ 1220 ст. XV т. по XVIII прод. Въ отношеніи Сомова наказаніе это отмѣняется за его смертію (ст. 161 улож.), но взысканіе денегъ какъ похищенныхъ, такъ и употребленныхъ по сему дѣлу должно быть, согласно 62, 64 и 2171 ст. улож, обращено на оставшееся послѣ Сомова имѣніе и на Аристова по равной части; въ случаѣ же несостоятельности одного, недостающее количество слѣдуетъ взыскать изъ имѣнія другаго, – оставя Аристова въ сильномъ подозрѣніи и въ отношеніи того, что онъ намѣренъ былъ утаить присланныя на имя залазинской заводской конторы 350 р. По симъ соображеніямъ слѣдуетъ: 1) бывшаго глазовскаго почтмейстера Ивана Васильева Аристова 39 лѣтъ, за изъясненное выше преступленіе, лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ иркутскую губернію на два года, оставя его въ сильномъ подозрѣніи въ намѣреніи утаить 350 р., присланные на имя залазинской заводской конторы; 2) сужденіе о личномъ наказаніи помѣщика Сомова за его смертію, по 161 ст. улож., прекратить; 3) уплаченные по сему дѣлу изъ почтовыхъ сборовъ въ замѣнъ похищенныхъ 2000 руб. и употребленныя по сему дѣлу на прогоны 197 р. 15½ коп., взыскать съ имѣнія Сомова и Аристова по равной части, а въ случаѣ несостоятельности одного, недостающее количество взыскать изъ имѣнія другаго.

Объ отставномъ штабсъ-капитанѣ Петрѣ Тываловичѣ, сужденномъ за кражу.

Вечеромъ 19 декабря 1858 г. задержанъ былъ во внутреннихъ комнатахъ квартиры коллежскаго совѣтника Сергѣя Аксакова неизвѣстный человѣкъ, (какъ впослѣдствіи оказалось отставной штабсъ-капитанъ Тываловичъ), и въ то же время обнаружено, что въ одной изъ тѣхъ комнатъ пропалъ салопъ на бѣличьемъ мѣху, принадлежащій служанкѣ Зоѣ Татариновой.

По представленіи Аксаковымъ при объявленіи Тываловича въ полицію, частный приставъ тверской части Пяткинъ и квартальный надзиратель Потаповъ тотчасъ отправились на квартиру Аксакова, гдѣ на сдѣланные ими допросы Зоя Татаринова подтвердила объявленіе Аксакова, а взявшіе Тываловича люди: мѣщанинъ Максимовъ и дворовые Тимофеевъ и Михайловъ отозвались, что при задержаніи Тываловича они замѣтили безпорядокъ въ комнатахъ, и Тываловичъ просилъ у нихъ извиненія, говоря, «что онъ зашелъ по ошибкѣ». Тываловичъ, (какъ было обнаружено распросами), вошелъ въ квартиру Аксакова со двора дома, чрезъ задній ходъ и корридоръ, въ коемъ была дверь во внутреннія комнаты, гдѣ и былъ задержанъ. Сначала въ похищеніи салона въ квартирѣ Аксаковыхъ онъ не сознался, а потомъ при Пяткинѣ и Потаповѣ просилъ не погубить его семейство, обѣщаясь возвратить салопъ, если съ нимъ не будетъ никакихъ послѣдствій, и объяснилъ, что встрѣтивъ неизвѣстнаго человѣка около квартиры Аксакова, онъ пошелъ съ нимъ въ означенную квартиру, съ намѣреніемъ что-либо похитить; съ этою цѣлью оба они вошли въ домъ, гдѣ взяли салопъ; въ переулкѣ, но выходя изъ дома Аксаковыхъ, тотъ неизвѣстный съ салопомъ остался, а онъ Тываловичъ опять пошелъ въ квартиру, но былъ пойманъ.

По обыску, произведенному 19 декабря въ квартирѣ Тываловича частнымъ приставомъ Пяткинымъ и квартальнымъ надзирателемъ Потаповымъ, при бытности самаго Тываловича, найдено: украденный у Татариновой салопъ, оцѣненный въ 10 руб. сер., шинель губернскаго секретаря Киселева, украденная изъ квартиры чиновника Потулова, оцѣненная въ 40 руб. сер., а также другія подозрительныя вещи, какъ то: трое золотыхъ карманныхъ часовъ, пальто и много другихъ мелкихъ вещей, какъ-то: кольца, цѣпочки и проч.

Вольноотпущенная *Зоя Татаринова* при слѣдствіи показала, что когда она, услыхавши въ темной комнатѣ шорохъ, окликнула: «кто тутъ» и получила въ отвѣтъ: «извините, я ошибся»,— то испугавшись, стала кричать; на этотъ крикъ ея прибѣжали изъ передней люди Аксакова, которые и застали Тываловича; осмотрѣвши комнату они не нашли салопа показательницы, а салопъ Аксаковой, лежавшій на важѣ во всю длину его, былъ пе-

регнуть; изъ чего можно было заключать что его трогали.—Прибѣжавшіе на крикъ Татариновой живущіе у Аксакова въ услуженіи *люди*: Өедоръ Михайловъ, Иванъ Тимоѳеевъ Тройниковъ и сергіевскій мѣщанинъ Козьма Максимовъ Миленинъ—подъ присягою, а живущій въ услуженіи у Аксаковой, дворовый ея человѣкъ Данило Степановъ—безъ присяги, подтверждая показаніе Татариновой, добавили, что при нихъ Тываловичъ хотя въ похищеніи салопа и не сознавался, но обѣщался оный доставить, говоря: «что при себѣ его не имѣетъ», и прося не погубить его съ семействомъ».—Статская совѣтница *Аксакова* объяснила, что Тываловичъ сначала при чиновникахъ полиціи запирался въ похищеніи салопа, но потомъ просилъ не погубить его съ семействомъ, говоря, «что салопа при немъ нѣтъ»; когда же она сказала ему, что взысканія съ него производить не будетъ, если онъ возвратитъ салопъ, то онъ отвѣчалъ: «какъ же мнѣ возвратить его, когда его при мнѣ нѣтъ»?—Подполковникъ *Воейковъ* объяснилъ, что когда онъ въ канцеляріи надзирателя распрашивалъ Тываловича объ образѣ его жизни и занятіяхъ и о томъ, какъ онъ попалъ въ квартиру Аксаковыхъ, то Тываловичъ, чтобъ избавиться отъ непріятныхъ для него распросовъ, сказалъ, «что Аксакова изъявила готовность простить его и прекратить все дѣло съ тѣмъ, если онъ заплатитъ деньги за салопъ», на это онъ, Воейковъ, возразилъ съ умысломъ: «имѣетъ ли онъ столько денегъ, чтобъ заплатить 500 руб. сер.»? Тогда Тываловичъ, испугавшись такой цѣны, не спохватясь, сказалъ: «за что же такъ дорого? Пропавшій салопъ стоитъ не болѣе 15 руб. сер., потому что онъ не чернобурый лисій, а заячій и покрытъ клѣтчатою бумажною матеріею». Этимъ самымъ, по мнѣнію его, Воейкова, Тываловичъ изобличилъ себя въ воровствѣ, хотя послѣ и старался всѣми силами поправить свое нечаянное сознаніе. Дѣло кончилось тѣмъ, что Тываловичъ изъявилъ готовность указать гдѣ находится салопъ, но съ тѣмъ, если онъ, Воейковъ, дастъ ему слово оставить это дѣло безъ преслѣдованія.

При слѣдствіи, 2 января 1859 года, отставной штабсъ-капитанъ *Петръ Тываловичъ* показалъ, что 19 декабря вечеромъ, возвращаясь Кисловскимъ переулкомъ домой, увидалъ онъ неизвѣстнаго ему человѣка, вышедшаго изъ одного дома съ ношею въ рукахъ, и обратился къ нему съ вопросомъ о томъ,

какъ можно ближе пройти къ квартирѣ его, Тываловича, въ Блинищевъ переулокъ; начавъ такимъ образомъ разговоръ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ и узнавъ отъ него, что въ узлѣ онъ несетъ для продажи портныхъ салопъ, онъ, Тываловичъ, продолжалъ путь съ нимъ и предложилъ продать этотъ салопъ ему, Тываловичу, для жены его, которой таковой нуженъ былъ расхожій. По полученіи на сіе согласія отъ неизвѣстнаго человѣка, показатель пригласилъ его къ себѣ на квартиру, въ которой и купилъ тотъ салопъ за 12 руб. сер. При покупкѣ салопа, онъ, Тываловичъ, узналъ отъ неизвѣстнаго человѣка, что у послѣдняго есть много несильнаго продажнаго платья; посему, имѣя нужду въ штатскомъ платьѣ, а также для узнанія о дѣйствительной принадлежности неизвѣстному человѣку купленнаго салопа, отправился съ нимъ вмѣстѣ къ послѣднему на квартиру. Поровнявшись съ домомъ, въ которомъ квартировалъ Авсаковъ, изъ котораго первоначально съ салопомъ и вышелъ неизвѣстный, показатель замѣтилъ ему: куда же онъ идетъ дальше? на что послѣдній, смѣясь, сказалъ: «вотъ тебѣ разъ, своего дома не узналъ», и затѣмъ вошелъ въ ворота; съ нимъ вмѣстѣ вошелъ и онъ, Тываловичъ, въ какой-то темный корридоръ, въ коемъ неизвѣстный просилъ его подождать, а самъ пошелъ за свѣчкой; вскорѣ послѣ выхода неизвѣстнаго, онъ, Тываловичъ, услышалъ женскій крикъ и потомъ вопросъ: «зачѣмъ ты сюда зашолъ? Растерявшись, онъ, не зная, какъ бы ему выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое былъ поставленъ, отвѣчалъ: «извините, я ошибся», и хотѣлъ уже выйти изъ корридора, но сбѣжавшимися людьми былъ остановленъ; въ это время дѣвушка, удалившаяся на нѣсколько минутъ въ какую-то комнату, возвратясь, объявила, что у ней пропалъ салопъ, отъ сего онъ еще болѣе растерялся; вскорѣ потомъ прибывшіе полицейскіе чиновники расспрашивали его, но о чемъ именно и что онъ отвѣчалъ имъ, онъ, Тываловичъ, мало помнитъ, ибо былъ сильно взволнованъ и чувствовалъ въ головѣ сильный приливъ крови; помнитъ только, что какая-то госпожа уговаривала его признаться въ похищеніи салопа и возвратить оный, обѣщаясь честнымъ словомъ отпустить его безъ всякихъ послѣдствій; тогда онъ, видя себя въ безвыходномъ положеніи и не зная на что рѣшиться, сказалъ, что у него есть дома салопъ, вѣроятно

похищенный въ ея квартирѣ, который и обѣщалъ возвратить; при чемъ, сознавая всю опасность, которой онъ случайно подвергался, просилъ ее не погубить его семейство. Прописанное же въ мѣстномъ постановленіи его сознаніе не заслуживаетъ никакого вѣроятія, потому что если бы салопъ (какъ въ постановленіи значится) остался въ рукахъ неизвѣстнаго ему человѣка, стоявшаго въ переулкѣ, а онъ бы, Тываловичъ, пошелъ опять въ квартиру Аксанова, то естественно, что тотъ салопъ не могъ попасть на его, Тываловича, квартиру. Впрочемъ въ это время онъ, Тываловичъ, дѣйствительно могъ наговорить на себя всякія небылицы; но когда онъ увидѣлъ, что его вынужденное сознаніе не принесло ему никакой пользы и что стали писать бумагу, то онъ тогда же объявилъ, чтобы это не считали добровольнымъ его сознаніемъ и что онъ не станетъ подписывать то постановленіе, если это ему предложатъ. Что же касается до шинели, найденной у него при обыскѣ, то оную онъ купилъ вмѣстѣ съ женою за 18 руб. сер. у Сухаревой башни у неизвѣстнаго человѣка. Прочія затѣмъ вещи куплены имъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ.

Это показаніе Тываловича о покупкѣ имъ у неизвѣстныхъ людей салопа и шинели подтвердила и жена его Ольга Тываловичъ, которая впослѣдствіи присовокупила, что купленный мужемъ ея у неизвѣстнаго человѣка салопъ положенъ былъ въ чуланѣ, въ коемъ хранились и другія вещи.

Московскій мѣщанинъ *Алексѣй Владиміровъ* въ данномъ слѣдственному приставу отзывѣ объяснилъ, что онъ 19 декабря былъ въ качествѣ добросовѣстнаго въ квартирѣ Тываловича при обыскѣ и что похищенный у Зои Татариновой салопъ найденъ во время обыска въ подвалѣ квартиры Тываловича. Изъ дознанія, произведеннаго квартальнымъ надзирателемъ Потаповымъ, видно, что шинель чиновника Киселева украдена была 12 декабря 1858 года изъ передней комнаты квартиры статскаго совѣтника Потулова, о чемъ Потуловъ 12 декабря объявлялъ полиціи, и что въ кражѣ этой шинели виновнаго не найдено.

Изъ указа объ отставкѣ штабсъ-капитана Петра Иванова Тываловича, выданнаго ему 17-го октября 1858 года, видно, что отъ роду ему 31 годъ, онъ изъ дворянъ псковской губерніи, имѣетъ бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ, на-

андреевской лентѣ, въ службу вступилъ 9-го марта 1846 года, а уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ 15 августа 1858 года; въ продолженіи сей службы два раза былъ Всемилостивѣйше награжденъ не въ зачотъ третнымъ жалованьемъ и командовалъ ротою; въ штрафахъ и подъ слѣдствіемъ не былъ, аттестовался достойнымъ.—Изъ свидѣтельства, выданнаго 22 мая 1858 года Тываловичу изъ ивангородскаго военнаго госпиталя, видно, что онъ темперамента холерическаго, страдаетъ болѣе года геморроидальными припадками, какъ-то: головокруженіемъ и обмороками, переходящими по временамъ въ мелонхолію; кромѣ того имѣетъ застарѣлый ревматизмъ въ сочлененіяхъ нижнихъ конечностей. Покраденные у Татариновой и Киселева солопъ и шинель возвращены имъ по принадлежности.

Въ рукоприкладствѣ подъ запискою сената Тываловичъ объяснилъ: а) если онъ и просилъ Аксакову не погубить его, то для избѣжанія постыднаго для него заарестованія; б) заключеніе Воейкова о сдѣланномъ будто бы имъ, Тываловичемъ, сознаніи въ кражѣ солопа неосновательно, такъ какъ естественно, купивши салопъ у неизвѣстнаго, онъ, Тываловичъ, могъ знать и стоимость его; в) мѣстное постановленіе частнаго пристава тверской части и квартальнаго надзирателя сдѣлано пристрастно, подъ вліяніемъ подполковника Воейкова, почему онъ, Тываловичъ, и не подписалъ его; г) сознанія въ кражѣ солопа онъ никогда не дѣлалъ и объ ономъ въ мѣстномъ постановленіи изъяснено неправильно; если же онъ Тываловичъ и предъявилъ о находящемся у него купленномъ у неизвѣстнаго человѣка салопѣ, то потому, что салопъ тотъ купленъ имъ былъ у человѣка, вышедшаго изъ квартиры Аксакова, въ которую тотъ и приводилъ его послѣ продажи.

При слушаніи этого дѣла въ 1 отд. 6 д-та сената и въ московскомъ общемъ собраніи заявлены были разныя мнѣнія.

Первое мнѣніе. Хотя подсудимый, отставной штабсъ-капитанъ Петръ Тываловичъ и сознался при мѣстномъ изслѣдованіи въ кражѣ салопа (оцѣненнаго въ 10 руб. сер.), но при слѣдствіи отъ сего показанія отступилъ, объяснивъ, что салопъ купилъ онъ за 12 руб. сереб. у неизвѣстнаго человѣка, встрѣтившагося ему въ Кисловскомъ переулкѣ, и желая удостовѣриться въ дѣй-

ствительности принадлежности ему салопа, отправился съ нимъ на его квартиру; здѣсь онъ хитростью продавца былъ заведенъ въ темный корридоръ незнакомаго ему дома, гдѣ тотъ, оставивъ его одного, скрылся, а онъ былъ задержанъ какъ похититель неоказавшагося салопа, принадлежащаго горничной Андреевой; посему онъ совершенно растерялся, такъ что на предложенные вопросы прибывшими въ то время полицейскими чиновниками, онъ не помнитъ, что отвѣчалъ и о чемъ именно его спрашивали, ибо былъ сильно взволнованъ и чувствовалъ сильный приливъ крови, но припоминаетъ только то, что какая то госпожа убѣждала его сознаться въ похищеніи салопа и возвратить оный, обѣщаясь честнымъ словомъ отпустить его безъ всякихъ послѣдствій; тогда онъ, видя себя въ безвыходномъ положеніи и почитая величайшимъ для себя несчастіемъ быть замѣшаннымъ въ дѣлѣ о воровствѣ, по которому онъ могъ быть заподозрѣнъ, и вѣря честному слову Аксаковой и убѣжденіямъ полицейскаго чиновника, а также не желая своимъ арестомъ нанести огорченіе женѣ своей, готовъ былъ возвести на себя оказанное преступленіе и рѣшился сказать, что у него есть дома салопъ, вѣроятно покраденный изъ ея квартиры, который и обѣщался возвратить. Сознаніе Тываловича въ кражѣ салопа, какъ сдѣланное имъ внѣ суда, не можетъ служить совершеннымъ доказательствомъ въ преступленіи (пун. 13 и 15 343 ст. XV т. св. зак. 2 час.), а составляетъ одну улику; притомъ это сознаніе въ совокупности съ прочими уликами не исключаетъ возможности недоумѣвать о винѣ подсудимаго. Принимая затѣмъ во вниманіе цѣнность похищеннаго, 9-ти лѣтнюю безпорочную Тываловича службу въ офицерскомъ званіи, въ продолженіи которой онъ удостоенъ двухъ Всемилостивѣйшихъ денежныхъ наградъ, имѣетъ бронзовую медаль въ память войны 1853 и 1856 годовъ на андреевской лентѣ, въ штрафахъ и подъ слѣдствіемъ не былъ, отъ начальства своего аттестовался достойнымъ и имѣлъ въ командовованіи отдѣльную часть,—а также болѣзненное его состояніе, (что видно изъ свидѣтельства, даннаго ему ивангородскимъ военнымъ госпиталемъ, что онъ, Тываловичъ, темперамента холерическаго, страдаетъ болѣе года геморроидальными припадками, какъ-то: головокруженіемъ и обмороками, переходящими по временамъ въ меланхолію, кромѣ

того имѣетъ застарѣлый ревматизмъ въ сочлененіяхъ нижнихъ оконечностей),—представляется полное основаніе оставить Тываловича въ покупкѣ салопа завѣдомо краденнаго, *въ сильномъ подозрѣніи*, и, какъ человѣка, неимѣющаго никакихъ опредѣленныхъ въ Москвѣ занятій и могущаго быть вреднымъ для столицы, выслать на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ, подъ строгій полицейскій надзоръ.

Второе мнѣніе. Подсудимый Тываловичъ, несознавшійся при слѣдствіи въ кражѣ салопа изъ квартиры Аксаковыхъ, совершенно въ семъ изобличается: задержаніемъ его на мѣстѣ преступленія въ темныхъ внутреннихъ комнатахъ чужой квартиры, въ вечернее время (п. 8 ст. 343 т. XV 2 кн.); удостовѣреннымъ полицейскими и другими лицами сознаніемъ въ кражѣ тотчасъ по поимкѣ (п. 13 той ст. и 323 ст. того же тома); отысканнымъ въ квартирѣ его покраденнымъ салопомъ (п. 10 ст. 343); нисколько неправдоподобнымъ впослѣдствіи при запирательствѣ, объясненіемъ о причинѣ, по которой онъ оказался въ квартирѣ Аксаковыхъ, ибо допустить едва ли можно, чтобъ неизвѣстный человѣкъ привелъ обманомъ другаго для кражи въ чужую квартиру и, оставивъ его тамъ, скрылся; притомъ, еслибы это и случилось, то Тываловичъ такъ и объяснилъ бы при задержаніи, представивъ это обстоятельство въ свое оправданіе, чего онъ однако не сдѣлалъ. Посему слѣдуетъ отставнаго штабсъ-капитана Петра Тываловича за кражу салопа, оцѣненнаго въ 10 руб. сер., на основаніи 2238 ст. улож. лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ вологодскую губернію, оставивъ его притомъ на основаніи 313 ст. XV т. кн. 2 въ подозрѣніи въ покушеніи украсть салопъ Аксаковой и въ пріобрѣтеніи завѣдомо краденной шинели чиновника Киселева. На приведеніе сего рѣшенія въ исполненіе надъ Тываловичемъ, примѣняясь къ 452 ст. XV т. кн. 2, испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе установленнымъ порядкомъ.

Согласно послѣднему изъ этихъ мнѣній дѣло получило окончательное разрѣшеніе.

О помощникѣ окружнаго начальника Северьянѣ Путиловѣ, обвиняемомъ въ нанесеніи крестьянкѣ Натальѣ Байчиковой смертельныхъ побоевъ.

Сотскій сельца Новоселокъ (темниковскаго уѣзда, тамбовской губерніи), 10-го декабря 1855 года довелъ до свѣдѣнія станового пристава, что 7-го декабря крестьянка Наталья Байчикова умерла отъ причиненныхъ ей побоевъ помощникомъ елатомскаго окружнаго начальника Путиловымъ.

При спросѣ сынъ умершей Байчиковой 12 лѣтъ *Алексѣй Дмитріевъ* 13-го декабря показалъ, что Путиловъ ударилъ его мать плетью одинъ разъ, а невѣстка ея *Марина Иванова*, что Путиловъ ударилъ свекровь ея плетью два раза по головѣ, отъ чего она и умерла; причемъ оба указали на очевидца сего же происшествія десятскаго Акима Дмитріева.—Засимъ мальчикъ Алексѣй Дмитріевъ и Марина Иванова, будучи передопрошены 5-го сентября 1856 года показали, первый, что Путиловъ ударилъ его мать не одинъ разъ, а два раза, впрочемъ хорошенько не помнитъ, а вѣрно, что ударилъ разъ по головѣ сверху; а вторая, что Путиловъ ударилъ Байчикову однажды вдоль головы.—Десятскій *Акимъ Дмитріевъ*, будучи спрошенъ подъ присягою, показалъ, что 7-го декабря вечеромъ по приказанію Путилова онъ вмѣстѣ съ старшиною Тугушевымъ, добросовѣстнымъ Чурмантѣевымъ, сотскимъ Афонасьевымъ и десятскими: Афонасьевымъ и Сергѣевымъ ходили по сельцу для взысканія податей, такъ-какъ по требованію Путилова въ сельской расправѣ некоторые не заплатили денегъ; по приходѣ въ домъ крестьянина Алексѣя Дмитріева, Путиловъ не заставъ его дома, требовалъ деньги съ матери его Натальи Байчиковой, и когда она отозвалась, что у нея денегъ нѣтъ, а сынъ ея, который управляетъ домомъ, въ отсутствіи, то Путиловъ, разсердясь, ударилъ ее до двухъ разъ плетью, отчего она упала на полъ, и на другой день вечеромъ, какъ показатель слышалъ по народной молвѣ, умерла отъ упомянутыхъ ударовъ.—Ходившіе съ Путиловымъ по дворамъ старшина *Тугушевъ* и съ нимъ *пять человѣкъ*, подъ

присягою показали, что они по приказанію Путилова ходили съ нимъ по дворамъ сельца Новоселокъ для взысканія податей, и по приходѣ въ домъ крестьянки Байчиковой, Путиловъ вошелъ въ избу съ плетью въ рукахъ, и по словамъ нѣкоторыхъ, съ десятскимъ Акимомъ Дмитріевымъ, но что тамъ происходило, не знаютъ.

Помощникъ окружнаго начальника губернскій секретарь *Северіанъ Путиловъ*, не сознаваясь въ причиненіи побоевъ Байчиковой, объяснилъ, что ходя по сельцу Новоселкамъ для сбора податей, онъ былъ въ избѣ ея съ своимъ наемнымъ разсыльнымъ Боголюбскимъ, и кромѣ ихъ двоихъ въ избу никто не входилъ. Байчикову онъ не билъ, а нагайка была при немъ для безопасности отъ собакъ; десятскій же Дмитріевъ показалъ на него по злобѣ за то, что родной его дядя Варѳоломей Никитинъ былъ наказанъ розгами по приговору сельской расправы за неплатежъ податей, что подтверждается и справкою расправы. Государственный крестьянинъ Петръ *Боголюбскій*, бывшій разсыльнымъ у Путилова, подъ присягою, вполнѣ утвердилъ показаніе Путилова.

Медикъ, свидѣтельствовавшій тѣло умершей Байчиковой, заключилъ, что ближайшею причиною смерти ея былъ апоплексическій ударъ мозга и его тканей, происшедшій отъ сильнаго соприкосновенія затылкомъ головы съ твердымъ плоскимъ тѣломъ; слѣдовъ же плети на тѣлѣ не нашелъ, кромѣ поперечной ссадины около двухъ вершковъ длины на правомъ плечѣ, безъ подтека крови.—Свидѣтельство это врачебною управою признано недостаточнымъ въ томъ, что оставлено безъ должнаго изслѣдованія свойство синихъ пятенъ на груди и шеѣ, преимущественно разлившихся на всемъ лѣвомъ боку и требовавшихъ въ настоящемъ случаѣ, (когда отъ ударовъ плетью послѣдовало паденіе на полъ), анатомическаго изслѣдованія позвоночнаго или шейно-хребетнаго канала.

Въ допросахъ уголовной палаты *Путиловъ*, подтверждая данныя имъ при слѣдствіи показанія, добавилъ, что невинность его видна изъ того, что свидѣтели, спрошенные подъ присягою, показываютъ совершенно разнорѣчиво: одинъ говоритъ, что онъ ударилъ Байчикову нагайкою раза два, а другой, что этого совершенно не было, и что Акима Дмитріева въ избѣ не было, а

потому онъ и видѣть ничего не могъ; присемъ въ доказательство своей невинности Путиловъ представилъ письмо священника Салтыкова, въ которомъ онъ на требованіе его пишетъ: «что крестьянинъ Алексѣй Дмитріевъ, сынъ умершей, приходилъ къ нему, священнику, и просилъ пріобщить Св. Тайнъ вдругъ заболѣвшую его мать, крестьянку Байчикову, но кромѣ этого Дмитріевъ ему ни о чемъ не говорилъ и онъ свѣдѣній относительно смерти ея никакихъ не имѣетъ, а только сынъ ея сказывалъ, что она умерла отъ приключившейся съ нею неизвѣстной болѣзни.»—Изъ формулярнаго списка о службѣ Путилова видно, что онъ прежде сего ни за что судимъ не былъ, въ настоящее время состоитъ на службѣ помощникомъ кирсановскаго окружнаго начальника.

При слушаніи сего дѣла въ 1 отдѣленіи 6-го д-та и въ московскомъ общемъ собраніи сената произошли разныя мнѣнія.

Первое мнѣніе: подсудимый Северіанъ Путиловъ въ нанесеніи плетью побоевъ государственной крестьянкѣ Натальѣ Байчиковой не сознался, и по недостаточности освидѣтельствованія, сдѣланнаго врачомъ надъ тѣломъ покойной, (328 ст. XVIII. св. зак. кн. 2) нѣтъ основанія полагать причиною смерти Байчиковой нанесеніе ей побоевъ Путиловымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не можетъ быть однако-же вовсе освобожденъ отъ суда по обстоятельству о нанесеніи побоевъ. Хотя крестьянинъ Боголюбскій удостовѣряетъ, подъ присягой, что Путиловъ, съ которымъ они будто-бы только вдвоемъ заходили къ Байчиковой, не билъ ея, но противъ этого показанія имѣется отзывъ крестьянина Акима Дмитріева, данный также подъ присягой, въ которомъ Дмитріевъ изъяснилъ, что былъ очевидцемъ какъ Путиловъ ударилъ Байчикову раза два плетью. При обсужденіи этихъ двухъ разнорѣчивыхъ показаній, отзывъ Дмитріева, подтверждаемый присяжными показаніями крестьянъ Тугушова и Егорова: въ томъ что Путиловъ входилъ къ Байчиковой съ Дмитріевымъ, заключаетъ въ себѣ вслѣдствіе того бо́льшее вѣроятіе, и долженъ имѣть перевѣсъ надъ показаніемъ Боголюбскаго, тѣмъ болѣе еще что находитъ подтвержденіе и въ показаніяхъ семейныхъ Байчиковой, также обвиняющихъ Путилова въ нанесеніи ей побоевъ плетью, (332, 341 ст. XV. т. кн. 2-ой). Посему, и на основаніи 313 ст. XV т. св. зак., кн. 2-й, слѣдуетъ разъясненіе дѣйствительной и прямой причины смерти крестьянки Байчиковой про-

доставить времени, нынѣ же сужденіе объ этомъ прекратить; а губернскаго секретаря Северіана Путилова оставить въ подозрѣніи въ нанесеніи плетью побоевъ Байчиковой, судебныя же издержки принять, согласно 26 и 31 ст: XV. т. св. зак. кн. 2-й, на счетъ казны.

Второе мнѣніе: показаніе одного присяжнаго свидѣтеля, десятскаго Дмитріева, подкрѣпленное сходнымъ показаніемъ семейныхъ умершей Натальи Кирѣевой Байчиковой, свидѣтельствомъ уѣзднаго врача и удостовѣреніемъ шести присяжныхъ свидѣтелей о томъ, что при входѣ въ избу крестьянина Алексѣя Дмитріева въ рукахъ Путилова была плеть, можетъ на основаніи 328 и 330 ст. II кн. XV, т. зак. угол. (изд. 1857 г.), составить силу совершеннаго доказательства виновности Путилова въ томъ, что онъ при взысканіи податей нанесъ крестьянкѣ Натальѣ Кирѣевой Байчиковой плетью побои; нанесеніе же побоевъ при взысканіи податей составляетъ превышеніе власти, подвергающее виновнаго отрѣшенію отъ должности, на основаніи 383 ст. улож. (изд. 1857 г.), а употребленіе плети, названной Путиловымъ нагайкою, для нанесенія побоевъ должно быть отнесено къ истязанію или жестокости, и виновный долженъ подвергаться, на основаніи 2 пун. 387 ст. того же улож., лишенію нѣкоторыхъ, на основаніи 54 ст. улож., особенныхъ правъ и преимуществъ, и заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ 2 до 3-хъ лѣтъ. А какъ послѣдовавшій за таковымъ нанесеніемъ Путиловымъ крестьянкѣ Натальѣ Кирѣевой Байчиковой плетью побоевъ случай ея смерти на другой же день отъ апоплексическаго удара, не уменьшаетъ степени вины его, но увеличиваетъ,—то согласно 6 пун. 165 ст. улож. слѣдуетъ Северіана Путилова, какъ превысившаго власть и употребившаго при отправленіи должности жестокость, лишивъ на основаніи 54 ст. улож. особенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ смирительный домъ на три года, взыскавъ съ него или его имущества деньги, употребленныя по сему дѣлу на прогоны*).

Третье мнѣніе: при удостовѣреніи врача, что Байчикова умерла отъ апоплексическаго удара, нѣтъ основанія относить смерть ея къ побоямъ, въ нанесеніи коихъ обвиняется подсудимый

---

*) Съ своей стороны мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе.

уголовныхъ. Засимъ подлежитъ разрѣшенію вопросъ: изобличается ли Путиловъ, при несознаніи его, въ нанесеніи Байчиковой побоевъ, не бывшихъ причиною смерти ея? Къ обвиненію его въ семъ преступленіи имѣются въ дѣлѣ безприсяжныя показанія родственниковъ умершей и одно присяжное свидѣтельское показаніе о томъ, что онъ удары ей нанесъ, а къ оправданію—одно же присяжное показаніе, что онъ ударовъ ей не наносилъ, и медицинское свидѣтельство, что на тѣлѣ покойной слѣдовъ ударовъ плетью не было. Имѣя въ виду съ одной стороны, что показанія свидѣтелей, учиненныя безъ присяги, не имѣютъ вовсе силы доказательства (пунк. 1 ст. 334 т. XV 2-й ч. изд. 1857 г.), и что показаніе одного свидѣтеля считается доказательствомъ несовершеннымъ (ст. 330), а съ другой, что свидѣтельство медицинскаго чиновника пріемлется доказательствомъ совершеннымъ (ст. 328), оказывается что подсудимый Путиловъ, по неимѣнію въ дѣлѣ точныхъ доказательствъ или явныхъ уликъ въ преступленіи (ст. 304), не долженъ быть присужденъ къ наказанію. Посему слѣдуетъ Северіана Путилова, 32 лѣтъ, вовсе отъ суда по настоящему дѣлу освободить; прогонныя же деньги, употребленныя по сему дѣлу, принять на счетъ казны.

Согласно первому изъ этихъ мнѣній дѣло получило окончательное разрѣшеніе.

Дѣло о волненіи крестьянъ въ витебской губерніи (1848 г.) вслѣдствіе слуховъ объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Во второй половинѣ апрѣля и въ первой половинѣ мая 1847 года, многіе помѣщичьи крестьяне витебской губерніи, разныхъ уѣздовъ, въ особенности себежскаго, увлекшись ложными слухами, что тѣ изъ нихъ, которые будутъ работать на желѣзной дорогѣ въ теченіи трехъ лѣтъ, получатъ свободу изъ крѣпостнаго владѣнія и будутъ поселены въ тобольской губерніи, распродавъ свое имущество, домашній скотъ и земледѣльческія орудія, и самовольно оставивъ свои жилища, отправились пар-

тіями по трактамъ на С.-Петербургъ. Нѣкоторые изъ нихъ, при выѣздѣ съ мѣста жительства, оказали дерзкое ослушаніе своимъ помѣщикамъ и ихъ управляющимъ, а нѣкоторые еще насильственнымъ образомъ захватили разное имущество, принадлежащее владѣльцамъ.

При первыхъ свѣдѣніяхъ о побѣгѣ крестьянъ, со стороны мѣстной земской полиціи немедленно были приняты мѣры къ возвращенію крестьянъ въ дома ихъ, но крестьяне оказались непослушными, а другіе изъ нихъ еще наносили чиновникамъ земской полиціи дерзости, ругательства и даже побои. Для пособія земской полиціи въ мѣрахъ къ исполненію ея обязанностей были высылаемы изъ уѣздныхъ городовъ чины инвалидныхъ командъ, а изъ губернскаго города командирована одна рота гарнизоннаго баталіона. Но крестьяне, соединясь въ большія партіи, отъ 500 и до 2 т. челов. и, бывъ вооружены разными орудіями, какъ то: ружьями, топорами, дубинами съ насаженными на оныя косами и т. п. по малочисленности отрядовъ когда еще не было разрѣшено употребленіе противъ нихъ огнестрѣльнаго оружія, упорствуя, подвигались впередъ. По донесеніямъ о сихъ происшествіяхъ, для усмиренія волновавшихся крестьянъ и для водворенія должнаго порядка, по Высочайшему повелѣнію были командированы изъ Порхова и Острова полки: карабинерный гросъ-герцога Фридриха Мекленбургскаго и гренадерскій принца Евгенія Виртембергскаго. Непосредственное начальство надъ сими войсками поручено было флигель-адъютанту полковнику Опочинину, подъ главнымъ распоряженіемъ генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта князя Голицына. Войска сіи, встрѣчая партіи бѣглыхъ крестьянъ на разныхъ пунктахъ псковской и витебской губерній, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ партій вооруженною рукою, остановили ихъ и привели къ повиновенію. Послѣ сего крестьяне сіи, подъ воинскимъ конвоемъ, возвращены въ мѣста ихъ жительства, а главнѣйшіе зачинщики изъ нихъ отправлены для содержанія подъ стражею въ городскіе остроги.

Важнѣйшіе изъ случаевъ, въ которыхъ оказано было крестьянами буйство противъ чиновниковъ земской полиціи и воинскихъ командъ, были слѣдующіе:

1) 5 мая возмутившіеся крестьяне себежскаго уѣзда въ чи-

слѣ около 350 человѣкъ, на трактѣ чрезъ великолуцкій уѣздъ къ г. Порхову, бывъ встрѣчены великолуцкимъ земскимъ исправникомъ, становымъ приставомъ и вооруженною порховскою этапною командою, не внимая никакимъ увѣщаніямъ, произвели буйство, избили исправника, нанесли побои нижнимъ чинамъ и начальнику порховской этапной команды и увели съ собою насильственно становаго пристава.

2) 7 мая многочисленная партія крестьянъ напала на команду витебскаго гарнизоннаго баталіона при д. Дербихѣ. Въ буйствѣ своемъ крестьяне нанесли побои 10 челов. нижнихъ чиновъ, изломали у нихъ 15 ружей и отбили задержанныхъ командою прежде болѣе 70 семействъ; потомъ 8 числа прорвавшись далѣе по пути въ с. Баево, гдѣ находилась другая команда изъ того же баталіона, не смотря на оборону нижнихъ чиновъ, напали на домъ помѣщика того села Соколовскаго, нанесли побои какъ Соколовскому, такъ и его женѣ и брату, избили находившагося тутъ становаго пристава, отбили остановленныхъ прежде до 90 человѣкъ бѣглыхъ и захватили съ собою становаго пристава и его письмоводителя, которыхъ отпустили чрезъ два дня.

3) 9 мая партія крестьянъ до 500 человѣкъ была встрѣчена самимъ генералъ-губернаторомъ на предпослѣдней станціи отъ г. Великихъ Лукъ къ Порхову, и, не смотря на личныя его увѣщанія, оказала непреклонное упорство и остановлена уже дѣйствіемъ баталіона гренадерскаго принца Евгенія Виртембергскаго полка.

4) Того же 9 мая партія крестьянъ болѣе 400 челов. вооруженныхъ ружьями, косами, топорами и проч. напала въ невельскомъ уѣздѣ на высланную противъ нихъ воинскую команду витебскаго гарнизоннаго баталіона и понятыхъ казенныхъ крестьянъ, съ такимъ ожесточеніемъ, что успѣла убить одного унтеръ-офицера. Тогда необходимость заставила употребить противъ нихъ огнестрѣльное оружіе, и при этомъ отраженіи изъ возмутителей два человѣка убиты и четыре ранены, а остальные были обезоружены.

5) Того же числа настигнута была въ дризенскомъ уѣздѣ въ лѣсахъ имѣнія Клясицы партія крестьянъ, состоявшая изъ 11 семействъ, чиновникомъ дризенскаго земскаго суда Шульцомъ

съ бывшими при немъ 7 челов. нижнихъ чиновъ и помѣщикомъ Храповицкимъ. Но крестьяне напали на нихъ, нанесли всѣмъ имъ побои, сорвали съ чиновника Шульца и помѣщика Храповицкаго шинели, захватили принадлежащій сему послѣднему экипажъ съ лошадьми и отбили у нижнихъ чиновъ одно ружье и два штыка. При семъ со стороны крестьянъ убита одна крестьянка, бывшая въ мужскомъ платьѣ и участвовавшая въ буйствѣ съ оружіемъ въ рукахъ.

6) Того же числа и въ томъ же уѣздѣ партія крестьянъ помѣщика Корсака была останавливаема земскимъ исправникомъ, но крестьяне, вооруженные дубинами и топорами, съ ожесточеніемъ бросились на него и прошибли коломъ голову бывшему при немъ кучеру; самъ же исправникъ, защищаясь отъ угрожавшаго ему удара, вырвалъ у нападавшаго на него крестьянина ружье, выстрѣломъ изъ онаго ранилъ того крестьянина въ ногу и успѣлъ уѣхать.

7) Того же 9 мая въ себежскомъ уѣздѣ небольшая партія бѣглыхъ была остановлена становымъ приставомъ Поповымъ съ нѣсколькими человѣками понятыхъ; но крестьяне, вооруженные кольями и дубинами, напали на пристава и нанесли ему жестокіе побои, отъ которыхъ онъ долгое время былъ тяжко болѣнъ.

8) 13 мая партія крестьянъ числомъ до 1000 чел. пробираясь на г. Порховъ, встрѣчена была близь станціи Сорокина баталіономъ изъ гренадерскаго принца Евгенія Виртембергскаго полка, подъ личнымъ распоряженіемъ генералъ-губернатора. Не взирая на увѣщанія баталіоннаго командира, крестьяне бросились съ крикомъ на поставленную противъ нихъ колонну и начали хватать гренадеровъ за ружья, но дѣйствіемъ прикладовъ изъ заднихъ шеренгъ отъ дальнѣйшаго буйства удержаны.

и 9) 17 числа въ невельскомъ уѣздѣ партія крестьянъ напала на высланную противъ нихъ воинскую команду изъ карабинернаго гросъ-герцога Фридриха Мекленбургскаго полка въ числѣ 30 челов. При отраженіи ихъ буйства одинъ крестьянинъ былъ убитъ на мѣстѣ, а другой раненъ; болѣе 60 душъ обоего пола задержаны, а остальные успѣли скрыться въ лѣсу.,

Прочіе случаи неповиновенія и буйства крестьянъ не представляли особой важности.

Виновныхъ въ распущеніи ложныхъ слуховъ о свободѣ, бывшихъ поводомъ крестьянамъ къ оставленію ихъ жилищъ и къ сопротивленію власти, не открыто, и хотя во всеподданнѣйшемъ донесеніи бывшаго витебскаго гражданскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Татаринова, отъ 3 мая 1847 года, выражено предположеніе, будто бы слухъ этотъ распущенъ прикащиками, пріискивающими людей въ работы на желѣзной дорогѣ, однакожъ изъ всѣхъ показаній самихъ крестьянъ этого не усматривается, а видно только, что слухъ этотъ, переходя отъ одного селенія къ другому, обратился постепенно въ общее убѣжденіе. Главная причина, побудившая крестьянъ къ оставленію своихъ жилищъ, былъ повсемѣстный недостатокъ въ продовольствіи, особенно между бѣдными крестьянами отъ постоянныхъ въ продолженіе предшествовавшихъ трехъ лѣтъ неурожаевъ въ томъ краѣ. Такой недостатокъ, за всѣми мѣрами, принятыми помѣщиками и правительствомъ, не могъ быть отвращенъ вполнѣ, и крестьяне, претерпѣвая нужду, начали, по невѣжеству своему, роптать на своихъ владѣльцевъ, признавая отяготительными самыя умѣренныя и законныя ихъ требованія въ исполненіи повинностей, и многіе изъ нихъ при выходѣ съ мѣста жительства имѣли цѣлью, по прибытіи въ С.-Петербургъ, принести Государю Императору жалобу на своихъ помѣщиковъ. Къ этому присовокупилось еще и подстрекательство нѣкоторыхъ своекорыстныхъ людей, которые замѣтивъ расположеніе крестьянъ къ оставленію своихъ жилищъ, одобряли ихъ намѣреніе для того, чтобы, пользуясь этимъ случаемъ, скупить у нихъ за безцѣнокъ имущество и скотъ.

По возвращеніи возмутившихся крестьянъ въ числѣ до 5 т. душъ на прежнія ихъ жилища, приняты возможныя мѣры къ устройству ихъ хозяйства. Такое водвореніе крестьянъ, по донесенію флигель-адъютанта полковника Опочинина отъ 5 іюня 1847 года кончено было вездѣ успѣшно; крестьяне просили у помѣщиковъ прощенія и обѣщали примѣрнымъ поведеніемъ загладить свою вину, приписывая прошедшее заблужденіе примѣру сосѣдей и совѣтамъ злыхъ людей; впрочемъ можно было замѣтить, что они болѣе сожалѣютъ о разстройствѣ своего хозяйства, чѣмъ раскаяваются въ непокорности помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ. Вообще не только въ волновавшихся уѣздахъ,

(писалъ полковникъ Опочининъ въ томъ же донесеніи), но и въ сосѣдственныхъ уѣздахъ городецкомъ и витебскомъ, умы въ броженіи и мысли о свободѣ отъ крѣпостной зависимости посѣяны вездѣ въ самомъ превратномъ видѣ, такъ что народная молва перетолковываетъ въ этомъ смыслѣ каждую правительственную мѣру и даже каждое дѣйствіе частныхъ лицъ.

Для сужденія зачинщиковъ и изобличенныхъ въ буйствѣ и сопротивленіи земской полиціи и воинской командѣ вооруженною рукою, по Высочайшему повелѣнію учреждена была военно-судная коммисія въ городѣ Себежѣ, какъ въ центральномъ мѣстѣ всѣхъ происходившихъ въ томъ краѣ безпорядковъ, съ дозволеніемъ, по окончаніи суда, отправить виновныхъ для наказанія на мѣста преступленій.—Суду этой же коммисіи преданы и изобличенные въ разглашеніи уже во время происходившаго волненія нелѣпыхъ толковъ въ поощреніе крестьянъ къ побѣгу, равно подстрекавшіе ихъ къ тому изъ видовъ корысти и оказавшіе ослушаніе противъ земской полиціи при нарядѣ къ задержанію бѣглыхъ.

Всего предано военному суду по 26 дѣламъ 114 человѣкъ *), въ томъ числѣ, безсрочно-отпускной изъ якутскаго пѣхотнаго полка рядовой Адамъ Өедоровъ и полоцкой инвалидной команды рядовой Александръ Шестаковъ за разглашеніе нелѣпыхъ толковъ уже во время волненія о дарованной будто бы крестьянамъ свободѣ; безсрочно-отпускной бомбардиръ подвижнаго запаснаго парка 16 артиллерійской бригады Ларіонъ Исаковъ по подозрѣнію въ подстрекательствѣ крестьянъ къ побѣгу изъ видовъ корысти; безсрочно-отпускной изъ московскаго карабинернаго (нынѣ гросъ-герцога Фридриха Мекленбургскаго) полка рядовой Клементій Пантелеевъ и находившійся въ годовомъ отпуску пѣхотнаго принца Карла Прусскаго полка рядовой Өедоръ Осиповъ, по подозрѣнію въ подстрекательствѣ бѣглыхъ крестьянъ къ буйству противъ земской полиціи.

Бо́льшая часть подсудимыхъ въ преступленіяхъ своихъ сами признались; нѣкоторые же, хотя не сдѣлали полнаго сознанія,

*) Представленіе поименнаго списка подсудимыхъ, какъ не представляющее никакого интереса, нами признано излишнимъ, и вообще все дѣло изложено по возможности кратко, чтобы не затруднить читателя излишними подробностями, затемняющими только существо дѣла.

но изобличены показаніями другихъ участниковъ и иными по дѣлу обстоятельствами.

Генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ сіи дѣла, нашелъ, что всѣ подсудимые, признаваемые зачинщиками въ буйствѣ и сопротивленіи земской полиціи и воинскимъ командамъ, подлежатъ по законамъ строгому тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ каторжную работу; но, принимая во вниманіе, что всѣ они вовлеклись въ преступленіе сколько по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, столько же и по невѣжеству своему, повѣривъ распущеннымъ ложнымъ слухамъ объ освобожденіи будто бы ихъ изъ крѣпостнаго владѣнія за временную работу на желѣзной дорогѣ, генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ каждому изъ нихъ соразмѣрное винѣ наказаніе, именно: прогнаніе шпицрутенами: двумъ главнѣйшимъ виновникамъ чрезъ тысячу двѣсти человѣкъ по одному разу; тринадцати чрезъ тысячу человѣкъ по одному разу; двадцати семи—чрезъ семь сотъ пятьдесятъ человѣкъ по одному разу; двадцати тремъ — чрезъ пятьсотъ человѣкъ по одному разу; двоимъ чрезъ триста человѣкъ по одному разу; и розгами: одному — четыреста ударовъ, шестнадцати человѣкамъ по триста ударовъ, шестерымъ — по двѣсти ударовъ; троимъ—по сту пятидесяти ударовъ; четыремъ по сту двадцати пяти ударовъ и двумъ по сту ударовъ. Остальные же изъ числа подсудимыхъ въ преступленіи не уличены, а только навлекаютъ на себя подозрѣніе.

Вмѣсто каторжной работы генералъ аудиторіатъ присудилъ подсудимыхъ къ ссылкѣ *въ арестантскія роты* инженернаго вѣдомства: болѣе виновныхъ *въ разрядъ всегдашнихъ арестантовъ*, а менѣе виновныхъ *на сроки* болѣе или менѣе продолжительные, *или къ отдачѣ въ солдаты*, имѣя притомъ въ виду при назначеніи главныхъ преступниковъ въ арестантскія роты еще и то, что какъ цѣль ихъ, при оставленіи жилищъ, было предполагаемое переселеніе въ тобольскую губернію, то чтобы ссылкою въ Сибирь не дать имъ повода мыслить, что они чрезъ преступленіе достигли своей цѣли. Изъ этого изъяты только нѣкоторые, впрочемъ весьма не многіе преступники, кои по тѣлеснымъ недостаткамъ немогли быть назначены ни въ арестантскія роты, ни къ отдачѣ въ солдаты, и потому присуждены къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, или къ оставленію на

мѣстахъ жительства подъ строгимъ надзоромъ. Послѣдняя мѣра опредѣлена и тѣмъ изъ подсудимыхъ, которые по степени вины своей не навлекаютъ на себя большей строгости.—Это положеніе генералъ-аудиторіата удостоилось Высочайшаго утвержденія 26 марта 1848 года.

О поручикѣ Иванѣ Карповѣ, сужденномъ за жестокое обращеніе съ крестьянами *).

Въ имѣніи, принадлежащемъ помѣщицѣ Карцовой (херсонской губерніи, бобринецкаго уѣзда) 7-го декабря 1851 года зарѣзался 11 лѣтній крестьянскій мальчикъ Бѣликъ. По изслѣдованію причинъ самоубійства Бѣлика обнаружено, что онъ посягнулъ на свою жизнь изъ страха наказанія за сдѣланное имъ воровство; между тѣмъ, во время этого слѣдствія одинъ изъ дворовыхъ людей *Тимофей Шраменко* объявилъ слѣдственной коммисіи о разныхъ жестокостяхъ съ крестьянами и другихъ противозаконныхъ поступкахъ поручика Карцова. Произведеннымъ по распоряженію начальства розысканіемъ, обвиненія эти подтвердились и Карцовъ въ іюлѣ 1852 года по опредѣленію херсонскаго губернскаго правленія преданъ уголовному суду.

1 мая 1853 года, когда дѣло находилось еще на разсмотрѣніи бобринецкаго уѣзднаго суда, министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ военнаго министра, что по всеподданнѣйшему докладу обнаруженныхъ изслѣдованіемъ поступковъ поручика Карцова, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: судить Карцова военнымъ судомъ арестованнымъ, а имѣніе жены его взять въ опеку.

---

*) Настоящее дѣло (равно и слѣдующія) заслуживаютъ вниманія не однихъ юристовъ, но и всѣхъ лицъ, изучающихъ быть русскаго общества, при существованіи крѣпостнаго права. Читая о приводимыхъ нами злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти и истязаніяхъ крестьянъ, дѣлается почти труднымъ вообразить, чтобы подобныя явленія, напоминающія собою времена инквизиціи и пытокъ, или сатурналіи Рима, могли существовать во второй половины XIX вѣка, среди европейски-образованнаго общества, имѣющаго правильно организованныя административныя и судебныя учрежденія.

О самоубійствѣ крестьянскаго мальчика Бѣлика слѣдствіемъ обнаружены были слѣдующія обстоятельства:

По наружному осмотру и по медицинскому освидѣтельствованію тѣла Бѣлика, найдено: на передней части шеи косвенный разрѣзъ, начиная съ лѣвой стороны отъ угла нижней челюсти внизъ до ключицы правой стороны; дыхательное и пищепріемное горло перерѣзаны совершенно, но никакихъ насильственныхъ знаковъ на тѣлѣ не было.—Жена Карцова отозвалась, что Бѣликъ находился въ господскомъ домѣ для домашней прислуги и что она слышала отъ дворовыхъ людей, будто причиною самоубійства Бѣлика было открытіе сдѣланнаго имъ воровства, а поручикъ *Карцовъ* объяснилъ, что 5 декабря, выйдя на конюшню посмотрѣть лошадей, услышалъ онъ въ карманѣ кучера, крестьянина жены его Тимофея Шраменко, бряцаніе и, любопытствуя узнать, велѣлъ крестьянину Шевченкѣ обыскать его; при семъ найдено у него было 2 полуимперіала и двугривенный. На вопросъ, откуда онъ взялъ столько денегъ, Шраменко объяснилъ, что получилъ въ награду отъ бывшихъ недавно у Карцова гостей; но онъ Карцовъ не повѣрилъ этому. На слѣдующій день, 6-го декабря, жена его уѣзжала къ сосѣдямъ и Шраменко ѣздилъ съ нею. По возвращеніи же его 7-го декабря, Карцовъ спрашивалъ его вторично, откуда онъ взялъ столько денегъ. Шраменко отвѣчалъ ему, что скажетъ объ этихъ деньгахъ ему наединѣ. При этомъ находился и крестьянскій мальчикъ Бѣликъ, бывшій всегда при Карцовѣ для прислуги. Когда онъ повелъ Шраменко къ себѣ въ домъ, то Бѣликъ шелъ за ними; но не войдя въ комнаты, остался въ сѣняхъ. Шраменко же, войдя къ Карцову, объяснилъ, что деньги получилъ 5 декабря утромъ завернутыми въ тряпкѣ отъ Бѣлика, который просилъ купить ему на нихъ бубликовъ и кремней. Тогда Карцовъ сталъ звать Бѣлика, но Бѣлика въ сѣняхъ уже не было, а когда послали отыскать его, то женщины, отыскивавшія его, нашли въ канавѣ недалеко отъ дома, зарѣзавшимся. При немъ найдена бритва. Бритва эта и деньги, найденныя въ карманѣ Шраменко, по объясненіе Карцова украдены у него.—Крестьянинъ *Тимофей Шраменко* показалъ, что 5 декабря утромъ Бѣликъ отдалъ ему деньги, завернутыя въ тряпкѣ, сказавъ, что тамъ три двугривенныхъ и просилъ, когда поѣдетъ въ селеніе Ровное, купить ему 20 бубликовъ и 10 кремней, а деньги,

которыя останутся отъ покупки, позволилъ Шраменкѣ оставить у себя. Шраменко, не развертывая денегъ, спряталъ ихъ въ карманъ въ жестяную табачницу и только тогда узналъ, что въ числѣ тѣхъ денегъ есть два полуимперіала, когда крестьянинъ Шевченко, по приказанію барина обыскивая его, вынулъ изъ табачницы деньги. Далѣе Шраменко показалъ во всемъ согласно съ объясненіемъ Карцова.—Крестьянинъ Шевченко подъ присягою объяснилъ, что 5 декабря, при обыскѣ Шраменко, деньги найдены у него въ карманѣ, а не въ табачницѣ.—Крестьянка *Дудниченкова* безъ присяги объяснила, что видѣла какъ 7-го декабря около обѣденнаго времени въ ткацкой избѣ Карцовъ, при мальчикѣ Бѣликѣ, допрашивалъ Шраменко о найденныхъ у него деньгахъ, на что Шраменко отвѣтилъ ему, что скажетъ объ этомъ Карцову наединѣ. Тогда Карцовъ съ Шраменко и Бѣликомъ, пошли въ господскій домъ, а вслѣдъ затѣмъ очень скоро Бѣликъ найденъ зарѣзавшимся.—Трое изъ дворовыхъ людей показаніе Дудниченковой подъ присягою подтвердили. Въ отношеніи же приказанія Карцова отыскать Бѣлика и обстоятельствъ отысканія его показали во всемъ согласно съ Карцовымъ крестьянка Дудниченкова безъ присяги, а три другія женщины подъ присягою. Изъ дворовыхъ людей Карцовой *6 человѣкъ* подъ присягою поведеніе Шраменки и умершаго Бѣлика одобрили, 6 человѣкъ крестьянъ тоже подъ присягою прибавили, что Шраменко былъ нѣсколько мѣсяцевъ въ бѣгахъ, но ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ не замѣченъ.

Бобринецкій земскій судъ, которому приставъ 3 стана бобринецкаго уѣзда представилъ произведенное по этому дѣлу изслѣдованіе, опредѣлилъ: по важности происшествія произвести повѣрку слѣдствія на мѣстѣ временному отдѣленію того суда. На передопросѣ 21 марта въ присутствіи временнаго отдѣленія, крестьянинъ *Тимофей Шраменко*, подтвердивъ прежнее свое показаніе, добавилъ, что независимо отъ этого дѣла имѣетъ показать о важныхъ уголовныхъ преступленіяхъ поручика Карцова. Затѣмъ спрошенный на слѣдующій день 22 марта, Шраменко объяснилъ слѣдующее: третій годъ тому назадъ былъ онъ въ бѣгахъ отъ жестокаго обращенія съ нимъ поручика Карцова, который, въ бытность свою въ г. Одессѣ, билъ его обнаженною саблею среди улицы за то, что показатель не привелъ ему на

ночь дѣвки. По поимкѣ же изъ бѣговъ, онъ снова претерпѣвалъ безвинно частыя наказанія. Также точно жестоко Карцовъ обращается и съ прочими крестьянами и дворовыми людьми жены его, отчего разновременно бѣжало 18 душъ мужескаго и 7 женскаго пола. Родная мать его, Шраменки, Евдокія, находящаяся въ господскомъ дворѣ, кромѣ претерпѣваемыхъ наказаній, была постоянно содержима въ кухнѣ прикованною на желѣзной цѣпи къ столбу за одну ногу въ продолженіи пяти лѣтъ, за то что послѣ жестокаго наказанія ушла и хотѣла утопиться въ рѣкѣ, но была изъ рѣки вытащена подоспѣвшими крестьянами. Чрезъ притѣсненія Карцова не говѣла она семь лѣтъ, а онъ, Шраменко, уже третій годъ. Другіе крестьяне тоже лишены были возможности говѣть, а именно крестьянки: Стеблина около 10 лѣтъ, Дроботенкова 8 лѣтъ, Яковлева 10 лѣтъ и братъ показателя Никита, имѣющій отъ роду 20 лѣтъ, говѣлъ только два раза. Когда дворовые люди просились говѣть, то Карцовъ, призывая живущаго въ деревнѣ еврея Лейбу Ляховецкаго, приказывалъ ему исповѣдывать просившагося говѣть и еврей, покрывая его полою одежды, спрашивалъ о грѣхахъ и совѣтывалъ молиться Богу. Одинъ изъ крестьянъ Яковъ Яковлевъ, находившійся въ господскомъ дворѣ, содержался четыре года въ ножныхъ кандалахъ наглухо заклепленныхъ и въ нихъ работалъ барщину, а на ночь приковывался въ кухнѣ къ столбу цѣпью за шею и прикованнымъ умеръ назадъ тому третій годъ. Послѣ смерти его отковала отъ столба крестьянка Дудниченкова, а кандалы разбивалъ съ умершаго елисаветградскій мѣщанинъ кузнецъ Затяжецъ *), о чемъ знаютъ дворовые и слободскіе крестьяне и жители сосѣднихъ смежныхъ деревень. Сына Яковлева, Ивана, во время молотьбы на господскомъ току, Карцовъ билъ собственноручно цѣпомъ до того, что у него пошла ртомъ и носомъ кровь, отчего онъ началъ чахнуть и чрезъ три мѣсяца умеръ. И показатель тоже содержался столько же времени какъ и отецъ его, по ночамъ приковывался на кухнѣ цѣпью за ногу къ столбу, но безъ кандаловъ, а на день освобождался отъ цѣпи на господскую работу. Жену крестьянина Гавриленка, Лукерью, по приказанію Карцова, показатель приводилъ ему въ баню два раза и когда мужъ ея узналъ и началъ взыскивать

*) Кузнецъ Затяжецъ за смертію остался не спрошенъ.

съ нея за это, то она затосковала, лишилась ума и вскорѣ умерла. Кромѣ всего этого были у Карцова на передержательствѣ два бродяги: сапожникъ Осипъ и столяръ Иванъ, изъ которыхъ сапожникъ въ господской кухнѣ на печкѣ умеръ ночью скоропостижно и въ туже ночь до разсвѣта, какъ былъ одѣтъ въ свитѣ, преданъ землѣ; а столяръ заболѣвъ, лежалъ двѣ недѣли въ господской же кухнѣ и умеръ днемъ, а въ слѣдующую ночь преданъ землѣ. Оба эти случая были назадъ тому шесть лѣтъ. Въ заключеніе Шраменко прибавилъ, что три цѣпи, двое кандаловъ и двѣ рогатки, надѣвавшіяся на шею людямъ, хранятся на чердакѣ господскаго дома.

Не приступая къ изслѣдованію доноса Шраменки, бобринецкій земскій исправникъ представилъ доносъ Шраменки къ начальнику херсонской губерніи, который въ маѣ 1852 года поручилъ бобринецкому уѣздному предводителю дворянства Иванову, штабъ-офицеру корпуса жандармовъ Турчину и бобринецкому земскому исправнику Аранчееву произвести изслѣдованіе о показаніяхъ Шраменки.

При самомъ началѣ слѣдствія, корнетъ *Громашевскій* подалъ отзывъ, въ которомъ объяснилъ: что въ февралѣ 1852 года женясь на дочери отставнаго поручика Карцова и проживая нѣкоторое время въ домѣ его, онъ былъ частью свидѣтелемъ самъ, частію узналъ ужасныя происшествія, вслѣдствіе которыхъ онъ вынужденъ просить защиты. Тесть его поручикъ Карцовъ, дойдя до высшей степени жестокости, нѣсколько разъ съ пистолетомъ кидался на жену свою, требуя отъ нея, чтобы она отписала на него половину своего имѣнія и угрожая убить ее за невыполненіе этого требованія. Кромѣ того Карцовъ, продавая всю движимость, приводитъ имѣніе жены въ раззореніе, и до того жестокъ съ крестьянами, что въ то время какъ онъ, Громашевскій, жилъ въ домѣ его, едвали хотя одинъ изъ дворовыхъ людей оставался въ продолженіе дня ненаказаннымъ.

Помѣщица *Карцова* на запросъ слѣдственной коммисіи отозвалась, что кромѣ безпрестанныхъ жестокихъ побоевъ, поручикъ Карцовъ обваривалъ ее кипящею водою и жегъ свѣчею, а когда она не соглашалась отдать ему половины своего имѣнія, то Карцовъ угрожалъ убить ее изъ пистолета, при крестьянкахъ: Стеблиновой, Дудниченковой и Шевченковой. Обыкновенная его угроза

заключалась въ словахъ: «убью тебя и дочь твою и надѣлаю свѣжаго человѣческаго мяса». Вслѣдствіе такого обращенія и жестокостей мужа своего, она не смѣла распоряжаться ни хозяйствомъ, ни крестьянами, съ которыми Карцовъ обращался весьма жестоко: кромѣ безпрестанныхъ побоевъ, онъ водилъ крестьянъ въ цѣпяхъ и рогаткахъ. Двое изъ крестьянъ, жестокое обращеніе съ которыми осталось ей памятно: Яковъ Яковлевъ и сынъ его Иванъ уже умерли, Шевченко и Шраменкова еще живы. Все объясненное ею могутъ подтвердить помѣщики, ихъ сосѣди.

Затѣмъ слѣдователи по отдѣльнымъ обвиненіямъ, взводимымъ на Карцова, обнаружили слѣдующее:

1) *По обвиненію о жестокомъ обращеніи Карцова съ крестьянами и содержаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, кандалахъ и на цѣпяхъ.* На допросѣ въ слѣдственной коммисіи поручикъ *Карцовъ* въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами жены его не сознался, объяснивъ, что побѣги ихъ происходятъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ, по склонности крестьянъ того края къ бродяжничеству. Изъ всѣхъ взводимыхъ на показателя обвиненій ясно видно, что онѣ возбуждены злобою зятя его Громашевскаго изъ корыстныхъ видовъ, чтобы скорѣе воспользоваться имѣніемъ; доказательствомъ сему можетъ служить то, что въ теченіи двадцатилѣтняго управленія имѣніемъ, не было на показателя никакихъ жалобъ со стороны крестьянъ и что спокойствіе его нарушено только съ тѣхъ поръ, какъ дочь его вышла замужъ.

Затѣмъ, по выполненіи присяги, спрошены были слѣдующіе свидѣтели: 6 человѣкъ *крестьянъ* и 4 дворовыхъ *женщины* показали: по распоряженію Карцова очень часто крестьяне и въ особенности дворовые люди Карцовой брались на цѣпь, заковывались въ кандалы, причемъ надѣвались имъ на шею рогатки. Люди съ рогатками на шеѣ исполняли даже работы на барщинѣ, кандалы и рогатки хранились на чердакѣ господскаго дома. При осмотрѣ 25 мая 1852 года членами слѣдственной коммисіи, въ присутствіи понятыхъ, господскаго дома со службами въ кладовой, устроенной при кабинетѣ Карцова, найдены три желѣзныя цѣпи, одна длиною въ 5 аршинъ, а другія двѣ каждая въ 4 аршина. Кандаловъ же и рогатокъ за самымъ тщательнымъ обыскомъ не найдено. Но того же числа, послѣ обыска господ-

скаго дома, спрошенный безъ присяги находившійся при Карцовѣ 12 лѣтній мальчикъ *Потаповъ* объяснилъ, что по пріѣздѣ Карцова изъ г. Бобринца, показатель видѣлъ, какъ Карцовъ отперъ кладовую и взявъ оттуда небольшой рогоженый кулекъ, полезъ на чердакъ господскаго дома и, положивъ въ кулекъ хранившіеся тамъ кандалы и рогатки, понесъ кулекъ въ садъ; кулекъ былъ полонъ и изъ него высовывался одинъ рогъ рогатки. Изъ саду же Карцовъ вернулся безъ кулька.—Противъ этого *Карцовъ* сперва на запросъ слѣдственной коммисіи, а потомъ и въ военномъ судѣ отозвался, что показаніе Потапова ложно и что онъ же на вопросъ земскаго исправника отвѣчалъ и подтвердилъ божбою, что никакихъ желѣзъ не видѣлъ. Послѣ сего исправникъ повелъ его съ собою въ коммисію, гдѣ можетъ быть допросилъ пристрастно.—Впослѣдствіи на передопросъ въ военномъ судѣ Потаповъ показаніе свое подтвердилъ и добавилъ, что на первоначальный вопросъ земскаго исправника онъ точно отвѣчалъ, будто-бы никакихъ рогатокъ и кандаловъ не видѣлъ и сдѣлалъ это по приказанію Карцова, который стращалъ его въ противномъ случаѣ засѣчь.—Далѣе Карцовъ объяснилъ, что люди за побѣги съ мѣста жительства дѣйствительно содержались на тѣхъ самыхъ цѣпяхъ, которыя найдены коммисіею въ кладовой, и это дѣлалось по приказанію владѣлицы ихъ его жены, у которой хранился ключъ отъ цѣпей. На *очной ставкѣ* Карцова съ женою, послѣдняя, подтверждая все объясненное въ отзывѣ своемъ о жестокомъ обращеніи мужа съ крестьянами, присовокупила, что въ теченіи 20 лѣтъ Карцовъ непосредственно распоряжался имѣніемъ и наказывалъ крестьянъ самъ, а она ни во что не смѣла вмѣшиваться. Карцовъ на это возразилъ, что имѣніемъ жены онъ распоряжался совмѣстно съ нею, наказаніе крестьянъ производилъ и онъ произвольно, но бывали наказанія и съ общаго согласія съ женою. Дѣйствительно, по его распоряженію, люди жены его приковывались на ночь къ столбу за ногу во избѣжаніе побѣговъ, но за шею никогда; въ кандалы брались только тѣ, которые приготовлялись къ отдачѣ въ рекруты, а рогатокъ вовсе не было *). Въ военномъ судѣ,

*) Гдѣ находятся кандалы, въ которые по показанію Карцова заковываемы были крестьяне, подлежащіе къ отдачѣ въ рекруты, Карцовъ не спрошенъ, а равно неизвѣстно, произвела ли слѣдственная коммисія обыскъ въ саду по показанію мальчика Потапова.

Карцовъ, объясняя, что ключъ отъ кладовой, въ которой хранились цѣпи, находился у его жены, и что всѣ обвиненія взведены на него ложно по наущенію жены его и зятя, просилъ: произвести дополнительное разслѣдованіе, удаливъ предварительно изъ имѣнія жену и зятя, которые даже со времени учрежденія надъ имѣніемъ опеки, продолжали въ немъ жить и своимъ присутствіемъ могли имѣть вліяніе на показанія крестьянъ.—При дополнительномъ разслѣдованіи дѣла, произведенномъ по выѣздѣ Карцовой и семейства ея изъ имѣнія, оказалось: 5 *человѣкъ крестьянъ* безъ присяги и 11, по напоминаніи прежде данной присяги, прежнія показанія свои о жестокихъ наказаніяхъ крестьянъ по распоряженію Карцова, подтвердили, а изъ вновь спрошенныхъ подъ присягою 24 человѣкъ,—крестьянинъ *Камяненко* объяснилъ, что Карцовъ, управляя имѣніемъ, обращался съ крестьянами жестоко и по приказанію его содержались они на цѣпяхъ, заковывались въ кандалы и на шею имъ надѣвались рогатки. Крестьянка *Мельникова* показывая тоже самое, прибавила, что Карцовъ за малѣйшую вину наказывалъ крестьянъ собственноручно плетью, розгами и палками. 8 человѣкъ подъ присягою подтвердили показаніе Камяненко, а 15 человѣкъ показаніе Мельниковой. Далѣе крестьянинъ *Вергуленко* объяснилъ, что и его однажды Карцовъ наказалъ розгами до 200 ударовъ за то, что отъ плуга въ ночное время ушли въ деревню двѣ пары быковъ. Это наказаніе произведено жившимъ у поручика Карцова, за прикащика, военнымъ поселяниномъ Кривошеею, а держали наказателя крестьяне Мельникъ, Орликъ и Шевченко. Вмѣстѣ съ нимъ и за туже вину былъ наказанъ и крестьянинъ Ищенко и послѣ наказанія Карцовъ приказалъ высѣченное сѣдалище спрыснуть острою водкою. Крестьяне *Орликъ* и *Шевченко* объяснили, что сколько дано было Вергуленкѣ и Ищенкѣ ударовъ, они не знаютъ. По окончаніи же наказанія Карцовъ самъ спрыснулъ ихъ обоихъ острою водкою. Крестьянинъ *Василій Мельникъ* изложилъ, что каждому изъ нихъ дано до 200 ударовъ; но онъ не видѣлъ, чтобы послѣ наказанія спрыскивали ихъ острою водкою. Военный поселянинъ 5-го округа С. Ровнаго, Михайла *Кривошея*, бывшій за прикащика въ дер. Богдановкѣ и находившійся при наказаніи Вергуленка и Ищенка, подъ присягою показалъ, что они наказаны сильно до крови, послѣ чего поручикъ Кар-

цовъ вынесъ изъ комнаты пузырекъ съ какою-то жидкостью красноватаго цвѣта и самъ, поливая разсѣченныя мѣста, приговаривалъ: « не кричите, вотъ я васъ полью перчичкою». *Анастасія*, жена крестьянина *Вергуленка*, показала, что лѣтъ восемь тому назадъ когда бѣжало въ одинъ разъ семь душъ крестьянъ, поручикъ Карцовъ подозрѣвая, что она знала, куда они ушли, наказалъ ее на дворѣ палками 700 ударами. Наказаніе производилъ крестьянинъ Шевченко, а держали ее крестьяне: Василій Мельникъ и Дудниченко, находящійся въ бѣгахъ. Василій Мельникъ и Данила Шевченко отозвались, что Вергуленковой дано около ста ударовъ розогъ.

Дворовая женщина *Дудниченкова* подъ присягою объяснила, что замки отъ цѣпей, кандаловъ и рогатокъ всегда запирала и отпирала она по приказанію поручика Карцова, у котораго находились постоянно и ключи отъ тѣхъ замковъ. Обстоятельство это подтвердили крестьянинъ Тимофей *Шраменко* безъ присяги, а крестьянки *Стеблинова, Шевченкова и Яковлева* подъ присягою; изъ нихъ послѣдняя добавила, что поручикъ Карцовъ только тогда отдавалъ ключи отъ цѣпей и рогатокъ женѣ своей, когда уѣзжалъ куда либо изъ дому на долгое время. Когда же пріѣхала въ 1852 году слѣдственная коммисія, то предъ самымъ осмотромъ господскаго дома поручикъ Карцовъ, стукнувъ изъ сѣней въ окно, отдалъ женѣ своей всѣ эти ключи, въ числѣ которыхъ былъ и ключъ отъ кладовой, гдѣ найдены три желѣзныя цѣпи. По приходѣ членовъ, они потребовали ключъ отъ кладовой и тогда поручикъ Карцовъ опять стукнулъ въ окно, и жена его сама подала ему всѣ тѣ ключи.—Мѣщане дер. Мазолѣевки, бывшіе понятыми при обыскѣ господскаго дома, въ числѣ 5 человѣкъ подъ присягою показали: когда члены коммисіи потребовали отъ Карцова ключъ отъ кладовой, онъ отозвался, что ключъ потерянъ, почему понятымъ приказано было отыскивать его, но между тѣмъ какъ они его искали, Карцовъ неизвѣстно гдѣ взялъ и самъ принесъ тотъ ключъ.—Ближайшіе *сосѣди* помѣщицы Карцовой жители деревни Мазолѣевки, (въ числѣ 6-ти человѣкъ) подъ присягою отозвались, что имъ съ давняго времени извѣстно жестокое обращеніе Карцова съ крестьянами жены его. Изъ нихъ двое добавили, что сами видѣли въ разное время на кухнѣ Карцова людей, прикованныхъ на цѣпи, а мѣщанинъ *За-*

пороженко, что видѣлъ на степи мальчика пастуха въ рогаткѣ. Изъ помѣщиковъ бобринецкаго уѣзда, спрошенныхъ тоже подъ присягою, 4 человѣка отозвались, что о жестокомъ обращеніи Карцова съ крестьянами извѣстно имъ по слухамъ, а поручикъ *Лазаревскій* и дворяне *Тваркевичъ* и *Палеологъ*, что сами видѣли въ имѣніи Карцовой крестьянъ, закованныхъ въ кандалы. Тваркевичъ прибавилъ, что крестьянинъ, котораго онъ видѣлъ закованнымъ въ цѣпяхъ, покрывалъ крышу дома соломою, и объ опасности такой работы для человѣка скованнаго онъ сказалъ Карцову. Но Карцовъ замѣчаніемъ его остался недоволенъ; вслѣдствіе сего Тваркевичъ тогда же отъ него уѣхалъ.

2) *По доносу крестьянина Шраменки о содержаніи матери его Евдокіи Шраменковой на цѣпи въ продолженіи 5 лѣтъ и о покушеніи ея утопиться вслѣдствіе жестокаго обращенія Карцова.*

По сему предмету *Евдокія Шраменкова* показала: поручикъ Карцовъ, преслѣдуя ее безпрерывно наказаніями безъ всякой вины, вынудилъ ее бѣжать съ мѣста жительства; послѣ трехлѣтняго бродяжничества она была отыскана Карцовымъ и привезена въ имѣніе. По доставленіи въ д. Богдановку, съ самаго начала онъ не взыскивалъ съ нея за побѣгъ; но чрезъ недѣлю времени подозрѣвая, что она опять намѣрена уйти, высѣкъ ее розгами, посадилъ въ кухнѣ на цѣпь и надѣлъ на шею желѣзную рогатку, въ которой она пробыла сряду до пяти недѣль, исполняя постоянно и господскую работу; потомъ чрезъ пять недѣль, хотя были снята рогатка, но отъ цѣпи она освобождалась только днемъ на работу, и это продолжалось въ теченіи пяти лѣтъ. Цѣпью она приковывалась за ногу. Сначала, когда ее взяли на цѣпь и надѣли на нее рогатку, не надѣясь перенести такое томительное наказаніе, она дѣйствительно хотѣла утонуть и однажды, когда Карцовъ уѣзжая въ степь, грозилъ ее высѣчь, не смотря на то, что того же дня билъ ее палкой, она, улучивъ удобную минуту, ушла въ рогаткѣ съ господской кухни и бросилась въ рѣку. Но случившійся тамъ кучеръ изъ села Петриновки, крестьянинъ Брасловъ, кинулся за нею и вытащилъ изъ воды съ помощію подоспѣвшихъ крестьянокъ Дудниченковой и Ищенковой. По приводѣ ея на кухню Карцовъ опять ее билъ, но на другой день по просьбѣ дочери своей, приказалъ снять рогатку и она каждую ночь содер-

жалась на цѣпи, въ теченіи пяти лѣтъ, и только третій годъ какъ освобождена.—Поручикъ Карцовъ объяснилъ: что дворовая женщина Евдокія Шраменкова сперва пользовалась особеннымъ довѣріемъ жены его за трезвость и исправность; но потомъ, избаловавшись избыткомъ и свободою и сведя блудную связь съ крестьяниномъ Даниломъ Бондаренкомъ и съ другими, бѣжала вмѣстѣ съ нимъ, подговоривъ къ побѣгу еще четырехъ крестьянъ, а именно: Добротенка, Полуляха, Бѣлика и Павла Шраменка. По поимкѣ изъ бѣговъ, Шраменкова по приказанію жены его наказана розгами и тоже по распоряженію жены во избѣжаніе новаго побѣга была нѣсколько времени приковываема по ночамъ цѣпью за ногу; но одинъ разъ, въ отсутствіе его и жены изъ дому, Шраменкова снова бѣжала, а когда увидѣла, что ее преслѣдовали, то намѣреваясь спастись бѣгствомъ, бросилась въ рѣку, но была схвачена и приведена въ имѣніе; съ чего взято, что она хотѣла утонуть, ему неизвѣстно, потому что то мѣсто рѣки, гдѣ она поймана, по мелководію своему отвергаетъ такое предположеніе.—На очной ставкѣ съ женою своею Карцовъ утверждалъ, что Шраменкова бралась на цѣпь по приказанію жены его, но помѣщица Карцова отвергая это, объясняла, что Шраменкова въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ содержалась на цѣпи по распоряженію мужа.—Далѣе Карцовъ въ прошеніи, поданномъ въ августѣ 1852 года во время содержанія своего подъ арестомъ на Высочайшее имя, объясняя о несправедливости сдѣланнаго на него скопомъ доноса и доказывая, что крестьяне брались на цѣпь по распоряженію его жены, излагалъ, что даже и внѣ имѣнія, жена его употребляла эту мѣру для удержанія крестьянъ отъ побѣга, и что въ селеніи Ровномъ, куда она пріѣзжала говѣть, останавливаясь у унтеръ-офицера 5-го кавалерійскаго округа Таршина, заковывала тамъ на ночь цѣпью привезенную съ собою ту же женщину Евдокію Шраменкову. Евдокія *Шраменкова* противъ объясненія Карцова отозвалась, что помѣщица Карцова никогда не приказывала брать ее на цѣпь и даже никогда не подвергала наказанію, и что при побѣгѣ своемъ показательница не уговаривала крестьянъ уйти, а только сама пошла вмѣстѣ съ ними. Крестьянка *Дудниченкова* подъ присягою объяснила, что Евдокія Шраменкова была закована цѣпью за ногу въ теченіи пяти лѣтъ: два года сряду день и ночь, а три только ночью,

днемъ же посылалась на работу. Сначала какъ ее посадили на цѣпь и надѣли рогатку, она однажды выпросившись на дворъ, скрылась съ рогаткою на шеѣ; но крестьянскій мальчикъ Потаповъ, увидя что она бѣжитъ къ берегу, далъ знать объ этомъ, и потому она, Дудниченкова, съ женщиною Василиною, побѣжали вслѣдъ за Шраменковой, упросивъ сдѣлать тоже случившагося тамъ кучера изъ селенія Петриновки, Браслова и вытащили ее изъ воды всю мокрую; въ такомъ видѣ Дудниченкова привела ее во дворъ и заковала. Карцовъ, узнавъ объ этомъ, наказалъ своеручно Шраменкову, а также и дѣвку Василину и ее Дудниченкову за то, что не досмотрѣли и допустили Шраменкову уйти. Когда Евдокію Шраменкову вытащили изъ воды, то она говорила, что хотѣла бѣжать; но увидѣвъ, что ее преслѣдуютъ, бросилась въ воду, намѣреваясь утонуть, чтобы избѣжать наказанія, которымъ Карцовъ грозилъ ей. Крестьянинъ петриновской экономіи *Брасловъ* подъ присягою показалъ, что дѣйствительно назадъ тому лѣтъ пять, по просьбѣ дворовыхъ людей Карцова, помогъ онъ имъ спасти крестьянку Шраменкову, которая бросилась въ рѣку, и зашла по самую шею, когда же онъ ее вытащилъ, то увидѣлъ на шеѣ ея рогатку. Пріѣхавъ изъ степи и узнавъ объ этомъ, Карцовъ при немъ, Брасловѣ, билъ своеручно плетью крестьянку Дудниченкову за то, что допустила Шраменкову бѣжать.—При дослѣдованіи дѣла, въ декабрѣ 1853 года, осмотрѣно мѣсто, гдѣ по указанію крестьянина Браслова Шраменкова вытащена изъ воды и оказалось, что рѣка на томъ мѣстѣ имѣетъ глубины два аршина, а въ срединѣ рѣки три сажени. По показанію жителей вода на томъ мѣстѣ лѣтомъ бываетъ ниже.

Семь человѣкъ крестьянъ подъ присягою засвидѣтельствовали, что Шраменкова содержалась на цѣпи очень долгое время. Военный поселянинъ 5-го кавалерійскаго округа селенія Ровнаго, унтеръ-офицеръ *Таршинъ* и жена его, подъ присягою отозвались, что когда помѣщица Карцова пріѣзжала въ с. Ровное говѣть и останавливалась у нихъ въ домѣ, то они никакихъ жестокостей въ обращеніи ея съ людьми не замѣтили. Къ этому жена Таршина прибавила, что однажды только слышала она отъ людей Карцовой, будто она привезла съ собою цѣпь, которою приковываетъ на ночь дворовую женщину Евдокію Шраменкову за то, что она дѣлаетъ частые побѣги и когда Таршина спросила объ этомъ

Карцову, то последняя отвѣчала, что приковываетъ на цѣпь Шраменкову по приказанію своего мужа. А унтеръ-офицеръ Таршинъ присовокупилъ, что о намѣреніи Карцовой приковать Шраменкову слышалъ онъ однажды отъ своей жены.

3) *По доносу крестьянина Шраменки о содержаніи крестьянина Якова Яковлева въ продолженіи 4-хъ лѣтъ на цѣпи и въ кандалахъ, наглухо заклепанныхъ, въ которыхъ онъ и умеръ; и о 4-хъ лѣтнемъ содержаніи на цѣпи сына его Ивана, который также умеръ отъ побоевъ поручика Карцова цѣпомъ, во время молотьбы на току.*

Крестьянка *Аграфена Яковлева* безъ присяги показала, что года три тому назадъ, мужъ ея Яковъ Яковлевъ содержась на господской кухнѣ заклепаннымъ въ кандалахъ и закованнымъ цѣпью за шею, умеръ въ такомъ положеніи тамъ же на кухнѣ, и съ него уже съ мертваго сняли цѣпь, расковали кандалы и хотя она узнавши о томъ, шла въ кухню, но Карцовъ увидѣвъ ее, не допустилъ туда. Яковлева предали землѣ безъ священника, продержавъ тѣло только одну ночь. Сынъ ея, Иванъ, содержался тоже на цѣпи въ той самой кухнѣ, гдѣ и отецъ его, и когда отецъ умеръ, она выпросила у Карцова сына на птичню и туда привезли его больнаго, очень изнуреннаго, съ цѣпью на шеѣ, и съ ванною чтобы парить, и сколько она и сынъ ея ни просили прибывшую съ ними дворовую женщину Дудниченкову, чтобы освободила его отъ цѣпи, но она изъ страха наказанія не рѣшилась; видя, что чрезъ цѣпь нельзя было снять штановъ съ сына ея, больнаго и опухшаго, показательница разорвала штаны и посадила его въ ванну съ цѣпью. На другой день пошла къ Карцову и выпросила у него со слезами освобожденія отъ цѣпи. Тогда она парила сына разными снадобьями, присланными ей отъ барыни, и успѣла оправить его отъ болѣзни, но онъ опять былъ потребованъ Карцовымъ во дворъ, гдѣ Карцовъ, какъ сынъ ей разсказывалъ, въ скоромъ времени избилъ его цѣпомъ при крестьянахъ, на току бывшихъ, такъ сильно, что когда онъ пришелъ тогда же на птичню, то харкалъ кровью и, зачахнувъ, вскорѣ умеръ какъ и отецъ его собственно отъ перенесенныхъ ими побоевъ и отъ изнуренія.—Поручикъ *Карцовъ* объяснилъ, что крестьянинъ Яковъ Яковлевъ, находясь въ бѣгахъ сряду 10 лѣтъ съ сыномъ своимъ, былъ наконецъ отыскан и привезенъ въ имѣніе, причемъ Карцовъ не

только не подвергнулъ его никакому взысканію, но повѣря его раскаянію и обѣщанію, что оставитъ бродячую жизнь, далъ ему пару быковъ, корову и шесть рублей серебромъ. Но Яковлевъ побывъ только три дня и поѣхавъ въ числѣ прочихъ крестьянъ на базаръ въ с. Павловское, вновь бѣжалъ оттуда съ сыномъ, унеся и данные ему 6 рублей серебромъ. Того же года осенью Яковлевъ съ сыномъ снова отысканы, и Яковъ Яковлевъ хотя сначала на короткое время былъ приковываемъ на ночь цѣпью за ногу во избѣжаніе побѣга, но вскорѣ освобожденъ и смерть ему послѣдовала весною чрезъ полгода, отъ свирѣпствовавшей въ то время цынготной болѣзни. За шею и въ кандалы Яковлевъ не заковывался. Сына Яковлева Ивана показатель ни цѣпомъ и ничѣмъ другимъ на току никогда не билъ; но когда поймалъ его вмѣстѣ съ отцомъ, то на самое короткое время бралъ его по ночамъ за ногу на цѣпь. Содержать его четыре года на цѣпи показатель не могъ потому уже, что онъ со времени доставленія его въ Богдановку до смерти, находился въ деревнѣ только полгода; умеръ онъ тоже отъ цынготной болѣзни и не во дворѣ, а на птичнѣ у матери своей, которой отданъ съ начала болѣзни, то есть за три недѣли до смерти. Оба Яковлева погребены по христіанскому обряду священникомъ Бычковскимъ.—На очной ставкѣ съ женою Карцовъ объяснилъ, что Яковлевы содержались въ цѣпяхъ по ея распоряженію, но Карцова, отвергая это, говорила, что всѣ жестокости съ ними дѣлались по приказанію мужа.

Спрошенные при слѣдствіи и при дополнительномъ изслѣдованіи дѣла крестьяне и дворовые люди, подъ присягою, показали слѣдующее: крестьянка *Дудниченкова*, подтвердивъ показаніе Аграфены Яковлевой о содержаніи мужа ея и сына въ цѣпяхъ и кандалахъ *), прибавила, что содержались они такимъ образомъ болѣе года; изъ нихъ Яковъ Яковлевъ, даже заболѣвъ, ходилъ на работу въ кандалахъ и умеръ въ нихъ и съ цѣпью на шеѣ. Когда Иванъ Яковлевъ по болѣзни былъ отвезенъ къ матери его, то хотя Карцовъ отправилъ съ нимъ цѣпь, чтобы его приковать, но она Дудниченкова цѣпи на него не надѣла. Когда онъ оправился отъ болѣзни, то былъ взятъ Карцовымъ въ господскій дворъ, гдѣ опять заболѣлъ и опять отправленъ къ матери. Болѣнъ

*) На первомъ допросѣ Дудниченкова показывала, что на Ивана Яковлева кандалы не надѣвались.

онъ былъ животомъ. Отецъ умеръ гораздо прежде сына и оба погребены безъ священника.—Крестьянка Александра *Яковлева* объяснила, что отецъ ея и братъ содержались на цѣпи всю осень, зиму и начало весны, исполняя притомъ и господскія работы. Братъ приковывался цѣпью за ногу, а отецъ за шею; кромѣ того на отцѣ были ножные кандалы, которые не снимались даже на работѣ. Братъ Иванъ заболѣвъ, былъ отправленъ къ матери, гдѣ на другой день цѣпь съ него снята. Въ остальномъ Яковлева показала согласно съ крестьянкою Дудниченковою.—Крестьянинъ *Ищенко* подтвердилъ показаніе Дудниченковой о содержаніи Яковлевыхъ болѣе года въ кандалахъ и на цѣпи.—5 человѣкъ крестьянъ объясняя: что Яковъ Яковлевъ дѣйствительно содержался по ночамъ на цѣпи и въ кандалахъ, а днемъ освобождаясь отъ цѣпи, ходилъ въ кандалахъ на работу и что Иванъ Яковлевъ тоже былъ приковываемъ цѣпью за ногу, прибавили, что однажды во время молотьбы Карцовъ билъ Ивана Яковлева цѣпомъ по спинѣ *).

Затѣмъ крестьянки и крестьяне, въ числѣ 14 человѣкъ, тоже подтверждая о содержаніи Яковлевыхъ въ цѣпяхъ и въ кандалахъ, отозвались, что не знаютъ, отъ какой болѣзни умерли Яковлевы; крестьяне *Вергуленко и Орликъ* показали, что хотя они и не знаютъ отъ какой болѣзни умерли Яковлевы, но только помнятъ, что не отъ цынготной. Наконецъ 4 крестьянина засвидѣтельствовали, что умершіе Яковъ и Иванъ Яковлевы погребены безъ священника. Священникъ селенія Петриновки Алексѣй *Бычковскій*, на запросъ слѣдственной коммиссіи отозвался, что крестьянъ Ивана и Якова Яковлевыхъ онъ не предавалъ землѣ. Херсонская духовная консисторія въ августѣ 1853 года увѣдомила коммисію военнаго суда, что по метрическимъ книгамъ съ 1848 по 1851 годъ актовъ о смерти помянутыхъ крестьянъ не оказалось.

Кромѣ вышеобъясненныхъ случаевъ о жестокомъ обращеніи Карцова съ крестьянами, слѣдующія 4 крестьянки при слѣдствіи объяснили: крестьянка *Дроботенкова*,—что по приказанію Карцова содержалась она на цѣпи 4 года, и носила на шеѣ рогатку, крестьянка *Шевченкова*, что содержалась тоже по ночамъ на

*) Крестьянка Яковлева, крестьянинъ Ищенко и слѣдующіе за нимъ пять человѣкъ показали, что они знаютъ о томъ, что Яковъ Яковлевъ умеръ на цѣпи, но свидѣтелями этого не были.

*

цѣпи 2 года, крестьянка Прасковья *Орликъ*, что содержалась на цѣпи два мѣсяца, а крестьянка *Яковлева*, что носила рогатку на шеѣ два раза, первый разъ назадъ тому 12, а во второй разъ 9 лѣтъ *).

4) *По доносу крестьянина Шраменки о недозволеніи крестьянамъ бывать у исповѣди и св. причастія и объ исповѣданіи ихъ по приказанію Карцова евреемъ Лейбою Ляховецкимъ.*

Спрошенные по этому предмету при слѣдствіи и дополнительномъ изслѣдованіи дѣла крестьяне показали: Евдокія *Шраменкова*, что не говѣла она 8 лѣтъ; первые четыре года потому, что Карцовъ не пускалъ ее говѣть, а послѣдніе 4 она и сама не просилась потому, что всѣхъ просившихся по приказанію Карцова исповѣдывалъ или крестьянинъ Федоръ (бѣглый) или еврей Лейба. Никита *Шраменко*,—что съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя говѣлъ только три раза, потому что Карцовъ не пускалъ его говѣть говоря, что ему нужнѣе работы, чѣмъ говѣнье. Тимофей *Шраменко*,—что по приказанію Карцова еврей Ляховецкій исповѣдывалъ однажды его Шраменко и мальчика Василія Мельника. Аграфена *Яковлева*: что не говѣла 9 лѣтъ и когда просилась говѣть, то Карцовъ привязывалъ ее къ столбу поясомъ и заставлялъ молиться Богу, приговаривая: «вотъ тебѣ говѣнье, исповѣдь и причастіе». Двѣ женщины подъ присягою подтвердили, что дѣйствительно, когда Яковлева просилась говѣть, то Карцовъ привязывалъ ее къ столбу и заставлялъ молиться Богу. Затѣмъ другіе крестьяне и дворовые *подъ присягою* удостовѣрили: крестьянки *Дудниченкова*, Александра *Яковлева* и *Дроботенкова*, что видѣли однажды, какъ лакей Василій Мельникъ, по приказанію Карцова, исповѣдывалъ крестьянина Орлика **). Александра *Яковлева* прибавила, что видѣла еще какъ кромѣ Орлика лакей Василій Мельникъ исповѣдывалъ дѣвку Авдотью, а *Дроботенкова* присовокупила, что слышала; будто бы и еврей Лейба по приказанію Карцова исповѣдывалъ въ кабинетѣ его другихъ крестьянъ. Крестьянка *Стебликова*, крестьянинъ Степанъ *Мельникъ* и крестья-

*) О содержаніи на цѣпи Дроботенковой подтверждаетъ подъ присягою крестьянинъ *Ищенко*, а о содержаніи на цѣпи Яковлевой удостовѣрила крестьянка *Дорошенкова*.

**) Орликъ отозвался, что дѣйствительно однажды Карцовъ не пустилъ его говѣть, но Василій Мельникъ его не исповѣдывалъ.

никъ *Шевченко* показали, что когда они просились говѣть, то по приказанію Карцова лакей Василій Мельникъ, покрывая ихъ полою шинели, исповѣдывалъ, молился Богу какъ умѣлъ и совѣтовалъ слушать господина. Шевченко прибавилъ, что его однажды тоже по приказанію Карцова исповѣдывалъ еврей Лейба, и что съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, онъ говѣлъ всего только одинъ разъ. Крестьянка же Стеблякова объяснила, что не говѣла уже четыре года. Затѣмъ 15 человѣкъ показали, что Карцовъ не пускалъ крестьянъ къ исповѣди и св. причастію, а четыре человѣка, что слышали, будто бы дворовыхъ людей, по приказанію Карцова исповѣдывали еврей Лейба Ляховецкій или лакей Василій Мельникъ. Помѣщикъ бобринецкаго уѣзда дворянинъ *Тваркевичъ* на вопросъ военно-судной коммисіи подъ присягою отозвался, что однажды великимъ постомъ пріѣхавъ къ Карцову, онъ видѣлъ, какъ дворовый мальчикъ просился у Карцова говѣть. Но Карцовъ велѣлъ позвать еврея Лейбу и приказалъ исповѣдывать мальчика, покрывъ его мѣшкомъ. Зная, что это служитъ посмѣяніемъ религіи, Тваркевичъ просилъ Карцова оставить подобныя занятія и тотчасъ отъ него уѣхалъ.—Бобринецкій мѣщанинъ еврей Лейба *Ляховецкій* объяснилъ, что въ имѣніи помѣщицы Карцовой жилъ онъ три года съ половиною, выполняя разныя порученія поручика Карцова. Однажды Карцовъ призвавъ его въ домъ свой, гдѣ былъ какой-то помѣщикъ, побуждалъ исповѣдывать двороваго мальчика Василія. Зная строптивый характеръ Карцова, онъ не находилъ возможности ослушаться такого неумѣстнаго требованія и, удивляясь странности Карцова, разсказывалъ объ этомъ многимъ; въ томъ числѣ и приходскому священнику Алексѣю Бычковскому говорилъ, что Карцовъ кромѣ воспрещенія дворовымъ людямъ говѣть, дѣлаетъ посмѣяніе надъ своею религіею. Болѣе же Карцовъ не заставлялъ его никого исповѣдывать. На очной ставкѣ Ляховецкаго съ крестьянами Тимофеемъ Шраменко и Данилою Шевченко, Ляховецкій объяснилъ, что ихъ онъ никогда не исповѣдывалъ, но означенные два крестьянина остались при своихъ показаніяхъ. Священникъ села Петриновки *Бычковскій* отозвался, что о вышеупомянутомъ случаѣ еврей Лейба никогда ему не говорилъ.—Крестьянскій мальчикъ *Василій Мельникъ* показалъ, что однажды, когда онъ просился у Карцова говѣть, Карцовъ велѣлъ еврею Лейбѣ исповѣдывать его шуточно;

причемъ Карцовъ смѣялся. Потомъ и онъ, Мельникъ, по приказанію Карцова тоже исповѣдывалъ, въ видѣ шутокъ, крестьянъ Илью Орлика и Степана Мельника; крестьянки же Стеблиновой, дѣвочки Авдотьи и крестьянина Шевченка не исповѣдывалъ, что подтвердилъ и на очной ставкѣ съ ними.—Поручикъ *Карцовъ* объяснилъ, что будучи самъ христіанинъ и исполняя строго обряды религіи, онъ всегда увольнялъ дворовыхъ мальчиковъ говѣть, но исполняли-ли они долгъ христіанскій, онъ не знаетъ. Крестьяне и дворовые люди отпускались говѣть поочереди, съ разрѣшенія жены его, какъ настоящей владѣлицы. О томъ же, чтобы онъ заставлялъ мальчика Василія Мельника и еврея Лейбу исповѣдывать дворовыхъ людей, онъ не помнитъ; впрочемъ если и было что нибудь сказано подобное, то это была одна только шутка.—Херсонская духовная консисторія, на запросъ военно-судной коммиссіи, увѣдомила ее, что изъ людей помѣщицы Карцовой, по исповѣднымъ росписямъ бобринецкаго уѣзда села Петриновки козьма-демьяновской церкви, въ архивѣ консисторіи хранящимся, съ 1836 по 1851 годъ, значатся только слѣдующія лица: вдова Евдокія Шраменкова и дѣти ея Павелъ, Тимофей и Никита. А также крестьянка Анна Стеблина, крестьяне Шевченко, Степанъ и Василій Мельники и сестра ихъ Марья. Всѣ вышепрописанныя лица бывали у исповѣди и св. причастія, хотя не сряду, въ продолженіи всѣхъ означенныхъ 15-ти лѣтъ съ 1836 по 1851 годъ. Лица-же, не поясненныя въ справкѣ этой, по исповѣднымъ росписямъ не показаны.—Священникъ *Бычковскій* отозвался на запросъ слѣдователя, что крестьяне Карцовой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не говѣли въ приходской церкви; а потомъ на запросъ херсонской духовной консисторіи Бычковскій донесъ, что на вопросы его, Бычковскаго, почему не были у исповѣди и св. причастія, крестьяне обыкновенно отзывались, что говѣли въ селеніи Ровномъ. На основаніи такихъ отзывовъ, онъ по исповѣднымъ росписямъ своей церкви показывалъ крестьянъ бывшими у исповѣди и св. причастія (?).

5) *По доносу крестьянина Шраменки о двукратномъ приводѣ къ Карцову въ баню жены крестьянина Ищенка.*

Крестьянинъ *Ищенко* подъ присягою показалъ: что Карцовъ дѣйствительно нѣсколько разъ призывалъ жену его къ себѣ въ баню, но для какой надобности, не знаетъ; за это онъ Ищенко

жену свою бранилъ, а она говорила ему, что никакъ не могла отъ него, Карцова, отвязаться. Чрезъ полгода же послѣ того, по неизвѣстной причинѣ, она сошла съ ума и наконецъ умерла. 4 человѣка подъ присягою объяснили, что слышно было въ деревнѣ, будто бы Ищенкова отъ укоровъ мужа за приводъ ея въ баню къ Карцову загрустила, сошла съ ума и умерла.—Подсудимый, отвергая это обвиненіе, отозвался, что могло случиться, что женѣ крестьянина Ищенки и другимъ онъ приказывалъ идти въ баню, но не для чего другаго, какъ для мытья половъ, топки печи и принесенія воды.

6) *По обвиненію в наказаніи въ Одессѣ крестьянина Шраменки обнаженною саблею за то, что онъ не привелъ Карцову дѣвки, вслѣдствіе какого наказанія Шраменко бѣжалъ.*

Подсудимый отвергая и это обвиненіе, отозвался, что Шраменко бѣжалъ изъ Одессы потому, что свелъ любовную связь съ крестьянскою дѣвкою помѣщика Унтилова и пробрался съ обратными подводами Унтилова въ его имѣніе. При побѣгѣ кромѣ того Шраменко укралъ у него, Карцова, 50 руб. О покражѣ этихъ денегъ объявилъ онъ тогда же хозяевамъ двора, гдѣ стоялъ, Грузьевымъ и помѣщику Унтилову. Изъ имѣнія Унтилова Шраменко доставленъ въ имѣніе жены Карцова, гдѣ тоже безъ всякихъ жестокостей Карцовъ исправлялъ его дозволенными мѣрами.—При изслѣдованіи дѣла *Тимофей Шраменко* объяснилъ, что Карцовъ билъ его саблею не на улицѣ, какъ прежде показывалъ, а на постояломъ дворѣ, въ комнатѣ; что любовной связи съ дѣвкою Унтилова онъ не сводилъ и денегъ у Карцова не воровалъ, а бѣжалъ отъ жестокаго съ нимъ обращенія. По возвращеніи же изъ бѣговъ, Карцовъ продолжалъ его безвинно наказывать, билъ собственноручно, сѣкъ розгами, брилъ ему голову, надѣвалъ на шею желѣзную рогатку и приковывалъ цѣпью за шею. На очной ставкѣ съ Карцовымъ Шраменко уличалъ его въ жестокомъ съ нимъ обращеніи, но Карцовъ остался при своемъ показаніи. Крестьяне, спрошенные подъ присягою, отозвались: *Платонъ Ищенко*, что въ Одессѣ съ Карцовымъ онъ былъ но не видѣлъ, чтобы Карцовъ билъ саблею Шраменка; отчего Шраменко бѣжалъ не знаетъ, а отъ Карцова слышалъ, что Шраменко укралъ у него деньги. 4 крестьянина отозвались, что не помнятъ былъ ли Шраменко наказываемъ по возвращеніи изъ

благовъ, а крестьянину Каменко показалъ, что Шременко въ кандалахъ молотилъ съ нимъ вмѣстѣ на господскомъ току.

7) *По обвиненію Карцова въ жестокомъ обращеніи съ женою и объ угрозахъ убить ее за то, что она не хотѣла выдѣлить ему половины своего имѣнія.* Отвергая всѣ эти обвиненія, Карцовъ объяснилъ, что если бы онъ дѣйствительно обращался съ женою такъ жестоко, какъ она объяснила, а именно билъ бы ее, жегъ ее свѣчею и обваривалъ кипяткомъ, то на тѣлѣ ея должны бы остаться знаки, но ихъ нѣтъ, въ чемъ можно убѣдиться чрезъ освидѣтельствованіе его жены. Угрозъ убить ее и дочь и надѣлать человѣческаго мяса онъ никогда не произносилъ, имѣнія отъ жены не требовалъ; напротивъ въ январѣ 1852 года, она добровольно предложила ему принять въ свое распоряженіе ея имѣніе, въ чемъ хотѣла заключить и контрактъ, но онъ на это не согласился. Въ доказательство послѣдняго обстоятельства, подсудимый сослался на помѣщика титулярнаго совѣтника Фетисова и его жену. Спрошенные подъ присягою дворовые люди показали: *Анна Дудниченкова*—однажды когда изъ амбара брали провизію для зятя Карцова Громашевскаго, то Карцовъ говорилъ, что онъ за это убьетъ барыню. *Анна Стеблина*, подтверждая предыдущее показаніе, прибавила, что однажды Карцовъ приходилъ къ барынѣ съ пистолетомъ и говорилъ, что убьетъ ее и дочь и надѣлаетъ человѣческаго мяса. Пять помѣщиковъ бобринецкаго уѣзда подъ присягою отозвались, что слышали отъ Карцовой о жестокомъ обращеніи мужа съ нею и съ ея дочерью; изъ нихъ прибавили—дворянинъ *Варкевичъ*, что самъ былъ свидѣтелемъ какъ Карцовъ сильно ругалъ свою жену, а ротмистръ *Палеологъ*, что, не болѣе недѣли тому назадъ былъ онъ у Карцова; Карцовъ, жалуясь ему съ досадой на отнятую у него власть распоряжаться имѣніемъ и показывая свой ятаганъ, говорилъ, что въ случаѣ перемѣны жизни, онъ изъ всѣхъ троихъ, не поименовывая изъ кого именно, сдѣлаетъ говядину. О поступкахъ же и словахъ Карцова, онъ Палеологъ не донесъ оттого, что зналъ о скоромъ пріѣздѣ слѣдственной коммисіи, которой въ настоящее время и объяснилъ все, что зналъ.—Дальнѣйшаго изслѣдованія по этому предмету слѣдственная коммисія не произвела потому, какъ видно изъ ея опредѣленія отъ 27 мая 1852 года, что ей поруче-

не только открытіе жестокихъ поступковъ Карцова съ крестьянами, а не семейныхъ неудовольствій его *). На запросъ же военно-судной коммисіи, спрошенный по селамъ Карцова, помѣщикъ *Фетисовъ* подъ присягою отозвался: въ январѣ 1852 года Карцовъ пріѣхавъ къ нему въ домъ и просилъ отъ имени жены его составить черновой документъ, по которому имѣніе ея перешло бы въ его владѣніе. Когда же на другой день, Фетисовъ спросилъ объ этомъ жену Карцова, то она отвѣтила, что написать такую бумагу никому не поручала, а во избѣжаніе ссоры и непріятностей отъ мужа тутъ же просила написать другую бумагу, по силѣ которой она временно отдаетъ имѣніе мужу, съ тѣмъ, чтобъ онъ ежегодно выплачивалъ дочери ея деньги. Этотъ новый документъ написанъ Фетисовымъ на черно и, по пріѣздѣ Карцова, ему отданъ, но состоялся ли тотъ контрактъ или нѣтъ, ему неизвѣстно. Жена Фетисова подъ присягою отзывъ мужа подтвердила.

8) *По доносу крестьянина Шраменка о передержательствѣ Карцовымъ бродягъ сапожника Осипа и столяра Ивана, умершихъ на господской кухнѣ и преданныхъ землѣ безъ священника.* Поручикъ *Карцовъ* отозвался, что дѣйствительно назадъ тому шесть лѣтъ проживали у него два мастеровые человѣка: сапожникъ Осипъ и столяръ Иванъ, фамилій ихъ за давнимъ временемъ не помнитъ; но люди эти свободнаго состоянія, не бродяги и находились прежде у помѣщика дворянина Ясциклицы (уже умершаго) какъ объ этомъ посвидѣтельствуетъ и приходскій священникъ Бычковскій, ибо они ему хорошо извѣстны и одинъ изъ нихъ, столяръ, производилъ работу при петриновской церкви, а другой, сапожникъ Осипъ, работалъ у Бычковскаго. Оттуда пришли они для отысканія работы въ имѣніе показателя разновременно и больные. Онъ же, Карцовъ, изъ человѣколюбія оставилъ ихъ въ имѣніи до выздоровленія. Никто изъ нихъ скоропостижно не умиралъ, а смерть имъ послѣдовала послѣ продолжительный болѣзни и преданы они землѣ по христіанскому обряду, въ присутствіи приходскаго священника Бычковскаго. Приходскій священникъ села Петриновки *Бычковскій*

*) Слѣдственную коммисію составляли: бобринецкій уѣздный предводитель дворянства Ивановъ, корпуса жандармовъ подполковникъ Турчинъ и бобринецкаго уѣзда исправникъ Аракчеевъ.

отозвался, что сапожника Осипа и столяра Ивана онъ не погребалъ и для этого его не приглашали; о людяхъ этихъ знаетъ онъ только по наслышкамъ, и работалъ ли столяръ Иванъ при ввѣренной ему церкви, не помнитъ, потому что при церкви не могутъ быть люди безъ письменныхъ видовъ. Херсонская духовная консисторія въ августѣ 1853 г. увѣдомила коммисію военнаго суда, что по метрическимъ книгамъ съ 1846 по 1848 годъ актовъ о смерти бродягъ Осипа и Ивана не оказалось. Одинъ изъ крестьянъ *Тимофей Шраменко* безъ присяги объяснилъ, что бродяга сапожникъ Осипъ пришелъ изъ деревни помѣщика Ясцинлицы.—Затѣмъ другіе крестьяне подъ присягою показали: *Платонъ Ищенко*, что бродяги Осипъ и Иванъ дѣйствительно жили у Карцова первый около 6, а второй около 3 мѣсяцевъ; умерли они на господской кухнѣ, но кѣмъ погребены, не знаетъ. 22 человѣка отозвались, что кто были бродяги умершіе на господской кухнѣ, имъ неизвѣстно. Двѣ женщины Дудниченкова и Яковлева объяснили, что умершіе бродяги погребены безъ священника, а крестьянинъ Орликъ прибавилъ, что одинъ изъ бродягъ Иванъ, былъ крестьянинъ помѣщика Давыдова, чигиринскаго уѣзда кіевской губ. дер. Камянки, а бродяга Осипъ крестьянинъ помѣщика Эрдели, херсонской губерніи бобринецкаго уѣзда изъ деревни Балашовки *).

Кромѣ всего вышеизложеннаго Карцовъ былъ обвиненъ въ содѣйствіи *обвѣнчанію малолѣтняго крестьянина Павла Шраменки со дѣвицею Анастасіею Витринскою*. Священникъ села Петриновки *Бычковскій* донесъ, что поручикъ Карцовъ въ сентябрѣ 1842 года просилъ его повѣнчать крестьянина его Павла Шраменку съ дѣвицею вольнаго сословія Витринскою, но онъ, Бычковскій, не согласился потому, что жениху, родившемуся въ ноябрѣ 1826 года не доставало законныхъ лѣтъ. Тогда помѣщикъ Карцовъ отправился съ нимъ въ село Эрделіевку, гдѣ по просьбѣ его тамошній священникъ Порудѣевъ и совершилъ этотъ противузаконный бракъ, получивъ отъ Карцова 30 руб. ассигн. При изслѣдованіи дѣла священникъ *Порудѣевъ* отозвался, что въ октябрѣ 1842 года Карцовъ по дорогѣ въ село Сосновку заѣхалъ къ нему въ домъ и между разговорами просилъ его повѣнчать

*) О томъ, дѣйствительно-ли бродяги Осипъ и Иванъ были крѣпостные люди означенныхъ помѣщиковъ, не изслѣдовано.

крестьянина Шраменка съ дѣвицею однодворкою Анастасіею Витринскою объяснилъ, что приходскій ихъ священникъ Бычковскій по злобѣ къ нему бракъ тотъ совершить не согласился, выдумывая, будто женихъ несовершеннолѣтній; по метрикѣ же онъ Шраменко пропущенъ, а по ревизіи значится совершеннолѣтнимъ; при семъ чтобы увѣрить его, Карцовъ показалъ ревизскую сказку, въ которой значится, что въ 1835 году было Шраменку 11 лѣтъ; о согласіи же родителей невѣсты предъявилъ бумагу, въ которой однодворецъ Витринскій дочь свою на этотъ бракъ благословляетъ. Повѣривъ Карцову, какъ человѣку благородному, онъ, Порудѣевъ, по троекратномъ обыскѣ совершилъ бракъ, на совершеніе котораго Карцовъ далъ ему отъ себя и свидѣтельство.—По справкѣ съ метрическими книгами петриновской козьма-демьяновской церкви оказалось, что крестьянинъ Павелъ Шраменко записанъ родившимся въ 1825 году ноября 6 числа. Бракосочетаніе Павла Шраменки записано по книгамъ эрделіевской георгіевскій церкви 1842 года сентября 4 дня. Поручителями при бракосочетаніи были по женихѣ крестьяне Карцовой: Даніилъ Бондаренко и Стефанъ Орликъ. По обыскной книгѣ значится, что женихъ и невѣста возрастъ къ супружеству имѣютъ совершеннолѣтній и никакихъ препятствій, возбраняющихъ бракъ между ними, нѣтъ. Въ выданномъ помѣщикомъ Карцовымъ свидѣтельствѣ на бракосочетаніе Павла Шраменки сказано, что Шраменкѣ по ревизіи 18 лѣтъ, родства и свойства съ невѣстою не имѣетъ, а въ случаѣ могущихъ произойти съ какой либо стороны исковъ или жалобъ, устраняя священника Порудѣева отъ всѣхъ ихъ, онъ, Карцовъ, беретъ отвѣтственность на себя. Поручикъ *Карцовъ*, представя при отзывѣ своемъ письменное позволеніе, данное отцомъ невѣсты на вступленіе ея въ бракъ съ крестьяниномъ Шраменкою, объяснилъ, что онъ никакъ не предполагалъ, чтобы Шраменко былъ несовершеннолѣтній, имѣя въ виду ревизскую сказку и мужественный возрастъ Шраменки; священникъ же Бычковскій долженъ былъ знать, что по метрикѣ Шраменкѣ не было еще законныхъ лѣтъ для вступленія въ бракъ, но не объявилъ ему о томъ, а сказалъ, что Шраменко по метрикѣ пропущенъ, потому Бычковскій болѣе всѣхъ виновенъ въ обвѣнчаніи крестьянина Шраменки. Доносъ же на него Бычковскій сдѣлалъ по зло-

бѣ за то, что Карцовъ неоднократно изобличалъ его въ неприличномъ его званію поведеніи.—Спрошенные по этому дѣлу крестьяне показали: *Павелъ Шраменко*, что на предложеніе Карцова жениться онъ согласился добровольно. *Данило Бондаренко* и *Степанъ Орликъ* объяснили, что они были свидѣтелями брака, но въ безпрепятственности его не ручались; на очной же ставкѣ съ священникомъ Порудѣевымъ крестьянинъ Орликъ согласился, что дѣйствительно былъ поручителемъ за крестьянина Шраменка. Это же самое Орликъ подтвердилъ и на допросѣ. Другой крестьянинъ Бондаренко, по нахожденію въ бѣгахъ не спрошенъ. По ревизской сказкѣ 1835 года Павлу Шраменкѣ значится отъ роду одинадцать лѣтъ *).

Разсмотрѣвъ дѣло сіе, генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что поручикъ Карцовъ, проживая въ имѣніи жены своей, херсонской губерніи, въ бобринецкомъ уѣздѣ, управлялъ этимъ имѣніемъ почти 20 лѣтъ. Въ 1852 году дворовый мальчикъ Карцовой зарѣзался отъ страха наказанія за сдѣланную имъ кражу. При изслѣдованіи этого происшествія открыто, что Карцовъ вообще обращался съ крестьянами и дворовыми людьми жены своей жестоко, наказывая ихъ несоразмѣрно винѣ розгами, палками и плетью и содержалъ многихъ на цѣпи, въ кандалахъ и рогаткахъ долгое время, нѣкоторыхъ до 5-ти лѣтъ, освобождая съ цѣпи только при употребленіи на работы. Все это доказано: показаніями крестьянъ Карцовой, засвидѣтельствованіемъ жителей сосѣдняго селенія, отзывами помѣщиковъ бобринецкаго уѣзда, подтвержденіемъ самой помѣщицы жены Карцова и проживавшаго въ имѣніи корнета Громашевскаго, женатаго на дочери Карцова. Но Карцовъ, не сознаваясь въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, отозвался, что нѣкоторые изъ нихъ содержались на цѣпи и въ кандалахъ не долгое время для удержанія отъ побѣговъ, и что это дѣлалось по распоряженію самой помѣщицы. Напротивъ того жена Карцова утвердила, что мужъ ея управлялъ имѣніемъ независимо отъ нея и что она, претерпѣвая отъ него также жестокости, не смѣла распоряжаться ни хозяйствомъ, ни крестьянами. Показаніе Карцовой,

*) Священникъ Порудѣевъ рѣшеніемъ херсонской духовной консисторіи за совершеніе этого брака низведенъ, на полгода, въ причетническую должность.

что крѣпостные ея люди были наказываемы жестоко и содержались на цѣпи, въ кандалахъ и рогаткахъ не по ея волѣ, а по распоряженію Карцова,—подтвердили подъ присягою сами крестьяне. При этомъ по показаніямъ при слѣдствіи обнаружены слѣдующіе особенные случаи жестокости Карцова: а) двумъ крестьянамъ, Вергуленкѣ и Шевченкѣ, послѣ наказанія ихъ розгами, самъ Карцовъ поливалъ изсѣченныя мѣста тѣла водкою, настоенною перцомъ, приговаривая: не кричите, вотъ я васъ полью перцовкою. б) Крестьянка Шраменкова, по поимкѣ изъ побѣга, содержалась на цѣпи и рогаткѣ 5-ть недѣль и въ это время, перенося побои Карцова, успѣла бѣжать изъ дома и бросилась въ рѣку въ намѣреніи утопиться, но была вытащена крестьянами изъ воды и послѣ того отъ рогатки освобождена, но отъ цѣпи освобождалась только днемъ на работу, а на ночь приковывалась на цѣпь и содержалась такимъ образомъ въ продолженіе 5-ти лѣтъ. в) Крестьянинъ Яковъ Яковлевъ и сынъ его Иванъ, по поимкѣ изъ побѣга, содержались болѣе года на цѣпи, которая снималась только при высылкѣ ихъ на работы. Изъ нихъ Яковъ Яковлевъ умеръ на цѣпи, а сынъ его хотя по причинѣ тяжкой болѣзни былъ освобожденъ отъ цѣпи, но когда получилъ облегченіе, то Карцовъ во время молотьбы хлѣба тамъ избилъ его цѣпомъ по спинѣ, что онъ вскорѣ вновь заболѣлъ и умеръ. Отецъ и сынъ преданы землѣ безъ совершенія христіанскаго обряда погребенія. Впрочемъ, отъ послѣдствій ли истязанія послѣдовала смерть этимъ крестьянамъ или отъ другой причины, по дѣлу не открыто, такъ-какъ они умерли за нѣсколько лѣтъ до производства слѣдствія. Карцовъ, не сознаваясь въ причиненіи сыну Яковлева побоевъ и утверждая, что онъ и отецъ его содержались на цѣпи не долгое время, показалъ, что оба они умерли отъ цынготной болѣзни. Крестьяне въ имѣніи отозвались, что дѣйствительную причину смерти ихъ не знаютъ; только вдова крестьянина Яковлева объяснила, что мужъ ея умеръ собственно отъ перенесенныхъ побоевъ и изнуренія, и что сынъ ея, возвратясь съ работы, послѣ побоевъ Карцова харкалъ кровью и зачахнувъ, вскорѣ умеръ. О томъ же, что Карцовъ дѣйствительно билъ сына Яковлева цѣпомъ по спинѣ, засвидѣтельствали 5 человѣкъ крестьянъ; а что оба эти крестьянина преданы землѣ безъ христіанскаго погребенія, объ этомъ

показали: мать и сестра их, другіе крестьяне и приходскій священникъ. Кромѣ жестокаго обращенія съ крестьянами, поручикъ Карцовъ не увольнялъ ихъ для исповѣди и пріобщенія св. тайнъ; а нѣкоторыхъ, когда они просили у него дозволенія на это, приказывалъ, въ видѣ кощунства, исповѣдывать одному изъ слугъ своихъ и проживавшему въ имѣніи еврею. Это доказано показаніями какъ многихъ крестьянъ, такъ слуги и еврея, которыхъ Карцовъ заставлялъ исповѣдывать ихъ, и засвидѣтельствованіемъ одного помѣщика, бывшаго очевидцемъ такого случая. Самъ Карцовъ не отвергаетъ этого, отзываясь запамятованіемъ и утверждая, что если это и было, то не иначе, какъ въ шуткахъ. Что касается жестокаго обращенія Карцова съ женою своею, то она объяснила, что мужъ, кромѣ безпрестанныхъ побоевъ, обливалъ ее горячею водою, жегъ свѣчею, требуя отъ нея половины имѣнія, угрожалъ убить ее и что обыкновенная его угроза заключалась въ словахъ: убью тебя и дочь твою и надѣлаю человѣческаго мяса. Поручикъ Карцовъ въ подобномъ обращеніи съ женою не признался; но справедливость показанія ея подтверждается: а) объявленіемъ зятя ихъ, упомянутаго корнета Громашевскаго, что Карцовъ, предавшись жестокости въ высшей степени, нѣсколько разъ бросался на жену свою съ пистолетомъ, требуя отъ нея половины имѣнія и угрожалъ убить ее за неисполненіе требованія. б) Показаніями подъ присягою двухъ дворовыхъ женщинъ, что Карцовъ угрожалъ убить жену свою. При этомъ одна изъ нихъ объяснила, что онъ, дѣлая такія угрозы, приходилъ къ женѣ съ пистолетомъ. в) Отзывами 5 помѣщиковъ бобринецкаго уѣзда, что они слышали отъ Карцовой о жестокомъ обращеніи съ нею мужа ея, а двое изъ нихъ были очевидцами неприличнаго обращенія съ нею мужа. Сверхъ того дворовый человѣкъ Шраменко объявилъ, что онъ, по приказанію Карцова, приводилъ къ нему въ баню жену крестьянина Ищенка; что Карцовъ, въ бытность въ Одессѣ билъ его обнаженною саблею за то, что онъ не привелъ къ нему дѣвки; что Карцовъ передерживалъ у себя двухъ бродягъ и что оба они по смерти преданы землѣ безъ христіанскаго погребенія. По изслѣдованію этихъ обстоятельствъ открылось: а) о призывѣ Карцовымъ въ баню жены крестьянина Ищенка — сама она не спрошена за смертію, а мужъ объяснилъ,

что Карцовъ призывалъ ее къ себѣ въ баню два раза, и что она на сдѣланные ей за это Ищенкой упреки говорила, что никакъ не могла отъ Карцова отвязаться; а чрезъ полгода послѣ того сошла съ ума и умерла. Сосѣди Ищенка показали, что и они слышали, что жена его сошла съ ума и умерла отъ грусти, вслѣдствіе упрековъ мужа за бытность въ банѣ съ Карцовымъ. Поручикъ же Карцовъ отозвался, что онъ могъ требовать жену Ищенки и другихъ крестьянокъ въ баню, но только для мытья половъ, топки печи и принесенія воды. б) Въ нанесеніи дворовому человѣку Шраменкѣ побоевъ саблею въ г. Одессѣ Карцовъ не признался и никакихъ доказательствъ къ подтвержденію показанія объ этомъ Шраменки не открыто. в) Въ отношеніи укрывательства Карцевымъ двухъ бродягъ открыто, что у него при домѣ проживали: сапожникъ и столяръ и умерли въ имѣніи, но кто они дѣйствительно были и какъ погребены, въ точности не открыто; только по приходскимъ книгамъ умершими не записаны и приходскій священникъ отозвался, что не погребалъ ихъ. Самъ же Карцовъ показалъ, что означенные столяръ и сапожникъ были люди свободнаго состоянія, а не бродяги и по смерти погребены при приходской церкви.—Къ настоящему дѣлу пріобщено еще дѣло о содѣйствіи поручика Карцова къ обвѣнчанію несовершеннолѣтняго крестьянина жены своей Тимофея Шраменка. По этому дѣлу видно, что крестьянинъ Шраменко, при совершеніи въ сентябрѣ 1842 года брака, имѣлъ 16 лѣтъ, и приходскій священникъ, удостовѣрясь о несовершеннолѣтіи его по метрической книгѣ, не согласился его вѣнчать. По этому случаю Карцовъ отправился въ другое селеніе и далъ тамошнему священнику отъ себя удостовѣреніе, что Шраменкѣ 18 лѣтъ; вслѣдствіе чего Шраменко и былъ обвѣнчанъ. Карцовъ отозвался, что онъ считалъ Шраменкѣ 18 лѣтъ на основаніи ревизкихъ сказокъ, по коимъ онъ въ 1835 г. былъ показанъ 11 лѣтъ. Обвѣнчавшій Шраменку священникъ, по рѣшенію херсонской духовной консисторіи низведенъ въ причетническое званіе.

По симъ основаніямъ генералъ-аудиторіатъ нашелъ поручика Карцова виновнымъ: а) въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами жены своей, которыхъ наказывалъ несоразмѣрно вине розгами, палками и плетью; двумъ крестьянамъ, послѣ наказанія

ихъ розгами, поливалъ иссѣченныя мѣста тѣла водкою, настоенною перцомъ; а одного на работѣ избилъ цѣпомъ, такъ что онъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ; содержалъ многихъ на цѣпи, въ кандалахъ и рогаткахъ долгое время для удержанія отъ побѣговъ, освобождая съ цѣпи при употребленіи на работы, такъ что одинъ изъ нихъ и умеръ во время содержанія на цѣпи. б) Въ преданіи землѣ означенныхъ двухъ крестьянъ безъ совершенія христіанскаго обряда погребенія. в) Въ недозволеніи крестьянамъ исповѣдываться и пріобщиться св. тайнъ и въ томъ, что приказывалъ исповѣдывать нѣкоторыхъ изъ нихъ слугѣ своему и проживавшему въ имѣніи еврею. г) Въ жестокомъ обращеніи съ женою и въ угрозахъ убить ее за несогласіе отдать ему половину имѣнія. Все это доказано показаніями крестьянъ Карцовой и постороннихъ свидѣтелей. Сверхъ того на Карцова взведены были обвиненія въ другихъ поступкахъ, какъ то: въ выдачѣ священнику ложнаго удостовѣренія о лѣтахъ крестьянина при женитьбѣ его, вслѣдствіе чего этотъ крестьянинъ обвѣнчанъ, не имѣя положенныхъ для вступленія въ бракъ лѣтъ; въ прелюбодѣяніи съ одною крестьянкою; въ нанесеніи дворовому человѣку побоевъ саблею за то, что онъ не привелъ къ нему, по требованію его, женщины для блуда и въ укрывательствѣ двухъ бродягъ; но къ изобличенію Карцова въ этихъ преступленіяхъ надлежащихъ доказательствъ не оказалось. Поэтому генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: 1) поручика Карцова за вышеозначенныя доказанныя преступленія: жестокое обращеніе съ крестьянами и истязаніе ихъ, преданіе землѣ умершихъ безъ совершенія христіанскаго обряда погребенія, неувольненіе крестьянъ для исповѣди и св. причастія, допущенное при этомъ случаѣ кощунство и жестокое обращеніе съ женою,—на основаніи уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ ст. 188, 222, 1901, 1906, 1960 и 2075, лишивъ чиновъ и дворянскаго достоинства, сослать въ иркутскую губернію на житье, и заключивъ тамъ въ смирительномъ домѣ на два года, предать церковному покаянію, съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ теченіи восьми лѣтъ. 2) Какъ по дѣлу видно, что поручикъ Карцовъ обращался такимъ образомъ съ крестьянами жены своей продолжительное время, а мѣстная земская полиція и уѣздные предводители дворянства не обнару-

жили въ свое время противозаконныхъ его поступковъ, то обстоятельство это предоставить по принадлежности разсмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. 3) О приходскомъ священникѣ села Петриковки бобринецкаго уѣзда, *Бычковскомъ*, который показывалъ въ росписяхъ своихъ бывшими на исповѣди и у св. причастія такихъ крестьянъ помѣщицы Карцовой, которые на исповѣди у него не были, сообщить духовному начальству. 4) Обстоятельства дѣла: о дворовомъ человѣкѣ Карцовой Мельникѣ и евреѣ Ляховецкомъ, которые, исполняя противузаконное приказаніе подсудимаго, рѣшались исповѣдывать крестьянъ, равно о дворовомъ человѣкѣ Шраменкѣ, виновномъ въ сообществѣ съ дворовымъ же мальчикомъ Бѣликомъ въ похищеніи у Карцова денегъ, предоставить по принадлежности разсмотрѣнію гражданскаго начальства.

Это опредѣленіе генералъ-аудиторіата измѣнено тѣмъ, что Высочайше повелѣно: Карцова сослать на 10 лѣтъ въ каторжную работу.

О помѣщикѣ Дмитріѣ Трубицынѣ, сужденномъ за истязаніе крестьянъ.

Крестьянинъ *Петръ Никитинъ*, явясь 5 апрѣля 1846 года съ матерью своею Настасьею Федоровою въ чернскій земскій судъ, объявилъ, что 1 апрѣля на страстной недѣлѣ въ понедѣльникъ Трубицынъ, по взведенному на него, Никитина, и крестьянина Якова Федорова подозрѣнію въ кражѣ двухъ полушубковъ и 15 р. ассиг. денегъ, похищенныхъ наканунѣ у крестьянина Филиппа Михайлова изъ клети, вымогалъ у нихъ въ присутствіи помѣщиковъ Горбатовыхъ сознаніе, сначала побоями костылемъ, а потомъ употребилъ надъ ними родъ пытокъ, приказавъ приказчику своему, бывшему въ годовомъ отпуску рядовому л. гв. семеновскаго полка Петру Дмитріеву вѣшать каждаго изъ нихъ порознь на перекладинѣ каретнаго сарая за палецъ, до тѣхъ поръ пока не сознаются въ кражѣ. Посему Дмитріевъ, приведя его, Никитина, въ каретный сарай, привязалъ тамъ къ указательному его пальцу правой руки пропущенную чрезъ перекладину ременную свору и съ помощію двороваго человѣка Николая

Игнатьева подтягивалъ его къ верху болѣе двухъ часовъ времени; Дмитріевъ, вымогая сознаніе, билъ показателя рукою по лицу. Горбатовы смотрѣли на истязаніе изъ окна квартиры Трубицына, а самъ Трубицынъ для наблюденія выходилъ на крыльцо. Затѣмъ, когда съ пальца соскочилъ ремень вмѣстѣ съ тѣломъ, и показатель отъ боли упалъ на землю, то Дмитріевъ, привязавъ свору вторично за кисть лѣвой руки, тянулъ его къ верху чрезъ перекладину не менѣе получаса и вынудивъ такимъ образомъ сознаніе, отвелъ его въ квартиру Трубицына, гдѣ ему дѣвкою Анною Филипповою поврежденный палецъ былъ обмытъ виномъ и обвязанъ тряпкою.

При слѣдствіи крестьянинъ *Никитинъ* дополнилъ, что по приводѣ его въ сарай, была надѣта ему на палецъ петля изъ бичевки не Дмитріевымъ, а Игнатьевымъ; бичевка привязана была къ ременной сворѣ, за которую чрезъ перекладину подтягивалъ его къ верху рядовой Дмитріевъ. Ременную же свору къ пальцу его Дмитріевъ (какъ показатель вспомнилъ) не подвязывалъ и вторично за кисть лѣвой руки не вѣшалъ потому, что когда началъ привязывать бичевку къ кисти его руки, то онъ, Никитинъ, уже взвелъ на себя кражу.—Крестьянинъ Трубицына *Яковъ Федоровъ* показалъ, что 1 апрѣля, по приводѣ его съ Никитинымъ къ Трубицыну для допроса, послѣдній, вымогая у нихъ сознаніе въ кражѣ, въ которой они не участвовали, дѣйствительно сначала билъ обоихъ при помѣщикахъ Горбатовыхъ костылемъ, а потомъ, давъ дворовому человѣку Игнатьеву струну отъ гитары, велѣлъ ему вѣшать на ней показателя въ каретномъ сараѣ за палецъ. Посему Игнатьевъ, взявъ показателя въ сарай, вѣшалъ тамъ три раза, но сколько времени не помнитъ: первый разъ за указательный палецъ правой руки, на струнѣ, подвязанной къ ременной сворѣ, за которую тянулъ кучеръ Трубицына Лаврентій Никаноровъ, второй же и третій разы, когда отъ нанесеннаго ему рядовымъ Дмитріевымъ удара по щекѣ струна оборвалась, за указательный палецъ лѣвой руки, на бичевкѣ, подвязанной къ той же сворѣ, за которую чрезъ перекладину тянулъ Никаноровъ. При истязаніи показателя находился въ сараѣ дворовый человѣкъ Трубицына, Василій Федоровъ, помогавшій Никанорову тянуть за свору, а самъ Трубицынъ, выходя съ помѣщикомъ Николаемъ Горбатовымъ на крыльцо для наблюденія, спрашивалъ у людей:

сознался ли Федоровъ въ кражѣ, а по окончаніи истязанія, когда уже показатель взвелъ на себя кражу, Трубицынъ велѣлъ дѣвкѣ Аннѣ Филипповой порѣзанный у него отъ бичевки палецъ примочить виномъ и обвязать пластыремъ. Совѣтовалъ ли Николай Горбатовъ Трубицыну вѣшать показателя съ Никитинымъ за пальцы по приводѣ къ допросу, онъ не слышалъ, но по оканчаніи истязанія, Горбатовъ при немъ говорилъ, что пытки эти запрещены.

По освидѣтельствованіи *медикомъ* крестьянина Петра Никитина первый разъ въ 1846 году (неизвѣстно котораго числа), оказались на указательномъ пальцѣ правой руки нѣсколько вдавленныхъ и оцарапанныхъ углубленій, произведенныхъ какъ бы шнуромъ или веревочкою, а мякоть того пальца съ ладонной поверхности сорвана до кости; второй же разъ, 19 августа 1848 года, при медицинскомъ осмотрѣ найдено, что сей палецъ зажилъ и при окончаніи онаго съ ладонной поверхности, гдѣ мякоть соединяется съ ногтемъ, осталась полоса, ноготь загнулся къ ладони и самое окончаніе пальца сдѣлалось тоньше натуральнаго, но дѣйствія своего палецъ не потерялъ.—По осмотру крестьянина Якова Федорова, произведенному 7 іюня 1846 года временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда, безъ медика, найденъ вокругъ указательнаго пальца правой руки красный знакъ, происшедшій также отъ шнура или веревочки.—Сарай, въ которомъ произведено истязаніе, по завѣренію слѣдователей устроенъ противъ господскаго дома Трубицыныхъ, въ восьми съ половиною саженяхъ отъ крыльца, такъ-что если отворить ворота въономъ, то изъ оконъ дома и съ крыльца можно все видѣть и слышать; при входѣ въ сарай направо, на перекладинѣ замѣтны въ двухъ мѣстахъ царапины, сдѣланныя бичевкою или другимъ чѣмъ отъ втягиванія чего либо къ верху.—Подсудимый *подпоручикъ Трубицынъ* при слѣдствіи и въ военномъ судѣ, не сознаваясь въ взводимыхъ на него Никитинымъ и Федоровымъ обвиненіяхъ, отозвался, что крестьяне эти, на страстной недѣлѣ въ понедѣльникъ, приведены были къ нему на квартиру по подозрѣнію въ кражѣ вещей и денегъ изъ клѣти крестьянина Филиппа Михайлова. Это подозрѣніе они навлекли на себя: кражею прежде того у другихъ крестьянъ косъ и лопатъ, удостовѣреніемъ караульщиковъ, что ночью предъ произведенною у Михайлова кражею оба они шли по направленію

къ его клети и наконецъ тѣмъ, что послѣ покражи, у одного изъ нихъ, Никитина, оказался указательный палецъ правой руки ободраннымъ и обвязаннымъ тряпкою, чего прежде не было, а у клети Михайлова замокъ найденъ поврежденнымъ и на дверяхъ и притолкѣ замѣчены знаки крови. Въ разбирательство кражи показатель, по старости лѣтъ и слабому здоровью, самъ не входилъ, но предоставилъ таковое своимъ людямъ, почему не знаетъ, что съ Никитинымъ и Федоровымъ люди его дѣлали; показали же на него Никитинъ съ Федоровымъ во избѣжаніе отвѣтственности за кражу и учиненную послѣ того отлучку. Помѣщиковъ Горбатовыхъ, съ которыми показатель давно уже прекратилъ знакомство, въ помянутое время у него не было и крестьянинъ Яковъ Федоровъ поврежденія на рукахъ тогда никакого не имѣлъ, а Никитину онъ изъ состраданія примачивалъ виномъ поврежденный палецъ.—Вино для примочки пальца Никитыну показатель выносилъ самъ. Но впослѣдствіи времени Трубицынъ въ отмѣну сего объяснилъ, что для примочки Никитину пальца, вино подала ему дочь крестьянина Филиппа Михайлова, Авдотья, что въ день привода къ нему подозрѣваемыхъ въ кражѣ, Никитина и Федорова, былъ очень боленъ, онъ на дому у себя исповѣдывался и причащался св. тайнъ и при допросѣ означенныхъ крестьянъ, выставляя разныя улики, сказалъ имъ, что если не сыщутся воры, то онъ отдастъ ихъ въ солдаты. Въ заключеніе Трубицынъ представилъ свидѣтельство священника села Бобрикъ Михаила Воскресенскаго, съ приложеніемъ церковной печати, объ исповѣди и причащеніи Трубицына 1 апрѣля того-же года.—Но крестьяне *Петръ Никитинъ* и *Яковъ Федоровъ* показанія свои подтвердили и на очныхъ ставкахъ съ Трубицынымъ объясняя, что въ день истязанія ихъ, Трубицынъ былъ трезвъ, приходилъ въ сарай, когда ихъ вѣшали, спрашивать: сознаются ли они, и одному изъ нихъ, Никитину, приказывалъ послѣ истязанія дабы о причинѣ боли никому не объявлялъ.—По осмотру слѣдователями принадлежащей крестьянину Михайлову клети, на дверяхъ замѣчены два пятна, похожія на кровь, а на замкѣ никакихъ знаковъ излома не найдено.—Помѣщикъ, *Николай Горбатовъ*, завѣряя о бытности своей съ братомъ Михаиломъ въ день происшествія у подсудимаго Трубицына и о трезвомъ его Трубицына въ то время состояніи, объяснилъ, что свидѣтелемъ нанесенія побоевъ косты-

лемъ крестьянамъ Петру Никитину и Якову Федорову онъ не былъ, а видвлъ какъ Трубицынъ въ прихожей, окруженный прислугою, бранилъ означенныхъ крестьянъ. При семъ случаѣ, показатель выслушавъ разсказъ Трубицына, совѣтовалъ ему отправить виновныхъ для допроса въ земскій судъ, но Трубицынъ сказалъ, что съ этими подлецами и тѣмъ ничего не сдѣлаютъ. Посему онъ Горбатовъ разсказалъ старинную манеру казаковъ, при допросахъ ставить несознающагося въ уголъ, привязавъ къ верху руку его за палецъ такъ, чтобы ее нельзя было опустить, и пытаемый, не выстоявъ въ такомъ положеніи получаса, во всемъ признавался; разсказу этому всѣ смѣялись, а Трубицынъ просилъ его показать самый образъ привязыванія. Не предвидя изъ сего дурнаго, онъ, Горбатовъ, потребовалъ нитку, но не дождавшись ея, взялъ съ лежавшей тутъ гитары струну и при всѣхъ сдѣлалъ примѣръ на своемъ пальцѣ. Послѣ сего онъ былъ позванъ къ женѣ Трубицына и по возвращеніи отъ нея чрезъ четверть часа въ прихожую узналъ, что крестьянъ Никитина и Федорова за пальцы вѣшали на перекладинѣ. Отъ ужаса, не зная что́ дѣлать, показатель велѣлъ подать водки, дабы скорѣе оказать раненымъ помощь и остановить текущую съ пальцевъ кровь. Самъ онъ, Горбатовъ, означеннаго истязанія не видѣлъ, никого къ тому не подучалъ и былъ ли братъ его Михаилъ чему либо свидѣтелемъ не знаетъ. Объясненіе свое поручикъ Николай Горбатовъ подтвердилъ и на очныхъ ставкахъ съ Трубицынымъ.—Дворовый человѣкъ *Андрей Орловъ* на очной ставкѣ объяснилъ, что Трубицынъ, по принесеніи Никитинымъ жалобы, приказывалъ ему подучить къ запирательству Никитина и производившаго истязаніе Игнатьева, обѣщаясь для сокрытія своихъ поступковъ обмазать кровью двери въ клети крестьянина Михайлова и изломать замокъ; это приказаніе, въ глазахъ Трубицына онъ, Орловъ, хотя исполнилъ, но впослѣдствіи не совѣтовалъ какъ Горбатову, такъ и Игнатьеву дѣлать по наставленію Трубицына.—Жена подсудимаго, *Авдотья Трубицына*, на допросѣ и очныхъ ставкахъ съ Николаемъ Горбатовымъ, отозвалась, что въ 1846 году, на страстной недѣлѣ въ понедѣльникъ, бывъ въ своей комнатѣ въ постелѣ больною, она Николая Горбатова къ себѣ ни за чѣмъ не приглашала и разговоровъ съ нимъ никакихъ не вела.—Коллежскій регистраторъ *Михаилъ Горбатовъ*, спрошенный при слѣдствіи подъ присягою (?),

сознавалось въ бытности своей съ братомъ Николаемъ въ 1846 году, на страстной недѣлѣ въ понедѣльникъ у Трубицына, отозвался, что во время разбирательства Трубицынымъ о произведенной у крестьянина Михайлова кражѣ, показатель, будучи тогда боленъ, ни во что не вмѣшивался и кромѣ ранъ на пальцахъ у сознававшагося въ воровствѣ крестьянина Якова Федорова ничего не видѣлъ и ничего не слышалъ; означенныя раны онъ, Горбатовъ, при служанкѣ Трубицына Болобановой, перевязывалъ и обливалъ виномъ, но отчего произошли раны у Федорова, не знаетъ, а слышалъ предъ тѣмъ разсказъ Федорова Трубицыну, что таковыя причинены ему упавшею въ парникѣ рамою. Означенный отзывъ Михаилъ Горбатовъ подтвердилъ на очныхъ ставкахъ съ крестьянами Петромъ Никитинымъ, Яковомъ Федоровымъ, подсудимымъ Трубицынымъ и его женою; крестьянинъ Федоровъ призналъ, что въ день истязанія онъ точно говорилъ Трубицыну при Михаилѣ Горбатовѣ, будто бы палецъ отбитъ у него рамою, но слова эти произнесены были имъ вынужденно, вслѣдствіе приказанія и угрозъ Трубицына.—Бывшій во время годоваго отпуска прикащикомъ у подсудимаго подпоручика Трубицына, *Петръ Дмитріевъ* на допросѣ и очныхъ ставкахъ съ поименованными выше лицами показалъ, что 1846 года, на страстной недѣлѣ въ понедѣльникъ, приведя крестьянъ Федорова и Никитина (подозрѣваемыхъ въ кражѣ) къ Трубицыну, онъ ходилъ въ ригу на молотьбу и по возвращеніи увидѣлъ уже крестьянина Федорова привязаннымъ въ сараѣ за палецъ и подтягиваемымъ къ верху чрезъ перекладину, но посредствомъ ли веревки или ременной своры, не помнитъ и къ струнѣ ли или бичевкѣ подвязанъ былъ палецъ, не замѣтилъ. Послѣ Федорова, по распоряженію Трубицына, былъ вѣшанъ такимъ же образомъ за палецъ чрезъ перекладину и крестьянинъ Петръ Никитинъ, но на чемъ, показатель не замѣтилъ; обоихъ крестьянъ привязывали за пальцы и тянули къ верху при немъ, Дмитріевѣ, по одному только разу. Истязаніе, о которомъ извѣстно было и находившимся въ квартирѣ Трубицына помѣщикамъ Горбатовымъ, производилъ дворовый человѣкъ Николай Игнатьевъ съ крѣпостными людьми Трубицына: Василіемъ Федовымъ и Лаврентіемъ Никаноровымъ; а показатель, убѣждая Федорова сознаться, съ горяча ударилъ его разъ по лицу рукою. Во время истязанія, Трубицынъ, будучи трезвъ и здоровъ, выхо-

дилъ съ Николаемъ Горбатовымъ для наблюденія на крыльцо, а когда тянули за палецъ Федорова, то входилъ даже въ сарай. Предъ истязаніемъ Никитина, Николай Горбатовъ говорилъ Трубицыну, что пытки запрещены, но Трубицынъ отвѣчалъ, что за злое злымъ и платится. На пятый день послѣ истязанія, когда Никитинымъ принесена была жалоба, Трубицынъ предупреждалъ его, Дмитріева, чтобы о происшедшемъ никому не разсказывалъ.— Состоящій подъ вѣдѣніемъ опеки дворовый человѣкъ умершей матери подсудимаго Трубицына, *Николай Игнатьевъ*, на допросѣ и очныхъ ставкахъ показалъ, что въ 1846 году, на страстной недѣлѣ, въ понедѣльникъ утромъ, присутствуя при допросѣ подозрѣваемыхъ въ кражѣ крестьянъ Якова Федорова и Петра Никитина, онъ по приказанію Трубицына вѣшалъ въ каретномъ сараѣ за указательные пальцы, изъ нихъ: Федорова одинъ разъ на гитарной струнѣ и два раза на бичевкѣ, а Никитина одинъ только разъ на бичевкѣ, подвязанныхъ къ перекинутой чрезъ перекладину ременной сворѣ, за которую подтягивалъ кучеръ Лаврентій Никаноровъ такъ, чтобы означенные крестьяне едва касались земли носками. Во время пытки, дворовый человѣкъ Василій Федоровъ находился въ томъ же сараѣ, рядовой Дмитріевъ подсаживалъ Якова Федорова къ верху; Николай Горбатовъ для наблюденія выходилъ съ Трубицынымъ на крыльцо, а самъ Трубицынъ при вторичномъ вѣшаніи Федорова входилъ даже въ сарай, для спроса сознается ли онъ. До истязанія, Трубицынъ, допрашивая Федорова и Никитина, билъ ихъ костылемъ, послѣ истязанія приказалъ показателю убить галку и обмазать ея кровью двери у клети крестьянина Михайлова, что имъ, Игнатьевымъ, и было исполнено. Сверхъ того Трубицынъ воспрещалъ показателю объяснять при допросѣ объ истязаніи крестьянъ, грозя въ противномъ случаѣ сослать его въ Сибирь. Истязаніе же произведено Трубицынымъ по совѣту Николая Горбатова, который при нанесеніи Федорову и Никитину побоевъ сказалъ, «что ихъ битьемъ не допросишься но, по употребляемому въ какой-то сторонѣ средству, лучше привязать къ верху за пальцы».—Дворовые люди умершей матери Трубицына: *Василій Федоровъ* и *Лаврентій Никаноровъ* на допросѣ и очныхъ ставкахъ отозвались, что участниками въ истязаніи они не были, въ каретномъ сараѣ тогда не находились и о произведеніи истязанія знаетъ изъ нихъ только одинъ, Василій

Федоровъ по наслышкѣ отъ другихъ.—Дочери крестьянина Филиппа Михайлова: *Анна и Авдотья Филипповы*, на допросѣ и очныхъ ставкахъ отозвались, что въ 1846 году, на страстной недѣлѣ, въ понедѣльникъ, онѣ по приказанію Трубицына приносили въ прихожую по рюмкѣ водки, но для чего не знаютъ, а Анна видѣла какъ подозрѣваемыхъ въ кражѣ крестьянъ Якова Федорова и Петра Никитина приводили въ квартиру Трубицына для допроса, потомъ уводили куда то и привели опять съ окровавленными пальцами, но что съ ними дѣлали, ей неизвѣстно. Находившаяся въ услуженіи у Трубицыныхъ мѣщанка *Акулина Болобанова*, подъ присягою свидѣтельствуя о произведенномъ по распоряженію Трубицына истязаніи надъ крестьянами Федоровымъ и Никитинымъ, прибавила, что жена подсудимаго, Авдотья Трубицына, была въ то время здорова и посылала показательницу въ сарай смотрѣть на истязаніе, говоря, что такимъ же образомъ будетъ поступать съ подвластными ей женщинами. Послѣ истязанія показательница выносила вино для примачиванія окровавленныхъ пальцевъ у означенныхъ крестьянъ и слышала какъ Николай Горбатовъ, ужасаясь злодѣянію, упрекалъ Трубицына, что онъ обходится жестоко съ своими крестьянами.—Крестьянинъ *Филиппъ Михайловъ*, безъ присяги, подтверждая о произведенной 1 апрѣля 1846 года, неизвѣстно кѣмъ, кражѣ изъ его клети, показалъ, что въ означенное время Трубицынъ былъ здоровъ, приказалъ поврежденные отъ ногтки пальцы у подозрѣваемыхъ въ кражѣ крестьянъ Федорова и Никитина примочить виномъ. При осмотрѣ показателемъ въ тотъ день своей клети, крови на дверяхъ и притолкѣ замѣчено не было, но на другой день, когда по приказанію Трубицына онъ пошелъ осматривать клеть вторично, то уже замѣтилъ на дверяхъ и притолкѣ нѣсколько пятенъ крови. *Священникъ* села Бобриковъ, Михаилъ *Воскресенскій*, на допросѣ и очныхъ ставкахъ съ подсудимымъ Трубицынымъ, объяснилъ, что 1 апрѣля 1846 года, на страстной недѣлѣ, въ понедѣльникъ, онъ въ домѣ у Трубицына не былъ, не исповѣдовалъ и не причащалъ его, а дѣлалъ одну исповѣдь ему 6 числа того мѣсяца въ субботу, по приходѣ отъ заутрени для прочтенія разрѣшительной предъ пасхою молитвы. Свидѣтельство же объ исповѣди и упомянутомъ ошибкою причащеніи Трубицына, написано имъ 17 августа, по убѣдительной просьбѣ младшаго сына Труби-

цына Константина, который свидѣтельство это послѣ подписи выхватилъ у него, не давъ проставить на немъ числа исповѣди. Присемъ священникъ Воскресенскій объяснилъ сначала, что печать къ свидѣтельству приложилъ самъ онъ при подписи по просьбѣ сына Трубицына Константина, а потомъ, что печати къ свидѣтельству онъ не прикладывалъ, но сдѣлалъ это, какъ полагаетъ, занимавшійся у него письмоводствомъ пономарь Афонасій Успенскій.—Младшій сынъ подсудимаго, отставной канцеляристъ *Константинъ Трубицынъ*, по ссылкѣ на него священника Воскресенскаго ни въ чемъ не сознавался, а пономарь Афонасій Успенскій по сему предмету остался не спрошеннымъ. — Подсудимый *подпоручикъ Трубицынъ*, на передопросѣ и очныхъ ставкахъ съ вышеписанными лицами, объяснилъ наконецъ, что подпоручикъ Николай Горбатовъ дѣйствительно пріѣзжалъ къ нему съ братомъ своимъ Михаиломъ и разсказывалъ, что гдѣ-то въ случаѣ розысковъ достигаютъ истины притягиваніемъ какъ-то за пальцы, чего онъ, Трубицынъ, не хотѣлъ допускать. — *Объ образѣ жизни, поведеніи и обращеніи Трубицына съ своими крестьянами* губернскій штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ полковникъ Шварцъ и предводитель дворянства Раевскій (независимо отъ производимаго временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда слѣдствія) донесли начальнику губерніи Барановичу, что образъ жизни Трубицына не совсѣмъ трезвый, и весьма странный; Трубицынъ безпрестанно прикидывается больнымъ, а иногда помѣшаннымъ, смотря по тому, что найдетъ для себя выгоднѣе. Объ управленіи его крестьянами достаточно сказать, что по уѣздному суду считается до 12 дѣлъ о бѣжавшихъ изъ его имѣнія; Трубицынъ сварливъ, склоненъ къ тяжебнымъ вымысламъ и изворотамъ такъ, что не только сосѣдніе помѣщики, но и земская полиція стараются избѣгать всякихъ съ нимъ отношеній; 11 человѣкъ опекуновъ отказались отъ опеки надъ имѣніемъ матери Трубицына единственно для того, чтобы не имѣть съ нимъ дѣла и по судебнымъ мѣстамъ тульской и орловской губерній производилось и производится о Трубицынѣ множество уголовныхъ дѣлъ.

Военный судъ, по разсмотрѣніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, полагалъ: подпоручика Дмитрія Трубицына, на основаніи 31, 86, 87, 184, 464 ст. и примѣчанія къ 31 ст. по 7-му

продолженію, кн. 1-й, ч. 5-й св. военныхъ постановленій, 1971 ст. X-го т. гражд. зак. (изд. 1842 г.) и 46 и 1960 ст. улож. о нак. угол. и исправительныхъ—за истязаніе двухъ крестьянъ вѣшаніемъ ихъ за пальцы, съ причиненіемъ чрезъ то одному изъ нихъ значительнаго на пальцѣ поврежденія, лишить всѣхъ особенно, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ иркутскую губернію, съ заключеніемъ тамъ на четыре года, и съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ продолженіи 12 лѣтъ.

Но до постановленія по сему дѣлу окончательнаго приговора, подсудимый Трубицынъ умеръ въ больницѣ тульскаго приказа общественнаго призрѣнія 31 января 1849 г., почему дѣло въ отношеніи его прекращено.

Дѣло о тайномъ совѣтникѣ Анастасіи Жадовскомъ, сужденномъ за жестокое и безнравственное обращеніе съ крестьянами и буйные поступки.

Полицейскій десятскій деревни Чишмы, оренбургской губерніи, Башировъ 20 апрѣля 1855 г. предъявилъ бирскому земскому исправнику, что тайный совѣтникъ Жадовскій на почтовой станціи въ той деревнѣ производитъ буйство, причиняетъ побои писарю и ямщикамъ, стрѣляетъ изъ ружья въ народъ и выбилъ изъ 11 рамъ стекла, причемъ Башировъ представилъ отобранныя отъ Жадовскаго двуствольное ружье и камышевую палку.—По свидѣтельству исправника оказалось: выбито стеколъ и переломано переплетовъ въ рамахъ на 4 руб. серебромъ. Между тѣмъ отъ крѣпостнаго человѣка Жадовскаго Никиты Доброва поступило въ земскій судъ объявленіе, что при проѣздѣ Жадовскаго чрезъ чишминскую станцію и при требованіи лошадей онъ, стуча въ окно почтоваго дома палкою, разбилъ нѣсколько стеколъ, а когда писарь и ямщики отказали въ лошадяхъ, то Жадовскій послалъ его, Доброва, взять изъ повозки ружье, заряженное однимъ пыжомъ и выстрѣлить изъ онаго, послѣ чего набѣжавшіе на него ямщики нанесли ему побои и ограбили барскихъ денегъ до 600 руб. сер. и разныхъ вещей.

При слѣдствіи показали: писарь станціи мѣщанинъ *Усовъ*,— что Жадовскій безъ подорожной требовалъ лошадей, въ чемъ ему имъ отказано; послѣ сего Жадовскій обратился съ требованіемъ своимъ къ ямщикамъ Юсупову и Кагарманову, и когда и эти отказали, то онъ велѣлъ своему дворовому человѣку Доброву бить ихъ палкою; замѣтивъ, что Добровъ легко ударилъ Кагарманова, Жадовскій вырвавъ палку, самъ бросился на Юсупова и успѣлъ ударить его одинъ разъ по спинѣ, потомъ выбивъ въ почтовомъ домѣ окна, приказалъ бывшему съ нимъ человѣку стрѣлять изъ ружья въ собакъ и за неисполненіе сего ударилъ его два раза, наконецъ велѣлъ дворовому своему человѣку стрѣлять въ людей; были сдѣланы два выстрѣла, причемъ Доброву побоевъ никто не причинялъ и денегъ съ вещами никто не отнималъ.—Согласно сему показали: ямщики *Юсуповъ*, *Кагармановъ* и *Рафиковъ*, мѣщанка *Данилова*, писецъ *Кинищенцевъ* и *Добровъ*, а послѣдній прибавилъ, что объявленіе было составлено безъ него, что его не били и денегъ не отнимали. Относительно двукратнаго выстрѣла и выбитія оконъ подтвердили десятскій Башировъ и 12 человѣкъ жителей деревни Чишмы.

Жадовскій объяснилъ, что имъ выбито 8 оконъ и за сіе представлены уже деньги 4 руб. сер. По приказанію его былъ сдѣланъ одинъ выстрѣлъ не въ народъ, а въ поле. Лошадей онъ не требовалъ и ямщики сами дѣлали буйство противъ его и грубости, объявленіе же отъ имени Доброва писалъ онъ самъ.

Дворовый человѣкъ *Добровъ* за священническимъ увѣщаніемъ показалъ, что Жадовскій при немъ ударилъ одинъ разъ только ямщика палкою за ослушаніе. Письмоводитель Жадовскаго *Карповъ* за священническимъ увѣщаніемъ показалъ, что въ объявленіи Доброва, писанномъ рукою Жадовскаго, были между строкъ поправки и приписки.

Вскорѣ послѣ изложенныхъ нами происшествій начальникъ оренбургской губерніи 17 мая 1855 г. вслѣдствіе жалобъ крѣпостныхъ людей Жадовскаго на жестокое его съ ними обращеніе, предписалъ чиновнику особыхъ порученій Арапову произвести слѣдствіе.—При слѣдствіи *крестьяне* села Анастасьина и управляющій имѣніемъ *Заськинъ* за увѣщаніемъ священника показали, что Жадовскій былъ весною 1855 г. постоянно пьянъ и имѣлъ при себѣ фляжку со спиртомъ; въ этомъ положеніи онъ

часто наносилъ крестьянамъ побои.—*Жадовскій* объяснилъ, что Засѣкинъ самъ поведенія нетрезваго и крестьяне показываютъ на него по наущенію тѣхъ, кои назначены имъ въ солдаты или въ другое имѣніе; фляжку же имѣлъ онъ для рабочихъ людей. Работавшіе въ саду Жадовскаго, спрошенные за священническимъ увѣщаніемъ, *шесть* человѣкъ показали, что они видѣли его постоянно пьянымъ, а *шесть* человѣкъ, что пьянымъ его не замѣчали.—Крестьянскія *жены* Пелагея Михайлова, Прасковья Григорьева, Аграфена Филиппова, Авдотья Ильина и Александра Власова за священническимъ увѣщаніемъ показали, что онѣ бывъ дѣвицами, растлѣны въ комнатахъ Жадовскаго, первыя двѣ по его приказанію кучеромъ Портновымъ, третья Яковомъ Еруслановымъ при наблюденіи барина, а послѣднія двѣ самимъ Жадовскимъ. Затѣмъ многія женщины показали, что Жадовскій и на нихъ имѣлъ подобные виды, но не успѣлъ.—Кучеръ *Портновъ* ссылку Михайловой и Григорьевой за увѣщаніемъ священника подтвердилъ.—*Ерусланова* въ растлѣніи Филипповой не сознался, показавъ за увѣщаніемъ священника, что онъ приводилъ ее для барина.—Ключница Яковлева и кучеръ Маркеевъ удостовѣрили первая, что Ильина и Власова о растлѣніи бариномъ ихъ сказывали ей, а послѣдній, что онъ водилъ многихъ дѣвокъ къ барину для блудодѣянія.—Спрошенныя за священническимъ увѣщаніемъ двѣ прачки удостовѣрили, что онѣ на бѣльѣ Жадовскаго видѣли нерѣдко кровь отъ растлѣнія дѣвокъ. Мужья растлѣнныхъ за увѣщаніемъ священника подтвердили, что жены ихъ не имѣли дѣвства и что нѣкоторымъ изъ показателей дозволялъ баринъ жениться съ условіемъ въ первую ночь привести къ нему женъ *). *Жадовскій* ни въ чемъ не сознался, показавъ, что онъ по случаю разбитія колѣна былъ лишенъ возможности сообщаться съ женщинами, въ чемъ сослался на врачей; кучеру Портнову онъ далъ однажды денегъ на совокупленіе съ женщинами, такъ какъ онъ по возрасту своему имѣлъ въ томъ потребность; показатель видѣлъ какъ Портновъ привелъ къ себѣ дѣвокъ въ комнату въ верхнемъ этажѣ дома.—Медики Гурьевичъ и Духновскій объяснили, что болѣзнь Жадовскаго не лишала его

*) Это напоминаетъ jus primae noctis, droit de jambage, существовавшее въ средніе вѣка.

возможности на совокупленіе и что крови они отъ геморроя не замѣчали. Жители разныхъ деревень показали, что о растлѣніи дѣвокъ Жадовскимъ они слышали.

Башкирецъ *Салиховъ* (подъ присягою) объяснилъ, что онъ однажды видѣлъ, какъ въ домъ Жадовскаго кто-то провелъ дѣвокъ ночью. Ѳома *Исаевъ*, за увѣщаніемъ священника показалъ, что лѣтъ 8 тому назадъ Жадовскій предлагалъ ему склонить на муж—ство бывшаго при немъ мальчика Егора Молчанова, на что онъ Исаевъ не рѣшился.—Вотчимъ и мать того мальчика показали, что они отъ Егора объ этомъ получили письмо, за что послѣдній былъ въ послѣдствіи отправленъ въ депо и отданъ въ солдаты. Яковъ *Еруслановъ* объяснилъ, что на спросъ его, за что баринъ отправляетъ его, Егорова, въ депо послѣдній отвѣчалъ, что за отказъ въ муж—ствѣ. Мальчикъ *Егоръ Борисовъ* показалъ, что домогаясь сего Жадовскій сначала отправилъ его въ костромское имѣніе, потомъ держалъ подъ арестомъ въ пожарной командѣ 1 годъ и 3 мѣсяца, гдѣ наказалъ розгами три раза и наконецъ отдалъ въ солдаты.

Жадовскій не сознаваясь въ этомъ показалъ, что Егоръ Борисовъ отданъ въ солдаты и отправленъ въ депо за кражу у него денегъ вмѣстѣ съ мальчикомъ Климомъ и за пьянство.—Изъ увѣдомленія полиціймейстера и управы благочинія видно, что Борисовъ содержался въ депо два раза, но наказываемъ не былъ и что Борисовъ судился за кражу у Жадовскаго денегъ. Изъ показаній *крестьянъ* села Анастасьина спрошенныхъ за увѣщаніемъ священника видно, что Жадовскій отказалъ имъ въ посѣвѣ яроваго хлѣба и овощей, что подтвердилъ и управляющій Засѣкинъ: Жадовскій объяснилъ, что напротивъ того въ его конторѣ есть нѣсколько предписаній о распространеніи посѣвовъ и что противное сему случилось отъ лѣности самихъ крестьянъ. Крестьяне села Анастасьева далѣе показали, что весною 1855 г. Жадовскій безплатно отягощалъ ихъ вывозомъ и разсадкою липъ и другихъ деревьевъ, тогда какъ сосѣдніе крестьяне занимались пашнею и посѣвомъ. Это подтвердили Засѣкинъ и вотчинная контора. *Жадовскій* отозвался, что крестьянамъ за вывозъ и разсадку деревъ, чрезъ контору назначена была плата и вознагражденіе и что тогда полевыхъ работъ еще не наступало.—Контора увѣдомила, что вознагражденія назначеннаго Жадовскимъ

землею нельзя было сдѣлать крестьянамъ по неимѣнію таковой, а денежной платы Жадовскій за работу выдавать словесно не приказалъ.

Затѣмъ анастасьевскіе крестьяне принесли жалобу на то, что весною 1855 г. Жадовскій уничтожилъ ворота и часть изгородей около озимовыхъ ихъ полей, чрезъ что далъ свободный доступъ скоту и воспретилъ сгонять его.—Тоже подтвердили управляющіе Засѣкинъ, кучеръ Маркеловъ и мальчикъ Евстигнѣевъ, бывшій тогда при немъ. Это обстоятельство подтвердилъ въ донесеніи своемъ бирскій предводитель дворянства къ начальнику губерніи, бывъ очевидцемъ уничтоженія изгородей (пряселъ) и бродящаго на поляхъ тамъ скота. По мѣстному осмотру одно изъ полей оказалось потравленнымъ и совершенно голымъ. *Жадовскій* показалъ, что уничтожить ворота и прясла его вынудило то, что это поле засѣяно вопреки его воли, ибо это мѣсто предназначалось для постройки церкви и разведенія англійскаго сада.

Къ числу стѣсненій Жадовскаго анастасьевскіе крестьяне относили запечатаніе по его распоряженію домовъ у Дмитрія Петрова, Ивана Горшкова, Ивана Филиппова и Викула Савельева. Петровъ и Горшковъ за священническимъ увѣщаніемъ показали, что распоряженіе о запечатаніи домовъ ихъ послѣдовало по неудачному преслѣдованію Жадовскимъ у перваго несовершеннолѣтней дочери, у втораго молодой снохи. Что касается до запечатанія домовъ у Филиппова и Савельева, то причины по объясненію женъ ихъ, имъ неизвѣстны. Обстоятельство это подтвердили односельцы и предводитель дворянства въ рапортѣ къ начальнику губерніи.—*Жадовскій* показалъ, что онъ опечаталъ дома: Петрова, по случаю назначенія его смотрителемъ овчарни, а сына его въ кучера, въ отвращеніе расхищенія имущества ихъ, Горшкова и Савельева за неотчетность ихъ, перваго въ отправкѣ спирта, а втораго барки съ мочалой, а Филиппова по случаю назначенія его въ солдаты. Петровъ и сынъ его Яковъ показали, что они никогда должностей такихъ не занимали; Горшковъ и Савельевъ, что отчетъ ими представленъ въ контору удовлетворительнымъ, что подтвердила и контора.

Крестьяне Анисимъ Евстигнѣевъ, Михаилъ Андреевъ и Иванъ Федотовъ объяснили, что по приказанію Жадовскаго у нихъ заколото у перваго два теленка, у втораго двѣ свиньи, а у третья-

го коза и свинья, при выходѣ ихъ на площадь. Жадовскій, не отвергая сего объяснилъ, что это имъ сдѣлано въ наказаніе крестьянъ за неисполненіе его неоднократныхъ приказаній не держать свиней, а держать скотъ съ пастухами, чтобы не бродилъ по селенію. Нѣкоторые изъ анастасьевскихъ крестьянъ показали, что *запасный хлѣбъ* ихъ взятъ Жадовскимъ. Это подтвердилъ и завѣдывающій запаснымъ магазиномъ, спрошенный за священническимъ увѣщаніемъ, крестьянинъ Астафьевъ, прибавивъ, что общественнаго хлѣба взято на винокуреніе 1915 пуд. Жадовскій показалъ, что это сдѣлано не вопреки закона, а для перемѣны хлѣба новымъ и что о взносѣ оваго имъ строжайше было предписано конторѣ.

Далѣе изъ показанія прикащика *Ипполитова* видно, что происходили частыя перемѣны управляющихъ имѣніемъ, а именно съ 1853 г. было Жадовскимъ смѣнено управляющихъ 10 челов. Жадовскій отозвался, что это случилось отъ неудачнаго выбора не въ управляющіе, а въ прикащики упомянутыхъ лицъ.

Крестьянинъ Иванъ Ломакинъ объявилъ, что неизвѣстно почему чрезъ управляющаго Соловьева были отобраны — у него 5 лошадей съ упряжью, одна корова, 10 овецъ, 10 куръ и 200 арш. холста, а впослѣдствіи возвращены ему только одна лошадь, корова и двѣ овцы, — у Никиты Парфенова двѣ лошади, три коровы, теленокъ и двое саней, — у Федора Максимова лошадь съ дачею за нее 17 р. асс. и 10 пуд. муки, тогда какъ за лошадь давали ему 120 р., — у Павла Евстигнѣева изба и сверхъ сего у многихъ другихъ крестьянъ было взято 36 лошадей, для поѣзда въ Москву на 13 недѣль безъ всякой платы, а крестьянину Кулешкову не дано вознагражденія за лошадь, павшую въ дорогѣ. Отъ изнуренія многія другія лошади по возвращеніи пали. Это подтвердила и вотчинная контора. — Сверхъ того 26 человѣкъ крестьянъ предъявили слѣдственной коммисіи, что по переводѣ ихъ изъ пензенской губерніи, Жадовскій продалъ ихъ дома и на корню хлѣбъ и вырученныя деньги употребилъ въ свою пользу, а данные имъ здѣсь дома положилъ въ цѣну, вычитаемую изъ заработковъ ихъ. Контора отозвалась, что она свѣдѣній о семъ не имѣетъ. *Жадовскій* объяснилъ, что случаи отобранія имущества ему неизвѣстны; по жалобамъ нѣкоторыхъ объ удовлетвореніи за павшихъ лошадей онъ дѣлалъ предписанія конторѣ, день-

ги же, за дома и за хлѣбъ вырученныя, должны храниться въ конторѣ и расходоваться для надобностей переведенныхъ крестьянъ. Управляющій Соловьевъ объ отобраніи имущества у крестьянъ отозвался запамятованіемъ, объяснивъ, что ежели и было отобрано, то не иначе какъ въ видахъ благоустройства.

Крестьяне села Анастасьина показали, что весною 1855 г. управляющій при становомъ приставѣ и понятыхъ объявилъ имъ волю помѣщика въ томъ, и прочелъ имъ именной списокъ, куда и кто изъ нихъ назначенъ; т. е. годные въ солдаты, прочіе въ ополченіе, старики же на поселеніе, что вынудило ихъ бѣжать въ числѣ 39 человѣкъ и просить защиты начальства.—Это подтвердила и вотчинная контора въ истребованныхъ коммиссіею свѣдѣніяхъ. Въ именномъ спискѣ Жадовскимъ назначено въ рекруты 34 человѣка, въ ополченіе 21, въ Сибирь 6, въ костромское имѣніе 5, и кромѣ того 98 человѣка отдать въ солдаты Жадовскій уполномочилъ довѣренностію прикащика Аверьянова. Изъ числа подвергшихся сему распоряженію за увѣщаніемъ священника показали: Выжигинъ, — что онъ назначенъ въ солдаты за непредставленіе послѣ брака невинною жены своей къ барину, Соколовъ за отказъ послѣ первой ночи въ совокупленіи съ женою, а прочіе за разные маловажные проступки, нѣкоторые же, неизвѣстно за что. *Жадовскій* объяснилъ, что разкассированіе это основано на донесеніи конторы отъ 4 мая 1855 г. о возмущеніяхъ и непослушаніи тѣхъ крестьянъ, въ справедливости чего имъ истребовано удостовѣреніе становаго пристава. Становой приставъ объяснилъ, что онъ былъ призванъ Жадовскимъ для отправки 14 человѣкъ въ земскій судъ, назначенныхъ въ солдаты въ зачетъ будущихъ наборовъ.—Яковъ Ипполитовъ за священническимъ увѣщаніемъ показалъ, что списокъ о назначеніи въ рекруты и ополченіе писанъ рукою Жадовскаго, а въ донесеніи ему того, что показывается имъ, не было. Изъ справки въ вотчинной конторѣ оказалось, что въ исходящемъ реестрѣ отъ 4 мая значится донесеніе не о буйствѣ крестьянъ, а о полученіи денегъ, причемъ контора представила предписаніе Жадовскаго отъ 21 апрѣля 1855 г. о соображеніи, кого слѣдуетъ отдать въ ополченіе по случаю назначенія 50 человѣкъ, тогда-какъ можно было зачесть и за другія имѣнія.

Затѣмъ крестьяне показали, что Жадовскій выбилъ стекла въ домахъ Крылова и Исаева у перваго за то, что онъ не усадилъ у своего дома разсадить липы, что послужило поводомъ и къ отдачѣ его въ солдаты, а у втораго за то, что жена его не пошла топить баню и не послала къ Жадовскому крестьянина Исаева. Жадовскій, не отвергая сего, объяснилъ, что стекла имъ выбиты за несоблюденіе предписанной имъ формы о неимѣніи составныхъ стеколъ.

Анастасьевскіе крестьяне сверхъ вышеизложеннаго присовокупили, что Жадовскій, сжигая хворостъ и щепу, подвергалъ опасности селеніе по близости огня къ строенію, отчего и обожжены у крестьянина Исаева 4 улья *); что Жадовскій поджигалъ свой лѣсъ самъ съ мальчикомъ Евстигнѣевымъ, и что пожаръ, продолжавшійся около двухъ недѣль, былъ опасенъ для дома крестьянина Куленкова; дальнѣйшій же пожаръ былъ прекращенъ крестьянами и черемисами, какъ это видно изъ донесенія предводителя дворянства начальнику губерніи. По осмотру коммисіею мѣстности, найдено, что опасность грозила отъ пожара выселку Жадовскаго и казенной лѣсной дачѣ.—Крестьянки Петрова, Матвѣева и Степанова за увѣщаніемъ священника показали, что за тушеніе пожара Жадовскій велѣлъ кучеру: ихъ высѣчь; но тотъ сего не исполнилъ, ибо въ числѣ ихъ была его сестра. Это подтвердилъ староста Прокофьевъ и кучеръ Власъ; Жадовскій объяснилъ, что выжиганіе лѣса онъ производилъ съ коммерческими и хозяйственными цѣлями, близь рѣки, во избѣжаніе всякой опасности. Женщинъ онъ встрѣтилъ при сжиганіи хвороста и наказывать ихъ не приказывалъ, а напротивъ собиралъ всѣхъ для тушенія самъ. Далѣе въ образѣ дѣйствій своихъ по хозяйству сослался на бывшаго всегда при немъ хорунжаго Тупѣева. Тупѣевъ показалъ, что пожаръ былъ опасенъ и Жадовскій тогда былъ пьянъ, а крестьянинъ Реввинъ объяснилъ, что огонь Жадовскимъ былъ пущенъ для улучшенія сѣнокоса, какъ сказывалъ ему самъ Жадовскій.

Изъ предъявившихъ вице-губернатору жалобы 39 человѣкъ анастасьевскихъ крестьянъ 7 человѣкъ въ доказательство же-

---

*) Жадовскій отозвался, что въ этомъ случаѣ были приняты имъ всѣ мѣры осторожности.

стокаго обращенія съ ними помѣщика представили то, что Жадовскій въ послѣднюю свою бытность въ ихъ селѣ билъ ихъ палкою и розгами, нѣкоторымъ обрѣялъ половину головы и бороды за самыя маловажныя вины. Это подтвердили и прочіе крестьяне, въ томъ числѣ трое не принадлежащихъ къ имѣнію Жадовскаго.—Жители деревни Измайловой (окольные люди) подъ присягою показали, что они слышали, будто Жадовскій крестьянамъ часто причиняетъ жестокія наказанія. Изъ нихъ трое, Масковъ, Даутовъ и Мряеовъ утвердили, что они были очевидцами жестокихъ побоевъ, а послѣдній добавилъ, что и его однажды Жадовскій билъ палкою за то, чтобы онъ скорѣе ѣхалъ съ нимъ. Башкирецъ Айдагуловъ утвердилъ, что онъ также былъ очевидцемъ побоевъ палкою, нанесенныхъ Жадовскимъ своему крестьянину. Дворовый человѣкъ Илья *Соколовъ* за священническимъ увѣщаніемъ показалъ, что женившись на дѣвкѣ Евстигнѣевой, за недачу ея Жадовскому для любодѣянія онъ былъ битъ Жадовскимъ на каждой станціи, когда проѣзжалъ изъ Москвы въ г. Малоярославецъ, и жестоко избитымъ оставленъ былъ въ такомъ положеніи, на что показатель жаловался городничему. Малоярославскій городничій ссылку Соколова подтвердилъ.—Крестьянинъ Никифоръ Артемьевъ показалъ, что Жадовскій избилъ его палкою за медленный отвѣтъ о томъ, гдѣ пасутся овцы. Показатель же не могъ скоро отвѣчать по косноязычію. По освидѣтельствованію оказалось, что носъ у Соколова въ ненормальномъ положеніи, на переносьѣ опухоль, выше правой брови красноватая опухоль съ гноевиднымъ струпомъ, на головѣ съ правой стороны три струпа, за правымъ ухомъ опухоль въ полъ-орѣха, а Артемьевъ въ плечѣ отъ давленія чувствуетъ значительную боль и не можетъ поднять руки, при чемъ врачъ заключилъ, что это есть слѣдствіе побоевъ тупымъ орудіемъ. Сверхъ того крестьянка Анна Голова за увѣщаніемъ священника показала, что Жадовскій за несогласіе дочери ея на любодѣяніе наказалъ ее розгами и таскалъ за волосы, отчего она была больна цѣлый мѣсяцъ. По свидѣтельству оказалось, что у Головой двѣ пряди волосъ короче прочихъ. *Жадовскій* противу сего объяснилъ, что по праву помѣщика онъ каждаго наказывалъ по мѣрѣ вины, а Артемьева прибилъ палкою за незнаніе своего стада.

. . . .

Крестьяне села Анастасьева показали: что при обремененіи ихъ помѣщикомъ работами, они дошли до крайности отъ воспрещенія заниматься сторонними заработками, и отъ неплатежа конторою денегъ, коихъ прежде платилось за годовой трудъ отъ 50 к. до 5 р. сер. Даже больные и немощные отъ оброка Жадовскимъ не освобождаются. По произведенному коммисіею осмотру найдено, что большая часть крестьянскихъ домовъ устроены удовлетворительно, но при нихъ нѣтъ пристроекъ для запасовъ и скота, земли для посѣвовъ мало, одежда крестьянъ болѣе чѣмъ скудная. Изъ показаній же прочихъ крестьянъ видно, что они имѣютъ достаточно лошадей, скота прочего и птицъ, что усматривается и изъ описи конторы.—*Жадовскій* объяснилъ, что образъ управленія анастасьевскаго имѣнія служитъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ собственнымъ его выгодамъ, что доказывается тѣмъ, что крестьяне въ теченіи 20 лѣтъ никому на обремененіе ихъ работами и бѣдность не жаловались, и нынѣ выразили это по чьему-либо подстрекательству. Воспрещено имъ заниматься чужими работами потому, что у показателя много работъ, за которыя выдаются имъ деньги. Несвоевременная же уплата за прежнія работы произошла отъ неосторожности конторы въ израсходованіи денегъ, о чемъ ему не было доложено. Плата за работы кажется скудною крестьянамъ по незнанію ихъ разсчетовъ конторы, вычета за оброкъ и за другія повинности; работа каждодневная для крестьянъ необязательна, а зависитъ отъ выгодъ каждаго получать за оную болѣе; покупка изъ запасныхъ вещей зависитъ отъ произвола каждаго. Числящаяся на крестьянахъ недоимка болѣе 35000 руб. асс. образовалась отъ снисхожденія его, Жадовскаго; взысканіе оброка съ слабыхъ и немощныхъ служитъ къ правильному контролю конторы, которая о невозможности могла бы ему донести и онъ освободилъ бы таковыхъ отъ оброка.

Изъ аттестата, выданнаго Жадовскому въ 1844 г. видно, что ему отъ роду 40 лѣтъ, онъ изъ дворянъ, родоваго имѣнія за нимъ 272 души и благопріобрѣтеннаго 225 душъ и двѣ дачи съ землею, а въ ямбургскомъ уѣздѣ участокъ земли въ 1037 десятинъ; имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за XV л. При увольненіи отъ службы, на осн. 664 ст. уст. о служ. 14 мая 1848 г. пожалованъ въ тайные совѣтники.

*

При слушаніи сего дѣла въ 1 отдѣленіи 6 д-та сената и въ московскомъ общемъ собраніи заявлены были разныя мнѣнія.

Первое мнѣніе. Относительно происшествія на станціи оказывается, что Жадовскій сознался лишь въ приказаніи выстрѣлить изъ ружья и въ разбитіи стеколъ. За первый изъ этихъ проступковъ, онъ на основ. 1300 ст. улож. о наказ. подлежалъ бы денежному взысканію, а за второй, аресту отъ 3-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ согласно 1282 ст. улож.; но, за силою XIX ст. Всемилостивѣйшаго манифеста долженъ быть освобожденъ отъ суда. Представленныя же имъ деньги слѣдуетъ удержать на вознагражденіе за ущербъ, нанесенный разбитіемъ стеколъ. Что касается до обвиненія его въ нанесеніи побоевъ, то показанія лицъ, обвиняющихъ его хотя не имѣютъ силы полнаго доказательства, какъ безприсяжныя, (ст. 334 XV т. кн. 2), но въ совокупности своей навлекаютъ на него подозрѣніе (1 п. 341 ст. того же т.). Равно нѣтъ положительныхъ уликъ къ признанію Жадовскаго виновнымъ въ составленіи ложнаго объявленія отъ имени Доброва. При разсмотрѣніи сего обвиненія, нельзя не принять во вниманіе отзыва Жадовскаго, что онъ, написавъ черновую, отдалъ ее Молчанову для прочтенія Доброву и поправки въ чемъ нужно. Доказательствъ о несправедливости такого отзыва нѣтъ. Но въ виду: *а*) собственныхъ словъ Жадовскаго, что у Доброва не могло быть большой суммы, и *б*) указаній на Жадовскаго крѣпостными его людьми, какъ на составителя жалобы, приказавшаго подать ее въ судъ, навлекается на Жадовскаго сильное подозрѣніе въ составленіи имъ того объявленія, съ цѣлью ослабить дѣйствіе жалобъ на поступки его на станціи. (XV т. св. зак. кн. 2-й ст. 341, 313). *Относительно злоупотребленія Жадовскимъ помѣщичьей власти*, сопровождаемаго *безнравственнымъ поведеніемъ*, слѣдуетъ имѣть въ виду, что на основаніи 312 ст. XV т. св. зак. угол. кн. 2 при сужденіи объ изнасилованіи уголовный судъ долженъ опредѣлять положенное по законамъ наказаніе *не иначе*, какъ: 1) по точномъ удостовѣреніи въ дѣйствительности насилія; 2) когда свидѣтели будутъ: что изнасилованная крикомъ своимъ призывала на помощь постороннихъ; 3) когда у ней или обвиняемаго, или у обоихъ окажутся кровавые знаки, синія пятна или изорванное платье, свидѣтельствующіе о сопротивленіи; и 4) когда объявленіе о томъ подано бу-

детъ тотчасъ или до истеченія дня. За отсутствіемъ въ настоящемъ дѣлѣ сихъ, требуемыхъ закономъ условій, не представляется возможности къ постановленію о Жадовскимъ обвинительнаго приговора; но согласно 307, 308, 309, 310, 313, 334 и 1 п. 341 ст XV т. св. зак., кн. 2, по совокупности сдѣланныхъ противъ подсудимаго показаній, слѣдуетъ оставить его въ сильномъ подозрѣніи въ растлѣніи своихъ крестьянокъ или имъ самимъ, или, по приказанію его и въ его присутствіи, другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ предоставленнаго Жадовскимъ отзыва, не противорѣчащаго сущности дѣла, видно, что Жадовскій далъ денегъ кучеру Портнову на блудодѣяніе и дозволилъ произвести блудъ въ своемъ домѣ. За этотъ поступокъ, какъ за сводничество, Жадовскій подлежалъ бы на основаніи 1354 ст. улож. денежному взысканію; но какъ проступокъ сей учиненъ до изданія Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 г., то за силою XIX ст. манифеста Жадовскій долженъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности.—Крестьянинъ Жадовскаго, Ѳома Исаевъ показалъ, что Жадовскій предлагалъ ему склонить на муж—ство съ нимъ крѣпостнаго его мальчика Егора Попова, но онъ на это не рѣшился. Поповъ, находящійся нынѣ въ военной службѣ, отозвался, что Жадовскій склонялъ его къ муж—ству, и по несогласію отсылалъ сперва въ другое свое имѣніе, а засимъ отдалъ въ пожарное депо, гдѣ его подвергали жестокому наказанію, и потомъ сдалъ въ солдаты. При несознаніи Жадовскаго, въ дѣлѣ нѣтъ юридическихъ доказательствъ виновности, тѣмъ болѣе, что самое показаніе Попова опровергается отзывомъ с.-петербургскаго оберъ-полицiймейстера и управы благочинія, которые удостовѣряютъ, что Поповъ не былъ наказываемъ въ пожарномъ депо и что онъ судился по дѣлу о кражѣ у Жадовскаго.—Жадовскій обвиняется въ обременительныхъ дѣйствіяхъ *по управленію имѣніемъ* (въ оренбургской губерніи), и раззореніи крестьянъ. Не сознаваясь въ этомъ, Жадовскій объясняетъ, что онъ никогда не опускалъ изъ виду выгодъ крѣпостныхъ людей и дѣйствовалъ согласно съ этой цѣлью. Не соединеніе многихъ уликъ исключаетъ всякую возможность недоумѣвать въ томъ, что управленіе его было крайне обременительно и что онъ въ дѣйствіяхъ своихъ руководствовался не выгодами крестьянъ и необходимостью, а произвольнымъ и

строптивымъ своимъ характеромъ, на который имѣются неопровержимыя указанія въ жестокости его обращенія съ крестьянами (о чемъ будетъ изложено особо). Улики эти суть: а) совокупность показаній крестьянъ, обвиняющихъ его—въ обремененіи ихъ работами, неосвобожденіи отъ оброка даже тѣхъ, которые по старости или болѣзни не имѣли на то средствъ, неотдачѣ денегъ за работу, захватѣ имущества у нѣкоторыхъ и запечатаніи домовъ, уничтоженіи городьбы, потравѣ хлѣба, запрещеніи садить овощи въ огородахъ, и т. п.; б) отзывы вотчинной конторы и бывшаго управляющаго имѣніемъ мѣщанина Засыкина, служащіе подтвержденіемъ большей части сихъ обвиненій; в) недостаточное положеніе крестьянъ, найденное при осмотрѣ имѣнія слѣдственной коммисіей; г) самовольное распоряженіе хлѣбомъ въ запасномъ магазинѣ; д) безпрестанныя перемѣны управляющихъ; е) назначеніе 34 крестьянъ къ отдачѣ въ солдаты, 21 въ ополченіе, 6 въ Сибирь и 5 къ переселенію, и сверхъ того разрѣшеніе прикащику Аверьянову сдать въ солдаты 93 человѣка. Посему, руководствуясь 1976 ст. улож., надлежитъ: сверхъ учрежденія опеки надъ симъ и всякимъ другимъ населеннымъ имѣніемъ Жадовскаго, и ограниченія послѣдняго въ правахъ распоряженія имуществомъ, воспретить ему личное пребываніе въ какомъ либо ему принадлежащемъ имѣніи. Имѣніе, которое вновь дошло бы къ нему по наслѣдству или другимъ причинамъ, равномѣрно должно быть взято въ опеку. Сверхъ того онъ лишается навсегда права участвовать въ выборахъ и вообще въ дѣйствіяхъ дворянства.

Жадовскій оказывается виновнымъ и *въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами.* Доказательства, служащія къ полному изобличенію его въ этомъ, слѣдующія: а) показанія крестьянъ о частыхъ и напрасныхъ побояхъ; б) обвиненіе его крестьянами: Ильей Соколовымъ, Никифоромъ Артемьевымъ и крестьянкою Анною Головой, у которыхъ при осмотрѣ найдено: у Соколова (по прошествіи уже болѣе года) опухоль на носу, у Артемьева (чрезъ мѣсяцъ) опухоль и струпы на головѣ и лицѣ и боль въ рукѣ, а у Головой—выдрана часть волосъ; в) заключенія врачей; и д) собственное его объясненіе, изъ котораго видно, что онъ при личныхъ взысканіяхъ съ крестьянъ употреблялъ палку. За силою 1977 ст. улож. помѣщики, изобличенные

въ жестокомъ съ своими крѣпостными людьми обращеніи, сверхъ учрежденія опекъ надъ ними и всѣми населенными ихъ имѣніями, лишаются права имѣть въ услуженіи своихъ крѣпостныхъ людей, и подвергаются: заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ до трехъ лѣтъ, съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ по ст. 54 сего улож. правъ и преимуществъ, или-же безъ лишенія сихъ правъ и преимуществъ, заключенію въ семъ же домѣ на время отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ вину ихъ.

Принимая на видъ отяготительныя вообще распоряженія Жадовскаго имѣніемъ и несовершенную искренность его въ отвѣтахъ, слѣдуетъ признать его подлежащимъ строжайшей степени наказанія, изъ означенныхъ въ 1977 ст. и въ средней мѣрѣ. Взятіе хлѣба изъ запаснаго магазина Жадовскій оправдываетъ намѣреніемъ перемѣнить хлѣбъ на новый, согласно правиламъ объ общественныхъ запасахъ, и притомъ поясняетъ, что онъ уже далъ приказаніе о такой замѣнѣ. Но замѣненъ ли взятый хлѣбъ, изъ дѣла не видно. Въ такомъ случаѣ, основываясь на 1163 ст. улож., должно подвергнуть Жадовскаго взысканію всего взятаго имъ хлѣба.—Жадовскій обвиняется въ сожженіи хвороста и щепъ въ имѣніи безъ принятія предосторожностей отъ огня и въ поджогѣ въ пьяномъ видѣ своего лѣса. Жадовскій, утверждая, что предосторожности были взяты, показываетъ, что сожженіе хворосту и щепъ произведено для испытанія годности пожарныхъ инструментовъ, а на поджогъ лѣса онъ рѣшился изъ хозяйственныхъ цѣлей. Слѣдствіемъ однакожe не только не доказано: были ли приняты Жадовскимъ должныя мѣры охраны отъ распространенія огня, но имѣются напротивъ показанія, что Жадовскій велѣлъ даже высѣчь женщинъ, отправившихся тушить огонь. За первый проступокъ Жадовскій подлежалъ бы на основаніи 1462 ст. улож. денежному взысканію отъ 50 к. до 5 р. сер.. За поджогъ лѣса, безъ дозволенія надлежащаго начальства и безъ соблюденія мѣръ осторожности, слѣдовало-бы подвергнуть Жадовскаго, согласно 1468 ст. улож. такому же взысканію. Но проступки эти, учиненные до изданія Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 г., прощаются силою XIX ст. манифеста.

По симъ основаніямъ слѣдуетъ: 1) тайнаго совѣтника Анастасія Жадовскаго 55 лѣтъ признавъ виновнымъ въ обременительномъ управленіи своимъ населеннымъ имѣніемъ въ оренбургской губерніи, и жестокомъ обращеніи съ крестьянами, лишить нѣкоторыхъ особенныхъ по ст. 54 улож. о наказ. правъ и преимуществъ, и *заключить въ смирительный домъ на два съ половиною года*, лишивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Жадовскаго навсегда права участвовать вообще въ дѣйствіяхъ дворянства. 2) Сверхъ учрежденія опеки надъ нимъ и всѣми населенными его имѣніями, лишить его также права имѣть въ услуженіи своихъ крѣпостныхъ людей, и новое имѣніе, которое дошло-бы къ нему по наслѣдству или другимъ причинамъ, равномѣрно взять въ опеку. 3) По освобожденіи Жадовскаго изъ смирительнаго дома, поступить съ нимъ по 55 ст. улож о нак. 4) По обвиненіямъ: а) въ нанесеніи побоевъ ямщикамъ на чишминской станціи, б) составленіи ложнаго объявленія отъ имени своего крѣпостного человѣка Доброва объ ограбленіи, будто бы, Доброва на означенной станціи и причиненіи ему побоевъ, и в) въ насилованіи своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ, оставить Жадовскаго по первому предмету—въ простомъ, а по остальнымъ двумъ въ сильномъ подозрѣніи. 5) По обстоятельствамъ о приказаніи Жадовскимъ Доброву стрѣлять изъ ружья на станціи Чишмы, разбитіи тамъ Жадовскимъ стеколъ въ окнахъ, выдачѣ имъ денегъ кучеру Портнову на блудодѣяніе и допущеніи произвести въ своемъ домѣ блудъ Портнову, сожженіи хвороста и щепъ въ имѣніи и поджогѣ лѣса, безъ принятія предосторожностей отъ огня и безъ дозволенія начальства,—освободить Жадовскаго отъ отвѣтственности, за силою Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года 6) По обвиненіямъ въ посягательствѣ на мужество освободить Жадовскаго отъ суда, за силою 304 ст. XV т. св. зак. угол. кн. 2, какъ неизобличеннаго. 7) Подвергнуть Жадовскаго взысканію всего взятаго имъ хлѣба изъ запаснаго магазина, если хлѣбъ еще не возвращенъ въ магазинъ.

Второе мнѣніе. Не касаясь остальныхъ предметовъ дѣла, относительно обвиненія Жадовскаго въ растлѣніи и изнасилованіи крѣпостныхъ своихъ женщинъ собственнымъ лицомъ и чрезъ кучера своего крестьянина Портнова, оказывается, что Жадовскій въ сихъ преступныхъ дѣяніяхъ *положительно изобличает-*

ся: согласными показаніями женщинъ, бывшихъ жертвами его сладострастія, ихъ мужей, его лакеевъ, приводившихъ къ нему избранныхъ, присяжнымъ свидѣтельствомъ татарина Саликова, признаніемъ Портнова, показаніями дворовыхъ женщинъ о бывшей на постельномъ бѣльѣ дѣвической крови, ложными оправданіями его Жадовскаго (ссылкою на геморрой), опровергнутыми врачами Духновскимъ и Гурьевичемъ, наконецъ показаніями родителей растлѣнныхъ. За это Жадовскій на основаніи ст. 2078, 2079, 2081 и 165 (п.) подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ.

По соображеніямъ, изложеннымъ въ первомъ изъ этихъ мнѣній, дѣло получило окончательное разрѣшеніе.

О помѣщикѣ Викторѣ Страшинскомъ (72 лѣтъ) сужденномъ за злоупотребленіе помѣщичьей власти, сопровождаемое развратнымъ поведеніемъ.

По обвиненію помѣщика Страшинскаго въ изнасилованіи и растлѣніи имъ крестьянскихъ дѣвокъ *) и женъ, произведено было въ селахъ: Мишанцѣ, Кумановкѣ и Тхоровкѣ три слѣдствія.

I) Слѣдствіе объ изнасилованіи въ с. *Мишанцѣ* дѣвокъ Страшинскимъ было начато въ 1845 году по распоряженію земскаго исправника, на основаніи словеснаго извѣщенія священника сего села, Ящинскаго. При слѣдствіи на допросахъ 12 сентября 1846 г. показали: сотникъ с. Мишанца *Павелъ Кривцунъ*, безъ присяги, что помѣщикъ Страшинскій или требуетъ къ себѣ въ с. Тхоровку крестьянскихъ дѣвокъ, или пріѣзжаетъ самъ въ с. Мишанцъ и насилуетъ ихъ. Указанныя сотникомъ крестьянскія дѣвки показали, что онѣ растлѣны были Страшинскимъ, что приводили ихъ къ нему Эсаулъ Ганахъ, дѣвка Десятникова, женщина Марцинаха и прачка Лесчукова, и что онѣ жаловались на то своимъ родителямъ. Крестьянинъ *Эсаулъ Ганахъ* объяснилъ, что онъ дѣйствительно приводилъ къ Страшинскому дѣвокъ, кото-

*) Мы сохраняемъ терминологію подлиннаго производства, воспроизводящаго показанія простолюдиновъ.

рыхъ онъ требовалъ, но насиловалъ ли ихъ помѣщикъ или нѣтъ, о томъ не знаетъ и отъ нихъ самихъ не слыхалъ. Упомянутыя женщины *Десятникова*, *Лесчукова* и *Марценюкъ* показали, что онѣ никогда не приводили къ Страшинскому дѣвокъ. *Отцы* и *матери* означенныхъ дѣвокъ (за исключеніемъ только одной Вакумовой) всѣ отвергли ссылку на нихъ дочерей ихъ, объяснивъ, что послѣднія объ изнасилованіи имъ никогда не жаловались. На очныхъ ставкахъ, выставленныя сотникомъ Кравчукомъ 10 дѣвокъ и еще другія 6, также оговорившихъ Страшинскаго въ изнасилованіи, отказались отъ прежнихъ своихъ показаній и на передопросахъ подтвердили, что онъ ихъ никогда не растлѣвалъ, а показали они о томъ прежде съ цѣлію избавиться отъ требованія въ другое имѣніе для домашнихъ услугъ.

Священникъ *Ящинскій* показалъ, что къ нему объ изнасилованіи Страшинскимъ дѣвокъ никакихъ жалобъ никогда не доходило, но что онъ видѣлъ плачъ отцовъ и матерей, когда дѣтей ихъ брали въ с. Тхоровку, какъ нѣкоторые говорили, для изнасилованія, а другіе для услугъ. 12-ть человѣкъ *сосѣднихъ крестьянъ* подъ присягою показали, что о растлѣніи и изнасилованіи Страшинскимъ дѣвокъ они ничего «правдоподобнаго» не слыхали, но что плачъ родителей и дѣтей происходилъ отъ взятія крестьянокъ въ дворовую услугу.—При повальномъ обыскѣ о поведеніи Страшинскаго отозвались подъ присягою: два помѣщика, что они знаютъ его съ лучшей стороны, а четыре, что по неимѣнію съ нимъ никакихъ связей, они объ образѣ жизни его ничего не знаютъ.

Помѣщикъ *Страшинскій*, не являвшійся на слѣдствіе подъ предлогомъ болѣзни своей и дочери его и наконецъ приведенный по распоряженію начальства съ полицейскимъ чиновникомъ, 20 декабря 1846 г. показалъ: 1) что с. Мшанцъ принадлежитъ не ему, но дочери его Михалинѣ, которая и владѣла онымъ на вотчинномъ правѣ уже 6 лѣтъ прежде начала сего слѣдствія; 2) что преступленія, приписываемыя ему, несвойственны ни званію его какъ дворянина, ни 65-ти лѣтней его старости, ни наконецъ разстроенному здоровью; 3) что обвиненія эти основаны на злобѣ и клеветѣ священника с. Мшанцъ и сотскаго Кравчука и что крестьяне къ сему были увлечены надеждою о свободѣ изъ крѣпостнаго владѣнія, въ случаѣ если бы изводи-

мыя на него, Страшинскаго, обвиненія ни оправдались; 4) что крестьяне с. Мшанца, не принадлежа ему Страшинскому, не могли умалчивать о его преступленіяхъ, если бы оныя дѣйствительно были имъ совершены.

II) Слѣдствіе объ изнасилованіи Страшинскимъ крестьянскихъ дѣвокъ въ с. Кумановкѣ было начато также въ 1845 г. на основаніи донесенія старшаго засѣдателя махновскаго земскаго суда Павлова мѣстному исправнику. Въ донесеніи семъ засѣдатель объяснилъ, что крестьяне с. Кумановки, состоящаго въ традиціонномъ владѣніи Страшинскаго, безмѣрно обременены барщиною, и что онъ изнасиловалъ дочерей двухъ тамошнихъ крестьянъ Ермолая и Василія. Исправникъ поручилъ помощнику становаго пристава представить сихъ дѣвокъ съ ихъ родителями въ земскій судъ, но помѣщикъ донесъ исправнику, что Страшинскій не выдалъ сихъ людей. Исправникъ поручилъ становому разузнать о семъ на мѣстѣ и затѣмъ, получивъ донесеніе, что Страшинскій въ имѣніи Кумановкѣ ни одной дѣвицы не оставилъ цѣломудренною, представилъ о томъ начальнику губерніи. По распоряженію сего послѣдняго поручено было махновскому уѣздному предводителю дворянства, совмѣстно съ уѣзднымъ стряпчимъ, произвести на мѣстѣ строгое изслѣдованіе какъ о жестокомъ обращеніи Страшинскаго съ своими крестьянами и обремененіи ихъ барщиною, такъ и объ изнасилованіи крестьянскихъ дочерей.

При слѣдствіи 10 дѣвокъ, указанныя старшимъ засѣдателемъ Павловымъ какъ изнасилованныя Страшинскимъ, объяснили, что онѣ не были имъ ни изнасилованы, ни лишены дѣвства и что онѣ его по большей части даже не знаютъ. Въ отношеніи же обремененія работами объяснили, что на барщинѣ онѣ съ мужьями отработываютъ не болѣе трехъ дней и что не были наказываемы Страшинскимъ жестоко. При семъ слѣдствіи нѣкоторыя крестьянки въ отношеніи Страшинскаго объяснились слѣдующими выраженіями: 1) *Тимошукова*, что она до выхода въ замужество помѣщикомъ Страшинскимъ не была изнасилована, дѣвства по ея согласію не лишена и она съ нимъ никогда плотскаго сношенія не имѣла. 2) *Романикова*, что она помѣщика Страшинскаго никогда не видала и имъ не изнасильствована и лишена дѣвства до выхода замужъ не была. 3) *Во-*

манцева, что она вышла замужъ за крестьянина Никиту Григорьева, но предъ тѣмъ помѣщикомъ Страшинскимъ изнасилована не была, а также и дѣвства по ея согласію не лишена и даже вовсе его не знаетъ. Подобныя же показанія сдѣланы были при слѣдствіи и другими крестьянками, которыя вообще объясняли: однѣ, что онѣ Страшинскаго не видали, другія, что его не знаютъ, а третьи, что хотя его и видали, но имъ изнасилованы не были. Показаніе это въ существѣ подтвердили отцы и матери спрошенныхъ дѣвокъ.

Стороннія крестьяне с. Кумановки въ числѣ 14 человѣкъ подъ присягою показали, что крестьяне Страшинскаго на обремененіе ихъ барщиною и жестокое обращеніе не жаловались, и что объ изнасилованіи имъ дѣвокъ ни отъ кого они не слыхали. Тоже самое показали подъ присягою и 6 человѣкъ крестьянъ с. Кумановки, части помѣщика Страшинскаго.

Подсудимый Страшинскій, опровергая съ своей стороны означенныя обвиненія, объяснилъ, что часть с. Кумановки находится въ его административномъ управленіи по рѣшенію махновскаго уѣзднаго суда, что крестьяне оныхъ, управляемые экономомъ, не только не угнетаются работами противу инвентаря, но напротивъ того въ случаѣ нужды снабжаются всѣмъ необходимымъ, и что показатель, имѣя 70 лѣтъ отъ роду и бывая въ Кумановкѣ одинъ разъ въ годъ, на одинъ или на два дня, не могъ совершить взводимыя на него по клеветѣ преступленія.

Разсмотрѣвъ это слѣдствіе, начальникъ кіевской губерніи нашелъ, что оно произведено было безъ всякаго вниманія и съ видимымъ намѣреніемъ оправдать Страшинскаго. Въ подтвержденіе сего начальникъ губерніи ссылался во 1-хъ, на изъясненныя выраженія крестьянокъ Тимошуковой, Романцовой и Волынцевой, которыя по его мнѣнію были двусмысленны и неточны; во 2-хъ, что прислуга Страшинскаго, пріѣзжавшая съ нимъ въ с. Кумановку, не была спрошена и что слѣдователи не входили въ разсмотрѣніе экономическихъ регистровъ и быта крестьянъ. Переслѣдованіе поручено было произвести васильковскому уѣздному предводителю дворянства, совмѣстно съ капитаномъ корпуса жандармовъ. Прибывъ на мѣсто, слѣдователи 13 декабря 1849 г. постановили: 1) о злоупотребленіяхъ Страшинскимъ помѣщичьей власти за силою Высочайшаго повелѣнія

26 октября 1848 г. слѣдствія не производить; 2) лицъ, находившихся въ услуженіи Страшинскаго и пріѣзжавшихъ съ нимъ въ с. Кумановку, по ненадобности въ ихъ показаніяхъ и по трудности въ отысканіи ихъ, не спрашивать; 3) произвести изслѣдованіе только въ отношеніи изнасилованія Страшинскимъ крестьянскихъ дѣвокъ *). При переслѣдованіи, спрошенныя въ отсутствіи Страшинскаго дѣвки, оправдавшія его при слѣдствіи, теперь показали, что онъ дѣйствительно ихъ изнасиловалъ. Родители ихъ, также оправдавшіе при слѣдствіи Страшинскаго, при переслѣдованіи подтвердили показанія ихъ дочерей въ томъ, что онъ ихъ изнасиловалъ. Мужья означенныхъ крестьянокъ равнымъ образомъ отреклись отъ прежнихъ своихъ показаній, оправдывавшихъ Страшинскаго, и объяснили, что при женитьбѣ они нашли женъ своихъ лишенными дѣвства, по объясненію ихъ, самимъ Страшинскимъ. Новые обыскные и свидѣтели подъ присягою показали, что они слышали, что помѣщикъ Страшинскій, пріѣзжая въ Кумановку, приказывалъ приводить къ себѣ дѣвокъ и имѣлъ съ ними плотское сношеніе.

Помѣщикъ Страшинскій отзывомъ изъ г. Бердичева 16 декабря 1849 г. въ опроверженіе означенныхъ показаній объяснялъ: 1) что показанія сіи даны по подстрекательству крестьянъ с. Тхоровки, возмутившихся противу его помѣщичьей власти; 2) что невѣроятно, чтобы крестьяне с. Кумановки, не принадлежа ему, умалчивали столь долгое время о преступленіяхъ его, если бы оныя дѣйствительно имъ были совершены; 3) что онъ при допросахъ не находился, потому не знаетъ, кто его оговариваетъ.

III) Слѣдствіе объ изнасилованіи Страшинскимъ дѣвокъ въ с. Тхоровкѣ начато въ мартѣ 1847 г. по распоряженію начальника кіевской губерніи. Поводомъ къ сему слѣдствію была жалоба крестьянъ этаго села земскому исправнику о томъ, что Страшинскій угнетаетъ ихъ повинностями и жестоко съ ними обращается. Начальникъ губерніи, предписывая каневскому уѣздному предводителю дворянства совмѣстно съ жандармскимъ офи-

*) Еще прежде сего постановленія, именно въ 1847 г., помѣщикъ Страшинскій, по распоряженію начальства, задержанъ былъ въ г. Бердичевѣ и отданъ подъ надзоръ тамошней полиціи.

черемъ произвести о семъ строжайшее на законномъ основаніи изслѣдованіе, въ предписаніи своемъ 4 апрѣля 1847 г. упомянулъ, что Страшинскій, по донесенію мѣстныхъ засѣдателя Добрянскаго и уѣзднаго стряпчаго, обвиняется еще въ изнасилованіи крестьянскихъ дѣвокъ и женъ.

При слѣдствіи обнаружилось, что с. Тхоровка принадлежало женѣ Страшинскаго, а въ 1848 г. перешло по отдѣльной записи къ сыну ихъ Генриху Страшинскому. Крестьяне с. Тхоровки, въ числѣ 99, единогласно объяснили, что Страшинскій угнетаетъ ихъ повинностями, жестоко обращался съ ними, жилъ блудно съ женами ихъ, лишалъ невинности дѣвокъ, изъ числа которыхъ двѣ (Федосья и Василина) даже умерли отъ изнасилованія *) и что онъ растлилъ между прочимъ двухъ дѣвочекъ Палагею и Анну, прижитыхъ имъ самимъ съ женщиною Присяжнюковою. Жены и дочери показателей, въ числѣ 86 человѣкъ, объяснили съ своей стороны, что онѣ дѣйствительно были растлѣны Страшинскимъ насильно, однѣ на 14 лѣтнемъ возрастѣ, а другія по достиженіи только 13 и даже 12 лѣтъ. Изъ нихъ 47 человѣкъ разсказываютъ событія, происходившія далѣе, нежели за десять лѣтъ. 30 крестьянокъ показали, что онѣ изнасилованы Страшинскимъ менѣе чѣмъ за десять лѣтъ, шесть за три и за два года, а 7 за годъ до начатія дѣла. Многія изъяснили, что Страшинскій продолжалъ связи съ ними и послѣ ихъ выхода замужъ, а нѣкоторыя показали, что заставлялъ ихъ присутствовать при совокупленіи его съ другими. Одна показала, что при сопротивленіи ея, Страшинскій привязалъ ее къ крова-

*) По сему предмету сверхъ вышеизложеннаго изъ дѣла видно, что крестьяне села Тхоровки, въ числѣ 99-ти человѣкъ, при слѣдствіи показали, что дѣвочки тѣ умерли послѣ насильственнаго растлѣнія ихъ помѣщикомъ Страшинскимъ: Ѳедосья въ продолженіи однихъ сутокъ, а Василина чрезъ нѣсколько дней, что сіе извѣстно всему обществу, но объявлять запретилъ прикащикъ Артемчукъ. Сначала прикащикъ далъ отрицательный отзывъ, но при уликѣ на очной ставкѣ показалъ, что быть можетъ и приказывалъ крестьянину Солошнику не разглашать о смерти дѣвочки Ѳедосьи. Жена крестьянина Солошника, у котораго Ѳедосья находилась въ услуженіи, и тетка Василины, крестьянка Горенчукова, объяснили, что означенныя дѣвочки умерли отъ сильнаго истеченія кровей, послѣ насильственнаго растлѣнія ихъ Страшинскимъ

ти, а когда вырвалсь, то призвалъ прачку Пелагею для держанія, и тѣмъ вынудилъ предаться волѣ его, Страшинскаго *).

Тетка дѣвочки Федосьи и сестра ея Поварчукова, крестьянки с. Пустоварни, въ отобранныхъ отъ нихъ безъ присяги показаніяхъ отозвались, что и имъ извѣстна была общая молва объ изнасилованіи Страшинскимъ дѣвочки Федосьи.

27 марта священникъ с. Тхоровки *Райскій* донесъ сквирскому духовному правленію, что крестьяне Страшинскаго принуждены работать въ праздничные и высокоторжественные дни. Три человѣка изъ числа жаловавшихся на жестокость наказанія, освидѣтельствованы были медикомъ, и найдено было при семъ у одного 9, у другаго 16 и у третьяго 17 синебагровыхъ безъ опухоли знаковъ отъ наказанія розгами; кромѣ того никакихъ другихъ признаковъ побоевъ не оказалось и въ медицинскихъ пособіяхъ надобности не встрѣтилось. Изъ числа крестьянокъ, показавшихъ себя изнасилованными, подвергнуты были освидѣтельствованію 13 дѣвокъ, относившихъ время растлѣнія ихъ отъ 1 до 3 лѣтъ тому назадъ. Свидѣтельствовавшіе ихъ уѣздный врачъ и повивальная бабка заключили, что такъ-какъ дѣвки эти лишены дѣвства въ малолѣтствѣ и уже съ давняго времени, то у многихъ оказались слѣды отъ усилій при растлѣніи, и всѣ онѣ изъяснили болѣзненные припадки, свойственные растлѣнію, которому неминуемо подвергались **).

Страшинскій, отрицая всѣ обвиненія въ жестокости и изнасилованіи крестьянокъ, сослался на пожилыя лѣта свои (68 лѣтъ) и болѣзненное состояніе, въ подтвержденіе чего представилъ засвѣренное земскимъ исправникомъ медицинское свидѣтельство.

---

*) Отъ подписи всѣхъ этихъ показаній крестьяне помѣщика Страшинскаго, не смотря на многократныя увѣщанія со стороны слѣдователей, по удостовѣренію послѣднихъ отказались (да знали ли крестьяне грамоту), ссылаясь на просьбы, поданныя ими въ мартѣ въ сквирское духовное правленіе и въ апрѣлѣ 1847 г. кіевскому митрополиту, въ которыхъ они сверхъ жестокаго обращенія, жаловались и на изнасилованіе ихъ женъ и дочерей.—Затѣмъ слѣдователи просили о присылкѣ военной команды для усмиренія крестьянъ (?). Губернаторъ вслѣдствіе представленія этого прикомандировалъ къ слѣдователямъ исправника, поручивъ ему употребить съ своей стороны нужныя мѣры посредствомъ разсыльной команды.

**) Свидѣтельство это не было представлено на разсмотрѣніе врачебной управы.

Изъ свидѣтельства сего видно, что Страшинскій съ давняго времени одержимъ хроническимъ ревматизмомъ въ поясницѣ и нижнихъ оконечностяхъ, сопряженныхъ съ ломотою. Жена Страшинскаго на сдѣланный ей запросъ объяснила: 1) что мужъ ея 50 лѣтъ пребываетъ съ нею въ счастливомъ бракѣ и во все это время питалъ къ ней неизмѣримую любовь и никогда не давалъ ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію въ супружеской вѣрности; 2) что она прижила съ нимъ пять человѣкъ дѣтей и что крестьяне ея, управляемые мужемъ ея съ 1800 по 1847 годъ, никогда не жаловались на него и только въ послѣднихъ годахъ, подстрекаемые посторонними лицами, рѣшились сдѣлать на него безсмысленныя показанія. *Обыскные люди* окрестныхъ селъ, въ числѣ 18 человѣкъ, подъ присягою показали, что слышали отъ тхоровскихъ крестьянъ, что Страшинскій употребляетъ ихъ безмѣрно въ барщину и тяжелъ въ обращеніи, а равно и о томъ, что онъ насилуетъ крестьянскихъ дочерей; а 6 человѣкъ тоже подъ присягою подтвердивши слухи о жестокомъ обращеніи, отозвались о насиліи дѣвокъ неизвѣстностью. Спрошенные подъ присягою пять сосѣднихъ помѣщиковъ отозвались: одинъ (Безусъ), что Страшинскаго лично не знаетъ, но слыхалъ, что онъ употребляетъ крестьянъ безмѣрно на барщину, безмѣрно наказываетъ ихъ и насилуетъ женщинъ и дѣвокъ; другой—что лично Страшинскаго не знаетъ, но слыхалъ болѣе худаго, нежели добраго; третій,—что по недавнему жительству о обращеніи Страшинскаго ничего не знаетъ, и два послѣдніе,—что о обращеніи Страшинскаго съ крестьянами они не свѣдущи, наконецъ одинъ изъ нихъ слышалъ о стрижкѣ Страшинскимъ крестьянамъ своимъ волосъ, а другой о томъ, что Страшинскій не позволяетъ крестьянамъ распоряжаться своимъ хлѣбомъ. Сквирское духовное правленіе увѣдомило, что дѣвочки Федосья и Василина умерли отъ сильной горячки и обѣ похоронены тхоровскимъ священникомъ.

Слѣдующія лица, спрошенныя подъ присягою, показали: 1) экономъ дворянинъ Пилецкій,—что по приказанію Страшинскаго наказывалъ тхоровскихъ крестьянъ иногда до 50 ударовъ, но не болѣе и что однажды дѣйствительно наказалъ троихъ крестьянъ въ страстную субботу. 2) Винокуренный писарь однодворецъ Чеховскій, — что онъ, по приказанію Страшинскаго, наказалъ за воровство одного тхоровскаго крестьянина 50 уда-

рами розогъ въ страстную субботу. 3) Однодворецъ *Ситковскій*,— что онъ по приказанію Страшинскаго наказывалъ тхоровскихъ крестьянъ по 50 ударовъ розгами, что двумъ изъ нихъ въ страстную субботу острижены были волосы на головѣ, обриты бороды и усы и наложены ножные кандалы, въ которыхъ они счищали соръ и потомъ содержались въ сборной избѣ подъ арестомъ до утра Свѣтлаго Воскресенія. 4) Дворянинъ Буржинскій,—что находясь въ услуженіи у Страшинскаго, по приказанію его въ страстную субботу остригъ нѣсколькимъ тхоровскимъ крестьянамъ головы и обрилъ бороды и усы, но никогда не замѣчалъ, чтобы кто либо изъ нихъ подвергался наказанію болѣе 50 ударовъ, и что почти всегда наказанные подвергались острижкѣ и бритью, что иногда вмѣнялось имъ и въ наказаніе *).

Сверхъ вышеизложеннаго Страшинскій обвиненъ былъ въ водвореніи у себя бѣглой женщины *Кисличковой*, именно 17 мая 1847 года подполковникъ Соловковъ довелъ до свѣдѣнія кіевской городской полиціи, что бѣжавшая отъ него женщина Ефросинія Кисличкова (о чемъ имъподано было 11 августа 1836 года явочное прошеніе) находится въ с. Тхоровкѣ у помѣщика Страшинскаго, почему просилъ о вознагражденіи его и поступленіи съ виновными по законамъ. Ефросинія *Кисличкова* показала, что она дѣйствительно принадлежитъ подполковнику Соловкову, что она уже 11-й годъ какъ бѣжала отъ него и, прійдя въ с. Тхоровку, проживала тамъ съ вѣдома помѣщика Страшинскаго, что послѣ сего, года черезъ два, онъ далъ ей особый домъ и впослѣдствіи выдалъ замужъ за своего крестьянина Присяжнюка. Мужъ Кисличковой Присяжнюкъ и 11 человѣкъ жителей с. Тхоровки, подъ присягою **) подтвердили показаніе ея. Противу обстоятельствъ сихъ Страшинскій допрошенъ былъ два раза и отвѣчалъ въ октябрѣ 1847 и сентябрѣ 1849 гг. что за давностью и дряхлостью лѣтъ своихъ онъ ничего не помнитъ, что вообще о передержательствѣ Кисличковой онъ не свѣдущъ и что во всякомъ случаѣ вся эта переписка должна быть пре-

*) Всѣ лица эти приведены были къ присягѣ безъ бытности Страшинскаго, который голословно устранялъ ихъ отъ свидѣтельства, но возраженія его не приняты были въ уваженіе слѣдователями.

**) Къ присягѣ они приводились безъ бытности помѣщика Страшинскаго.

кращена за силою земской давности. Затѣмъ, въ іюлѣ 1850 г. священникъ с. Кумановки Крыжановскій представилъ къ дѣлу копію съ дозволительнаго свидѣтельства на бракосочетаніе Присяжнюкова съ Селезнюковой. Въ копіи сей означено, что помѣщикъ Викторъ Страшинскій дозволяетъ крестьянину своему с. Тхоровки Михаилу Присяжнюкову вступить въ бракъ съ крестьянкою его же, Страшинскаго, имѣнія Тхоровки Ефросиніею Селезнюковою. На свидѣтельствѣ семъ, подписанномъ въ маѣ 1846 года, умершій уже священникъ Райскій удостовѣрилъ, что Селезнюкова точно незамужняя.

При производствѣ слѣдствія о Страшинскомъ обнаружено, что онъ родился въ 1785 году и состоялъ подъ судомъ по дѣламъ: а) о причиненныхъ обидахъ поссесору Лонтевскому. Дѣло это было рѣшено кіевскою уголовною палатою, но чѣмъ, не видно, за неотысканіемъ приговора; б) о бывшемъ депутатѣ сквирскаго особаго комитета Загурскомъ, которымъ обнаружено жестокое обращеніе Страшинскаго съ крестьянами. Дѣло это по предложенію генералъ губернатора, основанному на Высочайшемъ повелѣніи 1848 года, прекращено, и в) въ 1832 году объ изнасилованіи крестьянокъ с. Мшанца; Страшинскій по рѣшенію кіевской уголовной палаты оставленъ по суду свободнымъ *).

Во время производства настоящаго дѣла послѣдовало Высочайшее повелѣніе, сообщенное генералъ-губернаторомъ начальнику кіевской губерніи, (а симъ послѣднимъ въ увѣдомленіи отъ 26 октября 1848 г. переданное васильковскому уѣздному предводителю дворянства) слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) всѣ дѣла, производящіяся по злоупотребленію помѣщичьей власти, бывшему до введенія въ дѣйствіе инвентарныхъ правилъ, прекратить кромѣ

---

*) Помѣщикъ Викторъ Страшинскій со времени начатія производства изложенныхъ выше дѣлъ, находился въ г. Бердичевѣ подъ полицейскимъ надзоромъ, а въ октябрѣ мѣсяцѣ 1853 года по распоряженію кіевскихъ военнаго и гражданскаго губернаторовъ находился въ волынской губерніи, новоградъ-волынскаго уѣзда въ с. Мшанцѣ у своей дочери подъ строгимъ наблюденіемъ мѣстной полиціи, для воспрепятствованія ему вмѣшиваться въ управленіе имѣніемъ и имѣть вліяніе на крестьянъ.

уголовныхъ. 2) Имѣнія, находящіяся по тѣмъ дѣламъ въ опекѣ, освободить отъ опекунскаго управленія по предварительному удостовѣренію уѣздныхъ предводителей о благонадежности въ настоящее время лицъ, коимъ таковыя имѣнія принадлежатъ, и по представленію губернскаго предводителя. 3) Всѣхъ дворянъ, которымъ по прикосновенности къ бывшему мятежу воспрещено участвовать въ выборахъ, допустить къ онымъ.

При слушаніи сего дѣла (въ 1857 г.) во 2 отд. 5 д-та и во второмъ общемъ собраніи сената, заявлены были слѣдующія разныя мнѣнія.

Первое мнѣніе. Викторъ Страшинскій оказывается виновнымъ въ жестокомъ обращеніи съ своими крестьянами; въ водвореніи бѣглой крестьянки Кисличковой и въ употребленіи подлога въ свидѣтельствѣ для сокрытія бывшихъ препятствій къ заключенію брачнаго союза названіемъ Кисличковой своею крестьянкою, принадлежащею къ селу Тхоровкѣ, и наименованіемъ ея вымышленною фамиліею, которая внесена и въ метрическую книгу, гдѣ бракъ записанъ, Селезнюковой, а не Кисличковой. За первое преступленіе виновный подлежитъ, на основ. 1901 ст. улож., сверхъ учрежденія опеки надъ крестьянами и всѣмъ населеннымъ его имѣніемъ, лишенію права имѣть въ услуженіи крѣпостныхъ людей и заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ до трехъ лѣтъ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ, по статьѣ 53 сего улож., правъ и преимуществъ; за второе, по 1195 статьѣ улож., подвергается взысканію штрафа ста рублей; а за третье приговаривается къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ губерніи томскую или тобольскую (ст. 2062 улож.); наказаніе сіе не можетъ быть назначено Страшинскому въ высшей мѣрѣ по совокупности преступныхъ дѣяній, за силою Всемилостивѣйшихъ манифестовъ 27 марта 1855 г. ст. VI и 26 августа 1856 года ст. XIX. Посему слѣдуетъ: 1) Страшинскаго, лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ тобольскую губернію. По предмету же насильственнаго растлѣнія малолѣтнихъ крестьянскихъ своихъ дѣвокъ и принужденія къ блудодѣянію съ нимъ, достигшихъ 14 лѣтняго

возраста крестьянокъ, оставить Страшинскаго, согласно 1171 ст. XV т. св. зак. угол. по VI прод., въ сильномъ подозрѣніи.

Второе мнѣніе *). Викторъ Страшинскій виновенъ не только въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, въ водвореніи бѣглой крестьянки Кисличковой, и въ подлогѣ для повѣнчанія ея съ принадлежащимъ ему крестьяниномъ Присяжнюкомъ, но и въ изнасилованіи, соединенномъ съ растлѣніемъ, крестьянскихъ дѣвокъ, достигшихъ и недостигшихъ 14 лѣтняго возраста. Въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія обстоятельства: 1) крестьяне и крестьянки селъ Тхоровки, Мшанца и Кумановки болѣе 100 человѣкъ обвиняютъ Страшинскаго въ изнасилованіи, а въ такой массѣ народа трудно предположить стачку; 2) показанія ихъ пріобрѣтаютъ тѣмъ большую достовѣрность, что крестьяне принадлежатъ не только къ различнымъ селамъ, но живутъ въ разныхъ уѣздахъ, давали отвѣты не въ одно время и разнымъ слѣдователямъ; 3) всѣ крестьянки объясняли подробности изнасилованія, указали на лицъ, которыя приводили ихъ къ Страшинскому, нѣкоторыя изъ нихъ говорили о томъ своимъ родителямъ, а многія разсказывали о приготовленіи ихъ къ блудодѣянію, которое, составляя утонченный развратъ, не можетъ быть вымышлено; 4) лица, которыя приводили къ Страшинскому дѣвокъ и родители подтвердили сдѣланную на нихъ ссылку; 5) мужья изнасилованныхъ также отозвались, что жены ихъ вышли за нихъ уже растлѣнными, какъ сознались, помѣщикомъ Страшинскимъ; 6) сторонніе крестьяне селъ Мшанца и Кумановки и сосѣднихъ деревень подъ присягою показали, что слышали объ изнасилованіи Страшинскимъ своихъ дѣвокъ и замужнихъ женщинъ; 7) медицинское свидѣтельство удостовѣряетъ объ изнасилованіи 13 дѣвокъ, которымъ было уже отъ 14 до 18 лѣтъ, и хотя оно не служитъ доказательствомъ, чтобы преступленіе совершено было именно Страшинскимъ, но онъ не могъ представить никакого оправданія, которое заслуживало бы уваженія, и вообще въ дѣлѣ не обнаружено лицъ, на коихъ бы могло пасть подозрѣніе въ растлѣніи; 8) поведеніе крестьянокъ одобрено; 9) Страшинскій судился уже въ 1832 г. за изнасилованіе крестьянскихъ дѣвокъ села Мшанца. Всѣ сіи улики, взятыя въ совокупности, исключаютъ возможность недоумѣвать о винѣ

*) Съ своей стороны мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе.

подсудимаго и составляютъ противъ него совершенное доказательство (1170, 1173, 1192 и 1207 ст. XV т.). За изнасилованіе дѣвокъ, недостигшихъ 14 лѣтъ, какъ за тягчайшее изъ учиненныхъ Страшинскимъ преступленій, онъ подлежалъ бы, на основаніи 1998 ст. улож., лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ; но имѣя въ виду, что ему нынѣ 72 года отъ роду, руководствуясь 76 ст. улож., слѣдуетъ по лишеніи Страшинскаго всѣхъ правъ состоянія, сослать его на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, о чемъ и представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе установленнымъ порядкомъ.

Третье мнѣніе: На основаніи заключающихся въ семъ дѣлѣ обстоятельствъ слѣдуетъ: 1) подсудимаго Виктора Страшинскаго (72 лѣтъ) оставить по предмету растлѣнія крестьянскихъ дѣвокъ, согласно 1177 ст. XV т., въ подозрѣніи. 2) Предписать кіевскому, подольскому и волынскому генералъ-губернатору сдѣлать распоряженіе объ изъятіи изъ владѣнія Страшинскаго принадлежащихъ ему лично на крѣпостномъ правѣ населенныхъ имѣній, буде таковыя окажутся въ настоящее время, съ отдачею оныхъ въ опеку и съ принятіемъ въ отношеніи сихъ имѣній мѣръ, указанныхъ закономъ ст. 362, 371, 373 и 374 т. XIV по XVII прод. 3) Возвратить подполковнику Соловкову бѣглую его женщину, выданную въ замужество за Присяжнюка вмѣстѣ съ мужемъ и прижитыми отъ нея дѣтьми и взыскать въ его пользу съ Страшинскаго пожилыя за нея деньги, на основаніи 665 ст. XIV т. уст. о паспорт., предоставивъ сдѣлать распоряженіе по сему предмету, на точномъ основаніи ст. 1654 т. XV по XVII прод., губернскому правленію.

Согласно послѣднему изъ этихъ мнѣній дѣло получило разрѣшеніе.

О дворянинѣ Мартынѣ Бортновскомъ, сужденномъ за жестокое обращеніе съ крестьянами.

Дворянинъ Бортновскій съ 1847 года былъ экономомъ въ имѣніи помѣщицы Шеміотъ, находящемся гродненской губерніи, въ

кобринскомъ уѣздѣ, и завѣдывалъ двумя деревнями: Иллоскъ и Березня, изъ коихъ въ первой было 23, а въ другой 48 дворовъ.—23-го іюля 1850 года крестьянинъ сего имѣнія деревни Иллоски *Андрей Ярмошукъ* объявилъ въ присутствіи кобринскаго земскаго суда, что экономъ Бортновскій, придя 22 того іюля въ домъ сестры показателя Анны и заставъ тамъ 70-ти лѣтнюю мать ихъ Федору, державшую на рукахъ больную двухлѣтнюю внучку свою Хавронью, вырвалъ изъ рукъ ея ребенка и бросилъ на кровать, а ее, Федору, началъ бить палкою и гнать на поле убирать ленъ; когда же палка сломалась, то Бортновскій зайдя къ показателю на дворъ, взялъ лозу и билъ ею Федору, отчего она заболѣла; брошенный же ребенокъ, вечеромъ того же дня найденъ былъ мертвымъ. Къ сему Ярмошукъ присовокупилъ, что Бортновскій чрезвычайно вспыльчиваго характера и съ крестьянами обходился жестоко и немилосердно.—Вслѣдствіе такого объявленія, кобринскій земскій судъ командировалъ на мѣсто происшествія старшаго засѣдателя Павловича для освидѣтельствованія крестьянки Федоры и умершей дѣвочки Хавроньи, а также для спроса крестьянъ о жестокомъ обращеніи съ ними Бортновскаго.—При *освидѣтельствованіи* тѣла умершей дѣвочки кобринскимъ уѣзднымъ врачемъ, никакихъ боевыхъ и насильственныхъ знаковъ не оказалось; медикъ заключилъ, что смерть ей могла послѣдовать отъ воспаленія брюшныхъ внутренностей вслѣдствіе кроваваго поноса, которымъ она страдала предъ смертію; но какъ больной ребенокъ былъ брошенъ на кровать, твердо засланную соломой, то при болѣзненномъ состояніи, могло наступить сотрясеніе мозга и за онымъ скорая смерть. По осмотрѣ тѣмъ же врачемъ крестьянки Федоры Ярмошуковой, оказались у нея на обѣихъ рукахъ, спинѣ, сѣдалищѣ и ляшкахъ обѣихъ ногъ синебагровые знаки отъ сильныхъ ударовъ палкою, а какъ она уже преклонныхъ лѣтъ, то побои эти, по заключенію медика, не малое имѣютъ вліяніе на ея здоровье и даже представляется опасность для ея жизни *). Послѣ сего, сдѣлавъ *распросы* крестьянамъ объ обращеніи съ ними Бортновскаго, засѣдатель Павловичъ донесъ земскому суду, что изъ распросовъ этихъ удостовѣрился, что въ продолженіе трехлѣтняго пребыва-

*) Жива ли эта крестьянка и въ какомъ положеніи здоровье ея, въ дѣлѣ свѣдѣній нѣтъ.

нія Бортновскаго въ имѣніи Иллоски въ званіи эконома, почти каждый изъ крестьянъ потерпѣлъ отъ него наказаніе, болѣе или менѣе подобное тому, какое испытала крестьянка Ярмошукова. При наказаніяхъ этихъ Бортновскій никогда не употреблялъ розогъ, а всегда билъ палкою, а хотя крестьяне въ подобныхъ случаяхъ жаловались помѣщицѣ Шеміотъ и сыновьямъ ея, но никогда не получали удовлетворенія, а Бортновскій, ободряемый такимъ послабленіемъ помѣщицы, не переставалъ самоуправно и немилосердно наказывать ихъ и въ особенности тѣхъ, кои обращались съ жалобою на него. Въ примѣръ жестокости Бортновскаго крестьяне указали на крестьянку Воложевичеву и овчара, изъ коихъ первой онъ нанесъ побои за годъ до сего, а послѣднему въ недавнемъ времени, и изъ нихъ Воложевичева отъ побоевъ этихъ до сихъ поръ терпитъ по временамъ сумасшествіе. Въ заключеніе засѣдатель Павловичъ изложилъ, что Бортновскій, чувствуя себя виновнымъ въ противузаконныхъ поступкахъ на другой день послѣ происшествія т. е. 23 іюля поутру когда помѣщица Шеміотъ запретила ему выѣзжать и въ предупрежденіе отлучки его приказала запереть конюшню съ его лошадьми, оторвалъ замокъ у конюшни и осѣдлавъ одну изъ лошадей, неизвѣстно куда уѣхалъ.—По полученіи сего донесенія кобринскій земскій судъ назначилъ для производства формальнаго слѣдствія о поступкахъ Бортновскаго временное отдѣленіе, въ составъ коего командированъ былъ и офицеръ жандармской команды Витте.

Между тѣмъ воспослѣдовало Высочайшее Государя Императора повелѣніе: «отыскать Бортновскаго и предать военному суду.»

Чрезъ мѣсяцъ послѣ отлучки, Бортновскій самъ явился въ означенное временное отдѣленіе и по окончаніи слѣдствія, преданъ былъ суду при гродненскомъ гарнизонномъ батальонѣ.

При слѣдствіи Федора *Ярмошукова* показала, что 22 іюля она, какъ неспособная по старости лѣтъ къ работѣ, оставалась въ домѣ сына своего крестьянина Андрея Ярмошука, а около полудня пошла на другой конецъ деревни въ домъ дочери своей Анны для присмотра по ея просьбѣ за малолѣтнею дочерью Хавроньею, страдавшею рѣзью въ животѣ. Въ это время вошелъ туда экономъ Бортновскій и сталъ кричать, зачѣмъ она не пошла на барщину. Въ испугѣ она схватила больнаго ребенка на

руки и оправдывалась невозможностію отлучиться изъ дому; но Бортновскій, не принимая оправданій, началъ жестоко бить ее палкою, потомъ вырвавъ изъ рукъ ея ребенка и положивъ на засланную подушками кровать, продолжалъ бить ее; когда же она вновь взяла ребенка на руки, то онъ вырвавъ его вторично, бросилъ на туже кровать, а ей по прежнему наносилъ жестокіе побои, отчего она пришла почти въ безпамятство, но все таки должна была идти на поле. Что тогда случилось съ дѣвочкою Хавроньею, утвердительно она сказать не можетъ; по возвращеніи же вечеромъ съ поля чрезвычайно больною, узнала, что помянутый ребенокъ найденъ въ колыбели мертвымъ, но какимъ образомъ и кто положилъ его въ колыбель, т. е. сама ли она или Бортновскій, по безпамятству отъ побоевъ положительно сказать не можетъ.—Мать умершей дѣвочки, крестьянка *Анна Никифорукова* показала, что она 22 іюля, отправляясь съ мужемъ своимъ въ поле, просила мать свою Федору присмотрѣть за больною дочерью ея Хавроньею и когда находясь уже на работѣ узнала, что экономъ Бортновскій сильно избилъ ее и выгналъ на поле, то немедленно отправилась домой, гдѣ и нашла дочь свою въ колыбели мертвою. Настоящей причины смерти ея она не знаетъ, но малютка страдала прежде поносомъ.—Остававшіяся въ день происшествія тоже въ домахъ своихъ три крестьянки, сосѣдки крестьянина Ярмошука, подъ присягою показали: *Дарья Ковалюкова*, что около полудня, услышавъ крикъ, она вышла на дворъ, и, увидѣвъ крестьянина деревни Коліенки Степана Громира, спросила его: кто кричалъ; когда же онъ сказалъ, что экономъ Бортновскій выгоняетъ на барщину крестьянку Федору Ярмошукову, то показательница, боясь чтобы и ее не погнали на барщину, спряталась и видѣла, какъ около хлева экономъ Бортновскій билъ крестьянку Федору и выгналъ ее на улицу. Потомъ, когда Федора, взявъ на руки сына крестьянина Андрея Ярмошука, пошла къ нему въ домъ, то Бортновскій, слѣдуя за нею и приказывая идти въ поле, причинялъ ей побои. Но чтобы Бортновскій входилъ въ домъ отца умершей дѣвочки и вырывалъ ее изъ рукъ Федоры, она не видала и не полагаетъ, чтобы Бортновскій входилъ туда, ибо онъ выгналъ Федору на улицу прямо отъ хлева. Отъ жестокихъ побоевъ, нанесенныхъ Бортновскимъ, крестьянка Федора была больна и не могла ничѣмъ

заниматься въ хозяйствѣ.—*Елена Емельянова* объяснила, что 22 іюля Федора Ярмошукова заходила къ ней и говорила, что экономъ выгонялъ ее въ поле, а когда она не хотѣла идти, потому что доила коровъ у зятя Нестера и смотрѣла за дѣтьми, то Бортновскій крѣпко билъ ее по плечамъ и по рукамъ, причемъ Федора держала на рукахъ малолѣтняго внука своего Ярмошука. Въ это время вошелъ на дворъ экономъ Бортновскій и взявъ три розги, началъ бить оными Федору по разнымъ частямъ тѣла, попавъ нѣсколько разъ и по ногамъ ребенка, котораго Бортновскій приказывалъ показательницѣ взять къ себѣ на руки; но она, имѣя трехъ своихъ дѣтей, не взяла его. Засимъ Бортновскій погналъ Федору съ ребенкомъ въ поле, нанося ей удары за то, что она не хотѣла идти. Но о томъ, что будто бы Бортновскій, будучи въ домѣ Нестера Никифорука, вырывалъ у Федоры изъ рукъ дѣвочку Хавронью, она не знаетъ, а слышала о томъ отъ самой Федоры.—*Наталья Токаржевская* показала, что она, находясь на мельницѣ для молотьбы крупъ, видѣла крестьянку Федору шедшею съ ребенкомъ мимо мельницы на поле, а за нею и эконома Бортновскаго, который при этомъ наносилъ ей удары розгою по плечамъ.—*Крестьяне* деревни Комонки Василій Ивасюкъ и Степанъ Громмиръ подъ присягою подтвердили, что они въ бытность 22-го іюля въ деревнѣ Иллоски видѣли какъ экономъ Бортновскій, выгоняя изъ дома Никифорука крестьянку Федору въ поле, жестоко билъ ее на дворѣ березовою палкою; но билъ ли онъ ее въ избѣ, того они не видѣли, потому что туда не заходили.

Бортновскій объяснилъ, что 22 іюля онъ дѣйствительно заходилъ въ домъ крестьянина Нестера Никифорука, и увидѣвъ въ сараѣ крестьянку Федору Ярмошукову доившею коровъ, спросилъ: отчего она не пошла на барщину. На это она отвѣчала, что не пойдетъ, потому что два года уже не ходитъ на работу, и кончивъ доить коровъ, пошла въ избу поставить молоко. Въ это время показатель, оставаясь на дворѣ, видѣлъ, что въ сѣняхъ висѣла колыбель съ ребенкомъ, котораго качалъ семилѣтній мальчикъ, но самъ онъ туда не входилъ, а когда Федора вышла на дворъ, то за неисполненіе его приказанія, онъ ударилъ ее два раза палкою и погналъ къ дому сына ея Андрея Ярмошука, не причиняя побоевъ; когда же она, войдя въ избу, взяла

на руки ребенка и не хотѣла идти въ поле, то онъ, призвавъ бывшую на дворѣ женщину Елену, приказывалъ ей взять отъ Федоры того ребенка, но женщина эта стала отговариваться и ругать его, почему онъ ударилъ и ее нѣсколько разъ палкою по плечамъ, а потомъ обращаясь опять къ Федорѣ съ требованіемъ, чтобы шла въ поле, билъ ее неоднократно тою же палкою за то, что она не хотѣла идти и часто садилась на землю; ребенка же онъ Бортновскій не только не бросалъ, но даже и въ руки не бралъ. Въ этомъ показаніи Бортновскій утвердился и на очной ставкѣ съ крестьянкою Федорою Ярмошуковою, которая тоже сначала подтверждала прежнее свое показаніе, что Бортновскій жестоко билъ ее и бросалъ ребенка на кровать, но потомъ, вслѣдствіе отзывовъ Бортновскаго, что ребенка онъ отъ нея не бралъ, объявила, что по жестокости побоевъ она не помнитъ какъ дѣйствительно было, и можетъ быть сама она положила ребенка въ колыбель.

Семилѣтній сынъ крестьянина Нестера Никифорука, на вопросы матери въ присутствіи слѣдователей: билъ ли Бортновскій бабку его?, отвѣчалъ, что билъ на дворѣ, а показатель качалъ въ сѣняхъ сестру свою Хавронью, но чтобы экономъ вырывалъ ее изъ рукъ бабки, не видѣлъ.

Относительно жестокаго *обращенія Бортновскаго съ другими крестьянами* деревни Иллоски, при производствѣ слѣдствія *16-ть человѣкъ* крестьянъ этой деревни показали, что Бортновскій по вспыльчивому характеру часто наносилъ нѣкоторымъ крестьянамъ за маловажные проступки, а иногда и безъ вины побои: руками по щекамъ, кулаками по головѣ и палкою по разнымъ частямъ тѣла или рвалъ за волосы и билъ пинками. Въ особенности объявили претензію о жестокомъ наказаніи Бортновскимъ: овчаръ Трофимъ Тышкевичъ, крестьянинъ Климъ Селиванчикъ и крестьянка Фрузина Воложевичева, объясняя: *Тышкевичъ*,—что Бортновскій въ 1849 году за несвоевременное сдѣланіе перегородокъ для ягнятъ нанесъ ему жестокіе побои кулаками по головѣ, рвалъ за волосы и, поваливъ на землю, билъ ногами въ грудь, а потомъ наказалъ его розгами такъ сильно, что онъ былъ боленъ двѣ недѣли и послѣ страдалъ болью груди и головы. *Селиванчикъ*,—что Бортновскій наказалъ его жестоко розгами, сперва концами, а потомъ комлями, давъ до 40 ударовъ,

за то, что онъ по неимѣнію хорошей упряжи не выѣхалъ на барщину. *Фрузина Воложевичева*,—что Бортновскій жестоко избилъ ее кулаками и палкою, за то, что она пришла на барщину безъ мужа, и что отъ этого она страдала болью въ груди и головокруженіемъ.

Подсудимый *Бортновскій*, не сознаваясь въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, показалъ, что овчара Тышкевича онъ ударилъ два раза въ шею за неисполненіе приказанія объ отдѣленіи овецъ, но какъ Тышкевичъ при этомъ бросился на него, Бортновскаго, и ударилъ его по плечу коломъ, то онъ по приказанію помѣщицы Шеміотъ наказалъ его розгами, давъ до 30 лозановъ и кромѣ того ударилъ его нѣсколько разъ палкою. Женщину Фрузину Воложевичеву дѣйствительно ударилъ палкою за то, что она не пришла на работу вмѣстѣ съ мужемъ, а крестьянина Селиванчика наказалъ только 15-ю ударами розогъ, и то по приказанію помѣщицы.

Показанія крестьянъ Тышкевича и Селиванчика и крестьянки Воложевичевой о наказаніи ихъ Бортновскимъ подтвердили спрошенные по ссылкѣ ихъ свидѣтели. О жестокомъ же обращеніи Бортновскаго съ другими крестьянами были спрошены въ военномъ судѣ но нѣсколько крестьянъ трехъ деревень, кои находились въ завѣдываніи подсудимаго. Изъ нихъ 18 человѣкъ деревни Иллоски показали, что Бортновскій былъ строгъ на барщинѣ и много требовалъ работы, и что при этомъ нѣкоторыхъ за лѣнность билъ своеручно, но особенной жестокости не оказывалъ. Присемъ 4 крестьянина, показавшіе при слѣдствіи о нанесеніи имъ побоевъ Бортновскимъ, отмѣнили такія показанія. Крестьяне же другихъ двухъ деревень: Березны 19 человѣкъ и Горска 18 человѣкъ, подъ присягою отозвались, что они ничего не слыхали о жестокомъ обращеніи Бортновскаго съ крестьянами.

Изъ числа постороннихъ сосѣднихъ крестьянъ, одни показали, что о жестокомъ обращеніи Бортновскаго знаютъ по слуху, другіе отозвались, что сами были очевидцами жестокихъ его поступковъ. А три сосѣдніе помѣщика объяснили, что знаютъ дворянина Бортновскаго съ хорошей стороны, равно и сама помѣщица Шеміотъ отозвалась, что крестьяне на жестокое обращеніе съ ними Бортновскаго не жаловались, и что изъ нихъ

двое Тышкевичъ и Селиванчикъ были наказаны по приказанію ея.

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго дворянина Бортновскаго виновнымъ въ томъ, что онъ въ бытность экономомъ въ трехъ деревняхъ помѣщицы Шеміотъ, обращался съ нѣкоторыми крестьянами довольно сурово и при взысканіяхъ съ нихъ за проступки наносилъ имъ побои руками по лицу и головѣ и палкою по разнымъ частямъ тѣла, отчего двое изъ крестьянъ, овчаръ Тышкевичъ и женщина Воложевичева, были больны; 22-го же іюля 1850 года онъ, Бортновскій, заставъ въ домѣ одного крестьянина 66-ти лѣтнюю женщину Федору Ярмошукову, которая осталась дома для присмотра за больною малолѣтнею внучкою, нанесъ ей жестокіе побои палкою за то, что она не вышла на барщину. Дѣйствительность такихъ поступковъ подсудимаго Бортновскаго въ отношеніи нанесенія жестокихъ побоевъ крестьянкѣ Ярмошуковой подтверждается какъ показаніями самой Ярмошуковой и бывшихъ притомъ свидѣтелей, такъ и медицинскимъ свидѣтельствомъ, по коему оказались у нея на разныхъ частяхъ тѣла синебагровые знаки отъ сильныхъ ударовъ палкою. Равнымъ образомъ и самъ подсудимый Бортновскій сознался, что нанесъ Ярмошуковой нѣсколько ударовъ палкою за то, что она не хотѣла идти на барщину, отъ которой не была освобождена. Сверхъ того Бортновскій, по показанію Ярмошуковой, обвиненъ въ томъ, что при нанесеніи ей побоевъ, два раза вырывалъ изъ рукъ ея двухлѣтняго ребенка и бросалъ его на кровать, послѣ чего ребенокъ тотъ вскорѣ умеръ, но Бортновскій не сознался въ томъ и доказательствъ къ изобличенію его по дѣлу не открыто. При освидѣтельствованіи тѣла умершей дѣвочки, боевыхъ и насильственныхъ знаковъ не оказалось, и смерть ей по заключенію медика могла послѣдовать отъ воспаленія брюшныхъ внутренностей вслѣдствіе кроваваго поноса, которымъ она страдала предъ смертію. Бывшіе же свидѣтелями при нанесеніи крестьянкѣ Федорѣ Ярмошуковой побоевъ три женщины и два крестьянина подъ присягою показали, что побои ей нанесены Бортновскимъ внѣ избы, гдѣ находилось дитя, именно сперва на дворѣ того дома, а потомъ на дорогѣ при проходѣ въ поле; причемъ одна изъ означенныхъ женщинъ отозвалась, что у Ярмошуковой

на рукахъ былъ малолѣтній внукъ. Впослѣдствіи и сама крестьянка Федора Ярмошукова подтвердила, что она дѣйствительно держала на рукахъ не дѣвочку, которая умерла, а малолѣтняго внука. А потому генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго Бортновскаго за суровое обращеніе съ крестьянами и нанесеніе нѣкоторымъ изъ нихъ жестокихъ побоевъ руками и палкою, вмѣнивъ ему въ наказаніе бытность подъ судомъ и содержаніе около года подъ арестомъ, выдержать еще три мѣсяца въ крѣпости въ казематѣ и впредь къ управленію имѣніями не допускать; по предмету же вырыванія изъ рукъ крестьянки Ярмошуковой двухлѣтняго ребенка и брошенія его на кровать, какъ къ изобличенію въ томъ Бортновскаго доказательствъ не открыто и самъ онъ не сознался, отъ отвѣтственности освободить. Сверхъ того по дѣлу оказалось, что помѣщица Шеміотъ не имѣла достаточнаго наблюденія за дѣйствіями подсудимаго Бортновскаго и допустила его до жестокихъ наказаній крестьянъ, а потому о такомъ поступкѣ Шеміотъ слѣдуетъ представить на разсмотрѣніе гражданскаго начальства съ тѣмъ, чтобы ей вмѣнено было въ непремѣнную обязанность наблюдать за дѣйствіями управляющихъ ея имѣніемъ.

По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 24 сентября 1851 года, Бортновскій отданъ въ рядовые въ отдѣльный кавказскій корпусъ.

Дѣло о воспрещеніи женѣ маіора Александрѣ Свѣчинской имѣть въ услуженіи своемъ крѣпостныхъ людей.

Дворовая женщина проживающей въ С.-Петербургѣ помѣщицы тверской губерніи, жены маіора Александры Свѣчинской—Лукерья Шилова въ іюлѣ 1858 г. обратилась къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору съ жалобою на жестокое обращеніе помѣщицы съ нею и другими крѣпостными людьми. Жалоба эта была препровождена на распоряженіе с.-петербургскаго уѣзднаго предводителя дворянства, который, основываясь на собранныхъ имъ частнымъ образомъ свѣдѣніяхъ, увѣдомилъ военнаго генералъ-губернатора, что Свѣчинская, огорченная неисполненіемъ Шиловою ея приказанія, нанесла ей собственно-

ручно побои, выщипавъ при этомъ у нея пукъ волосъ и затѣмъ отправила ее въ полицію, а оттуда въ рабочій домъ, и что имъ, предводителемъ дворянства, сдѣлано было г-жѣ Свѣчинской внушеніе, чтобы она не дозволяла себѣ наказывать своихъ крѣпостныхъ людей дома, а въ случаѣ простунка, отсылала ихъ для наказанія въ мѣстную полицію.—Между тѣмъ Шилова подала военному-генералъ губернатору новую просьбу, въ которой изъяснила, что Свѣчинская, узнавъ о принесенной ею Шиловою жалобѣ, вновь избила ее до того, что она находится на излеченіи въ больницѣ чернорабочихъ.—Вслѣдствіе сего с.-петербургскій генералъ-губернаторъ поручилъ состоящему при немъ маіору Квитницкому произвести по жалобѣ Шиловой формальное слѣдствіе.

При производствѣ слѣдствія объяснили: 1) *Лукерья Шилова*,— что она находилась въ услуженіи у Свѣчинской съ десятилѣтняго возраста и въ 1851 г. была отпущена ею на оброкъ. Въ началѣ 1857 г., когда она находилась въ услуженіи у дворянъ Скаловскихъ въ должности няньки, Свѣчинская потребовала ее обратно къ себѣ; она хотѣла исполнить это приказаніе, но господа, у которыхъ она находилась въ услуженіи, потребовали, чтобы она осталась при ихъ ребенкѣ до прінсканія ими другой няньки; когда же она затѣмъ, и именно *30-го апрѣля*, явилась къ своей госпожѣ, то послѣдняя не принимая отъ нея никакихъ объясненій, зазвала ее къ себѣ съ спальню и, притворивъ двери, стала жестоко бить ее, вырвала пукъ волосъ и, бросивъ ее на землю, топтала ногами, а потомъ окровавленную вытолкала ее въ кухню; когда же она спросила бывшихъ тамъ людей, отчего они не пришли на крикъ ея, между тѣмъ какъ госпожа чуть ее не убила, то они сказали, что не смѣли, и что ихъ самихъ госпожа тоже бьетъ. 8 августа того же года Свѣчинская, возвратившись изъ Павловска, бранила показательницу за принесеніе жалобы, а на третій послѣ того день била, щипала и толкала въ грудь и спину за замѣченныя будто бы въ домѣ неисправности, причемъ присутствовала дѣвушка Акулина; наканунѣ же била ее въ кухнѣ, чему были свидѣтелями поваръ Федоръ, дѣвушка Акулина и мальчикъ Арсеній. Къ сему Шилова присовокупила, что всякій разъ, какъ госпожа ея била ее, вѣроятно слышали сосѣдніе жильцы и дворники, ибо при этомъ происходилъ большой шумъ, а 9 августа должна была слышать

служившая при ея госпожѣ по найму дѣвушка Ольга. 2) Живущіе въ услуженіи у Свѣчинской *дворовые* ея люди поваръ Федоръ *Бабенковъ*, дѣвушка *Акулина* и мальчикъ *Павелъ* объяснили: Бабенковъ,—что когда Лукерья возвратилась отъ Скаловкихъ, то Свѣчинская зазвала ее въ спальню, притворивъ за собою двери, послѣ чего онъ и прочіе люди слышали въ спальнѣ кикъ Лукерьи и когда она вышла, то видѣли, что чепчикъ у нея на головѣ былъ разорванъ и на рукахъ, сколько помнится, была кровь; затѣмъ по возвращеніи Свѣчинской изъ Павловска на другой день, показатель, услышавъ въ кухнѣ шумъ, вошелъ туда и увидѣлъ Лукерью стоявшею у печки, чепчикъ у ней былъ разорванъ и гребень выбитъ изъ головы; Свѣчинская же обратилась къ нему со словами: бей Лукерью, но не смотря на угрозы, онъ приказанія не исполнилъ, говоря, что Лукерья старше его, и что онъ не можетъ ее бить; Свѣчинская со своими людьми весьма обращается сурово, въ особенности же часто бьетъ находящагося у нея въ услуженіи мальчика Павла Афонасьева. Дѣвушка *Акулина*,—что Свѣчинская и съ нею обращается жестоко, ежедневно почти безвинно бьетъ и прежде била палкою, которую въ побояхъ объ нее изломала; наконецъ мальчикъ *Павелъ*,—что Свѣчинская бьетъ его почти ежедневно за всякую малую вину, а часто и совсѣмъ безвинно, руками и камышинкою, которою выколачивается пыль. 3) Спрошенные слѣдователемъ сторонніе люди показали: Максимъ *Лысенко*, — что хотя Свѣчинская проживала въ одномъ съ нимъ домѣ, но *не имѣя знакомства съ ея людьми*, о жестокомъ обращеніи ея какъ съ Шиловою, такъ и съ прочими людьми, онъ не слыхалъ; впрочемъ люди Свѣчинской при встрѣчѣ иногда съ нимъ жаловались ему на жестокое съ ними обращеніе госпожи ихъ и на то, что Свѣчинская избила Шилову, но самъ онъ того не видалъ и хотя въ квартирѣ ея происходилъ по временамъ шумъ, но отъ чего именно, ему неизвѣстно. Григорій *Селезневъ*,—что и онъ тоже слышалъ, что Свѣчинская избила Шилову, но самъ того не видалъ. Жившая у Свѣчинской въ услуженіи мѣщанка Ольга *Копѣйкина*,—что била ли Свѣчинская 9 августа Лукерью Шилову, того не помнитъ и не видала *), но впослѣдствіи

*) *На очной ставкѣ* Шилова хотя уличила Копѣйкину, что 9 августа когда госпожа била ее, Копѣйкина находилась въ столовой чрезъ комнату

слышала о томъ отъ Шиловой и прочихъ людей. Дворовая дѣвушка Скаловской Улита *Шелякова*, — что весною 1856 г., (но котораго мѣсяца и числа не помнитъ), когда Шилова пришла отъ госпожи своей, то волосы у нея были растрепаны и лицо и руки въ крови, но отъ чего, не знаетъ. Жена капитана *Скаловская*, — что Шилова пришла къ ней отъ Свѣчинской избитая, исцарапаная, окровавленная и съ вырванными изъ головы волосами.

Александра Свѣчинская объяснила, что по явкѣ къ ней Шиловой отъ Скаловской, она ея не била и волосъ у нея не вырывала, но только взяла ее за чепецъ, надѣтый на головѣ; при этомъ Шилова схватила и такъ сильно сжала ея руки, что она, Свѣчинская, съ трудомъ освободила ихъ и при этомъ оцарапала руки Шиловой. Поведеніемъ людей своихъ, она, Свѣчинская, чрезвычайно недовольна, а Ѳедора и Павла за нетрезвое ихъ поведеніе вынуждена была наказать при полиціи, Акулину также никогда не била, хотя она нерѣдко и вынуждала бранить себя.

Контора больницы чернорабочихъ увѣдомила, что Шилова при поступленіи въ *августѣ* мѣсяцѣ въ больницу имѣла на предплечіяхъ обѣихъ рукъ синія пятна и жаловалась на боль въ спинѣ и подъ ложечкой, а штатный врачъ тюремнаго замка отозвался, что Шилова при поступленіи въ маѣ 1857 г. въ тюремную больницу страдала простудно-ревматическою лихорадкою, но на жестокое обращеніе съ нею не жаловалась и боевыхъ знаковъ или другихъ какихъ либо послѣдствій отъ побоевъ не объявила.

Слѣдователь Квитницкій, донося с.-петербургскому военному генералъ-губернатору о вышеизложенномъ, присовокупилъ, что жестокое обращеніе Свѣчинской съ живущими при ней дворовыми людьми вполнѣ подтверждается истощеннымъ и болѣзненнымъ видомъ послѣднихъ, а въ особенности мальчика Павла, у котораго отъ побоевъ опухли лицо и голова.

Тверское собраніе предводителей и депутатовъ дворянства, на разсмотрѣніе котораго было передано произведенное Квит-

---

отъ кухни и должна была слышать крикъ ея Шиловой, но Копѣйкина оставалась при прежнемъ своемъ показаніи, утверждая, что ничего не слышала.

ницкимъ слѣдствіе, принявъ во вниманіе, что жалобъ на помѣщицу Свѣчинскую отъ крестьянъ ея не было и что поступки ея слѣдствіемъ совершенно не доказаны, *но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ дѣла видно, что она имѣетъ весьма строптивый характеръ*, положило: не учреждая надъ имѣніемъ Свѣчинской опеки, *обязать ее не имѣть при себѣ въ услуженіи крѣпостныхъ людей*, а въ случаѣ ея упорства въ дачѣ подписки, выдать людямъ ея паспорты.—Свѣчинская, недовольная этомъ опредѣленіемъ и ссылаясь на узаконеніе свода законовъ, обратилась съ жалобою на оное въ 1-й департаментъ правительствующаго сената.

Вслѣдствіе разногласія, происшедшаго при слушаніи сего дѣла въ 1-мъ департаментѣ сената, оно поступило на разсмотрѣніе перваго общаго собранія сената, которое опредѣлило: возвратить это дѣло въ 1-й департаментъ сената для соображенія съ Высочайше утвержденными 19 февраля 1861 г. положеніями объ устройствѣ быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

О нанесеніи крестьянами смертельныхъ побоевъ управляющему с. Засопенье, дворянину Септимію Мирецкому.

Помѣщикъ новогородской губерніи, боровичскаго уѣзда, отставной ротмистръ Еврейновъ 27 ноября 1854 г. довелъ до свѣдѣнія земскаго исправника, что того числа около 4 часовъ по полуночи привезенъ былъ въ имѣніе его, Еврейнова, село Засопенье управляющій тѣмъ имѣніемъ дворянинъ Септимій Мирецкій, весь избитый неизвѣстными людьми; чрезъ нѣсколько часовъ послѣ привоза его въ имѣніе Мирецкій умеръ.—При осмотрѣ тѣла покойнаго, произведенномъ сперва становымъ приставомъ при понятыхъ, а потомъ членами временнаго отдѣленія вмѣстѣ съ боровичскимъ городовымъ врачемъ, оказалось, что рубашка па покойномъ вся окровавлена, на головѣ кожа красная съ опухолью и съ правой стороны знакъ удара длиною болѣе вершка, съ пробитіемъ кожи до кости, на лбу замѣтны двѣ по-

синѣвшія ссадины, на правой сторонѣ лица продолговатая царапина длиною около 2 вершковъ, на шеѣ замѣтно много незначительныхъ царапинъ; вся спина, начиная съ лопатокъ, равно сѣдалище и ляшки синебагроваго цвѣта до черноты, со многими ссадинами, на спинѣ видны полосы, какъ бы отъ стеганья прутьями, на бокахъ и ногахъ замѣтны синевины; на лѣвой ляжкѣ спереди кругловатая синяя ссадина, а на колѣнѣ двѣ, на правой ногѣ ниже колѣна четыре небольшія ссадины. По симъ признакамъ, равно по результатамъ анатомическаго изслѣдованія трупа, врачъ заключилъ: что Мирецкій лишился жизни единственно отъ нанесенныхъ ему побоевъ.—Заключеніе это утверждено врачебною управою.

При слѣдствіи привезшіе Мирецкаго въ Засопенье крестьяне помѣщика Еврейнова *Яковъ Матвѣевъ* и *Тимофей Алексѣевъ* показали, что 27 ноября ночью за нѣсколько часовъ до свѣта, подъѣзжая къ селу, услышали они со стороны моста, находящагося близъ красной мельницы, невнятный стонъ; подъѣхавъ ближе, они увидѣли, что на мосту сидѣлъ человѣкъ въ шубѣ на распашку и безъ фуражки, который сталъ просить ихъ довезти его до села; посему они, взваливъ его на сани, повезли въ село и на дорогѣ узнали, что человѣкъ этотъ управляющій ихъ имѣніемъ Мирецкій; на вопросы же ихъ, какимъ образомъ онъ попалъ къ мосту, Мирецкій ничего не отвѣчалъ. По привозѣ въ село они сдали Мирецкаго въ конную избу и дали о семъ знать въ контору; о томъ, что Мирецкій былъ избитъ, они при встрѣчѣ его на мосту не знали.—Помѣщикъ *Еврейновъ* на запросъ слѣдователей объяснилъ, что хотя предъ смертію Мирецкаго показатель и распрашивалъ его, но узналъ отъ Мирецкаго только то, что побои нанесены ему были 4-мя крестьянами, попавшимися ему на встрѣчу, когда онъ ночью шелъ въ гумно; крестьяне эти ѣхали въ саняхъ на одной лошади и при встрѣчѣ съ Мирецкимъ, пропустивъ его мимо, наскочили на него сзади, накинули на голову тулупъ и, сваливъ его въ сани, повезли къ мосту у красной мельницы, гдѣ и избили.—При *осмотрѣ мѣста,* на которомъ Мирецкому нанесены были побои, оказалось, что оно отстоитъ отъ села Засопенья въ полуверстномъ разстояніи и на ономъ найдено еловое дерево, вынутое съ края дороги, гдѣ оно поставлено было вѣхою; дерево это оказалось перелом-

леннымъ на три части съ обломанными сучьями. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ схваченъ Мирецкій, найдены были въ туже ночь его фуражка и крестьянская шляпа.

Подозрѣніе въ учиненіи сего преступленія вскорѣ пало на крестьянъ помѣщика Еврейнова: Григорья Ульянова и Ивана Яковлева (которые, бывъ назначены въ ночь съ 26 на 27 ноября на молотьбу въ господскомъ гумнѣ, на работу не явились и въ деревняхъ своихъ не ночевали), а также на старосту имѣнія Родіона Андреянова, который въ гумно пришелъ только предъ разсвѣтомъ при окончаніи молотьбы, и на крестьянина Ивана Алексѣева, коего жена выйдя 27 ноября рано утромъ кормить скотъ, замѣтила лошадь мужа своего вспотѣвшею и на саняхъ его нашла чужія крестьянскія рукавицы.

На допросѣ въ присутствіи временнаго отдѣленія Григорій *Ульяновъ*, сознаваясь чистосердечно въ нанесеніи вмѣстѣ съ товарищами управляющему Мирецкому побоевъ, показалъ, что 26 ноября вечеромъ позванъ онъ былъ старостою Родіономъ Андреяновымъ въ село Засопенье, куда ходилъ вмѣстѣ съ Родіономъ въ гости къ разнымъ крестьянамъ; такимъ образомъ они были и у крестьянина Ивана Алексѣева, отъ котораго показатель Родіонъ и крестьянинъ Иванъ Яковлевъ вышли во 2 часу; проходя улицею, староста Родіонъ завелъ разговоръ объ ихъ управляющемъ и началъ склонять показателя и Яковлева побить Мирецкаго, говоря слѣдующія слова: «тошно намъ жить отъ этого управляющаго, больно сѣчетъ, никому нѣтъ спуску, поучимъ его для пользы общества, побьемъ и мы его, но не такъ, чтобы до смерти, а чтобы помнилъ и берегся». На это Ульяновъ возражалъ, что изъ этого можетъ быть худо, но потомъ, убѣдившись обѣщаніемъ Родіона, что Мирецкаго до смерти бить не станутъ, онъ, равно и Яковлевъ, будучи оба навеселѣ, согласились ему содѣйствовать; затѣмъ Родіонъ, оставивъ ихъ на улицѣ, возвратился къ Ивану Алексѣеву и спустя короткое время пришелъ вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ; съ ними была и лошадь Ивана Алексѣева, заложенная въ пошевни, на коихъ они всѣ четверо поѣхали къ кузницѣ. Проѣзжая около гумна, они увидѣли стоявшаго у воротъ онаго досмотрщика двороваго человѣка Андрея Морозова, который спросилъ ихъ: «наши ли ѣдутъ», и когда Родіонъ (предупредившій уже ихъ о томъ, что

Морозовъ знаетъ о его умыслѣ), отвѣтилъ ему, что нашли, то Морозовъ вернулся въ гумно, а они поѣхали къ кузницѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ гумна отстоящей; здѣсь Родіонъ, оставивъ ихъ, пошелъ въ гумно и, побывъ тамъ не долго, возвратился къ нимъ и объявилъ, что Морозовъ сказалъ ему, что управляющій скоро пойдетъ въ гумно, посему они изъ за угла кузницы стали выжидать появленія управляющаго и дѣйствительно вскорѣ увидѣли Мирецкаго, идущаго дорогою. Тогда Родіонъ приказалъ Ивану Алексѣеву ѣхать впередъ на лошади, а самъ пошелъ сзади съ нимъ, Ульяновымъ и Яковлевымъ, и когда они поравнялись съ Мирецкимъ, то Яковлевъ вдругъ наскочилъ на него сзади и схватилъ его за ноги, а за нимъ и показатель съ Родіономъ подбѣжали къ Мирецкому, и, схвативъ его въ охапку, съ помощію Ивана Алексѣева взвалили на сани, гдѣ Родіонъ, для того чтобы Мирецкій не могъ кричать, набросилъ ему на голову шубу; такимъ образомъ они повезли Мирецкаго чрезъ усадьбу, гдѣ никого не встрѣтили, и проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, остановились близь моста, находящагося у красной мельницы; здѣсь, не спуская Мирецкаго съ саней, они взяли стоявшія на снѣгу у дороги еловыя вѣхи порядочной толщины, и показатель съ Алексѣевымъ стали держать управляющаго за ноги и голову, Родіонъ же съ Яковлевымъ стали бить управляющаго комлями вѣхъ со всего размаха, по спинѣ, сѣдалищу и ногамъ, при этомъ и показатель разъ пять ударилъ Мирецкаго вѣхою; наконецъ видя, что Родіонъ съ Яковлевымъ все продолжаютъ бить управляющаго, онъ, Ульяновъ, началъ просить ихъ оставить Мирецкаго, чтобы не убить его на смерть, на это Родіонъ отвѣтилъ ему: «небось здоровъ, вынесетъ». Видя, что его не слушаютъ, показатель оставилъ товарищей и возвратился въ Засопенье. Намѣренія нанести Мирецкому смертельные побои онъ не имѣлъ и согласился на предложеніе Родіона содѣйствовать ему съ тѣмъ именно условіемъ, чтобы не бить Мирецкаго на смерть, а только постращать его. Шляпа, найденная по дорогѣ къ гумну и рукавицы, оставленныя въ саняхъ Алексѣева, принадлежатъ показателю—*Иванъ Яковлевъ* и *Иванъ Алексѣевъ*, подтверждая показаніе Григорія Ульянова, объяснили, что и они намѣренія прибить до смерти Мирецкаго не имѣли и что по уходѣ Ульянова, Родіонъ и Яковлевъ сейчасъ же перестали бить

Мирецкаго и спустили его подъ мостъ въ канаву; къ сему добавили: Яковлевъ, что онъ отправился тотчасъ же въ свою деревню Пальцево, а Алексѣевъ, что при спускѣ Мирецкаго въ канаву онъ, попавшеюся на мосту обмерзшею палкою длиною въ аршинъ, ударилъ 3 раза Мирецкаго по спинѣ.—Староста *Родіонъ Андреяновъ* прежде допроса бѣжалъ изъ подъ караула и за всѣми поисками не пойманъ.—Дворовый человѣкъ Андрей *Морозовъ* не сознался ни въ знаніи объ умыслѣ Родіона и его товарищей противъ Мирецкаго, ни въ извѣщеніи Родіона о времени, когда Мирецкій пойдетъ въ гумно, ни въ томъ, что онъ находился у воротъ гумна, когда Родіонъ съ товарищами ѣхали къ кузницѣ и спрашивалъ ихъ, наши ли ѣдутъ; затѣмъ Морозовъ, объяснилъ, что въ упомянутую ночь Родіонъ пришелъ на гумно около 3 часа, и тамъ побывъ немного, ушелъ, потомъ во второй разъ приходилъ чрезъ часъ и опять скрылся и, наконецъ, въ третій разъ явился въ гумнѣ предъ окончаніемъ молотьбы.—На очной ставкѣ Ульяновъ, Яковлевъ и Алексѣевъ уличали Морозова въ томъ, что при проѣздѣ ихъ къ кузницѣ онъ стоялъ у воротъ гумна и спрашивалъ ихъ: наши ли ѣдутъ, но Морозовъ и на уликѣ ихъ не сознался.—Работавшіе въ ночь съ 26 на 27 ноября въ господскомъ гумнѣ крестьяне помѣщика Еврейнова, въ числѣ *17 человѣкъ* подъ присягою показали, что они увидѣли старосту Родіона Андреянова въ гумнѣ только уже при окончаніи молотьбы.

На передопросѣ въ уѣздномъ судьѣ Григорій Ульяновъ утвердилъ отобранное отъ него временнымъ отдѣленіемъ показаніе, а Иванъ Алексѣевъ и Иванъ Яковлевъ въ отмѣну данныхъ ими показаній, объяснили, что они въ нанесеніи Мирецкому побоевъ не участвовали и о виновникахъ сего не знаютъ, причемъ Иванъ Алексѣевъ дополнилъ, что лошадь его 27 ноября утромъ была найдена вспотѣвшею потому, что староста Родіонъ ѣздилъ на ней ночью въ деревню Еремѣево для призыва крестьянъ на барщину. На повальномъ обыскѣ подсудимые Ульяновъ, Алексѣевъ, Яковлевъ и Морозовъ въ поведеніи одобрены.

Дѣло это, поступивши вслѣдствіе разногласія изъ 1 отд. 5 д-та сената во второе общее собраніе, разрѣшено было послѣднимъ слѣдующимъ образомъ: «подсудимые крестьяне Григорій Ульяновъ, Иванъ Яковлевъ и Иванъ Алексѣевъ по собственно-

му сознанію, сходному съ обстоятельствами дѣла, должны быть признаны виновными въ нанесеніи съ умысломъ управлявшему имѣніемъ ихъ помѣщика, дворянину Мирецкому, тяжкихъ побоевъ, подвергавшихъ жизнь его опасности и имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть его, ибо побои, нанесенные Мирецкому, по собственному же ихъ показанію, были столь тяжки, что видимо подвергали жизнь его опасности; хотя изъ сихъ подсудимыхъ Яковлевъ и Алексѣевъ потомъ на передопросѣ въ уѣздномъ судѣ отступили отъ сдѣланнаго ими въ присутствіи временнаго отдѣленія сознанія, но запирательство это, ни на чемъ уважительномъ не основанное, отягчаетъ только вину ихъ. За учиненное ими преступленіе Ульяновъ и Алексѣевъ подлежатъ на основаніи 1960 и 1961 ст. улож. и указа сената 19 октября 1856 г.: лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію плетьми отъ 50 до 60 ударовъ съ наложеніемъ клеймъ, и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 8 до 10 лѣтъ. Наказаніе это не слѣдуетъ возвышать 2 степенями по 1963 и 1922 ст. улож., какъ за нанесеніе побоевъ управляющему, ибо Мирецкій хотя и назывался управляющимъ, по полнымъ распорядителемъ по имѣнію помѣщика Еврейнова не былъ и отъ сего послѣдняго не имѣлъ никакихъ особыхъ формальныхъ довѣренностей, а былъ только исполнителемъ приказаній Еврейнова, который постоянно жилъ въ томъ же имѣніи, какъ о семъ и самъ Еврейновъ объяснилъ при слѣдствіи. Обращаясь затѣмъ къ мѣрѣ слѣдующаго подсудимымъ наказанія, общее собраніе нашло, что упомянутое выше наказаніе слѣдуетъ назначить: Ульянову въ низшей мѣрѣ: во вниманіе къ чистосердечному сознанію его при слѣдствіи и участію его въ преступленіи въ меньшей степени, нежели прочіе, а Алексѣеву въ средней мѣрѣ: по сдѣланному имъ впослѣдствіи запирательству. Одинаковому наказанію съ Алексѣевымъ слѣдовало бы подвергнуть и третьяго подсудимаго, Яковлева, если бы онъ во время учиненія преступленія имѣлъ совершеннолѣтній возрастъ; но имѣя въ виду, что онъ въ то время не имѣлъ еще полныхъ 21 года, слѣдуетъ наказаніе назначить для него по правиламъ 145 ст. улож.,—замѣнивъ наказаніе плетьми наказаніемъ розгами и сокращеніемъ срока работъ одною третью. Изъ подсудимыхъ, Ульяновъ первый сознался въ преступленіи и открылъ своихъ соучастниковъ, а при

нанесеніи Мирецкому побоевъ останавливалъ своихъ товарищей; но не смотря на сіе, достаточнаго основанія къ ходатайству о смягченіи участи Ульянова не представляется, ибо по закону даже явка съ повинною, а Ульяновъ сознался въ преступленіи когда пало на него подозрѣніе и когда онъ взятъ былъ къ допросу временнымъ отдѣленіемъ, считается лишь обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину и наказаніе (ст. 140 и 1), и опредѣленное въ законѣ наказаніе можетъ быть уменьшено въ самомъ родѣ онаго только тогда, когда преступникъ, сверхъ указанія своихъ сообщниковъ, предупредитъ доставленіемъ вѣрныхъ свѣдѣній, и исполненіе другаго злаго умысла (ст. 151 п. 1); по настоящему же дѣлу подсудимый Ульяновъ, если онъ дѣйствительно хотѣлъ предупредить нанесеніе побоевъ, признаваемыхъ имъ смертельными, то долженъ былъ о происходившемъ объявить въ усадьбѣ и выслать людей на помощь Мирецкому, но это имъ сдѣлано не было. Обращаясь затѣмъ къ соображенію настоящаго дѣла съ силою всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 г., оказывается, что упомянутое выше слѣдующее подсудимымъ наказаніе, на основаніи Высочайше утвержденнаго 12 ноября 1856 г. мнѣнія государственнаго совѣта, надлежитъ имъ смягчить по XXI ст. означеннаго манифеста, освобожденіемъ: Алексѣева и Ульянова отъ наказанія плетьми и наложенія клеймъ, а Яковлева отъ наказанія розгами. По симъ соображеніямъ общее собраніе опредѣлило: 1) крестьянъ помѣщика Еврейнова, Ивана Алексѣева 44 л., Григорья Ульянова 31 г., и Ивана Яковлева 22 лѣтъ, на основаніи 145, 1960 и 1861 ст. улож., указа сената 19 октября 1956 г., Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 12 ноября 1856 г. и XXI ст. всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 г.: лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ: перваго Алексѣева на девять лѣтъ; втораго Ульянова на восемь лѣтъ, и третьяго Яковлева на шесть лѣтъ.

Дѣло о дворянкѣ Людвикѣ Кобельской, судимой за жестокое наказаніе крестьянки Агафьи Евичевой.

Сотскій селенія Горбасова 17 декабря 1857 г. донесъ летичевскому становому приставу, что крестьянка Агафья Еви-

чева по приказанію арендной владѣлицы сего имѣнія Людвики Кобельской, поставлена были 10 декабря 1857 г. на колѣни и вслѣдствіе того 15 числа выкинула четырехмѣсячный зародышъ. *Крестьянка Евичева* при слѣдствіи показала, что въ декабрѣ 1857 г. она, чрезъ воспитанницу свою Соломею Лукьянову, послала къ арендной владѣлицѣ Кобельской 4 мотка напряденныхъ за барщину нитокъ, а какъ изъ нихъ оказался одинъ тоньше прочихъ, то Кобельская возвратила оный съ тѣмъ, чтобы доставить мотокъ, подобный означеннымъ тремъ; показательница же, не перемѣняя этотъ мотокъ, понесла его сама къ Кобельской, съ намѣреніемъ убѣдить ее къ принятію онаго. Когда Кобельская и послѣ сего не согласилась принять, то показательница, обидясь этимъ, начала громко объяснять, что она не имѣетъ изъ чего прясть для перемѣны на другой мотокъ; Кобельская же, считая это за обиду, приказала лакею своему Петру Ковальчику взять показательницу въ конюшню и наказать розгами; при препровожденіи ея въ конюшню, она, встрѣтивъ управителя Билинскаго, объявила ему, что находится въ беременномъ положеніи, о чемъ когда Билинскій доложилъ Кобельской, то она вмѣсто наказанія розгами, велѣла въ конюшнѣ же поставить ее на колѣни; между тѣмъ простоявъ нѣсколько минутъ, показательница поднялась и стала на ноги. Замѣтя это чрезъ окно, Кобельская велѣла Ковальчуку подсыпать горсть гороху и поставить ее, Евичеву, на немъ на колѣни, а кучеру своему Никитѣ Супруну смотрѣть, чтобы она не поднималась на ноги; простоявъ въ такомъ положеніи до двухъ часовъ, показательница была освобождена управителемъ Билинскимъ и отпущена домой. По приходѣ въ домъ, не чувствуя никакой боли, она на другой день отправилась въ г. Летичевъ, для принесенія земскому исправнику на Кобельскую жалобы, но не заставъ исправника дома, возвратилась изъ Летичева здоровою же въ домъ; наконецъ въ четвергъ вечеромъ почувствовала внутри боль, которая продолжалась до воскресенья, а въ воскресенье показательница выкинула зародышъ ребенка. Отъ чего послѣдовалъ этотъ выкидышъ, отъ стоянія ли на колѣняхъ, или отъ того, что при слѣдованіи ея по холодному воздуху въ г. Летичевъ она озябла, не знаетъ. Кобельской показательница никакихъ оскорбленій не наносила, а хотя и хлопнула дверью, но это

послѣдовало съ ея стороны неумышленно. *Кобельская* подтвердила это показаніе, добавивъ, что Евичева бросила мотокъ и кричала: «недочекаешь того абыщъ другой пряла мотокъ» и выходя, ударила дверью, за что простояла на горохѣ не болѣе получаса, что подтвердилъ и управляющій Билинскій. Далѣе показали безъ присяги: кучеръ *Супрунъ*, что Евичева простояла на колѣняхъ менѣе часа. Ключница *Левицкая*, что Евичева дѣлала грубости, какія изъяснены въ отзывѣ Кобельской. *Три крестьянки* подъ присягою,—что Евичева громко сказала: «я другаго мотка прясть не буду, довольно что и такъ напряла къ сему мотку изъ своей пеньки» и выходя, хлопнула за собою дверью такъ, что она ударилась. *12 человѣкъ крестьянъ*,—что Евичева характера строптиваго, а Кобельская управляетъ довольно спокойно и наказываетъ крестьянъ только въ крайнихъ случаяхъ и то очень слабо.

Летичевской городовой врачъ, (съ мнѣніемъ котораго согласились: врачебная управа и медицинскій совѣтъ), заключилъ, что выкинутіе Евичевою плода было случайное; умеръ же плодъ отъ болѣзненнаго состоянія маточнаго рукава, которое вѣроятно произошло отъ простуды и моральнаго потрясенія, начавшихся еще съ постановленія Евичевой на колѣна и отъ новой простуды и напряженія во время слѣдованія ея въ Летичевъ, а болѣе всего вслѣдствіе непринятія ею никакихъ мѣръ при ощущеніи боли, втеченіи послѣднихъ 3 дней, изъ чего заключить слѣдуетъ, что поставленіе Евичевой на колѣни не должно считать причиною выкинутія ею плода.—При слушаніи этого дѣла во 2 отдѣленіи 5 департамента и во второмъ общемъ собраніи сената произошли разныя мнѣнія гг. сенаторовъ.

Первое мнѣніе: подсудимая Кобельская, по собственному сознанію ея, виновна въ самоуправствѣ, такъ какъ она при оказанныхъ ей неповиновеніи и грубости вмѣсто того, чтобы жаловаться установленнымъ для того порядкомъ, сама употребила соединенныя съ насиліемъ мѣры. Въ ст. 312 улож. о нак. за самоуправство назначены различныя наказанія: заключеніе въ тюрьмѣ, арестъ, денежныя взысканія или только выговоръ, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину подсудимаго. Принимая во вниманіе съ одной стороны, что мѣра взысканія и самый способъ онаго

предоставляются по беременному состоянію Евичевой неосторожными и даже нѣсколько жестокими, а съ другой, что взысканіе это по заключенію врача не было причиною выкинутія плода, слѣдуетъ Людвику Кобельскую за самоуправство подвергнуть взысканію двадцати пяти рублей серебромъ (съ коими поступить по 46 ст. улож.), а по обвиненію въ причиненіи Евичевой выкинутія плода, на осн. 304 ст. XV т. кн. 2., оставить свободною.

Второе мнѣніе: Кобельская, какъ арендная владѣтельница, не имѣла права сама наказывать управляемыхъ ею крестьянъ, тѣмъ болѣе употребить противъ крестьянки Евичевой жестокую мѣру наказанія, состоящую въ томъ, что Евичева будучи беременна, была поставлена на колѣни на горохъ въ зимнее время, въ холодномъ мѣстѣ, въ конюшнѣ. Это наказаніе по заключенію городоваго врача, было одною изъ причинъ ея болѣзненнаго состоянія, вслѣдствіе котораго она выкинула плодъ; посему слѣдуетъ: дворянку Людвику Кобельскую, за жестокое наказаніе крестьянки Евичевой на основаніи упомянутой 312 ст. 1 кн. XV т. св. зак. угол., подвергнуть аресту на три мѣсяца.

Согласно первому изъ сихъ мнѣній дѣло получило окончательное разрѣшеніе *).

О крестьянинѣ Винцѣ Ивановѣ (по прозванію Войткинѣ), сужденномъ за возмущеніе противъ помѣщика.

Настоящее дѣло заслуживаетъ особеннаго вниманія русской читающей публики: крестьянинъ витебской губерніи Винца Войткинъ, за принесеніе генералъ-губернатору жалобы на своего помѣщика, приговоренъ былъ уголовною палатою на основаніи ст. 298 улож. изд. 1857 г. (постановляющей наказаніе за явное возстаніе противъ властей, правительствомъ установленныхъ, съ

*) Статья 312 улож. по изд. 1866 г. замѣнена статьею 142 уст. о нак. налагаемыхъ мировыми судьями, въ коей постановлено: «за самоуправство, а равно за употребленіе насилія, однако безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, виновные подвергаются аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ».

намѣреніемъ воспрепятствовать обнародованію Высочайшихъ указовъ)—*къ каторжной работѣ на шесть лѣтъ и заклейменію*. Отбывъ же эти наказанія, Войткинъ принесъ жалобу въ сенатъ и окончательнымъ приговоромъ—признанъ невиннымъ. Повтореніе подобнаго колебанія правосудія едва-ли возможно въ въ настоящее время въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ судебныя мѣста наполнены уже не польскимъ шляхетствомъ, а благонадежными русскими дѣятелями.

Помѣщикъ рѣжицкаго уѣзда Эдуардъ Боуфалъ въ поданномъ 28 августа 1846 г. въ земскій судъ прошеніи изъяснилъ, что крестьянинъ имѣнія Подоля, состоящаго въ общемъ владѣніи просителя съ братьями, *Винца Ивановъ* (по прозванію *Войткинъ*), замѣченный съ нѣкотораго времени въ нерадѣніи къ хозяйству, неповиновеніи и дерзости, сталъ лѣтомъ 1846 года, вѣроятно изъ мести за смѣну его съ должности сельскаго войта, волновать прочихъ крестьянъ просителя, возбуждая ихъ къ неповиновенію владѣльческой власти, и собравъ съ крестьянъ деньги, нанялъ какого то писаря, который написалъ ему прошеніе, наполненное клеветою; затѣмъ пригласивъ къ себѣ въ сотоварищи крестьянина Танчу или Станислава Казиміров, Винца съ симъ послѣднимъ скрылся изъ имѣнія и подалъ прошеніе генералъ-губернатору, по распоряженію котораго произведено было рѣжицкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства подробное дознаніе, но по этому дознанію злоупотребленія помѣщичьей власти со стороны просителя не обнаружено Между-тѣмъ, узнавъ отъ дворянъ Барановскаго и Хруцкаго, что въ корчму Стыглово, содержимую первымъ изъ нихъ, приходилъ Винца съ сотоварищемъ своимъ Станиславомъ Казиміровымъ, проситель для задержанія ихъ послалъ туда управителя своего дворянина Монцевича. При помощи приглашенныхъ для содѣйствія дворянъ Рацыборскаго и Стаховскаго, упомянутые возмутители и были задержаны, причемъ Винца, дѣлая сопротивленіе, произносилъ укорительныя слова и разбойническія похвалки. По приводѣ въ имѣніе на другой день, Войткинъ и Казиміровъ отправлены были съ управителемъ Монцевичемъ въ земскій судъ, но на дорогѣ въ деревнѣ Скутеляхъ освобождены толпою крестьянъ просителя, подъ предводительствомъ брата Винцы, Станислава Иванова. Доводя о семъ до свѣдѣнія земскаго суда, Боуфалъ про-

силъ: сдѣлать распоряженіе къ отысканію Винцы Войткина и Станислава Казиміроba и поступить съ ними, въ примѣръ прочимъ, крестьянамъ по всей строгости законовъ.—Затѣмъ 10 сентября 1846 г. Боуфалъ, объявляя рѣжицкому земскому суду о поимкѣ въ имѣніи его Винцы Войткина и Станислава Казиміpoва, представилъ ихъ на распоряженіе земскаго суда.

Въ допросѣ, отобранномъ отъ Винцы Войткина того же 10 сентября засѣдателемъ Витовскимъ, значится, что Винца, находя помѣщичье управленіе отяготительнымъ по причинѣ строгаго съ крестьянами обращенія, жестокихъ наказаній, излишнихъ и чрезмѣрныхъ работъ, недостаточнаго продовольствія крестьянъ и настойчиваго взысканія съ нихъ съ непомѣрными интересами ссудъ хлѣбныхъ и денежныхъ, рѣшился искать защиты у правительства, и въ началѣ іюля 1846 г. по общему согласію съ прочими крестьянами принялъ на себя ходатайство; собравъ для сего съ общества на расходы денегъ болѣе 40 р. сер., онъ съ приглашеннымъ имъ въ товарищи Танчею или Станиславомъ Казиміровымъ ушелъ изъ имѣнія и, прибывъ въ г. Невель, упросилъ какого то солдата написать ему прошеніе, которое и подалъ генералъ-губернатору; затѣмъ въ ожиданіи разрѣшенія по упомянутому прошенію, скрываясь въ окрестностяхъ имѣнія Подоля, онъ дѣйствительно былъ задержанъ въ корчмѣ Стыглово, а на другой день при отправкѣ въ земскій судъ освобожденъ братомъ Станиславомъ съ прочими крестьянами; упущенія по хозяйству и работамъ онъ, Винца, точно дѣлалъ, по питаемому съ давняго времени недоброжелательству къ помѣщику, а при напоминаніи дѣйствительно могъ быть и дерзокъ. *)

Затѣмъ въ другомъ допросѣ записано, что 30 сентября въ присутствіи временнаго отдѣленія рѣжицкаго земскаго суда *Винца Ивановъ*, въ отмѣну перваго своего показанія, объяснилъ

---

*) Показаніе это не въ надлежащемъ порядкѣ зарукоприкладствовано, ибо подъ оном за безграмотнаго показателя значится подпись: «Винца Ивановъ», но кѣмъ сдѣлана эта подпись и по личной ли просьбѣ показателя, не объяснено. Кромѣ того предъ показаніемъ сказано, что оно отобрано въ присутствіи рѣжицкаго земскаго суда, между тѣмъ подъ допроснымъ листомъ имѣется только слѣдующая подпись: допрашивалъ засѣдатель Витовскій. *Примѣч. изд.*

слѣдующее: будучи по выбору Боуфала сдѣланъ сельскимъ войтомъ, онъ, пользуясь добротою и благосклонностію къ нему помѣщика, пристрастился къ вину, и изъ корысти сталъ злоупотреблять довѣріемъ помѣщика; такимъ образомъ въ 1843 г., онъ сдалъ въ Ригѣ господскій ленъ не тому купцу, которому велѣно было помѣщикомъ, а другому по собственному произволу, чѣмъ причинилъ помѣщику убытку до 50 руб. сер., а въ 1845 г., бывъ посланъ въ Лифляндію для покупки сѣменнаго овса, вмѣсто рослаго овса, самимъ же имъ заторгованнаго, купилъ и привезъ 500 пудъ тохлаго, нерослаго и никуда негоднаго овса, такъ что помѣщикъ, не теряя времени, долженъ былъ промѣнять его на сѣменной, приплативъ за это 200 руб. сер. Когда за эти проступки и другіе менѣе важные, заключавшіеся въ обмѣрахъ, обсѣвахъ и дерзкихъ отвѣтахъ, помѣщикъ наконецъ удалилъ его отъ должности войта, показатель хотя и чувствовалъ, что заслуживалъ этого, но однакоже изъ ненависти рѣшился отмстить помѣщику; съ этою цѣлію, рѣшившись взвести на него клевету, сталъ вооружать крестьянъ противъ помѣщичьей власти, представляя имъ свободу въ самыхъ живѣйшихъ краскахъ; сперва усилія его были не безуспѣшны, ибо нѣкоторые домохозяева, увлекшись его словами, дали ему для расхода по ходатайству деньгами и хлѣбомъ до 40 р., но потомъ, когда они стали раздумывать и отвлекать его самого отъ принятаго намѣренія, тогда онъ, Винца, пригласивъ со собою Станислава Казиміровa, отлучился изъ дома, и (какъ объяснено въ первомъ его показаніи), упросилъ неизвѣстнаго солдата написать ему просьбу, которую и подписалъ отъ имени всѣхъ домохозяевъ безъ всякаго ихъ порученія и воли. Все написанное въ той просьбѣ было ложь и несправедливость, ибо помѣщикъ всегда былъ съ крестьянами ласковъ, снисходителенъ, справедливъ и добръ и истинно отечески заботился о благѣ крестьянъ; при поимкѣ его, Винцы, какъ въ первый, такъ и во второй разъ онъ точно сопротивлялся, поносилъ поймавшихъ его людей ругательствами, и въ азартѣ готовъ былъ сказать всякому для него непріязненному, что отмститъ поджогомъ или убійствомъ, въ исполненіи чего при случаѣ не остановился бы по злости и неудавшемуся замыслу. Къ сему Винца Ивановъ (какъ сказано въ допросѣ), присовокупилъ, что онъ до поимки, въ одну

темную ночь укралъ въ дер. Бринговѣ у крестьянина Меркула Матвѣева изъ амбара одну пуру ржи, которую продалъ въ Люцинѣ на базарѣ неизвѣстному еврею *).

Помѣщикъ *Боуфалъ* въ поданномъ временному отдѣленію рѣжицкаго земскаго суда объявленіи, подтвердилъ показаніе Винцы Иванова о соединенныхъ съ злоупотребленіемъ довѣрія обманахъ Винцы и причиненныхъ тѣмъ убыткахъ.—Въ допросахъ *крестьянъ* Боуфала значится, что они подтвердили показаніе Иванова о кражѣ у Меркула Матвѣева пуры ржи. Дворяне *Барановскій*, *Хруцкій*, *Монцевичъ*, *Рацыборскій* и *Стаховскій* подъ присягою объяснили, что Винца Ивановъ, при задержаніи его въ стыгловской корчмѣ, оказывалъ буйное сопротивленіе, поносилъ всѣхъ укорительными словами, грозилъ отмстить и громко съ азартомъ говорилъ, что онъ самъ увѣренъ, что ему предстоитъ Сибирь. Къ сему послѣдніе четверо добавили, что Винца при упомянутомъ случаѣ, обращаясь въ особенности къ Рацыборскому, сказалъ ему, что если бы это было не въ корчмѣ, то онъ, Рацыборскій, отъ рукъ его Винцы сгнилъ бы во рву. Крестьянинъ помѣщиковъ Боуфаловъ *Юргель Адамовъ* (въ домѣ коего былъ во второй разъ задержанъ Винца Ивановъ), объ обращеніи Боуфала съ крестьянами и образѣ управленія ими показалъ согласно со вторымъ показаніемъ Винцы Иванова, присовокупивъ, что сей послѣдній дѣйствительно возбуждалъ крестьянъ противъ помѣщичьей власти, описывая имъ вольность въ самыхъ соблазнительныхъ краскахъ, и крестьяне увлеклись было словами Винцы, но потомъ, постигнувъ злобный нравъ его, отступились отъ него, и даже онъ, Юргель, когда Винца появился въ домѣ его, далъ знать объ этомъ помѣщику и содѣйствовалъ поимкѣ его **).

Тоже объяснилъ подъ присягою и крестьянинъ Боуфаловъ Питеръ *Андреевъ*. Согласно съ симъ послѣднимъ и Юргелемъ Адамовымъ отозвались прочіе крестьяне Боуфаловъ безъ при-

---

*) Подъ симъ показаніемъ имѣется подпись ксендза Антона Миссевича, которымъ, какъ значится въ этой подписи, показаніе зарукоприкладствовано по безграмотству Винцы Иванова и по его просьбѣ.

**) Это показаніе за неграмотнаго Юргеля зарукоприкладствовано также ксендзомъ Миссевичемъ.

сяги, въ числѣ 15 человѣкъ, и подъ присягою въ числѣ 11 человѣкъ *).

Рѣжицкій уѣздный предводитель дворянства (которому поручено было генералъ-губернаторомъ произвести дознаніе по просьбѣ Винцы Иванова), въ рапортѣ на имя генералъ-губернатора донесъ, что всѣ пункты жалобы Винцы оказались несправедливыми, и что какъ образъ управленія Боуфала имѣніемъ, такъ и обращеніе его съ крестьянами вполнѣ удовлетворительны. — Въ актѣ повальнаго обыска о поведеніи Винцы Иванова значится, что спрошенные подъ присягою крестьяне Францъ Матвѣевъ и съ нимъ 12 человѣкъ (поименованныхъ въ актѣ) показали, что Ивановъ пристрастенъ къ пьянству, воровству, ссорамъ и дракамъ, характера злобнаго, гордъ, своенравенъ, никому не хочетъ покориться, однимъ словомъ человѣкъ негодный **).

Изъ записки же уголовной палаты видно, что подсудимый Винца Ивановъ, бывъ передопрашиваемъ въ присутствіи рѣжицкаго уѣзднаго суда, утвердилъ отобранное отъ него 30 сентября 1846 г. показаніе и далъ подписку въ томъ, что ему во время производства дѣла пристрастныхъ допросовъ чинимо не было. Но въ подлинномъ дѣлѣ подписки той не имѣется.

Витебская уголовная палата, сообразивъ вышеизложенное 30 дек. 1846 г. нашла, что крестьянинъ Винца Ивановъ, виновный по собственному признанію: въ подговорѣ всей волости къ возстанію противъ власти помѣщика ихъ Эдуарда Боуфала, въ вымогательствѣ отъ крестьянъ для ходатайства противъ помѣщика свыше 40 р. с., въ кражѣ ночью изъ амбара одновотчиннаго съ нимъ крестьянина одной пуры ржи, въ изъявленіи рѣшимости покуситься на поджогъ или убійство и въ подачѣ ге-

*) Показанія отъ сихъ 26 человѣкъ (зарукоприкладствованныя тѣмъ же Миссевичемъ) отобраны не порознь, а сняты по одной общей формѣ, т. е. въ нихъ не изложены подлинныя слова показателей, а объяснено лишь, что они показываютъ согласно или Юргелю Адамову или Питеру Андрееву.

**) Допросъ людей изложенъ въ актѣ обыска такимъ же образомъ, какъ и допросъ Юргеля Адамова, т. е. прописано только показаніе перваго крестьянина, а объ остальныхъ 12 сказано, что они показали согласно съ первымъ. Рукоприкладство подъ обыскомъ сдѣлано за неграмотныхъ показателей дворяниномъ, фамилія котораго означена въ подписи неразборчиво.

нералъ-губернатору отъ цѣлаго общества крестьянъ ложной жалобы на помѣщика своего безъ воли и согласія ихъ,—на основ. 15 ст. ул., долженъ быть признанъ зачинщикомъ возстанія противъ помѣщичьей власти. Такъ какъ за малозначительную кражу 1676 и 1680 ст. VI пр. къ 15 т. св. зак. предоставлено наказывать виновныхъ въ томъ помѣщичьихъ крестьянъ по расправѣ самаго владѣльца ихъ, за угрозы покуситься на убійство или поджигательство 2035 ст. улож. опредѣленъ арестъ виновныхъ въ томъ на время отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, и наказаніе сіе возвышается 1 степ. по 2038 ст. улож. за угрозы начальнику, или господину, или же такому лицу, коимъ виновный былъ благодѣтельствованъ, а за явное и упорное неповиновеніе властямъ законнымъ, на основ. 283 и 286 ст. улож., зачинщикъ сего возстанія изъ лицъ, не изъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ 4 до 6 лѣтъ и наказанію плетьми чрезъ палачей въ мѣрѣ, опредѣленной ст. 21 сего уложенія для 7 степ. наказаній сего рода, съ наложеніемъ клеймъ, то по совокупности означенныхъ проступковъ Винцы Иванова съ преступленіемъ его и по причинамъ, на основаніи 1, 3 и 4 пун. 135 ст. улож. увеличивающимъ вину его въ согласность вышеприведенныхъ 283, 286 и 156 ст. уложенія, слѣдуетъ подвергнуть Винцу Иванова тягчайшему изъ вышеозначенныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ.—Палата опредѣлила: на основаніи улож. 19, 21 для степ. 7, 27, 28, 29 и VI прод. къ XV тома. св. зак. ст. 1220, 1385 и 1386 лишить Винцу Иванова (38 л.) всѣхъ правъ состоянія и по допущеніи напредъ къ исповѣди, наказать на мѣстѣ преступленія въ имѣніи Подолѣ при собраніи народа чрезъ палача плетьми 40 ударами и, *по наложеніи клеймъ* буквами К. А. Т., обратить въ работы на заводахъ на 6 лѣтъ, а по прекращеніи сихъ работъ за истеченіемъ срока поселить навсегда въ Сибири.—Рѣшеніе это пропущено губернскимъ прокуромъ безъ протеста и по утвержденіи начальникомъ губерніи приведено надъ подсудимымъ Винцою Ивановымъ Войткинымъ въ исполненіе.

Пробывъ шесть лѣтъ въ каторжной работѣ, и будучи затѣмъ поселенъ тобольской губерніи, ишимскаго округа, боровской волости, въ селѣ того имени, *Винца Ивановъ* (Войткинъ) въ

ноябрѣ 1856 года вошелъ въ правительствующій сенатъ съ прошеніемъ, въ коемъ, жалуясь на упомянутое рѣшеніе витебской уголовной палаты, между прочимъ изъяснилъ, что при слѣдствіи, произведенномъ по объявленію бывшаго помѣщика его Боуфала, проситель былъ спрашиваемъ какимъ то земскимъ чиновникомъ лишь о жалобѣ, поданной имъ генералъ-губернатору на жестокое обращеніе съ крестьянами помѣщика; о похвальныхъ же словахъ, произнесенныхъ будто бы имъ, никто его не спрашивалъ; затѣмъ по поступленіи дѣла въ уѣздный судъ, онъ, Войткинъ, будучи вызванъ въ присутствіе онаго для подтвержденія допросовъ, узналъ, что на него взводится обвиненіе въ произнесеніи похвальныхъ словъ покуситься на жизнь помѣщика и сжечь его мызы, но какъ проситель въ преступленіи этомъ не считалъ себя виновнымъ, то и признанія никакого не дѣлалъ, и прикладывать за себя къ допросу руку никому не поручалъ, а просилъ только о переслѣдованіи дѣла чрезъ благонадежнаго чиновника.

Въ заключеніе Войткинъ просилъ сенатъ: о пересмотрѣ его дѣла, о возвращеніи его на родину и о присужденіи въ пользу его вознагражденія за претерпѣнные имъ удары плетьми съ лицъ, постановившихъ неправильный о немъ приговоръ.

При слушаніи сего дѣла въ I отд. 5 д-та сената и во второмъ общемъ собраніи заявлено было слѣдующее мнѣніе:

«Производителями по настоящему дѣлу слѣдствія и рѣшавшимъ дѣло (въ 1 степени суда) рѣжицкимъ уѣзднымъ судомъ въ производствѣ сего дѣла допущены столь важныя отступленія отъ установленныхъ закономъ для огражденія подсудимыхъ формъ и обрядовъ, что въ достовѣрности изложенныхъ въ томъ слѣдствіи обстоятельствъ рождается сильное сомнѣніе; отступленія эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) первое показаніе Войткина, вопреки 173, 178, 182, 184 и 185 ст. кн. II т. XV св. зак. уголов. (изд. 1857 г.), написано не по вопроснымъ пунктамъ, не зарукоприкладствовано надлежащимъ порядкомъ и подписано однимъ лишь засѣдателемъ Витовскимъ, между тѣмъ какъ въ надписи надъ допросомъ объяснено, что оный отбирался въ присутствіи земскаго суда; 2) дворяне Барановскій, Монцевичъ, Хруцкій, Рацыборскій и Стаховскій, свидѣтельствовавшіе противъ подсудимаго и участвовавшіе въ поимкѣ и за-

держанiи Войткина, въ нарушенiе закона спрошены подъ присягою, тогда-какъ къ присяжному свидѣтельству, они, какъ прикосновенныя лица, на основанiи 216 ст. того же тома св. зак., допущены быть не могли; 3) предъ приводомъ ихъ къ присягѣ не былъ соблюденъ предписанный закономъ (тамъ же ст. 229, 230 и 231) обрядъ очной съ обвиняемымъ ставки; 4) изъ крестьянъ помѣщика Боуфала, свидѣтельствовавшихъ противъ Винцы Войткина, отобрано въ надлежащемъ порядкѣ показанiе только отъ Юргеля Адамова, который далъ оное безъ присяги; отъ крестьянина же Питера Андреева, свидѣтельствовавшаго подъ присягою, показанiе отобрано также съ нарушенiемъ обряда предварительной очной съ обвиняемымъ ставки; затѣмъ: 5) вмѣсто формальныхъ показанiй отъ всѣхъ прочихъ, поименованныхъ въ допросныхъ листахъ, крестьянъ Боуфала значится въ тѣхъ листахъ вопреки 242 ст. кн. II т. XV св. зак. угол. (изд. 1857 года), одно лишь удостовѣренiе слѣдователя, что поименованные имъ крестьяне, бывъ спрошены, показали согласно съ Юргелемъ Адамовымъ, или Питеромъ Андреевымъ. Такимъ образомъ слѣдователь, не изложивъ подлинныхъ словъ показателей, кромѣ нарушенiя въ этомъ отношенiи предписанной закономъ формы, принялъ еще на себя предоставленное лишь суду право заключать о сходствѣ или несходствѣ свидѣтельскихъ заключенiй. 6) Въ заключенiе всѣхъ этихъ неправильностей, допущенныхъ при производствѣ слѣдствiя, Войткинъ и въ самомъ судѣ лишенъ былъ послѣдняго предоставляемаго закономъ (т. XV св. зак. книги II ст. 287) каждому обвиняемому способа оградить себя отъ притѣсненiя и представить свои оправданiя: онъ не былъ спрошенъ въ судѣ первой степени о томъ, не было ли чинимо ему во время производства слѣдствiя пристрастныхъ допросовъ. Хотя же въ приговорѣ уголовной палаты значится, что Войткинъ былъ въ уѣздномъ судѣ передопрошенъ и далъ подписку о безпристрастномъ его допрашиванiи, но подписки этой въ подлинномъ дѣлѣ нѣтъ; и потому означенное удостовѣренiе со стороны уголовной палаты не можетъ быть высшимъ судомъ принято во вниманiе при разсмотрѣнiи жалобы такого обвиненнаго, который при производствѣ слѣдствiя не былъ огражденъ законными формами ни отъ какихъ обвиненiй, и лишенъ былъ всякаго средства оправдываться.

«Независимо отъ вопроса о формѣ, въ настоящемъ дѣлѣ вполнѣ нарушенной, обращаясь къ сужденію о сущности обстоятельствъ, изложенныхъ въ допросахъ какъ обвиняемаго, такъ и свидѣтельствовавшихъ противъ него лицъ, оказывается: 1) что написанное отъ имени Вицы Иванова Войткина признаніе его предъ временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда (допросъ 30 сентября 1846 года), ни по языку, которымъ оно изложено, ни по связи предметовъ, составляющихъ его содержаніе, не имѣетъ никакой достовѣрности, ибо витіеватыя выраженія, въ коихъ оно написано, несвойственны необразованному простолюдину, а похвалы, расточаемыя помѣщику Боуфалу, рѣзкое самоосужденіе, произносимое Войткинымъ, показывающимъ противъ себя о такихъ обстоятельствахъ, о которыхъ онъ по существу дѣла и спрошенъ быть не могъ, наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показанія—почти буквальное повтореніе или словъ изъ жалобы Боуфала или словъ обвиняющихъ свидѣтелей (напримѣръ: о прельщеніи крестьянъ свободою, объ отеческомъ управленіи помѣщика, о продажѣ льна, о покупкѣ овса, объ отношеніяхъ Войткина къ прочимъ крестьянамъ и о безнравственномъ его поведеніи)—несовмѣстны ни съ положеніемъ вообще обвиняемаго, сознающагося въ какомъ либо противузаконномъ дѣяніи на предлагаемые ему отъ слѣдователя вопросы, ни съ первымъ (10 сентября) допросомъ Войткина, въ которомъ онъ причиною подачи жалобы на Боуфала выставляетъ не благодѣяніе помѣщика, а жестокое его съ нимъ обращеніе, повторяя тоже самое и въ жалобѣ, принесенной правительствующему сенату, уже послѣ понесеннаго имъ, Войткинымъ, по приговору уголовной палаты наказанія. 2) Относительно содержанія и изложенія показаній свидѣтелей замѣчается тоже отсутствіе достовѣрности и правдоподобія, явно указывающее, что показанія тѣ, вопреки 253 ст. кн. II означеннаго тома св. зак., были писаны по какому либо образцовому письму. 3) Если и принимать показанія какъ Войткина, такъ и свидѣтелей за достовѣрныя, то и въ семъ случаѣ показанія эти по содержанію своему не могли изобличать Войткина въ томъ преступленіи, въ какомъ признала его виновнымъ уголовная палата, примѣнившая къ настоящему дѣлу 283 и 286 ст. улож. о нак. (по изд. 1857 г., т. XV кн. I ст. 295 и 298 улож. о нак.), ибо въ упомянутыхъ статьяхъ опредѣляется нака-

заніе: «за явное противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніе, съ намѣреніемъ или воспрепятствовать обнародованію Высочайшихъ указовъ, манифестовъ, или законовъ, или другихъ постановленій и объявленій правительства, или же не допустить исполненія законовъ или предписанныхъ правительствомъ распоряженій и мѣръ, или принудить сіи власти къ чему либо несогласному съ ихъ долгомъ, когда такое принужденіе или противодѣйствіе учинено будетъ невооруженными людьми и безъ явныхъ насильственныхъ съ ихъ стороны дѣйствій, но однако же для возстановленія порядка начальство было въ необходимости прибѣгнуть къ необыкновеннымъ мѣрамъ усмиренія.» Изъ выводимыхъ же противъ Войткина въ его и свидѣтельскихъ показаніяхъ обвиненій ни одно, по существу своему, характера упомянутаго преступленія не имѣетъ, и какъ жалобы самаго Боуфала, такъ и обнаруженные слѣдствіемъ факты показываютъ, что въ имѣніи его Боуфала, никакого возстанія не было, и что посему мѣстное начальство не прибѣгало ни къ какимъ мѣрамъ усмиренія. Наконецъ: 4) по вышеизложеннымъ показаніямъ, если бы можно было признать ихъ, относительно формы, правильными и по содержанію несомнѣнными, Войткинъ можетъ быть обвиненъ только въ слѣдующихъ проступкахъ: а) въ самовольной отлучкѣ изъ вотчины (ст. 1224 улож. изд. 1857 г.), б) въ подачѣ несправедливой на помѣщика жалобы (тамъ же ст. 1985), в) въ произнесеніи угрозъ лишить жизни помѣщика или сжечь его мызы (тамъ же ст. 2113 и 2116), г) въ упорномъ неповиновеніи помѣщику безъ явнаго впрочемъ возстанія (ст. 1984) и д) въ возбужденіи крестьянъ помѣщика Боуфала къ иску о свободѣ (тамъ же ст. 1205 ч. 1); за всѣ эти проступки по совокупности ихъ Войткинъ при изобличеніи могъ бы по 165 ст. улож. (изд. 1857 г.) подлежать лишь замѣняющему по 3 п. 89 ст. улож. шестимѣсячное тюремное заключеніе, наказанію розгами 40 ударами, а не тому наказанію, къ коему присужденъ былъ уголовною палатою, и которое надъ нимъ уже исполнено. По симъ соображеніямъ, признавая жалобу Войткина на рѣшеніе витебской уголовной палаты заслуживающею полнаго уваженія, а дѣйствія уголовной палаты, постановившей несправедливый приговоръ, съ нарушеніемъ притомъ формъ и обрядовъ, предписанныхъ закономъ, равно дѣйствія губернскаго прокурора

и начальника губерніи, пропустившихъ означенный приговоръ безъ возраженія, заслуживающими должнаго взысканія, слѣдуетъ: 1) ссыльнопоселенца Винцу Иванова Войткина, возвративъ съ семействомъ изъ мѣста ссылки на счетъ подписавшихъ неправильный приговоръ членовъ витебской уголовной палаты, возстановить его гражданскія права, и, не вмѣняя понесеннаго наказанія въ безчестье, предоставить ему избрать родъ жизни на основаніи общихъ узаконеній; 2) въ вознагражденіе за понесенное наказаніе взыскать въ пользу Войткина съ подписавшихъ приговоръ членовъ палаты шестьсотъ рублей; утвердившаго приговоръ палаты начальника витебской губерніи и членовъ уголовной палаты отъ слѣдовавшаго имъ по 412 и 414 ст. улож., выговора освободить, согласно съ XIX ст. манифеста 26 августа 1856 г., а разсмотрѣніе дѣйствій витебскаго губернскаго прокурора, пропустившаго приговоръ тотъ безъ возраженія, предоставить г. министру юстиціи; 3) при несостоятельности членовъ палаты къ платежу вознагражденія, возложить оный, согласно съ 682 ст. 1 ч. X т. зак. гр. (изд. 1857 г.), на начальника губерніи и губернскаго прокурора.

Вслѣдствіе несостоявшагося узаконеннаго большинства голосовъ, дѣло это изъ втораго общаго собранія поступило на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, который нашелъ: «что если-бы даже и можно было поселенца Войткина признать изобличеннымъ во всѣхъ взведенныхъ на него преступленіяхъ, то и въ такомъ случаѣ онъ подлежалъ бы только наказанію розгами 40 ударами, а не ссылкѣ въ каторжную работу съ публичнымъ наказаніемъ плетьми и съ заклейменіемъ, чему онъ подвергся по неправильному приговору витебской уголовной палаты, примѣнившей къ винѣ Войткина 298 ст. улож. о нак., въ которой полагается наказаніе «за явное противъ властей правительствомъ установленныхъ, возстаніе съ намѣреніемъ воспрепятствовать обнародованію Высочайшихъ указовъ, манифестовъ, законовъ или другихъ постановленій и объявленій правительства», хотя было ясно, что въ дѣйствіяхъ Войткина ничего подобнаго не заключалось. Посему и на точномъ основаніи св. зак. 1857 г. т. X. ч. I. зак. гр. ст. 678 и 680, Войткинъ долженъ быть освобожденъ отъ дальнѣйшаго наказанія съ возстановленіемъ утраченныхъ имъ правъ и возвращенъ изъ мѣста ссылки на счетъ лицъ, по-

становившихъ неправильный о немъ приговоръ, со взысканіемъ притомъ съ тѣхъ же лицъ въ пользу его, какъ понесшаго отъ неправильнаго усиленія наказанія явные убытки, денежнаго вознагражденія въ установленномъ размѣрѣ. Но при семъ государственной совѣтъ нашелъ, что было бы неудобно, если даже и не вредно, Войткина, понесшаго заклейменіе, слѣды котораго никогда не могутъ быть изглажены, возвращать на родину, а поэтому полагалъ: 1) обстоятельства сіи повергнуть на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству Всемилостивѣйше повелѣть: ссыльно-поселенцу Викцу Войткину возстановить гражданскія права, и не вмѣняя, понесеннаго наказанія въ безчестье, водворить его съ семействомъ на жительство въ Сибири на счетъ подписавшихъ неправильный о немъ приговоръ членовъ витебской уголовной палаты, по назначеніи для того удобнаго мѣста главнымъ начальствомъ края и согласно съ собственнымъ его выборомъ, гдѣ и предоставить ему избрать родъ жизни на основаніи общихъ узаконеній. 2) Сверхъ издержекъ на водвореніе Войткина въ новомъ мѣстѣ его жительства, полагаемыхъ въ замѣнъ слѣдующихъ издержекъ на возвращеніе его на родину, взыскать съ подписавшихъ неправильный о немъ приговоръ членовъ витебской уголовной палаты шестьсотъ рублей въ вознагражденіе Войткина за понесенное наказаніе, а при несостоятельности ихъ, взысканіе это согласно св. зак. 1857 г. т. X. ч. I. зак. гр. ст. 682, обратить на начальника губерніи, утвердившаго и губернскаго прокурора, пропустившаго означенный приговоръ безъ возраженія, и 3) начальника губерніи и членовъ уголовной палаты отъ слѣдующаго имъ по законамъ выговора освободить за силою Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 г.; разсмотрѣніе же дѣйствій губернскаго прокурора предоставить министру юстиціи.

Дѣло о убійствѣ генералъ-маіора Ѳеоргина его крестьянами.

Отставной генералъ-маіоръ Ѳеоргинъ, проживая въ своемъ имѣніи, въ бузулукскомъ уѣздѣ, въ 9 часовъ вечера 14 сентяб-

ря 1853 г., быть убитъ выстрѣломъ изъ ружья, сдѣланнымъ изъ сада въ окно помѣщичьяго дома въ то время, когда онъ, Осоргинъ, ходилъ по комнатѣ.

По медицинскому освидѣтельствованію, произведенному на четвертый день послѣ происшествія, оказалось, что Осоргинъ убитъ ружейною пулею, которая, бывъ направлена въ него сзади сквозь окно на близкомъ разстояніи, раздробила лѣвую плечевую кость руки, проникла въ грудную полость и осталась тамъ, разорвавъ на пути лѣвое легкое и сердце, въ которомъ оказалась рана величиною въ четыре дюйма.

Въ началѣ слѣдствія, въ убійствѣ генералъ-маіора Осоргина никто изъ дворовыхъ людей и крестьянъ его не сознался, и подозрѣнія ни на кого не возникло. При дальнѣйшемъ же производствѣ слѣдствія *Андрей Порфировъ*, находившійся постоянно при помѣщикѣ для прислуги, сознался въ участіи въ убійствѣ его, объяснивъ, что генералъ Осоргинъ убитъ Михаиломъ Ивановымъ, бывшимъ кузнецомъ при господскомъ дворѣ, и что въ этомъ преступленіи участвовали: онъ, Порфировъ, кучеръ Сидоровъ и сапожникъ Поліевктовъ. Къ сему Порфировъ присовокупилъ, что участіе его въ убійствѣ Осоргина состояло въ томъ что онъ, зная о намѣреніи прочихъ подсудимыхъ убить барина, по глупости не объявилъ о томъ начальству. Что побудило ихъ къ совершенію сего преступленія, показатель не знаетъ, самъ же онъ никакой побудительной причины къ тому не имѣлъ. Таковое показаніе подсудимый Порфировъ подтвердилъ и по преданіи военному суду.

Подсудимые Ивановъ, Сидоровъ и Поліевктовъ при допросахъ противъ показанія Порфирова во время слѣдствія сознались: первый—въ убійствѣ помѣщика Осоргина выстрѣломъ изъ ружья, а послѣдніе—въ участіи въ этомъ преступленіи. Присемъ изъ нихъ *Ивановъ* объяснилъ, что лишилъ жизни своего помѣщика за то, что онъ въ теченіи двухлѣтняго пребыванія показателя при господскомъ дворѣ, преслѣдовалъ его взысканіями, учитывалъ въ матеріалахъ, запрещалъ работать для себя, а наконецъ въ одинъ праздничный день не позволилъ быть въ церкви и занялъ работою въ кузницѣ. Этотъ послѣдній случай рѣшительно ожесточилъ его противъ Осоргина, почему онъ, сойдясь однажды случайно съ дворовыми людьми Порфировымъ, Сидоровымъ

и Поліевктовымъ, которые также изъявляли неудовольствіе на помѣщика, согласился съ ними убить его, къ чему первый подалъ мысль изъ нихъ Порфировъ. Этою мыслію былъ занятъ каждый изъ нихъ и Порфировъ, Сидоровъ и Поліевктовъ ежедневными напоминаніями показателю, чтобы онъ убилъ Осоргина, довели его наконецъ до того, что онъ почувствовалъ желаніе на это преступленіе; посему вечеромъ 14 сентября послѣ ужина, показатель, взявъ ружье, заряженное пулею за недѣлю до того дня, пришелъ къ господскому дому. Замѣтивъ изъ сада, что Осоргинъ ходилъ по комнатѣ, прицѣлился въ него сквозь стекло въ лѣвый бокъ и убилъ. Къ сему Ивановъ присовокупилъ, что на преступленіе это онъ рѣшился не собственно изъ мщенія, но болѣе по подстрекательству подсудимыхъ Сидорова, Поліевктова и Порфирова. Такое показаніе Ивановъ подтвердилъ и въ военномъ судѣ, добавивъ, что изъ подсудимыхъ Порфировъ снабдилъ его порохомъ для совершенія убійства. Но Порфировъ въ этомъ не сознался, отзываясь, что пороху Иванову онъ не давалъ, въ чемъ утвердился и на очной ставкѣ съ нимъ. Подсудимые *Сидоровъ* и *Поліевктовъ*, изъ которыхъ первый былъ при господскомъ домѣ кучеромъ, а послѣдній сапожникомъ, при слѣдствіи показали, что они были вовлечены въ убійство своего помѣщика подсудимымъ Ивановымъ, который первый подалъ мысль къ тому недѣли за двѣ до происшествія, при разговорѣ съ ними и подсудимымъ Порфировымъ о строгости помѣщика Осоргина. Участіе ихъ заключалось въ томъ, что они, узнавъ о намѣреніи Иванова, обѣщали хранить оное въ тайнѣ и не препятствовать приведенію его въ исполненіе. При этомъ изъ подсудимыхъ *Поліевктовъ* присовокупилъ, что помѣщикомъ своимъ онъ былъ всегда доволенъ и жестокости въ обращеніи его не видѣлъ, скрывалъ же объ умыслѣ на лишеніе его жизни по одной только глупости, предполагая, что намѣреніе не приведется въ исполненіе. Въ такомъ показаніи Сидоровъ и Поліевктовъ утвердились при слѣдствіи и на очной ставкѣ съ подсудимымъ Ивановымъ, который, утверждая по прежнему, что онъ самъ былъ подговоренъ къ убійству Осоргина подсудимымъ Порфировымъ, не сознался въ подговорѣ Сидорова и Поліевктова, отзываясь, что никогда не склонялъ ихъ къ убійству помѣщика. При допросахъ же *Сидорова* и *Поліевктова* въ военномъ судѣ

они отмѣнили свои показанія, данныя при слѣдствіи, отзываясь, что въ убійствѣ помѣщика они не участвовали и при слѣдствіи въ томъ не сознавались *).

Кромѣ того, было произведено изслѣдованіе *объ образѣ жизни помѣщика Осоргина* и о томъ, какъ обращался онъ съ своими крестьянами. При этомъ розысканіи были спрошены дворовые люди, крестьяне помѣщика Осоргина, находившіеся при господскомъ домѣ и проживавшіе въ окрестностяхъ его, а также государственные крестьяне сосѣднихъ селеній и окрестные помѣщики. Изъ этихъ свидѣтелей, дворовые люди и крестьяне Осоргина, спрошенные безъ присяги въ числѣ 78 человѣкъ, показали, что генералъ Осоргинъ обходился съ ними всегда ласково, не притѣсняя ихъ и при замѣченныхъ проступкахъ и безпорядкахъ дѣлалъ замѣчанія кротко, внушая имъ послушаніе и исполненіе ихъ обязанностей и избѣгая наказаній. Равно крестьяне не замѣчали притѣсненія со стороны генерала Осоргина и къ совершившимъ убійство подсудимымъ, напротивъ того изъ нихъ Порфирова помѣщикъ особенно любилъ, держалъ его всегда при себѣ и проводилъ съ нимъ отъ скуки время въ разговорахъ.

Такое же показаніе дали подъ присягою 46 казенныхъ крестьянъ сосѣдняго села, присовокупляя впрочемъ, что крестьяне и дворовые люди Осоргина при разговорахъ выражали неудовольствіе на него, будто онъ имѣлъ страсть къ прелюбодѣйной связи съ ихъ женами и дѣвками. При допросѣ крестьянокъ генералъ-маіора Осоргина, изъ нихъ Алексѣева, Стратонова, Прокофьева и мѣщанка Маркова, проживавшая въ господскомъ домѣ, сознались, что онѣ имѣли любовную связь съ помѣщикомъ Осоргинымъ, но по собственному согласію. Три помѣщика, живущіе въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ ген.-маіора Осоргина, объявили, что образъ жизни его, обращеніе съ крестьянами и дворовыми людьми и порядокъ управленія хозяйствомъ въ имѣніи—бы-

---

*) По дѣлу видно, что изъ подсудимыхъ Поліевктовъ самъ подписывалъ свои показанія при слѣдствіи и кромѣ того сознаніе свое какъ онъ, такъ и Сидоровъ подтвердили во время слѣдствія, при особомъ допросѣ офицеромъ корпуса жандармовъ въ присутствіи самарскаго губернскаго предводителя дворянства.

ли столь удовлетворительны, что могли быть поставлены въ примѣръ другимъ *).

Генералъ-аудиторіатъ, по соображеніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, нашелъ подсудимыхъ виновными: Иванова — въ умышленномъ убійствѣ ружейною пулею помѣщика своего, отставнаго генералъ-маіора Осоргина, а Порфирова, Сидорова и Поліевктова—въ знаніи о намѣреніи Иванова совершить это преступленіе и недонесеніи о томъ начальству. Посему генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: 1) подсудимыхъ Иванова, Порфирова, Сидорова и Поліевктова, на основ. 376, 379 и 380 ст. 1 кн. V ч. св. воен. пост., и согласно мнѣнію командира отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, наказать на мѣстѣ преступленія шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ: Иванова, какъ болѣе виновнаго, три раза, а прочихъ, во вниманіе къ тому, что они не принимали прямаго участія въ преступленіи, но зная о намѣреніи Иванова, только не донесли объ немъ по молодости лѣтъ, — по два раза каждаго и потомъ, по смыслу 124, 125, 1921 и 1922 ст. улож. о наказ. угол. и исправ., лишивъ ихъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ: Иванова безъ срока, а Порфирова, Сидорова и Поліевктова—на пятнадцать лѣтъ каждаго. 2) Отобранное отъ подсудимаго Иванова ружье, которымъ онъ совершилъ убійство, согласно мнѣнію генералъ-адъютанта Перовскаго, уничтожить. 3) Поступки прикосновенныхъ къ дѣлу крестьянокъ: Стратоновой, Алексѣевой, Прокофьевой и мѣщанки Чайкиной, обвиняемыхъ въ прелюбодѣйныхъ связяхъ съ помѣщикомъ Осоргинымъ, предоставить разсмотрѣнію духовнаго начальства.

Убійство управляющаго с. Лозоватой Гавріила Матковскаго крестьяниномъ Константиномъ Неумывакою.

3 апрѣля 1858 г. ночью въ имѣніи «Лозоватой», принадлежа-

*) Изъ подсудимыхъ Порфировъ и Поліевктовъ имѣли каждый по 19-ти лѣтъ, о лѣтахъ подсудимыхъ Иванова и Сидорова положительныхъ свѣдѣній нѣтъ, но сами они показали: Ивановъ, — что ему 30 лѣтъ, а Сидоровъ,—что ему 19 лѣтъ отъ роду; но осмотру же въ присутствіи военнаго суда, медикъ по наружному ихъ виду заключилъ, что Иванову—31 годъ, а Сидорову—21.

щемъ брацлавскому уѣздному предводителю дворянства Теофилю Рутковскому, умеръ управляющій этимъ имѣніемъ дворянинъ Гавріилъ Матковскій и 7 числа того же мѣсяца былъ погребенъ.

23 мая того же года брацлавскій земскій исправникъ въ предложеніи, данномъ земскому суду, изложилъ: «что изъ доставленныхъ ему свѣдѣній онъ имѣетъ полное основаніе полагать, что смерть Матковскому послѣдовала скоропостижно и съ насиліемъ. Матковскій обходился съ крестьянами всегда строго, наказывая ихъ за всякое упущеніе; мѣрою наказанія онъ не стѣснялся и ожесточилъ противъ себя крестьянъ еще тѣмъ, что въ домашнюю свою прислугу избиралъ всегда дѣвочекъ лѣтъ около 14 или 15 и склонялъ ихъ къ любострастію. За нѣсколько времени до смерти, Матковскій былъ нездоровъ, но предъ смертью здоровье его значительно поправилось и онъ занимался по своей обязанности управителя. Послѣ смерти Матковскаго, первымъ въ домъ его прибылъ находившійся съ нимъ въ дружбѣ крестьянинъ Парашукъ и узналъ о смерти Матковскаго отъ находившейся въ услуженіи дѣвицы Евгеніи Бураковой, которая утромъ рано пришла къ Парашуку и объявила съ видимымъ замѣшательствомъ, что хозяинъ ея не говоритъ и не отвѣчаетъ на ея вопросы. Придя къ Матковскому и увидѣвъ его лежащаго мертвымъ, Парашукъ послалъ мальчика за крестьяниномъ Сѣдлецкимъ. Сей послѣдній, прибывъ въ домъ Матковскаго, послалъ за священникомъ и позвалъ проходившаго дорогой крестьянина Семенюка. Всѣ эти лица, собравшись, видѣли, что Матковскій лежалъ на кровати подъ одѣяломъ и покрытый сверху тулупомъ; подъ головою его была кожанная подушка, а другая, пуховая, находилась въ той же комнатѣ, но безъ бѣлой наволочки. На стѣнѣ возлѣ кровати видны были вытертые слѣды крови, также въ ногахъ у кровати было нѣсколько кровяныхъ пятенъ. На лицѣ у Матковскаго были слѣдующіе знаки: на лбу надъ бровями были синія пятна, а посреди лба царапина, на шеѣ у него были два синія пятна, какъ бы отъ давленія пальцами. Находившіяся тогда въ домѣ Матковскаго вышеупомянутыя лица признали, что смерть Матковскому послѣдовала отъ апоплексическаго удара и знаки на лбу произошли отъ ушибовъ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, а такъ какъ Матковскій и до смерти каплялъ кровью,

то неудивительно, что возлѣ кровати были кровавыя пятна, кашляя же онъ имѣлъ обыкновеніе придерживать горло рукою отчего и произошли два синія пятна на шеѣ. Объяснивъ такимъ образомъ смерть Матковскаго, они, обмывъ тѣло, одѣли его, завязали шею ему платкомъ и положили на столъ. Когда тѣло Матковскаго было вынесено изъ комнаты, въ которой онъ умеръ, то комната та и сосѣдняя съ нею были запечатаны и распечатали ихъ только по прибытіи двухъ сестеръ Матковскаго, единственныхъ наслѣдницъ его имущества.»

При судебно-медицинскомъ осмотрѣ тѣла Матковскаго, вынутаго по распоряженію земскаго суда изъ могилы, брацлавскій уѣздный врачъ нашелъ, что лицо трупа было посинѣвшее; лѣвый високъ опухъ и посинѣлъ и такого же цвѣта были всѣ наружные покровы на скуловой кости съ той же стороны, сдѣлавшейся какъ бы отъ ушиба твердою, такая же опухоль была и на лбу съ правой стороны величиною съ полъ-ладони; шея съ передней стороны опухла и посинѣла, надкожица оной по снятіи платка отдѣлялась. Врачъ заключилъ, что смерть Матковскаго послѣдовала отъ насильственнаго удушенія. Таковое заключеніе врача признала правильнымъ и подольская врачебная управа.—При осмотрѣ затѣмъ временнымъ отдѣленіемъ, съ участіемъ понятыхъ, дома Матковскаго, найдено слѣдующее: въ комнатѣ, гдѣ стояла его кровать, въ ногахъ подлѣ ножки кровати на полу стертыя, но довольно замѣтныя, сошедшіяся между собою два небольшія пятна величиною каждое въ ладонь большой руки, а подлѣ нихъ въ направленіи къ дверямъ другой двери комнаты найдены густыя кровяныя капли, упадавшія повидимому перпендикулярно съ бока кровати на полъ. Стѣны дома послѣ смерти Матковскаго были уже выбѣлены известью и потому никакихъ слѣдовъ крови на нихъ не было замѣтно. На подушкѣ Матковскаго оказалось 11 кровавыхъ пятенъ равно и на одѣялѣ, которымъ былъ покрытъ Матковскій, были также кровяныя пятна.

На допросѣ прислуга Матковскаго: крестьянскія дѣвицы Буракова, Пастухова, кучеръ Антонюкъ, сторожа Неумывака и Котюкъ, крестьяне Семенюкъ и Парашукъ не сознались въ убійствѣ Матковскаго, причемъ нѣкоторые изъ нихъ объявили, что на лицѣ Матковскаго, хотя и видѣли знаки и царапины, не приписывали это апоплексическому удару. Подобно сему отвѣча-

лись и прочія привлеченныя къ допросу лица. Сестры Матковскаго Грушвицкая и Стржижовская показали, что хотя онѣ и видѣли кровавыя пятна на полу и стѣнѣ, въ коей умеръ братъ ихъ, но дѣвица Буракова объяснила имъ, что онѣ произошли отъ того, что братъ ихъ еще при жизни харкалъ кровью.—Во время производства слѣдствія по сему дѣлу крестьянинъ Антонюкъ объяснилъ, что 4-го апрѣля утромъ пришелъ въ конюшню Неумывака съ царапиною на носу; тогда онъ Антонюкъ объявляя ему о смерти управителя, спросилъ: «да не удушилъ-ли ты его» и Неумывака, сознаваясь въ преступленіи, просилъ о томъ никому не разсказывать.

Подсудимый *Неумывака* показалъ: что онъ находился у Матковскаго въ должности сторожа и часто претерпѣвалъ отъ него жестокіе побои; наканунѣ преступленія Матковскій побилъ его за то, что много дохло поросятъ; побои, нанесенные ему, были не жестокіе, но совершенно незаслуженные, и потому онъ рѣшился своему управителю за это отомстить. Вечеромъ въ тотъ же день, посовѣтывавшись съ дѣвкою Евгеніею Бураковою, когда въ домѣ все стихло, онъ отправился въ комнату, гдѣ спалъ Матковскій, схватилъ его за горло и душилъ. Матковскій хотѣлъ кричать и, привставъ, повернулся головою къ ногамъ постели и желая встать приподнялся, но, не имѣя силъ, упалъ вискомъ на хребетъ кровати и потомъ былъ окончательно удушенъ показателемъ. Въ преступленіи этомъ дѣвица Евгенія никакого участія не принимала, въ комнаты не входила и ничего не видѣла, только знала объ этомъ. Другая же дѣвченка Хима, спавшая тогда въ кухнѣ, ничего о томъ не знала и ничего не слыхала. Убѣдившись въ томъ, что Матковскій не живъ, онъ отправился въ кухню, взялъ зажженный ему Евгеніею каганецъ, вошелъ въ комнату Матковскаго и увидѣлъ, что изъ глазъ и носа его текло много крови на полъ; закрывъ окно простынею, онъ сталъ обмывать Матковскаго. Такъ-какъ на полу нельзя было отмыть кровь, то онъ досталъ изъ комода бритву и сталъ ею скоблить полъ, но видя, что и бритвою это сдѣлать нельзя, принялся мыть полъ водою, имъ же принесенною; для этого онъ взялъ простыню, которая была подъ Матковскимъ. Такимъ образомъ простыня и утиральникъ были совершенно въ крови; замѣтивъ пятна крови и на рубахѣ Матковскаго, онъ доставъ рубаху изъ

грязнаго бѣлья, надѣлъ ее на него и снявъ съ подушки наволочку, также обагренную кровью, все это сжегъ въ кухнѣ на огнѣ, разведенномъ Евгеніею, которая видѣла то бѣлье. Потомъ онъ, Неумывака, положилъ подъ голову Матковскаго кожаную подушку, покрылъ его одѣяломъ и тулупомъ и, взявъ лежавшіе на камодѣ 75 к. сер., вышелъ изъ дома, а Евгенія за нимъ заперла двери. Кромѣ того Неумывака прибавилъ, что Матковскій съ дѣвкою Екатериною прижилъ ребенка и продолжалъ съ ней связь, по выходѣ ея въ замужство; съ нимъ имѣла связь еще дѣвка Ирина Семенюкова и была имъ изнасилована Марія Яревчукова. Крестьянская дѣвка *Евгенія Буракова* показала, что вечеромъ того дня, когда убитъ Матковскій, дѣйствительно Неумывака говорилъ ей, что хочетъ убить управителя, но она думала, что онъ шутитъ, а когда онъ возвратился изъ комнаты Матковскаго, то она его спросила: «а что уже наробивъ лихо на свою голову»? то онъ ей отвѣтилъ — наробивъ. Но когда Неумывака просилъ ее зажечь огонь и указать ключи отъ бѣлья, то она рѣшительно отъ всего отказалась. Когда Неумывака вышелъ вторично отъ Матковскаго, то вынесъ подъ мышкою и сжегъ какое-то бѣлье, но была-ли на немъ кровь или нѣтъ, она не видѣла, и когда Неумывака вышелъ изъ дому, то она все думала, что Матковскій живъ. Когда помѣщикъ Рутковскій спрашивалъ ее послѣ погребенія Матковскаго о причинѣ обнаруженныхъ въ комнатѣ кровавыхъ пятенъ, она объявила, что они произошли отъ харканья.—На очной ставкѣ, данной Неумывакѣ съ Бураковою, сія послѣдняя отозвалась, что она огня не зажигала и бѣлья не сожигала и, чтобы былъ удушенъ Матковскій, не полагала и не вѣрила. Неумывака подтвердилъ, что она рѣшительно ни словомъ, ни дѣломъ ни въ чемъ ему не содѣйствовала.

На передопросѣ въ уѣздномъ судѣ Буракова показала, что объ удушеніи Матковскаго она ничего не знаетъ и въ первый разъ слышитъ. Когда же ей прочли прежнее показаніе, то она онаго не признала, объясняя, что ей дѣлано было пристрастіе приставомъ Смолинскимъ, что передъ допросомъ она была два раза наказываема на конюшнѣ розгами и по приводѣ ея къ допросу во временное отдѣленіе, ее ударили два раза по лицу *).—На очной

*) Помощникъ становаго пристава Смолинскій объяснилъ, что онъ Буракову никогда не наказывалъ и на очной ставкѣ уличалъ въ томъ Буракову, но она осталась при своемъ показаніи.

ставкѣ Бураковой съ Неумывакою, сей послѣдній объяснилъ, что она дѣйствительно о намѣреніи его ничего не знала и онъ наговорилъ на нее несправедливо, а дѣло было такъ: послѣ ужина онъ сказалъ другимъ мальчикамъ, что идетъ къ родителямъ, а самъ пошелъ въ домъ Матковскаго и вошелъ сперва въ одни сѣни, потомъ въ другіе, называемые грубникомъ и сидѣлъ, пока совершенно все не стихло. Совершивъ тогда убійство, онъ вышелъ такъ, что его никто не слышалъ, а въ сѣни дома Матковскаго загналъ собаку и затворивъ наружную дверь, сталъ травить другихъ собакъ, бывшихъ на дворѣ для того, чтобы залаяла та собака, которую онъ загналъ въ сѣни и тѣмъ разбудила бы спавшихъ тамъ дѣвокъ, что и случилось, ибо онъ видѣлъ, какъ кто-то выпустилъ собаку изъ сѣней и заперъ дверь. Буракова, придерживаясь своего послѣдняго показанія, объяснила, что она, проснувшись отъ лая собаки, выгнавъ собаку, заперла дверь на задвижку и пошла опять спать.

23 человѣка крестьянъ подъ присягою показали, что Матковскій былъ строгъ и неумолимъ, бралъ къ себѣ дѣвочекъ и отпускалъ отъ себя беременными. Нѣкоторые изъ нихъ жаловались Рутковскому на строгое и жестокое обращеніе Матковскаго, но помѣщикъ оставлялъ жалобы ихъ безъ вниманія. Къ сему обыскныя лица объявили, что Неумываку, Буракову и Антонюка они ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ не замѣчали.

Изъ метрической выписки оказалось, что крестьянинъ Константинъ Неумывака въ апрѣлѣ 1858 г., имѣлъ отъ рожденія 19 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ, а Буракова 15 лѣтъ и 3 мѣсяца.

Подольская уголовная палата опредѣлила: крестьянина Константина Неумываку, имѣвшаго во время совершенія преступленія менѣе 21-го года, за убійство Матковскаго, на основаніи ст. 21 и 151, улож. о нак., лишить всѣхъ правъ состоянія, наказать при полиціи чрезъ нижнихъ ея служителей восьмидесятью ударами розогъ и сослать въ каторжныя работы въ рудники на десять лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда. 2) Подсудимую крестьянку Буракову, 15 лѣтъ, на основ. 313 ст. 2 кн. XV т. св. зак. (изд. 1857 г.), оставить въ сильнѣйшемъ подозрѣніи въ знаніи о намѣреніи Неумываки убить Матковскаго, въ попущеніи сего подсудимаго на совершеніе убійства и

въ участіи съ нимъ въ сокрытіи и истребленіи слѣдовъ сего преступленія.

Вскорѣ послѣ представленія этого дѣла на ревизію прав. сената, подсудимый Неумывака умеръ; заключеніе же палаты въ отношеніи Бураковой было утверждено сенатомъ *).

О убійствѣ поручикомъ Домашневымъ дѣвицы Каролины Яворской *).

(Убійца по любви).

Поручикъ Домашневъ, состоя на службѣ въ бѣлостокскомъ пѣхотномъ полку и проживая въ м. Немировѣ (подольской губерніи, брацлавскаго уѣзда), познакомился здѣсь съ дочерью тульчинскаго однодворца дѣвицею Каролиною Яворскою, жившею у роднаго своего брата Франца Яворскаго. Въ январѣ 1839 года Домашневъ изъявилъ желаніе жениться на Каролинѣ Яворской, и получивъ на сіе согласіе какъ ея, такъ и ея отца, подалъ о томъ 10 января рапортъ полковому командиру и въ тоже время, по требованію послѣдняго, представилъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы. Подъ симъ условіемъ Домашневу разрѣшено было вступленіе въ бракъ. Вслѣдствіе сего Домашневъ, по совѣщаніи съ родственниками невѣсты, назначилъ день свадьбы 22 января, и въ этотъ день, когда все было приготовлено къ свадьбѣ и уже приглашенъ былъ полковой священникъ для совершенія обряда,—Домашневъ, ушедши изъ дома невѣсты подъ предлогомъ перемѣны мундира, не возвратился, а брату невѣсты, который приходилъ узнать о причинѣ замедленія, сказалъ, что боленъ и отлагаетъ свадьбу до весны. Въ тотъ же день Домашневъ съ двумя офицерами бѣлостокскаго полка: капитаномъ Ка-

---

*) Помѣщикъ Рутковскій былъ обвиненъ въ сокрытіи убійства Матковскаго, но сенатъ призналъ его отъ суда свободнымъ, вмѣнивъ ему въ обязанность на будущее время быть осторожнѣе въ выборѣ своихъ управителей и наблюдать за образомъ ихъ управленія.

*) Дѣло это по мотивамъ, внушившимъ преступленіе, представляетъ много общаго съ убійствомъ Прасковьи Григорьевой Рябининымъ (см. русскіе угол. процессы т. I., стр. 401—410).

лашниковымъ и поручикомъ Рутецкимъ, отправился изъ м. Немирова въ полковой штабъ м. Тульчинъ, гдѣ и былъ назначенъ ассесоромъ въ коммисію военнаго суда. Явившись къ полковому командиру, генералъ-маіору Любавскому, (какъ сей послѣдній увѣдомилъ), Домашневъ со слезами говорилъ ему, что чрезвычайно благодаренъ своимъ товарищамъ Калашникову и Рутецкому, что они отсовѣтовали ему жениться, и что онъ женитьбою погубилъ бы себя навсегда. Но вскорѣ послѣ того, 27 января, Домашневъ опять былъ уже у Каролины Яворской, и съ того времени нѣсколько разъ посѣщалъ ее, отлучаясь для сего изъ м. Тульчина въ Немирово. Наконецъ 19 февраля вечеромъ, пришедши къ Каролинѣ и найдя ее въ домѣ одну съ сестрою Іозефиною, Домашневъ попросилъ послѣднюю принести ему воды; когда же Іозефина вышла для того въ кухню, онъ въ это время выстрѣлилъ въ дѣвицу Каролину изъ пистолета пулею, отчего она мгновенно умерла *). Послѣ сего оставивъ на мѣстѣ два пистолета, шапку и шинель, Домашневъ отправился прямо на квартиру къ своимъ товарищамъ подпоручику Позднякову и прапорщику Гаврилову, самъ добровольно объявилъ имъ о сдѣланномъ убійствѣ и былъ арестованъ.

Сознаваясь въ убійствѣ дѣвицы Каролины Яворской, *Домашневъ* какъ при слѣдствіи, такъ и въ судѣ показалъ, что онъ 22 января не имѣвъ возможности вступить въ бракъ, рѣшился застрѣлить Каролину единственно *изъ любви къ ней* и въ удовлетвореніе собственнаго ея желанія по личнымъ неоднократнымъ ея убѣжденіямъ; Каролина Яворская, встрѣчая со стороны брата своего неудовольствія за ея любовь къ Домашневу и не имѣя силъ перенести ни разлуки съ нимъ, ни жестокости брата, неоднократно умоляла показателя умереть вмѣстѣ съ нею. Любя ее болѣе самого себя, онъ съ своей стороны убѣждалъ ее дождаться мясоѣда, когда онъ непремѣнно на ней женится, а до того времени желая укрыть ее отъ брата, подговаривалъ ее къ побѣгу въ м. Тульчинъ, но она на это не рѣшалась. Хотя же онъ, Домашневъ

*) По медицинскому осмотру оказалось, что рана нанесена дѣвицѣ Яворской въ лѣвую сторону груди между четвертымъ и пятымъ ребрами. Пуля прошла на вылетъ около передняго края лопатки на спинѣ съ правой стороны.

доведенный убѣжденіями и слезами ея до изступленія, далъ ей слово и клятву исполнить желаніе ея, но потомъ обдумался и хотѣлъ увезти ее, для чего и пріѣхалъ въ Немирово 17 февраля и пробылъ тамъ до 19 числа. Въ это время видѣвши Каролину нѣсколько разъ, убѣждалъ ее къ побѣгу; а она, не рѣшаясь на это, настаивала, чтобы имъ умереть вмѣстѣ. Въ послѣдній разъ 19 февраля она довела его словами своими до совершеннаго сумасшествія, и онъ застрѣлилъ ее. Послѣ того опамятовавшись, онъ прибѣжалъ къ товарищамъ своимъ и объявилъ о преступленіи своемъ, на которое посягнулъ, какъ уже объяснилъ, не съ порочнымъ какимъ либо умысломъ или изъ видовъ корысти, но единственно отъ неограниченной любви, доведшей его до безумія.

О томъ, какъ онъ застрѣлилъ Каролину Яворскую, *Домашневъ* показалъ различно. На *первомъ допросѣ* онъ объяснилъ, что пистолеты были его собственные, и что изъ одного пистолета онъ рѣшился убить дѣвицу Каролину, а изъ другаго себя. На второмъ допросѣ Домашневъ изложилъ, что когда сестра Каролины Іозефина пошла по просьбѣ его принести воды, то Каролина, вынувъ пистолеты изъ подъ подушки, подала ему одинъ, говоря: «мы должны кончить нашу жизнь сейчасъ», «благословляю тебя», — и въ то же мгновеніе раздались выстрѣлы залпомъ: она выстрѣлила въ него, а онъ въ нее. Она отъ сдѣланнаго въ нее выстрѣла упала и въ то же время умерла, а онъ остался невредимъ, и послѣ того, опомнясь, не хотѣлъ уже посягнуть на собственную жизнь и быть преступникомъ вдвойнѣ, а положилъ подвергнуть себя всей строгости закона. Пистолеты были точно его собственные, но оставлены у Каролины еще прежде 22 января. Кѣмъ они заряжены, не знаетъ, а полагаетъ, что Каролина сама ихъ зарядила, потому что у брата ея было нѣсколько ружей, и потому вѣрно у него были пули и порохъ.

Сестра убитой *Іозефина Яворская* показала, что 19 февраля вечеромъ, когда она оставалась въ домѣ одна съ Каролиною, пришелъ къ нимъ Домашневъ. Принесъ ли онъ тогда съ собою пистолеты, она не видала. Онъ говорилъ, что желаетъ въ тотъ вечеръ кончить все относительно свадьбы, и непремѣнно видѣться съ братомъ ихъ Францомъ. Обращаясь къ Каролинѣ, Домашневъ нѣсколько разъ сказалъ: «такъ Каролина! я сегодня конечно буду видѣться съ твоимъ братомъ и *все кончу*.» Къ чему

слова оіи клонились, показательница предвидѣть тогда не могла. Каролина отвѣчала ему: «кончите, когда желаете, вамъ никто не препятствуетъ; но брата теперь дома нѣтъ и, быть можетъ, онъ придетъ нескоро; не лучше ли завтра съ нимъ видѣться?»—«Нѣтъ! нѣтъ! отвѣчалъ Домашневъ: сего-дня я хочу его видѣть и сего-дня все кончу.» Послѣ сихъ словъ Домашневъ вышелъ изъ комнаты на дворъ, а чрезъ нѣсколько минутъ возвратившись, остановился въ дверяхъ первой комнаты и просилъ подать ему водки; Іозефина сказала, что водки нѣтъ, и Домашневъ просилъ ее подать ему по крайней мѣрѣ воды. Она пошла въ людскую за стаканомъ, и возвращаясь оттуда, увидѣла, что Домашневъ съ того мѣста, гдѣ стоялъ, выстрѣлилъ въ Каролину, сидѣвшую на стулѣ подлѣ окна. Бросивъ стаканъ, она, Іозефина, подбѣжавши къ Каролинѣ, схватила ее, не допуская упасть на землю. Тогда раздался другой выстрѣлъ; но на кого онъ былъ направленъ, она Іозефина, бывши тогда въ испугѣ, не видѣла. Послѣ втораго выстрѣла, она, опустивъ тѣло Каролины на полъ, выбѣжала на дворъ и кричала, прося помощи. Сестра ея Каролина о смерти и о томъ, что желаетъ быть Домашневымъ убита, ей не говорила. Что именно заставило Домашнева убить сестру ея, она, Іозефина, не знаетъ, и изъ разговоровъ ихъ, во всѣ ихъ свиданія, ничего не замѣтила.—*Домашневъ* противъ сего объяснилъ, что Іозефина во время разговора его съ Каролиною была въ другой комнатѣ и вышла къ нимъ тогда только, когда онъ послалъ ее за водой. Убивъ Каролину, онъ хотѣлъ застрѣлить себя и для того сдѣлалъ второй выстрѣлъ *).

Братъ убитой однодворецъ *Францъ Яворскій* показалъ, что онъ не только ей ничѣмъ не угрожалъ за привязанность ея къ Домашневу, но любя ее, оказывалъ ей при всей бѣдности своей, возможное пособіе къ вступленію въ бракъ съ Домашневымъ, Послѣ того какъ Домашневъ отказался отъ женитьбы (22 января), показатель не воспрещалъ ему посѣщать его домъ, полагая, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ разстроили свадьбу недоброже-

*) Откуда Домашневымъ взяты пистолеты, которыми произведено убійство, не открыто; но въ домѣ, гдѣ Домашневъ останавливался въ м. Немировѣ, по пріѣздѣ его туда 17 февраля видѣли у него два пистолета; на вопросъ хозяина дома, для чего онъ имѣетъ ихъ съ собою, Домашневъ отвѣчалъ, что вышелъ въ отставку, ѣдетъ домой и заѣхалъ проститься

лательные люди. Вслѣдствіе наступившаго поста Домашневъ не могъ немедленно жениться.—*Жители* м. Немирова Іосифъ и Леонардъ *Давыдовскіе*, у коихъ Домашневъ останавливался пріѣзжая въ м. Немирово, показали безъ присяги *), что они никогда Каролину Яворскую какъ при свиданіяхъ съ Домашневымъ, такъ и въ другое время, плакавшею не видали, и о причинахъ, побудившихъ Домашнева на убійство ея, не знаютъ.—*Домашневъ*, доказывая, что Яворскій преслѣдовалъ сестру свою Каролину, объяснилъ, что однажды, когда она плакала въ присутствіи Іосифа Давыдовскаго, Яворскій, схвативъ саблю, бросился къ ней, но удержанъ былъ Давыдовскимъ; послѣ того, оставя Каролину, онъ обратился къ Давыдовскому и разрубилъ ему саблею носъ.—Яворскій и Давыдовскій отозвались, что такого случая никогда не было, а при освидѣтельствованіи Давыдовскаго никакого шрама у него на носу и вообще на лицѣ не оказалось.—Изъ числа жителей м. Немирова *12 человѣкъ* подъ присягою показали, что однодворецъ Францъ Яворскій и сестра его Каролина поведенія хорошаго, и что Яворскій какъ съ нею, такъ и съ другими родственниками и со всѣми окрестными жителями жилъ въ мирѣ и согласіи. Выдавая сестру свою Каролину за поручика Домашнева, Яворскій, при всей бѣдности своей, старался приготовить все возможное для хозяйства сестры.

Изъ переписки поручика Домашнева съ Каролиною Яворской и съ другими лицами оказалось слѣдующее: черезъ день послѣ несостоявшейся свадьбы Леонардъ Давыдовскій 24 января писалъ Домашневу, что бывши у Яворскихъ, онъ слышалъ, что обязательство, данное Домашневымъ Каролинѣ Яворской на вступленіе съ нею въ бракъ, братъ ея хочетъ представить мимо ближайшихъ начальниковъ прямо къ корпусному командиру; только она не отдастъ того обязательства прежде свиданія ея съ Домашневымъ и рѣшительнаго его отвѣта.—Въ тотъ же день сама *Каролина* писала Домашневу, что она все его любитъ и онъ напрасно зоветъ ее измѣнницей, что она умѣетъ прощать самыя жесточайшія обиды и, не будучи преступницей предъ Богомъ, не будетъ отвѣчать за гнусные поступки и невѣрность.—Послѣ того *Домашневъ* писалъ и къ Каролинѣ и къ сестрѣ ея Петронеллѣ

*) Изъ показаній ихъ видно, что они Яворскимъ близкіе родственники.

(бывшей въ замужествѣ за Іосифомъ Давыдовскимъ). Въ этихъ письмахъ Домашневъ, называя себя преступникомъ противъ Бога и Каролины, прибавляетъ, что сдѣлалъ ей обиду не по собственной волѣ, а по внушенію злыхъ своихъ товарищей, что чувства его къ ней нисколько не измѣнились, и что онъ готовъ вступить съ нею въ бракъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ просилъ дозволенія явиться къ нимъ *).—29 января Домашневъ при письмѣ прислалъ Каролинѣ патенты свои на прапорщичій и подпоручичій чины въ доказательство того, что онъ не измѣнитъ даннаго ей слова. Каролина Яворская въ письмѣ отъ 30 января, увѣдомляя Домашнева о полученіи офицерскихъ его патентовъ и благодаря его за вѣрное исполненіе даннаго слова, упоминала вмѣстѣ съ тѣмъ, что тоска сокрушила ея сердце, что она каждую минуту проклинаетъ день, который сдѣлалъ ее несчастною, проклинаетъ и себя, что вѣрила словамъ его, что онъ поставилъ ее въ посмѣшище всему народу и подлымъ своимъ товарищамъ; что прежде клеветали на нее невинно, но настоящее ея положеніе ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнено, потомучто всѣ, кто только кипѣлъ къ ней ненавистью и злостію, открыто смѣются надъ ней. При всемъ томъ она любитъ его, Домашнева, и не забудетъ даннаго ему слова, хотя на его сердце, привыкшее къ измѣнамъ, и не надѣется.—Того же 30 января *Леонардъ Давыдовскій* писалъ къ Домашневу, что появленіе его въ Немировѣ не укрылось отъ глазъ тамошнихъ интригановъ, но всѣ, находясь въ изумленіи, не знаютъ причины его пріѣзда. Присемъ увѣдомляя Домашнева, что брата Каролины Франца Яворскаго дома еще нѣтъ, прибавилъ, что онъ надѣется, что дѣло окончится благополучно **).

---

*) 27 числа Домашневъ былъ уже въ м. Немировѣ и послѣ свиданія съ Каролиною Яворскою, вмѣстѣ съ нею и родственниками ея ходилъ къ католическому ксендзу и просилъ обвѣнчать его съ Каролиною; но ксендзъ отозвался, что не можетъ этого сдѣлать прежде совершенія брака по обряду православной церкви. Послѣ того Домашневъ ходилъ съ просьбою о томъ къ русскому священнику, но и этотъ не согласился вѣнчать его, отзываясь, что приходскимъ священникамъ въ требы воинскихъ чиновъ вмѣшиваться не велѣно.

**) Домашневъ при слѣдствіи объяснилъ, что упоминаемое въ письмѣ Давыдовскаго дѣло состояло въ намѣреніи увезти Каролину Яворскую отъ брата ея, но Леонардъ Давыдовскій на сіе отозвался, что увоза Каролины вовсе и не предполагалось.

Наконецъ Домашневъ объяснилъ, что причиною, почему онъ не обвѣнчавшись съ Каролиною Яворскою 22 января, уѣхалъ въ м. Тульчинъ, были офицеры бѣлостокскаго пѣхотнаго полка, собравшіеся по приглашенію его на свадьбу, а именно: капитанъ Калашниковъ, подпоручикъ Тюпинъ, прапорщикъ Гавриловъ, лѣкарь Гусинскій и отставной штабсъ-капитанъ Раздеришинъ. Они, по приходѣ его 22 января отъ невѣсты въ квартиру свою, сказали ему, что вѣнчаться *не позволятъ*; особенно въ этомъ настаивали изъ нихъ Калашниковъ и Рутецкій, вызвавши его въ другую комнату. Отъ такого неожиданнаго препятствія онъ, Домашневъ, упалъ въ обморокъ, и они взяли его на другую квартиру и увезли съ собою въ Тульчинъ. — Изъ числа означенныхъ лицъ *прапорщикъ Гавриловъ* отозвался, что онъ, бывъ приглашенъ Домашневымъ на свадьбу, ничего ему относительно женитьбы не говорилъ, но капитанъ Калашниковъ и прочіе офицеры внушали ему, что Каролина Яворская поведенія худаго, и изъ нихъ Калашниковъ, приглашенный быть посаженнымъ отцомъ, сказалъ Домашневу, что онъ женитьбою своею срамитъ весь полкъ, и что поэтому онъ, Калашниковъ, не хочетъ принять на себя сей обязанности. Капитанъ *Калашниковъ*, поручикъ *Рутецкій* и подпоручикъ *Тюпинъ* показали, что они, не имѣя никакой власти надъ Домашневымъ, не могли ему препятствовать въ женитьбѣ, а подавали только совѣты не жениться и были всѣ въ м. Немировѣ случайно.

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ призналъ, что подсудимый поручикъ Домашневъ влюбился страстно въ однодворческую дочь дѣвицу Каролину Яворскую, и будучи любимъ ею взаимно, вознамѣрился на ней жениться, но встрѣтивъ препятствіе какъ со стороны товарищей, которые не одобряли его женитьбы по бѣдности и низкому происхожденію невѣсты, такъ и со стороны начальства, которое дало ему позволеніе на женитьбу съ условіемъ оставить службу, безъ коей онъ по бѣдному состоянію не могъ обойтись,— Домашневъ не имѣя силъ разстаться съ этою дѣвицею въ изступленіи ума рѣшился убить ее, и съ этой цѣлью пришедши къ ней въ домъ, застрѣлилъ ее изъ пистолета, и въ то же время выстрѣлилъ изъ другаго пистолета въ намѣреніи, какъ онъ показываетъ, лишить себя жизни, но сдѣлалъ промахъ, а потомъ, не рѣшаясь вновь на самоубійство и подвергая себя строгости законовъ, тотчасъ явился къ своимъ

товарищамъ и объявилъ имъ о преступленіи своемъ. Посему генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь свода военныхъ постановленій устава военно-уголовнаго книги 1 ст. 377 полагалъ: подсудимаго поручика Домашнева за убійство, въ которомъ онъ самъ принесъ повинную, лишивъ чиновъ и дворянскаго достоинства, сослать въ Сибирь въ каторжную работу на десять лѣтъ, а потомъ обратить на поселеніе. Но, принимая въ уваженіе причины, вовлекшія поручика Домашнева въ преступленіе, которое онъ совершилъ не по злобѣ, но единственно по сильной страсти своей къ убитой имъ дѣвицѣ, не могши ни оставить ее по слабости характера, ни вступить съ нею въ бракъ по недостаточному своему состоянію, генералъ-аудиторіатъ повергалъ участь его на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора, всеподданнѣйше ходатайствуя о замѣнѣ опредѣленнаго ему по законамъ наказанія ссылкою въ Сибирь на поселеніе, съ преданіемъ тамъ церковному покаянію по назначенію духовнаго начальства.

18 іюня 1840 г. это мнѣніе генералъ-аудиторіата удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Убійство Карломъ Кампрадомъ невѣсты его Амаліи Іорданъ.

(Убійца по любви).

Житель города Митавы, девятнадцатилѣтній подмастерье Карлъ Кампрадъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1852 г. познакомился съ дѣвицею Амаліею Іорданъ и въ февралѣ слѣдующаго года былъ помолвленъ съ нею съ согласія ея матери, Елисаветы Іорданъ. Въ августѣ мѣсяцѣ Елисавета Іорданъ взяла назадъ свое слово и отказала Кампраду въ рукѣ дочери.

18-го августа квартальный надзиратель города Митавы былъ извѣщенъ о смертоубійствѣ, совершенномъ въ домѣ Елисаветы Іорданъ. Прибывъ туда, онъ нашелъ Амалію Іорданъ мертвою, а Кампрада раненымъ. Кампрадъ былъ отправленъ въ больницу, а по выздоровленіи, 8-го сентября перемѣщенъ въ городской тюремный замокъ.

19-го августа происходило вскрытіе трупа Амаліи Іорданъ. На лѣвой сторонѣ груди оказалась рана длиною въ $^1/_2$ дюйма,

глубиною въ 4 дюйма. Рана эта проходила насквозь черезъ сердце, и, по заключенію врача, имѣла послѣдствіемъ смерть Амаліи Іорданъ.

При допросѣ въ управѣ благочинія, 16-го сентября *Кампрадъ* показалъ, что онъ страстно любилъ свою невѣсту и Амалія Іорданъ также очень любила его. Елисавета Іорданъ сначала обращалась съ нимъ какъ съ сыномъ, но въ послѣднее время измѣнила свое обращеніе и наконецъ потребовала, чтобы онъ отказался отъ руки дочери. Это требованіе, глубоко поразившее его, ни днемъ, ни ночью не давало ему покоя. Незадолго до несчастнаго событія, Амалія, когда онъ засталъ ее одну дома, со слезами жаловалась ему, что мать принуждаетъ ее не выходить за него замужъ. Въ это время Елисавета Іорданъ возвратилась домой и онъ началъ умолять ее не разлучать ихъ и не дѣлать тѣмъ обоихъ несчастными, но всѣ просьбы его были тщетны. Въ отчаяніи онъ отправился домой и отъ волненія не могъ заснуть. На другое утро онъ сѣлъ работать, но чувствовалъ такую дрожь, что работа выпадала у него изъ рукъ. Въ этомъ тревожномъ состояніи рѣшился онъ отправиться еще разъ ко вдовѣ Іорданъ, возобновить свои просьбы, и если онѣ останутся безуспѣшными, то умереть вмѣстѣ съ Амаліею. Для этого онъ взялъ употребляемый при перчаточной работѣ остроконечный ножъ и придѣлалъ къ нему ручку. Прійдя къ Елисаветѣ Іорданъ, онъ убѣждалъ ее согласиться на его свадьбу съ Амаліей, но когда и на этотъ разъ всѣ старанія его остались напрасны, то, потерявъ всякую надежду, безутѣшный, вышелъ изъ комнаты. Вызвавъ въ сѣни Амалію, онъ сказалъ ей, что такъ какъ имъ нѣтъ болѣе надежды жить вмѣстѣ, то не лучше ли имъ вмѣстѣ умереть. Амалія со слезами на глазахъ протянула ему руку; во взглядѣ ея онъ прочелъ ея согласіе и вонзилъ ей ножъ въ сердце. (Произнося эти послѣднія слова, Кампрадъ впалъ въ такое изнеможеніе, что продолженіе допроса было отложено управою до другаго раза).

Въ присутствіи фогтейскаго суда, 2-го октября, Кампрадъ изъявилъ полное раскаяніе въ своемъ преступленіи, объясняя, что онъ не имѣлъ никакого основанія ревновать свою невѣсту. Ему казалось только, что и для невѣсты и для него самого лучше умереть, нежели жить въ разлукѣ другъ съ другомъ. Кромѣ

того онъ опасался, что мать Амаліи принудитъ ее выдти замужъ за другаго, и онъ такимъ образомъ навсегда лишится ея. (И на этотъ разъ допросъ былъ остановленъ вслѣдствіе душевнаго волненія и физическаго изнеможенія подсудимаго). Далѣе Кампрадъ показалъ, что отецъ и мать его живутъ въ Варшавѣ, гдѣ и онъ находился постоянно до 1852 г. До тринадцати лѣтъ онъ посѣщалъ въ Варшавѣ уѣздное училищѣ, обучался во всѣхъ классахъ его и былъ конфирмованъ по обряду лютеранскаго вѣроисповѣданія. Амалія Іорданъ при самомъ первомъ знакомствѣ произвела на него глубокое впечатлѣніе; онъ скоро почувствовалъ къ ней самую пламенную любовь и пришелъ къ убѣжденію, что разлука съ нею будетъ для него ужаснѣе смерти. Со времени помолвки съ Амаліею, онъ былъ совершенно счастливъ и никогда не имѣлъ причины быть ревнивымъ, такъ какъ Амалія искренно любила его.

Вдова *Елисавета Іорданъ* показала, что дочь ея Амалія 1-го февраля 1853 года была помолвлена съ Кампрадомъ, который съ этого времени проводилъ у нихъ всѣ вечера и съ невѣстою никогда не ссорился. 17-го августа она вмѣстѣ съ дочерью была въ гостяхъ у своего сына, къ которому вскорѣ пришелъ и хозяинъ Кампрада, Людвигъ. Людвигъ совѣтовалъ ей отказать Кампраду, такъ какъ онъ не въ состояніи пропитать жену и вообще дурной человѣкъ. Возвращаясь домой, она убѣждала дочь свою прервать на время всѣ сношенія съ Кампрадомъ, пока послѣдній не пріобрѣтетъ достаточныхъ средствъ къ существованію. Дочь ея на это согласилась. Къ несчастію Кампрадъ шелъ по улицѣ сзади ихъ, ими незамѣченный, и слышалъ весь ихъ разговоръ. Когда Кампрадъ пришелъ къ нимъ на слѣдующій день, то она стала убѣждать его отложить свадьбу. Дочь ея просила Кампрада о томъ же, обѣщая ему выдти за него замужъ, какъ только обстоятельства его поправятся. Но Кампрадъ, не довольствуясь этимъ, требовалъ отъ Амаліи клятвы въ вѣрности, на что Амалія не согласилась. Тогда Кампрадъ вышелъ въ сѣни и вызвалъ туда Амалію. Вслѣдъ затѣмъ Елисавета Іорданъ услышала крикъ, выбѣжала въ сѣни, и, увидѣвъ Амалію всю въ крови, хотѣла звать на помощь, но Амалія просила ее не кричать. Въ ту же минуту она замѣтила, что Кампрадъ вонзилъ себѣ ножъ въ грудь; въ страхѣ она бросилась къ

нему и выхватила ножъ изъ раны. Между тѣмъ дочь ея, дойдя до дивана, упала и умерла. Къ этому Елисавета Іорданъ добавила, что обращенія своего съ Кампрадомъ никогда не перемѣняла, всегда была съ нимъ ласкова и готова была согласится на свадьбу его съ Амаліею, какъ скоро только устроились бы денежныя обстоятельства его. Дочь ея любила Кампрада искреннею любовью и отнюдь не интересовалась другимъ мужчиною.

Показаніе Елисаветы Іорданъ было предъявлено Кампраду, который объяснилъ, что разговора Елисаветы Іорданъ съ Амаліею на улицѣ онъ вовсе не слышалъ; требовалъ ли онъ отъ Амаліи клятвы въ вѣрности, не помнитъ, потому что въ день преступленія находился въ слишкомъ тревожномъ состояніи; Амалія на разрывъ ихъ прежнихъ отношеній не была согласна, и этого требовала одна только Елисавета Іорданъ.

Перчаточные мастера *Людвигъ* и *Шелле*, у которыхъ Кампрадъ находился подмастерьемъ, отозвались, что онъ искусный работникъ, доброй нравственности и хорошій домочадецъ. При этомъ Людвигъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно былъ съ вдовою Іорданъ у ея сына и говорилъ ей, что большая глупость со стороны Кампрада думать о женитьбѣ, не имѣя еще достаточныхъ средствъ для семейной жизни. Кампрадъ поступилъ къ нему въ работу на пасхѣ и всегда былъ веселъ, но не задолго до несчастнаго событія сдѣлался разстроеннымъ и задумчивымъ, такъ что часто бросалъ работу и сидѣлъ совершенно неподвижно, погруженный въ мысли, или ходилъ по комнатѣ, не говоря ни слова, и вообще въ немъ обнаруживалось большое волненіе.

Фогтейскій судъ въ постановленіи 17-го октября изложилъ, что Кампрадъ представляется человѣкомъ эксцентричнымъ и восторженнымъ, читавшимъ много романовъ. На вопросъ, предпочелъ ли бы онъ жизнь смерти, если бы ему предоставленъ былъ выборъ, онъ отвѣчалъ, что конечно желалъ бы лучше умереть, такъ-какъ жизнь при такихъ обстоятельствахъ можетъ быть ему лишь ненавистною; однако онъ не отважится болѣе посягнуть на свою жизнь, потому-что изъ разговоровъ съ пасторомъ въ тюрьмѣ убѣдился, что самому полагать конецъ своей жизни есть дѣло грѣховное.

Общее собраніе 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ правительствующаго сената, до разсмотрѣнія котораго доходило настоящее дѣло, нашло, что Кампрадъ совершилъ убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, и притомъ заманилъ Амалію Іорданъ въ такое мѣсто, гдѣ ему удобнѣе было совершить преступленіе. Посему, примѣняясь къ пункту 3-му ст. 2002-й улож. о наказ., общее собраніе опредѣлило: лишивъ несовершеннолѣтняго мѣщанина Карла Кампрада всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ каторжную работу въ рудникахъ на десять лѣтъ, безъ тѣлеснаго наказанія, за силою всемилостивѣйшаго манифеста 27-го марта 1855 года.

Это рѣшеніе не было приведено въ исполненіе по неизлечимой болѣзни Кампрада, вслѣдствіе которой онъ оставленъ былъ на всю жизнь въ митавской тюрьмѣ.

Въ 1860 году рижскій военный, лифляндскій, эстляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ доставилъ въ коммисію прошеній всеподданѣйшее прошеніе Кампрада, ходатайствовавшаго о всемилостивѣйшемъ освобожденіи его изъ заключенія для доставленія помощи престарѣлому отцу его, жительствующему въ гор. Варшавѣ, разбитому параличемъ и не имѣющему другихъ дѣтей, кромѣ просителя. При этомъ князь Суворовъ свидѣтельствовалъ объ искреннемъ раскаяніи Кампрада и объ отличномъ поведеніи его во все время семилѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ.

Управляющій министерствомъ юстиціи, на заключеніе котораго была препровождена всеподданнѣйшая просьба Кампрада, принялъ во вниманіе: 1) что Кампрадъ совершилъ преступленіе единственно подъ вліяніемъ любви, ревности и отчаянія, безъ всякихъ низкихъ побужденій; 2) одновременно съ убійствомъ Амаліи Іорданъ онъ посягнулъ и на собственную жизнь; 3) что онъ на допросахъ выразилъ полное и чистосердечное раскаяніе; 4) что во время совершенія преступленія ему было только девятнадцать лѣтъ отъ роду, и 5) что поведеніе его до совершенія преступленія вполнѣ одобрено, а въ тюрьмѣ онъ, по отзыву начальства, оказался поведенія отличнаго и совершенно спокойнаго характера. По всѣмъ этимъ основаніямъ, находя, что преступленіе Кампрада, бывшее болѣе послѣдствіемъ увлеченія страстью, нежели испорченной злой воли, не устраняетъ возмо-

жности надѣяться на полное, совершенное исправленіе его, и что исключеніе его навсегда изъ общества превышало бы мѣру вины его, управляющій министерствомъ юстиціи признавалъ возможнымъ удовлетворить ходатайство Кампрада.

По всеподданнѣйшему докладу товарища статсъ-секретаря у принятія прошеній, Его Императорскому Величеству благоугодно было, согласно съ мнѣніемъ управляющаго министерствомъ юстиціи, дозволить просителю отправиться къ больному отцу, но съ тѣмъ, чтобы онъ оставался подъ полицейскимъ надзоромъ до истеченія десятилѣтняго срока со дня объявленія ему судебнаго приговора.—Объ исполненіи этого Высочайшаго повелѣнія предложено правительствующему сенату 15-го февраля, 1861 года.

О подполковникѣ Михаилѣ Коптевѣ, убившемъ свою беременную жену.

Настоящее дѣло заслуживаетъ вниманія не только по драматизму подробностей, но и по самой *необычайности* преступленія: подполковникъ Коптевъ, послѣ семилѣтняго супружества! страстно влюбленный въ свою жену, жившій съ нею по отзыву ихъ знакомыхъ столь согласно, что возбуждалъ всеобщую зависть, проведя весь день, въ который совершено было преступленіе (24 августа) съ женою безъ всякихъ ссоръ, проспавъ послѣ обѣда въ теченіи 4 часовъ и будучи веселъ и предупредителенъ съ гостями, бывшими у него вечеромъ,—но уходѣ гостей, въ 11 часовъ ночи застрѣлилъ свою жену изъ пистолета. При слѣдствіи никакой побудительной причины къ преступленію съ его стороны не открыто, а самъ онъ объявилъ, что не понимаетъ, за что и какимъ образомъ онъ могъ убить жену. Такимъ образомъ возникаютъ слѣдующія предположенія: 1) что Коптевъ имѣлъ какую либо важную побудительную причину къ совершенію преступленія, оставшуюся нераскрытою; 2) что онъ убилъ жену въ припадкѣ раздражительности и умоизступленія, или 3) что выстрѣлъ произошелъ нечаянно. Разрѣшеніе этихъ сомнѣній мы предоставляемъ усмотрѣнію читателей.

Подполковникъ Коптевъ Высочайшимъ приказомъ 11 января 1860 г. переведенъ былъ въ грузинскій гренадерскій полкъ. Въ мартѣ 1860 г. Коптевъ прибылъ съ женою и малолѣтнею дочерью въ полкъ, расположенный въ урочищѣ «Бѣлый Ключъ», а 12 апрѣля отправился въ дѣйствовавшій противъ горцевъ кадорскій отрядъ оставивъ жену и дочь въ означенномъ урочищѣ; 29 мая онъ пріѣзжалъ къ женѣ и дочери на 10 дней, а 8 іюня опять отправился въ отрядъ; наконецъ 19 августа снова пріѣхалъ къ нимъ въ отпускъ на двѣ недѣли. Чрезъ 5 дней по пріѣздѣ его, именно 24 числа, ночью, часу въ 12-мъ, находившимся у Коптева вѣстовымъ приглашены были въ ихъ домъ двое военныхъ лекарей для поданія помощи женѣ Коптева, которая, по прибытіи докторовъ, найдена была мертвою отъ нанесенной ей раны въ грудь выстрѣломъ изъ пистолета; вслѣдствіе сего подполковникъ Коптевъ, объявившій при этомъ, что убійство совершено имъ, тотчасъ былъ арестованъ, а о поступкѣ его на другой же день предписано было произвести слѣдствіе.

По *медицинскому освидѣтельствованію*, произведенному 25 августа старшимъ лекаремъ грузинскаго полка надворнымъ совѣтникомъ Савицкимъ, оказалось, что пулевой входъ раны (величиною въ горошину), съ темною посинѣвшею окружностію и вдавленіемъ, находился на лѣвой половинѣ груди въ уровень съ титечнымъ сосковъ и грудною костью, между хрящами пятаго и шестаго лѣвыхъ реберъ; а выходъ на спинѣ, почти перпендикулярно, на четыре поперечныхъ пальца ниже оконечности лѣвой лопатки, представляя отверстіе меньше перваго, съ замѣтно вывороченными, порванными краями, чрезъ которые слабо сочилась кровь. Вскрытіе полости груди обнаружило рану, проницающую легкія и лѣвый желудочекъ сердца. Покойная Коптева оказалась *беременною*, а потому для опредѣленія времени зачатія вскрыта была брюшная полость. Присемъ обнаружено, что матка примѣтно увеличилась и нѣсколько опустилась къ рукаву, принявъ овальный видъ. По вскрытіи полости ея, найдено яйцо съ зародышемъ, величиною съ куриное яйцо, а самый зародышъ достигалъ величины большаго боба, съ очертаніемъ явственнаго развитія головки, туловища и конечностей, даже съ примѣтными дѣтородными частями мужескаго пола, такъ что беременность должна была продолжаться болѣе двухъ мѣсяцевъ.

За симъ въ актѣ медицинскаго свидѣтельства лекаремъ Савицкимъ изложено, что 24 августа въ половинѣ 12 часа ночи подполковникъ Коптевъ потребовалъ его экстренно, но неопредѣленно для поданія пособія умирающему. У подъѣзда квартиры Коптева онъ, Савицкій, узналъ отъ прислуги о нанесеніи огнестрѣльной раны Коптевымъ женѣ своей, которую онъ, Савицкій, нашелъ въ спальнѣ уже умершею, лежавшею на кровати, въ положеніи распростертомъ навзничь, въ сорочкѣ, до половины прикрытой фланелевымъ одѣяломъ, съ окровавленною сквозною раною въ груди; въ другой комнатѣ нашелъ Коптева, хотя въ *хмѣльномъ видѣ*, но преданнаго полному отчаянію сожалѣнія объ убійствѣ имъ своей жены. На вопросъ его, Савицкаго: какъ это случилось? Коптевъ отвѣчалъ: «когда я вошелъ къ женѣ въ спальню, чтобы лечь спать, она глубоко вздохнула и произнесла: «какъ бы хорошо было умереть въ эту минуту». Я схватилъ близко находившійся револьверъ, говоря ей: «слѣдовательно жизнь тебѣ со мною не мила, изволь я одолжу тебя,» и въ моментъ равнодушнаго ея отвѣта, послѣдовалъ непостижимый выстрѣлъ. Такимъ образомъ я убилъ любимую свою жену. Воскреси, докторъ!»—Предъ этимъ (какъ носятся слухи), неизвѣстно о чемъ былъ между мужемъ и женою жаркій разговоръ на французскомъ языкѣ. Изъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ лекарь Савицкій заключилъ, что причина скоропостижной смерти въ настоящемъ случаѣ слишкомъ очевидна; предшествовавшее же несчастію печальное настроеніе души покойной и разговоръ ея на тему желанія смерти *отчасти* отнести можно и къ беременному ея положенію. Но въ какой степени преднамѣрено убійство, рѣшить трудно.

Спрошенныя при слѣдствіи лица показали: деньщикъ подсудимаго подполковника Коптева *Логинъ Тереховъ* подъ присягою, что 24 числа, т. е. въ день происшествія, утромъ, часовъ въ 10-ть Коптевъ уходилъ изъ дому къ кому то съ визитомъ, гдѣ пробылъ часъ или болѣе; по возвращеніи его вскорѣ стали обѣдать; послѣ обѣда Коптевъ спалъ часа четыре, а жена занималась какой-то работой, потомъ мужъ и жена пили чай и о чемъ-то весело разговаривали между собою, а вскорѣ пришли къ нимъ гости: капитанъ Щербаковъ, штабсъ-капитанъ Щербаковъ съ женою и поручикъ князь Микеладзе; всѣ они играли въ карты, а по окончаніи игры, было приказано ему, Терехову, подать ужинъ, за который

сѣли какъ госпожа его, такъ и всѣ гости. Самъ же Коптевъ, выпивъ не болѣе четверти стакана вина, недопитаго его женою, не садился за столъ, а ходилъ по комнатѣ и разговаривалъ; когда кончился ужинъ и гости собрались домой, то Коптевъ, надѣвъ своей женѣ бурнусъ и взявши ее подъ руку, пошелъ съ нею провожать гостей, а показатель, убравъ въ комнатахъ, пошелъ на кухню и не видѣлъ когда возвратились господа его домой. Въ то время когда онъ, Тереховъ, ужиналъ, вбѣжала на кухню горничная Коптевыхъ и съ испугомъ объявила ему объ убійствѣ Коптевымъ своей жены; показатель тотчасъ побѣжалъ въ спальню, гдѣ увидѣлъ своего господина съ пистолетомъ въ рукѣ. Коптевъ, замѣтивъ показателя, бросилъ пистолетъ на находившійся у кровати столъ; какъ помѣшанный и съ отчаяніемъ онъ объявилъ объ убійствѣ своей жены, бросился къ ней, цѣловалъ и обнималъ ее, и затѣмъ вскричавъ, чтобы позвать доктора, выпилъ полстакана вина, и наконецъ, вставъ на колѣни, началъ молиться, говоря: «Господи, прости меня, за что я убилъ невинную мою жену!» Послѣ сего онъ, выйдя въ залъ, легъ на диванъ и горько плакалъ. Когда же явился докторъ, то Коптевъ, обнимая его, просилъ воскресить его жену. Коптевы жили между собою въ постоянномъ согласіи, а встрѣча ихъ при возвращеніи Коптева изъ отряда была самая дружественная и въ день происшествія господа его были очень веселы.—Горничная Коптевыхъ дѣвица *Фетинья Плахина* подъ присягою объяснила, что когда господа ея, проводивъ гостей, возвратились домой, то жена Коптева, раздѣвшись, легла спать, самъ же Коптевъ сперва зашелъ въ дѣтскую комнату, а потомъ отправился въ спальню и притворивъ дверь оной (какъ и всегда), сталъ говорить что-то по французски, но разговоръ этотъ не выходилъ изъ границъ обыкновеннаго. Вскорѣ затѣмъ показательница услышала выстрѣлъ; испугавшись этого, она тотчасъ же побѣжала на кухню и сказала, что Коптевъ убилъ свою жену. Во все время служенія у Коптевыхъ она убѣдилась, что они жили очень дружно и никогда не ссорились.—Бывшій полиціймейстеромъ въ урочищѣ Бѣлый Ключъ штабсъ-капитанъ *Семененко* безъ присяги показалъ, что онъ, получивъ извѣстіе, около 12 часовъ ночи о происшествіи, тотчасъ же придя въ квартиру подсудимаго, встрѣтилъ его у входа въ корридоръ, причемъ Коптевъ буквально объявилъ ему слѣдующее: когда жена сказала ему: я желаю умереть, то онъ сказалъ ей:

если хочешь! Она отвѣтила: какъ хочешь! Въ это время послѣдовалъ выстрѣлъ, самъ не знаетъ какъ». Подполковникъ Коптевъ, какъ показатель могъ замѣтить, былъ выпивши, но сожалѣлъ о событіи. Когда же пришли доктора Савицкій и Шульцъ, то Коптевъ, обратясь къ послѣднему, просилъ воскресить его жену, и затѣмъ приказывая сѣдлать лошадей, говорилъ, что поѣдетъ къ главнокомандующему и въ отрядъ и наконецъ къ графинѣ, которую будетъ просить о призрѣніи его дочери малолѣтки. Видя несообразныя требованія Коптева въ глубокую ночь, показатель сказавъ, что лошади уже готовы и что онъ графиню непремѣнно увидитъ, отвезъ его по настоянію доктора Шульца на гауптвахту, гдѣ онъ, тоскуя о случившемся несчастіи, какъ-бы забылся и уснулъ въ креслѣ.—Бывшій дежурнымъ на Бѣломъ Ключѣ въ день происшествія унтеръ-офицеръ *Ефимъ Серединъ* подъ присягою изложилъ, что онъ ночью, часовъ въ 11-ть, войдя въ комнату, гдѣ лежала убитая, увидѣлъ, что самъ Коптевъ ходилъ въ другой комнатѣ, говоря: «Боже мой, что со мной случилось»! Когда же Коптевъ замѣтилъ показателя, то спросилъ, кто онъ и можетъ ли арестовать его, выругавъ при этомъ случаѣ; а потомъ началъ опять ходить по комнатѣ и заплакавъ, сказалъ: «напрасно я тебя обругалъ, ты по службѣ»; затѣмъ спросилъ его, не знаетъ-ли онъ такой женщины, которая могла бы оживить его жену? Вообще Коптевъ былъ въ тревожномъ состояніи, ходилъ по комнатѣ, просилъ у деньщика водки или вина, и на отвѣтъ, что ничего нѣтъ, взялъ изъ шкафа двѣ бутылки и изъ обѣихъ пилъ, но что въ нихъ было, показатель не знаетъ, слышенъ былъ однакожъ отъ Коптева запахъ рому или какого-то другаго напитка. Самъ Коптевъ разсказывалъ ему, Середину, слѣдующее: «у меня былъ пистолетъ въ рукахъ и я сказалъ шутя женѣ: Саша, хочешь я тебя убью!—Она отвѣчала: я твоя и воля твоя, что хочешь то и дѣлай. Въ это время я не держалъ за спускъ пистолета, но произошелъ выстрѣлъ, самъ не знаю откуда взялось».—Бывшій у Коптевыхъ поваромъ рядовой *Янъ Папроцкій*, подъ присягою, показалъ, что Коптевы жили между собою очень хорошо. Въ день происшествія послѣ ужина Коптевъ, собираясь провожать гостей, предложилъ женѣ своей надѣть теплый бурнусъ изъ опасенія, что она можетъ простудиться. Былъ ли Коптевъ въ это время выпивши, онъ, Папроцкій, не замѣтилъ; но когда, послѣ проис-

шествія, привели его на гауптвахту, то онъ былъ въ родѣ сумасшедшаго и потому нельзя было узнать: пьянъ ли онъ или трезвъ. Онъ плакалъ, а потомъ заснулъ въ креслѣ.—Пришедшій на гауптвахту, вскорѣ по доставленіи туда Коптева *подпоручикъ Аргуковъ* отозвался, что онъ засталъ Коптева спавшимъ въ креслѣ; проснувшись, онъ глубоко вздохнулъ съ выраженіемъ сильнѣйшей горести; затѣмъ говоря о своей женѣ, называлъ ее ангеломъ, часто повторялъ, что изъ любви къ ней онъ готовъ былъ пожертвовать собой, чтобы избавить ее отъ малѣйшей непріятности, но въ тоже время безсвязно повторялъ окончаніе послѣдняго своего разговора съ нею, изъ котораго было замѣтно, что жена его, жалуясь на свою жизнь, высказала желаніе умереть. Вспоминая этотъ разговоръ, Коптевъ говорилъ безсвязно, глухимъ голосомъ, часто впадалъ въ глубокую задумчивость и, ударяя себя въ лобъ и грудь, вскрикивалъ голосомъ, раздирающимъ душу: «за что я убилъ ее, этого ангела». Причемъ Коптевъ имѣлъ видъ человѣка нетрезваго.

Бывшіе въ гостяхъ у подсудимаго вечеромъ предъ происшествіемъ показали: поручикъ *князь Микеладзе*, подъ присягою, что онъ, придя къ Коптеву, засталъ его съ женою въ хорошемъ расположеніи духа, а обращеніе его съ женою было обыкновенное. Чрезъ нѣсколько времени, когда показатель пилъ съ Коптевыми чай, пришли Щербаковы: капитанъ и штабсъ-капитанъ, послѣдній съ женою, и раздѣлившись на двѣ партіи, сѣли играть въ карты. Во время игры жена Коптева два раза выходила въ другую комнату, и какъ показатель замѣтилъ, съ нею дѣлалось дурно. Подполковникъ Коптевъ съ гостями не ужиналъ, а ходилъ по комнатѣ и кажется велѣлъ людямъ оставить для него ужинъ. Вина онъ выпилъ не больше четверти стакана. Въ продолженіи ужина Коптевы и гости разговаривали между собою о предметахъ обыкновенныхъ и во взаимныхъ отношеніяхъ между Коптевымъ и его женою показатель ничего особеннаго не замѣтилъ. Послѣ ужина всѣ гости вышли отъ Коптевыхъ, которые провожали ихъ до дома капитана Тарсаидзе, разговаривая между собою, большею частію о погодѣ, и простившись съ гостями, возвращались домой въ сопровожденіи показателя, который скоро отъ нихъ ушелъ. Коптевы какъ въ обществѣ, такъ и въ семействѣ, жили между собою весьма хорошо.—*Капитанъ Щербаковъ* подъ присягою о проведеніи вечера

у Коптевыхъ 24 августа, показалъ согласно съ кн. Микеладзе, прибавивъ, что во время игры жена Коптева была довольно весела, но сыгравъ три робера, часто вставала съ мѣста, уходила въ другую комнату, пила холодную воду, жаловалась на головную боль и лицо ея часто покрывалось блѣдностію; но это было слѣдствіемъ не душевныхъ волненій, ибо состояніе ея духа было не грустное. По окончаніи игры, гости сѣли ужинать; Коптевъ не ужиналъ и на вопросъ жены, почему онъ не садится ужинать, отвѣчалъ, что не имѣетъ аппетита, а быть можетъ послѣ поужинаетъ. Во время ужина Коптевъ выпилъ рюмку водки, но пилъ ли вино, показатель не замѣтилъ. Особенной перемѣны въ расположеніи духа какъ Коптева, такъ и жены его, и несогласія между ними показатель не замѣтилъ, а напротивъ во весь вечеръ они были очень любезны и внимательны къ гостямъ. Послѣ ужина гости стали собираться домой, и жена Коптева изъявила желаніе провожать ихъ. Когда она надѣла на себя легкій лѣтній бурнусъ, то Коптевъ, замѣтивъ это, досталъ теплый бурнусъ и накинулъ его на ея плечи сказавъ, что она несовсѣмъ здорова и къ тому же вечеръ довольно прохладный, поэтому она легко можетъ простудиться. Коптевы, проводивъ гостей, въ сопровожденіи князя Микеладзе, пошли обратно. — Согласно съ показаніемъ капитана Щербакова объяснили братъ его *штабсъ-капитанъ Щербаковъ* съ *женою*, послѣдняя подъ присягою, а присовокупивъ, первый, что Коптевъ предъ ужиномъ выпилъ одну небольшую рюмку водки, и во время ужина полстакана вина, а послѣдняя, что Коптевъ (какъ она припоминила) вина не пилъ.—Капитанъ *Тарсаидзе* объяснилъ, что 24 августа, въ 8 часу вечера, онъ, прогуливаясь съ женою своею и своячиницею, увидѣлъ въ квартирѣ Коптева освѣщеніе и зашелъ къ нему сказать, что по домашнимъ обстоятельствамъ не можетъ составить у него пульки; пробывъ у Коптева не болѣе 2 минутъ, онъ ушелъ. Коптевы жили между собою въ большомъ согласіи, что можно было видѣть изъ хорошаго ихъ взаимнаго обращенія.

Будучи подвергнутъ допросу по преданіи военному суду (почти чрезъ два мѣсяца послѣ происшествія), подсудимый *подполковникъ Коптевъ* показалъ, что причинъ къ убійству, равно и намѣренія съ его стороны совершить оное не было никакихъ; убилъ онъ жену свою, и тѣмъ погубилъ все счастіе своей жизни, совершенно для

самаго себя неожиданно и нечаянно по своей безумной неосторожности. Изъ отряда онъ пріѣхалъ домой: 1) чтобы пріискать къ предстоявшей осени болѣе удобное и теплое помѣщеніе, что по причинѣ беременности жены его было весьма важно; 2) его озабочивало тоскливое состояніе духа его жены, которое проявлялось въ послѣднихъ ея письмахъ къ нему, и которое онъ приписывалъ частію ея беременности, а частію непривычкѣ къ одиночеству, вдали отъ родныхъ и въ сторонѣ еще мало ей знакомой. Онъ отправился 16 августа изъ отряда и около 9 часовъ вечера пріѣхалъ на Бѣлый Ключъ. Все вообще оружіе его, Коптева, находилось на отвѣтственности деньщика, который чистилъ и смазывалъ оное, пригонялъ заряды, заряжалъ и разряжалъ смотря по надобности. Онъ, Коптевъ, не помнитъ, говорилъ-ли что нибудь деньщику о пистолетѣ предъ выѣздомъ изъ лагеря; знаетъ только, что при отправленіи на Бѣлый Ключъ, надѣлъ пистолетъ на себя, не вынимая его изъ чехла. Подъѣзжая къ Бѣлому Ключу и предполагая, что пистолетъ заряженъ, (хотя не зналъ когда именно), показатель думалъ изъ него выстрѣлить, но развлеченный ярко-освѣщеннымъ домомъ клуба и думая о томъ, застанетъ ли дома свою жену, или она будетъ на вечерѣ въ клубѣ, забылъ о семъ, и такимъ образомъ доѣхалъ до дому. Жены своей онъ не засталъ дома; она пришла чрезъ нѣсколько минутъ; утромъ 24 августа онъ сдѣлалъ визиты своимъ офицерамъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ. Предъ выходомъ изъ дому, когда онъ хотѣлъ надѣть на себя портупею и шашку, жена его намѣревалась прилечь, жалуясь на усталость. Между тѣмъ, пока онъ перемѣнялъ на шашкѣ портупею, жена вдругъ спросила его: гдѣ онъ купилъ новый чахолъ на пистолетъ? Отвѣтивъ, что въ Тифлисѣ и, взглянувъ на нее, онъ увидѣлъ, что она держала въ рукахъ револьверъ и, выдвинувъ его изъ чехла, вытирала оный, и тутъ только онъ усмотрѣлъ самый револьверъ въ первый разъ по пріѣздѣ на Бѣлый Ключъ. Надѣвая на себя портупею, онъ совѣтовалъ женѣ повѣсить пистолетъ на мѣсто, говоря, что она обходиться съ нимъ не умѣетъ, и кто знаетъ, онъ еще можетъ быть заряженъ. Посему жена его стала опять вкладывать пистолетъ въ чахолъ, а показатель ушелъ. На дорогѣ опять пришло ему въ голову удостовѣриться, разряженъ ли пистолетъ, потомучто хотя имъ и было разъ навсегда приказано заряженнаго оружія

въ комнатахъ не держать, но онъ подумалъ, что надѣяться на это нельзя, а между тѣмъ не только жена, но и ребенокъ можетъ схватить его. Возвратясь домой послѣ сдѣланныхъ визитовъ и имѣя въ виду, что вечеромъ у него будутъ гости, онъ наскоро пообѣдалъ и тотчасъ же легъ отдохнуть, и такимъ образомъ въ другой разъ забылъ о пистолетѣ. Часу въ 7 вечера жена разбудила его и вскорѣ стали сходиться гости. Первый пришелъ князь Микеладзе; между тѣмъ подали самоваръ; онъ вышелъ на минуту за ворота и увидѣлъ шедшихъ вдали капитана Щербакова и брата его штабсъ-капитана съ женою. Немедленно возвратясь въ комнату, онъ сообщилъ объ этомъ женѣ, которая была этимъ обрадована. Партію составили: жена штабсъ-капитана Щербакова, капитанъ Щербаковъ, поручикъ князь Микеладзе и жена его, Коптева; для другой же партіи онъ съ штабсъ-капитаномъ Щербаковымъ поджидали капитана Тарсаидзе; и хотя сей послѣдній чрезъ нѣсколько минутъ пришелъ, но объявилъ, что играть не можетъ, потому что гуляетъ съ женою и свояченицею и зашелъ только мимоходомъ. Жена показателя и всѣ гости стали уговаривать его остаться, но какъ онъ не соглашался, то Коптева слишкомъ уже увлекнись, позволила себѣ несовсѣмъ осторожно выразить мысль, что Тарсаидзе не остается отъ боязни своей жены, и прибавила при этомъ, что другая женщина, хотя и держала-бы своего мужа въ рукахъ, но никогда бы этого не выказала. Это какъ ему, Коптеву, показалось, было несовсѣмъ пріятно для Тарсаидзе, который вслѣдъ засимъ ушелъ, и хотя обѣщалъ зайти; но не возвращался. Потомъ часовъ около 10-ти закусывали, но онъ, Коптевъ, не ужиналъ, потомучто не хотѣлось ѣсть, и потомучто ужинъ на взглядъ ему не понравился. Послѣ ужина онъ и жена собрались провожать гостей, и какъ въ то время на дворѣ было довольно свѣжо, то онъ заставилъ свою жену надѣть теплый бурнусъ и галоши. Разставшись съ Щербаковыми, онъ Коптевъ и жена пошли домой, и князь Микеладзе провожалъ ихъ обратно до воротъ квартиры, разговаривая о готовившемся на другой день въ клубѣ обѣдѣ. Простившись съ Микеладзе, они вошли въ комнаты и жена спросила его, будетъ-ли онъ ужинать? Но видя, что все уже въ залѣ убрано и, вспомнивъ, что ужинъ не по его вкусу, онъ сказалъ, что пока не будетъ, а можетъ быть немного погодя и захочетъ, тогда что нибудь съѣстъ. Послѣ сего

жена спросила, каковъ результатъ его игры въ карты? На это онъ отвѣчалъ: «проигралъ бездѣлицу, какъ обыкновенно впрочемъ», а затѣмъ сказалъ женѣ, какъ это она такія вещи позволяетъ, какъ напримѣръ съ капитаномъ Тарсаидзе. Жена видя, что онъ намѣренъ ей выговаривать за ея необдуманныя слова, и, какъ въ это время пришла горничная, отвѣтила по-французски, что Тарсаидзе самъ это разсказывалъ; тогда онъ, Коптевъ, тоже по французски сталъ ей представлять, что не всегда позволяютъ говорить другимъ то, что разсказываютъ про себя сами, что послѣдствія именно такихъ пустыхъ вещей часто порождаютъ ссоры, сплетни и неудовольствія, которыя нерѣдко изъ частной жизни переходятъ даже и въ отношенія служебныя, почему приказывалъ ей на другой день на обѣдѣ въ клубѣ извиниться предъ Тарсаидзе. Хотя она сначала не хотѣла этого сдѣлать, но потомъ уступила по своей всегдашней привычкѣ, такъ какъ она была самою послушною и кроткою женою. Затѣмъ, продолжая разговоръ о предметахъ обыкновенныхъ, жена его, простившись съ нимъ, пошла въ спальню, а онъ, Коптевъ, продолжалъ ходить по комнатѣ и курить; между прочимъ зашелъ и въ комнату дочери и даже, кажется, съѣлъ кусочекъ хлѣба и ветчины. Такъ прошло съ $^{1}/_{4}$ часа. Наконецъ онъ вошелъ въ спальню и сталъ раздѣваться. Жена уже лежала въ постелѣ, но еще не спала. Разговоръ ихъ первоначально происходилъ въ кабинетѣ, сосѣднемъ со спальнею, у стола, надъ которымъ на стѣнѣ висѣлъ револьверъ. Во время разговора съ женою, пистолетъ попался ему на глаза и видя, что чахолъ на немъ развязанъ, вѣроятно послѣ того какъ утромъ его брала жена въ руки, онъ Коптевъ, въ третій разъ подумалъ, что надобно его посмотрѣть или убрать куда нибудь подальше, или снять пистоны, если онъ заряженъ; но въ разговорѣ съ женой забылъ о немъ и на этотъ разъ; раздѣваясь же въ спальнѣ, онъ Коптевъ, не знаетъ почему вспомнилъ о пистолетѣ и съ словомъ: «да! чтобы опять не забыть», пошелъ въ кабинетъ, а свѣчу, которая еще не была потушена, оставилъ въ спальнѣ, на столикѣ, возлѣ кровати, гдѣ раздѣвался. Когда онъ снималъ пистолетъ со стѣны и вынималъ его изъ чахла, жена его, спрашивала: «Миша»! онъ отвѣтилъ: «сейчасъ». «Да что ты тамъ дѣлаешь»?—Онъ отвѣчалъ: «пистолетъ хочу посмотрѣть». Доставъ револьверъ, онъ пошелъ къ свѣчкѣ и слѣдовательно подходилъ къ кровати, не помышляя

вовсе о куркѣ. Въ это время жена его, смотря на него, сказала: «ахъ, славно-бы умереть»! Онъ совершенно безъ умысла, какъ-то машинально, при этихъ словахъ, вдругъ протянулъ къ ней пистолетѣ и сказалъ: «вотъ, Саша, хочешь»! При этомъ онъ не разсчиталъ двойнаго движенія пистолета какъ вслѣдствіе выноса руки, такъ и вслѣдствіе того, что онъ самъ еще шелъ; потому только что онъ сказалъ означенныя слова: «вотъ, Саша, хочешь»! и смотря ей въ лицо, почувствовалъ въ рукѣ какъ будто легкій толчокъ и ему пришло въ голову, что онъ стукнулъ дуломъ въ грудь жены. Мысль, чтобы отъ испуги чего нибудь не случилось съ женою въ ея беременности, ужаснула его въ это мгновеніе какимъ то необыкновеннымъ вѣщимъ образомъ, причемъ онъ какъ будто оцѣпенѣлъ; вдругъ въ глазахъ его блеснулъ синенькій огонекъ разбитаго пистона.... Какимъ образомъ послѣдовалъ выстрѣлъ, какъ и всякую случайность объяснить мудрено; онъ же еще менѣе можетъ это сдѣлать, потому что съ самаго выѣзда изъ отряда не зналъ, въ какомъ видѣ былъ пистолетъ, а понимаетъ, что причиною несчастія была его рука, но какъ?—объяснить не можетъ. Послѣ совершившагося убійства онъ, Коптевъ, не помнитъ что было, только чрезъ нѣсколько дней сталъ онъ по немногу приходить въ себя въ бытность на гауптвахтѣ, но и потомъ не могъ привыкнуть къ мысли, что онъ убійца женщины, которая была ему неизмѣримо дороже всего на свѣтѣ, и отъ которой кромѣ любви и вѣрности, ничего не видѣлъ. Что же касается того, пилъ ли онъ вино или водку, то этого не помнитъ и не знаетъ что онъ дѣлалъ послѣ смерти своей жены; предъ смертію же онъ, Коптевъ, былъ хладнокровенъ, какъ обыкновенно, потомучто ничего не ожидалъ.

Деньщикъ Коптева *Тереховъ* удостовѣрилъ, что изъ оружія при Коптевѣ въ походѣ находилось двухствольное ружье и означенный пистолетъ, которые заряжалъ онъ, Тереховъ, и Коптевъ за все время выстрѣлилъ изъ ружья только одинъ разъ, а изъ пистолета раза три. Въ послѣдній разъ онъ, показатель, зарядилъ пистолетъ дня за два предъ отъѣздомъ на Бѣлый-Ключъ, о чемъ Коптевъ зналъ, потому что самъ приказывалъ зарядить оный и приготовить запасные патроны, которые и хранились у показателя въ патронташѣ. Подъѣзжая къ Бѣлому Ключу, Коптевъ хотѣлъ выстрѣлить изъ пистолета, но не исполнилъ этого потому,

что онъ, Тереховъ, отговорился неимѣніемъ времени, нужнаго для чистки пистолета послѣ выстрѣловъ, а впослѣдствіи не разрядилъ пистолета по забывчивости.

На дополнительные вопросы Коптевъ отвѣчалъ, что причинъ серьезныхъ на слова жены его: «ахъ, славно бы умереть» онъ никакихъ не знаетъ, и не думаетъ, чтобы эти слова были произнесены ею съ дѣйствительнымъ желаніемъ смерти. Тѣмъ менѣе можетъ предполагать въ нихъ тотъ смыслъ, чтобы ей была въ тягость жизнь съ нимъ; онъ бы ее никогда насильно съ собой жить не заставилъ. Навѣрное и мысли о тяжести для нея жизни съ нимъ въ головѣ ея не было. Вообще въ послѣднее время жена его была какъ-то мрачно настроена, что онъ приписывалъ ея беременности и, судя по этому, думаетъ, что и слова, ею сказанныя можетъ быть безсознательно при видѣ оружія, были какими-то роковыми для нихъ обоихъ по неисповѣдимой волѣ провидѣнія. Иначе объяснить вышеозначенныхъ словъ онъ не умѣетъ, потому что скажи она вмѣсто ихъ что нибудь другое, напримѣръ: хочется пить, онъ вѣрно бы ей подалъ воды, или что ей холодно,—онъ бы накрылъ ее, и наконецъ ничего она не скажи—онъ бы разобралъ или разрядилъ пистолетъ; но именно эти роковыя слова вызвали его совершенно машинально на столь неосторожное движеніе, которымъ погубилъ неожиданно и себя и ее. Пистолетъ онъ, Коптевъ, взялъ въ темной комнатѣ и не успѣлъ даже на него взглянуть, и взявши его въ руки, шелъ съ нимъ къ огню, гдѣ хотѣлъ осмотрѣть оный и сдѣлать что нибудь, смотря по надобности. Объ куркѣ онъ и не помышлялъ, и какъ произошелъ выстрѣлъ, не понимаетъ; такъ какъ пистолетъ взводится и бьетъ самъ собою, то вѣрно онъ нажалъ какъ нибудь спусковую собачку, отчего курокъ нѣсколько приподнялся, а когда палецъ ослабѣлъ или дрогнулъ, то быстро опустившись на свое мѣсто, разбилъ пистонъ; но когда именно нажалъ онъ собачку курка, нажалъ-ли онъ ее, былъ-ли курокъ на предохранительномъ клапанчикѣ, съ котораго какъ нибудь сорвался, зацѣпилъ ли онъ самый курокъ чѣмъ нибудь (напримѣръ рукавомъ),—не знаетъ. Трудно объяснить обстоятельство, ошеломившее его нечаянностію, и какъ онъ могъ попасть въ самое сердце жены, не понимаетъ. Послѣ убійства ни доктора Савицкаго, ни разговора своего, онъ Коптевъ не

помнитъ, и потому не можетъ сказать, что онъ говорилъ Савицкому и говорилъ-ли онъ ему что нибудь. Фактъ самъ по себѣ есть тотъ, что онъ, Коптевъ, убилъ жену свою, по поводу трехъ ея словъ! Фактъ этотъ давилъ его грудь и голову всей страшной своей тяжестію, мудрено-ли, что онъ прослезился и въ разговоръ его съ Савицкимъ? При этомъ положеніи его, Коптева, мысль о томъ, какъ попалъ къ нему въ руки пистолетъ, нисколько его не безпокоила, а потому не понимая, чего хочетъ отъ него докторъ Савицкій, онъ вѣроятно ничего объ этомъ не упоминалъ, да и не могъ упоминать, потомучто другія ощущенія должны были въ душѣ его закрыть это обстоятельство. Если же онъ именно такъ отвѣчалъ доктору Савицкому, то вѣрно повторялъ одно изъ случайно слышанныхъ имъ и сдѣланныхъ кѣмъ либо изъ окружавшихъ предположеній, выведенныхъ на основаніи отдѣльныхъ слышанныхъ отъ него, Коптева, словъ. Если онъ, Коптевъ, послѣ случившагося несчастія молился Богу, то это его радуетъ, хотя и происходило безсознательно. О виновности жены у него не было никогда ни предположенія, ни помысла, что доказываетъ даже самая молитва. Еслибы онъ считалъ жену свою въ чемъ нибудь виновною предъ ея кончиною, то оставался-бы въ этомъ убѣжденіи и послѣ оной. Въ такомъ случаѣ онъ не лгалъ бы, называя ее невинною въ безсознательной молитвѣ, которой даже и не помнитъ. Въ заключеніе Коптевъ просилъ: осудить его на какую угодно казнь, скорѣе даже какъ убійцу, совершившаго злодѣйство чисто для злодѣйства, но ни въ какомъ случаѣ въ рѣшеніи этомъ не бросить какой либо тѣни подозрѣнія на всегда дорогую ему честь покойной жены его, потомучто это было бы черной клеветой на самую вѣрную и самую лучшую изъ женщинъ.

Изъ осмотра *пистолета*, принадлежащаго подсудимому Коптеву и изъ котораго произведенъ выстрѣлъ, оказалось слѣдующее: а) пистолетъ этотъ револьверъ, объ одномъ стволѣ, съ бочёнкомъ о пяти стволахъ, которые, кромѣ одного, заряжены туго-вбитыми пулями и ко всѣмъ зарядамъ, кромѣ выстрѣленнаго, пригнаны и надѣты пистоны; б) пистолетъ этотъ нынѣшней улучшенной системы, производитъ выстрѣлъ отъ одного лишь прижатія спуска, находящагося внизу подъ пистолетомъ, безъ всякаго поднятія рукою курка на взводы (какъ это бываетъ

при другомъ оружіи); а именно: посредствомъ прижатія пальцемъ спуска, курокъ пистолета на первый взводъ самъ собою подымается, а прижатіемъ спуска далѣе перваго взвода, курокъ пистолета также самъ собою спускается; разбиваетъ пистонъ и производитъ выстрѣлъ; в) отъ неполнаго прижатія спуска перваго взвода, т. е. если прижать спускъ только немного, не доводя его до перваго взвода, курокъ пистолета также самъ собою подымается, но не доходя до взвода и не имѣя за что держаться, опять самъ собою спускается, ударяясь, хотя слабо о пистонникъ или надѣтый на оный пистонъ; и г) для прочнаго держанія въ рукѣ сего пистолета, по устройству онаго, а можетъ быть и привычкѣ, невольно кладется указательный палецъ правой руки на спускъ пистолета. Этотъ же палецъ прижатіемъ одного спуска производитъ потомъ и выстрѣлъ.

Для приведенія въ ясность отношеній Коптева къ женѣ его, мы ознакомимся съ перепиской, происходившей между супругами во время бытности Коптева въ отрядѣ.

Письма Коптевой къ мужу.

Письмо первое, отъ 16-го апрѣля 1860 г. Коптева, напоминая мужу о необходимости заготовленія огородныхъ овощей, писала: здѣсь (на Бѣломъ-Ключѣ), два дня сряду шелъ страшный градъ..... Я хотя и стараюсь всѣми силами не поддаваться тоскѣ, но умѣренно въ томъ успѣваю. Господи! что за скука на этомъ проклятомъ Кавказѣ! или лучше сказать на распроклятомъ Миломъ-Ключѣ, какъ его нѣкоторые называютъ..... Много выгодъ матеріальныхъ надобно для того, чтобы промѣнять родную сторону на столь гнусную трущобу. Будемъ ждать и надѣяться..... Еще если бъ былъ экипажъ свой, для того чтобы ѣздить по окрестностямъ, все немножко было-бы лучше, а то просто хоть умирай съ тоски въ четырехъ стѣнахъ. Нѣтъ мужъ, зимовать здѣсь безъ тебя ни зачто не останусь; если не возьмешь меня къ себѣ, хоть пѣшкомъ въ Россію уйду; не надобно мнѣ ни здѣшней мнимой теплоты, ни здѣшнихъ горъ, наводящихъ на меня уныніе, ни красотъ кавказской природы, которыя существуютъ лишь тамъ, гдѣ насъ нѣтъ... Для меня гораздо лучше Петербургъ съ своимъ временемъ и познаніи добра и зла, нежели Бѣлоключенскій рай съ отсутствіемъ всякихъ искушеній; здѣсь хотя

[illegible]

бы хотѣлось согрѣшить, такъ извините. Развѣ это можетъ назваться жизнію».

Письмо второе, отъ 18-го апрѣля. Коптева, увѣдомляя мужа о недостаткѣ въ деньгахъ, писала, что «послѣ послѣдняго дождя Бѣлый Ключъ началъ одѣваться зеленью, авось будетъ легче на душѣ, когда установится погода.» Далѣе сообщаетъ о необходимости перемѣнить къ зимѣ квартиру и нанять такую, при которой находился бы садъ, сколько для того, чтобы не погибнуть съ тоски, столько же и для того, чтобы на будущее лѣто было гдѣ побѣгать ихъ 5-ти лѣтней дочери.

Письмо третье, отъ 23 апрѣля. Коптева писала между прочимъ: «Барятинскаго ждутъ сюда (на Бѣлый Ключъ) къ 3 мая, причемъ предполагается фейерверкъ. Барыни наши всѣ уѣхали въ Тифлисъ запасаться нарядами, въ которыхъ суждено, вѣроятно покорить сердце покорителя Кавказа. Посмотримъ какъ-то поддастся онъ на эту соблазнительную удочку. Что касается до меня, то я, быть можетъ, постараюсь вѣжливо уклониться отъ присутствія на столь блестящемъ вечерѣ, сколько для того, чтобы туалетомъ своимъ не нарушить эффекта общихъ туалетовъ-столько и для того, чтобы не войти во искушеніе при взглядѣ на воинственную фигуру героя торжества; чего добраго поколеблется супружеская вѣрность.....»

Письмо четвертое. 8-го мая она пишетъ: «доходятъ до меня смутные слухи о томъ, что мой законный супругъ изволитъ страшно кутить и ухаживать за хорошенькими княжнами, какъ напримѣръ за Садомоновой, которая плѣнила артистическій вкусъ его звуками грузинскихъ мелодій, исполненныхъ на балалайкѣ. Правда-ли это, милостивый государь! Ужъ ухаживали-бы по крайней мѣрѣ за княгинями, а то вздумали развращать невинныхъ княженъ: вы кажется слишкомъ буквально принимаете, что Кахетія есть рай, и за неимѣніемъ въ этомъ эдемѣ змія, вы беретесь исполнять его роль. Прекрасно! Сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро! Прочитавши эту катастрофу, я вспомнила, что въ подобныхъ случаяхъ проповѣдывать значитъ подливать масла въ огонь, да кромѣ того вѣдь насильно милъ не будешь.» Далѣе Коптева, увѣдомляя о бывшемъ 5-го мая на Бѣломъ Ключѣ балѣ для князя Барятинскаго, на которомъ она была, разсказываетъ, что «иллюминація была очень живописна, фейерверкъ

восхитительный, туалеты отвратительные, такъ что я, которая было не хотѣла ѣхать, думая, что мой туалетъ не довольно хорошъ для такого торжественнаго случая, оказалась лучше одѣтою, чѣмъ кто нибудь изъ нашихъ барынь: я была въ голубомъ платьѣ, съ открытою бертою».

Письмо пятое, отъ 22 мая: «легко можешь себѣ представить мою радость,—мое разочарованіе, когда я узнала, что ты откладываешь свой пріѣздъ. Вслѣдствіе этого, разумѣется, для меня праздникъ былъ не въ праздникъ, тѣмъ болѣе, что вмѣсто ожидаемаго всѣми бала у графини былъ пикникъ, совершенно неудавшійся по причинѣ дождя; въ особенности жаль было, что не удался фейерверкъ, который офицеры приготовили въ сюрпризъ графинѣ. Впрочемъ, не смотря на это, мы ухитрились протанцовать двѣ кадрили и двѣ польки, да оно и къ лучшему что мало танцовали...... Душевно радуюсь слышать отъ офицеровъ, что ты такъ умѣлъ сдѣлаться популярнымъ между ними; они кажется непритворно восхищаются тобой. Что касается до восторговъ, относящихся ко мнѣ, какъ ты это пишешь, то здѣсь ничего нѣтъ страннаго, равно какъ и нѣтъ ничего лестнаго собственно для меня. Всю честь этихъ восторговъ и я повергаю къ твоимъ стопамъ, потомучто они есть ничто иное, какъ желаніе общества твоихъ товарищей сказать тебѣ что нибудь пріятное.....»

Письмо шестое. Послѣ отъѣзда подполковника Контева 8-го іюня опять въ отрядъ, жена его въ письмѣ отъ 20 іюня, увѣдомляя о выздоровленіи своей дочери, между прочимъ говоритъ: «вчера я ѣздила кататься верхомъ до креста на графининой лошади, въ сопровожденіи трехъ грузинскихъ князей, т. е. двухъ Микеладзе и Амираджиба и въ сопровожденіи Григорьева. Могу безъ хвастовства сказать, что на этотъ разъ я превзошла не только себя, но всѣхъ бѣло-ключенскихъ наѣздницъ, не исключая графини. Всѣ удивлялись моей смѣлости и въ особенности неподражаемой живописности, какъ они выражаются, живописности моей фигуры верхомъ. Старшій Микеладзе даже со вздохомъ сказалъ, что если бы ты могъ меня видѣть на этотъ разъ, то окончательно сошелъ бы съ ума отъ восторга, при видѣ меня, какъ это дѣлали мои спутники; и въ самомъ дѣлѣ, Миша, я ѣздила великолѣпно и сознавала это: почти всю дорогу я скакала въ галопъ, впереди своихъ кавалеровъ, у которыхъ духъ за-

хватывало отъ страху за меня, и я никогда не была въ такомъ упоеніи отъ быстроты ѣзды.» . . . .

Письмо седьмое, отъ 28 іюня: «Да чтожъ это, наконецъ, значитъ, Миша, что ты не пишешь ни строчки? Или ты поклялся замучить меня. Если это дѣлается отъ лѣни, такъ надобно же и честь знать, всему есть границы. Чтоже я должна подумать, когда вижу, что изъ отряда получають письма жены фельдфебелей, а я не удостоиваюсь этой чести отъ тебя? не значитъ ли это по твоему, что ты меня очень любишь? Странный способъ любить, надо сознаться! Если вы сердитесь на меня ни съ того, ни съ чего, то могу только пожать плечами и сказать, что съ вашимъ подозрительнымъ характеромъ не слѣдовало никогда жениться и притомъ ѣхать на Кавказъ, рискуя даже умереть съ голоду въ Петербургѣ. Итакъ если необходимо сердиться, то будемъ. Начну съ того, что не буду писать, пока не получу отъ васъ писемъ. Нѣтъ, Миша, ты знаешь, что я этого не сдѣлаю никогда, что я не выдержу, чтобы не написать къ тебѣ.» Потомъ, между прочимъ, пишетъ: «Если бы не было этихъ трехъ князей (т. е. двухъ Микеладзе и Амираджиба), то я заболѣла бы отъ скуки и отъ муки; потому что по жарѣ этой семейные люди другъ къ другу не ходятъ и сидятъ всѣ по угламъ; отъ муки потому, что не имѣю отъ тебя извѣстія. Спасибо князьямъ, они меня не забываютъ и стараются всячески развлечь анекдотами. Иногда вечеромъ Амираджиба приходитъ предлагать мнѣ свои услуги для гулянья, а иногда отправляемся съ Катей (дочь Ковтова) въ сопровожденіи всѣхъ трехъ князей гулять по нашей улицѣ...» Далѣе пишетъ: «Кромѣ того вся молодежь, мало по малу прибывшая сюда (на Бѣлый Ключъ), спѣшитъ наперерывъ познакомиться со мною, такъ что еслибы одному изъ нихъ вздумалось за мною ухаживать серьезно, то остальные не на шутку откусили бы ему носъ. Это должно тебя успокоить. Мнѣ подчасъ кажется, что я для молодежи Бѣлаго-Ключа сдѣлаю тоже, въ отношеніи развитія умственнаго и нравственнаго, что сдѣлала Св. Нина, въ отношеніи религіозномъ для Грузіи. Любопытно знать соорудятъ-ли благодарные воины мнѣ за это памятникъ!» . . . .

Письмо осьмое, отъ 4-го іюля. «Когда же наконецъ будетъ предѣлъ твоей беспримѣрной лѣнности, милый Михаилъ Кировичъ!

Несмотря на то, что Невтоновъ (поручикъ) пріѣхалъ сюда и объявилъ, что мнѣ есть отъ тебя письмо, я до сихъ поръ не имѣла удовольствія прочесть этого единственнаго доказательства того, что ты сохранилъ о мнѣ хотя маленькое воспоминаніе среди лагерныхъ пятницъ и литературныхъ наслажденій въ обществѣ Авинова. На этотъ разъ могу только послать тебѣ три номера журнала «Нашего Времени,» хотя и этого слишкомъ много, если принять во вниманіе, какъ мало ты помнишь обо мнѣ.» . .

Письмо девятое, отъ 10 іюля. Коптева, увѣдомляя мужа о полученіи отъ него вдругъ трехъ писемъ, и объясняя ему неосновательность сдѣланнаго имъ ей замѣчанія о нелюбезности, оказанной будто-бы ею поручику Малову при пріемѣ его къ себѣ въ квартиру, говоритъ далѣе, что у нея обѣдалъ князь Микеладзе: «онъ также милъ и внимателенъ, какъ всегда; послѣ обѣда, въ видѣ дессерта я прочла ему статью Бѣлинскаго о торжествѣ нравственнаго закона.» . . . . . .

Письмо десятое отъ 28 іюля. «Сегодня получила твои два письма, мой ненаглядный и добрый мужъ; прости меня, ради Бога, что огорчила тебя моими выходками; вѣрь только одному; чтобы я не писала, чтобы я не дѣлала—все таки люблю тебя и тѣмъ болѣе, что сознаю какъ мало я тебя стою; да, Миша, не такую жену тебѣ нужно бы было, какъ я, да что будешь дѣлать; коли ужъ судьба твоя такая: отъ нея не убѣжишь никуда.» Далѣе пишетъ, что она увѣрена въ своей беременности.

Письмо одиннадцатое, отъ 30 іюля. Коптева, увѣдомляя мужа о предстоящемъ великолѣпномъ балѣ, продолжаетъ: «но я не поѣду, потомучто страшно хандрю: душа моя прискорбна, даже до смерти! Но не думай, что не люблю тебя, другъ мой дорогой, люблю тебя такъ и на столько, насколько можетъ любить такая неудачная натура, какъ моя. Миша, право мнѣ подчасъ кажется, что я съ ума сойду.» . . . . . .

Изъ *писемъ подполковника Коптева къ женѣ* видно слѣдующее: 1) Въ письмѣ отъ 24 іюня онъ увѣдомляетъ, что «въ отрядъ пріѣхалъ на третій день, но въ Тифлисѣ, шатаясь по ужасной жарѣ, схватилъ что-то въ родѣ желчной лихорадки, и потому пріѣхалъ несовсѣмъ здоровымъ въ лагерь, что быть можетъ, еще усилилось отъ огорченія, что оставилъ жену и Катю (дочь). 2) Въ письмѣ отъ 2 іюля между прочимъ изложено: «ра-

его небольшой размѣръ комнаты, въ которой совершено убійство, загроможденной двуспальною кроватью, такъ что если переступить чрезъ порогъ, то протянутая рука можетъ касаться не только кровати, но и противоположной стѣны. Печальное настроеніе души Коптевой обнаружилось ранѣе пріѣзда мужа ея въ разговорѣ съ нимъ, Савицкимъ, по случаю смерти общаго ихъ знакомаго капитана Пронищева, умершаго 16 августа 1860 года, и съ этого времени разговоръ на тему желанія смерти, какъ вѣчно-спокойнаго сна при малѣйшемъ къ тому поводѣ не оставлялъ Коптеву до смерти ея. Такое настроеніе души можно отнести и къ беременному ея положенію. Показатель смѣло можетъ сказать, какъ бывшій домашній докторъ сего семейства, что жизнь Коптевыхъ была всегда согласна и спокойна и что несчастіе скорѣе всего должно отнести къ нечаянности. По пріѣздѣ его, Савицкаго, въ квартиру подполковника Коптева послѣ убійства его жены, Коптевъ былъ въ хмѣльномъ видѣ, но не въ такой степени, чтобы не понималъ говореннаго имъ, не смотря на сильно возмущенное состояніе души.

Баталіонный лекарь Шульцъ подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что сколько ему извѣстно, никто изъ проживавшихъ тогда на Бѣломъ Ключѣ не замѣчалъ, чтобы Коптева за нѣсколько времени до ея убійства была въ печальномъ настроеніи духа, равно и онъ этого не замѣтилъ. По пріѣздѣ его въ домъ Коптева, вслѣдствіе полученнаго имъ свѣдѣнія о нанесеніи Коптевымъ женѣ своей раны, онъ засталъ тамъ старшаго лекаря Савицкаго. Самъ же Коптевъ былъ сильно взволнованъ, но въ трезвомъ состояніи, хотя во время разговора и слышенъ былъ изъ рта его слабый спиртный запахъ. Коптевъ говорилъ ему, Шульцу, что по совершеніи убійства почувствовалъ сильную жажду и по ошибкѣ вмѣсто воды, выпилъ небольшое количество водки, оставшейся послѣ ужина на столѣ. Показатель убѣжденъ, что засталъ Коптева трезвымъ, потомучто все говоренное имъ не было лишено логическаго смысла, и притомъ незначительное количество водки не могло произвести опьяненія въ человѣкѣ, привыкшемъ къ ежедневному ея употребленію. Если же изъ рта слышенъ былъ спиртный запахъ, то это слѣдуетъ объяснить сильно взволнованнымъ состояніемъ организма, причемъ, какъ извѣстно, всякое летучее вещество, принятое во внутрь, гораздо

лечіе испаряется. По пріѣздѣ его къ Коптеву, онъ засталъ его полураздѣтымъ на крыльцѣ своего дома. Увидѣвъ его, Коптевъ бросился къ нему на шею и рыдая просилъ спасти его жену; на вопросъ, что случилось? Коптевъ отвѣчалъ, что убилъ свою жену, но за что—не знаетъ. Коптевъ разсказалъ ему слѣдующее: «проходя мимо открытыхъ дверей спальни, гдѣ жена уже улеглась спать, я услышалъ вздохи и спросилъ ее, почему она вздыхаетъ? Послѣдовалъ отвѣтъ: «какъ бы хорошо было теперь умереть.» Отвѣтъ этотъ сильно подѣйствовалъ на мое воображеніе; мгновенно я вывелъ заключеніе, что жена моя несчастна, что жизнь ей со мною противна, что она меня разлюбила и т. п. и, не помня себя, подошелъ къ постели и приставилъ къ груди ея заряженный револьверъ, очутившійся неизвѣстно какимъ образомъ въ моихъ рукахъ. На мой вопросъ «хочетъ ли она умереть?» послѣдовалъ съ ея стороны равнодушный отвѣтъ, и въ этотъ же мигъ выстрѣлъ». Далѣе Коптевъ говорилъ ему, Шульцу, что не можетъ дать себѣ яснаго отчета о поступкахъ и душевномъ своемъ состояніи въ предшествовавшихъ выстрѣлу мгновеніяхъ, и что онъ опомнился только тогда, когда увидѣлъ вспышку отъ револьвера. Разсказъ Коптева былъ отрывистъ и постоянно прерывался фразами, выражавшими его раскаяніе, его любовь къ покойницѣ и несчастное его положеніе, и потому трудно припомнить его послѣдовательность, но Коптевъ могъ понимать говоренное имъ и былъ на столько въ сознаніи, на сколько это возможно человѣку, находящемуся подъ вліяніемъ такихъ потрясающихъ впечатлѣній. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни онъ, Шульцъ, посѣщалъ Коптева на гауптвахтѣ, такъ какъ онъ по разстроенному здоровью нуждался въ медицинскихъ совѣтахъ, и тутъ кромѣ фразъ полнаго раскаянія и повторенія того же самаго разсказа объ убійствѣ, онъ ничего другаго отъ него не слышалъ.

Денщикъ Тереховъ дополнилъ, что выстрѣла онъ не слыхалъ но прибѣжавшая въ людскую комнату горничная дѣвушка Фетинья сказала: «баринъ убилъ барыню;» поэтому показатель побѣжалъ въ комнату, а потомъ въ спальню, гдѣ баринъ схвативъ его за плечи, сказалъ: «что братъ, я надѣлалъ? я жену убилъ и самъ не знаю за что.» Баринъ былъ трезвъ, не ужиналъ, а во время бытности гостей за столомъ, выпилъ вина съ четверть стакана; водки при немъ не пилъ, а можетъ быть

пилъ въ то время, когда онъ, Тереховъ, уходилъ въ кухню за кушаньемъ. Послѣ убійства баринъ выпилъ съ полстакана краснаго вина, остававшагося въ бутылкѣ, бывшей въ шкафу, и пилъ воду, но пьянъ не былъ, а находился какъ бы въ сумасшествіи. Послѣ пріѣзда изъ отряда барина, онъ, Тереховъ, какъ его, такъ и барыню, скучными и печальными не замѣчалъ.—*Горничная Фетинья* объяснила, что дочь Коптевыхъ, вскорѣ послѣ выхода ихъ для провожанія гостей, легла спать и не просыпалась даже при послѣдовавшемъ выстрѣлѣ. Двери въ спальню, гдѣ находились Коптевы, были затворены, но не заперты на замокъ. По приходѣ господъ домой послѣ провожанія гостей, показательница въ кабинетѣ и спальнѣ не была, а убирала постель во время ихъ отсутствія. Когда же она, часовъ въ 11, стала раздѣваться, то вдругъ услышала выстрѣлъ въ спальнѣ, почему бросилась въ кухню и закричала: «что то выстрѣлило: баринъ убилъ барыню,» но почему ей показалось, что баринъ убилъ барыню, не понимаетъ. Предъ выстрѣломъ она слышала только голосъ барина, говорившаго на иностранномъ языкѣ, а голоса барыни не слышала. Баринъ говорилъ обыкновеннымъ образомъ, не возвышалъ голоса и не кричалъ. По возвращеніи господъ съ прогулки, она не замѣтила, былъ ли Коптевъ трезвъ или нѣтъ; не знаетъ также пилъ ли онъ за ужиномъ вино или водку. Со времени пріѣзда Коптева изъ отряда въ послѣдній разъ, она, Фетинья, не замѣчала, чтобы онъ былъ скученъ, равно и въ барынѣ этого не замѣтила.—*Поручикъ князь Микеладзе* показалъ, что печальнаго настроенія духа въ Коптевой онъ не замѣтилъ, вечеромъ же того числа Коптевъ былъ совершенно трезвъ.—*Капитанъ Щербаковъ* изложилъ, что печальнаго настроенія души или какихъ либо особенныхъ проявленій тоски, неудовольствія или огорченія онъ въ Коптевой не замѣчалъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ, а напротивъ видѣлъ ее чаще въ веселомъ расположеніи духа. Вечеромъ 24 августа Коптевъ былъ совершенно трезвъ, хотя показатель помнитъ, что Коптевъ во время ужина выпилъ рюмку водки, но пилъ ли вино, онъ не замѣтилъ. Обстоятельствъ къ разъясненію убійства Коптевымъ жены своей, показатель никакихъ не знаетъ; самъ же Коптевъ объяснилъ ему на другой день (когда онъ зашелъ къ нему на гауптвахту), слѣдующее: приготовляясь ложиться спать, онъ вспомнилъ, что у него лежитъ

на столѣ въ другой комнатѣ заряженный пистолетъ, вышелъ, взялъ его и принесъ въ спальню къ женѣ, чтобы разрядить. Тутъ она сказала: «ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось умереть въ эту минуту». Коптевъ отвѣчалъ ей на это: «хочешь я тебя убью». Послѣ этого она сказала: «какъ хочешь, Мишель». И только успѣлъ онъ поднести пистолетъ къ груди, какъ увидѣлъ синеватый огонёкъ пистона, даже и самаго звука выстрѣла не слышалъ. Совершивъ это преступленіе, онъ закричалъ: «позвать доктора», но уже было поздно, потомучто жена его была мертвая. Разсказывая объ этомъ происшествіи, Коптевъ былъ въ слезахъ и безпрестанно повторялъ: «за что я ее убилъ, скажите мнѣ»?—*Штабсъ-капитанъ Щербаковъ* изложилъ, что ни самъ онъ не замѣтилъ и ни отъ кого не слышалъ, чтобы Коптева за нѣсколько дней до убійства ея мужемъ находилась въ печальномъ настроеніи духа; напротивъ за день или за два до происшествія, онъ видѣлъ Коптевыхъ въ клубѣ веселыми. Въ какомъ количествѣ была подана къ ужину 24 августа въ домѣ Коптева водка, и вся ли она была выпита, онъ не помнитъ, но полагаетъ, что не вся; самъ Коптевъ, какъ помнится, выпилъ передъ ужиномъ одну рюмку, но былъ совершенно въ трезвомъ видѣ. На другой день послѣ убійства, онъ посѣщалъ Коптева на гауптвахтѣ. Коптевъ лежалъ, совершенно одѣтый, на голыхъ доскахъ внизъ лицомъ; когда показатель отворилъ дверь, онъ дико взглянулъ въ ту сторону и увидѣвъ его, зарыдалъ какъ ребенокъ, тихо привсталъ съ кровати и, бросившись къ нему на шею, проговорилъ: «скажите, что я сдѣлалъ, за что я убилъ моего ангела жену? — Скажите, ради Бога, замѣтили ли вы вчера что нибудь похожее на то, чтобы могло совершиться такое ужасное злодѣйство? Видѣли ли вы вчера какую нибудь между нами ссору»? Когда показатель взялъ Коптева за руку, то онъ, отдернувъ руку, сказалъ: «нѣтъ! я не достоинъ давать вамъ руки; я гнусный, подлый убійца своей жены; и я убилъ этого ангела, который такъ любилъ меня, который семь лѣтъ былъ моимъ хранителемъ! и за что же скажите, я убилъ ее»? Въ этихъ почти выраженіяхъ была рѣчь Коптева. На спросъ его, Щербакова, какъ онъ совершилъ убійство, почему и съ какого повода? онъ отвѣчалъ: «не знаю какъ это случилось. Она, голубушка, лежала на постели такая грустная, я взглянулъ на нее и началъ распрашивать, отчего она груститъ?

*

На это она сказала, что ей надоѣла жизнь, что она хотѣла бы умереть. Невыносимо грустно и мнѣ стало; мнѣ представилось что женщина, которую я люблю до безумія, уже не любитъ меня; я ошалѣлъ. Что случилось послѣ, я не помню и не знаю. Припоминаю теперь, что предъ глазами у меня образовались какіе-то огненные круги, которые увеличивались больше и больше, произошелъ выстрѣлъ, я вздрогнулъ и пришелъ въ себя; но что я увидѣлъ: моего ангела, мою жену убитою». За этимъ разсказомъ послѣдовало несдержимое ничѣмъ рыданіе; видна была скорбь, раздирающая душу. Онъ, Щербаковъ, тоже заплакалъ. Сначала Коптевъ показался ему какъ будто помѣшаннымъ, но потомъ, когда тотъ немного поуспокоился, показатель замѣтилъ только сильное душевное разстройство. Скорбь Коптева была искренняя и онъ не могъ придумать такъ искусно сцену съ нимъ. Сознаніе вины, сожалѣніе непритворное о смерти жены, которую любилъ, были видны въ немъ. Покойная Коптева (какъ онъ зналъ ее) была женщина высокой нравственности и съ душою теплою; была, какъ ему казалось, и прекрасная жена и хорошая мать. Отзывы ея о мужѣ своемъ и разсказы, почти постоянные о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ она ждала его домой, вполнѣ выказывали любящую жену. Такая женщина не могла подать повода къ тому, чтобы быть убитою мужемъ. Даже въ первое съ нею свиданіе показателя, когда рѣчь зашла о ея мужѣ, она съ восторгомъ говорила о немъ, потомъ вынесла изъ кабинета его портретъ и сказала: «не правда ли, какой мой мужъ красавецъ»? Къ сему Щербаковъ прибавилъ, что отъ Коптевой часто слышалъ, что смерть ее не страшитъ, что она готова умереть, не жалѣя о жизни и вообще она, какъ ему, казалось, была фаталистка. Этотъ разговоръ о смерти пришелъ къ нему на память уже послѣ ея смерти, а потому не можетъ припомнить съ чего онъ завязался.—*Жена штабсъ капитана Щербакова, Шарлота* изложила, что ни за нѣсколько дней, ни въ самый день убійства Коптевой она не замѣтила въ ней печальнаго настроенія души. За картами вечеромъ 24 августа Коптева казалась ей немного раздражительною, жаловалась на головную боль, но показательница относитъ это къ порѣ ея беременности, и хотя въ тотъ же вечеръ Коптевой не дѣлалось дурно, но она, какъ женщина беременная, не могла долго сидѣть за картами и вставая раза

три изъ за стола, уходила въ спальню, такъ что она, Щербакова, видѣвши ее тогда какъ будто нездоровою, предлагала ей оставить карты, но та отвѣчала, что любитъ играть. Сколько рюмокъ выпилъ Коптевъ предъ ужиномъ и за ужиномъ, показательница не замѣтила. Послѣ ужина Коптевъ былъ совершенно трезвъ, точно также какъ и весь вечеръ.

Подпоручикъ Филоновъ объяснилъ, что онъ мало былъ знакомъ съ Коптевою и встрѣчая ее на пикникѣ и на вечерахъ въ клубѣ, не замѣчалъ въ ней особенно печальнаго настроенія души. Вообще на его взглядъ она всегда была сдержана въ выраженіи своихъ впечатлѣній; никогда порывы души ея не высказывались рѣзко, и онъ никогда не замѣчалъ въ ней ни особенной тоски, ни особенной веселости. Въ день пріѣзда мужа ея показатель былъ въ клубѣ. Когда дали ей знать, что пріѣхалъ мужъ, то она подбѣжала къ показателю и просила дать ей экипажъ. Онъ распорядился о семъ, подалъ ей бурнусъ и помогъ сѣсть въ экипажъ. Она была сильно взволнована, на что онъ не обратилъ тогда особеннаго вниманія, приписывая это радости свиданія съ мужемъ; да и не можетъ положительно утвердить былъ ли то страхъ, или радость. Потомъ онъ встрѣчалъ ее нѣсколько разъ съ мужемъ и кромѣ самаго нѣжнаго взаимнаго вниманія и добраго согласія между супругами, ничего не могъ замѣтить. Наканунѣ убійства онъ видѣлъ ихъ въ клубѣ, гдѣ они сидѣли рядомъ и разговаривали между собою. По выраженію лицъ можно было заключить, что предметъ разговора ихъ самый миролюбивый и что они вполнѣ счастливы. Когда ей сдѣлалось холодно, Коптевъ мгновенно вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ за бурнусомъ; когда же и послѣ того безпокоилъ ее сквозной вѣтеръ, то онъ увелъ ее въ комнату, гдѣ занимался чтеніемъ. Онъ Филоновъ, неоднократно проходилъ по корридору, откуда была отворена дверь въ ту комнату, въ которой они сидѣли и разговаривали о чемъ то очень спокойно. Показатель слышалъ отъ другихъ, не помнитъ отъ кого, что до пріѣзда мужа, она высказывала желаніе умереть, много говорила о смерти и даже предсказывала себѣ смерть. Все это, равно какъ и другіе, совершенно баснословные разсказы, онъ слышалъ уже послѣ ея убійства и не придавалъ имъ особенной вѣры. Во время совершенія убійства онъ, Филоновъ, находился въ Тифлисѣ и потому ничего

объ этомъ сказать не можетъ. *Унтеръ офицеръ Иванъ Шумовскій* (хозяинъ дома, въ коемъ квартировали Коптевы), подъ присягою показалъ, что Коптевы жили между собою очень хорошо; ссоръ у нихъ не было. По возвращеніи Коптева въ августѣ мѣсяцѣ изъ отряда, показатель видѣлъ его нѣсколько разъ, равно какъ и жену его: оба они были въ хорошемъ расположеніи духа, а въ день убійства показатель ходилъ въ лѣсъ за грибами и возвратился домой на другой день и потому, какъ случилось убійство, не знаетъ. *Жена Шумовскаго Марья* подъ присягою отозвалась, что Коптева была довольно гордая, а потому показательница не могла вступать съ нею въ разговоръ и бывала у нея въ комнатахъ только тогда, когда приносила бѣлье, которое для нихъ мыла. Впрочемъ Коптева иногда говорила ей, что получила письмо отъ мужа, что онъ здоровъ, а одинъ разъ Коптева сама начала съ нею разговоръ, сказавъ: «ахъ хозяюшка, какъ мнѣ не хочется ѣхать на прогулку». Коптевы жили между собою такъ хорошо, что даже многіе завидовали имъ. Послѣ пріѣзда Коптева въ августѣ изъ отряда, до убійства имъ жены своей показательница видѣла его только два раза: въ первый разъ утромъ на другой день послѣ пріѣзда, причемъ онъ благодарилъ ее за разныя услуги женѣ его по домашеству, а въ послѣдній утромъ же, въ день убійства. Онъ тогда пилъ чай на балконѣ съ дочерью и былъ веселъ.—Тифлисская *врачебная управа* на сдѣланный ей вопросъ, произведенъ ли былъ выстрѣлъ въ упоръ или издали, если принять въ соображеніе положеніе раны, отклоненіе ея выхода нѣсколько въ бокъ и внизъ и тѣ признаки, которые остались на вымытой простынѣ и рубашкѣ Коптевой— заключила, что кривое направленіе канала огнестрѣльной раны относительно входа и выхода можетъ быть признано естественнымъ, потому что пуля, проникая въ тѣло, иногда отклоняется отъ прямолинейнаго направленія и это обусловливается законами чисто физическими — прохожденіемъ ея чрезъ различной плотности ткани, встрѣчею съ плоскими вогнутыми и выпуклыми поверхностями, вращеніемъ ея около своей оси и проч. Хотя разстояніе выстрѣла и трудно опредѣлить, но онъ сдѣланъ былъ *не въ упоръ*. Доказательствомъ сему можетъ служить то, что рубашка на простреленномъ мѣстѣ не была обожжена и рана при небольшемъ своемъ діаметрѣ не имѣла въ окружности

черноты отъ выброшенныхъ изъ ствола несгорѣвшихъ частицъ угля и пороховыхъ зеренъ. Но разстояніе выстрѣла было довольно близко, ибо входъ раны найденъ больше выхода и около него замѣтны слѣды пороховой копоти.

По вопросу же о беременности Коптевой управа объяснила, что найденное въ маткѣ яйцо съ зародышемъ, достигшимъ величины большаго боба, должно быть признано за физіологическій фактъ что беременность продолжалась около $2^1/_2$ мѣсяцевъ, слѣдовательно время зачатія могло совпадать съ тѣмъ временемъ, когда Коптева еще не разлучалась съ мужемъ. Менструальное очищеніе у беременныхъ есть явленіе нерѣдкое и въ судебно медицинскомъ отношеніи отнюдь не можетъ считаться признакомъ, отвергающимъ совершившееся зачатіе. Если зачатіе было въ первыхъ числахъ іюня, то и срокъ родовъ долженъ бы наступить около половины марта.

Нижніе чины, находившіеся въ караулѣ при квартирѣ подполковника Коптева послѣ совершенія имъ убійства, спрошенные о томъ, въ какомъ положеніи онъ тогда находился и не былъ ли онъ пьянъ, показали: унтеръ офицеръ Ефимъ Серединъ, что отъ Коптева пахло ромомъ или какимъ то другимъ напиткомъ, но не водкою, и что Коптевъ былъ тогда очень красенъ; рядовой Лукьянъ Петровъ, что Коптевъ былъ выпивши, но не совсѣмъ пьянъ; Василій Васильченко, что Коптевъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, но отчего это происходило, отъ испуга или отъ нетрезвости, сказать не можетъ. Двое рядовыхъ,—что былъ ли Коптевъ пьянъ, не замѣтили. Изъ бывшихъ 24 августа въ караулѣ на гауптвахтѣ, спрошенныхъ подъ присягою о положеніи Коптева по доставленіи его на гауптвахту: унтеръ офицеры Соловьевъ и Правинскій и пять рядовыхъ,—что Коптевъ былъ выпивши. Двое рядовыхъ,—что Коптевъ былъ пьянъ. Одинъ рядовой—что Коптева видѣлъ хмѣльнымъ. Прочіе же нижніе чины отозвались, что въ какомъ видѣ былъ тогда Коптевъ, они не замѣтили. Сверхъ того всѣ нижніе чины, видѣвшіе Коптева какъ въ квартирѣ его, такъ и на гауптвахтѣ, свидѣтельствуютъ, что Коптевъ плакалъ и говорилъ: «Господи, что со мной случилось, за что я убилъ свою жену» и проч. Вступившій въ караулъ на гауптвахту, по доставленіи туда Коптева, прапорщикъ Бендеръ, объяснилъ, что онъ засталъ Коптева, какъ ему казалось, въ совершенно трезвомъ

видъ. Контевъ находился въ такомъ состояніи духа, какъ человѣкъ, который теряетъ свой разсудокъ, и изъ его несвязныхъ фразъ ничего нельзя было понять; онъ плакалъ и рыдалъ всю ночь и постоянно спрашивалъ его, Бендера, не знаетъ ли онъ причины, зачѣмъ онъ убилъ свою жену?

Для повѣрки вышеизложеннаго показанія подсудимаго о нечаянности выстрѣла, въ качествѣ экспертовъ допрошены были три вольнонаемные оружейные мастера: Шлигельмильхъ, Шмидтъ и Бартель; по предъявленіи имъ револьвера, изъ котораго послѣдовалъ выстрѣлъ, Шлигельмильхъ и Шмидтъ объяснили, что поднять курокъ на первый взводъ, а тѣмъ болѣе на 2-й взводъ простымъ движеніемъ, безъ намѣренія невозможно; равнымъ образомъ представляется невѣроятнымъ, чтобы безъ желанія можно было спустить курокъ и съ 1-го взвода или предохранительнаго клапана отъ одного двойнаго движенія (отъ котораго, по словамъ подсудимаго, будто бы произошелъ выстрѣлъ). Невѣроятно тоже, чтобы курокъ могъ быть поднятъ незамѣтно до той высоты, при спускѣ съ которой ударъ былъ бы столь силенъ, чтобы произвести выстрѣлъ; когда же курокъ поднятъ до той высоты, при которой поднятіе его дѣлается незамѣтнымъ, то ударъ тогда будетъ такъ слабъ, что выстрѣлъ не возможенъ. Кромѣ того при подниманіи курка не до перваго взвода, если курокъ и упадетъ отъ ослабленія пальца, ударъ всегда бываетъ не такъ силенъ, чтобы могъ разбить капсюль. Главное же то, что по устройству показаннаго имъ револьвера, курокъ безъ поднятія его на второй взводъ никакъ не можетъ произвести выстрѣла, потомучто будучи спущенъ не со 2-го взвода, онъ долженъ упасть на желѣзо, а не на капсюль; чтобы послѣдовалъ выстрѣлъ, необходимо довести курокъ до 2-го взвода. Бартель изложилъ, что курокъ поднимается очень туго, такъ что не замѣтить этого невозможно; при спускѣ курка съ перваго взвода или предохранительнаго клапана, курокъ упадаетъ не на пистонъ, а на промежуточное желѣзо; отъ зацѣпленія рукавомъ также не послѣдовало бы выстрѣла. Капсюль на пистонникѣ не стирается. Вообще выстрѣлъ сдѣланъ съ намѣреніемъ.

При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла *подполковникъ Контевъ*, продолжая доказывать случайность выстрѣла, объяснилъ, что такъ какъ пистолетъ взводится и бьетъ самъ собою, то вѣрно онъ

нажалъ какъ нибудь спусковую собачку, отъ чего курокъ нѣсколько приподнялся, а когда палецъ ослабѣлъ или дрогнулъ, то быстро опустившись на свое мѣсто, разбилъ пистонъ, но когда именно онъ нажалъ собачку курка, нажалъ ли ее, былъ ли курокъ на предохранительномъ клапанѣ, съ котораго какъ нибудь сорвался, зацѣпилъ ли онъ самый курокъ чѣмъ нибудь (напримѣръ рукавомъ), не знаетъ. Онъ зналъ, что пистолетъ былъ заряженъ во время дороги, но въ пять дней, которые прошли послѣ пріѣзда его на Бѣлый Ключъ, пистолетъ могъ быть и разряженъ деньщикомъ. Посмотрѣть же его онъ хотѣлъ потому, что не былъ увѣренъ, сдѣлано ли это или нѣтъ. Къ сердцу жены онъ намѣренно не приставлялъ револьвера, а совершенно случайно какъ дуло попало на то или другое мѣсто груди, такъ послѣдовалъ и выстрѣлъ; но выстрѣла этого онъ рѣшительно не ожидалъ. У него не было ни причинъ, ни умысла убить свою любимую жену. Въ первое время онъ не помнитъ, что съ нимъ было послѣ этого происшествія, а потому и не помнитъ различныхъ отвѣтовъ своихъ Савицкому, Семененкѣ и унтеръ офицеру Середину. Капитанъ же Щербаковъ, какъ ему кажется, свидѣтельствуетъ ближе всѣхъ къ дѣйствительности.

Наконецъ всѣ обстоятельства этого дѣла были препровождены на заключеніе *тифлисской врачебной управы*, которая нашла: а) *относительно нечаянности выстрѣла*, что при осмотрѣ револьвера и при сравненіи его съ другимъ совершенно одинаковаго устройства револьверомъ, замѣчено, что сила, которую нужно употребить для спуска курка со втораго взвода въ томъ и другомъ, представляетъ огромную разницу. Въ револьверѣ, который взятъ для сравненія, курокъ спускается при обыкновенномъ давленіи указательнымъ пальцемъ безъ всякаго особаго усилія; въ револьверѣ же Коптева, чтобы спустить курокъ, достаточно даже самаго легкаго почти нечувствительнаго пожатія спусковой собачки. Тяжесть, привѣшанная къ собачкѣ револьвера, взятаго для сравненія, и постепенно увеличиваемая, приводила въ движеніе пружину замка только тогда, когда равнялась 24 фунт.; въ револьверѣ же Коптева тяжесть въ 2 ф. и 16 золот. уже опускала курокъ. Слѣдовательно очевидно, что сила, со 2 взвода спускающая курокъ въ револьверѣ Коптева, можетъ при одинаковыхъ условіяхъ быть почти въ 10 разъ слабѣе той, какая нуж-

ка для этого въ обыкновенномъ револьверѣ. Послѣ этого понятно, что обращеніе съ такимъ оружіемъ требуетъ уже осторожности потомучто не только легкое судорожное сжатіе пальца, лежащаго на собачкѣ въ то время, когда курокъ какъ нибудь находился на второмъ взводѣ, но малѣйшее неосторожное движеніе пальца, самый незначительный толчокъ, можетъ произвести неожиданный выстрѣлъ. Когда же курокъ револьвера опущенъ совершенно или поставленъ на первый взводъ, то чтобы для произведенія выстрѣла поднять его дѣйствіемъ пружины на 2-й взводъ, съ котораго онъ въ тотъ же моментъ падаетъ на затравку, требуется уже болѣе силы. Объяснить эту силу однимъ только непроизвольнымъ судорожнымъ движеніемъ пальцевъ, безъ участія воли, невозможно не потому, чтобы наука абсолютно отвергала возможность такого случая, но потому, что выводы, основанные на предположеніяхъ, всегда останутся сомнительными и слѣдовательно въ судебной медицинѣ, требующей неоспоримыхъ доказательствъ, не могутъ имѣть особаго значенія. Принимая въ соображеніе всю ничтожность силы, достаточной для того, чтобы въ револьверѣ Коптева спустить курокъ, уже находящійся на второмъ взводѣ, можно сказать положительно, что выстрѣлъ случайный и независимый отъ воли подсудимаго могъ послѣдовать только въ такомъ случаѣ, если курокъ въ это время дѣйствительно находился на второмъ взводѣ. Но причиною такого неожиданнаго выстрѣла было ли судорожное содроганіе пальцевъ, или какое нибудь неосторожное движеніе руки, рѣшить трудно. б) Относительно *душевнаго состоянія* Коптева при совершеніи убійства и вскорѣ послѣ того управа признала, что для вѣрнаго разрѣшенія сего вопроса надо знать хорошо не только индивидуальную психическую сторону подсудимаго, но и множество другихъ постороннихъ обстоятельствъ, не всегда доступныхъ точному изслѣдованію. Отчаяніе, какъ и подобныя ему страсти можетъ имѣть множество степеней съ ихъ различными оттѣнками и отъ чувствъ горести можетъ восходить до самозабвенія и полнаго помѣшательства ума. Натурально, что при такомъ разнообразіи эта страсть не всегда выражается одними и тѣми же явленіями, и продолжительность ея не всегда бываетъ одинакова. Сколько можно основываться на данныхъ, сообщенныхъ врачебной управѣ, нельзя однако не допустить, что отчаяніе подсуди-

маго после убійства жены было глубокое, и что подъ вліяніемъ этой страсти, болѣе или менѣе возмущающей нормальное психическое отправленіе, онъ могъ говорить и дѣйствовать не съ такою логическою послѣдовательностію, какъ при совершенно спокойномъ состояніи души. Отчаяніе безъ сомнѣнія если достигаетъ высшей степени, можетъ привести человѣка въ безсознательное положеніе. Впрочемъ потеря извѣстной степени сознанія безусловно не исключаетъ возможность логичности дѣйствій; было бы неосновательно предполагать, что страждущіе умственнымъ разстройствомъ должны находиться въ постоянномъ бреду, что дѣйствія ихъ всегда безразсудны и что ими вполнѣ овладѣваетъ безсознательное состояніе. Не только въ помраченіи ума, вслѣдствіе сильныхъ душевныхъ потрясеній, но и въ совершенномъ умопомѣшательствѣ (mania) замѣчаются свѣтлые промежутки (intervalla lucida), въ которые человѣкъ судитъ здраво и дѣйствіями его управляетъ разумная воля. Появленіе такихъ промежутковъ, при безпорядкѣ умственной дѣятельности, обусловленномъ глубокимъ отчаяніемъ, еще понятнѣе, потомучто въ этомъ состояніи разсудокъ еще не окончательно подавленъ, человѣкъ можетъ приходить въ себя: но когда разстроенному его воображенію начинаетъ представляться вся ужасная картина постигшаго его несчастія, онъ опять лишается способности судить и дѣйствовать здраво. Однако, чтобы все это безошибочно примѣнить къ данному случаю, надо знать степень отчаянія, въ которой находился подсудимый и которая должна быть болѣе извѣстна наблюдающему врачу. При обсужденіи поступка Контева вся трудность состоитъ въ точномъ разграниченіи перемежекъ присутствія и отсутствія здраваго мышленія и въ точномъ опредѣленіи, какъ долго и въ какой степени продолжалось отчаяніе подсудимаго. Перепутанныя, лишенныя послѣдовательности и отрывистыя фразы въ минуты его глубокаго отчаянія, конечно даютъ поводъ предполагать, что онѣ высказаны не въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей; а если это предположеніе считать сколько нибудь основательнымъ, то нетрудно заключить, какое онѣ могутъ имѣть юридическое значеніе. Слова, произнесенныя Контевымъ послѣ убійства, могутъ служить столько же доказательствомъ сознанія въ убійствѣ, сколько и недоумѣнія подсудимаго: какимъ образомъ послѣдовалъ неожиданный выстрѣлъ.

Изложивъ эти соображенія по содержанію предложенныхъ ей слѣдователями вопросовъ, управа присовокупила, что заключеніе ея по этому дѣлу резюмируется слѣдующимъ образомъ: подсудимый, спрошенный два мѣсяца спустя послѣ преступленія, въ показаніи своемъ о томъ, какъ онъ ночью съ заряженнымъ револьверомъ въ рукахъ очутился въ спальнѣ любимой и притомъ еще беременной жены, приводитъ такія случайности, которыя хотя и возможны, но невольно заставляютъ сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности. Этимъ показаніемъ онъ кажется желаетъ только объяснить случай, для него самого непонятный. Не объяснять же ему этого случая нельзя, иначе надобно сознаться въ злоумышленномъ убійствѣ, но какъ сознаться въ такомъ ужасномъ преступленіи, когда онъ, можетъ быть, въ душѣ чувствуетъ себя невиннымъ. Положеніе дѣйствительно трудное, безвыходное. Слѣдствіемъ не открыто никакихъ побудительныхъ причинъ къ преднамѣренному убійству. Что супруги жили въ любви и согласіи—это мнѣніе общественное. Что же было поводомъ къ такому ужасному преступленію? Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что капитанъ Щербаковъ, на другой день послѣ происшествія, посѣщалъ Коптева на гауптвахтѣ, и когда Коптевъ увидѣлъ его, то зарыдалъ какъ ребенокъ и бросясь къ нему на шею, сказалъ: «скажите, что я сдѣлалъ, за что я убилъ моего ангела жену замѣтили ли вы вчера что нибудь похожее на то, чтобы могло совершиться такое ужасное злодѣйство; видѣли ли вы вчера между нами какую либо ссору»? Когда Щербаковъ взялъ его за руку, онъ отвернулся съ словами: «нѣтъ, я не достоинъ давать вамъ руки, я гнусный, подлый убійца своей жены». На вопросы Щербакова: какъ совершилось убійство, онъ отвѣчалъ: «не знаю, какъ это случилось; она лежала въ постелѣ такая грустная; я началъ расспрашивать отъ чего она груститъ, она сказала, что ей надоѣла жизнь, что она хотѣла бы умереть; невыносимо грустно и мнѣ стало, мнѣ представилось, что женщина, которую я люблю до безумія, уже не любитъ меня, я опьянѣлъ; что случилось послѣ, не помню; предъ глазами у меня образовались какіе то огненные круги, которые увеличивались все болѣе и болѣе; произошелъ выстрѣлъ, и я вздрогнулъ, пришелъ въ себя и увидѣлъ мою жену убитою». За этимъ разсказомъ послѣдовало силь-

ное рыданіе. Строгая логическая послѣдовательность и полнота чувствъ въ этомъ разсказѣ неоспоримо доказываютъ, что Коптевъ, разговаривая съ Щербаковымъ, былъ въ совершенномъ сознаніи. Рыданія Коптева очевидно свидѣтельствуютъ, что чувства его были непритворны, что разсказъ его былъ чистосердечная исповѣдь души. Недавность же происшествія и глубокое отчаяніе въ первое время послѣ убійства жены, даютъ поводъ думать, что въ этотъ искренній разсказъ не успѣла еще войти ни одна изъ тѣхъ идей, которыя уже послѣ могли родиться въ головѣ Коптева для объясненія непостижимаго для него случая. Слѣдовательно въ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ ясныхъ уликъ въ зломъ умыслѣ, гдѣ тайна послѣднихъ отношеній между супругами не можетъ быть раскрыта, такой разсказъ, если онъ имѣетъ только какое нибудь юридическое значеніе, можетъ быть принятъ за единственный, достовѣрный фактъ, за фактъ, котораго уже достаточно для того, чтобы судебная медицина могла удовлетворительно рѣшить вопросъ: съ умысломъ или безъ умысла совершено убійство? Многочисленные примѣры доказываютъ несомнѣнную истину, что переходъ отъ чрезмѣрной страсти къ помѣшательству ума незначителенъ. Но именно этотъ переходъ и придаетъ поступкамъ человѣка особенный характеръ. Въ эти ужасныя минуты сколько жертвъ, можетъ быть и невинныхъ, погибло отъ руки, управляемой неразумною волею. Примѣняя это къ настоящему случаю, управа полагала, что Коптевъ, взволнованный ревностію, одною изъ самыхъ возмутительныхъ страстей, пришелъ наконецъ въ такое состояніе, когда страсть, которую онъ не успѣлъ побороть разсудкомъ, перешла уже за свои предѣлы, когда разсудокъ затмился, и осталась одна необузданная, бѣшенная воля. Въ эту минуту уже было все равно, висѣлъ ли револьверъ на стѣнѣ или былъ въ его рукахъ; жены, которую онъ такъ пламенно любилъ, уже не стало. Гдѣ же прекращается дѣйствіе страсти и начинается помѣшательство, наука не указываетъ предѣловъ. Этотъ переходъ въ обсуживаемомъ случаѣ, кажется, былъ въ тотъ самый моментъ, когда подсудимый, какъ самъ говоритъ: «я ошалѣлъ, что случилось послѣ не помню». Такія данныя, имѣющія по крайней мѣрѣ въ отношеніи судебно-медицинскомъ свое опредѣленное значеніе, приводятъ врачебную управу

къ тому убѣжденію, что убійство совершено Коптевымъ въ порывѣ страсти, перешедшей въ безсознательное состояніе. Конечно много случается подобныхъ преступленій, которыхъ причины остаются неразгаданной тайной, и которыя даже судебному врачу не представляютъ никакой путеводительной нити для спеціальнаго ихъ изслѣдованія. Но преступленіе Коптева, кажется, довольно уже ясно выражаетъ свою особенную характеристику. Не отличить ее нельзя, тѣмъ болѣе, что предшествовавшія и послѣдовавшія убійству обстоятельства, обнаруженныя слѣдствіемъ и сообщенныя управѣ, не противорѣчатъ такому заключенію.»

Во время производства дѣла въ генералъ-аудиторіатѣ сестры покойной Коптевой: жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Щебальская и вдова гвардіи капитана Бородина просили принять во вниманіе засвидѣтельствованіе ихъ, что зная личныя качества Коптева и отношенія его къ покойной женѣ, нѣжно имъ любимой, онѣ увѣрены, что несчастный случай убійства ея, который онѣ объяснить не могутъ, во всякомъ случаѣ произошелъ независимо отъ воли Коптева, который и до настоящаго времени испытываетъ жестокія нравственныя страданія.

Сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства, генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что подполковникъ Коптевъ въ объясненіе несчастнаго случая убійства жены своей приводитъ неосторожное обращеніе свое съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которымъ по стеченію обстоятельствъ застрѣлена была жена его въ то время, когда онъ, желая пошутить съ нею, приставилъ къ груди ея дуло пистолета. Объясненіе это, данное Коптевымъ чрезъ два мѣсяца послѣ происшествія, когда онъ имѣлъ время успокоиться и обдумать свое положеніе, совершенно противорѣчитъ разсказамъ его по тому же предмету не только въ день происшествія, но и на другой день послѣ онаго. Между-тѣмъ разсказы эти, въ главныхъ обстоятельствахъ дѣла совершенно между собою сходные, засвидѣтельствованы подъ присягою многими лицами, вполнѣ достойными довѣрія и неимѣвшими основанія клеветать на Коптева, въ чемъ онъ и самъ ихъ не подозрѣваетъ. Напротивъ того разсказы эти, а въ особенности переданныя на другой день Коптевымъ штабсъ-капитану Щербакову обстоятельства происшествія, имѣютъ несомнѣнный характеръ достовѣрности и едва ли

могли быть вымышлены Коптевымъ въ то время, когда онъ въ минуту невыносимой скорби и горько рыдая, высказывалъ душевную свою исповѣдь. Между тѣмъ всѣ означенные свидѣтели не показываютъ, чтобы Коптевъ хотя разъ упомянулъ о своей неосторожности; отъ него не было слышно ни слова упрека деньщику, который будто бы позабылъ разрядить пистолетъ, ни выраженія неудовольствія на неисправное состояніе оружія; во всѣхъ вопросахъ своихъ онъ ни разу не употреблялъ выраженія: «какъ я убилъ жену»? но постоянно спрашивалъ: «за что я убилъ ее»? Наконецъ самое объясненіе его о томъ, что онъ вздумалъ осмотрѣть пистолетъ въ то время, когда уже ложился спать, (для чего вмѣсто того, чтобы взять съ собою свѣчу въ кабинетъ, принесъ пистолетъ въ спальню къ женѣ) и наконецъ рѣшился приставить дуло пистолета къ груди жены, зная, что она беременна, но не бывъ увѣренъ въ томъ, что пистолетъ не заряженъ,— по совокупности заключающихся въ всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ несообразностей, не заслуживаетъ никакого вѣроятія; а положительное удостовѣреніе оружейниковъ, осматривавшихъ пистолетъ что, по устройству онаго, выстрѣлъ не могъ быть произведенъ безъ участія воли человѣка, окончательно лишаетъ возможности принять въ основаніе при рѣшеніи настоящаго дѣла представленныя подсудимымъ объясненія. Обращаясь затѣмъ къ изысканію тѣхъ побужденій, которыя могли руководить Коптева въ совершеніи преступленія, генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что не смотря на взаимныя дружескія отношенія между супругами и даже на пламенную страсть, которую Коптевъ питалъ къ женѣ своей, между ними нерѣдко возникали недоразумѣнія, происходившія отъ подозрительнаго и ревниваго характера мужа и неосторожнаго поведенія жены, которая во время разлуки легкомысленно возбуждала въ немъ чувство ревности описаніемъ успѣховъ своихъ между молодыми людьми и изъявленіемъ сомнѣній насчетъ ея супружеской вѣрности. Хотя предшествующій происшествію разговоръ между Коптевымъ и женою его остался по дѣлу не обнаруженнымъ, но по всей вѣроятности Коптева, неосторожно возбуждавшая ревность мужа въ своихъ письмахъ, подала ему какой либо поводъ къ неудовольствію и въ самый день смерти своей, и затѣмъ сказанныхъ ею словъ, что она тяготится жизнію,

было уже достаточно, чтобы привести мужа ея въ положеніе той безсознательной ярости, подъ вліяніемъ которой совершено имъ преступленіе. Хотя вліяніе сильной страсти при совершеніи преступленія въ большей части случаевъ не можетъ быть принято за основаніе невмѣняемости въ вину совершеннаго преступникомъ дѣянія, но съ другой стороны нельзя не согласиться съ весьма искусно и послѣдовательно изложеннымъ заключеніемъ тифлисской врачебной управы, что въ нѣкоторыхъ хотя и рѣдкихъ случаяхъ переходъ отъ чрезмѣрной страсти къ помѣшательству ума незначителенъ, хотя наука и не можетъ указать точнаго предѣла, гдѣ прекращается дѣйствіе страсти и начинается помѣшательство. Въ настоящемъ случаѣ, по мнѣнію управы, переходъ этотъ совершился въ ту минуту, когда подсудимый, какъ самъ разсказывалъ штабсъ-капитану Щербакову, ошалѣлъ и затѣмъ не помнитъ, что случилось. По симъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что при возникающемъ сомнѣніи въ томъ, дѣйствительно ли Коптевъ при совершеніи преступленія руководимъ былъ свободною волею, единственнымъ руководителемъ къ разрѣшенію сего вопроса должно быть мнѣніе медицинскаго учрежденія, генералъ-аудиторіатъ, согласно съ заключеніемъ тифлисской врачебной управы, призналъ, что убійство Коптевымъ жены совершено въ порывѣ страсти, перешедшемъ въ безсознательное состояніе. Посему генералъ-аудиторіатъ полагалъ: 1) подсудимаго подполковника Коптева, на основаніи 116 ст. 1 кн. воен. угол. уст. и 108 2019 ст. улож. о наказ. угол. и испр., отъ всякой отвѣтственности по обвиненію въ убійствѣ жены освободить, предоставивъ ему, если пожелаетъ, очистить совѣсть свою церковнымъ покаяніемъ; 2) удержанное у Коптева половинное жалованье возвратить ему, а издержки по дѣлу принять на счетъ казны.

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ аудиторіата Собственноручно написать изволилъ: «Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Коптевъ былъ подвергнутъ церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго вѣдомства. С.-Петербургъ. 24 января 1863 года»

О убійствѣ штабсъ-капитаномъ Крыловымъ своей жены выстрѣломъ изъ пистолета.

Штабсъ-капитанъ Крыловъ, квартируя въ г. Николаевѣ (херсонской губерніи), 30 марта 1856 года въ 11 часу вечера убилъ выстрѣломъ изъ пистолета свою жену. По произведенному въ тотъ же вечеръ медицинскому освидѣтельствованію, жена Крылова (32 лѣтъ) найдена лежавшею въ своей квартирѣ ницъ на полу, ноги въ колѣнахъ были согнуты, руки также согнуты и находились подъ грудью, голова, шея и отчасти лицо были въ крови. Ниже сосцевиднаго отростка правой височной кости оказалась овальная огнестрѣльная рана съ обожженными краями, идущая вверхъ въ полость черепа и неимѣющая выхода отъ засѣвшей, какъ видно, внутри черепа пистолетной пули; другихъ знаковъ насилія на тѣлѣ не найдено. Какъ причина смерти была явная, то мертвое тѣло оставлено безъ анатомическаго вскрытія.—Штабсъ-капитанъ *Крыловъ* при слѣдствіи показалъ, что онъ, получивъ контузію при защитѣ Севастополя, началъ съ тѣхъ поръ чувствовать головную боль, круженіе головы и темноту въ глазахъ. По отступленіи изъ Севастополя, при слѣдованіи съ ввѣренными ему нижними чинами военно-рабочихъ № 8 и 10 ротъ въ Николаевъ, боль его усилилась, и онъ былъ отправленъ въ симферопольскій сухопутный госпиталь. Поправившись тамъ отъ болѣзни, онъ поѣхалъ въ Николаевъ и прибылъ туда съ разстроеннымъ здоровьемъ; хотя онъ не рапортовался больнымъ, но временно лечился отъ припадковъ и его пользовалъ докторъ Леве. 30 марта (въ день происшествія) съ утра у него болѣла голова, дѣлались обмороки и вечеромъ онъ легъ въ постель, но какимъ образомъ послѣ того всталъ и застрѣлилъ свою жену, не знаетъ и ничего не помнитъ; побудительной причины къ убійству жены не имѣлъ и несчастіе это произошло отъ болѣзни его. Съ женою жилъ 12 лѣтъ дружелюбно и имѣлъ шестерыхъ дѣтей. Къ сему штабсъ-капитанъ Крыловъ присовокупилъ, что кому принадлежитъ пистолетъ, изъ котораго произведенъ выстрѣлъ и кѣмъ былъ заряженъ, онъ не знаетъ.

На допросѣ въ военномъ судѣ *Крыловъ*, подъ священническимъ увѣщаніемъ, продолжая утверждать, что онъ вовсе не помнитъ

обстоятельствъ, сопровождавшихъ преступленіе его, совершенное по разстройству здоровья отъ контузіи и въ припадкѣ болѣзни, объяснилъ, что въ Севастополѣ у него точно былъ пистолетъ, но изъ Симферополя, гдѣ онъ, Крыловъ, находился въ госпиталѣ, онъ прибылъ въ Николаевъ безъ всякаго оружія, и были ли доставлены туда его вещи, оставшіяся въ Симферополѣ, онъ не знаетъ. Болѣзненные припадки, происходящіе отъ контузіи, продолжались и послѣ убійства во время содержанія его на острожной гауптвахтѣ въ продолженіе болѣе года *). Мать подсудимаго *Марѳа Крылова*, проживавшая съ нимъ въ одной квартирѣ, показала, что о причинѣ, побудившей сына ея къ убійству жены, ничего опредѣлительнаго объявить не можетъ, но полагаетъ, что преступленіе это совершено имъ въ безпамятствѣ, происшедшемъ отъ болѣзненнаго состоянія, ибо онъ, получивъ контузію въ Севастополѣ, постоянно страдалъ болѣзненными припадками. Слѣдуя въ Николаевъ, онъ на пути заболѣлъ горячкою въ видѣ сумасшествія и, прибывъ въ Николаевъ не совершенно здоровымъ, безпрерывно жаловался на головокруженіе и шумъ въ головѣ съ нестерпимою болью и потемнѣніемъ въ глазахъ, отчего случались съ нимъ неоднократно обмороки. Съ своею женою онъ жилъ согласно и ни малѣйшаго неудовольствія между ними она не замѣчала. Пистолетъ, изъ котораго сынъ ея убилъ свою жену, принадлежитъ ему и привезенъ имъ изъ Севастополя, но когда именно онъ былъ заряженъ, показательница не знаетъ. 30 марта т. е. въ день происшествія, она видѣла сына своего совершенно спокойнымъ, но онъ часто сжималъ руками виски головы своей, что дѣлалъ и прежде во время головной боли; вечеромъ того дня Крыловъ и жена его сидѣли въ комнатѣ ея, Марѳы Крыловой, а потомъ отправились въ свою комнату. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, когда показательница приготовлялась лечь спать **) она услышала крикъ невѣстки и, по приходѣ въ ея комнату, увидѣвъ въ рукахъ сына своего пистолетъ, просила его отдать ей

*) Послѣ убійства жены, подсудимый Крыловъ поступилъ 1 апрѣля въ острожный лазаретъ, страдая отъ лихорадки.

**) На другой день мать и жена подсудимаго Крылова готовились пріобщиться Св. Таинъ.

оный, но сынъ ея, вышедши въ другую комнату, спокойно и безъ всякой горячности отвѣтилъ: «жена моя напрасно обезпокоила васъ, ложитесь спать». Жена Крылова тогда, смѣясь, сказала, что мужъ нарочно стращаетъ ее и что она знаетъ, что пистолетъ у него не заряженъ. Едва показательница успѣла переступить черезъ порогъ комнаты сына, какъ услышала выстрѣлъ изъ пистолета и, испугавшись до безпамятства, не помнитъ кѣмъ была доставлена въ домъ другаго сына ея, капитана Крылова.—*Аграфена Сахинова*, находившаяся въ услуженіи у подсудимаго Крылова, подъ присягою показала, что 30 марта 1856 года, жена Крылова, возвратившись съ матерью его отъ вечерни, такъ какъ онѣ говѣли, разговаривала съ своимъ мужемъ; чрезъ нѣсколько времени послѣ того она, Сахинова, вошедши къ нимъ въ комнату, увидѣла жену Крылова плакавшею, но о чемъ не знаетъ. Штабсъ-капитанъ Крыловъ въ это время, ходя по комнатѣ, просилъ жену сдѣлать ему сигару; лишь только показательница вошла въ спальню, въ комнатѣ раздался выстрѣлъ. Посмотрѣвъ туда, она увидѣла Крылову лежавшею на полу мертвою, а мужъ ея сидѣлъ на диванѣ и молча смотрѣлъ на нее. Выбѣжавъ на дворъ она, Сахинова, объявила о происшествіи хозяйкѣ квартиры. Причины, побудившей штабсъ-капитана Крылова на убійство, она не знаетъ, съ женою своею онъ всегда жилъ въ дружбѣ и согласіи, ссоръ или неудовольствій между ними она не замѣчала. Крыловъ часто жаловался на боль головы, наканунѣ происшествія также жаловался на головную боль и былъ невеселъ. Пистолетъ, изъ котораго Крыловъ сдѣлалъ выстрѣлъ, принадлежитъ ему и всегда лежалъ въ комнатѣ на коммодѣ, но когда и кѣмъ былъ заряженъ, она не знаетъ.—По разнорѣчію въ показаніяхъ матери подсудимаго и Сахиновой, имъ была дана *очная ставка*, на которой онѣ, подтверждая свои показанія, объяснили, *первая*, что въ то время, когда она предъ совершеніемъ сыномъ ея преступленія, входила къ нему въ комнату и видѣла въ рукахъ его пистолетъ, тогда Сахиновой въ комнатѣ не было; *а послѣдняя*, что когда она видѣла жену Крылова плакавшею, тогда матери подсудимаго не было въ той комнатѣ, гдѣ онъ находился съ женою.—*Деньщикъ подсудимаго Ѳедоръ Сидоровъ* подъ присягою показалъ, что 30 марта вечеромъ, часу въ 10 или 11 когда онъ спалъ въ кухнѣ, услышалъ выстрѣлъ, но полагая, что онъ

сдѣлать у кого либо изъ сосѣдей, не обратилъ на это вниманія; вслѣдъ затѣмъ вбѣжала въ кухню мать Крылова въ испуганномъ видѣ, и объявила, что сынъ ея убилъ свою жену. Послѣ того самъ Крыловъ, выйдя изъ комнаты, приказалъ ему, Сидорову, запрягать лошадь, говоря: поѣдемъ на гауптвахту! Причины, побудившей подсудимаго къ смертоубійству, показатель не знаетъ; Крыловъ жилъ съ женою всегда дружелюбно, но съ самаго прибытія изъ Севастополя, также и наканунѣ происшествія, жаловался на боль головы, которая, по словамъ его, происходила отъ полученной имъ контузіи; въ день же происшествія былъ въ невеселомъ расположеніи духа, находясь болѣе въ молчаніи и задумчивости. Пистолетъ, изъ котораго произведенъ выстрѣлъ, принадлежитъ Крылову, но кѣмъ былъ заряженъ, показатель не знаетъ.—Братъ подсудимаго капитанъ 14 рабочаго экипажа *Крыловъ* показалъ, что подробности объ образѣ жизни брата его съ женою ему неизвѣстны, потомучто братъ его постоянно жилъ въ Севастополѣ, а онъ въ Николаевѣ; по прибытіи же въ Николаевъ, подсудимый Крыловъ жилъ отдѣльно на особой квартирѣ, но, посѣщая его, показатель видѣлъ, что братъ его жилъ съ женою въ согласіи и ссоръ между ними не замѣчалъ. Причина, побудившая подсудимаго на убійство, ему неизвѣстна; въ день происшествія показатель брата своего не видѣлъ и въ какомъ онъ былъ тогда состояніи, не знаетъ; но совершеніи же убійства, прибывъ въ квартиру брата, былъ пораженъ сдѣланнымъ имъ поступкомъ и въ разстройствѣ не могъ разсмотрѣть въ какомъ онъ былъ состояніи, однакожъ полагаетъ, что онъ не имѣлъ разсудка. Это предположеніе показатель основываетъ на томъ, что его братъ постоянно жаловался на боль головы, и что въ сентябрѣ 1855 года во время слѣдованія изъ Севастополя въ Николаевъ, онъ получилъ горячку съ потерею разсудка, какъ объявили нижніе чины, съ коими онъ слѣдовалъ въ Николаевъ. Тогда показатель вмѣстѣ съ женою брата своего ѣздилъ къ сему послѣднему въ Симферополь, и обратившись къ пользовавшему брата медику, узналъ отъ него, что братъ его поступилъ въ симферопольскій госпиталь въ горячкѣ, которая усилилась до безумія, такъ что братъ его помѣщенъ былъ въ отдѣльную комнату, подъ особый присмотръ; но получивъ облегченіе, онъ былъ выписанъ оттуда чрезъ 12

дней. — Родственники подсудимаго, капитанъ *Лапинъ*, прапорщикъ *Васильевъ*, отставной чиновникъ 14 класса *Крыловъ*, мичманъ *Лапинъ* и подпоручикъ *Крыловъ* отозвались, что штабсъ-капитанъ Крыловъ жилъ съ женою своею хорошо и что причины, побудившей его на преступленіе, они не знаютъ. Кромѣ того о согласной жизни подсудимаго Крылова съ его женою показали подъ присягою знакомые ихъ штабсъ-капитаны *Турковъ* и *Селиверстовъ*.—Мичманъ *Лапинъ*, отставной чиновникъ *Крыловъ*, прапорщикъ *Васильевъ* и штабсъ-капитанъ *Селиверстовъ* при вторичномъ допросѣ показали, что они не замѣчали подсудимаго Крылова особенно задумчивымъ, мстительнымъ, ревнивымъ, вспыльчивымъ и излишне преданнымъ спиртнымъ напиткамъ. Это подтвердили сверхъ того мать Крылова и служанка его Аграфена Садикова. Капитанъ *Лапинъ* отозвался, что штабсъ-капитанъ Крыловъ, по отъѣздѣ жены его изъ Севастополя въ Николаевъ, былъ скученъ и задумчивъ и что по временамъ была замѣчаема въ немъ вспыльчивость. Штабсъ-капитанъ *Турковъ* объяснилъ, что въ бытность свою въ Севастополѣ замѣчалъ Крылова скучнымъ, но былъ ли онъ ревнивъ и вспыльчивъ, не знаетъ. При передопросѣ братъ подсудимаго *капитанъ Крыловъ* также объяснилъ, что онъ не замѣчалъ брата своего особенно задумчивымъ, ревнивымъ, вспыльчивымъ и неумѣренно употреблявшимъ спиртуозные напитки. Это подтвердила подъ присягою хозяйка дома, въ которомъ квартировалъ подсудимый, присовокупивъ, что Крыловъ жилъ съ своей женой согласно, и что въ день совершенія преступленія она видѣла Крылова съ завязанною головою, какъ полагаетъ, отъ головной боли. Сверхъ того спрошены подъ присягою бывшіе подъ начальствомъ подсудимаго Крылова въ Севастополѣ *семь рядовыхъ* тамошней инженерной команды морской строительной части. Они показали, что задумчивости, ревности, вспыльчивости и пристрастія къ хмѣльнымъ напиткамъ въ Крыловѣ не замѣчали.

Частный приставъ николаевской полиціи *Мельниковъ* подъ присягою показалъ, что онъ, прибывъ въ квартиру штабсъ-капитана Крылова, вскорѣ послѣ совершенія имъ убійства, засталъ его въ разстроенномъ состояніи; при разговорѣ съ нимъ онъ отвѣчалъ довольно внятно, но чтобы Крыловъ былъ тогда нетрезвымъ онъ, Мельниковъ, не замѣтилъ; а квартальный надзира-

тель *Трегубов* объяснилъ, что подсудимый Крыловъ, послѣ сдѣланнаго имъ преступленія, отдавая своему брату деньги, просилъ похоронить жену его прилично и имѣть попеченіе о дѣтяхъ (братъ подсудимаго капитанъ *Крыловъ* подтвердилъ это обстоятельство); при слѣдованіи съ нимъ, Трегубовымъ, на гауптвахту, Крыловъ дорогою спрашивалъ его: часто ли бываютъ въ Николаевѣ происшествія, подобныя сегодняшнему, и когда онъ, Трегубовъ, отвѣтилъ, что подобнаго преступленія, которымъ офицеръ лишилъ бы себя жены, а своихъ дѣтей матери, никогда не случалось, то Крыловъ сказалъ: «да правда», и болѣе не говорилъ ни слова. Въ Крыловѣ никакого помѣшательства ума въ то время не было, замѣтно даже что на боль головы онъ тогда не жаловался. Къ сему Трегубовъ при вторичномъ допросѣ присовокупилъ, что былъ ли штабсъ-капитанъ Крыловъ пьянымъ при доставленіи его на гауптвахту, онъ не замѣтилъ, но запахъ вина былъ чувствуемъ отъ него, Крылова.

Относительно показанія подсудимаго штабсъ-капитана Крылова о его *болѣзни*, собраны по дѣлу слѣдующія свѣдѣнія: 1) изъ выданнаго Крылову свидѣтельства симферопольскаго военнаго госпиталя, отъ 19 сентября 1855 года видно, что онъ 8 того сентября поступилъ въ означенный госпиталь для излеченія горячки, отъ которой получилъ облегченіе и выписанъ. 2) Слѣдовавшіе, въ сентябрѣ 1855 года, изъ Севастополя въ Николаевъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Крылова, *девять человѣкъ нижнихъ чиновъ* военно-рабочихъ ротъ № 8 и 10, подъ присягою показали, что Крыловъ, не доѣзжая до Симферополя, заболѣлъ горячкою и былъ отправленъ въ тамошній госпиталь; изъ нихъ унтеръ-офицеръ *Гуневъ* присовокупилъ, что онъ, оставаясь по собственной надобности въ Симферополѣ, видѣлъ Крылова при отправленіи въ госпиталь совершенно не въ здравомъ разсудкѣ, такъ что офицеръ этотъ, бывши въ горячкѣ, бѣгалъ по городу и едва былъ пойманъ имъ, Гуневымъ, съ помощью другихъ, и отведенъ въ госпиталь. 3) Штабъ лекарь *Леве* подъ присягою показалъ, что онъ около семи лѣтъ знаетъ Крылова; послѣдній страдаетъ частымъ приливомъ крови къ головѣ, сопровождающимся шумомъ въ ушахъ и иногда доходившемъ до обморока. Онъ, Леве, нѣсколько разъ пользовалъ Крылова въ Севастополѣ отъ этихъ припадковъ и хотя облегчалъ его меди-

цинскими средствами, но послѣ контузіи, полученной Крыловымъ во время бомбардированія Севастополя, означенные припадки усилились. Отсутствія ума или потери разсудка онъ, Леве, въ свои непродолжительные визиты не замѣтилъ, но Крыловъ имѣлъ всегда темпераментъ меланхолическій, страдалъ геморроидальными припадками и былъ до того задумчивъ и молчаливъ, что не всегда отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы; бывало даже, что во время бомбардированія Крыловъ *плакалъ*, когда онъ, Леве, говорилъ ему о женѣ и дѣтяхъ его. Взявъ въ разсужденіе все вышеозначенное и помня любовь и привязанность подсудимаго Крылова къ женѣ и дѣтямъ, оказываемую при всякомъ случаѣ, онъ, Леве, не можетъ думать, чтобы преступленіе этого офицера было сдѣлано въ присутствіи ума и разсудка. 4) Ординаторъ николаевскаго острожнаго лазарета, штабъ лекарь *Адамовичъ* 28 мая 1856 года донесъ главному доктору тамошняго морскаго госпиталя, что поступившій въ означенный лазаретъ 1 апрѣля 1856 года, штабсъ-капитанъ Крыловъ на вопросы отвѣчалъ здраво и удовлетворительно, вообще никакихъ признаковъ разстройства умственныхъ способностей у него не замѣчено. Онъ жаловался на круженіе головы, горечь во рту, потерю аппетита и запоръ. Послѣ употребленія врачебныхъ средствъ, больной чувствовалъ себя лучше, но въ концѣ апрѣля у него обнаружились предвѣстники тифозной горячки, а потомъ развился тифъ, который продолжался до 8 мая; 16 числа того мѣсяца штабсъ-капитанъ Крыловъ не имѣлъ уже никакихъ болѣзненныхъ припадковъ, только жаловался на слабость во всемъ организмѣ и круженіе головы, происшедшія отъ перенесенной имъ тифозной горячки. Затѣмъ онъ выздоровѣлъ и умственныя способности его находятся въ нормальномъ состояніи. Незначительные легкіе припадки гастрической лихорадки, съ которою Крыловъ поступилъ въ острожный лазаретъ, не могли, по мнѣнію штабъ лекаря Адамовича, быть причиною сдѣланнаго симъ офицеромъ убійства, если только эти припадки происходили у него во время совершенія онаго. Въ дополненіе къ сему, штабъ лекарь Адамовичъ на запросъ при полицейскомъ слѣдствіи присовокупилъ, что во время нахожденія штабсъ-капитана Крылова въ тифозномъ состояніи, въ бывшемъ у него тогда бреду не было замѣчено никакой основной идеи, изъ которой можно бы сдѣ-

лать заключеніе о совершенномъ имъ убійствѣ.—5) Назначенные николаевскимъ медицинскимъ начальствомъ для дачи заключенія въ качествѣ экспертовъ штабъ-лекари *Лаіакевичъ, Фортманъ* и *Бѣлоусовъ*, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и сообразивъ оныя съ правилами судебной медицины, заключили, что подсудимый Крыловъ не имѣлъ никакой болѣзни, чрезъ которую могъ бы подвергнуться помѣшательству ума и вслѣдствіе этого впасть въ преступленіе; что въ Крыловѣ нѣтъ ни одного изъ родовъ помѣшательства ума и онъ не можетъ быть признанъ страждущимъ даже кратковременнымъ помѣшательствомъ, слѣдовательно съ вѣроятностью можно заключить, что Крыловъ во время убійства своей жены не былъ помѣшанъ въ умѣ. 6) Инженеръ поручикъ *Фавицкій*, подпоручикъ *Муссеніусъ* и прапорщикъ *Гладышевъ*, свидѣтельствовавшіе шнуровыя книги, веденныя подсудимымъ Крыловымъ въ Николаевѣ, подъ присягою отозвались, что они находили Крылова постоянно въ здравомъ разсудкѣ. Равномѣрно бывшіе подъ начальствомъ штабсъ-капитана Крылова унтеръ-офицеры военно-рабочихъ № 8 и 10 ротъ: Зелинскій, Тисленко, Напрѣевъ, Михайловскій и Шпаковскій показали, также подъ присягою, что отсутствія ума или другихъ болѣзненныхъ припадковъ, а также излишняго употребленія хмѣльныхъ напитковъ они въ Крыловѣ не замѣчали. 7) Николаевскій плацъ-маіоръ подполковникъ *Вишневскій* подъ присягою отозвался, что при посѣщеніи имъ острога онъ не видѣлъ припадковъ штабсъ-капитана Крылова, но отъ дежурныхъ по карауламъ офицеровъ (кого именно не помнитъ) нѣсколько разъ слышалъ, что съ нимъ были непродолжительные припадки и тогда назначались по два и по три вѣстовыхъ для предупрежденія какого либо несчастія; во все же время содержанія Крылова на гауптвахтѣ было скромно и тихо.—8) Содержавшіе дежурство по арестантскимъ ротамъ во время нахожденія Крылова на острожной гауптвахтѣ съ 1 іюня 1856 г. по 12 іюня 1857 года офицеры тѣхъ ротъ также подъ присягою показали: 1) капитанъ Тарасовъ, штабсъ-капитанъ Кузьминъ, поручикъ Гиринъ и прапорщикъ Нагнибѣда, что сами они бывшихъ у Крылова припадковъ не замѣчали, но слышали отъ штабсъ-капитана Шевченко, что у подсудимаго Крылова были припадки. 2) Штабсъ-капитанъ Шевченко, что ночью на 19 февраля 1857 года, въ

бытность его дежурнымъ въ острогѣ, онъ, услышавъ стонъ въ комнатѣ, гдѣ содержался подсудимый Крыловъ, вошелъ туда вмѣстѣ съ караульнымъ офицеромъ (фамиліи не помнитъ); они нашли Крылова лежавшимъ на кровати и стонавшимъ; на вопросъ караульнаго офицера, «что съ вами?» Крыловъ ничего не отвѣчалъ. Въ то же время былъ призванъ фельдшеръ, а потомъ бывшій дежурный по карауламъ подольскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Даниленко пригласилъ къ больному штабъ лекаря Адамовича, который, осмотрѣвъ Крылова, сказалъ, что если ему будетъ хуже, то надлежитъ отправить его въ госпиталь; однакожъ Крыловъ помѣщенъ туда не былъ.—Спрошенный по этой ссылкѣ штабъ лекарь Адамовичъ подъ присягою отозвался, что хотя офицеръ, пригласившій его въ острогъ для подачи пособія штабсъ-капитану Крылову, говорилъ, будто бы Крыловъ, запершись въ комнатѣ, кричалъ, шумѣлъ, стучалъ и произносилъ какія то непонятныя слова, но, прибывъ въ острогъ, онъ, Адамовичъ, нашелъ Крылова лежавшимъ на кровати, и онъ на вопросы его, Адамовича, отвѣчалъ, что у него сильно болитъ голова, шумъ въ ушахъ и головокруженіе; разстройства же умственныхъ способностей въ то время у него уже не замѣтилъ. На другой день утромъ онъ, Адамовичъ, не нашелъ у Крылова никакихъ болѣзненныхъ припадковъ; но послѣ этого случая Крыловъ еще одинъ разъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ жаловался ему, Адамовичу, на боль и круженіе головы; съ того же времени Крыловъ не жаловался ни на какіе болѣзненные припадки, и онъ, Адамовичъ, почти каждодневно видѣлъ его въ острогѣ совершенно здоровымъ.

По настоящему дѣлу было истребовано мнѣніе *медицинскаго департамента морскаго министерства* въ отношеніи вопроса о томъ: можно ли допустить, что полученная штабсъ-капитаномъ Крыловымъ контузія, горячка и бывшіе съ нимъ припадки, какъ то головокруженіе, боль въ головѣ и обмороки, привели его въ такое состояніе временнаго помѣшательства, при которомъ онъ могъ безсознательно посягнуть на жизнь жены своей? Медицинскій департаментъ нашелъ: 1) что о степени важности контузіи, полученной Крыловымъ на голени, равно о томъ, требовало ли особаго пользованія причиненное ею повреждение, въ дѣлѣ никакихъ свѣдѣній нѣтъ; видно только, что недѣли чрезъ

три послѣ контузіи, Крыловъ, по распоряженію начальства, препровождалъ команду военно-рабочихъ изъ Севастополя въ Николаевъ, слѣдовательно былъ здоровъ. Это ведетъ къ положительному заключенію, что полученная Крыловымъ контузія принадлежала къ легчайшимъ внѣшнимъ поврежденіямъ сего рода. Сверхъ того, принявъ на видъ степень значенія пораженнаго члена въ общемъ составѣ организма, никакъ нельзя допустить, чтобы сказанная контузія сама по себѣ могла отразиться на мозгѣ нарушеніемъ нормальной дѣятельности его и причинить умопомѣшательство. 2) О горячкѣ, постигшей Крылова на дорогѣ отъ Севастополя въ Николаевъ, есть въ дѣлѣ свидѣтельство симферопольскаго военнаго госпиталя, изъ котораго видно, что Крыловъ пользовался въ этомъ госпиталѣ съ 8 по 19 сентября 1855 года отъ горячки, но свидѣтельство это вовсе не опредѣляетъ свойствъ горячки, которою одержимъ былъ Крыловъ. Между тѣмъ названіе горячки принадлежитъ обширному классу болѣзней; многія изъ нихъ совершенно безопасны и излечиваются весьма легко, но есть въ числѣ ихъ и такія, которыя вслѣдствіе сопровождающаго ихъ пораженія мозга бываютъ сопряжены съ разстройствомъ умственныхъ силъ больнаго и иногда даже оставляютъ послѣ себя такое разстройство на время, болѣе или менѣе продолжительное. Нѣкоторое сомнѣніе въ умственномъ состояніи штабсъ-капитана Крылова, предъ самымъ поступленіемъ его въ симферопольскій госпиталь, возбуждаетъ показаніе унтеръ-офицера Гунева, который при допросѣ объявилъ, что видѣлъ Крылова при отправленіи въ госпиталь совершенно не въ здравомъ разсудкѣ. Но показаніе это, оставшееся не повѣреннымъ, равно какъ и госпитальное свидѣтельство, не представляютъ надежныхъ данныхъ для разрѣшенія предлежащаго вопроса. Впрочемъ, принявъ въ соображеніе съ одной стороны кратковременность пребыванія Крылова въ госпиталѣ, а съ другой стороны, что по выпискѣ изъ онаго и по прибытіи его въ Николаевъ никто умопомѣшательства въ немъ не замѣчалъ, можно принять за достовѣрное, во первыхъ, что горячка его была не изъ опасныхъ, а во вторыхъ, что онъ, когда былъ выписанъ изъ госпиталя, помѣшанъ въ умѣ не былъ. 3) По собраннымъ въ дѣлѣ свѣдѣніямъ оказывается достовѣрнымъ, что подсудимый подверженъ былъ приливамъ крови и вслѣд-

ствіе того болямъ и круженію въ головѣ. Подобныя страданія, достигнувъ высшей степени, могутъ, въ рѣдкихъ случахъ причинить временное помраченіе разсудка, подъ вліяніемъ котораго больной лишается самосознанія и власти надъ самимъ собою. Нѣтъ однакоже въ дѣлѣ рѣшительно никакого повода къ предположенію, чтобы у Крылова оказанные припадки когда либо доходили до такой степени жестокости. По мнѣнію медицинскаго департамента черезъ соображеніе всѣхъ сихъ обстоятельствъ не представляется судебно-медицинскихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы было заключить, что Крыловъ убилъ жену свою безсознательно, въ состояніи временнаго умопомѣшательства.

Сообразивъ вышеизложенное, морской генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что штабсъ-капитанъ Крыловъ, преданный суду за убійство жены выстрѣломъ изъ пистолета, въ свое оправданіе объяснилъ, что онъ совершилъ это преступленіе безсознательно во время болѣзненнаго припадка. Хотя слѣдствіемъ дознано, что штабсъ-капитанъ Крыловъ съ давняго времени былъ подверженъ приливамъ крови и вслѣдствіе этого болямъ и круженію въ головѣ, что 12 августа 1855 г., онъ получилъ контузію въ лѣвую голень, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года заболѣлъ горячкою и лечился отъ оной въ симферопольскомъ военномъ госпиталѣ съ 8 по 19 сентября, но въ дѣлѣ не имѣется никакихъ доказательствъ, что означенные болѣзненные припадки произвели въ подсудимомъ разстройство умственныхъ силъ, или что послѣ полученной Крыловымъ контузіи и постигшей его горячки, въ немъ обнаружились признаки помраченія разсудка. Этого состоянія не замѣчали въ Крыловѣ ни пользовавшій его въ продолженіи семи лѣтъ врачъ Леве, ни штабъ-лекарь Адамовичъ, который лечилъ этого офицера во время бывшихъ у него послѣ совершенія имъ убійства гастрической лихорадки и тифа и который во время продолжительнаго содержанія его въ острогѣ имѣлъ возможность наблюдать за подсудимымъ. Равнымъ образомъ потери разсудка не замѣчали въ Крыловѣ спрошенные по настоящему дѣлу его родственники, домашніе, сослуживцы и подчиненные. Наконецъ здравое состояніе умственныхъ силъ Крылова какъ передъ самымъ моментомъ совершенія имъ преступленія, такъ и вскорѣ послѣ онаго, удостовѣряется показаніями свидѣтелей: матери

его Марфы Крыловой, брата капитана Крылова, деньщика Сидорова и квартальнаго надзирателя Трегубова, изъ которыхъ последніе двое спрошены подъ присягою. По мнѣнію трехъ медиковъ штабъ-лекарей Фортмана, Лашкевича и Бѣлоусова, которымъ на основаніи свода морскихъ уголовныхъ постановленій, кн. I, ст. 113 было поручено разсмотрѣть настоящее дѣло, равно какъ по заключенію медицинскаго департамента морскаго министерства, не имѣется судебно-медицинскихъ данныхъ, чтобы заключить, что подсудимый Крыловъ убилъ свою жену безсознательно, въ состояніи умопомѣшательства. Поэтому морской генералъ-аудиторіатъ, признавая штабсъ-капитана Крылова виновнымъ въ убійствѣ своей жены, совершенномъ имъ въ полной памяти и въ здравомъ состояніи разсудка, но не имѣя въ виду доказательствъ, чтобы заключить, что означенное преступленіе было учинено вслѣдствіе заранѣе обдуманнаго подсудимымъ намѣренія, опредѣлилъ: на основаніи свода морскихъ уголовныхъ постановленій кн. 1, ст. 27, 76, 78, 79, 385, 398, 399 и кн. 2, ст. 169, 301, 302, 319, и 320 и уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ ст. 21 и 1926, штабсъ-капитана Ивана Крылова за убійство жены, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, ордена св. Анны 3-й степени, знаковъ отличія военнаго ордена и безпорочной службы и медалей за защиту Севастополя и въ память войны 1853—1856 г., сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

На представленномъ съ такимъ заключеніемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ морскаго генералъ-аудиторіата, послѣдовала 5-го мая 1858 г. Высочайшая Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему».

О титулярномъ совѣтникѣ Федорѣ Энгельгардтѣ, сужденномъ за угрозы застрѣлить свою жену изъ пистолета.

18 октября 1849 года вечеромъ, между Федоромъ Энгельгардтомъ (43 лѣтъ) и его женою Анною, проживавшими въ имѣніи послѣдней, лугскаго уѣзда въ усадьбѣ «Солнцевъ-Берегъ» произошла ссора при укладкѣ вещей по случаю предположеннаго

энгельгардтами переезда изъ деревни въ С.-Петербургъ. Последствіемъ этой ссоры были взаимныя другъ на друга жалобы Энгельгардтовъ и между прочимъ обвиненіе Анною Энгельгардтъ мужа ея въ покушеніи лишить ее жизни посредствомъ заряженнаго пистолета.

При произведенномъ по сему случаю изследованіи помещица *Анна Энгельгардтъ* объяснила, что непріятности, возникшія между ею и мужемъ случились вовсе не внезапно, но продолжаются если не съ перваго года замужества, то уже по крайней мере летъ 12-ть. Обязанность жены, долгъ матери и наконецъ долгъ христіанки обязывали ее терпеть все то, что было ей определено свыше, жаловаться кому нибудь считала она лишнимъ, даже для себя унизительнымъ, но необузданно горячій нравъ мужа сделался причиною того, что часто была у нихъ речь о разводе, и въ последніе семь летъ не одинъ разъ экипажъ мужа былъ у подъезда, вещи его уложены и они решались разстаться, но видно назначенный судьбою часъ еще не приходилъ. Наконецъ летомъ 1849 года, находя положеніе свое невыносимымъ, она решилась сообщить о своихъ страданіяхъ родному дяде своему, помещику Рыкачеву, который принялъ участіе въ горестномъ ея положеніи, но не зная всехъ обстоятельствъ, просилъ ее вооружиться терпеніемъ, въ случае же если ея положеніе не сделается терпимее, то решиться разъехаться съ мужемъ. Намереніе ихъ было нынешнюю зиму провести въ С.-Петербурге для окончательнаго воспитанія старшей дочери и по этому случаю мужъ ездилъ нанимать квартиру; когда онъ возвратился домой въ начале октября 1849 г., то началась укладка вещей, и такъ-какъ мужъ ея имелъ привычку входить во всякія мелочи, уверяя всегда, что безъ него въ доме ничего не можетъ сделаться, то при укладке были между ними безпрестанныя сцены и всегда отъ пустяковъ, какъ напримеръ: о подсвечникахъ, гардинахъ и т. п. Мужъ ея при малейшемъ ея возраженіи доходилъ до изступленія; наконецъ после ужасныхъ страшныхъ сценъ, она решительно просила его удалиться на время въ Смоленскъ, где онъ имелъ родныхъ, предлагая ему денежное содержаніе; это было между ними решено: — Наканунe его отъезда, онъ расположился ночевать въ кабинете, съ нею въ спальной легла старшая дочь, а подле по обыкновенію нянька сына ея Матрена, ко-

торая уже 18-ть лѣтъ всегда спала подлѣ порога ихъ спальной. Мужъ писалъ ей нѣсколько записокъ чрезъ горничную Матрену, прося отвѣта, потомъ часовъ въ 11-ть вечера самъ вошелъ въ спальную; она, Энгельгардтъ, была въ постелѣ; онъ подошелъ къ ней и спросилъ, что ему остается дѣлать? Она умоляла его удалиться въ Смоленскъ на время; едва она это сказала, какъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ, и поднесъ оный ко рту ея, не знаетъ съ какимъ намѣреніемъ. Этотъ пистолетъ былъ заряженъ. Старшая ея дочь, горничная Матрена и другія находящіяся въ услуженіи женщины были при этомъ свидѣтельницами, но боялись приблизиться, опасаясь, что онъ въ это время въ нее выстрѣлитъ. Послѣ этого она, Энгельгардтъ, встала одѣлась и послала во флигель за живущимъ у нихъ посторонимъ человѣкомъ, отставнымъ коммисаромъ 13 класса Дубовымъ, требуя его на помощь, и можетъ быть приходу его обязана она жизнію. Она полагала мужа сумасшедшимъ, чего однако вовсе не было, потомучто при видѣ Дубова онъ пришелъ вполнѣ въ себя и бросился съ гнѣвомъ на нее. Въ продолженіе этой несчастной ночи много еще было ужаснаго, но она худо помнитъ; въ глазахъ ея потемнѣло, но остальное могутъ разсказать старшая дочь, Дубовъ, горничная Матрена, женщина Наталья и горничная Агафья, которыя тутъ были. Она просила и умоляла мужа удалиться. Онъ на другой день уѣхалъ въ Лугу.

Дочь Энгельгардтовъ *Екатерина*, показавъ тоже что и мать ея, прибавила, что послѣ означеннаго происшествія отецъ ея ушелъ въ кабинетъ, надѣлъ теплую шапку, сапоги и шубу и сказалъ ей, что идетъ утопиться. Испугавшись этого, она побѣжала за нимъ и остановила его на дворѣ; воротившись въ кабинетъ, Энгельгардтъ упалъ на полъ и казался потерянымъ, почему она вынесла ружье, ножикъ и шапку; тогда горничная Матрена взяла у него пистолеты изъ кармана и отдала ихъ ей, Екатеринѣ, а она положила ихъ въ свой карманъ. Между тѣмъ она и мать ея послали за Дубовымъ, и когда отецъ ея увидѣлъ Дубова, весь гнѣвъ обратился на него. Послѣ того Энгельгардтъ вывелъ за руку жену свою въ угловую комнату, въ которой не было свѣчей, но когда Анна Энгельгардтъ стала кричать, то ее вывели оттуда. Въ это время мужъ ея сталъ требовать отъ Дубова, чтобы онъ вышелъ изъ комнаты, а Дубовъ просилъ у дѣ-

вицы Екатерины пистолеты, желая ихъ представить въ полицію, но отецъ ея не позволилъ ихъ отдавать и поднялъ стулъ, чтобы ударить Дубова. Женщины Матрена и Наталья, думая, что онъ убьетъ Дубова, вывели последняго. После того Энгельгардтъ бросился на жену свою и началъ душить ее за горло; когда же она упрекала его, что онъ пришелъ къ ней съ заряженными пистолетами, то онъ сталъ уверять, что это неправда, причемъ она, Екатерина Энгельгардтъ, видела въ рукахъ отца своего пулю и паклю.—Показаніе дворовойженщины *Матрены Федоворой* заключается въ томъ, что чрезъ нее Энгельгардтъ отозвалъ отъ жены своей изъ спальни дочь Екатерину, а самъ, придя въ спальню, началъ на жену кричать и вынувъ изъ кармана одинъ пистолетъ, поднесъ ко рту жены, говоря: «сейчасъ тебѣ смерть», но заряженъ ли былъ пистолетъ, она, Федорова, не знаетъ. При видѣ такого покушенія на жизнь, показательница съ дѣвицею Екатериною Энгельгардтъ закричала, и Энгельгардтъ выбѣжалъ изъ спальни съ пистолетомъ, но съ нимъ сдѣлалось дурно. Барыня въ это время пошла провѣдать другихъ дѣтей, но Энгельгардтъ побѣжалъ за женою съ крикомъ и поднятыми руками; она, Федорова, съ другими не допустили его до ихъ госпожи. Наконецъ, по прибытіи Дубова, Энгельгардъ ушелъ въ другую темную комнату, куда звалъ и жену свою, и когда сія последняя вошла, Энгельгардтъ бросился на нее съ поднятыми руками; на крикъ ихъ вбѣжалъ въ комнату Дубовъ. Тогда Энгельгардтъ отскочилъ отъ жены и бросился на Дубова, хотѣлъ ударить его сперва кулакомъ, а потомъ стуломъ, но былъ удержанъ отъ того. Затѣмъ, когда Дубовъ удалился въ свою комнату, Энгельгардты вновь начали ссору, но легче прежней. Вынутые изъ кармана пистолеты были поданы Энгельгардту дочерью его Екатериною. Онъ ихъ разрядилъ, вынувъ изъ одного пулю и паклю, а другой унесъ съ собою въ кабинетъ. Показаніе это подвердили: дворовый человѣкъ Алексѣй *Григорьевъ*, дворовыя женщины Агафья *Евплова* и Наталья *Иванова* и отставной коммисаръ 13 класса *Дубовъ*.

При дополнительномъ изслѣдованіи показали: 1) дворовая женщина *Матрена Федорова*, что какъ Энгельгардтъ приставилъ пистолетъ ко рту жены, она видѣла сама чрезъ отворенную дверь спальни, но какъ душилъ ее Энгельгардтъ, она не видала по случаю

темноты въ той комнатѣ, гдѣ они находились; видѣла же, какъ онъ, въ гнѣвѣ, съ поднятыми руками, бросился въ комнату прямо къ женѣ своей, отчего та начала кричать. 2) Помѣщица *Анна Энгельгардтъ* объяснила, что мужъ не душилъ ея, но бросался къ ней на шею и на плечи, а съ какимъ умысломъ, она не знаетъ. Она ошибочно сказала, что онъ грозилъ ей ножами и пистолетами, этого не было. 3) Дѣвица *Екатерина Энгельгардтъ* объяснила, что она не знаетъ, былъ ли заряженъ пистолетъ, когда ея отецъ показалъ его матери, но онъ говорилъ, что онъ не былъ заряженъ, она же видѣла въ рукахъ его пулю и паклю. Къ сему присовокупила, что она не видѣла, душилъ ли отецъ ея мать, но онъ взялъ ее за руку и тогда она вскрикнула.

Подсудимый *Федоръ Энгельгардтъ* показалъ, что возвратясь изъ С.-Петербурга дня за четыре до этой ночи, онъ нашелъ жену свою совершенно равнодушною къ нему, ничѣмъ не интересующеюся; замѣчалъ частыя прогулки ея съ дѣтьми, упрекнулъ ее, что при его пріѣздѣ она гуляетъ въ дурную осеннюю погоду болѣе часу безъ него, этотъ упрекъ еще болѣе какъ бы поселилъ къ нему равнодушіе, презрѣніе ея. При укладкѣ нѣкоторыхъ вещей, нужныхъ для С.-Петербурга, онъ съ женою поссорился и какъ онъ былъ нездоровъ, а у нея сдѣлалась въ тотъ же вечеръ головная боль (мигрень), то они легли, онъ у себя въ кабинетѣ, а она въ спальнѣ, и онъ писалъ къ ней записку, кажется о томъ, что ихъ ссоры не должны продолжаться, что ей слѣдуетъ образумиться; она на это отвѣчала, помнится, что необходимо имъ разстаться. Такимъ образомъ после ужина, рѣшившись уѣхать изъ дома, показатель вошелъ въ спальню въ сюртукѣ и въ теплыхъ сапогахъ, подошелъ къ ея постели, сѣлъ на свою, и сказалъ рѣшительно: такъ ты не хочешь образумиться?—Образумиться мнѣ не для чего, а мы должны съ тобою разстаться, отвѣчала она. Тогда онъ ей возразилъ: ты знаешь, что я долженъ выѣхать больной и безъ денегъ, что ты лишаешь меня—себя и семейства и оставляешь въ утѣшеніе вотъ что (здѣсь показалъ ей вынутый изъ кармана пистолетъ); она закричала: «онъ сумасшедшій, онъ застрѣлить меня хочетъ»; вошли въ спальню женщина Наталья и горничная Матрена; дочь Екатерина, бывшая тутъ, лишилась чувствъ, ее перенесли къ нему въ кабинетъ. Тамъ привели дочь въ чувство, а онъ упалъ въ об-

морокъ отъ сильнаго волненія и безпокойства, онъ чувствовалъ однако, какъ у него изъ кармана дочь вынула оба пистолета; послѣ онъ узналъ, что она отнесла ихъ къ матери въ комодъ. Пистолеты онъ имѣлъ привычку всегда имѣть при себѣ въ дорогѣ, но въ домѣ они никогда не были заряжены и по экстренному его выѣзду онъ схватилъ ихъ, какъ они были. Послѣ сего всѣ собрались въ залъ, какъ вдругъ явился туда Дубовъ; показатель встрѣтилъ его словами: «вы, милостивый государь, сюда зачѣмъ, здѣсь семейныя ссоры, вы не должны мѣшаться въ нихъ». Онъ отвѣчалъ, что въ домѣ есть сумасшедшій, а сумасшедшихъ велѣно вязать и отсылать въ полицію. Тогда онъ, Энгельгардтъ, совершенно потерялся; взялъ стулъ и хотѣлъ ударить негодяя, жена же, вскочивъ, стала между ними, сказавъ: «ты не смѣешь, его ударить, онъ призванъ для спасенія меня». — По убѣжденію дѣтей Дубовъ вышелъ; тогда показатель велѣлъ подать пистолеты и показалъ дочери Екатеринѣ и женщинѣ Натальѣ, что они не заряжены. Наталья сказала женѣ: барыня, они не заряжены; все равно отвѣчала та, я боюсь оружія. Объясненіе о томъ, что показатель приставлялъ ко рту жены пистолеты, есть ложное, какъ видно изъ истиннаго признанія его. Не только онъ не думалъ душить жену свою, но все время не дотронулся до нея, въ словахъ можетъ быть могъ горячиться, но руками не дозволилъ себѣ тронуть; онъ уговаривалъ жену оставить ссору, и помириться съ нимъ, покоряясь вполнѣ ея волѣ. Онъ рѣшился уѣхать, надѣлъ образъ — благословеніе родителей его, просилъ ее все оставить; но она предлагала ему деньги, чтобы онъ уѣхалъ. Послѣ отъѣзда его, на другой день предводитель дворянства отъ имени жены его также предлагалъ ему по двѣ тысячи руб. сер. въ годъ содержанія, чтобы уѣхалъ онъ въ Смоленскъ, но онъ отвѣчалъ, что скорѣе будетъ квартальнымъ въ С.-Петербургѣ, ворочать камни, но не приметъ денегъ. Кромѣ того, онъ, Энгельгардтъ, говорилъ женѣ, что онъ на все согласится, уѣдетъ куда она хочетъ.

Федоръ Энгельгардтъ, по показанію, данному 14 января 1850 года, въ послѣдній разъ былъ на исповѣди тому уже около трехъ лѣтъ, но съ тѣхъ поръ не былъ по случаю слабаго здоровья.—На *повальномъ обыскѣ* изъ числа 14 благородныхъ лицъ, спрошенныхъ подъ присягою, двое отозвались, что Энгельгардтъ въ обра-

щеніи съ своею женою былъ строгъ и неделикатенъ; двое, что они замѣчали на лицѣ ея проблески горя; одинъ свидѣтельствовалъ о семейныхъ ссорахъ ихъ по слуху, одинъ признавалъ его за безпокойнаго сосѣда, семь помѣщиковъ отозвались незнаніемъ, и одинъ зналъ Энгельгардта за человѣка хорошаго.—Изъ отношенія лугскаго уѣзднаго предводителя дворянства къ губернскому предводителю, оказывается, что Энгельгардтъ между знающими его не имѣетъ репутаціи основательнаго человѣка. Наконецъ *родственники* помѣщицы Энгельгардтъ, по дѣлу сему спрошенные, показали: новгородскій помѣщикъ *Рыкачевъ*, что въ августѣ 1849 г. онъ былъ вызванъ къ племянницѣ своей Энгельгардтъ въ имѣніе ея письмомъ, причемъ она открыла несогласія свои съ мужемъ, а вскорѣ затѣмъ онъ былъ увѣдомленъ ею, Энгельгардтъ, о покушеніи мужа на жизнь ея. 2) *Салтыковъ*, что супружеская жизнь Энгельгардтовъ въ теченіе 16 лѣтъ была примѣрная; причемъ относился съ большою похвалою о личныхъ качествахъ подсудимаго и не оправдывалъ характера жены его. 3) Деверь, что въ обращеніи Энгельгардтовъ ничего на несогласіе похожаго не замѣчалъ и всегда видѣлъ Энгельгардта въ дружественномъ съ женою своею обращеніи.

При слушаніи сего дѣла въ 5 д—тѣ сената и во второмъ общемъ собраніи произошли слѣдующія разныя мнѣнія:

Первое мнѣніе. Титулярный совѣтникъ Федоръ Энгельгардтъ и жена его въ теченіе 8 лѣтняго своего супружества жили довольно согласно, по крайней мѣрѣ ни семейныя ихъ неудовольствія не были гласны въ обществѣ, ни безпорядочное управленіе мужемъ Анны Энгельгардтъ имѣніемъ, ей принадлежащимъ, не было обнаружено предъ правительствомъ. Затѣмъ послѣдовалъ рѣшительный разрывъ между мужемъ и женою; поводомъ къ сему послужила ничтожная размолвка при укладкѣ вещей, отправляемыхъ въ Петербургъ, куда супруги собирались на зиму; Анна Энгельгардъ объявила своему мужу, имѣющему ограниченное состояніе, что онъ долженъ оставить ея домъ и удалиться въ Смоленскъ къ роднѣ своей. Больной, безъ способовъ къ жизни, разстроенный внезапною перемѣною въ своемъ быту, Энгельгардтъ напрасно убѣждалъ жену вспомнить свои обязанности къ мужу и дѣтямъ писалъ ей записку; наконецъ ночью пришелъ къ ней въ спальную и послѣ взаимныхъ

упрековъ, вынулъ изъ кармана пистолетъ, промолвивъ: «вотъ что въ моемъ положеніи остается мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ». Здѣсь начинается азнообразіе въ показаніяхъ супруговъ и свидѣтелей описываемаго случая. Анна Энгельгардтъ утверждаетъ, что мужъ съ угрозою приставилъ къ ней пистолетъ, что прежде этого мужъ ея имѣлъ привычку носить при себѣ ножи и пистолеты, а въ нее не разъ бросалъ стульями. Старшая дочь Энгельгардтовъ, дѣвица Екатерина, удостовѣряя, что отецъ приставлялъ матери ея пистолетъ ко рту, присовокупила, что отецъ душилъ мать и что она съ дѣвкою Матреною были всему этому свидѣтельницами. На второмъ допросѣ Анна Энгельгардтъ объяснила, что въ послѣднюю ссору мужъ не душилъ ее, какъ показала старшая дочь, а только бросился ей на шею съ неизвѣстнымъ намѣреніемъ. Горничная Матрена говоритъ, что она видѣла, какъ баринъ грозилъ барынѣ пистолетомъ, но не замѣтила, чтобы первый душилъ послѣднюю. Такимъ образомъ поверхностный обзоръ слѣдственнаго производства показываетъ, что очевидцы происшествія разнорѣчатъ и между собою и съ показаніями главной обвинительницы, жены Энгельгардтъ. Если сама она не обвиняетъ мужа въ намѣреніи задушить ее, то показаніе объ этомъ дочери само собою упадаетъ. Кромѣ сего всѣ свидѣтельствующія лица спрошены безъ присяги; изъ числа ихъ дочь не можетъ свидѣтельствовать противъ отца по закону вообще, въ этомъ же дѣлѣ и потому въ особенности, что послѣ изгнанія отца ея изъ дома она осталась подъ непосредственною властью и попеченіемъ матери. Одинаковое значеніе имѣютъ и показанія крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ женѣ Энгельгардта, какъ находящихся также подъ ея вліяніемъ. Въ заключеніе нельзя не сказать, что слѣдствіемъ не обнаружено съ полною достовѣрностію: былъ ли заряженъ пистолетъ, которымъ Энгельгардтъ угрожалъ будто бы женѣ своей лишеніемъ жизни. Подсудимый утверждаетъ, что онъ не былъ заряженъ и это дѣлается правдоподобнымъ, если принять въ соображеніе несвойственную женщинамъ смѣлость, съ которою дочь Энгельгардта клала себѣ въ карманъ это орудіе, вынутое горничною изъ кармана отца ея. Если даже дать полную вѣру разсказамъ очевидцевъ (чего, слѣдуя буквѣ закона, допустить нельзя), то и по ихъ показаніямъ они замѣтили паклю и пулю, вынутыя Энгельгардтомъ изъ пистолета, но никто

не видалъ ни пороху, ни пистоновъ, необходимыхъ для произведенія выстрѣла. Сообразивъ улики, выводимыя противъ Энгельгардта съ силою 1087 п. 1, 2, 3, 5 и 6, 1198 п. 1 и 2 и 1202 ст. XV тома св. зак. оказывается, что всѣ обвиненія основаны на показаніяхъ такихъ лицъ, которыя, какъ по качеству своему, такъ и по разнорѣчію ихъ между собою, не только не составляютъ доказательства для признанія Энгельгардта виновнымъ въ покушеніи на жизнь жены, или же въ произнесеніи угрозъ лишить ее жизни, но даже недостаточны для того, чтобы заподозрить подсудимаго въ противозаконномъ дѣйствіи, ему приписываемомъ. Энгельгардтъ по собственному сознанію виновенъ во первыхъ въ уклоненіи отъ исповѣди и св. причастія, во вторыхъ въ истинномъ или притворномъ приступѣ къ самоубійству. Грозя женѣ, сначала убить самаго себя изъ пистолета, а потомъ утопиться (какъ показываетъ дочь его), желалъ ли онъ возбудить если не прежнюю любовь, то хотя состраданіе, или на самомъ дѣлѣ имѣлъ это намѣреніе, противное религіи и разсудку, во всякомъ случаѣ поступокъ его долженъ быть признанъ въ высшей степени недостойнымъ здравомыслящаго человѣка. Не оправдывая неумѣстной выходки или неблагоразумнаго намѣренія подсудимаго, нельзя однако же не признать, что обстоятельствами, уменьшающими вину его, служатъ: во 1-хъ то, что намѣреніе это не исполнено по собственной его волѣ; во 2-хъ, раздраженное состояніе, въ которомъ онъ тогда находился. Принявъ все это во вниманіе и не находя въ законѣ наказанія за посягательство на свою жизнь, не исполненное по собственному произволу (1944 ст. улож. относится къ самоубійству, остановленному внѣшними препятствіями), оказывается, что къ настоящему поступку Энгельгардта можетъ быть примѣнена 116 ст. улож., что за уклоненіе отъ христіанскихъ обязанностей онъ подлежитъ дѣйствію 219 ст. улож.; затѣмъ для предупрежденія гибельныхъ послѣдствій семейной вражды и явнаго нерасположенія, выказаннаго со стороны жены подсудимаго и крѣпостныхъ ея людей, нерасположенія, возбужденнаго постороннимъ вліяніемъ или собственною неосмотрительностію подсудимаго, которое можетъ однако же повлечь за собою уголовное преступленіе, полезно было бы (по разуму 61 ст. улож.) воспретить Энгельгардту пребываніе въ имѣніи жены его и возвратить оное въ распоряженіе владѣлицѣ.

Второе мнѣніе. Изъ соображенія обстоятельствъ дѣла сего возникаютъ вопросы: 1) въ какихъ противузаконныхъ дѣйствіяхъ изобличенъ Энгельгардтъ? 2) какому наказанію онъ за дѣйствія сіи подлежитъ?—Въ покушеніи на жизнь жены своей Энгельгардтъ не изобличенъ, ибо хотя онъ къ ней пришелъ съ пистолетомъ, но изъ тѣхъ дѣйствій, кои обнаружены изслѣдованіемъ и сопровождавшими происшествіе обстоятельствами, не открывается прямаго покушенія на жизнь жены Энгельгардта, но достаточнымъ образомъ доказано, что Энгельгардтъ пришелъ къ женѣ своей вслѣдствіе домашней размолвки и что при взаимныхъ объясненіяхъ о происшедшемъ между ними неудовольствіи, онъ показалъ ей пистолетъ. Имѣніе при себѣ пистолета онъ объясняетъ тѣмъ, что онъ собирался въ дорогу и всегда имѣлъ при себѣ въ такомъ случаѣ пистолеты, но приготовленія къ отъѣзду не было сдѣлано и онъ послѣдовалъ только на слѣдующій день, а привычка, о которой говоритъ подсудимый, вовсе не объясняетъ и не извиняетъ дѣйствія, подлежащаго сужденію. Дѣйствіе сіе подсудимый объясняетъ тѣмъ, что онъ показалъ будто бы пистолетъ, какъ единственное остававшееся ему средство избавиться отъ затруднительнаго или опаснаго положенія. Объясненіе сіе не можетъ быть признано уважительнымъ по сопровождавшимъ оное обстоятельствамъ, ибо пистолетъ не случайно попался въ руки подсудимаго, не въ его комнатѣ происходило объясненіе и не въ минуту раздраженія или отчаянія схватился онъ за оружіе, а пришелъ съ онымъ въ ночное время къ женѣ, лежавшей въ постелѣ, и къ сему присовокупить должно, что ни въ дѣлѣ, ни въ показаніяхъ подсудимаго не заключается обстоятельствъ, которыя бы могли служить къ объясненію или къ извиненію раздраженія или отчаянія, побудившихъ его къ такому поступку, ибо одно заявленіе неудовольствія, неоснованнаго на какихъ либо фактахъ, не можетъ быть признано за достаточное основаніе къ подобному обращенію въ семейной жизни. Изъ совокупности всѣхъ показаній, какъ подсудимаго, такъ жены и дочери его и домашней прислуги явствуетъ, что Энгельгардтъ употребилъ противъ жены своей *угрозы* съ оружіемъ въ рукахъ и что дѣйствіе сіе не было послѣдствіемъ какихъ-либо явныхъ причинъ справедливаго неудовольствія или мгновенной, неожиданнымъ случаемъ возбужденной запальчивости. 2) За угрозы ли-

шеніемъ жизни, когда нѣтъ доказательствъ на то, что виновный въ самомъ дѣлѣ имѣлъ намѣреніе совершить сіе преступленіе и сдѣлалъ приготовленіе къ оному, полагается арестъ на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ (улож. о наказ. ст. 2035) и наказаніе сіе, по отсутствію обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, и по важности опасности, которою угрожалъ сдѣланный Федоромъ Энгельгардтомъ проступокъ,' на основанія 8 п. 135 ст. улож.) надлежитъ назначить въ высшей мѣрѣ. На семъ основаніи во 1-хъ, подсудимаго Федора Энгельгардта слѣдуетъ выдержать подъ арестомъ въ тюрьмѣ (59 ст. улож.) въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, а затѣмъ, на основаніи 61 ст. улож., для охраненія спокойствія его жены и семейства, воспретить ему въѣздъ въ имѣніе жены и поручить ее покровительству уѣздныхъ предводителей дворянства въ мѣстахъ ея жительства; во 2-хъ, по освобожденіи Энгельгардта изъ подъ ареста, слѣдуетъ подвергнуть его, на основаніи 219 ст. улож., по распоряженію духовнаго начальства, церковному покаянію за небытіе его у святаго причастія въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Согласно послѣднему мнѣнію дѣло это получило окончательное разрѣшеніе.

О канцелярскомъ служителѣ Василіѣ Рудольскомъ, судимомъ за нанесеніе кинжаломъ раны женѣ своей.

14 октября 1855 года было донесено московскому оберъ-полиціймейстеру, что въ этотъ день въ 8 часу по полудни канцелярскій служитель московскаго губернскаго правленія Василій Рудольскій нанесъ кинжаломъ женѣ своей Елизаветѣ раны въ плечо.—Изъ составленнаго при этомъ акта видно, что квартальный надзиратель съ добросовѣстнымъ, прибывъ въ квартиру Рудольскаго, нашли жену его лежащею на стульяхъ раненою въ плечо надъ лѣвою лопаткою; Рудольскій былъ удерживаемъ живущими въ томъ же домѣ его родственниками, одѣтъ былъ въ форменномъ фракѣ, подпоясанъ ремнемъ, за которымъ заткнуты ножны кинжала, въ рукахъ находилась изломанная рукоятка, а у ногъ лежалъ клинокъ кинжала. При спросѣ, Рудоль-

скій объявилъ, что причины, побудившей его нанесть рану женѣ своей, *другимъ знать не нужно*; гдѣ взялъ кинжалъ, отвѣтить не хотѣлъ.

По осмотру у Елизаветы Рудольской найдена надъ лѣвою лопаткою неглубокая рана, которую мѣстный врачъ причислилъ къ легкимъ. Медицинская контора нашла заключеніе врача правильнымъ.

При формальномъ слѣдствіи показали:

Канцелярскій служитель *Василій Рудольскій*,—что намѣренія убить свою жену онъ никогда не имѣлъ, и какимъ образомъ нанесъ ей рану, также гдѣ и въ какое время купленъ кинжалъ, не помнитъ, а знаетъ только, что таковой былъ у него прежде. Въ день происшествія онъ былъ пьянъ, а потому и не помнитъ, что онъ дѣлалъ; говорилъ ли въ день происшествія, что причины, побудившей его сдѣлать преступленіе, знать другимъ не нужно, не знаетъ. 14 октября онъ ушелъ изъ квартиры въ 11 часовъ утра, сказавъ, что идетъ къ должности, но вмѣсто того пошелъ и продалъ свои калоши за 1 руб. серебр., на который и пилъ. Когда же истратилъ всѣ деньги, возвратился домой и былъ въ то время въ памяти, ссоры у него съ женою не было, только жена, увидѣвши, что онъ безъ калошъ, сказала, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, на что онъ, Рудольскій, тогда отвѣчалъ, что можно обойтись и безъ нихъ, потомъ сказалъ ей, что нужно идти просить начальника о жалованьѣ, и когда они дошли до Лубянки, то онъ сказалъ, что раздумалъ, почему она отправилась домой, а онъ пошелъ и продалъ обручальное кольцо за 2 руб. серебр., на которые и пилъ; далѣе ничего не помнитъ.

Сестра Елизаветы Рудольской, коллежская секретарша *Ольга Лихачева*,—что 14 октября въ 2 часа по полудни Василій Рудольскій пришелъ изъ присутствія и говорилъ, что сдѣлалъ грубость начальнику за то, что тотъ не согласился на просьбу уволить его въ военную службу, и въ 5 часовъ пошелъ съ женою просить у него прощенія, но дорогою (какъ говорила ей сестра), онъ объявилъ, что идетъ не къ начальнику, а къ своимъ родителямъ, но она, не желая тамъ быть, воротилась домой одна. Въ 7 часовъ Рудольскій пріѣхалъ домой съ кухаркой своей матери и вновь звалъ жену ѣхать къ нимъ, но она не

согласилась; тогда Рудольскій позвалъ жену въ свою комнату и притворилъ за нею дверь. Вскорѣ въ той комнатѣ раздался крикъ; она, Лихачева, немедленно вбѣжала туда и нашла сестру свою лежащею на постелѣ, Рудольскій одною рукою держалъ ее за горло, а другую руку прижалъ къ ея спинѣ; съ нею, Лихачевою, въ это время находились, мужъ ея Василій Лихачевъ и живущія у нея мѣщанки Надежда Григорьева, Елизавета Петрова и Марья Руднева; всѣ они начали отнимать Рудольскаго отъ жены его, но онъ началъ кусаться; жена его въ это время упала съ постели на полъ, и они увидѣли льющуюся со спины ея кровь. Рудольскій былъ подпоясанъ ремнемъ, за которымъ были заткнуты ножны, въ рукахъ находилась рукоятка кинжала, а самый кинжалъ лежалъ на полу; прежде сего показательница кинжала у него никогда не видала. При отнятіи Рудольскаго отъ жены, онъ кусался *) и всѣмъ имъ сдѣлалъ на рукахъ знаки, которые тогда же осмотрѣны докторомъ, находившимся при этомъ происшествіи. Что побудило Рудольскаго къ такому поступку, не знаетъ, о намѣреніи его лишить жену жизни она отъ него не слыхала.—Тоже показала сестра ея мѣщанка Марья Руднева.

Коллежскій секретарь *Василій Лихачевъ*,—что часу въ 7-мъ, Рудольскій взялъ жену въ свою комнату, а потомъ, услышавъ крикъ, онъ вслѣдъ за другими вбѣжалъ въ комнату и увидалъ, что Рудольскаго держатъ, а онъ вырывается; тогда показатель побѣжалъ за полиціей, и что безъ него происходило, не знаетъ; Рудольскій пьянъ въ то время не былъ.

Мать подсудимаго, *Пелагея Рудольская*,—что сынъ былъ у ней часовъ въ 7 въ нетрезвомъ видѣ, почему она и послала свою кухарку проводить его, кинжала при немъ она не видала, жалобъ на жену или ропота отъ него не слыхала и о нанесеніи ей раны она неизвѣстна. Согласно съ ней показалъ и мужъ ея, губернскій секретарь *Константинъ Рудольскій*, дополнивъ, что 14-го декабря, когда сынъ его приходилъ къ нему, онъ въ то время дома не былъ и о случившемся ничего не знаетъ.—Кухарка матери Рудольскаго, крестьянка *Агафья Лукьянова* объяснила, что Рудольскій пріѣхалъ къ родителямъ своимъ въ 7 часовъ и

*) По осмотру Лихачевой врачомъ, у ней найдено на правой рукѣ синебагровое пятно величиною въ гривенникъ.

былъ пьянъ, почему она и была послана проводить его; кинжала при немъ въ то время не видала. — Московская мѣщанка *Надежда Григорьева* подъ присягою показала то же, что и сестра Рудольской Лихачева, дополнивъ притомъ, что когда Рудольскій пришелъ безъ калошъ, онъ былъ нетрезвъ, во время же происшествія пьянъ не былъ.—Московская мѣщанка Елизавета *Петрова* также подъ присягою объяснила, что при отнятіи Рудольскаго отъ жены, онъ укусилъ ей плечо, но былъ ли онъ пьянъ, не обратила вниманія; въ остальномъ показала одинаково съ Григорьевою.—Добросовѣстные свидѣтели, Иванъ *Ивановъ* и Яковъ *Жуковъ* въ мѣсницкой части объяснили, что 14 октября, когда они прибыли съ квартальнымъ надзирателемъ Демидовымъ въ квартиру Рудольскаго, то нашли его въ нетрезвомъ видѣ, но не весьма пьянымъ. Квартальный надзиратель Демидовъ отозвался, что онъ 14 октября не замѣтилъ, чтобы Рудольскій былъ въ нетрезвомъ видѣ.

Жена подсудимаго *Елизавета Рудольская* показала, что 14 октября утромъ мужъ ея ушелъ на службу въ губернское правленіе и возвратился домой во 2-мъ часу пьяный и безъ калошъ, о которыхъ на спросъ ея сказалъ, что можетъ обойтись и безъ нихъ. Послѣ того по приходѣ своего мужа, она пошла съ нимъ къ его начальнику просить прощенія за сдѣланную грубость; дорогою онъ вытрезвился и сказалъ, что идетъ къ своимъ родителямъ, куда пригласилъ и ее, но она не согласилась и вернулась домой; тогда онъ ей сказалъ, я тебя переверну, и на моей улицѣ будетъ праздникъ». Въ 7-мъ часу онъ пришелъ домой въ трезвомъ видѣ, съ нимъ была кухарка его матери; тутъ она замѣтила, что на немъ нѣтъ обручальнаго кольца; онъ сказалъ, что оно въ карманѣ, и сталъ упрекать, что она съ нимъ не пошла, потомъ позвалъ ее въ свою комнату и притворилъ дверь. Она видѣла, какъ мужъ ея измѣнился въ лицѣ, какъ бы намѣреваясь что сдѣлать, потомъ позвалъ къ постелѣ, повалилъ и нанесъ ударъ какимъ то орудіемъ, отъ чего она пришла въ безпамятство, и что дальше было, не помнитъ. Оружія при немъ не видала, ибо сверхъ форменнаго платья на немъ было пальто. Кинжала прежде не было, а ремень подарила ему мать; полагаетъ, что мужъ хотѣлъ ее зарѣзать, чтобы послѣ жениться на другой. Во время вѣнчанія, онъ былъ весьма

пьянъ, и по прибытіи отъ вѣнца, продолжалъ пьянствовать, а вечеромъ позвавъ въ спальную, сильно ударилъ ее въ грудь и руку; слѣдующіе два дня продолжалъ пьянствовать съ своими родителями, особенно съ его матерью; на третій день душилъ ее за горло. Вслѣдствіе этихъ поступковъ, она не могла далѣе жить въ квартирѣ его родителей и переѣхала къ сестрѣ. Мать его, негодуя на нее, уговаривала сына оставить ее и жениться на любовницѣ его Фіонѣ. Когда мужъ душилъ ее, она была отнята братомъ ея фельдшеромъ Михайлою Петровымъ. Въ бытность ея съ мужемъ на имянинахъ въ домѣ родителей его, она замѣтила часу въ 12 ночи, что мужъ ея сметалъ со стѣны въ чайную чашку мышьякъ, насыпанный для истребленія таракановъ. При спросѣ объ этомъ, онъ чашку спряталъ въ карманъ, о чемъ она сказала его родителямъ, но они назвали ее безумною, а когда она ночью спросила пить, то мужъ подалъ ей въ чайной чашкѣ воды; спустя нѣсколько времени съ ней сдѣлалось дурно, и былъ позывъ на рвоту, почему она догадалась, что въ чашкѣ былъ мышьякъ, напилась изъ близь стоявшаго кувшина молока и у нея тотчасъ же открылась рвота; дурныхъ послѣдствій отъ сего для здоровья не было. Въ поступкѣ этомъ мужъ раскаявался и просилъ у нея прощенія.

На данные въ яузскомъ частномъ домѣ вопросы *Рудельскій* объяснилъ, что словъ женѣ: «переверну тебя и на моей улицѣ будетъ праздникъ», не говорилъ; въ день брака онъ ея не билъ, на другой же день точно ударилъ ее въ щеку, бывъ раздраженъ ея безчестіемъ, за что она просила прощенія при посторонних лицахъ; показаніе же ея на счотъ поношенія святыхъ иконъ совершенно ложное и зло обдуманное, мышьяку со стѣны въ чайную чашку не ссыпалъ и пить воды отравленной мышьякомъ не давалъ, прощенія у ней ни въ чемъ не просилъ.—Отецъ подсудимаго показалъ, что жена его сына несправедливо показала, будто сынъ его со дня брака постоянно пьянствовалъ съ нимъ и матерью, и будто намѣревался отравить ее мышьякомъ, хотя дѣйствительно было насыпано по распоряженію хозяина Бугрова какое-то вещество для истребленія таракановъ. Сынъ его имѣлъ неудовольствіе съ женою за то, что нашелъ ее нецѣломудренною.—Бугровъ ссылку отца подсудимаго Рудельскаго утвердилъ.—Мать подсудимаго показала, что все взведенное на

ея сына женою его несправедливо.—На очныхъ ставкахъ какъ подсудимый Рудольскій, такъ равно и отецъ и мать его противъ уликъ Елизаветы Рудольской не сознались.—Братъ Елизаветы Рудольской, фельдшеръ Михайло Петровъ показалъ, что на третій день послѣ брака, когда сестра его Елизавета Рудольская не давала своему мужу водки, то онъ, схвативъ ее за горло, душилъ.

При подтвердительномъ допросѣ въ надворномъ судѣ подсудимый *Рудольскій* показалъ: 1) что на другой день брака жена его, сгараемая стыдомъ своего безславія, рѣшилась покуситься на жизнь свою, накинувъ себѣ на шею сдѣланную изъ шнурка петлю; самъ онъ этого не видалъ, но ночевавшій у него канцелярскій служитель Всесвятскій, увидавши это, успѣлъ сорвать шнурокъ, которымъ она уже начала затягиваться; сверхъ сего онъ имѣетъ подозрѣніе на жену свою въ томъ, что она уже не разъ покушалась на жизнь свою; 2) что оружіе, оказавшееся при немъ, доказываетъ, что онъ не имѣлъ намѣренія ее убить, ибо кинжалъ былъ изломанъ и употреблялся имъ на охотѣ; ножны могли ему заткнуть или жена его, или сестра ея Ольга Лихачева.—Жена подсудимаго объяснила, что послѣ брака, не зная за собою никакого безславія, стыдомъ не имѣла причины сгорать и никогда удавиться не намѣревалась *). Сестра Рудольской Лихачева прибавила, что ноженъ кинжала за поясъ не закладывала.—Изъ формулярныхъ списковъ видно, что подсудимый Рудольскій происходитъ отъ канцелярскаго служителя, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, отъ роду ему 19 лѣтъ, подъ судомъ не былъ, аттестовался способнымъ и достойнымъ.

При слушаніи сего въ дѣлѣ 1 отдѣленіи 6 департамента сената и въ московскомъ общемъ собраніи произошло разногласіе.

Первое мнѣніе. За несознаніемъ подсудимаго Рудольскаго, въ дѣлѣ нѣтъ ни одного юридическаго доказательства, которое изобличало бы его въ покушеніи на убійство жены своей Елизаветы, кромѣ показанія сей послѣдней о томъ, что онъ будто бы хотѣлъ ее зарѣзать, основаннаго впрочемъ, какъ и сама она показываетъ, на одномъ ея предположеніи; ни показанія свидѣтелей, ни обстоятельства дѣла не ведутъ къ заклю-

*) Изъ увѣдомленія доктора Эвеніуса видно, что Елизавета Рудольская во время освидѣтельствованія въ декабрѣ 1855 года, была беременною около трехъ мѣсяцевъ.

ченію о намѣреніи Рудольскаго на убійство. Посему съ одной стороны, по отсутствію доказательствъ и уликъ покушенія подсудимаго на убійство, а съ другой потому, что по закону (1175 ст. XV т.), чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть доказательства, слѣдуетъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ преступныя дѣйствія Рудольскаго подлежатъ обсужденію въ томъ ихъ значеніи, какъ онѣ обнаружены изслѣдованіемъ. Рудольскій оказывается по обстоятельствамъ дѣла виновнымъ въ нанесеніи съ обдуманнымъ намѣреніемъ женѣ своей раны, ибо въ день совершенія преступленія онъ явился къ ней незамѣтно вооруженный кинжаломъ, зазвалъ ее въ комнату, и, притворивъ дверь, неожиданно нанесъ ей ударъ въ лѣвое плечо, отъ чего она лишилась чувствъ, а когда прибѣжали на крикъ ея родные и сосѣди, и стали удерживать Рудольскаго, то онъ оказалъ сопротивленіе. Виновные въ семъ преступленіи подлежатъ, по 1953 ст. улож., наказанію, опредѣленному ст. 35 для пятой степени или заключенію въ тюрьмѣ на время отъ одного года до двухъ лѣтъ. Рудольскій, нанесшій рану своей женѣ въ то время, когда она была беременна, подлежитъ первому изъ опредѣленныхъ въ 1953 ст. улож. наказанію, которое должно быть съ одной стороны увеличено для него, по 1963 ст. улож., за нанесеніе раны женѣ, двумя степенями и назначено по 3 степени 35 ст. улож., а съ другой по случаю несовершеннолѣтія его измѣнено по правиламъ, изложеннымъ въ 146 ст. улож. 2 дополненіи къ сей статьѣ по 18 прод. и примѣч. къ 1403 ст. XV т. зак. угол. по 12 прод. По симъ основаніямъ слѣдуетъ: канцелярскаго служителя Василія Рудольскаго, 22 лѣтъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи въ намѣреніи убить свою жену Елизавету, а за нанесеніе ей раны, безъ лишенія особенныхъ правъ и преимуществъ, отдать въ военную службу рядовымъ съ выслугою при способности къ фронтовой службѣ въ войска, а неспособности въ нестроевыя званія, по усмотрѣнію военнаго начальства; при совершенной же неспособности ни къ какому роду военной службы, сослать его на житье въ тобольскую губернію, также безъ лишенія особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ.

Второе мнѣніе. Ни показанія свидѣтелей, ни обстоятельства дѣла не ведутъ къ заключенію о намѣреніи Рудольскаго на

убійство. Показаніе его, что не имѣлъ злаго намѣренія и не помнитъ, что происходило 14 октября, отчасти не лишено вѣроятности: ибо не только онъ, но жена, мать, кухарка послѣдней и два добросовѣстныхъ удостовѣряютъ: жена его, что онъ за нѣсколько времени до того былъ пьянъ, а другіе и онъ самъ, что во время нанесенія раны былъ въ нетрезвомъ видѣ. По закону опьяненіе, въ состояніи котораго совершено преступленіе, хотя и не извиняетъ оное, тѣмъ не менѣе сіе обстоятельство доказываетъ отсутствіе того разумѣнія, въ которомъ, какъ показываютъ жена и другіе, совершено преступленіе. Рудольскій оказывается виновнымъ въ нанесеніи въ раздраженіи женѣ своей кинжаломъ раны, не имѣвшей дурныхъ послѣдствій для здоровья. Виновные въ семъ преступленіи подлежатъ наказанію по 2-й части 1954 ст. улож., т. е. тюремному заключенію отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, которое для Рудольскаго должно быть съ одной стороны увеличено, по 1963 ст., за нанесеніе раны женѣ двумя степенями (отъ одного года до двухъ лѣтъ) а съ другой—уменьшено, по 2 части 146 ст., по случаю несовершеннолѣтія его, одною степенью (отъ шести мѣсяцевъ до одного года); мѣра сего наказанія по упорству въ запирательствѣ подсудимаго должна быть назначена высшая. Но какъ преступленіе, въ которомъ обвиняется Рудольскій, учинено въ октябрѣ мѣсяцѣ 1855 года, а наказаніе, за оное полагаемое, не сопровождается лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, то, за силою XIX ст. Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, его, Рудольскаго, отъ заключенія въ тюрьмѣ въ продолженіи года слѣдуетъ освободить. По симъ основаніямъ слѣдуетъ: канцелярскаго служителя Василія Рудольскаго, 22 лѣтъ, въ намѣреніи убить свою жену, Елизавету, оставить въ сильномъ подозрѣніи, а отъ заключенія его въ тюрьмѣ на годъ за нанесеніе ей раны освободить по Всемилостивѣйшему манифесту 26 августа 1856 года.

О слѣпомъ крестьянинѣ Лаврѣ Ивановѣ *), обвиненномъ въ убійствѣ Мареы Ѳедуловой.

Настоящее дѣло представляется въ высшей степени загадочнымъ: или Лавръ Ивановъ дѣйствительно убилъ Мареу Ѳедулову, но тогда трудно объяснить несообразность учиненнаго имъ сознанія съ обстоятельствами дѣла, или-же Мареа Ѳедулова по неосторожности въ темнотѣ сама наткнулась на лезвіе ножа—слѣдовательно Лавръ Ивановъ ложно оговорилъ себя въ совершеніи убійства. Въ первомъ случаѣ остается неразъясненнымъ, почему именно Лавръ убилъ Ѳедулову, такъ-какъ объясненіе его о состояніи съ нею въ любовной связи, будучи само по себѣ мало правдоподобно, нисколько не подтверждено показаніями спрошенныхъ лицъ и обстоятельствами дѣла; во второмъ случаѣ непонятно, почему Лавръ Ивановъ добровольно подвергалъ себя тяжкой наказуемости за такое преступленіе, котораго онъ не совершилъ. Наконецъ, если не сама Мареа Ѳедулова по неосторожности зарѣзалась ножомъ, наткнувшись на него, и если не Лавръ Ивановъ убилъ ее – то кто же виновникъ преступленія? Вотъ тѣ вопросы, которые возникаютъ при чтеніи этого дѣла.

Въ станѣ (балаганѣ) **) крестьянина Павла Ѳедулова, тобольской губерніи, курганскаго уѣзда, въ ночь на 5 сентября 1852 года, найдена зарѣзанною дочь его Мареа, спавшая тамъ въ числѣ 10 человѣкъ, между которыми былъ и пришедшій ночевать изъ сосѣдняго стана, Лавръ Ивановъ, съ малолѣтства лишенный зрѣнія.

По розыску слѣдователя открыто: что крестьянская дѣвушка Мареа Ѳедулова, имѣющая отъ роду 22 года, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ, воспитанникомъ ихъ крестьянскимъ мальчикомъ Андреемъ Носковымъ и работницею крестьянкою Маврою Панкратовою, по распоряженію Павла Ѳедулова 1 сентября отправились въ поле для уборки хлѣба, разстояніемъ отъ ихъ деревни Сплавной около 5 верстъ. Здѣсь они, не возвращаясь домой

*) Окружный врачъ при освидѣтельствованіи подсудимаго нашелъ, что онъ, имѣя на обоихъ глазахъ совершенное преобразованіе роговой оболочки и обширныя бѣльма, застилающія зрачки, вовсе лишенъ зрѣнія.

**) Родъ шалаша изъ жердей, крытыхъ дерномъ или соломою.

послѣ работъ, собирались ночевать въ устроенный около этой пашни балаганъ или станъ, въ который по окончанiи работъ также собирались для переночевки занимавшiеся вблизи пашни Өедулова полевыми работами другiя два семейства Өедора и Андрея Носковыхъ. 4 сентября, въ этотъ станъ, для ночлега, къ Федуловымъ собрались изъ семейства Өедора Носкова его сыновья: Өедоръ (13 лѣтъ), Ефимъ (15 лѣтъ), Иванъ (9 лѣтъ) и Гаврила, а изъ семейства Андрея, одинъ его сынъ Гурьянъ 15 лѣтъ; въ то время, какъ послѣднiе ужинали, а Өедуловы приготовляли для себя ужинъ, явился въ станъ крестьянинъ *Лавръ Ивановъ*, въ малолѣтствѣ еще лишенный зрѣнiя, который для ночлега иногда по зову Өедуловыхъ, а иногда безъ зову ходилъ и прежде изъ своего стана, отстоящаго отъ стана Өедуловыхъ въ 210 саж., но въ этотъ разъ его никто не приглашалъ. Поговоривъ между собою послѣ ужина Өедуловыхъ, легли спать слѣдующимъ порядкомъ: отъ двери стана въ правую сторону Иванъ Өедуловъ, подлѣ него Гурьянъ Носковъ, а подлѣ Гурьяна, къ стѣнѣ Мареа; по лѣвую сторону Лавръ, за нимъ по порядку Өедоръ, Гаврило, Иванъ, Ефимъ, Андрей, а у стѣны Мавра. Примѣрно около полуночи, Иванъ Өедуловъ услышалъ голосъ Лавра, который будилъ его такъ: «Ваня, Ваня, встань, что у тебя дѣвка-то»? Иванъ, услышавъ, что сестра его что-то харчитъ и прикоснувшись къ ней, убѣдился, что она сидя колебалась; думая, что съ нею дурно, спрашивалъ ее: Мареинька, Мареинька! что съ тобою? блюешь что ли ты? сталъ ее поддерживать, причемъ чувствовалъ, что на его руки что-то текло довольно горячее; Иванъ, разбудя всѣхъ, приказалъ поскорѣе достать огня; а когда раздули огонь, то увидѣли Мареу изливающеюся кровью, и уже мертвою. Когда же хорошенько осмотрѣлись, то нашли ножикъ на постелѣ стоящимъ подлѣ изголовья и къ верху концомъ. Въ испугѣ всѣ стали кричать, кромѣ Лавра, который совѣтовалъ имъ творить молитву и потомъ просилъ ихъ чтобы они отпустили его въ свой станъ и не сказывали, что онъ тутъ былъ; но удалиться изъ стана они другъ другу не дозволяли и въ то же время послали въ деревню «Сплавную» Ивана Носкова для извѣщенiя отца Мареы, который, удостовѣрясь по прибытiи, что дочь его мертвая и замѣтивъ рану, объявилъ о семъ сельскому старшинѣ Андрею Носкову. Послѣднiй съ обывателя-

ми и отцомъ Мареы, осмотрѣвши мертвую, объявилъ о происшествіи въ кривинское волостное правленіе, изъ коего прибылъ волостной староста Высыпковъ съ понятыми людьми; староста распорядился отправить тѣло въ ближайшій отъ стана ледникъ при деревнѣ Умрешевой.

При розыскахъ, производимыхъ волостнымъ старостою, подозрѣнія въ насильственной смерти ни на кого изъявлено не было въ предположеніи, что Мареа сама себя лишила жизни *); затѣмъ отецъ ея объявилъ подозрѣніе на крестьянина одной съ нимъ деревни Михайла Иванова, который минувшею зимою просилъ Мареу въ замужество, но по неполученію согласія женился на другой. Но и это подозрѣніе по показанію Павла Өедулова опроверглось тѣмъ, что Михайло въ это время находился въ деревнѣ Баксарахъ отъ деревни Сплавной примѣрно въ 20 верстахъ.

Поэтому со стороны слѣдователя было изъявлено подозрѣніе на *сльпца Лавро*: во 1-хъ, потомучто онъ безъ зову изъ своего стана пришелъ въ станъ Өедуловыхъ ночевать. Во 2-хъ, Лавръ первый разбудилъ брата Мареы, различивъ съ кѣмъ случилось харчаніе и указавъ прямо на Мареу. Въ 3-хъ, когда увидѣли Мареу мертвою, онъ просилъ отпустить его и не сказывать, что былъ вмѣстѣ съ ними. Въ 4-хъ, при распросахъ онъ дѣлалъ отрицательство отъ того, что подъ предлогомъ обрѣзать себѣ ногти, просилъ у Мавры Панкратовой ножъ и имѣлъ его въ рукахъ своихъ; между тѣмъ самъ онъ показываетъ, что ногти у себя обкусывалъ зубами. Кромѣ сего онъ во многомъ дѣлалъ несогласные отвѣты съ показаніями бывшихъ въ томъ станѣ. При допросахъ замѣчалась перемѣна въ лицѣ его и онъ давалъ отвѣты нерѣшительные, а при уликахъ болѣе молчалъ. Лавръ сначала упорно запирался въ своемъ преступленіи, а потомъ послѣ убѣжденій и увѣщанія, онъ сознался въ убійствѣ.

При свидѣтельствѣ съ понятыми людьми мѣста, гдѣ было убійство, найдено: что балаганъ или станъ отстоитъ отъ дерев-

---

*) Братъ и отецъ умершей первоначально подозрѣнія ни на кого не объявили, а полагали, что ножъ, найденный Иваномъ подлѣ изголовья, нечаянно былъ кѣмъ либо брошенъ на постель, посланную назадъ тому пять дней. Ножа передъ ужиномъ не нашли, хотя о немъ спрашивали, а Мареа, развоспавшись, могла на означенный ножъ сама наткнуться и нечаянно лишить себя жизни.

ни Сплавной на 5 верстъ, находится на хлѣбопахатномъ мѣстѣ Павла Ѳедулова, круглообразный, въ одну сторону 8, а въ другую 5 арш., устроенъ изъ жердей, покрытъ дерномъ, посреди его огнище. Отъ дверей къ правой сторонѣ находилось бревно, удаленное отъ стѣны на 2 арш.; оно по срединѣ обагрено значительно кровью, также найдены въ крови — шуба овчинная, дѣтскій полушубокъ, зипунъ изъ крестьянскаго сукна и ветхая изъ овечьей шерсти кошма. Прежде этого осмотра, волостнымъ старостою Высышковымъ на этомъ мѣстѣ былъ найденъ ножъ, также обагренный кровью, длиною безъ малаго въ 4 вершка, безъ черенка. Ножъ этотъ оказался принадлежащимъ Гурьяну Носкову. Отъ мѣста ночлега Марѳы до мѣста, гдѣ спалъ Лавръ 5¹/₄ арш.

При слѣдствіи, 19 сентября 1852 года, *Лавръ Ивановъ* показалъ: что два года тому назадъ свелъ онъ любовную связь съ Марѳой Ѳедуловой, съ которою имѣлъ свиданіе скрытно отъ людей. Любя ее, онъ вознамѣрился на ней жениться, но предложенія его она не принимала, а съ Петрова дня того года онъ сталъ говорить ей о томъ уже съ устращиваніемъ лишить ее жизни; но Марѳа, не вѣря устращиванію, говорила ему, что продолжать тайно отъ людей любовь съ нимъ она будетъ, но замужъ не пойдетъ, потому что онъ слѣпъ и что надъ нею будутъ смѣяться люди (онъ дѣйствительно съ малолѣтства слѣпъ и нимало не имѣетъ зрѣнія). Полученный отказъ онъ принялъ за оскорбленіе и положилъ отмстить ей за то. Продолжая любодѣйствовать, онъ не находилъ удобнаго случая привести свое намѣреніе въ исполненіе. Въ минувшій четвертокъ (нынѣ минуло двѣ недѣли) онъ вмѣстѣ съ семейными своими по распоряженію отца своего отправился на пашню для уборки хлѣба, куда прибылъ въ сумеркахъ: семейные его расположились спать въ своемъ стану, а онъ, Лавръ, съ младшею сестрою своею Татьяною, пошелъ пустить лошадей на подножный кормъ. Въ это время отъ стана Ѳедулова слышалъ онъ голосъ мужчины, который звалъ его ночевать къ себѣ въ станъ; но кто именно призывалъ его, по голосу различить не могъ, почему и отправился ночевать въ станъ Ѳедулова, пославъ Татьяну домой. По приходѣ въ станъ Ѳедулова, онъ поздоровался со всѣми, тутъ бывшими и приблизился къ Марѳѣ, лежавшей тогда на постелѣ, головой къ огнищу;

онъ также легъ подлѣ нея, и пока готовился ужинъ они между собою разговаривали и на словахъ другъ съ другомъ шутили. Марѳа во время разговора съ нимъ, Лавромъ, имѣла въ рукахъ своихъ ножъ, и, лёжа на брюхѣ, чертила имъ на землѣ, а другая дѣвка Мавра, пробѣгая мимо ихъ, задѣла ногою за ножъ, и онъ изъ рукъ ея выпавъ, остался на землѣ; Марѳа его не подняла, а другіе вѣроятно этого не замѣтили; не знаетъ сколько прошло времени послѣ того, какъ всѣ легли спать, но убѣдившись, что всѣ уже уснули, онъ потихоньку съ своего мѣста отправился къ Марѳѣ съ намѣреніемъ сдѣлать съ нею блудъ; когда онъ проходилъ къ ней, ему подъ ноги попался тотъ ножъ, который Марѳа выронила изъ рукъ; онъ взялъ его и положилъ подлѣ постели, гдѣ спала Марѳа съ прочими, а самъ чрезъ голову Ивана и Гурьяна началъ осторожно ощупывать лицо Марѳы; она спала на правомъ боку, лицомъ къ Гурьяну и Ивану. При прикосновеніи къ Марѳѣ, она голосу не подала; не зная спала ли она, или это было одно притворство ея съ цѣлью уклониться отъ него и прекратить съ нимъ любодѣйную связь, чувствуя по случаю слѣпоты его отъ него отвращеніе—показатель тутъ рѣшился привести придуманный заранѣе умыселъ въ исполненіе, и взявъ ножъ въ правую руку, ощупавъ шею Марѳы, въ жару гнѣва всадилъ его въ шею, не зная уже какъ глубоко. Но въ это самое время Марѳа встрепенулась, рукою отмахнула отъ ножа его руку, и потому не знаетъ, въ горлѣ у нея остался тотъ ножъ, или тогда же изъ горла выпалъ. Послѣ сего, оставаясь безъ движенія, Марѳа только харчала, а онъ старался отъ нея удалиться, дабы не могли замѣтить спавшіе, и лишь только дошелъ до своего мѣста и легъ на него, какъ въ туже минуту братъ Марѳы Иванъ услыхалъ харчаніе, тяжкіе и рѣдкіе вздохи своей сестры, пробудился и сталъ ее спрашивать, но голосу уже не было. Когда всѣ встали, то и онъ вмѣстѣ съ ними всталъ, притаившись, какъ будто тогда только пробудился по крику Ивана; когда увидали Марѳу мертвою, онъ, Лавръ, старался не подать повода думать другимъ, что это преступленіе совершено имъ, всевозможно продолжая выказывать себя невиннымъ. Въ то время, какъ всѣ взяты были старостою Высыпковымъ подъ караулъ, въ числѣ ихъ былъ и онъ, Лавръ, хотя подозрѣнія на него не было объявлено. Если онъ не принесъ этого раскаянія въ началѣ совершенія преступ-

ленія, то собственно потому, что страшился наказанія, какое долженъ понести за это. Но когда при розыскахъ упало на него сильное подозрѣніе, и притомъ же мучась совѣстію, то онъ приноситъ нынѣ настоящее раскаяніе откровенно, безъ всякой утайки. Въ преступленіи этомъ никто съ нимъ не участвовалъ *).

Прочія затѣмъ спрошенныя по сему дѣлу лица показали что Лавра Иванова въ станъ никто не приглашалъ; что Ивановъ, прійдя въ станъ, спросилъ у Мавры Понкратовой ножъ для обрѣзанія ногтей, и положилъ оный на маленькій столикъ въ балаганѣ, что Мавра Понкратова ножа изъ рукъ Мареы не вышибала.

Еѳимъ 15, Ѳедоръ 13, Гаврила 9 и Гурьянъ 15 лѣтъ Носковы, присовокупили: первые трое, что *послѣ ужина Мареа Ѳедулова лежала на своей постелѣ, держала въ рукахъ ножъ, въ шутку воткнула его концомъ въ землю, а черенъ подпирала себѣ подъ горло и потомъ бросила оный гдѣ-то около себя.*

Кромѣ сего 12-лѣтняя сестра Лавра Иванова, *Татьяна* показала, что она изъ стана Федулова слышала, что кто-то изъ мужчинъ кричалъ какъ будто Лавра къ себѣ, а другая сестра его Афанасія, что она слышала отъ стана Ѳедулова голосъ какихъ-то мужчинъ.

По осмотру мертваго тѣла медикомъ найдено: на срединѣ лѣвой стороны шеи Мареы (лишенной уже дѣвства) рана, имѣющая выходъ на другой сторонѣ шеи, и образовавшая на правомъ плечѣ рану въ четверть вершка; присемъ медикъ сдѣлалъ заключеніе, что убійца, въ порывѣ гнѣва долженъ былъ употребить значительное напряженіе своей руки, которымъ съ одного раза вонзилъ ножъ въ лѣвую стороны шеи, и проколовъ ее насквозь, оконечностію ножа сдѣлалъ еще разрѣзъ на правомъ плечѣ; изъ этого можно предполагать, что при совершеніи этого преступленія, убійца другою рукою прижалъ голову Мареы къ правому плечу. Имѣя въ виду такое поврежденіе шеи, ни въ какомъ случаѣ невозможно думать, чтобы самый отчаянный самоубійца могъ нанести самъ себѣ такое жестокое насиліе, какое найдено у Мареы.

Мнѣніе это утвердила тобольская врачебная управа.

*) При дѣлѣ имѣется подписка Лавра Иванова въ томъ, что онъ данные при слѣдствіи отвѣты утверждаетъ во всей силѣ и что ему пристрастія во время слѣдствія чинимо не было.

На повальномъ обыскѣ о поведеніи Лавра, обыскные люди отозвались, что онъ ни въ чемъ предосудительномъ до настоящаго времени замѣченъ не былъ. По сказкамъ 9-й ревизіи онъ значится записаннымъ 25 лѣтъ $5^1/_2$ мѣсяцевъ.

На дополнительномъ слѣдствіи крестьянинъ *Лавръ Ивановъ* на вопросы исправника при священническомъ увѣщаніи и при окружномъ стряпчемъ показалъ, что онъ съ малолѣтства сдѣлался слѣпъ отъ оспы и ничего не видитъ; что пришелъ въ станъ Ѳедулова безъ провожатыхъ, потому что ходить пріобрѣлъ навыкъ до того, что даже можетъ заниматься разными крестьянскими работами, что о всемъ прочемъ показалъ то, что онъ узналъ изъ разговоровъ тѣхъ лицъ, кои были тогда въ станѣ; какимъ образомъ достался ему въ руки ножъ, онъ теперь припомнить не можетъ, но притомъ *отрекся отъ показаній объ убійствѣ*, показавъ, что объ убійствѣ ничего не помнитъ, *убійства не производилъ*, и кто оное произвелъ, не знаетъ.

При слушаніи сего дѣла въ 1 отдѣленіи 6 департамента сената и въ московскомъ общемъ собраніи произошли разныя мнѣнія.

Первое мнѣніе. Подсудимый крестьянинъ *Лавръ Ивановъ* чрезъ двѣ недѣли послѣ убійства Ѳедуловой сознался въ семъ преступленіи, объяснивъ со всею подробностію и ясностію поводъ къ убійству и средство, какимъ совершилъ онъ сіе злодѣяніе, будучи слѣпымъ. Хотя нѣкоторою несообразностію въ показаніи Иванова и представляется то, что онъ, будучи слѣпъ, ощупью чрезъ головы двухъ человѣкъ, отдѣлявшихъ его отъ Ѳедуловой, нанесъ ей съ необыкновенною силою и вѣрностію ударъ, но изъ подлиннаго показанія Лавра видно, что онъ, приближаясь къ постелѣ, гдѣ лежала Марѳа съ Иваномъ и Гурьяномъ, чрезъ головы Ивана и Гурьяна началъ осторожно ощупывать лицо Марѳы; она спала на правомъ боку, лицомъ къ Гурьяну и Ивану. При прикосновеніи къ ней рукою, она голосу не подала. Не зная хорошо, спала ли она или притворилась, быть можетъ, съ цѣлію прекратить совершенно связь съ нимъ, чувствуя, по случаю слѣпоты его отвращеніе къ нему,—онъ рѣшился привести задуманный имъ умыселъ въ исполненіе, и, взявши ножъ въ правую руку, ощупалъ шею Марѳы и въ жару гнѣва всадилъ его въ шею. Изъ вышеизложеннаго сознанія Иванова видно, что онъ только ощупывалъ Марѳу чрезъ головы Ивана и Гурьяна, но того, чтобы са-

мый ударъ нанесенъ былъ имъ также чрезъ головы ихъ, изъ изложеннаго выше заключить нельзя, слѣдовательно въ семъ отношеніи не представляется въ сознаніи Иванова невѣроятности. Въ прочихъ затѣмъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ преступленіе, разсказъ Иванова представляется совершенно правдоподобнымъ и независимо сознанія подтверждается слѣдующимъ: въ шалашѣ, гдѣ спалъ Ивановъ, только родной братъ убитой Өедоръ былъ 23 лѣтъ, прочіе же всѣ несовершеннолѣтніе и даже малолѣтніе, такъ что нѣтъ и тѣни сомнѣнія, чтобы кто-либо изъ нихъ закололъ Марөу, кромѣ Иванова, а что она заколота, а не сама закололась, въ томъ несомнѣнно удостовѣряетъ свидѣтельство врача, признанное и врачебною управою правильнымъ, въ которомъ сказано: поврежденіе шеи таково, что ни въ какомъ случаѣ нельзя думать, чтобы самый отчаянный самоубійца могъ нанести самъ себѣ такое жестокое насиліе. Когда открылось убійство и всѣ бывшіе въ шалашѣ отъ испуга кричали, одинъ только *Ивановъ уговаривалъ прочихъ не кричать, и просилъ, чтобы прикрыли его, отпустили въ свой балаганъ и не сказывали что онъ ночевалъ у нихъ, обѣщаясь* уйти такъ, что никто не увидитъ его, точно также, какъ никто не видалъ, когда вечеромъ онъ пришелъ къ нимъ. — Это единогласно показали всѣ спавшіе въ шалашѣ. Если бы Ивановъ былъ невиненъ, не было бы ему надобности стараться уйти изъ балагана тайно тѣмъ болѣе, что и подозрѣнія на него не было. Любовная связь его съ Марөою не была никому изъ постороннихъ извѣстна, весьма вѣроятно потому, что подобныя связи всегда тщательно скрываются отъ стороннихъ по естественному чувству стыда и посрамленія отъ ближнихъ въ случаѣ открытія оной, тѣмъ болѣе тайна связи этой была важна для Марөы потому, что если бы узнали, что она имѣетъ связь съ слѣпымъ, то она подверглась бы большему нареканію и насмѣшкамъ сосѣдей, нежели за связь съ человѣкомъ, не имѣвшимъ такого или подобнаго рода физическаго недостатка. Ивановъ, какъ значится изъ собственнаго сознанія его, любилъ Марөу страстно, а посему весьма естественно желалъ преступную связь свою загладить женитьбою, а при отказѣ въ томъ Марөы, по причинѣ слѣпоты его, возбудилось въ немъ чувство оскорбленнаго самолюбія, превратившееся въ желаніе отмстить ей. Переходъ отъ страстной любви къ безграничному

мщенію весьма часто встрѣчается въ людяхъ. — Слѣдовательно, нѣтъ ничего неестественнаго въ томъ, что онъ не довольствовался согласіемъ Мароы продолжать съ нимъ связь тайно. Объясненіе его, что до 5 сентября онъ не находилъ удобнаго случая отмстить Мароѣ, хотя и имѣлъ съ нею тайныя свиданія, съ перваго взгляда кажется сомнительнымъ. Но если вникнуть съ подробностію въ ходъ связи его съ Мароою, то это объясненіе не лишено вѣроятія. Чувство мести сначала проявляется въ людяхъ не со всею своею силою, но оно мало по малу возрастаетъ, а потому нельзя безусловно отвергнуть того, что при предыдущихъ свиданіяхъ Ивановъ могъ еще не совсѣмъ рѣшиться на убійство Мароы, а въ настоящее время, когда Мароа по показанію его притворилась спящею, какъ полагалъ онъ, съ намѣреніемъ навсегда прекратить съ нимъ связь изъ отвращенія къ слѣпотѣ его, то онъ, придя къ крайнее раздраженіе, и имѣя въ рукахъ ножъ, закололь ее. Ударъ, нанесенный имъ, мужчиною 25 лѣтъ, въ порывѣ раздраженія, въ шею, которую онъ сначала ощупалъ, можетъ быть очень вѣренъ и силенъ. Наконецъ, обращаясь къ отрицательству Иванова отъ сознанія своего, оказывается, что это отрицательство заключаетъ само въ себѣ явное противорѣчіе. Когда общее губернское управленіе, усумляясь въ дѣйствительности событія, поручило земскому исправнику передопросить Иванова, какъ онъ, слѣпой, пришелъ къ Ѳедуловымъ и для чего взялъ онъ ножъ, то Ивановъ, почти чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ событія, показалъ, что онъ пріобрѣлъ навыкъ не только всюду ходить, но и заниматься разными крестьянскими работами, а затѣмъ дополнилъ, что какимъ образомъ достался ему въ руки ножъ, онъ теперь припомнить уже не можетъ, но присовокупляетъ, что хотя онъ и сознался при слѣдствіи и въ судѣ, въ убійствѣ Мароы, но нынѣ объявляетъ, что ничего объ убійствѣ не помнитъ и не производилъ его. Явно, что таковое отрицательство ложно, ибо вначалѣ показываетъ онъ, что какъ достался ему ножъ, не помнитъ, а въ заключеніи отрицается отъ сознанія въ преступленіи, орудіемъ симъ совершенномъ. По симъ соображеніямъ слѣдуетъ признать Лавра Иванова виновнымъ въ убійствѣ Ѳедуловой. Обращаясь къ опредѣленію рода наказанія подсудимому, оказывается, что Иванова должно приговорить къ наказанію, положенному въ законѣ за убійство въ раздраженіи,

такъ какъ Ивановъ самъ объясняетъ, что ножъ попался ему подъ руку случайно, когда онъ пошелъ къ Өедуловой съ намѣреніемъ имѣть съ нею совокупленіе и что онъ нанесъ ей тѣмъ ножомъ смерть въ гнѣвѣ, когда она не подала никакого знака о согласіи ея на соитіе съ нимъ. Вслѣдствіе сего и принимая на видъ упорство въ запирательствѣ подсудимаго, слѣдуетъ: Лавра Иванова, 25 лѣтъ, на основаніи 21 ст. 4 степ., 28, 135 пун. 10 и 1926 ст. улож. о наказ., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать чрезъ палача плетьми 65-ю ударами и по наложеніи клеймъ сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 11-ть лѣтъ.

Второе мнѣніе. Къ обвиненію Иванова въ лишеніи жизни Мареы Өедуловой, по производству дѣла приводится: 1) сдѣланное подсудимымъ признаніе въ означенномъ преступленіи; 2) обстоятельства, заключающіяся въ томъ, что: а) Лавръ Ивановъ пришелъ въ балаганъ Өедуловыхъ и остался ночевать безъ надобности и безъ приглашенія; б) онъ первый разбудилъ брата Өедуловой Ивана и извѣстилъ о случившемся съ его сестрою; в) просилъ прочихъ, вмѣстѣ съ нимъ ночевавшихъ, отпустить его въ свой балаганъ и не сказывать, что онъ ночевалъ у нихъ; г) въ балаганѣ, гдѣ спалъ Ивановъ, всѣ кромѣ роднаго брата убитой, имѣвшаго 23 года, были несовершеннолѣтніе и даже малолѣтніе, на которыхъ нельзя посему имѣть сомнѣнія въ умерщвленіи Өедуловой, а свидѣтельство врача, признанное правильнымъ и врачебною управою, удостовѣряетъ, что не сама она закололась.—По соображеніи сихъ выводовъ съ подлиннымъ дѣломъ, оказывается: во 1-хъ, что о приходѣ Лавра Иванова въ балаганъ Өедуловыхъ для ночлега безъ приглашенія показали безъ присяги одни только родственники Өедуловой, но изъ тѣхъ же показаній видно, что и *прежде Ивановъ ходилъ въ балаганъ Өедуловыхъ безъ приглашенія* по сосѣдству и знакомству, а въ такомъ случаѣ послѣдній приходъ Иванова самъ по себѣ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Во 2-хъ, касательно извѣщенія Лавромъ Ивановымъ брата убитой Ивана о случившемся, сказано въ одномъ лишь безприсяжномъ показаніи сего послѣдняго, но въ томъ же показаніи, какъ изъ подлиннаго допроса видно, было объясняемо, что около полуночи онъ, Иванъ, былъ пробужденъ отъ сна необыкновеннымъ харчаніемъ сестры его Мареы, которая притомъ производила тяжкіе и рѣдкіе вздохи, билась

руками и ногами: слѣдовательно показаніе сіе, противорѣча противному, лишаетъ всякой силы обвиненіе, основанное на семъ послѣднемъ, которое впрочемъ не представляетъ улики въ совершеніи преступленія. Въ 3-хъ, упрашиваніе Иванова прикрыть его, отпустить и не сказывать о ночлегѣ у нихъ равномѣрно не представляетъ само по себѣ ничего служащаго къ изобличенію его въ совершеніи преступленія, ибо простолюдины вообще страшатся привлеченія къ слѣдствіямъ и послѣ всякаго необыкновеннаго происшествія они находятся въ смущеніи и недоумѣніи, подъ вліяніемъ коихъ въ ихъ выраженіяхъ и дѣйствіяхъ часто не бываетъ надлежащей отчетливости. Если же дѣйствительно подсудимый былъ въ связи съ убитою, то смущеніе и страхъ его представляются весьма естественными, ибо обвиненіе должно было скорѣе падать на него, чѣмъ на родственниковъ. Въ 4-хъ, въ медицинскомъ свидѣтельствѣ сказано: «соображаясь съ видомъ и степенью причиненнаго Өедуловой насилія, а также съ мѣстомъ, въ какое оно сдѣлано, слѣдуетъ заключить, что для совершенія онаго убійца, *въ порывѣ гнѣва и ярости*, долженъ былъ употребить *значительное напряженіе* руки, которымъ съ одного разу вонзилъ ножъ въ лѣвую сторону шеи и, проколовъ ее насквозь оконечностію ножа, сдѣлалъ еще разрѣзъ на правомъ плечѣ: изъ чего можно предполагать, что при совершеніи такого рода преступленія, убійца другою рукою прижалъ голову Марөы къ правому плечу. Имѣя въ виду такое поврежденіе шеи, ни въ какомъ случаѣ невозможно думать, чтобы самый отчаянный самоубійца могъ нанести самъ себѣ такое жестокое насиліе, какое найдено у Марөы Өедуловой.»—Изъ буквальнаго содержанія сего свидѣтельства явствуетъ, что оно не допускаетъ предположенія, чтобы Өедулова могла намѣренно нанести себѣ такое жестокое насиліе, какъ по осмотру раны оказалось, но съ тѣмъ вмѣстѣ нисколько не отклоняетъ возможности нанесенія сей раны по собственной ея *неосторожности*; а родной братъ Өедуловой удостовѣряетъ, что орудіе убійства—ножъ, найденъ имъ въ тоже время на постелѣ Марөы стоящимъ въ верхъ концомъ подлѣ ея изголовья. Изъ сего слѣдуетъ, что убійство съ такимъ усиліемъ и напряженіемъ едва ли могло быть совершено въ тѣсномъ пространствѣ между стѣною и спящею или между ею и братомъ въ балаганѣ, наполненномъ людьми, если притомъ не про-

исходило обстоятельствъ, слѣдствіемъ вовсе необнаруженныхъ. Въ отношеніи силы признанія подсудимаго въ преступленіи существуетъ въ законѣ положительное правило, изображенное въ 1181 ст. XV т. св. зак. угол. изд. 1842 г. Въ статьѣ сей постановлено: признаніе подсудимаго почитается доказательствомъ совершеннымъ (пун. 3) когда оно совершенно сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ (п. 4), когда показаны притомъ такія обстоятельства дѣйствія, по которымъ о достовѣрности и истинѣ онаго сомнѣваться невозможно. Разсматривая признаніе крестьянина Лавра Иванова, нельзя не обратить вниманія на слѣдующія обстоятельства: 1) въ показаніи Иванова сказано, что онъ вонзилъ ножъ Марѳѣ Ѳедуловой за отказъ ея выдти за него замужъ. Такая рѣшимость на совершеніе тяжкаго преступленія могла быть слѣдствіемъ страстной привязанности къ Ѳедуловой, но о связи между ними нѣтъ достаточнаго доказательства и вовсе не представлено свѣдѣній ни о сватовствѣ, довольно невѣроятномъ, ни о поводахъ къ ревности со стороны подсудимаго, ибо сватовство, о коемъ упомянуто выше, было отвергнуто и о другомъ нѣтъ въ виду свѣдѣній. 2) Въ показаніи Иванова сказано, что намѣреніе лишить Ѳедулову жизни онъ возымѣлъ съ Петрова дня (28 іюня), но не находилъ удобнаго случая привести сіе намѣреніе въ исполненіе до 4 сентября, хотя и продолжалъ съ нею свиданія для любодѣйства. Показаніе это еще менѣе заслуживаетъ вѣроятія, потому что Ивановъ въ продолженіи болѣе двухъ мѣсяцевъ видясь съ Ѳедуловою наединѣ, если его показанія въ этомъ отношеніи согласны съ истиною, имѣлъ довольно времени избрать удобное мѣсто, въ которомъ можно бы было привести свое намѣреніе въ исполненіе скрытно отъ другихъ. Въ дѣлѣ не обнаружено никакихъ слѣдовъ ссоры между Ѳедуловою и подсудимымъ. Напротивъ того все по видимому происходило въ кругу собравшихся въ балаганѣ по обыкновенному. Разсказъ же подсудимаго о словахъ, оставленныхъ Ѳедуловою безъ отвѣта, о выведенномъ изъ того заключеніи и произведенномъ отъ того раздраженіи безъ всякаго покушенія къ вызыванію отвѣта или къ удостовѣренію въ томъ, не спитъ ли Ѳедулова, не представляетъ никакой вѣроятности. 3) Въ показаніи Иванова сказано, что Ѳедулова, разговаривая съ нимъ вечеромъ, имѣла въ своихъ рукахъ ножъ и, лежа на брюхѣ, чертила имъ на землѣ, а другая

крестьянская дѣвка Панкратова, пробѣгая мимо ихъ, задѣла ножъ, бывшій въ рукахъ Ѳедуловой, отъ чего ножъ изъ рукъ ея выпалъ и остался на землѣ. Показаніе сіе, по содержанію своему представлялось само по себѣ невѣроятнымъ, какъ несообразное съ физическимъ состояніемъ Иванова, оказавшагося совершенно слѣпымъ, а потому, для разъясненія сего сдѣланъ былъ ему вопросъ, на который онъ отозвался, что изъясненнаго выше онъ видѣть конечно не могъ, какъ равно и расположенія, въ какомъ спали находившіеся въ балаганѣ люди, а узналъ все это изъ разговора бывшихъ съ нимъ въ стану. Между тѣмъ люди сіи дали при слѣдствіи противныя тому показанія и сама Панкратова положительно отозвалось, что она мимо Марѳы не пробѣгала и показаніе, будто-бы задѣла ногою за ножъ, бывшій въ рукахъ Марѳы и отъ того выпавшій, выведено напрасно. 4) Въ показаніи Иванова сказано: убѣдившись, что всѣ уснули онъ, Лавръ, отправился съ своего мѣста къ Марѳѣ съ намѣреніемъ сдѣлать съ нею блудъ; проходя-же къ ней ему подъ ноги попался тотъ ножъ, который до ужина Марѳа имѣла при себѣ, и который, онъ, Лавръ взялъ въ руки. Сіе показаніе также представляется неправдоподобнымъ и потому, что если онъ шелъ къ Ѳедуловой съ намѣреніемъ сдѣлать съ нею блудъ, то едва-ли могла родиться въ то же время мысль брать съ собою ножъ, хотя и случайно попавшійся. Изъ вышеизложеннаго оказывается, что признаніе Иванова, впослѣдствіи имъ отмѣненное, не содержитъ въ себѣ той достовѣрности, при которой признаніе подсудимаго по закону (ст. 1181 т. XV св. уг. зак. издан. 1842 г.) принимается за совершенное дока ательство въ учиненіи преступленія; тѣмъ не менѣе однако-же такое впослѣдствіи отмѣненное признаніе, будучи взято въ совокупности со всѣми обстоятельствами дѣла, навлекаетъ на него, Иванова, въ совершеніи преступленія подозрѣніе, которое усиливается показаніемъ подсудимаго, сдѣланнымъ въ послѣднемъ отрицательномъ допросѣ касательно запамятованія его, какимъ образомъ достался ему въ руки ножъ. На основаніи сихъ соображеній и руководствуясь 1177 ст. того же тома св. зак., слѣдуетъ: крестьянина Лавра Герасимова Иванова по предмету убійства крестьянки Марѳы Ѳедуловой оставить въ сильномъ подозрѣніи и отдать его на поруки одобрившимъ его поведеніе людямъ.

Согласно последнему изъ этихъ мнѣній дѣло получило окончательное разрѣшеніе.

О нанесеніи ранъ студентомъ Иваномъ Сочинскимъ профессору Калинскому и двумъ нижнимъ чинамъ въ присутствіи медико-хирургической академіи.

Иванъ Сочинскій въ 1828 году поступилъ въ службу л.-гв. въ уланскій полкъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ волынской губерніи. Впослѣдствіи, служа младшимъ аптекарскимъ ученикомъ въ с.-петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, Сочинскій 16 сентября 1833 г. былъ перемѣщенъ въ число казенныхъ по фармацевтической части студентовъ Императорской с.-петербургской медико-хирургической академіи. При бывшемъ въ 1838 году экзаменѣ, Сочинскій оставленъ конференціею въ 3 классѣ за слабые успѣхи въ наукахъ по математико-физикѣ и за посредственные успѣхи въ прочихъ предметахъ.

3 августа 1838 г., ученый секретарь медико-хирургической академіи профессоръ Нечаевъ донесъ конференціи этой академіи: «что 24 іюля въ 9-мъ часу утра, возвращаясь изъ госпиталя, онъ нашелъ у воротъ своей квартиры студента Сочинскаго, и не узнавъ послѣдняго, спросилъ объ его имени и что ему надобно. На это Сочинскій съ мрачнымъ видомъ и дерзкимъ выраженіемъ отвѣчалъ, что онъ, Нечаевъ, чрезвычайно его обидѣлъ, давъ ему на экзаменѣ невыгодное отдѣленіе *). Когда же онъ, Нечаевъ требовалъ, чтобъ Сочинскій объявилъ ему, кто его о томъ увѣдомилъ, то онъ въ прежнемъ тонѣ отвѣчалъ: «этого я вамъ не намѣренъ сказывать», измѣняя нѣсколько разъ отвѣтъ свой, а на вопросъ: развѣ онъ пришелъ дѣлать ему, Нечаеву, выговоръ, Сочинскій съ упрекомъ и еще болѣе дерзкимъ видомъ отозвал-

*) Въ академіи по заведенному правилу весьма хорошіе успѣхи означаются первымъ, хорошіе вторымъ, средніе третьимъ, а слабые четвертымъ отдѣленіемъ. Получившій 4-е отдѣленіе хотя изъ одного предмета въ слѣдующій классъ не переводится, а какъ подсудимый Сочинскій получилъ 4-е отдѣленіе изъ физики и 3-е изъ большей части предметовъ, то и былъ оставленъ на годъ въ томъ же классѣ.

ся: «да, я увѣрился, что вы издревле имѣете меня въ виду и при всѣхъ возможныхъ случаяхъ преслѣдуете, стараясь сдѣлать меня по маленьку несчастнымъ, такъ лучше сдѣлайте вдругъ». Затѣмъ, еще болѣе разгорячившись, Сочинскій повторялъ нѣсколько разъ послѣднія слова и еще нѣсколько времени говорилъ въ томъ же смыслѣ, пока онъ, Нечаевъ, не ушелъ изъ комнаты, сказавъ, что не намѣренъ входить съ нимъ объ этомъ въ объясненіе. Спустя четверть часа Сочинскій, сказавшись деньщику его, Нечаева, что онъ чиновникъ, желающій говорить съ нимъ, снова явился въ его комнату. Хотя въ это время Сочинскій и былъ въ трезвомъ состояніи, но видно было что онъ находился въ сильномъ волненіи. Полагая, что Сочинскій пришелъ извиниться въ прежнемъ своемъ поступкѣ, онъ, Нечаевъ, спросилъ его, что ему надобно; на это Сочинскій въ сильномъ гнѣвѣ и съ чрезвычайною грубостію отвѣчалъ, что онъ пришелъ сказать, что не позволитъ обидѣть себя и съ крикомъ требовалъ объявить ему: кому онъ долженъ на него, Нечаева, жаловаться. На это онъ, Нечаевъ, сказалъ, что Сочинскій можетъ подать жалобу свою въ конференцію академіи. Тогда Сочинскій вскричалъ: «неправда! я долженъ жаловаться министру», а когда онъ, Нечаевъ, это предоставилъ его волѣ и вышелъ вонъ, то Сочинскій вскричалъ, что не пойдетъ вонъ и болѣе и болѣе теряя самообладаніе, повторялъ, что никому не позволитъ сдѣлать себѣ никакой наглости, и что онъ, Нечаевъ, привелъ его въ изступленіе. Присемъ приступая къ нему, Нечаеву, съ угрожающимъ видомъ, Сочинскій требовалъ, чтобы высланъ былъ изъ комнаты находившійся тамъ деньщикъ. Видя Сочинскаго въ буйственномъ состояніи, онъ, Нечаевъ, удалился въ другую комнату и заперъ дверь ихъ раздѣлявшую ключомъ. Тогда Сочинскій, уйдя, вскричалъ при выходѣ: «это подлость».

По сему донесенію профессора Нечаева конференція академіи положила: исключить Сочинскаго вовсе изъ вѣдомства академіи, обративъ его въ прежнее званіе съ опредѣленіемъ на службу внѣ с.-петербургской губерніи. — Это опредѣленіе конференціи, представленное президентомъ академіи министру внутреннихъ дѣлъ, симъ послѣднимъ 3-го сентября было утверждено, съ тѣмъ чтобы сдѣлано было по оному надлежащее распоряженіе.

Затѣмъ конференція медико-хирургической академіи донесла

министру внутреннихъ дѣлъ о слѣдующемъ происшествіи: «Иванъ Сочинскій вошелъ 10-го сентября въ половинѣ 2-го часа по полудни въ полное собраніе конференціи и подошедши къ стулу профессора Нечаева, замахнулся на него перочиннымъ ножомъ, произнеся слѣдующія слова: «варваръ, ты обреченная мною жертва». Нечаевъ стуломъ защитился отъ сего нападенія, а сидѣвшій подлѣ него профессоръ Калинскій, желая удержать Сочинскаго, схватилъ его за руку, но Сочинскій, обративъ ножъ свой на Калинскаго, ранилъ его въ животъ съ лѣвой стороны. Вслѣдствіе сего тотчасъ призванные архиваріусъ Симоновичъ, швейцаръ Сухомутовъ и унтеръ-офицеръ Токаревъ старались схватить Сочинскаго; но онъ, отбиваясь отъ нихъ, ранилъ швейцара въ грудь, а Токарева въ животъ. Наконецъ, съ помощію пришедшихъ еще служителей, Сочинскій былъ схваченъ и по отнятіи у него ножа, раздѣтъ и связанъ, причемъ многократно произносилъ онъ ругательства, преимущественно на ученаго секретаря Нечаева и инспектора Петрова. Рана профессора Калинскаго по изслѣдованію оказалась проницающею въ брюшную полость, что и наводитъ нѣкоторое сомнѣніе, не повреждена-ли какая-либо внутренность. Рана Сухомутова нанесена въ грудь противъ хряща седьмаго ребра, въ глубину простирается на дюймъ, но въ самую грудь не проницаетъ. Рана унтеръ-офицера Токарева оказалась поверхностною.»

Министръ внутреннихъ дѣлъ, донося о семъ происшествіи Государю Императору, присовокупилъ, что рана, нанесенная профессору Калинскому, не обнаружила доселѣ никакихъ важныхъ болѣзненныхъ признаковъ, равно и раны Сухомутова и Токарева неопасны; самъ же Сочинскій, подозрѣваемый въ принятіи яда, при свидѣтельствѣ полицейскаго врача имѣлъ кровавую рвоту, съ упорствомъ отвергая подаваемое ему врачебное пособіе.—По сему донесенію 17 сентября Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: «Сочинскаго судить военнымъ судомъ, окончивъ дѣло въ 24 часа.»

Между тѣмъ, по произведенному с.-петербургскою полиціею слѣдствію объ означенномъ происшествіи открылось слѣдующее: *)

---

*) По медицинскому освидѣтельствованію обнаружено, что профессоръ *Калинскій* имѣетъ на животѣ ниже пупа поверхностную уже почти за-

При осмотрѣ отобранныхъ отъ Сочинскаго перочиннаго ножика и разныхъ бумагъ, запечатанныхъ въ конвертѣ, найдено, что сей ножикъ двойной, одно лезвіе въ половину сломано, а въ конвертѣ было пять писемъ, одна маленькая записочка и пустой конвертъ на имя профессора Калинскаго. Изъ писемъ два были на польскомъ языкѣ, одно на русскомъ отъ брата Сочинскаго, одно на французскомъ безъ подписи, и одно самаго Сочинскаго на русскомъ языкѣ, адресованное на имя Степана Яковлевича Нечаева, съ надписью вокругъ на польскомъ языкѣ.—Инспекторъ академіи *Петровъ*, на запросъ слѣдователя, увѣдомилъ, что при обыскѣ въ квартирѣ, которую занималъ Сочинскій, никакихъ орудій, приготовленныхъ имъ для убійства, и бумагъ, доказывающихъ давнее его намѣреніе на сей поступокъ не отыскано. Швейцаръ академіи *Сухомутовъ* показалъ, что 10 сентября подсудимый Сочинскій, придя къ дверямъ общаго собранія конференціи, и не смотря на принимаемыя имъ мѣры не впустить его, съ бранью и при словахъ, что званъ въ конференцію, ворвался туда, и вскорѣ засимъ, онъ, Сухомутовъ, услышавъ крикъ, и вбѣжавъ въ конференцію, увидѣлъ ученаго секретаря Нечаева съ креслами въ рукахъ противъ Сочинскаго. Когда же по приказанію Нечаева, показатель хотѣлъ взять и вывести Сочинскаго, то сей послѣдній, имѣвшимся у него въ рукахъ перочиннымъ ножикомъ, ранилъ его въ грудь. Вслѣдъ затѣмъ въ залу прибылъ унтеръ-офицеръ Токаревъ и также раненъ былъ Сочинскимъ; посему пришли другіе служители и взяли Сочинскаго, съ которымъ послѣ сего послѣдовала дурнота и онъ началъ выплевывать матерію.—Унтеръ-офицеръ *Токаревъ*, подтверждая показанія Сухомутова, объяснилъ, что 10 сентября придя къ дверямъ конференціи, сказалъ швейцару, дабы онъ доложилъ инспектору, что обѣденный столъ для студентовъ готовъ, но лишь только швейцаръ хотѣлъ войдти съ докладомъ и сталъ отпирать половину дверей, послышались голоса: «держите», и въ это

жившую рану длиною около дюйма съ небольшимъ воспаленіемъ въ окружности, и что отъ этой раны никакой опасности не предвидится; а *Сухомутову* и *Токареву* нанесены раны длиною въ дюймъ: первому, — противъ 7-го ребра, а послѣднему на животѣ, и отъ сихъ ранъ опасности также не предвидится; Сочинскій же имѣя рвоту, жаловался на боль подъ ложечкою и съ упорствомъ принималъ даваемыя ему медицинскія средства.

время швейцаръ вошелъ въ конференцію, а за нимъ потребованъ былъ и онъ, Токаревъ; профессора стояли, а швейцаръ держалъ Сочинскаго сзади за обѣ руки; когда же приказано было ему, Токареву, держать Сочинскаго и лишь только онъ приступилъ къ нему, Сочинскій ткнулъ его Токарева въ животъ перочиннымъ ножикомъ. Къ сему Токаревъ и Сухомутовъ присовокупили, что какимъ образомъ Сочинскій сдѣлалъ нападеніе на секретаря Нечаева и нанесъ рану профессору Калинскому они не видали, и какія причины побудили Сочинскаго войдти въ конференцію, не знаютъ.—Профессоръ *Калинскій* объяснилъ, что 10 сентября во время засѣданія въ конференцъ-залѣ, подсудимый Сочинскій въ половинѣ 2-го часа по полудни, войдя въ присутствіе безъ доклада и подойдя къ профессору Нечаеву, назвалъ его варваромъ и съ симъ вмѣстѣ поднялъ руку съ ножомъ надъ его головою, въ намѣреніи поразить его; но онъ, Калинскій, занимая мѣсто вблизи Нечаева и желая отвратить грозящую ему опасность, соскочилъ съ креселъ и схвативъ Сочинскаго за руку, удержалъ его отъ пораженія Нечаева, который въ это время успѣлъ отойти отъ Сочинскаго на нѣкоторое разстояніе, но Сочинскій, вырвавъ у него свою руку, въ которой имѣлъ перочинный ножъ, нанесъ онымъ показателю рану въ животъ, а послѣ того ранилъ еще двухъ служителей, которые хотѣли схватить его. Что же касается до причинъ, побудившихъ Сочинскаго посягнуть на жизнь его, Калинскаго, то онѣ показателю вовсе неизвѣстны, а онъ полагаетъ, что Сочинскій, бывъ въ совершенномъ изступленіи ума, сдѣлалъ это безъ всякаго умысла. Въ этомъ онъ, Калинскій, совершенно убѣжденъ, потому что никогда съ нимъ не былъ знакомъ и не имѣлъ никакихъ дѣлъ.

Подсудимый *Сочинскій* показалъ, что въ 1828 году онъ опредѣленъ былъ изъ рекрутовъ въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ рядовымъ, а впослѣдствіи по распоряженію начальства произведенъ въ фельдшера и поступилъ въ военно-сухопутный госпиталь, откуда по благодѣтельному распоряженію главнаго медицинскаго инспектора по арміи Вилліе, обратившаго на него вниманіе во время командировки его, Сочинскаго, на маневры въ Красное Село, онъ былъ допущенъ къ экзамену для поступленія въ медико-хирургическую академію, и будучи признанъ достойнымъ, помѣщенъ въ число студентовъ академіи по фармацевти-

ческой части. По прошествіи года его курса и при всемъ стараніи и успѣхахъ онъ, Сочинскій, отмѣченъ былъ профессоромъ химіи и физики Нечаевымъ по 4-му отдѣленію, самому невыгодному и недающему права на переходъ въ слѣдующій классъ. Не постигая причины сего, показатель стороннимъ образомъ узналъ, что Нечаевъ имѣетъ знакомство съ аптекаремъ госпиталя полковъ л.-гв. уланскаго и конно-гренадерскаго Бѣлозоромъ, котораго немилость онъ, Сочинскій (не знаетъ почему), заслужилъ во время нахожденія при томъ госпиталѣ аптекарскимъ ученикомъ, не смотря на то, что онъ исправно и усердно старался преподавать уроки малолѣтнимъ дѣтямъ Бѣлозора въ начальныхъ основаніяхъ языковъ и ариѳметики, чему онъ научился самоучкою, пользуясь совѣтами и указаніемъ священно-служителей. Открытіе знакомства профессора Нечаева съ аптекаремъ Бѣлозоромъ повело уже его, Сочинскаго, къ заключенію, что отмѣтки перваго изъ нихъ въ мнимыхъ его, Сочинскаго, неуспѣхахъ, произойти могли отъ несправедливыхъ быть можетъ внушеній аптекаря Бѣлозора, и это остановивъ его, Сочинскаго, въ порывѣ страсти къ ученію, породило какое-то равнодушіе къ принятому имъ пути. Но за всѣмъ тѣмъ, пробывъ лишній годъ въ 1-мъ классѣ, онъ успѣлъ быть переведеннымъ въ слѣдующій, приложивъ къ тому стараніе; въ этомъ классѣ онъ встрѣтилъ тоже обстоятельство и наконецъ, упустя еще лишній годъ, поступилъ въ 3-й классъ, но въ семъ классѣ получилъ отмѣтку профессора Нечаева 4-го отдѣленія и потому долженъ былъ остаться въ томъ же классѣ еще на другой годъ, тогда какъ отвѣты его, Сочинскаго, на экзаменѣ были совершенно удовлетворительны. Заботясь узнать достовѣрно о своей участи, показатель обратился къ товарищу своему студенту медицины Прозорову, прося его чрезъ бумаги брата его, адъюнктъ-профессора Прозорова, удостовѣриться объ его, Сочинскаго, отмѣткѣ и симъ способомъ узналъ, что онъ отмѣченъ также невыгодно со стороны Нечаева какъ и прежде, тогда какъ другіе товарищи слабые въ наукахъ, и худо отвѣчавшіе во время экзамена, получили хорошія отмѣтки и назначенія. Это заставило показателя искать личнаго разговора съ профессоромъ Нечаевымъ и потому въ іюлѣ мѣсяцѣ, подойдя къ воротамъ, близь которыхъ расположена квартира Нечаева, онъ лишь только хотѣлъ позвонить, увидѣлъ подходящаго

къ нему Нечаева, который вдругъ спросилъ: «что это такое»? Удивленный симъ вопросомъ, относившимся болѣе къ неодушевленному предмету, онъ, Сочинскій, отвѣчалъ: «что не что такое, а онъ Сочинскій и пришелъ узнать причину невыгодно сдѣланной имъ ему аттестаціи». При этомъ случаѣ, кажется, были деньщикъ Нечаева и какой-то мальчикъ. Не отвѣчая на вопросъ его, Сочинскаго, Нечаевъ спросилъ; кто ему, Сочинскому,—это далъ знать, говоря, что ему необходимо? Уклонясь отъ того вопроса, показатель просто сказалъ Нечаеву, что не скажетъ, и дѣйствительно, оскорбленный имъ глубоко, онъ забылъ себя и упрекалъ Нечаева жестокимъ, несправедливымъ, пристрастнымъ и безчеловѣчнымъ, но ничего площаднаго и дерзкаго или ругательнаго не произнесъ. Наконецъ, когда онъ, Сочинскій, въ жару и горячности говорилъ Нечаеву разные упреки, то сей, останавливая его, спрашивалъ: развѣ онъ, Сочинскій, пришелъ дѣлать ему выговоры? На это онъ, Сочинскій, точно сказалъ: «что онъ увѣрился изъ постоянныхъ опытовъ, что Нечаевъ издавна питаетъ къ нему недоброжелательство и преслѣдуетъ его при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, стараясь сдѣлать несчастнымъ, такъ лучше пусть сдѣлаетъ его вдругъ! Такъ какъ Нечаевъ ушелъ, оставя его, Сочинскаго, въ томъ же невѣдѣніи о причинахъ неаттестаціи,—то онъ и разсудилъ вновь обезпокоить его вопросомъ о томъ предметѣ. Для сего, придя въ квартиру Нечаева, онъ, Сочинскій, точно сказался постороннимъ чиновникомъ, дабы быть допущеннымъ къ нему и этимъ средствомъ успѣвъ увидѣть Нечаева, дѣйствительно былъ въ сильномъ душевномъ волненіи, но извиняясь всетаки въ горячности, онъ, Сочинскій, просилъ Нечаева разрѣшить его вопросъ. Послѣ сего, когда Нечаевъ позвавъ своего деньщика, приказалъ показателя вывести вонъ, то онъ дѣйствительно говорилъ: что никому не позволитъ себя обидѣть и желаетъ только знать, кому онъ можетъ жаловаться на Нечаева, и что будетъ просить г. министра. Присемъ онъ просилъ удалить деньщика, но Нечаевъ, выйдя въ другую комнату, заперъ дверь за собою. Тогда онъ, Сочинскій, точно выразился: «это подлость», разумѣя поступки Нечаева съ нимъ. Впрочемъ всего разговора показатель по истинѣ теперь не помнитъ, ибо былъ тогда внѣ себя. Послѣ того онъ удалился и чрезъ нѣсколько времени встрѣтясь съ Нечаевымъ на дорогѣ, при выходѣ изъ конференціи, из-

винялся передъ нимъ въ своей горячности и получилъ изустное отъ Нечаева обѣщаніе, что онъ не принялъ это за оскорбленіе, сказавъ притомъ: будьте покойны, и дозволивъ ему, Сочинскому, если нужно, письменно отнестись къ нему. Посовѣтовавшись о томъ съ инспекторомъ Петровымъ, онъ, Сочинскій, заготовилъ два письма; одно на французскомъ, а другое на русскомъ языкахъ, на имя Нечаева, но предпочелъ послать *французское* и послалъ.—Въ этомъ письмѣ онъ, Сочинскій, описывая горестное положеніе матери своей, проживающей въ мѣстечкѣ Мацѣевѣ, волынской губерніи и находящейся больною при смерти (какъ о томъ получилъ онъ увѣдомленіе, содержащееся въ двухъ польскихъ письмахъ, отъ нея присланныхъ), просилъ Нечаева забыть его, Сочинскаго, дерзость и простить его изступленіе, давъ ему средство выдержать еще разъ экзаменъ, какъ это случается со многими. На это письмо онъ не получилъ никакого отвѣта и извѣстія, и хранилъ при себѣ копію съ него и русское, которыя отъ него отобраны. Все это заставило его, Сочинскаго, питать сомнѣніе, не приготовляется ли большаго несчастія въ его судьбѣ, тѣмъ болѣе, что сперва носились слухи, что онъ на выпускѣ вмѣстѣ съ прочими, а когда выпущенные дѣйствительно сдѣлались извѣстными и его въ числѣ ихъ не нашлось, то стали говорить, что онъ, Сочинскій, оставленъ еще на годъ, что и подтвердилось по спискамъ, возвращеннымъ въ академію отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Притомъ нѣкоторыя хотя и незначительныя обстоятельства, какъ напримѣръ невыдача ему безъ инспекторскаго разрѣшенія наравнѣ съ прочими сапоговъ, заставили его искать другія, кромѣ случайностей, причины и онъ обратился вновь къ инспектору академіи Петрову, спрашивая его о послѣдствіяхъ своей участи. Но Петровъ, завѣряя его, что кромѣ оставленія еще на годъ въ томъ же 3-мъ классѣ, ничего болѣе его не ожидаетъ, прибавилъ: что впрочемъ ему болѣе ничего неизвѣстно, а быть можетъ сдѣлалось что либо секретное, но о томъ ничего не слыхалъ и не знаетъ. За таковымъ отзывомъ инспектора, показатель находился въ ожиданіи разрѣшенія дальнѣйшей своей участи и съ другой стороны обезпеченный увѣреніями профессора Нечаева, что онъ не имѣетъ на него претензіи и предполагая, что Нечаевъ удовольствовался тѣми знаками униженія, просьбъ и моленій, кои онъ, Сочинскій, употре-

билъ предъ нимъ публично, при встрѣчѣ съ нимъ у дверей конференціи, былъ спокойнымъ, какъ вдругъ дня за два или за три до происшедшаго съ нимъ случая, узналъ отъ вышедшаго въ лекаря студента Смоленскаго, что ему въ медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ удалось узнать или увидѣть, что Сочинскій представленъ за буйство отъ академіи къ выключкѣ въ первобытное состояніе. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, показатель схватилъ первопопавшуюся ему шинель, принадлежащую кажется студенту Ступану, и бѣжалъ изъ академіи, думая искать средствъ помочь себѣ, но просьбы его въ департаментѣ предъ начальникомъ отдѣленія Мавроди были безполезны, ибо онъ объявляя, что безсиленъ въ этомъ случаѣ, изъявлялъ къ нему, Сочинскому, одну жалость, упрекая его въ горячности. Затѣмъ онъ, Сочинскій, думалъ обратиться къ президенту академіи, директору департамента или министру, но не нашелъ въ себѣ силы объясниться съ сими сановниками. Такимъ образомъ пропустивши безполезно три дня, показатель шатался въ академіи безъ всякой цѣли въ самомъ разстроенномъ положеніи, и проходя мимо конференціи (что было въ субботу 10 сентября), увидѣлъ вдругъ съѣздъ и вспомнилъ, что это день собранія въ конференціи. Внезапно пришло ему на мысль отмстить профессору Нечаеву въ присутствіи цѣлой конференціи и онъ, не помня самъ себя, вбѣжалъ въ пріемную комнату предъ конференціею и не знаетъ какимъ образомъ успѣлъ пройти въ залу присутствія и какъ попался ему въ руки перочинный его ножъ, бывшій, какъ помнится ему, въ боковомъ карманѣ, несложеннымъ; онъ устремился поразить имъ Нечаева, но послѣдній противупоставилъ ему свой стулъ и тѣмъ избѣжалъ удара, но какимъ образомъ онъ, Сочинскій, потомъ обратился на профессора Калинскаго и поранилъ его, равно и другихъ нижнихъ чиновъ академіи, какъ они пришли, что такое онъ говорилъ, и что затѣмъ съ нимъ послѣдовало, ничего не помнитъ, не знаетъ и объяснить рѣшительно ничего не можетъ; но ни яда, ни чего либо вреднаго или одуревающаго онъ не принималъ, пьянымъ не былъ и даже ничего не ѣлъ, кромѣ выпитія у какого-то сбитенщика сбитню одного стакана; отъ чего же приключилась ему рвота не знаетъ и не помнитъ; вообще послѣ пришедшей ему мысли отмстить профессору Нечаеву, онъ по-

терялъ всякую способность разсудка и ничего опредѣлительнаго сказать о проишествіи съ нимъ не можетъ. Записочка, въ бумагахъ его имѣющаяся, есть лоскутокъ отъ письма, присланнаго отъ его матери, и заключаетъ въ себѣ адресъ; а конвертъ на имя профессора Калинскаго ему вовсе не принадлежитъ и какъ попалъ въ число бумагъ его, не знаетъ, и полагаетъ, что въ суматохѣ въ конференціи попалъ отъ Калинскаго выроненный, или упавшій нечаянно или брошенный *). О поведеніи его, если было что либо отмѣчено въ черной книгѣ, то это вѣроятно по случаю ссоры, происшедшей у него съ товарищемъ его Чайковскимъ, упрекнувшимъ его въ брани званіемъ солдата, на что онъ отвѣтилъ ему ударомъ чубука и кулакомъ. Но въ поведеніи и образѣ жизни показатель соблюдалъ всевозможную строгость и не допускалъ себя никогда ни до какого предосудительнаго поступка; да и послѣдній проступокъ произошелъ отъ горячности его и самолюбія. Кромѣ профессора Нечаева, какъ виновника его несчастія, котораго онъ по его мнѣнію никакъ не заслуживалъ, онъ намѣренія на жизнь никого не имѣлъ и не могъ имѣть, ибо никто ему ничего не сдѣлалъ. Къ сему Сочинскій присовокупилъ, что въ надписи по польски на заготовленномъ имъ на русскомъ діалектѣ письмѣ къ профессору Нечаеву онъ писалъ, что отвергаетъ замышленное прежде противу Нечаева мщеніе, которое состояло въ посягании не на жизнь его, а въ нанесеніи ему битьемъ оскорбленія, и что ожидаетъ смерти потому, что имѣлъ намѣреніе дѣйствительно застрѣлиться, для чего и пріискивалъ купить себѣ пистолетъ, но одумавшись, отвергнулъ и это намѣреніе, почему оно и осталось только на письмѣ. Когда именно онъ, Сочинскій, начертилъ эти строки, не можетъ привести себѣ на память.

Въ вышеозначенномъ *письмѣ на французскомъ языкѣ*, посланномъ профессору Нечаеву, подсудимый Сочинскій излагалъ, что получивъ извѣстіе, что мать его находится въ крайней бѣдности, и не находя въ своемъ положеніи никакихъ средствъ помочь ей, онъ изъ любви къ ней, а не почему другому, безпрестанно огорчался до глубины сердца. Но когда его надежды на будущее начали исчезать, онъ пришелъ въ отчаяніе, и возы-

*) Это подтвердилъ профессоръ Калинскій.

*

мѣлъ легкомысліе полагать, что Нечаевъ виновникъ его несчастія, и вмѣсто того, чтобы имѣть къ нему почтеніе, онъ, Сочинскій, гордился тѣмъ, что упрекалъ его, Нечаева, въ несправедливости къ нему въ то время, когда онъ заслужилъ его негодованіе. Теперь онъ знаетъ до какой степени оскорбилъ Нечаева и что долженъ ожидать, если его доброта не смягчитъ гнѣва противъ его, Сочинскаго. Кровь хладѣетъ, когда онъ, Сочинскій, разсматриваетъ опасность, къ которой привело его заблужденіе, и всегда будетъ имѣть причину оплакивать это буйство своего характера. Далѣе Сочинскій просилъ Нечаева сжалиться надъ нимъ, обративъ благосклонный взглядъ на несчастіе, въ которомъ онъ находится, и простить его невольное заблужденіе, потомучто къ этому побуждаетъ и заповѣдь Господня. Со слезами онъ умоляетъ Нечаева о позволеніи возстановить свое счастіе, готовое изчезнуть, или по крайней мѣрѣ сжалиться надъ его бѣдною матерью, которая умретъ съ горести, если узнаетъ, что онъ, Сочинскій, сдѣлается жертвою собственнаго проступка. Онъ, Сочинскій, готовъ подвергнуться всѣмъ академическимъ наказаніямъ, которыя угодно будетъ назначить, только бы Нечаевъ имѣлъ снисходительность не исключать его изъ академіи и надѣется, что Нечаевъ своею кротостію и добротою заставитъ его считать себя великодушнымъ благодѣтелемъ его, Сочинскаго». — Въ *надписи* же, сдѣланной Сочинскимъ на русскомъ письмѣ къ профессору Нечаеву, значится, что жестокое сердце Нечаева, его гоненіе и несправедливое наказаніе лишили его, Сочинскаго, всякой надежды на счастливую будущность; что онъ умираетъ потому только, чтобы по вспыльчивости своего нрава не сдѣлаться преступникомъ, и Богъ свидѣтелемъ, что онъ любилъ истину и самъ будетъ судьею въ своей слабости, общей всѣмъ людямъ, и что онъ вознамѣрился было жестоко отмстить виновнику своего несчастія, но потомъ вспомнилъ, что есть Богъ, который отплатитъ ему за него и всѣмъ умышлявшимъ его погибель *).

---

*) С.-петербургскій физикатъ увѣдомилъ слѣдователя, что по химическомъ разложеніи въ главной рецептурной аптекѣ рвоты, извергнутой подсудимымъ Сочинскимъ въ конференціи медико-хирургической академіи, оказалось въ оной значительное количество свинцоваго сахара, и что прочихъ ядовитыхъ веществъ не найдено.

Спрошенные по ссылкѣ подсудимаго Сочинскаго студенты медико-хирургической академіи безъ присяги отозвались: *Прозоровъ*,—что онъ Сочинскаго не знаетъ и ему не удавалось даже съ нимъ сходиться, а узналъ его по слѣдующему случаю: однажды во время бытности показателя въ комнатѣ студента Малиновскаго, Сочинскій вбѣжалъ туда, говоря, что онъ былъ на экзаменѣ, и что профессоръ Нечаевъ разсердился на него за то, что онъ свой билетъ, выбранный для экзамена, не далъ по порядку записать, но при этомъ случаѣ, и прежде показатель съ Сочинскимъ не разговаривалъ, свѣденія объ аттестаціи его при экзаменахъ не видалъ и объ оной ничего не зналъ, потомучто въ бумагахъ брата своего адъюнктъ профессора Прозорова рыться никогда не смѣлъ; притомъ показатель все лѣто жилъ на дачѣ и слѣдовательно видѣть Сочинскаго не имѣлъ возможности. *Ступакъ*,—что подсудимый Сочинскій предъ содѣяніемъ преступленія шинели, ему принадлежащей, не бралъ и съ нимъ показатель никакихъ разговоровъ относительно неудачнаго продолженія его поприща не имѣлъ и о намѣреніи его убить кого либо изъ профессоровъ не слыхалъ, а характера Сочинскій былъ безпокойнаго; но дурныхъ поступковъ за нимъ имъ не замѣчено *).

Квартировавшіе вмѣстѣ съ подсудимымъ Сочинскимъ студенты вышеупомянутой академіи, *Малиновскій* и *Воронинскій* подъ присягою показали,—что отъ кого Сочинскій получилъ свѣденіе объ исключеніи его отъ академіи, они не знаютъ, до поступка Сочинскаго въ конференціи угрозъ съ его стороны сдѣлать оный не слыхали и приготовленія не замѣчали; и о поведеніи Сочинскаго ничего сказать не могутъ, враждебнымъ, безпокойнымъ и нетрезвымъ его никогда не замѣчали, о дѣйствіяхъ его противъ профессора Нечаева ничего не знаютъ. Къ сему Малиновскій добавилъ, чтп Сочинскій всегда былъ скроменъ, трезвъ и пристоенъ, и что точно однажды Сочинскій, войдя въ комнату при студентѣ Прозоровѣ, говорилъ, что профессоръ Нечаевъ разсердился на него за то, что онъ свой билетъ, выбранный для экзамена, не далъ ему по порядку записать.

*) Таковые отзывы студенты Прозоровъ и Ступакъ подтвердили и на очныхъ ставкахъ съ подсудимымъ Сочинскимъ: но послѣдній остался при прежнемъ своемъ показаніи.

Въ военномъ судѣ *Сочинскій*, подтверждая вполнѣ показаніе свое при слѣдствіи отобранное, объяснилъ, что онъ, находясь въ медико-хирургической академіи студентомъ, стремился единственно къ окончанію установленнаго тамъ курса наукъ и, выдержавъ въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ надлежащій экзаменъ, надѣялся по собственнымъ своимъ чувствамъ получить званіе аптекарскаго помощника; но когда вмѣсто такого ожиданія, узналъ объ исключеніи его изъ академіи аптекарскимъ ученикомъ въ военное вѣдомство и пришелъ чрезъ сіе къ отчаяніе и даже въ изступленіе, то, подозрѣвая въ такомъ неправильномъ распоряженіи ученаго секретаря Нечаева, всегда и во всемъ ему въ продолженіи пятилѣтняго его нахожденія въ академіи препятствовавшаго, показатель рѣшительно вознамѣрился чѣмъ бы то ни было отмстить ему за это и для того 10 сентября, принявъ болѣе двухъ унцій яду, пришелъ въ собраніе конференціи, и подошелъ прямо къ стулу Нечаева, замахнулся на него имѣвшимся у него, Сочинскаго, перочиннымъ ножомъ, безъ намѣренія впрочемъ лишить его жизни; когда же профессоръ Калинскій, удерживая его, Сочинскаго, схватилъ за руку, то онъ ранилъ Калинскаго тѣмъ же ножомъ, а потомъ и призванныхъ для удержанія его швейцара Сухомутова и унтеръ-офицера Токарева, но произносилъ ли показатель при семъ оскорбительныя выраженія или ругательства на секретаря Нечаева и инспектора Петрова, бывъ тогда въ отсутствіи разсудка, утвердительно сказать не можетъ.

Профессоръ Нечаевъ объяснилъ: что стараніе и успѣхи Сочинскаго были и въ первый годъ его пребыванія въ академіи не велики; такъ что по экзамену онъ аттестованъ изъ минералогіи 3-го, изъ физики 3-го, изъ зоологіи 4-го отдѣленія, какъ о томъ увѣриться можно изъ годичныхъ списковъ, хранимыхъ въ архивахъ конференціи. Сочинскій получилъ отъ показателя по экзамену 1834 года, а равно и по экзамену 1835 года по предмету физики третье отдѣленіе, а не четвертое, которое по сему вовсе не препятствовало, съ его стороны, перейти Сочинскому во 2-й классъ. Оставленъ же онъ въ первомъ классѣ въ 1834 году за слабые успѣхи по части зоологіи, преподаваемой профессоромъ Горяниновымъ, отъ котораго по экзамену получилъ онъ четвертое отдѣленіе, какъ то видѣть можно изъ годичныхъ спи-

сковъ за 1834 годъ, хранящихся въ архивѣ конференціи; тамъ же означено, что при переходѣ изъ 1-го класса во 2-й конференція опредѣлила наказать Сочинскаго арестомъ въ карцерѣ, за похищеніе вопроснаго билета при годичномъ экзаменѣ изъ физики. Съ аптекаремъ Бѣлозоромъ или съ кѣмъ либо изъ его семейства, показатель вовсе никогда не былъ знакомъ, даже не зналъ, есть ли гдѣ либо такой чиновникъ. Въ первый разъ увидѣлъ онъ Бѣлозора въ 1838 году въ августѣ мѣсяцѣ, когда онъ приходилъ къ показателю съ просьбою въ конференцію о принятіи сына его въ академію (это безъ сомнѣнія подтвердятъ Бѣлозоръ и его ближайшіе знакомые). Прошлаго 1837 года Сочинскій не явился въ настоящее время къ экзамену изъ химіи, предмета имъ, Нечаевымъ, во 2 классѣ преподаваемаго, какъ видно, изъ списковъ, не бывъ въ состояніи держать этого экзамена до сентября мѣсяца, хотя находился въ одномъ классѣ и слушалъ этотъ предметъ два года, а въ отсутствіи его, Нечаева, и безъ его участія, во время пребыванія его заграницею, былъ оставленъ еще на третій годъ во второмъ классѣ для выдержанія экзамена и въ сентябрѣ мѣсяцѣ перешелъ въ 3-й классъ. Это обстоятельство одно само по себѣ доказываетъ уже, какъ малоуспѣшно занимался Сочинскій науками имъ, Нечаевымъ, преподаваемыми, если бы годичные экзамены не производились преподающимъ профессоромъ въ присутствіи всѣхъ профессоровъ, назначаемыхъ быть, такъ сказать, контролерами при экзаменахъ. Успѣхи, оказанные Сочинскимъ въ наибольшей части предметовъ, заслужили отъ профессоровъ только третье отдѣленіе, а изъ предметовъ, въ которыхъ Сочинскій экзаменованъ имъ, Нечаевымъ, изъ химіи отмѣченъ 3, а изъ физики за неудовлетворительный отвѣтъ четвертымъ отдѣленіемъ, такъ что онъ получилъ отъ показателя одну только невыгодную отмѣтку, а не «отмѣтки», какъ въ его показаніи значится. Послѣдній экзаменъ былъ публичный и производился при другихъ профессорахъ и въ присутствіи министра внутреннихъ дѣлъ. Отвѣтъ Сочинскаго изъ физики былъ вовсе неудовлетворителенъ. Сужденіе его о своихъ товарищахъ несправедливо, какъ показываютъ годичные 1838 года списки. Относительно встрѣчи его съ Сочинскимъ 24 іюля поутру Нечаевъ, подтверждая вполнѣ донесеніе свое конференціи академіи, объяснилъ, что онъ издали увидѣлъ, что Сочинскій долго и при-

стально смотрѣлъ на дворъ къ нему сквозь щели, находящіяся около воротъ, и не слышалъ какъ онъ, Нечаевъ, подошелъ къ нему и позвонилъ. Показатель спросилъ Сочинскаго: «что это такое», но этотъ вопросъ относился къ дѣйствію, а не къ лицу Сочинскаго. Въ обѣихъ встрѣчахъ тонъ разговора Сочинскаго былъ весьма грубъ и дерзокъ; но входѣ Сочинскаго въ комнату показателя подъ именемъ чиновника, рѣчь Сочинскаго началась дерзкимъ восклицаніемъ, о которомъ говорено выше и продолжалась буйно. Показатель не приказывалъ деньщику вывести изъ комнаты Сочинскаго, хотя послѣдній тогда своимъ поведеніемъ очень заслужилъ это. Деньщикъ, видя буйство Сочинскаго, къ счастію его, Нечаева, самъ остался въ комнатѣ, а онъ только запретилъ ему выходить, когда Сочинскій высылалъ его, потомучто изъ свирѣпаго вида Сочинскаго, необузданности рѣчи, и того, что при всѣхъ порывахъ своихъ онъ не вынималъ ни на секунду правой руки своей изъ кармана сюртука, показатель внутренно убѣжденъ (хотя и не имѣетъ никакихъ на то доказательствъ, и самъ бы не повѣрилъ тому, прежде происшествія 10 сентября), что Сочинскій приходилъ къ нему съ тѣмъ же намѣреніемъ, какое хотѣлъ исполнить въ конференціи, и что только присутствіе деньщика, и наконецъ запертая имъ и разлучившая ихъ дверь, когда Сочинскій ближе подходилъ къ нему, опасли показателя отъ послѣдствій изступленія Сочинскаго. Что касается до третьей встрѣчи, которую онъ, Нечаевъ, имѣлъ съ Сочинскимъ на дворѣ академіи, а не у дверей конференціи, то справедливо только то, что когда Сочинскій просилъ извиненія въ своемъ поступкѣ, то показатель отвѣчалъ, что съ его стороны прощаетъ Сочинскому оскорбленіе, которое онъ причинилъ ему лично. Поэтому онъ, Нечаевъ, дѣйствительно объявилъ уже въ конференціи, что вовсе не требуетъ наказанія Сочинскаго, за оскорбленіе ему причиненное въ разговорѣ съ Сочинскимъ, и что съ своей стороны онъ прощаетъ эти оскорбленія, и даже не оставилъ въ конференціи письменнаго своего донесенія, которое онъ читалъ конференціи о поступкѣ Сочинскаго. Это донесеніе доставлено имъ въ конференцію уже впослѣдствіи времени, по приказанію президента. Показатель вовсе не говорилъ Сочинскому «будьте покойны», и о позволеніи писать къ нему не было рѣчи. Вся эта встрѣча происходила въ присут-

ствіи инспектора надъ воспитанниками академіи; показатель получилъ письмо на французскомъ языкѣ; незнакомый почеркъ заставилъ его взглянуть на подпись, и онъ увидѣлъ почеркъ Сочинскаго, и догадываясь, что оно содержитъ извиненія, онъ вовсе не читалъ его, такъ какъ уже невозможно было перемѣнить дѣла; поэтому ему до сихъ поръ неизвѣстно было просилъ ли его Сочинскій о позволеніи держать снова экзаменъ; впрочемъ это дозволеніе зависѣло не отъ него, Нечаева, а отъ конференціи.

Инспекторъ академіи *Петровъ* изложилъ, что Сочинскій, *прежде* еще сдѣланнаго о немъ профессоромъ Нечаевымъ конференціи донесенія, встрѣтивъ Нечаева, шедшаго вмѣстѣ съ показателемъ по двору академіи, просилъ у Нечаева съ живѣйшимъ раскаяніемъ въ своемъ проступкѣ прощенія, и Нечаевъ простивъ Сочинскаго, подтвердилъ только ему не являться къ нему лично; потомъ пришелъ Сочинскій къ показателю на квартиру и просилъ сказать ему о послѣдствіяхъ донесенія, сдѣланнаго объ немъ профессоромъ Нечаевымъ конференціи, и вмѣстѣ съ симъ объявилъ, что онъ намѣренъ писать къ Нечаеву, прося въ томъ совѣта его, Петрова. На это показатель отвѣчалъ Сочинскому, что онъ можетъ письменно испрашивать вновь у профессора Нечаева прощенія. Что же касается до постановленія, сдѣланнаго конференціею по донесенію профессора Нечаева объ исключеніи Сочинскаго изъ академіи, то показатель сего Сочинскому не объявлялъ. Сочинскій занесенъ въ черную книгу, единственно по случаю ссоры его съ Чайковскимъ. Кромѣ же сего случая Сочинскій ни въ какихъ поступкахъ, противныхъ нравственности, имъ, Петровымъ, никогда замѣченъ не былъ.

Противу вышеизложеннаго отзыва профессора Нечаева подсудимый *Сочинскій* показалъ, что какія именно дѣлались послѣ экзаменовъ въ годичныхъ спискахъ отмѣтки къ одобренію его или къ пониженію по наукамъ, ему совершенно неизвѣстно, былъ ли съ аптекаремъ Бѣлозоромъ знакомъ профессоръ Нечаевъ, онъ утвердить не можетъ; вопроснаго билета въ 1834 году онъ не похищалъ и за сіе арестованъ и посаженъ въ карцеръ не былъ; а въ 1837 году не являлся къ экзамену по случаю болѣзни и нахожденія въ академической больницѣ. Нынѣ въ собраніи конференціи, когда показатель подошелъ къ профессору Нечаеву, у него былъ перочинный ножъ въ лѣвомъ карманѣ мун-

дира; но прежде сего происшествія, приходилъ къ Нечаеву точно въ изступленіи своемъ для того, чтобы ему напомнить, что онъ имъ былъ несправедливо пониженъ въ наукахъ.

Засимъ конференція академіи, на запросъ коммисіи военнаго суда: какія имѣются доказательства о похищеніи подсудимымъ Сочинскимъ билета, содержанія его въ карцерѣ и бытности во время экзамена въ госпиталѣ, отозвалась: 1) что въ отношеніи похищенія Сочинскимъ вопроснаго билета на экзаменѣ 1838 года, профессоръ Нечаевъ донесъ, что при экзаменѣ Сочинскій взявъ, какъ должно, со стола билетъ, на который по порядку экзамена ему слѣдовало отвѣчать, пока профессоръ занимался слушаніемъ другаго студента, непримѣтно ушелъ, и измявъ билетъ, бросилъ на полъ; но одинъ изъ его товарищей нашелъ тотъ билетъ и представилъ тогда же профессору Нечаеву. Такъ какъ тогдашніе вопросные билеты профессора, писанные рукою одного изъ бывшихъ студентовъ, еще и нынѣ употребляются на экзаменахъ въ томъ видѣ, въ какомъ они тогда были, то профессоръ Нечаевъ представилъ часть ихъ въ подлинникѣ, и между ними измятый и брошенный (яко-бы) Сочинскимъ билетъ подъ № 58, на которомъ находился вопросъ о говорной и слуховой трубѣ; 2) что въ экзаменномъ спискѣ 1835 года означено противу имени Сочинскаго, рукою тогдашняго ученаго секретаря Чаруковскаго, рѣшеніе конференціи: «за обманъ карцеромъ». 3) Что о болѣзни Сочинскаго во время экзамена, профессору Нечаеву извѣстно не было, ибо онъ по случаю отправленія за границу дѣлалъ съ разрѣшенія конференціи экзаменъ свой ранѣе обыкновеннаго времени, и подалъ списокъ свой 4 іюня 1837, а донесеніе инспектора конференціи о болѣзни Сочинскаго подано было уже въ отсутствіе Нечаева изъ С.-Петербурга, но на экзаменномъ спискѣ о томъ не отмѣчено. 4) Что такъ какъ профессоръ Нечаевъ съ 5 іюня по 16 сентября того же года находился внѣ С.-Петербурга, то, объ оставленіи Сочинскаго до сентября мѣсяца во 2 классѣ, основывались на отмѣткѣ въ экзаменаціонномъ спискѣ, сдѣланной по рѣшенію конференціи, рукою исправлявшаго тогда должность ученаго секретаря Спасскаго. Къ сему конференція присовокупила, что успѣхи, оказанные студентами при годовыхъ экзаменахъ, производимыхъ предъ коммисіею, составленною изъ профессоровъ и

адъюнктовъ, разсматриваются въ полномъ собраніи конференціи, и переводы въ высшіе классы, или оставленіе или же исключеніе, рѣшаются всею конференціею, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, заслуживающихъ вниманія.—Причемъ препровождены были конференціею въ подлинникѣ упомянутые ею экзаменные списки и вопросные билеты.—Коммиссія военнаго суда, по разсмотрѣніи сихъ билетовъ, нашла ихъ совершенно сходными съ изложеннымъ отзывомъ конференціи и донесеніемъ профессора Нечаева въ оную поданнымъ и потому возвратила тѣ списки и билеты обратно въ конференцію.—Независимо отъ сего, по отношеніямъ коммисіи военнаго суда увѣдомили: 1) контора С.-петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя, что подсудимый Сочинскій по прибытіи 10 сентября въ госпиталь, на дѣлаемые ему вопросы дежурнымъ по госпиталю медикомъ и старшимъ докторомъ отвѣчалъ отъ слабости, хотя медленно, но совершенно здраво, и въ извергнутой рвотою желудочной смѣси по химическому изслѣдованію ничего ядовитаго не открыто и никакихъ припадковъ отравленія во все время пребыванія Сочинскаго въ госпиталѣ не обнаруживалось, кромѣ помянутой рвоты, происшедшей первоначально въ медико-хирургической академіи. Сочинскій на неоднократные вопросы старшаго доктора и ординатора, его пользующаго: не принялъ ли онъ чего-либо ядовитаго, всегда отвѣчалъ, что не принималъ ничего; если же Сочинскій и принялъ что-либо ядовитое, то должно полагать, что оное осталось въ первоначальномъ изверженіи, послѣдовавшемъ, какъ выше сказано, въ медико-хирургической академіи. 2) Конференція академіи (отъ 26 сентября), увѣдомила что профессоръ Каллинскій, швейцаръ Сухопутовъ и унтеръ-офицеръ Токаревъ уже совершенно выздоровѣли.

Послѣ сего *Сочинскій*, бывъ передопрошенъ, показалъ, что принятый имъ 10 сентября ядъ заключался точно изъ свинцоваго сахара, который онъ взялъ изъ аптеки красносельскаго военнаго госпиталя, при коемъ находился, въ числѣ прочихъ лекарствъ для собственнаго своего употребленія отъ боли въ ногахъ.

Генералъ-аудиторіатъ, сообразивъ обстоятельства дѣла сего, призналъ бывшаго студента Императорской С.-петербургской медико-хирургической академіи Сочинскаго, поступившаго въ службу изъ помѣщичьихъ крестьянъ, виновнымъ въ томъ, что онъ, сви-

тая профессора Нечаева виновникомъ исключенія его, Сочинскаго, изъ академіи, за буйственные поступки, вознамѣрился отмстить Нечаеву, и въ семъ преступномъ намѣреніи, принявъ двѣ унціи свинцоваго сахара, насильственнымъ образомъ вошелъ въ собраніе конференціи академіи и называя Нечаева варваромъ, замахнулся на него ножомъ, не причинивъ однако никакого ему вреда, такъ какъ онъ защитился стуломъ, а профессору Каллинскому и двоимъ нижнимъ чинамъ, удерживавшимъ его отъ столь злонамѣреннаго дѣйствія, нанесъ тѣмъ же ножомъ раны, произнося притомъ ругательныя слова на профессора Нечаева и инспектора Петрова. Посему генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго Сочинскаго за означенныя преступленія наказать шпицрутенами, прогнавъ чрезъ пятьсотъ человѣкъ три раза и лишивъ его медали за взятіе Варшавы и польскаго знака отличія за военныя достоинства 5 степени, исключить изъ военнаго званія и сослать въ Сибирь въ каторжную работу. Но не приводя его рѣшенія въ исполненіе, представить оное на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе.—Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата Собственноручно написать изволилъ: «исполнить по мнѣнію генералъ-аудиторіата, въ присутствіи всѣхъ студентовъ академіи, и вмѣсто Сибири отослать закованнымъ въ кронштадтскія арестантскія роты на 10 лѣтъ».

Изложенный процессъ какъ по мотивамъ, внушившимъ преступленіе, такъ и по той обстановкѣ, въ которой находился подсудимый,—представляетъ большое сходство съ дѣломъ колл. секретаря Протопопова, ударившаго своего начальника графа Коскуля *).

Въ настоящемъ дѣлѣ подсудимый—Сочинскій, поступившій изъ солдатъ въ медико-хирургическую академію, мечтаетъ только объ окончаніи въ ней курса, открывающаго для него новое поприще, на которомъ онъ можетъ оказать помощь своей престарѣлой и больной матери. Идея эта не выходитъ изъ его головы. Между тѣмъ, успѣхи его въ наукахъ не оказываются удовлетворительными; онъ узнаетъ, что онъ оставленъ въ 3 классѣ еще на одинъ

*) Дѣло это въ 1867 г. разрѣшено было при участіи присяжныхъ засѣдателей с.-петерб. окружнымъ судомъ и кончилось оправданіемъ подсудимаго.

годъ. Будучи пораженъ этимъ несчастіемъ, онъ начинаетъ предаваться различнымъ догадкамъ: воображаетъ, что проф. Нечаевъ имѣетъ къ нему вражду (что оказалось вовсе несправедливымъ) по знакомству съ другимъ аптекаремъ, будто бы нерасположеннымъ къ нему, Сочинскому. Онъ рѣшается идти къ Нечаеву для личныхъ объясненій; во время этихъ объясненій вмѣсто того, чтобы просить о снисхожденіи и о дозволеніи вторично держать экзаменъ, онъ ведетъ себя дерзко и буйно. Будучи исключенъ за это изъ академіи, онъ врывается въ конференцію академіи съ перочиннымъ ножомъ, бросается на проф. Нечаева, а когда послѣдній защитился отъ нападенія стуломъ, то Сочинскій въ порывѣ раздраженія и изступленія ранилъ ножомъ желавшаго удержать его профессора Калинскаго и двухъ нижнихъ чиновъ (aberratio delicti).

По дѣлу Протопопова мы видимъ почти тоже самое: подсудимый, канцелярскій чиновникъ, содержащій своими трудами двухъ сестеръ, будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ по своимъ способностямъ и трудолюбію можетъ и долженъ занять штатное мѣсто, составляетъ изъ служебнаго повышенія цѣль своей жизни Мѣсто помощника столоначальника уже было ему обѣщано какъ вдругъ онъ узналъ, что оно отдано другому. Къ сему присоединяется новое обстоятельство—объ анонимномъ письмѣ, писанномъ его начальнику, директору департамента графу Сиверсу, выставляющемъ Протопопова въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Онъ идетъ для личныхъ объясненій къ вице-директору департамента графу Коскулю, котораго онъ считаетъ, не имѣя къ тому ни малѣйшихъ основаній, авторомъ этого письма, и во время свиданія, предавшись изступленію, наноситъ ему ударъ.

О лѣсничемъ Рейнманѣ, застрѣлившемъ изъ пистолета гофмейстера князя Гагарина.

Иванъ Рейнманъ, уроженецъ г. Кексгольма, сынъ мастероваго *), поступилъ лѣсничимъ въ принадлежащія вѣдомству кабинета Его Величества сартолахтинскіе лѣса въ 1830 году, по най-

*) Цѣховаго парикмахера, какъ объ этомъ показалъ самъ подсудимый, ибо документа о семъ при дѣлѣ нѣтъ.

му бывшаго арендатора сартолахтинскаго имѣнія. Въ 1839 году онъ получилъ къ 200 рублямъ ассигнованнаго ему жалованья прибавки по 100 р. ассигнаціями въ годъ, а въ 1840 году между нимъ и бывшимъ главнымъ смотрителемъ лѣсовъ Алопеусомъ впослѣдствіи умершимъ, возникли несогласія. Рейнманъ доносилъ о разныхъ злоупотребленіяхъ Алопеуса, а послѣдній о нетрезвомъ поведеніи Рейнмана, грубости и нерадѣніи къ должности, и наконецъ о сумасшествіи его. По произведенному изслѣдованію, доносы Рейнмана оказались справедливыми вслѣдствіе чего, по журналу кабинета, опредѣлено взыскать съ арендатора имѣнія, на основаніи заключеннаго съ нимъ контракта, за противузаконную порубку лѣса и дровъ 1830 руб. серебромъ; главный смотритель лѣсовъ, Алопеусъ, подлежавшій суду, прежде рѣшенія того дѣла умеръ. Что же касается до сумасшествія Рейнмана, то онъ для испытанія отправленъ былъ въ госпиталь, но въ немъ никакого помѣшательства ума не замѣчено.

Во время производства слѣдствія, пріостановлена была выдача Рейнману жалованья за январьскую и майскую трети 1841 года, но въ октябрѣ того же года удержанное жалованье ему возвращено.—Въ тоже время онъ просилъ объ отпускѣ ему квартирныхъ денегъ, но кабинетъ въ отпускѣ ему сихъ денегъ отказалъ, на томъ основаніи, что въ сартолахтинскомъ имѣніи выстроены для лѣсничихъ двѣ избы.—Сверхъ сего между Алопеусомъ и Рейнманомъ, обвинявшими другъ друга въ пьянствѣ и ругательствѣ дѣло, заведено было въ судѣ, но дѣло это, по журналу 4-го мая 1842 года, за смертію Алопеуса и по увѣдомленію короннаго ландсмана, что Рейнманъ помѣшанъ въ умѣ и отосланъ къ своимъ родственникамъ, прекращено. Рейнманъ высланъ былъ къ брату своему и проживалъ у него съ апрѣля по 21 мая; но братъ, не замѣчая въ немъ никакихъ болѣзненныхъ припадковъ, отослалъ его обратно въ сартолахтинское имѣніе.

Въ іюнѣ 1842 года Рейнманъ, отлучившись самовольно отъ мѣста своего, пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ—и (какъ въ показаніи своемъ объясняетъ), лично жаловался вице-президенту кабинета, гофмейстеру князю Гагарину на стѣсненное свое положеніе въ отношеніи квартиры, потому что въ выстроенныхъ въ сартолахтинскомъ имѣніи двухъ избахъ жить по тѣснотѣ совершенно невозможно, и потому просилъ или объ отводѣ ему квар-

тиры, или о прибавкѣ жалованья; но князь Гагаринъ, не сдѣлавъ ему удовлетворенія, отправилъ его къ своему мѣсту.

17-го іюля главный смотритель сертолахтинскихъ лѣсовъ *Вестерлундъ* донесъ кабинету, что лѣсничій Рейнманъ, оказывая ему ослушаніе, не хочетъ смотрѣть за порученнымъ ему участкомъ лѣса и 7-го іюля самовольно отлучился. Посему Вестерлундъ просилъ уволить Рейнмана отъ должности лѣсничаго, какъ ненадежнаго по нетрезвому поведенію, и потому что онъ признанъ судомъ сумасшедшимъ. Между тѣмъ Рейнманъ прибылъ въ С.-Петербургъ и подалъ 21 іюля въ кабинетъ прошеніе, въ коемъ объясняя, что въ отведенныхъ для квартированія лѣсничихъ двухъ избахъ по тѣснотѣ жить невозможно безъ потери здоровья,—просилъ: уволить его отъ должности лѣсничаго, и о выдачѣ ему въ уваженіе 12-ти лѣтней службы, единовременнаго пособія. Въ тоже время Рейнманъ подалъ особое просительное письмо на имя князя Гагарина, объ опредѣленіи его въ другое какое либо мѣсто. По симъ прошеніямъ Рейнмана, какъ изъ увѣдомленія кабинета видно, удовлетворенія сдѣлано еще не было, но уже составленъ проектъ резолюціи, чтобы Рейнмана, согласно желанію его и представленію главнаго смотрителя лѣсовъ, уволить отъ должности лѣсничаго и въ награду усердія за охраненіе лѣсовъ отъ непозволительныхъ порубокъ, выдать ему сверхъ причитавшагося по 1-е мая жалованья, 150 р. ассигнаціями.

25 іюля Рейнманъ прибылъ въ кабинетъ и при выходѣ изъ онаго князя Гагарина въ три часа по полудни, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, отъ чего князь Гагаринъ въ тоже время упалъ и умеръ. Рейнманъ тутъ же былъ схваченъ, и у него оказался другой заряженный пистолетъ, который (какъ Рейнманъ тогда же объявилъ), имѣлъ для того, чтобы повторить выстрѣлъ въ князя Гагарина, если бы не успѣлъ застрѣлить его первымъ выстрѣломъ.

По освидѣтельствованіи тѣла князя Гагарина, найдена у него на верхней части шеи, нѣсколько правѣе средины оной, круглая рана съ неровными и внутрь вдавшимися краями, въ діаметрѣ около дюйма, проницающая во внутрь влѣво и вверхъ около двухъ съ половиною дюймовъ, составляющая входъ выстрѣла безъ выхода. По тщательному изслѣдованію, ощупана внутри засѣвшая кучею дробь, изъ коей одна дробина вынута и отправ-

лейа въ полицію для храненія. — Медики заключили, что судя по направленію и длинѣ раны, нѣтъ почти сомнѣнія, что она, повредивъ боковыя кости верхнихъ шейныхъ позвонковъ и затылочную кость черепа, проникла во внутрь головной полости и повредила вещество мозга и въ особенности мозжечка, и что слѣдовательно рана эта была безусловно смертельна.

При допросѣ въ полиціи, *Рейнманъ*, сознаваясь въ убійствѣ князя Гагарина, показалъ, что онъ хотя исполнялъ обязанность свою со всѣмъ тщаніемъ и усердіемъ, но за всѣмъ тѣмъ въ продолженіи всего времени служенія подвергался безпрестаннымъ незаслуженнымъ гоненіямъ и взысканіямъ со стороны какъ покойнаго главнаго смотрителя лѣсовъ Алопеуса, такъ и нынѣ исправляющаго должность сію коронкаго фохта Вестерлунда, дѣйствіями коихъ наконецъ лишенъ былъ не только квартиры, но даже и всякаго крова, ибо всѣ крестьяне его гнали, отзываясь приказаніемъ начальства. Въ прошломъ году удерживали у него за двѣ трети жалованья 200 рублей, яко бы за упущенія по службѣ, что совершенно несправедливо; это жалованье онъ едва едва могъ получить по усиленнымъ просьбамъ. О квартирѣ же и лишеніи всякаго крова онъ безпрестанно жаловался главнымъ смотрителямъ, но не получалъ ни малѣйшаго удовлетворенія; посему онъ обращался съ письменною жалобою двукратно въ кабинетъ Его Величества на имя вице-президента гофмейстера князя Гагарина, но какъ не видѣлъ ни малѣйшаго съ его стороны распоряженія, то въ іюнѣ сего года самовольно отлучался изъ выборгской губерніи, пріѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ лично являлся къ князю Гагарину и, изъясняя стѣсненность своего положенія, просилъ войти въ его положеніе и если нѣтъ возможности снабдить квартирою, то усилить сколь можно жалованье, иначе онъ, Рейнманъ, не имѣлъ никакихъ средствъ служить и даже существовать, ибо все время посвящая службѣ, онъ ничего не могъ одѣлать въ свою пользу. — Князь Гагаринъ сказавъ, что Рейнманъ достаточно получаетъ жалованья, велѣлъ ему отправиться къ мѣсту служенія, для чего и снабдилъ его билетомъ на проѣздъ отъ 10 іюня. Отправившись туда, онъ, Рейнманъ, ожидалъ, что можетъ быть на прошенія его послѣдуетъ рѣшеніе, но какъ ожиданія его были напрасны, а положеніе его между тѣмъ за сдѣланнымъ расходомъ на безполезную поѣздку еще

болѣе разстроилось, то онъ вновь рѣшился отправиться въ С.-Петербургъ, о чемъ и объявилъ Веотерлунду и получилъ въ отвѣтъ, чтобы ожидалъ разрѣшенія кабинета, куда онъ хотѣлъ сдѣлать о томъ представленіе; но Рейнманъ дожидаться того не сталъ, а самовольно вновь отлучился, и какъ у него денегъ было только 14 р. ассигн., полученныя отъ одного помѣщика, имени коего не помнитъ, за убитаго медвѣдя,—то онъ, Рейнманъ, заложилъ свой фракъ за 25 руб. ассигнац. и съ этими деньгами прибылъ въ Петербургъ. 23 іюля показатель явился въ кабинетъ и лично подалъ вновь прошеніе самому вице-президенту князю Гагарину, который узнавъ его, спросилъ: «ты опять здѣсь? Что тебѣ надо?»—Онъ, Рейнманъ, отвѣчалъ, что какъ на жалобы и просьбы его не послѣдовало никакого удовлетворенія, то онъ продолжать службу не можетъ, а проситъ увольненія съ удовлетвореніемъ его всѣмъ по возможности.—Князь отвѣтилъ: хорошо, ты будешь уволенъ—онъ, Рейнманъ, прождалъ 24 и 25 день и рѣшился сдѣлать окончаніе своему искательству. Для сего, купивъ въ толкучемъ рынкѣ у неизвѣстнаго торговца пару пистолетовъ, зарядилъ ихъ взятою съ собою изъ Выборга *дробью* и порохомъ и насадилъ пистоны. Такимъ образомъ изготовивъ пистолеты, спряталъ одинъ въ боковой карманъ панталонъ, а другой въ задній карманъ сюртука въ томъ намѣреніи, что ежели еще станутъ его увѣрять, что еще не готово и откладывать до другаго дня, то убить кн. Гагарина; другой же пистолетъ онъ имѣлъ въ запасѣ съ тѣмъ, что ежели осѣчется и измѣнитъ, то другимъ исполнить намѣреніе, задуманное уже давно, о чемъ онъ предупреждалъ и въ прежнихъ своихъ прошеніяхъ на имя кабинета, говоря, что ежели не пресѣкутся надъ нимъ гоненія и притѣсненія, то рѣшился сдѣлать вредъ себѣ и другимъ, кто будетъ виновникомъ его томленія. Онъ не знаетъ, почему не обратили на это вниманія, но это намѣреніе было у него всегда въ головѣ; наученъ къ тому онъ никѣмъ не былъ и никто о намѣреніи его не зналъ и ему не содѣйствовалъ. Въ этомъ твердомъ и обдуманномъ намѣреніи показатель, прибывъ 25 числа въ кабинетъ, выжидалъ въ пріемной выхода князя Гагарина, и какъ только онъ въ исходѣ третьяго часа вышелъ, то показатель вновь ему напомнилъ о себѣ, прося хоть выдать жалованье. Князь сказалъ: «получишь все», и самъ пошелъ. Онъ, Рейнманъ, видя, что

и того числа не было рѣшенія, вышелъ изъ себя и вынувъ изъ сюртука пистолетъ, выстрѣлилъ онымъ князю въ затылокъ и князь тутъ же упалъ мертвый.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ происшествіи, Высочайше повелѣть соизволилъ: лѣсничаго Рейнмана судить въ 24 часа военнымъ судомъ съ тѣмъ, чтобы военно-судное надъ нимъ дѣло, по окончаніи въ означенный срокъ, представлено было на рѣшеніе къ Его Величеству 28 числа установленнымъ порядкомъ чрезъ генералъ-аудиторіатъ.

Въ военномъ судѣ подсудимый *Рейнманъ* подтвердилъ во всей точности сдѣланное имъ въ полиціи сознаніе, объяснивъ притомъ, что въ С.-Петербургъ прибылъ 20 іюля, а 21-го подалъ въ кабинетъ прошеніе лично князю Гагарину, чрезъ нѣсколько времени чиновникъ ему объявилъ, чтобы пришелъ 22; по приходѣ 22-го ему чиновникъ же отсрочилъ до 24-го; 23-го онъ пошелъ на рынокъ и купилъ пистолеты, съ тѣмъ чтобы убить князя Гагарина, если будетъ отказано въ прошеніи. 24 числа, зарядивъ пистолеты и положивъ въ карманы, пошелъ въ кабинетъ, но не привелъ намѣренія своего въ исполненіе, потому-что князь лично объявилъ ему, что онъ, Рейнманъ, получитъ разрѣшеніе, однакожъ не сказалъ когда. 25 числа въ субботу онъ пришелъ въ кабинетъ съ тѣми же пистолетами—и ему сказали чтобы онъ пришелъ въ слѣдующій понедѣльникъ. Не удовольствовавшись симъ отвѣтомъ, онъ дождался князя Гагарина въ передней комнатѣ, а когда князь вышелъ изъ присутствія, то онъ, Рейнманъ, напомнилъ ему о прошеніи; но князь велѣлъ придти въ другое время. Видя такую медленность и почувствовавъ сильную обиду, показатель вынулъ изъ кармана одинъ пистолетъ и выстрѣливъ въ князя Гагарина, убилъ его. Къ сему подсудимый присовокупилъ, что онъ хотя во время служенія лѣсничимъ въ нѣкоторое время бывалъ въ хмѣльномъ видѣ, но единственно отъ досады и нападокъ бывшаго главнаго смотрителя лѣсовъ Алопеуса, но грубостей ему никакихъ не дѣлалъ, нерадѣнія по службѣ не оказывалъ и въ сумасшествіи никогда не былъ и нынѣ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ, почему же признавали его сумасшедшимъ, ему неизвѣстно.

Военно-судная коммисія требовала, чтобы подсудимый освидѣтельствованъ былъ въ умственныхъ способностяхъ въ физи-

*

[illegible]. Въ [illegible] подсудимый [illegible] былъ [illegible] присутствіи исправляющаго должность [illegible] губернатора и другихъ лицъ, но никакихъ [illegible] [illegible] ума въ немъ не замѣчено.

Генералъ-аудиторіатъ, по [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] подсудимаго Рейнмана [illegible] въ [illegible], что [illegible], [illegible] въ службѣ по найму [illegible] въ [illegible] [illegible] и вѣдѣніи кабинета Его [illegible] [illegible], [illegible] причинъ стѣсненіемъ сдѣланный ему [illegible] въ [illegible] [illegible] ныхъ денегъ, на которыя онъ не имѣлъ [illegible], [illegible] что и лѣсничихъ въ томъ вѣдѣніи [illegible] [illegible] [illegible], — [illegible] мѣлъ намѣреніе, какъ самъ сознался, [illegible] [illegible] [illegible] въ настоящемъ іюлѣ мѣсяцѣ, не [illegible] [illegible] въ вторичной просьбѣ своей въ кабинетъ, [illegible] [illegible] противъ смотрителя лѣсовъ и самовольно [illegible] [illegible] своего мѣста, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и подалъ 21-го числа сего мѣсяца прошеніе въ кабинетъ объ увольненіи [illegible] службы, через два дня по подачѣ просьбы, не получивъ [illegible] рѣшился убить вице-президента кабинета [illegible] князя Гагарина. Въ семъ намѣреніи, пришедши 25-го числа въ кабинетъ съ заряженными двумя пистолетами, скрытыми въ [illegible], и встрѣтивъ князя Гагарина по выходѣ его [illegible] [illegible] въ передней комнатѣ, просилъ о разрѣшеніи прошенія, а когда князь Гагаринъ велѣлъ явиться ему чрезъ день, онъ, Рейнманъ, вынувъ одинъ пистолетъ изъ кармана, выстрѣлилъ ему въ шею близъ затылка, отъ чего князь Гагаринъ въ то же время упалъ и умеръ. Во всемъ этомъ подсудимый Рейнманъ при допросахъ въ полиціи и въ военномъ судѣ самъ сознался. По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ, признавая преступленіе подсудимаго по важности своей заслуживающимъ строжайшаго наказанія, полагалъ: наказать его, Рейнмана, въ примѣръ и страхъ другимъ шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ шесть разъ и, по лишеніи всѣхъ правъ [illegible] [illegible] [illegible] въ каторжную работу.

Заключеніе сіе повергнуть на [illegible] [illegible] го Величества благоусмотрѣніе.

Это мнѣніе генералъ-аудиторіа[illegible] [illegible] ждено 20 іюля 1842 года.

О подпоручикѣ Правиковѣ зарѣзавшемъ генеральмай-ора Казачковскаго.

Подпоручикъ Правиковъ въ 1845 году неоднократно жаловался на генералъ-майора Казачковскаго, считая себя обиженнымъ неправильнымъ его распоряженіемъ по дѣлу о причиненіи ему, Правикову, мингрельскаго полка поручиками Бухаревымъ и Орловымъ и унтеръ-офицеромъ изъ вольноопредѣляющихся Петровымъ оскорбленія тѣмъ, что Бухаревъ и Орловъ, вступясь за Петрова, котораго онъ, Правиковъ, въ апрѣлѣ 1845 года выслалъ за неприличіе изъ общества, собравшагося въ балаганѣ, требовали, чтобы Правиковъ стрѣлялся съ Петровымъ, а когда онъ, Правиковъ, отказался отъ сей дуели, Орловъ вызвался самъ имѣть съ Правиковымъ дуель, какъ бы за собственную обиду, но на условленное мѣсто не явился, а Бухаревъ, послѣ встрѣтивъ его тамъ, снова требовалъ, чтобы Правиковъ стрѣлялся съ Петровымъ, и какъ онъ, Правиковъ, при этомъ случаѣ также отказался отъ столь неравной по званію противниковъ дуели, то Петровъ ударилъ его по лицу рукою.—По донесенію о семъ Правикова, тогда же была учреждена командиромъ полка Казачковскимъ слѣдственная коммисія, но потомъ закрыта вслѣдствіе рапорта самого Правикова, отказавшагося отъ иска.

Впослѣдствіи подпоручикъ Правиковъ принесъ жалобу на Казачковскаго, что онъ склонилъ его оставить означенный искъ, обѣщаясь наказать унтеръ-офицера Петрова розгами, но не выполнилъ сего, а онъ, Правиковъ, оставленный товарищами и обманутый начальникомъ, подвергся еще преслѣдованію Казачковскаго за то, что требовалъ наказанія Петрова.—Въ августѣ мѣсяцѣ 1845 года, бывшій помощникъ начальника главнаго штаба генералъ-майоръ Норденстамъ, получивъ отъ Правикова первую по сему предмету жалобу, посылалъ полковника Рота для узнанія на мѣстѣ [illegible] оной; полковникъ Ротъ донесъ, что ссора между [illegible] и офицерами произошла отъ запальчивости его, что [illegible] поводъ къ письменнымъ надъ собою [illegible] своимъ [illegible] дурнаго поведенія, что наказать его [illegible] Петрова наказать не дозволилъ, и что [illegible] на Петрова за такъ же [illegible] [illegible] предписанію генералъ-майора Нор-

цать. Въ физикатѣ подсудимый освидѣтельствованъ былъ въ присутствіи исправляющаго должность гражданскаго губернатора и другихъ лицъ, но никакихъ признаковъ помѣшательства ума въ немъ не замѣчено.

Генералъ-аудиторіатъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, нашелъ подсудимаго Рейнмана виновнымъ въ томъ, что онъ, состоя на службѣ по найму лѣсничимъ въ сартолахтинскомъ имѣніи въ вѣдѣніи кабинета Его Императорскаго Величества, и считая крайнимъ стѣсненіемъ сдѣланный ему отказъ въ отпускѣ квартирныхъ денегъ, на которыя онъ не имѣлъ права, потому что для лѣсничихъ въ томъ имѣніи построены двѣ особыя избы,—возымѣлъ намѣреніе, какъ самъ сознался, убить за это кого-либо, и въ настоящемъ іюлѣ мѣсяцѣ, не получивъ удовлетворенія по вторичной просьбѣ своей въ кабинетѣ, оказалъ ослушаніе противъ смотрителя лѣсовъ и самовольно отлучившись отъ своего мѣста, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и подалъ 21-го числа сего мѣсяца прошеніе въ кабинетъ объ увольненіи отъ службы, а черезъ два дня по подачѣ просьбы, не получивъ разрѣшенія, рѣшился убить вице-президента кабинета гофмейстера князя Гагарина. Въ семъ намѣреніи, пришедши 25-го числа въ кабинетъ, съ заряженными двумя пистолетами, скрытыми въ карманахъ, и встрѣтивъ князя Гагарина по выходѣ его изъ присутствія въ передней комнатѣ, просилъ о разрѣшеніи прошенія, а когда князь Гагаринъ велѣлъ явиться ему чрезъ день, онъ, Рейнманъ, вынувъ одинъ пистолетъ изъ кармана, выстрѣлилъ ему въ шею близь затылка, отъ чего князь Гагаринъ въ то же время упалъ и умеръ. Во всемъ этомъ подсудимый Рейнманъ при допросахъ въ полиціи и въ военномъ судѣ самъ сознался. По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ, признавая преступленіе подсудимаго по важности своей заслуживающимъ строжайшаго наказанія, полагалъ: наказать его, Рейнмана, въ примѣръ и страхъ другимъ шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ шесть разъ и, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь въ каторжную работу.

Заключеніе сіе повергнуть на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

Это мнѣніе генералъ-аудиторіата было Высочайше утверждено 20 іюля 1842 года.

О подпоручикѣ Правиковѣ зарѣзавшемъ генералъмай-ора Казачковскаго.

Подпоручикъ Правиковъ въ 1845 году неоднократно жаловался на генералъ-майора Казачковскаго, считая себя обиженнымъ неправильнымъ его распоряженіемъ по дѣлу о причиненіи ему, Правикову, мингрельскаго полка поручиками Бухаревымъ и Орловымъ и унтеръ-офицеромъ изъ вольноопредѣляющихся Петровымъ оскорбленія тѣмъ, что Бухаревъ и Орловъ, вступясь за Петрова, котораго онъ, Правиковъ, въ апрѣлѣ 1845 года выслалъ за неприличіе изъ общества, собравшагося въ балаганѣ, требовали, чтобы Правиковъ стрѣлялся съ Петровымъ, а когда онъ, Правиковъ, отказался отъ сей дуели, Орловъ вызвался самъ имѣть съ Правиковымъ дуель, какъ бы за собственную обиду, но на условленное мѣсто не явился, а Бухаревъ, послѣ встрѣтивъ его тамъ, снова требовалъ, чтобы Правиковъ стрѣлялся съ Петровымъ, и какъ онъ, Правиковъ, при этомъ случаѣ также отказался отъ столь неравной по званію противниковъ дуели, то Петровъ ударилъ его по лицу рукою.—По донесенію о семъ Правикова, тогда же была учреждена командиромъ полка Казачковскимъ слѣдственная коммисія, но потомъ закрыта вслѣдствіе рапорта самого Правикова, отказавшагося отъ иска.

Впослѣдствіи подпоручикъ Правиковъ принесъ жалобу на Казачковскаго, что онъ склонилъ его оставить означенный искъ, обѣщаясь наказать унтеръ-офицера Петрова розгами, но не выполнилъ сего, а онъ, Правиковъ, осмѣянный товарищами и обманутый начальникомъ, подвергся еще преслѣдованію Казачковскаго за то, что требовалъ наказанія Петрова.—Въ августѣ мѣсяцѣ 1845 года, бывшій помощникъ начальника главнаго штаба генералъ майоръ Нордстамъ, получивъ отъ Правикова первую по сему предмету жалобу, посылалъ полковника Рота для узнанія на мѣстѣ о справедливости оной; полковникъ Ротъ донесъ, что ссора между Правиковымъ и офицерами произошла отъ заносчивости его, что онъ подалъ поводъ къ насмѣшкамъ надъ собою короткимъ своимъ сношеніемъ съ женщинами дурнаго поведенія, что извѣтъ его о поступкѣ унтеръ-офицера Петрова ничѣмъ не доказанъ, и что Правиковъ имѣлъ негодованіе на Петрова за тѣхъ же женщинъ. Вслѣдствіе сего Правиковъ, по предписанію генералъ-майора Нор-

дестама отправленъ тогда же на службу въ 3 батальонъ мингрельскаго полка, въ с. Джанъ-Ятагъ. По прибытіи туда, Правиковъ опять прислалъ жалобу къ генералъ-майору Нордестану, а потомъ и къ генералъ-адъютанту князю Воронцову, объясняя, что онъ оклеветанъ и просилъ защиты. Посему дѣло по жалобѣ Правикова было предоставлено разсмотрѣнію начальника 19 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Клюки-фонъ-Клугенау, а онъ разбирательство этого дѣла поручилъ бригадному командиру, и по полученному отъ него донесенію, нашелъ, что Правиковъ фамиліарнымъ обращеніемъ съ унтеръ-офицеромъ Петровымъ самъ былъ причиною того, что сей позволилъ себѣ забыться противъ него, а потому генералъ-лейтенантъ Клугенау опредѣлилъ: Правикова арестовать на двѣ недѣли съ содержаніемъ на гауптвахтѣ за принесеніе жалобъ мимо ближайшаго начальства и прикомандировать къ апшеронскому полку, а Петрова выдержать на хлѣбѣ и водѣ двѣ недѣли и употребить на службу за рядоваго три мѣсяца.

Послѣ того, при проѣздѣ изъ с. Джанъ-Ятага въ кр. Темиръ-Ханъ-Шуру, Правиковъ самовольно прибылъ 22 января 1846 года въ Тифлисъ, и получивъ билетъ изъ корпуснаго штаба на 6 дней, подалъ лично князю Воронцову жалобу одинаковаго съ прежними содержанія. Князь Воронцовъ, считая дѣло это конченнымъ, не счелъ нужнымъ возобновлять онаго, и только сдѣлалъ распоряженіе о прикомандированіи Правикова, вмѣсто апшеронскаго, къ пѣхотному князя варшавскаго графа Паскевича эриванскаго полку.

Между тѣмъ, Правиковъ, перемѣнивъ квартиру, проживалъ въ Тифлисѣ до 12 марта безъ вѣдома ордонансъ-гауза, а когда ордонансъ-гаусъ, открывъ его пребываніе, началъ понуждать его къ выѣзду, онъ явился въ корпусный штабъ и получилъ отъ дежурнаго штабъ офицера полковника Петрова (впослѣдствіи умершаго), билетъ на 14 дней, а 23 числа того мѣсяца подалъ тифлисскому командиру рапортъ о болѣзни, и какъ по освидѣтельствованіи дѣйствительно найденъ больнымъ, то и былъ отправленъ 27 марта въ тифлисскій военный госпиталь. Здѣсь онъ пробылъ до 31 мая, а по выпискѣ изъ госпиталя, подалъ рапортъ дежурному штабъ-офицеру полковнику Вагнеру объ отпускѣ его въ полковую штабъ квартиру мингрельскаго полка, въ урочище Бѣлый-Ключъ, для по-

лученія за последнюю треть жалованья, взятія остальныхъ тамъ вещей своихъ и для разсчетовъ.

Правиковъ выѣхалъ изъ Тифлиса 15 іюня, а 19 числа, находясь въ урочищѣ Бѣломъ-Ключѣ, приходилъ два раза къ генералъ-майору Казачковскому, который былъ назначенъ по арміи, проживалъ еще въ томъ урочищѣ; но въ первый разъ утромъ Правиковъ не засталъ его въ квартирѣ, а въ другой разъ былъ принятъ имъ, сказалъ, что пришелъ откланяться ему по случаю отъѣзда своего, причемъ Казачковскій пригласилъ его къ обѣду. Послѣ обѣда, когда обѣдавшіе съ нимъ два офицера и унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся ушли, Правиковъ, оставшись наединѣ съ Казачковскимъ, нанесъ ему кинжаломъ въ животъ рану, и выбѣжавъ изъ комнаты, прибѣжалъ къ командиру полка полковнику Грекулову и объявилъ ему о своемъ преступленіи.—Полковникъ Грекуловъ приказалъ отвести Правикова на гауптвахту прибѣжавшему туда вслѣдъ за нимъ, по произшедшей тревогѣ, подпоручику Бутенкѣ, при ординарцѣ и вѣстовомъ; но Правиковъ, по выходѣ со двора, бросился бѣжать къ квартирѣ бригаднаго командира генералъ-майора Круммеса, однакоже стоявшими у воротъ людьми былъ остановленъ и отведенъ на гауптвахту. Тутъ Правиковъ тотчасъ пошелъ въ отхожее мѣсто и бросилъ бывшій у него кинжалъ, который на другой день найденъ тамъ дежурнымъ по карауламъ. Кинжалъ этотъ оказался длиною въ четверть аршина и былъ окровавленъ съ конца на полтора вершка. Нанесенная генералъ-майору Казачковскому рана, по медицинскому освидѣтельствованію, оказалась безусловно смертельною, и Казачковскій 21 того же іюня, т. е. чрезъ день послѣ происшествія, отъ этой раны умеръ.

Обѣдавшіе у Казачковскаго въ тотъ день поручикъ *Тимофѣевъ* и подпоручикъ *Бутенко* объяснили, что Казачковскій, принявъ Правикова, разговаривалъ съ нимъ, какъ и гдѣ лучше ему ѣхать къ мѣсту назначенія, потомъ пригласилъ его обѣдать, предлагалъ ему пить вино, но Правиковъ отказался, впрочемъ участвовалъ въ общихъ разговорахъ. Послѣ обѣда, пригласивъ всѣхъ ихъ въ пріемную, генералъ-майоръ Казачковскій также продолжалъ съ ними разговоръ о постороннихъ предметахъ, и выкуривъ трубку, пошелъ въ кабинетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тимофѣевъ и Бутенко вышли изъ квартиры Казачковскаго, а Правиковъ остался, и чрезъ

три минуты послѣ того произошла тревога по случаю нанесенія Правиковымъ Казачковскому раны. Въ это время не было въ комнатѣ, гдѣ случилось происшествіе, и прислуги: бывшій у Казачковскаго казенный деньщикъ, убравши со стола, находился на крыльцѣ и вошелъ въ комнату, услышавъ уже крикъ и стонъ раненаго.—Генералъ-майоръ *Казачковскій* въ тотъ же день, какъ былъ раненъ, въ здравомъ разсудкѣ, въ присутствіи генералъ-майора Круммеса, полковника Грекулова и другихъ офицеровъ, объявилъ, что между нимъ и Правиковымъ никакого разговора, который бы клонился къ огорченію его, не было; Правиковъ, оставшись съ нимъ и прощаясь, высказывалъ, что потерялъ много по службѣ въ мингрельскомъ полку по непріятнымъ исторіямъ, и онъ, Казачковскій, сдѣлалъ ему наставленіе избѣгать впредь подобныхъ случаевъ. При этомъ Правиковъ спрашивалъ его, Казачковскаго, о письмѣ, отправленномъ къ матери его, на которое онъ не получалъ ни денегъ ни отвѣта, а между тѣмъ, какъ онъ, Казачковскій, намѣреваясь пройтись по комнатѣ, повернулся, и сдѣлавъ два шага, обратился къ Правикову, онъ нанесъ ему рану въ животъ кинжаломъ.

Подсудимый *Правиковъ* при слѣдствіи и предъ военнымъ судомъ отозвался, что онъ преступнаго умысла противъ Казачковскаго и намѣренія мстить ему не имѣлъ, даже не желалъ и видѣться съ нимъ, и не видался бы, если бъ бывъ въ полковой канцеляріи, не увидѣлъ въ перепискѣ о долгахъ своихъ письма своего къ матери, которое писано имъ еще въ 1845 году и которое Казачковскій, взявъ у него для отправленія при своемъ письмѣ, не отправилъ. Желая взять это письмо, онъ, Правиковъ, пошелъ къ Казачковскому, и послѣ обѣда, когда вышли отъ него другіе, просилъ Казачковскаго отдать это письмо; но Казачковскій пустился въ назидательныя разсужденія и въ обидныхъ выраженіяхъ началъ говорить о дѣлѣ оскорбленія чести его, Правикова, которое вмѣстѣ съ клеветою и неправосудіемъ мучило его цѣлый годъ, чему виною и самъ Казачковскій. А какъ онъ, Правиковъ, столь долгимъ страданіемъ былъ вовлеченъ въ пагубную болѣзнь сильнаго раздраженія, и при малѣйшемъ, а тѣмъ болѣе рѣзкомъ воспоминаніи о столь ужасно мучившемъ его оскорбленіи, дѣлался у него сильный приливъ къ головѣ и сердцу, и тогда выходя изъ себя, былъ онъ въ какомъ то непонятномъ, удушающемъ и бе-

зумномъ состояніи, то силою этой болѣзни былъ доведенъ до безумнаго исступленія, не помнитъ онаго рѣшительно; но что и ежели нанесъ рану Казачковскому, котораго слова жгли душу, мутили разсудокъ, заставляли забыть долгъ, честь, родныхъ и довели до бѣшенства. Такимъ образомъ онъ, Правиковъ, сдѣлалъ преступленіе невольно и безъ размышленія въ минуту, которой не предвидѣлъ. Кинжалъ купилъ онъ въ Тифлисѣ по выпискѣ изъ госпиталя, и пріѣхавъ на Бѣлый-Ключъ, носилъ его всегда съ собою въ рукавѣ сюртука или мундира, для того, чтобы грозою его удерживать колкости и насмѣшки, какими могли бы осыпать его недоброжелатели его, которыхъ могъ онъ встрѣтить вездѣ, даже и у Казачковскаго, и потому въ бытность у него имѣлъ въ лѣвомъ рукавѣ мундира. По совершеніи преступленія, при отводѣ его, Правикова, на гауптвахту изъ квартиры полковаго командира полковника Грекулова, по выходѣ оттуда, не понималъ онъ, Правиковъ ни того, что дѣлалъ, ни того, что его препровождали подъ арестъ; къ квартирѣ же бригаднаго командира бѣжалъ, вѣроятно съ тѣмъ же намѣреніемъ, съ какимъ былъ у полковника Грекулова, ибо другаго умысла, особенно злаго, не имѣлъ. Сверхъ того Правиковъ, поставляя виною преступленія его произшедшую отъ годоваго страданія его болѣзнь, объяснилъ, что онъ пользовался отъ этой болѣзни безполезно около полутора мѣсяца въ тифлисскомъ военномъ госпиталѣ.—Вслѣдствіе сего былъ вытребованъ скорбный его билетъ, изъ коего видно, что Правиковъ поступилъ въ госпиталь съ болью груди, произшедшею отъ простуды и сопровождавшеюся какъ біеніемъ сердца, такъ и другими припадками, и выписанъ изъ госпиталя по желанію его несовершенно излѣчившись.

Въ памятной книжкѣ подсудимаго, найденной въ бумагахъ его, самимъ имъ записано, что онъ еще 13 ноября 1845 г., намѣревался нанести побои генералъ-майору Казачковскому, когда онъ ходилъ одинъ вечеромъ въ лазаретъ, но удержался отъ сего, потому что дѣлать это нападеніе на дорогѣ безъ свидѣтелей, счелъ съ своей стороны неблагороднымъ. Въ другой запискѣ Правиковъ выражалъ намѣреніе на самоубійство, что подтвердилъ онъ и при допросѣ въ военномъ судѣ, относя это къ послѣдствіямъ нанесеннаго ему оскорбленія и неудовлетворенія иска его. Предъ отъѣздомъ же изъ Тифлиса, 14 іюня, Правиковъ поручилъ отстав-

ному капитану Брусевичу отправить чрезъ почту докладную записку на имя военнаго министра и всеподданнѣйшую жалобу; но Брусевичъ отсылать ихъ до совершенія Правиковымъ преступленія не успѣлъ. — Во всеподданнѣйшей жалобѣ и въ докладной запискѣ Правиковъ писалъ въ общихъ выраженіяхъ о причиненныхъ ему оскорбленіяхъ и притѣсненіяхъ, жаловался, что начальство всѣ просьбы и жалобы его по сему предмету оставляло безъ удовлетворенія, и просилъ защиты себѣ и наказанія нарушителямъ закона, прилагая притомъ въ копіяхъ всю бывшую у него по сему предмету переписку.

Государь Императоръ, по полученіи перваго донесенія о причиненіи Правиковымъ генералъ-майору Казачковскому раны, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ обратилъ особенное вниманіе, какимъ образомъ этотъ офицеръ оставался въ Тифлисѣ, и бывъ уже замѣченъ въ неблагонадежности и злобѣ къ бывшему своему полковому командиру, не былъ отправленъ въ новый свой полкъ съ жандармомъ или подъ надзоромъ какого либо офицера.

Вслѣдствіе сего князь Воронцовъ доставилъ выписку изъ дѣла по жалобамъ Правикова, въ коей излагалъ то, что было первоначальнымъ поводомъ къ злобѣ его противъ полковаго командира и къ удаленію Правикова изъ полка, и по какому случаю проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тифлисѣ, онъ получилъ дозволеніе съѣздить въ штабъ квартиру мингрельскаго полка. Въ этой запискѣ объяснено также, что дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Вагнеръ, разрѣшившій Правикову за отсутствіемъ начальника главнаго штаба, бывшаго съ княземъ Воронцовымъ во Владикавказѣ, отправиться въ штабъ мингрельскаго полка на 4 дня, по недавнему вступленію въ исправленіе этой должности, не зналъ ни офиціально, ни партикулярно о настоящей причинѣ удаленія Правикова изъ полка, ни о претензіяхъ его на генералъ-майора Казачковскаго. Притомъ князь Воронцовъ сообщилъ, что дѣло по жалобѣ Правикова началось во время отсутствія его, князя Воронцова, изъ Тифлиса, а когда сдѣлалось ему извѣстно, то онъ нашелъ его изслѣдованнымъ и по донесенію лицъ, оное разсматривавшихъ, домогательства Правикова ничѣмъ не были доказаны. Хотя же теперь и трудно угадать, считать ли жалобы Правикова извѣтами и ложью, внушенными злобою, или голосомъ

оскорбленной чести; но при всемъ томъ онъ, князь Воронцовъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы дѣло это было пересмотрѣно и, въ случаѣ надобности, переслѣдовано на мѣстѣ со всею строгостію.

Генералъ-аудиторіатъ, сообразивъ изложенныя обстоятельства, нашелъ, что Правиковъ, считая себя обиженнымъ отъ бывшаго полковаго командира генералъ-майора Казачковскаго тѣмъ, что Казачковскій не сдѣлалъ ему должнаго удовлетворенія по жалобѣ его на поручиковъ Орлова и Бухарева и унтеръ-офицера изъ вольноопредѣляющихся Петрова (изъ коихъ первые двое, какъ Правиковъ доносилъ, настаивали, чтобы онъ стрѣлялся съ унтеръ-офицеромъ Петровымъ, а послѣдній за то, что Правиковъ отказался выдти съ нимъ на дуэль, ударилъ его по лицу), жаловался о томъ на Казачковскаго и лично къ нему имѣлъ неудовольствіе, намѣреваясь въ ноябрѣ 1845 года, какъ видно изъ найденной у него, Правикова, памятной книжки, нанести ему безчестіе побоями, а наконецъ въ іюнѣ сего года, при откомандированіи Правикова изъ мингрельскаго полка въ пѣхотный князя варшавскаго графа Паскевича эриванскаго полкъ, Правиковъ, находясь самовольно въ Тифлисѣ, выпросилъ дозволеніе съѣздить въ полковую квартиру мингрельскаго полка, и въ бытность тамъ, пришедши къ генералъ-майору Казачковскому подъ предлогомъ прощанія при отъѣздѣ, нанесъ ему, оставшись съ нимъ наединѣ, кинжаломъ въ животъ смертельную рану. Хотя же Правиковъ отзывается, что онъ ранилъ кинжаломъ Казачковскаго безъ предварительнаго умысла въ минуту безумнаго изступленія, въ которое былъ ввергнутъ словами Казачковскаго, напоминавшаго ему въ обидныхъ выраженіяхъ о дѣлѣ оскорбленія чести его, Правикова, но это объясненіе его не заслуживаетъ вѣроятія потому, что онъ явился тогда къ Казачковскому съ злымъ намѣреніемъ, имѣя у себя кинжалъ, скрытый въ рукавѣ мундира. Какъ за поднятіе руки или оружія противъ начальника по полевымъ уголовнымъ законамъ опредѣлена смертная казнь, то генералъ-аудиторіатъ полагалъ: Правикова разстрѣлять. Вмѣстѣ съ тѣмъ сей аудиторіатъ нашелъ: 1) что по первому донесенію Правикова о нанесенномъ ему оскорбленіи хотя было по распоряженію генералъ-майора Казачковскаго начато изслѣдованіе, но прекращено по рапорту самого Правикова, согласившагося оставить свой искъ, тогда какъ оскорбленіе, заключавшееся, по донесенію Правикова, въ причиненіи ему унтеръ-

офицеромъ удара по лицу, составляло не личную обиду Правикову, а нарушеніе воинской субординаціи, которое на основаніи свода военныхъ постановленій части 5, книги 2, ст. 41, не могло быть оставлено безъ должнаго изслѣдованія, хотя бы желалъ того самъ Правиковъ и оставилъ свой искъ. Съ соблюденіемъ сего законнаго порядка, тогда же была бы открыта истина, и Правиковъ не имѣлъ бы причинъ быть недовольнымъ распоряженіемъ Казачковскаго. 2) Въ штабѣ кавказскаго корпуса по жалобамъ Правикова сдѣлано распоряженіе несогласно съ установленнымъ порядкомъ: ибо сперва бывшій помощникъ начальника главнаго штаба генералъ-маіоръ Нордестенъ, признавъ жалобу Правикова неосновательною по донесенію полковника Рота, который былъ посланъ имъ на мѣсто для узнанія, справедлива ли была оная, сдѣлалъ распоряженіе только объ отправленіи Правикова изъ полковаго штаба въ 3 баталіонъ того полка; тогда какъ должно было дѣло истребовать и разсмотрѣть установленнымъ порядкомъ; потомъ, по вторичной жалобѣ, разсмотрѣніе того дѣла предоставлено было дивизіонному начальнику, а послѣдній съ своей стороны поручилъ разсмотрѣніе того дѣла бригадному командиру, и основалъ рѣшеніе свое на донесеніи его. 3) Послѣ того Правиковъ, бывъ, по рѣшенію дивизіоннаго начальника, обвиненъ въ принесеніи жалобъ мимо своего начальства, наказанъ за это арестомъ и командированъ въ апшеронскій пѣхотный полкъ, при проѣздѣ же въ оный въ январѣ сего года, самовольно прибылъ въ Тифлисъ и тамъ не только былъ оставленъ безъ взысканія за эту самовольную отлучку, но еще получилъ изъ корпуснаго штаба билетъ на 6 дней для пребыванія въ томъ городѣ. По истеченіи же сего срока, Правиковъ проживалъ тамъ до полутора мѣсяца скрытно, и послѣ того, какъ былъ отысканъ, не только оставленъ также безъ взысканія, но опять получилъ дозволеніе остаться тамъ на 14 дней. Въ это время онъ заболѣлъ, а по выздоровленіи еще проживалъ въ Тифлисѣ по дозволенію штаба полмѣсяца, и наконецъ отпущенъ въ штабъ мингрельскаго полка, гдѣ и совершилъ смертоубійство. — Какъ виновныхъ во всѣхъ означенныхъ упущеніяхъ и безпорядкахъ въ доставленной отъ главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ запискѣ по сему предмету не объяснено и по дѣлу не видно, кромѣ того, что бывшій дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Петровъ, выдавшій

Правикову билетъ на прожитіе въ Тифлисѣ послѣ закрытаго его тамъ проживанія, умеръ, а полковникъ Вигнеръ, дозволившій Правикову отправиться въ полковую квартиру Мингрельскаго полка, по недавнему вступленію въ исправленіе должности дежурнаго штабъ-офицера, какъ въ запискѣ князя Воронцова упоминается, совершенно не зналъ о настоящей причинѣ удаленія Правикова изъ того полка и о претензіяхъ его на генералъ-маіора Казачковскаго, то аудиторіатъ полагалъ: о всѣхъ сихъ упущеніяхъ и безпорядкахъ сообщить генералъ-адъютанту князю Воронцову съ тѣмъ, чтобы открывъ въ томъ виновныхъ, подвергнулъ ихъ строгому по законамъ взысканію. Что же касается до дѣла по жалобамъ подсудимаго Правикова о нанесенномъ ему оскорбленіи и о вызовѣ его на дуэль, то главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ уже сдѣлалъ распоряженіе о пересмотрѣ того дѣла и, въ случаѣ надобности, о переслѣдованіи онаго на мѣстѣ со всею строгостію.

На подлинномъ извлеченіи аудиторіатскаго департамента послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: «Нахожу какъ приговоръ, такъ и заключеніе аудиторіата совершенно правильными; но такъ какъ князь Воронцовъ, самъ своею властію не исполнилъ приговора, то опредѣляю: прочитавъ утвержденную конфирмацію предъ фронтомъ, снявъ съ подсудимаго мундиръ, переломивъ надъ главой саблю и исполнивъ надъ нимъ весь обрядъ смертной казни, объявить потомъ, что Я замѣнилъ смертную казнь на вѣчную каторгу; почему тутъ же заковавъ его, отправить въ Сибирь въ рудники. 16 августа».

Дѣло о рядовомъ Яковѣ Швичко, зарѣзавшемъ трехлѣтнюю дѣвочку.

Рядовой Швичка 10 іюля 1850 года, сдѣлалъ изъ роты самовольную отлучку, а на другой день въ полуверстѣ отъ селенія Міасскаго, въ которомъ была его квартира, встрѣтивъ въ лѣсу четырехъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, собиравшихъ ягоды, одной изъ нихъ, 3-хъ лѣтней дочери мастера міасскаго горнаго завода урядника Артемова, — Натальѣ нанесъ бывшимъ

при немъ ножемъ, взятымъ при отлучкѣ у хозяина своей квартиры; рану на шеѣ длиною въ $2^1/_2$ вершка, а шириною въ указательный палецъ съ перерѣзомъ хряща дыхательнаго горла, отъ чего дѣвочка сія на мѣстѣ же и умерла. Послѣ этого Швичка, придя на огородъ къ караулившему оный рядовому Коршунову, сознался предъ нимъ въ своемъ преступленіи, отдалъ ему ножъ и просилъ о представленіи его связаннымъ къ начальству, что Коршуновъ и исполнилъ.—При осмотрѣ въ міасской заводской полиціи рядоваго Швичка, на одеждѣ его и на бывшемъ при немъ ножѣ оказались кровавыя пятна.—На вопросы при слѣдствіи и въ военномъ судѣ, рядовой *Швичка* объяснилъ, что онъ отлучился изъ роты отъ нежеланія продолжать военной службы, съ намѣреніемъ учинить побѣгъ и повидаться съ своими родственниками, проживающими въ томской губерніи, и потому отправился въ златоустовскій заводъ, а по выходѣ оттуда переночевавъ въ лѣсу, возвратился къ міасскому заводу, и встрѣтя въ полуверстѣ отъ селенія четырехъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, шедшихъ по дорогѣ домой, схватилъ меньшую изъ нихъ, и бывшимъ при немъ ножемъ, взятымъ изъ своей квартиры на случай надобности, зарѣзалъ эту дѣвочку; потомъ обтеръ оказавшуюся на ножѣ кровь, пришелъ къ рѣчкѣ и смылъ бывшую на шинели кровь, хотѣлъ бѣжать и куда либо скрыться; но придя тогда же въ раскаяніе, явился къ находившемуся на ротномъ огородѣ рядовому Коршунову, и сознавшись предъ нимъ въ зарѣзаніи дѣвочки, отдалъ ему и упомянутый ножикъ; а Коршуновъ, связавъ ему руки, представилъ его въ сборную казарму. На преступленіе это онъ рѣшился безъ всякой побудительной причины, единственно по глупости для усиленія своей вины.

Бывшіе въ лѣсу вмѣстѣ съ дѣвочкою Натальею: сестра ея 8-ми и двѣ подруги, имѣющія каждая по 9 лѣтъ отъ роду, при спросѣ ихъ объяснили, что во время собиранія ими въ лѣсу ягодъ, подошелъ къ нимъ солдатъ и началъ что-то говорить съ Натальею, на что однако же онѣ съ начала не обратили вниманія; но когда услышали, что Наталья захрапѣла (захарчала), то взглянувъ на нее, увидѣли, что солдатъ, прижавъ ее къ себѣ, рѣзалъ ножемъ по горлу; почему онѣ закричали, а солдатъ тотъ

бросился за ними; но какъ онѣ побѣжали отъ него, то онъ опять возвратился къ Натальѣ.

Свидѣтельствовавшій подсудимаго Швичка, *старшій* врачъ златоустовскихъ заводовъ удостовѣрилъ, что въ немъ не оказалось никакихъ признаковъ, доказывающихъ болѣзненное состояніе ума. Самъ подсудимый Швичка объяснилъ, что онъ помѣшательства разсудка въ себѣ никогда не чувствовалъ, а ротный командиръ отозвался, что Швичка, во время нахожденія въ ротѣ, никакъ въ состояніи умопомѣшательства не замѣченъ.

Генералъ-аудиторіатъ, по разсмотрѣніи сихъ обстоятельствъ, опредѣлилъ: подсудимаго за самовольную отлучку съ намѣреніемъ бѣжать изъ службы и заразаніе трехлѣтней дочери мастера міасскаго горнаго завода урядника Артемова, съ цѣлію, какъ самъ сознался, усугубить свою вину, наказать шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ три раза, и на основаніи 1925 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ.

О рядовомъ Иванѣ Ягодкинѣ, сужденномъ за убійство семилѣтняго мальчика.

Рядовой Ягодкинъ за четыре побѣга и другія преступленія былъ неоднократно наказанъ палками и шпицрутенами, а 22-го апрѣля 1842 года, смѣнясь съ караула изъ поневѣжскаго тюремнаго замка, вновь отлучился самовольно изъ казармы, съ намѣреніемъ (какъ онъ самъ объяснилъ), сдѣлать уголовное преступленіе, чтобы избавиться отъ службы. Продавъ съ себя казенную рубаху, онъ часть денегъ употребилъ на вино, потомъ найдя на улицѣ въ м. Николаевѣ, отдѣляющемся одною рѣкою отъ г. Поневѣжа, семилѣтняго мальчика и отведя его въ сторону отъ жилыхъ строеній, лишилъ его жизни, нанеся ножомъ по горлу и другимъ частямъ шеи раны.—Подсудимый *Ягодкинъ* при слѣдствіи и въ военномъ судѣ показалъ, что онъ, желая избавиться отъ военной службы, придумывалъ разныя средства, наконецъ рѣшился сдѣлать уголовное преступленіе, чтобы быть сосланнымъ въ Сибирь и потому 22 апрѣля, по прибытіи съ

караула въ казарму, взялъ ножъ и, накинувъ на плечи шинель, отлучился самовольно отъ команды, съ тѣмъ чтобы перваго попавшагося ему человѣка умертвить. Съ этою цѣлію отправился онъ въ мѣстечко Николаевъ, и снявъ съ себя послѣднюю рубаху, продалъ тамошнему жителю Ивану Бѣляеву за 15 коп. сер. и выпивъ на эти деньги для смѣлости водки, сталъ звать къ себѣ попавшуюся ему по выходѣ изъ корчмы дѣвку Агафью Ковалевскую для того, чтобы умертвить ее; но дѣвка эта убѣжала отъ него прочь. Потомъ онъ съ тѣмъ же намѣреніемъ хотѣлъ заманить къ себѣ бѣжавшую по улицѣ 9-ти лѣтнюю дѣвочку Паулину Гроховскую, но не успѣвъ и надъ ней совершить злодѣянія, бросился, въ изступленіи разсудка, къ рѣкѣ Невѣжѣ, на берегу коей найдя возлѣ дома мальчика Далецкаго, сталъ показывать ему изъ рукъ деньги и такимъ образомъ, подозвавъ къ себѣ, отвелъ его за руку на 250 шаговъ отъ жилыхъ строеній, подъ гору къ нѣмецкому кладбищу, гдѣ вонзилъ ему въ горло ножъ, и поваливъ лицомъ на землю, искололъ ему всю шею; потомъ, прикрывши мертвое тѣло соромъ, возвратился въ корчму и выпилъ въ оной кварту водки. Но когда онъ опять возвратился къ тѣлу убитаго, чтобы зарыть его, то на мѣстѣ преступленія былъ схваченъ.

По медицинскомъ освидѣтельствованіи тѣла мальчика оказалось: на шеѣ спереди на самой гортани рана, въ полдюйма шириною и проницающая даже самую гортань; таковыя же раны и той же величины найдены: двѣ съ правой стороны шеи, съ поврежденіемъ мышецъ и кровяныхъ сосудовъ, и одна надъ самымъ спиннымъ столбомъ, съ поврежденіемъ костей; на лѣвомъ вискѣ найдена трехугольная синева, величиною въ дюймъ. Всѣ означенныя раны, какъ заключилъ медикъ, нанесены ножомъ и отъ каждой изъ нихъ могла воспослѣдовать смерть. При осмотрѣ же на другой день убійства самаго подсудимаго Ягодкина, въ присутствіи упитскаго земскаго суда, у него оказалась на рукахъ и воротникѣ шинели съ правой стороны кровь.

Спрошенные по обстоятельствамъ этого дѣла отозвались: житель мѣстечка Николаева Иванъ *Бѣляевъ*,—что 22 апрѣля неизвѣстный солдатъ, прибывъ къ нему въ домъ, предложилъ ку-

пить у него рубаху, за которую просилъ рубль ассигнаціями, но онъ, Бѣляевъ, давалъ только 15 коп. сер., на что солдатъ и согласился и получивъ деньги, оправился неизвѣстно куда *). 9-ти лѣтняя дѣвушка Паулина *Груховская*,—что 22 апрѣля, при возвращеніи ея послѣ прогулки домой, она встрѣтилась съ какимъ-то солдатомъ, который, показывая ей изъ рукъ деньги, просилъ идти за нимъ и обѣщалъ отдать ей тѣ деньги, но она не согласилась и ушла тогда же домой. Однодворка Агафья *Ковалевская* (23 лѣтъ)—что 22 апрѣля, идя около корчмы, она услышала за собою голосъ и, оглянувшись, замѣтила знакомаго солдата, который зазывалъ ее въ корчму на водку, но она не согласилась и пошла далѣе. Житель мѣстечка Николаева Іосифъ *Шеваліеръ*,—что 22-го апрѣля вечеромъ, когда онъ возвращался съ женою своею домой, то недалеко отъ нѣмецкаго кладбища отстала отъ него собака и стала ужасно выть и лаять на одномъ мѣстѣ; посему онъ, Шеваліеръ, тотчасъ побѣжалъ къ ней и замѣтивъ что то бѣлое, хотѣлъ поднять, но нашелъ ноги мертваго мальчика и потомъ самое тѣло. Испугавшись такой находки, онъ, Шеваліеръ, и жена его тотчасъ закричали. Между тѣмъ, оглянувшись въ сторону, онъ, Шеваліеръ, увидѣлъ въ 10 шагахъ отъ мертваго какого-то солдата, который, имѣя на рукахъ и воротникѣ свѣжую кровь, на спросъ его о содѣянномъ преступленіи, тотчасъ сознался въ смертоубійствѣ. Посему онъ, Шеваліеръ, и прибѣжавшія на крикъ его двѣ женщины, взяли его и представили убійцу къ поневѣжскому тысяцкому. Это показаніе Шеваліера подтвердили: жена его и прибѣжавшія на крикъ его двѣ женщины. *Нижніе чины* упитской инвалидной команды, жившіе въ одной казармѣ съ подсудимымъ, всего 7 человѣкъ, подъ присягою объяснили, что Ягодкинъ поведенія былъ непохвальнаго, предавался пьянству и лѣнности, но притѣсненія ему никакого не дѣлано; жалованьемъ и прочимъ онъ всегда былъ удовлетворяемъ сполна. Что было поводомъ къ совершенію имъ преступленія, они не знаютъ; задумчивости же осо-

---

*) О поступкѣ Бѣляева въ отношеніи покупки имъ у подсудимаго рубахи, командиръ виленскаго гарнизоннаго баталіона сообщилъ на разсмотрѣніе тамошняго губернскаго правленія.

бенной за нимъ не замѣчали, ибо онъ всегда былъ мрачный, не имѣлъ никакихъ чувствъ дружбы и ничего честнаго *).

По медицинскому освидѣтельствованію оказалось, что подсудимый Ягодкинъ тѣлосложенія слабаго, чрезвычайно тощій и потому строгаго тѣлеснаго наказанія перенести не можетъ и къ тяжкой крѣпостной работѣ не способенъ, слѣпъ на лѣвой глазъ.

Генералъ-аудиторіатъ по изложеннымъ обстоятельствамъ нашелъ подсудимаго рядоваго Ягодкина виновнымъ въ томъ, что онъ 22-го апрѣля отлучился самовольно изъ казармы въ г. Поневѣжъ, имѣя при себѣ ножъ для того, чтобы перваго попавшагося ему человѣка умертвить, и чрезъ это преступленіе избавясь отъ военной службы, быть сосланнымъ въ Сибирь. Въ семъ намѣреніи пришедъ въ м. Николаевъ, отдѣляющееся отъ Поневѣжа только рѣкою, и снявъ съ себя рубаху, продалъ оную за 15 коп. сереб. и выпилъ для смѣлости вина; по выходѣ же изъ корчмы подзывалъ къ себѣ дѣвку Ковалевскую, чтобы умертвить ее, но она отъ него удалилась; потомъ хотѣлъ заманить бѣжавшую по улицѣ 9-ти лѣтнюю дѣвочку Гроховскую, но не успѣвъ и надъ нею совершить злодѣянія, бросился къ рѣкѣ Невяжѣ, на берегу коей, найдя возлѣ дома семилѣтняго мальчика Далецкаго, обольстилъ показанными ему деньгами, отвелъ его на 250 шаговъ отъ селенія къ нѣмецкому кладбищу, гдѣ и лишилъ его жизни, вонзивъ ему въ горло ножъ и нанеся нѣсколько ранъ въ шею; подсудимый въ то же время на мѣстѣ преступленія пойманъ. Изъ показаній нижнихъ чиновъ упитской инвалидной команды видно, что Ягодкинъ поведенія былъ непохвальнаго, предавался пьянству, лѣнивъ, не имѣлъ никакихъ чувствъ дружбы и ничего честнаго. Генералъ-аудиторіатъ пола-

*) Подсудимый рядовой Ягодкинъ (40 лѣтъ, изъ мѣщанъ города Тулы), во время сраженія съ польскими мятежниками былъ раненъ ружейною пулею въ лѣвой глазъ, съ поврежденіемъ онаго. Въ штрафахъ находился: въ 1828 году за кражу у своихъ товарищей, намѣреніе учинить побѣгъ и жалобу на своего капральнаго унтеръ-офицера, наказанъ палками 100 ударами. Въ 1832 году за первый побѣгъ наказанъ палками 200 ударами; за второй, третій и четвертый побѣги наказанъ въ 1832, 1835 и 1837 годахъ шпицрутенами чрезъ пятьсотъ человѣкъ по одному разу. Сверхъ того изъ выписки штрафнаго журнала видно, что онъ, Ягодкинъ, во время бытности его на службѣ въ упитской инвалидной командѣ съ 1839 года, былъ три раза наказываемъ розгами за кратковременныя отлучки и пьянство.

галъ: подсудимаго рядоваго Ягодкина, за означенное злодѣяніе, совершенное имъ съ тою единственно цѣлію, чтобы избѣжать военной службы и быть сосланнымъ въ Сибирь, наказать шпицрутенами, прогнавъ въ примѣръ другимъ чрезъ тысячу человѣкъ пять разъ, и хотя подлежалъ бы онъ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу, но дабы не дать ему повода мыслить, что онъ чрезъ преступленіе сіе достигъ своего желанія, то по выключкѣ его изъ воинскаго званія, отослать вмѣсто каторги въ особое отдѣленіе, учрежденное въ Омскѣ для подобныхъ преступниковъ при исправительной ротѣ сибирскаго линейнаго № 4 баталіона, для употребленія въ работу согласно положенію о томъ отдѣленіи. На приведеніе въ исполненію полагаемой мѣры наказанія подсудимому Ягодкину и на отправленіе его въ упомянутое отдѣленіе, генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ въ 14 день сентября 1842 г. Высочайше повелѣть соизволилъ: исполнить по заключенію генералъ-аудиторіата.

Дѣло о убійствѣ подпоручицы Варвары Петровой.

Проживавшая въ г. Полоцкѣ въ собственномъ домѣ вдова подпоручица Петрова въ концѣ 1856 г. собиралась ѣхать въ невельскій уѣздъ къ зятю своему священнику Шлиповскому, и поэтому просила вдову Синкевичеву надсматривать за ея домомъ; чрезъ нѣсколько времени послѣ того служившая у Петровой крестьянка Екатерина Руткевичева отнесла Синкевичевой одолженный ею Петровой утюгъ, и объявила, что барыня ея уѣхала.—Послѣ этого домъ Петровой былъ видѣнъ проходившими запертымъ; но въ началѣ января 1857 г. жена чиновника Юлія Круповская, проходя около дома Петровой, замѣтила въ немъ отворенныя двери и отворенные отъ нѣкоторыхъ ставень болты, о чемъ 7 января, будучи у дворянки Градской, разсказывала чиновницѣ Томилиной, которая на другой день объявила объ этомъ Синкевичевой и вмѣстѣ съ нею, а также еврейкою Ривкою Кайдановою и служащимъ у

Томилиной крестьяниномъ Грибаненкомъ, отправилась осмотрѣть домъ Петровой.

Найдя двери во всѣхъ комнатахъ, кромѣ одной задней, отворенными и полагая, что въ запертой комнатѣ находятся вещи Петровой, о сохраненіи которыхъ она заботилась,—лица, пришедшія осмотрѣть домъ, отворили дверь ключомъ, вынутымъ изъ другой двери, и вошедши въ комнату, въ которой отъ закрытаго ставнею окна было темно, послали крестьянина Грибаненка открыть ставню, а когда онъ это исполнилъ, изъ нихъ Синкевичева, замѣтивъ кровать прикрытою тулупомъ, подошла, приподняла тулупъ и увидѣла подъ онымъ мертвое тѣло Петровой; съ испуга она закричала и выбѣжала на дворъ, а за нею послѣдовали Томилина и еврейка Кайданова. Объ этомъ происшествіи мужъ Томилиной Станиславъ того же числа донесъ полоцкому городничему.

По произведенному 11 января судебно-медицинскому осмотру оказалось, что Петрова умерла отъ апоплексіи мозга, происшедшей вслѣдствіе затрудненной циркуляціи крови, произведенной задушеніемъ горла. Осмотръ этотъ и заключеніе о причинѣ смерти Петровой признаны витебскою врачебною управою правильными и основательными.—Засимъ полоцкая городская полиція дѣлала розыски къ отысканію служившей у покойной Петровой горничной Екатерины Руткевичевой и оказалось, что Руткевичева въ день Спаса прибыла въ Полоцкъ изъ Витебска и поступила на службу къ штабсъ-капитану Дорожинскому, а отъ него въ исходѣ того года перешла къ покойной Петровой, но куда отъ нея отправилась-неизвѣстно.—Штабсъ-капитанъ *Дорожинскій* объяснилъ, что Руткевичева находилась у него въ услуженіи съ 9 августа 1856 г., но когда онъ перешелъ на казенную квартиру въ корпусъ 1 сентября того года, и Руткевичева не представила по обѣщанію своему никакого вида на свободное проживаніе, то онъ въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ отказалъ ей отъ мѣста.—Зять покойной Петровой, священникъ невельскаго уѣзда *Шлиповскій* при объявленіи 21 января представилъ реестръ вещамъ, похищеннымъ при смертоубійствѣ Петровой. Объ отысканіи вещей посланы были городническимъ правленіемъ сообщенія въ окрестныя полиціи, въ томъ числѣ и въ витебскую городскую полицію.

Между тѣмъ въ г. Витебскѣ полицейскій унтеръ офицеръ 1 части Новиковъ, розыскивая по данному ему порученію Екатерину Руткевичеву, 11 февраля отыскалъ ее у шляпочницы Яблонской и доставилъ въ часть. Вслѣдствіе сего два раза былъ сдѣланъ обыскъ у отца подсудимой Акима Осипова, служившаго въ витебской почтовой станціи ямщикомъ, и у матери ея Феодоры Викентьевой, находящейся въ услуженіи у дворянъ Тарногурскихъ, но у перваго ничего не найдено, а у послѣдней найдено значительное число вещей, такихъ, какія показаны въ сообщенномъ полоцкимъ городническимъ правленіемъ спискѣ о похищенномъ имуществѣ покойной Петровой. Сверхъ того дворянинъ Онуфрій Тарногурскій при донесеніи 12 февраля представилъ купленный женою его у Руткевичевой малоношенный, покрытый атласомъ, лисій салопъ, который, по словамъ Руткевичевой, пріобрѣтенъ ею въ г. Полоцкѣ за деньги, заслуженныя отъ полковницы Базилевской.

Екатерина Руткевичева на допросѣ въ 1 части г. Витебска 14 февраля показала, что она крѣпостная помѣщицы Ивашкевичевой, была отдана въ услуженіе зятю, чиновнику, служащему въ г. Динабургѣ Шалыгину, съ вѣдома котораго проживала въ г. Витебскѣ у дворянъ Тарногурскихъ, откуда лѣтомъ 1856 г. послѣ праздника Св. Петра бѣжала въ г. Полоцкъ, гдѣ безъ письменнаго вида занималась службою у полковницы Базилевской, офицера Дорожинскаго и не болѣе двухъ дней у помѣщицы Одинцовой, отъ которой опять возвратилась въ Витебскъ къ своимъ родителямъ; у подпоручицы же Петровой никогда не служила и ея вовсе не знаетъ; вещи, найденныя у матери ея, въ томъ числѣ проданный Тарногурскимъ лисій салопъ, частію пріобрѣтены ею въ лавкахъ и у разныхъ лицъ на деньги, полученныя отъ Базилевской за службу, частію же подарены ей Базилевскою, Дорожинскими и другими.—Дворянка Елеонора Тарногурская на запросъ полиціи объяснила, что она дѣйствительно купила у Руткевичевой лисій салопъ за 40 р. по увѣренію ея, что таковый пріобрѣтенъ ею за деньги, заслуженныя у полковницы Базилевской; зная Руткевичеву съ хорошей стороны, она нисколько не подозрѣвала, чтобы салопъ былъ краденый.—На вторичномъ допросѣ 15 февраля Руткевичева созналась, что она была въ услуженіи у Петровой и однажды въ воскресенье предъ филиппо-

вымъ заговеньемъ, когда Петрова возвратившись отъ вечерни, стучала въ дверь, въ то время она, Рутке вичева, спала, а когда наконецъ услыхавъ стукъ отворила, то Петрова начала ее ругать и ударила полѣномъ по плечамъ; тогда она, Руткевичева, прискочивши, ударила Петрову кулакомъ въ грудь такъ, что она на томъ же мѣстѣ упала на полъ и чрезъ полчаса кончила жизнь; испугавшись этого, она, Руткевичева, затащила мертвую въ спальню и положила на кровать, накрывъ простымъ тулупомъ; а во вторникъ утромъ, забравъ найденныя у нея вещи, наняла еврея и прибыла въ Витебскъ, гдѣ объявила матери, что вещи тѣ ею куплены; предъ выѣздомъ же изъ Полоцка продала какому то еврею самоваръ и серебряную столовую ложку при квартальномъ, но онъ не зналъ, какія это вещи.

Мать подсудимой Феодора Викентьева показала, что дочь ея Екатерина, весною 1856 г. отойдя отъ дворянъ Тарногурскихъ, занималась шитьемъ у покойной модистки Раткиновой, отъ коей отошла, не объявя даже ей, Викентьевой, куда именно; возвратясь же въ Витебскъ въ рождсотвенскомъ посту, привезла съ собою хорошій салопъ и другія вещи, которыя по словамъ ея частію куплены на деньги, заслуженныя ею въ Полоцкѣ у полковницы Базилевской, частію же подарены ей Базилевскою; но о воровствѣ или другомъ преступленіи не говорила и она, Викентьева, ее не подозрѣвала; предъ взятіемъ Екатерины подъ арестъ, она не жила съ показательницею, а пріискивала себѣ мѣсто и три дня до ареста занималась уже службою у Яблонской, вещи же ея находились въ квартирѣ показательницы.

По передачѣ дѣла въ полоцкое городническое правленіе, подсудимая Руткевичева на третьемъ допросѣ при духовномъ увѣщаніи 28 февраля показала, что лѣтомъ 1856 г., отойдя отъ дворянъ Тарногурскихъ, отправилась въ Полоцкъ, куда прибыла за день предъ Спасомъ, и чрезъ три или четыре дня поступила въ услуженіе къ штабсъ капитану Дорожинскому, у котораго прослужила мѣсяца три или четыре; а за недѣлю предъ рождественскимъ постомъ перешла отъ него къ вдовѣ Петровой, у которой кромѣ ея никого не было. Въ воскресенье передъ заговеньемъ филиппова поста 11 ноября Петрова была въ церкви у вечерни, откуда возвратилась часовъ въ 6 вечера; въ то время она, Руткевичева, дома спала, а двери были заперты, потому

Петрова долго стучала, покуда она услыхала и отворила; за эту медленность Петрова бранила ее и ударила одинъ разъ палкою по плечу. Послѣ сего Петрова напившись чаю часу въ 9-мъ вечера легла спать, и показательница тоже легла. Въ это время родилась у нея мысль умертвить Петрову, когда та уснетъ, и воспользовавшись ея имуществомъ, скрыться. Исполняя это намѣреніе и будучи увѣрена, что Петрова крѣпко заснула, въ самую полночь она, Руткевичева, встала, вошла тихо въ комнату, гдѣ Петрова спала, и, взявъ лежавшій возлѣ печи пуховикъ, набросила его на голову спавшей Петровой и сама легла на верхъ пуховика, удерживая, чтобы Петрова изъ подъ него не могла спастись; въ это время долго Петрова усиливалась освободиться и долго стонала; наконецъ, когда она, Руткевичева, удостовѣрилась, что Петрова лишилась жизни, то сняла пуховикъ, обобрала ее до нага, оставивъ только на ней чулки, чепчикъ и юбку, въ которыхъ она спала, начала вынимать изъ подъ нея простыню, отъ чего трупъ Петровой перевернулся на кровати внизъ лицомъ, и она, прикрывъ его полушубкомъ, тотчасъ собрала всѣ вещи, нѣкоторыя уложила въ сундукъ Петровой, а нѣкоторыя завязала въ проостыню и вынесла въ комнату. Двери комнаты, въ которой лежала Петрова, заперла ключомъ, и потомъ, дождавшись утра, заперла домъ, отнесла къ дворянкѣ Синькевичевой утюгъ, который находился у Петровой, съ тою цѣлью, чтобы за нимъ не прислали и не узнали скоро о смерти Петровой, и объявила тамъ что Петрова уѣхала къ дочери въ невельскій уѣздъ; потомъ она, Руткевичева, отправилась на постоялый дворъ, нашла тамъ извощика еврея, котораго наняла за 3 руб. отвезти ее въ Витебскъ, послѣ сего опять возвратилась въ домъ Петровой, гдѣ взявъ самоваръ и серебряную ложку, отнесла въ домъ еврея, котораго указать можетъ, предложила ему купить тѣ вещи, и сговорившись за 2 р., отправилась съ нимъ по желанію того еврея въ квартиру квартальнаго надзирателя Алексѣева *), на спросъ котораго, откуда она имѣетъ самоваръ и ложку, отвѣчала, что остались у нея въ залогѣ; затѣмъ она отправилась къ помянутому извощику, вечеромъ пріѣхала съ нимъ на его лошади въ домъ

*) Не можемъ не указать на эту смѣлость преступницы, явившейся къ квартальному надзирателю по совершеніи убійства. *Прим. изд.*

Петровой, съ помощію того извощика перенесла вещи въ сани и домъ заперла, въ квартирѣ извощика ночевала и на другой день утромъ выѣхала съ нимъ, а въ пятницу утромъ прибыла въ Витебскъ прямо на квартиру матери своей, служащей у Онуфрія Тарногурскаго, о чемъ тогда же знали Тарногурскій и жена его Елеонора, которые помѣстили ее въ кухнѣ съ матерью. На другой день она выбрала изъ сундука вещи и салопъ на лисьемъ мѣху покойной Петровой; вещи эти въ тотъ же самый день видѣли Тарногурскій и жена его, которые очень часто приходили въ кухню; на вопросъ же ихъ, откуда имѣетъ она тѣ вещи, чтобы отклонить подозрѣніе, она отвѣчала ложно, что служила въ Полоцкѣ у полковницы Базилевской и на заслуженныя деньги купила салопъ отъ неизвѣстной солдатки; этотъ салопъ жена Тарногурскаго купила у нея за 40 р. за всѣ эти деньги она, Акимова, купила себѣ въ Витебскѣ салопъ и въ Любовичахъ (куда ѣздила съ женою Тарногурскаго) матеріи на пять платьевъ; 10 февраля прибыли къ Тарногурскому, гдѣ она жила, полицейскіе и взяли ее.

По указанію Руткевичевой былъ сдѣланъ обыскъ въ домѣ полоцкаго мѣщанина Абрама Гольмана, который предъявилъ серебряную 72 пробы ложку, купленную будто бы у Руткевичевой; ложки же 84 пробы серебра не отыскано, а относительно самовара Гольманъ объявилъ, что таковой находится въ домѣ еврея Хаима Калмыка, гдѣ онъ дѣйствительно найденъ. Вышеупомянутые полоцкіе мѣщане Абрамъ Гольманъ и Хаимъ Калмыковъ показали, что предъявленная имъ Руткевичева носила по рынку изломанный самоваръ и столовую серебряную 72 пробы ложку, кои они сторговали за 3 р.. отправились къ квартальному Алексѣеву, который, спросивъ горничную о ея званіи и занятіяхъ, объявилъ, что къ покупкѣ тѣхъ вещей препятствій нѣтъ, въ чемъ и выдалъ росписку, на основаніи чего они, не имѣя никакого подозрѣнія, купили: Гольманъ ложку, а Колмаковъ самоваръ, и при квартальномъ заплатили деньги. Мѣщанинъ дисненскаго уѣзда Шмуйла Цирлинъ показалъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1856 г., не упомнитъ котораго числа, Екатерина Руткевичева, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ, наняла его отвезти ее въ Витебскъ за 3 р. сер., послѣ того часу въ 12 пришла въ указанную имъ квартиру въ домѣ Ехилея Шульки-

на съ узелкомъ, но по неисправности саней должна была ожидать у него до 6 часовъ вечера; на вопросъ кто она такая, отвѣчала, что служила у какого то корпуснаго офицера, у котораго лежатъ ея вещи; тогда онъ запрегъ лошадь и отправился съ нею въ квартиру ея, куда вошла Екатерина и вынесла оттуда прежде узелокъ, а послѣ сундучокъ; онъ, Цирлинъ, уложивъ ихъ въ сани, отправился домой; горничная же сказала, что останется прощаться и чрезъ нѣсколько минутъ догнала его; кромѣ ея около дома никого онъ не замѣтилъ, а въ домъ не входилъ. Переночевавъ на той же квартирѣ, на другой день утромъ отправились они въ Витебскъ, въ пятницу прибыли туда на постоялый дворъ, откуда горничная тотчасъ же перешла къ своему отцу или матери.—Дворяне Онуфрій и жена его Елеонора Тарногурскіе на данные имъ чрезъ витебскую городскую полицію запросы пояснили, что они наняли у Шелыгина въ услуженіе мать подсудимой Рутковичевой; но какъ и сама она вмѣстѣ съ покойнымъ нынѣ отцомъ своимъ также оставалась въ Витебскѣ, то письменный видъ выданъ на всѣхъ ихъ; Екатерина, какъ вовсе имъ, Тарногурскимъ, ненужная отошла отъ нихъ весною 1856 г. въ городъ для пріисканія службы, и когда послѣ ее долгое время не было видно и слухи носились, что она бѣжала, то изъ нихъ Тарногурскій словесно объявилъ о томъ покойному частному приставу Домбровскому, который сказалъ, что письменнаго объявленія подавать нѣтъ надобности; въ концѣ же ноября или въ началѣ декабря Екатерина пріѣхала по словамъ ея изъ Полоцка, но съ собою никакихъ вещей не приносила, а уже впослѣдствіи въ небытность изъ нихъ Тарногурскаго дома, отецъ Екатерины Акимъ привезъ къ женѣ своей какой то сундукъ и узелокъ, но что въ нихъ было, показатели не разсматривали и разсматривать не имѣли надобности; сама же Екатерина и ея мать ничего имъ не предъявляли, кромѣ одного лисьяго, покрытаго чернымъ атласомъ салопа, купленнаго по словамъ Екатерины за 35 р. которые она собрала въ Полоцкѣ, получая за службу по 7 р. въ мѣсяцъ и занимаясь шитьемъ; этотъ салопъ изъ нихъ Тарногурская, не подозрѣвая Екатерину въ неправильномъ пріобрѣтеніи онаго, купила отъ нея за 40 р.; отправляясь же на ярмарку въ м. Любовичи и имѣя нужду въ горничной, Тарногурская брала съ собою Екатерину, которая на полу-

ченныя отъ нея за салопъ деньги, купила тамъ нѣсколько платьевъ, и когда возвратились въ Витебскъ, дѣлала тоже какія то покупки, но у кого и на какую сумму, имъ, Тарногурскимъ, неизвѣстно, и все что она имѣла, должно находится у ея матери. Наконецъ когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Екатерина отъ Яблонской, у которой она пріискивала службу, взята подъ арестъ, то Тарногурскій, сомнѣваясь, не сдѣлала ли она противузаконнаго, довелъ до свѣдѣнія полиціи о пріобрѣтенномъ женою его салопѣ.—На повальномъ обыскѣ въ Витебскѣ 12 человѣкъ жителей поведеніе дворянъ Тарногурскихъ одобрили.--Дворянка Терезія Яблонская показала, что горничная Екатерина на масляной недѣлѣ 1857 г. пріискивая мѣсто, просила принять ее на службу, объясняя, что у нея есть видъ на общее имя съ матерью, почему она, Яблонская, приняла Екатерину, но до предъявленія вида, никакого съ нею условія не дѣлала, а между тѣмъ чрезъ два дня послѣ того Екатерина взята была полиціею; вещей она никакихъ не приносила.—Квартальный надзиратель *Алексѣевъ* объяснилъ, что онъ, осматривая ввѣренный кварталъ, неоднократно замѣчалъ выходившую изъ зданія кадетскаго корпуса Екатерину Руткевичеву и когда спрашивалъ у нея вида, то она отвѣчала, что служитъ у капитана Дорожинскаго и имѣетъ видъ, посему онъ полагалъ, что Дорожинскій, служа въ кадетскомъ корпусѣ, не долженъ и не можетъ держать у себя людей безъ письменнаго вида и что за этимъ должна наблюдать корпусная полиція, вслѣдствіе чего когда женщина съ евреями Гольманомъ и Калмыковымъ, прибывъ къ нему, просила засвидѣтельствовать о продажѣ тѣмъ евреямъ стараго самовара и довольно подержанной старой столовой серебрянной ложки, то зная, что она служитъ у Дорожинскаго и не замѣчая въ продаваемыхъ вещахъ ничего подозрительнаго, онъ засвидѣтельствовалъ о томъ на лоскуткѣ простой бумаги *).

Въ отношеніи недостающаго еще имущества Петровой священникъ Шлиповскій 7 января 1858 г. объяснилъ, что недостатокъ вещей простирается на сумму 69 р. 50 коп., кромѣ налич-

*) Отысканныя вещи Петровой отданы городническимъ правленіемъ дочери покойной Еленѣ Шлиповской, которой также отданы впредь до востребованія вещи, пріобрѣтенныя Руткевичевою на деньги, полученныя отъ дворянки Тарногурской за салопъ, всего по оцѣнкѣ на сумму 77 р. 50 к.

ныхъ денегъ 70 р.—Шестьчеловѣкъ крестьянъ лепельскаго уѣзда помѣщицы Ивашкевичевой подъ присягою удостовѣрили, что Екатерина Руткевичева дѣйствительно ихъ одновотчинная крестьянка, крещенная лѣтъ 20 тому назадъ въ полюдовицкомъ римско-католическомъ костелѣ и по достиженіи возраста часто отлучалась изъ мѣста жительства, неизвѣстно гдѣ скитаясь; но во время пробытія на мѣстѣ жительства ни въ чемъ худомъ замѣчена не была.—По сдѣланной справкѣ въ метрическихъ книгахъ полюдовицкаго римско-католическаго костела записи о рожденіи и крещеніи Руткевичевой не отыскано, а по удостовѣренію лепельскаго уѣзднаго казначейства Руткевичева записана по ревизіи 1850 года за помѣщицею Ивашкевичевою подъ № 2, но лѣтъ ей по ревизіи не показано.—Затѣмъ подсудимая Руткевичева свидѣтельствована была 5 августа 1857 г. въ присутствіи уѣзднаго суда при городовомъ врачѣ и городничемъ и по внѣшнему виду оказалось ей около 23 лѣтъ; при семъ Руткевичева была передопрошена и утвердивъ показаніе, сдѣланное въ присутствіи полоцкаго городническаго правленія 28 февраля 1857 г., дала подписку о безпристрастномъ по сему дѣлу допрашиваніи. Мать подсудимой Федора Викентьева присовокупила, что дочь ея Екатерина въ имѣніи Тереховѣ крещена по римско-католическому обряду, но въ которомъ году не упомнитъ, а только хорошо знаетъ, что ей въ 1848 г. было 9 лѣтъ.

Разсмотрѣвъ вышеизложенныя обстоятельства, второе общее собраніе сената нашло, что подсудимая Екатерина Руткевичева по собственному ея на третьемъ допросѣ сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, оказывается виновною въ предумышленномъ убійствѣ подпоручицы Петровой, у которой она находилась въ услуженіи, съ цѣлію воспользоваться имуществомъ ея. За преступленіе это виновные по 1999 и 1000 ст. улож. о нак. подвергаются наказанію по 1 ст. 21 ст. Приступая засимъ къ опредѣленію рода слѣдующаго подсудимой за совершенное ею преступленіе наказанія по возрасту ея, оказывается, что въ отношеніи возраста ея свѣдѣнія въ дѣлѣ разнообразны: 6 человѣкъ крестьянъ подъ присягою показали, что Руткевичева крещена въ полюдовицкомъ костелѣ лѣтъ 20 назадъ, мать подсудимой показала, что она хорошо знаетъ, что дочери ея въ 1848 году было 9 лѣтъ, а по свидѣтельству, произведенному почти

чрезъ годъ по совершеніи Руткевичевой преступленія, ей оказалось по внѣшнему виду около 23 лѣтъ. Возрастъ сей близко подходитъ къ періоду несовершеннолѣтія и притомъ несоразмѣрное съ годами развитіе очень легко можетъ повести къ невѣрному заключенію о лѣтахъ. При такихъ разнорѣчивыхъ данныхъ Руткевичеву должно признать совершившею преступленіе въ несовершеннолѣтіи и вслѣдствіе сего на основаніи вышеприведенныхъ 151 и 77 ст. XV т. кн. 1 изд. 1857 г. слѣдуетъ: по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, наказать ее розгами, чрезъ полицейскихъ служителей 100 ударами и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 30 лѣтъ. Независимо отъ сего общее собраніе нашло, что дворяне Тарногурскіе и Яблонская держали у себя на квартирахъ подсудимую Руткевичеву, первая по просроченному виду, а вторые безъ всякихъ письменныхъ видовъ, за что они и должны подлежать отвѣтственности, о наложеніи на нихъ которой слѣдуетъ предоставить сдѣлать распоряженіе губернскому правленію. Кромѣ того по дѣлу сему квартальный надзиратель Алексѣевъ оказывается виновнымъ въ незадержаніи подсудимой Руткевичевой при продажѣ ею евреямъ Гольману и Калмыкову самовара и серебряной ложки, тогда какъ самъ онъ ничего о происхожденіи ея не зналъ, а полагалъ только, что она, находясь по ея словамъ въ услуженіи у штабсъ капитана Дорожинскаго, не могла не имѣть письменнаго вида, чѣмъ допустилъ ее скрыться на время съ похищенными убитой ею Петровой вещами, а посему слѣдуетъ: поступокъ Алексѣева предоставить также на разсмотрѣніе витебскаго губернскаго правленія.

О дворянинѣ Яхъѣ Якубовскомъ, сужденномъ за отцеубійство.

12 октября 1854 г. дворянинъ Брасевичъ донесъ вилькомірскому земскому суду, что проживавшій въ управляемомъ имъ имѣніи Бернатышкахъ, дворянинъ изъ татаръ, Яхья Якубовскій разрубилъ топоромъ голову отцу своему Хасену, жизнь котораго отъ нанесенныхъ ему ранъ находится въ опасности. По заключенію врача и врачебной управы раны эти признаны безусловно

смертельными и изъ дѣла видно, что Хасенъ Якубовскій умеръ отъ нихъ чрезъ три дня.—При слѣдствіи подсудимый *Яхья Якубовскій* на первомъ допросѣ показалъ, что 12 октября отецъ разбудилъ его утромъ на самомъ разсвѣтѣ и заставилъ топить печь. Когда онъ развелъ огонь и поставилъ въ печку горшокъ съ водою, то встала и мать его, которая была несовсѣмъ здорова и начавъ готовить кушанье, велѣла ему расколоть три куска дерева для просушки, но какъ онъ не хотѣлъ сдѣлать этого, то отецъ, лежа на постелѣ, напротивъ печки, сказалъ ему: «ежели не слушаешь матери, то долженъ послушать отца», и потому онъ по неволѣ взялъ большой топоръ и въ негодованіи раскололъ два полѣна, третьяго же куска кажется просто не хотѣлъ или не могъ съ удобностью расколоть и въ это мгновеніе въ неудовольствіи отъ досады и изступленія ума, повернувшись къ кровати, на которой лежалъ отецъ, со всего размаху ударилъ его остріемъ топора два раза по головѣ и тутъ же сказалъ: «чего ты хотѣлъ, то и досталъ»; отецъ, поднявшись нѣсколько, схватился рукою за голову, но обливщись кровью упалъ на подушку. Прежде сего показатель не имѣлъ намѣренія на убійство, хотя впрочемъ часто досадывалъ на отца за разные его упреки и наставленія.—Мать подсудимаго, подтверждая его показанія, объявила, что когда она присматривала за приставленнымъ къ огню горшкомъ, и услышавъ, что сынъ ея пересталъ колоть дрова, а мужъ застоналъ, оборотилась къ мужу и увидѣвъ его въ крови, спросила сына, не кускомъ ли дерева ушибъ онъ отца, то онъ, сѣвъ на лавку и положивъ возлѣ себя топоръ, отвѣтилъ: «чего хотѣлъ, то и досталъ». Она тотчасъ отобрала топоръ и разбудивъ младшаго своего сына Рафаила, послала его за помощью. Покойный Хасенъ обходился съ Яхьею ласково и только иногда, безъ излишней строгости, выговаривалъ ему за лѣнность къ работѣ.—12 лѣтній братъ Яхьи *Рафаилъ Якубовскій* показалъ, что когда мать разбудила его, то онъ увидѣлъ уже отца съ разрубленною головою и тотчасъ побѣжалъ къ дворянину Брасевичу. Дворянинъ *Брасевичъ* изложилъ, что покойный дворянинъ Хасенъ Якубовскій (ремесломъ шорникъ) поведенія былъ хорошаго и хорошо обращался съ сыномъ своимъ Яхьею, который при постоянныхъ трудахъ отца ничѣмъ не занимался. О томъ какъ случилось убійство, онъ не знаетъ; когда его увѣдомили и онъ

пришелъ съ людьми въ домъ Якубовскаго, то нашелъ Хасена уже лежащимъ безъ чувствъ; Яхья же сидѣлъ на лавкѣ около кровати; когда показатель спросилъ его, что онъ сдѣлалъ съ отцомъ, то подсудимый хладнокровно сказалъ: «чего тотъ хотѣлъ, то и досталъ».

Повальнымъ обыскомъ поведеніе подсудимаго Яхьи Якубовскаго одобрено, причемъ обыскныя лица добавили, что онъ былъ лѣнивъ къ работамъ и за это отецъ часто выговаривалъ ему, но дабы обращался съ нимъ жестоко, того не замѣтили.—Минское дворянское депутатское собраніе отозвалось, что родъ татаръ Якубовскихъ, къ которому принадлежитъ отецъ подсудимаго Хасенъ, опредѣленіями собранія признанъ въ дворянствѣ, и что посему подсудимый Яхья Якубовскій можетъ пользоваться дворянскимъ званіемъ. По неотысканію метрики, подсудимый Яхья былъ свидѣтельствованъ въ вилькомірскомъ уѣздномъ суде и по наружному виду признано ему 24 года.

При передопросѣ въ уѣздномъ судѣ онъ показалъ, что пристрастія при производствѣ слѣдствія не испыталъ.

При слушаніи сего дѣла въ 2 отд. 5 д-та сената и во второмъ общемъ собраніи произошли слѣдующія разныя мнѣнія:

Первое мнѣніе: Находя подсудимаго Яхью Якубовскаго по собственному его сознанію, согласному съ показаніемъ его матери и прочими обстоятельствами, обнаруженными по слѣдствію, виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ отца, совершенномъ въ досадѣ и раздраженіи за то, что отецъ заставлялъ его работать, и основываясь на томъ, что 1920 ст. уложенія, опредѣляющая наказаніе за *отцеубійство, не допускаетъ уменьшающихъ обстоятельствъ* и на томъ, что хотя въ 1926 ст., опредѣляющей уменьшеніе наказанія слѣдующаго за убійство въ томъ случаѣ, когда убійство совершено въ запальчивости и сказано, что уменьшеніе это можетъ быть примѣняемо и къ виновнымъ въ убійствѣ родственниковъ, поименованныхъ въ 1922 ст., съ возвышеніемъ лишь одною степенью; однакоже въ 1922 ст. исчисленіе восходящихъ родственниковъ начинается прямо съ дѣда или бабки, а объ отцѣ и матери не говориться,—слѣдуетъ: подвергнуть подсудимаго наказанію, опредѣленному 1920 ст. уложенія и именно: лишивъ его всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ безъ срока.

Второе мнѣніе. Изъ показаній подсудимаго и прочихъ обстоятельствъ дѣла не видно, чтобы учиненное Якубовскимъ отцеубійство было заранѣе обдумано, а напротивъ того оказывается, что оно совершено въ запальчивости и раздраженіи, послѣ приказанія отцомъ подсудимому колоть дрова, до тѣхъ же поръ отецъ и сынъ были въ хорошихъ отношеніяхъ. При отсутствіи доказательствъ въ предумышленіи на убійство, нельзя подвергать Якубовскаго наказанію по 1 степ. 21 ст. уложенія. Виновный въ убійствѣ, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія или умысла въ запальчивости или раздраженіи но однакоже и не случайно, а зная, что онъ посягаетъ на жизнь другаго, подвергается наказанію на основаніи 1926 ст. уложенія по 4 степ. 21 ст. улож. причемъ, если убійство совершено надъ лицомъ, поименованнымъ въ 1922 ст. уложенія (къ симъ лицамъ отнесенъ и отецъ), то наказаніе это возвышается одною степенью. Принимая за симъ во вниманіе собственное подсудимаго сознаніе съ одной стороны, а съ другой жестокость поступка, слѣдуетъ назначить подсудимому наказаніе это въ средней онаго мѣрѣ и притомъ съ измѣненіемъ онаго по правиламъ X ст. Всемилостивѣйшаго манифеста 27 марта 1855 года *) и именно: по лишеніи Якубовскаго всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

Согласно первому изъ сихъ мнѣній дѣло получило окончательное разрѣшеніе.

Сущность разногласія, возникшаго по сему дѣлу, состоитъ въ томъ: примѣняются ли къ убійству родителей правила объ уменьшенной наказуемости за смертоубійство, когда послѣднее

---

*) Слѣдуетъ замѣтить, что согласно Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта по дѣлу дворянина Бискупскаго, осужденными считаются только тѣ, коимъ окончательный приговоръ объявленъ и слѣдовательно вошелъ въ законную силу. Посему Якубовскій, участь котораго еще не была рѣшена до воспослѣдованія манифеста, долженъ быть признанъ состоящимъ подъ судомъ, а какъ лишаемый всѣхъ правъ состоянія не подходитъ подъ дѣйствіе VI ст. манифеста и не можетъ воспользоваться дарованными для осужденныхъ въ IX—XIII ст. облегченіями.

совершено не по заранѣе обдуманному намѣренію, а въ запальчивости и раздраженіи? *).

Въ 1449 ст. улож. изд. 1866 г., какъ специальномъ и единственномъ законѣ на случай убійства родителей—постановлено: «за умышленное убійство отца или матери виновные подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока». Въ 1455 ст. опредѣляется наказаніе за убійство въ запальчивости и раздраженіи, но однакоже не случайно, а съ знаніемъ, что посягаешь на жизнь другаго. Оно возвышается одною степенью, когда совершено надъ лицомъ, съ коимъ виновный имѣлъ означенныя въ 1451 ст. родственныя связи; въ послѣдней статьѣ въ числѣ другихъ родственниковъ упоминается: о женѣ, мужѣ, сынѣ, дочери, дядѣ, бабкѣ, внукѣ или внучкѣ, но не упоминается о родителяхъ, за убійство которыхъ назначается особое наказаніе въ упомянутой уже 1449 ст. Если бы *законъ* допускалъ различіе между умышленнымъ убійствомъ отца или матери и убійствомъ ихъ въ запальчивости или раздраженіи, то объ этомъ непремѣнно было бы постановлено въ 1455 ст. улож.; нѣтъ сомнѣнія, что для охраненія прочности семейныхъ узъ и по важности злодѣянія, наши законы не дѣлаютъ сего различія и не предполагаютъ возможности посягательства на жизнь отца или матери (столь близкихъ по крови), въ запальчивости или раздраженіи**). Съ этою цѣлію безъ сомнѣнія

---

*) Въ 1854 г. этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ вторымъ общимъ собраніемъ сената по однородному дѣлу о крестьянинѣ *Іонѣ Григорьевѣ*, судимомъ за убійство матери. Григорьевъ объяснилъ, что мать его, разсердившись за потерю имъ рубля сер., ударила его желѣзнымъ запоромъ и хотѣла еще бить, но онъ, вырвавъ запоръ, бросилъ его на отмашку и нечаянно попалъ ей въ голову, не имѣя вовсе намѣренія лишить ее жизни. На головѣ матери Григорьева оказалось 6-ть ранъ, бывшихъ по медицинскому свидѣтельству непосредственною причиною ея смерти. Сенатъ призналъ, что Григорьевъ, нанеся матери нѣсколько ранъ по головѣ, не могъ не имѣть намѣренія, хотя и внезапно возникшаго, на убійство; что только въ одной 1920 ст. улож. опредѣляется наказаніе за умышленное убійство отца или матери, что въ 1926 ст. объ убійствѣ въ запальчивости или раздраженіи не упоминается объ убійствѣ родителей, и что такимъ образомъ законъ не допускаетъ возможности посягательства на ихъ жизнь въ запальчивости и раздраженіи.

**) Тоже правило встрѣчаемъ мы въ наполеоновомъ кодексѣ (Code penal art. 299 и 302), по которому всякое убійство родителей, безъ отличія умышленнаго отъ неосторожнаго, наказывается смертью.

и опредѣлено въ уложеніи одно наказаніе подъ общимъ означеніемъ умышленнаго убійства родителей.

Итакъ окончательный выводъ состоитъ въ слѣдующемъ:

1) По дѣйствующимъ законамъ родственное убійство различаетъ: убійство отца и матери (ст. 1449) и убійство прочихъ родственниковъ восходящей, нисходящей и боковыхъ линій (1451).

2) Статья 1455, установляющая наказаніе за непредумышленное убійство и въ которой сдѣлано указаніе только на убійство прочихъ родственниковъ, не относится къ убійству отца или матери.

Дѣло о убійствѣ юнкеромъ Модестомъ Огаревымъ корнета Бутлерова.

Штабъ-ротмистръ сибирскаго уланскаго полка князь Вадбольскій донесъ 9 января 1836 года начальнику 6 легкой кавалерійской дивизіи, что 5 января пріѣхалъ къ нему въ домъ юнкеръ того же полка Огаревъ *) въ пьяномъ и развращенномъ видѣ. Слуга, видя Огарева въ такомъ положеніи, сказалъ ему, что господъ дома нѣтъ; но въ то самое время жена его, Вадбольскаго, пріѣхавшая домой, встрѣчена была Огаревымъ, который, сорвавши съ нея салопъ, спрашивалъ, гдѣ находится ея мужъ; услыша шумъ въ залѣ, онъ, Вадбольскій, вошелъ туда въ то время, какъ Огаревъ произносилъ самыя площадныя бранныя слова. Онъ приказалъ ему застегнуть свой мундиръ, но Огаревъ, подойдя къ нему, взялъ его за воротъ. Видя, что нѣтъ возможности укротить буйства Огарева словами, онъ приказалъ людямъ взять его; между тѣмъ жена его, Вадбольскаго, а юнкера Огарева сестра, отправилась къ отцу объявить о поступкахъ своего брата и просить взять его къ себѣ; посему былъ присланъ человѣкъ, который и увезъ Огарева къ отцу его.

Будучи преданъ военному суду, юнкеръ Огаревъ показалъ, что 5 января онъ точно пріѣзжалъ къ князю Вадбольскому по приказанію отца своего, съ запискою отъ него, истребовать отъ

*) Кн. Вадбольскій былъ женатъ на сестрѣ Огарева.

князя Вадбольскаго письменное или словесное объясненіе по управленію имѣніемъ ихъ, и для полученія отъ него денегъ, какъ собранныхъ имъ съ того имѣнія 11174 рублей, такъ и занятыхъ у отца его 3000 руб. Отправился онъ изъ дома отца совершенно трезвымъ и такимъ онъ возвратился. Дѣйствія его въ домѣ князя Вадбольскаго ограничивались только требованіемъ отъ него отчетовъ, согласно приказанію отца. Заставъ Вадбольскаго въ гостинной въ халатѣ, онъ объявилъ ему о причинѣ своего пріѣзда и показалъ выпись, данную отцомъ его; но Вадбольскій, не разсматривая выписи, вышелъ изъ комнаты и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился въ адъютантскомъ сюртукѣ; примѣтивъ же на мундирѣ его, Огарева, двѣ незастегнутыя пуговицы, приказалъ ему застегнуть ихъ; потомъ сказалъ: «ты пріѣхалъ отъ меня требовать отчета: но я не только тебѣ, юнкеру, но и отцу твоему не намѣренъ давать онаго во взятыхъ мною изъ вашего имѣнія деньгахъ; что взято, то свято.» Услыша такой неожиданный отзывъ онъ, Огаревъ, отправилъ пріѣхавшаго съ нимъ кучера Ивана Андреева къ отцу, чтобы самъ онъ прибылъ для переговора съ княземъ Вадбольскимъ, съ коимъ послѣ сего, въ ожиданіи пріѣзда отца, не имѣлъ уже никакого разговора; а потому не было никакихъ побудительныхъ причинъ, ни прежде, ни послѣ, брать Вадбольскаго за воротъ, и тѣмъ принудить его отдать приказаніе людямъ, чтобы они вывели его, Огарева. Присемъ Огаревъ представилъ записку отца своего, въ коей послѣдній изъяснялъ, что поручилъ Модесту Огареву истребовать отъ Вадбольскаго какъ объясненіе по управленію имъ имѣніемъ Огаревыхъ, такъ и отчетъ въ собранныхъ съ онаго деньгахъ.

Во время производства коммисіею военнаго суда изслѣдованія по упомянутому выше рапорту князя Вадбольскаго, коломенскій городничій увѣдомилъ оренбургскій уланскій полкъ 15 апрѣля 1836 года, что означеннаго числа юнкеръ Огаревъ причинилъ корнету того полка Бутлерову въ его квартирѣ насильственную смерть, посредствомъ выстрѣла изъ пистолета.—Того же 15 апрѣля произведенъ былъ осмотръ тѣлу убитаго корнета Бутлерова, причемъ оказалось, что тѣло лежало на полу въ третьей отъ входа комнатѣ верхняго этажа. Одѣто оно было въ бѣлой рубашкѣ, суконныхъ брюкахъ и въ полусапожкахъ. По снятіи одѣянія, боевыхъ знаковъ на тѣлѣ не оказалось, но въ срединѣ самаго лба,

нѣсколько выше бровей, видна была рана, впрочемъ не сквозная, произведенная выстрѣломъ изъ пистолета пулею. Одинъ заряженный пистолетъ лежалъ на полу около ногъ Бутлерова, а другой, изъ котораго, какъ видно, сдѣланъ выстрѣлъ, лежалъ на окнѣ. По разряженіи перваго пистолета, оказалась въ немъ пуля круглаго формата, вѣсомъ два золотника и три четверти, а пыжъ изъ шерсти. Лицо Бутлерова и часть рубашки были въ крови, много крови было также на полу. Пистолеты были оба одинаковаго формата, русскіе и величиною каждый въ девять вершковъ въ стволѣ. Комнаты квартиры Бутлерова расположены были слѣдующимъ образомъ: первая комната изъ сѣней имѣла двѣ двери, одна изъ нихъ вела прямо въ большую комнату, а другая на право въ небольшую темную, отдѣленную отъ четвертой комнаты, въ которой былъ убитъ корнетъ Бутлеровъ, оштукатуренною перегородкою (со слухомъ сверху въ три четверти аршина, и стеклянною дверью, въ которой два стекла въ рамкахъ были разбиты, а одного вовсе не было. Прочія комнаты раздѣлены капитальными деревянными оштукатуренными стѣнами.

На допросѣ юнкеръ Огаревъ 17 апрѣля показалъ, что состоя подъ арестомъ на главной гауптвахтѣ, онъ 15 апрѣля, по просьбѣ корнета Бутлерова, отлучился къ нему на квартиру позавтракать изъ гауптвахты въ 8 часу утра, безъ позволенія караульнаго офицера. Прійдя на квартиру Бутлерова, они застали тамъ брата его, который впрочемъ скоро ушелъ, неизвѣстно куда. Чрезъ полчаса послѣ сего онъ, Огаревъ, намѣревался возвратиться на гауптвахту, но корнетъ Бутлеровъ, будучи въ пьяномъ видѣ въ какомъ онъ уже вышелъ изъ гауптвахты, началъ задерживать его, и разорвалъ на немъ шинель. Когда же онъ убѣдительно просилъ Бутлерова не препятствовать ему явиться въ свое время на гауптвахту, чтобы хотя кратковременною, но самовольною отлучкою не подвергнуть караульнаго офицера отвѣтственности, то получилъ отъ него рѣшительный отказъ. Присемъ Бутлеровъ сказалъ, что если Огаревъ будетъ покушаться уйти, то онъ прибьетъ его. Принявъ это за шутку, показатель взялъ фуражку и хотѣлъ идти. Тогда Бутлеровъ неожиданно ударилъ его по щекѣ. Показатель, находясь въ ту минуту подлѣ стѣны, гдѣ висѣли пистолеты, схватилъ одинъ изъ нихъ, съ намѣреніемъ страхомъ удержать Бутлерова отъ причиненія ему дальнѣйшихъ оскорбленій и не

зная, былъ ли пистолетъ заряженъ, обратилъ его противу Бутлерова и спустилъ курокъ; такимъ нечаяннымъ образомъ убилъ онъ Бутлерова. Пистолетъ же, найденный у ногъ Бутлерова, лежалъ на краю стола еще прежде прихода ихъ въ квартиру, и свалился въ то время, когда Бутлеровъ отъ нечаяннаго выстрѣла падая на полъ, зацѣпился за дуло сего пистолета. Что дѣйствительно пистолетъ былъ заряженъ до прихода показателя въ квартиру Бутлерова, въ томъ онъ ссылается на брата и крѣпостныхъ людей Бутлерова. Впрочемъ свидѣтелями сего происшествія никто изъ нихъ не былъ; побудительной причины къ сему убійству показатель не имѣлъ, и онъ къ Бутлерову никакой личной вражды не питалъ. Объ уходѣ показателя и Бутлерова съ гауптвахты никто не зналъ.

Спрошенные подъ присягою крѣпостные люди убитаго корнета Бутлерова объяснили:

Парамонъ Ивановъ (16 лѣтъ): корнетъ Бутлеровъ, бывъ на гауптвахтѣ въ караулѣ утромъ 15 апрѣля, пришелъ въ квартиру свою вмѣстѣ съ юнкеромъ Огаревымъ, и оба были въ нетрезвомъ видѣ, а по приходѣ пили еще травникъ *). Братъ же корнета Бутлерова юнкеръ Николай Бутлеровъ, какъ только они пришли въ квартиру, вскорѣ отправился изъ оной на ученье. Въ комнатѣ, гдѣ находились Огаревъ и Бутлеровъ, кромѣ его, Иванова, никого не было; черезъ нѣсколько времени Огаревъ хотѣлъ идти изъ комнаты, но Бутлеровъ, удерживая его, приказалъ ему, Иванову, подать сюртукъ. Послѣ сего онъ, Ивановъ, ушелъ въ другую комнату, изъ которой слышалъ, что когда корнетъ Бутлеровъ началъ опять настоятельно удерживать Огарева, то сей послѣдній вызывалъ его стрѣляться, и вдругъ по таковому вызову оба сняли со стѣны пистолеты (что онъ ясно увидѣлъ въ отворенную дверь и разбитыя въ ней стекла). Огаревъ кричалъ: «отходи и стрѣляй»; но Бутлеровъ на то не соглашался; засимъ послѣдовалъ выстрѣлъ. Войдя въ комнату, гдѣ господа находились, показатель увидѣлъ Бутлерова уже убитымъ. Въ туже минуту онъ далъ знать о семъ кучеру Пургалову, и вскорѣ съ гауптвахты пришли караульные и взяли Огарева изъ комнаты, въ коей онъ до того времени находился запертымъ. Ссоры и драки между Огаревымъ и Бутлеровымъ онъ, Ивановъ, не замѣтилъ, кромѣ того, что когда Бутле-

*) Горькая водка.

ровъ удерживалъ Огарева, то слышалъ изъ словъ ихъ, что Бутлеровъ разорвалъ Огареву шинель, а Огаревъ Бутлерову рубашку. Означенные два пистолета и еще два другихъ были заряжены прежде сего происшествія и висѣли на стѣнѣ; а на столѣ въ комнатѣ не было никакого пистолета *).

Кучеръ Алексѣй Пургаловъ показалъ согласно съ Ивановымъ, что пистолеты висѣли въ комнатѣ на стѣнѣ заряженными. Корнетъ Бутлеровъ и юнкеръ Огаревъ пришли въ квартиру уже въ нетрезвомъ видѣ. Показатель, подавши имъ графинъ съ травникомъ, вышелъ изъ комнаты чистить лошадей, а потому обстоятельства совершенія убійства ему неизвѣстны. Когда же Ивановъ извѣстилъ его о убійствѣ то онъ, увѣрясь въ сказанномъ лично, немедленно побѣжалъ на гауптвахту и объявилъ о семъ дежурному офицеру, который вмѣстѣ съ нимъ послалъ для взятія Огарева четырехъ солдатъ. Но не дойдя до своей квартиры, онъ увидѣлъ юнкера Огарева, шедшаго уже подъ прикрытіемъ двухъ человѣкъ стражи, которые для отысканія его еще прежде посланы были корнетомъ Кошелевымъ.

Юнкеръ Бутлеровъ объяснилъ, что 15 апрѣля поутру былъ онъ разбуженъ въ квартирѣ своей приходомъ въ оную брата его, корнета Бутлерова, съ юнкеромъ Огаревымъ; но въ какомъ положеніи они тогда были, въ трезвомъ ли, или нетрезвомъ, онъ того не замѣтилъ. Чрезъ полчаса по приходѣ ихъ онъ отправился смотрѣть назначенное 6 эскадрону ученье, и потому о случившемся въ квартирѣ послѣ ухода его ничего не знаетъ. Впрочемъ при немъ не происходило ссоры между братомъ его и Огаревымъ. Въ квартирѣ было двѣ пары пистолетовъ, изъ коихъ одна принадлежала ему, а другая брату его. Пистолеты были заряжены еще въ пути (когда они возвращались изъ отпуска) и висѣли заряженными на стѣнѣ. Во время прихода въ квартиру брата его съ юнкеромъ Огаревымъ, ни одинъ изъ пистолетовъ со стѣны снятъ не былъ до самаго ухода показателя изъ квартиры своей.

На очныхъ ставкахъ юнкера Огарева съ дворовыми людьми Бутлерова Ивановымъ и Пургаловымъ, оба они объяснили, что Огаревъ пришелъ въ квартиру Бутлеровыхъ въ нетрезвомъ видѣ, а Ивановъ присовокупилъ, что Огаревъ разорвалъ Бутлерову

*) Ивановъ объявилъ, что онъ никогда не исповѣдывался и святыхъ тайнъ не пріобщался.

рубашку, вызывалъ его стрѣляться и по такому вызову, снявъ со стѣны оба пистолета, произносилъ слова: отходи, стрѣляй; но корнетъ Бутлеровъ первоначально на то не соглашался, и уже вслѣдъ затѣмъ Огаревъ произвелъ выстрѣлъ.—Но юнкеръ Огаревъ, повторяя прежнія свои объясненія, присовокупилъ, что свидѣтельство крѣпостныхъ людей за своего господина не имѣетъ по законамъ силы и притомъ Ивановъ, главный свидѣтель, не былъ никогда на исповѣди и у св. причастія.

На счетъ же отлучки изъ гауптвахты, юнкеръ Огаревъ показалъ, что по уходѣ дежурнаго по карауламъ пришелъ на гауптвахту смѣненный предъ симъ корнетъ Бутлеровъ и просилъ караульнаго офицера Кошелева отпустить Огарева къ нему на квартиру; но какъ Кошелевъ ни подъ какимъ видомъ на то не соглашался, то Бутлеровъ началъ просить его, Огарева, удалиться на минуту безъ позволенія, на что онъ по убѣдительной просьбѣ наконецъ рѣшился, и скрытно удалился съ корнетомъ Бутлеровымъ къ нему на квартиру, гдѣ хотя и выпилъ двѣ рюмки травнику, но чуствовалъ себя не пьянымъ, а до того времени совершенно былъ трезвымъ.

Караульный офицеръ корнетъ Кошелевъ показалъ, что юнкеръ Огаревъ содержался на гауптвахтѣ въ офицерской караульнѣ и особеннаго часоваго при немъ не было, а стоялъ таковой въ коридорѣ у дверей арестантовъ. Въ то время когда показатель занятъ былъ росписыванiемъ постовъ въ караульной книгѣ, Огаревъ, не сказавъ ни слова, удалился съ гауптвахты. По докладѣ о томъ караульнаго унтеръ-офицера, онъ, Кошелевъ, тотчасъ послалъ двухъ рядовыхъ Кирилова и Иваницкаго отыскать квартиру корнета Бутлерова, полагая, что Огаревъ тамъ находится. По возвращеніи обратно рядовыхъ Иваницкаго и Кирилова, которые привели съ собою подъ карауломъ и юнкера Огарева, показатель узналъ, что сей послѣдній найденъ у Бутлерова, котораго убилъ изъ пистолета пулею. Когда показатель смѣнялъ съ караула корнета Бутлерова, то юнкеръ Огаревъ былъ въ трезвомъ видѣ; но когда привели его рядовые, то онъ былъ нѣсколько выпивши. Неудовольствія между Бутлеровымъ и Огаревымъ совершенно никакого не было.

Дежурный по карауламъ шт. р. Мамаевъ показалъ, что 14 апрѣля, послѣ зари, въ 12-мъ часу былъ онъ на гауптвахтѣ и

нашелъ корнета Бутлерова въ трезвомъ видѣ и весь караулъ въ исправности. Послѣ сего около четырехъ часовъ утра пришелъ съ гауптвахты въ квартиру къ нему рядовой Кузнецовъ съ донесеніемъ о безпорядкахъ, произведенныхъ Бутлеровымъ на гауптвахтѣ. Вслѣдъ засимъ прибылъ онъ, Мамаевъ, на гауптвахту, гдѣ старшій унтеръ-офицеръ Павловъ объявилъ ему, что Бутлеровъ билъ караульныхъ обнаженною саблею. Видя буйство корнета Бутлерова, какъ слѣдствіе его нетрезваго положенія, показатель сообщилъ о томъ полковому адъютанту для смѣны Бутлерова другимъ, и, не довѣряя караула Бутлерову, до прибытія новаго офицера самъ онъ, Мамаевъ, оставался на гауптвахтѣ; и въ сіе время былъ свидѣтелемъ безпорядковъ Бутлерова, который нѣсколько разъ принимался вызывать солдатъ для безполезнаго разсчета, въ чемъ былъ имъ останавливаемъ. Когда же явился на гауптвахту корнетъ Кошелевъ для смѣны, то упорство Бутлерова побудило его, Мамаева, для скорѣйшаго возстановленія порядка, уговорить его идти домой и лечь спать. Для большей предосторожности онъ, Мамаевъ, самъ отвелъ Бутлерова въ квартиру его, и донесъ потомъ о распоряженіяхъ своихъ командиру полка полковнику князю Ливену, который одобрилъ ихъ. Въ продолженіи того времени юнкеръ Огаревъ спалъ, а когда потомъ всталъ, то былъ трезвъ. Спустя часъ послѣ ухода его, Мамаева, съ гауптвахты, караульный офицеръ далъ знать ему, что юнкеръ Огаревъ отлучился съ гауптвахты. Посему онъ тотчасъ прибылъ на гауптвахту, а вслѣдъ за нимъ приведенъ былъ и юнкеръ Огаревъ, котораго замѣтилъ онъ нѣсколько выпившимъ. Узнавши, что Огаревъ былъ въ квартирѣ Бутлерова и убилъ его, онъ, Мамаевъ, тотчасъ донесъ о томъ командиру оренбургскаго уланскаго полка полковнику князю Ливену . . . .

14 человѣкъ нижнихъ чиновъ оренбургскаго уланскаго полка, бывшихъ 14 апрѣля на полковой гауптвахтѣ, подъ священническимъ увѣщаніемъ показали, что въ 7-мъ часу корнетъ Бутлеровъ посылалъ рядоваго Кузнецова за полштофомъ простаго вина, которое и было ему принесено. Послѣ пробитія зари въ 12-мъ часу пріѣзжалъ на гауптвахту дежурный по карауламъ шт. р. Мамаевъ, который нашелъ караулъ въ исправномъ состояніи, и Бутлеровъ тогда былъ трезвъ; замѣтили же они его въ нетрезвомъ видѣ не прежде втораго часа ночи, когда онъ по уходѣ де-

журнаго по карауламъ съ гауптвахты, вызвавъ караульныхъ на илацформу, началъ дѣлать имъ разсчетъ и повторяя оный безпрестанно, держалъ тамъ часъ, или болѣе, ругался и даже билъ ефесомъ по лицу рядовыхъ Сидорова и Высоцкаго, будто бы за неисправность. Но одинъ ли онъ пилъ принесенное ему вино, или съ юнкеромъ Огаревымъ, того имъ неизвѣстно, потому что показатели находились въ особой комнатѣ. Когда же унтеръ-офицеръ Павловъ далъ знать о томъ дежурному по карауламъ Мамаеву, то онъ вскорѣ прибылъ на гауптвахту и оставался на оной до смѣны Бутлерова корнетомъ Кошелевымъ.

Нижніе чины того же полка, бывшіе въ караулѣ 15 апрѣля, всего 10 человѣкъ, подъ священническимъ увѣщаніемъ единогласно показали, что по входѣ корнета Бутлерова утромъ 15 апрѣля на гауптвахту въ солдатскую караульню, они замѣтили его въ нетрезвомъ видѣ; въ какомъ же положеніи находился юнкеръ Огаревъ, они не знаютъ, потому что Огаревъ находился въ офицерской комнатѣ, и особеннаго часоваго при немъ не было. Кромѣ сего объяснили: 1) рядовой Кадушкинъ что онъ, стоя на посту, видѣлъ какъ Огаревъ и Бутлеровъ уходили съ гауптвахты, но не останавливалъ ихъ, потомучто для сего надобно было ему оставить постъ; впрочемъ далъ знать объ этомъ унтеръ-офицеру Гаврилову; 2) унтеръ-офицеръ Гавриловъ показалъ, что объ уходѣ Огарева онъ тогда же сообщилъ дежурному офицеру Мамаеву, который немедленно послалъ двухъ рядовыхъ искать юнкера Огарева, и чрезъ полчаса привели его. О посылкѣ за Огаревымъ и приводѣ его обратно чрезъ полчаса подтвердили и всѣ прочіе нижніе чины. 3) Рядовые Кириловъ и Иваницкій, посылаемые для взятія Огарева, объяснили, что они, получивъ приказаніе искать Огарева, отправились съ гауптвахты, но не могли нагнать ушедшихъ, ибо (за множествомъ обозовъ и людей, стоявшихъ въ то время на площади вблизи гауптвахты), не могли замѣтить куда они скрылись. Какъ же квартира Бутлерова имъ не была извѣстна, то и не могли прямо прійти въ оную. По отысканіи чрезъ полчаса квартиры Бутлерова, увидѣли его уже лежащаго мертвымъ въ комнатѣ на полу, а юнкера Огарева, тамъ же находившимся нѣсколько въ нетрезвомъ видѣ. Идя оттуда съ Огаревымъ на гауптвахту, встрѣтили они трехъ рядовыхъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, кои вновь посланы были взять Огарева подъ караулъ.

4) Унтеръ-офицеръ Гавриловъ и рядовые Чикиріовъ, Майдюкъ и Лаптевъ подтвердили, что по приказанію караульнаго офицера корнета Копелева, шли они вмѣстѣ съ крѣпостнымъ человѣкомъ Бутлеровыхъ на квартиру ихъ взять юнкера Огарева, но на дорогѣ, встрѣтивъ его съ двумя конвойными, воротились вмѣстѣ съ ними на гауптвахту.

Командиръ 6 пѣхотнаго корпуса нашелъ подсудимаго Огарева виновнымъ въ томъ: 1) что онъ 5 января 1836 года, какъ самъ признался, пріѣзжалъ того же полка къ штабъ-ротмистру князю Вадбольскому въ саняхъ, каковые разъѣзды нижнимъ чинамъ не дозволены; 2) былъ въ квартирѣ князя Вадбольскаго въ нетрезвомъ видѣ и сдѣлалъ противу него дерзость; 3) отлучился изъ подъ ареста съ полковой гауптвахты въ квартиру корнета оренбургскаго уланскаго полка Бутлерова, и 4) умертвилъ корнета Бутлерова, выстрѣливъ въ него пулею изъ пистолета, снятаго со стѣны въ квартирѣ Бутлерова, когда послѣдній, будучи нетрезвымъ, удерживалъ его насильно въ своей квартирѣ и разорвалъ рукавъ его шинели; впрочемъ Огаревъ не признался въ умышленномъ убійствѣ Бутлерова, показывая, что даже и не зналъ того, что пистолетъ былъ заряженъ. За вышеозначенныя преступленія слѣдуетъ: Огарева разжаловать въ рядовые и выдержать въ крѣпости въ казематѣ одинъ годъ, а потомъ отправить его на службу въ отдѣльный сибирскій корпусъ, гдѣ для вящшаго восчувствованія сдѣланнаго имъ убійства, какъ одного изъ важнѣйшихъ преступленій, не представлять его ни къ производству, ни къ переводу въ другое мѣсто въ теченіи шести лѣтъ, и штрафъ сей записать въ формулярный его списокъ; въ отношеніи же умышленнаго убійства корнета Бутлерова оставить Огарева въ сильномъ подозрѣніи, и для очищенія совѣсти, предать его церковному покаянію, по назначенію духовнаго начальства.

Военный генералъ-аудиторіатъ призналъ Модеста Огарева виновнымъ въ самовольной отлучкѣ съ гауптвахты во время содержанія его подъ арестомъ и въ смертоубійствѣ корнета Бутлерова, выстрѣломъ въ него пулею изъ пистолета. Хотя Огаревъ и оправдывается тѣмъ, что онъ нечаянно застрѣлилъ Бутлерова, но что таковой выстрѣлъ въ Бутлерова не былъ дѣйствіемъ случайнымъ, а сдѣланъ Огаревымъ съ намѣреніемъ (во время ссоры съ Бутлеровымъ, или по вызову другъ друга

на дуель, доказывается показаніемъ крѣпостнаго 16-ти лѣтняго мальчика Иванова, который подъ присягою утвердилъ, что Бутлеровъ не переставалъ удерживать Огарева въ своей квартирѣ, разорвалъ Огареву шинель, тогда послѣдній разорвалъ Бутлерову рубаху и вызывалъ его стрѣляться, послѣ сего оба они сняли со стѣны пистолеты; Огаревъ кричалъ: отходи и стрѣляй, но Бутлеровъ на то не соглашался; засимъ послѣдовалъ выстрѣлъ въ Бутлерова. Хотя это свидѣтельство двороваго человѣка Иванова по закону и не составляетъ полнаго доказательства, ибо Ивановъ никогда не исповѣдывался и не пріобщался св. таинъ, но показаніе Иванова, что Бутлеровъ и Огаревъ схватили со стѣны пистолеты, подтверждается тѣмъ, что при осмотрѣ потомъ найденъ на полу возлѣ ногъ Бутлерова заряженный пистолетъ, о которомъ хотя Огаревъ изъяснилъ, что оный лежалъ на краю стола еще до прихода его въ квартиру Бутлерова и свалился въ то время, когда Бутлеровъ, падая на землю отъ выстрѣла, зацѣпился за дуло сего пистолета,—но не только сего Огаревъ ничѣмъ не доказалъ, а напротивъ того сверхъ вышеозначеннаго дворовагo человѣка Иванова, еще другой крѣпостной человѣкъ Бутлерова и братъ сего послѣдняго, бывшій въ той квартирѣ во время прихода Огарева, подтвердили, что ни одинъ изъ заряженныхъ пистолетовъ не былъ снятъ со стѣны до прихода корнета Бутлерова съ подсудимымъ Огаревымъ. На семъ основаніи юнкеръ Огаревъ подлежалъ бы наказанію, какое въ законахъ за умышленное смертоубійство положено, но какъ изъ обстоятельствъ дѣла видно: во 1-хъ, что начальнымъ поводомъ къ неудовольствію между корнетомъ Бутлеровымъ и юнкеромъ Огаревымъ былъ первый изъ нихъ, удерживая насильно на своей квартирѣ подсудимаго Огарева и розорвавъ ему шинель, отчего до нетрезвости тогда ихъ обоихъ произошла у нихъ ссора, слѣдствіемъ коей было убійство; и во 2-хъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія заключать, чтобы подсудимый Огаревъ, прежде таковой ссоры, имѣлъ злой умыселъ убить Бутлерова, то въ семъ уваженіи генералъ-аудиторіатъ, полагая: юнкера Огарева за самовольную отлучку изъ подъ ареста и за учиненное имъ смертоубійство, лишивъ юнкерскаго званія и дворянскаго достоинства, написать въ рядовые и для очищенія совѣсти предать церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Высочайшая конфирмація: «Быть по мнѣнію командира 6 пѣхотнаго корпуса. Николай. С.-Петербургъ. 11 марта 1837 года.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.

РУССКІЕ

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

Изд. АЛЕКСАНДРА ЛЮБАВСКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

[illegible]

1867.

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

изд. А. Любавскаго:

Русскіе уголовные процессы. Т. I. . Цѣна 3 р. 50 к.

Сборникъ иностранныхъ уголовныхъ процессовъ. . . . . Цѣна 2 » — »

Учебникъ уголовнаго права, по лекціямъ **П. Д. Калмыкова** (части общая и особенная). . . . . . . Цѣна 3 » 50 »

Печатаются:

Юридическія монографіи и изслѣдованія А. Любавскаго. 2 т. — Ц. за оба тома 2 р.

Русскіе уголовные процессы (по вопросамъ о вмѣняемости и вмѣненіи). Т. III.

Цѣна настоящей книги 2 р. 50 к.